

КОЛОМНА
И КОЛОМЕНСКАЯ ЗЕМЛЯ

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

Благотворительный фонд поддержки культуры
и сохранения исторического наследия
«Коломенский кремль»

КОЛОМНА И КОЛОМЕНСКАЯ ЗЕМЛЯ

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

Издательский дом «Лига»
Коломна, 2009

УДК 947(471.311)
ББК 63.3(2Рос-4Мос)
К61

Составители
Александр Гаврилович Мельник
Сергей Вячеславович Сазонов

Издание осуществлено при финансовой поддержке
ОАО «АЛЬФА ЦЕМЕНТ» (Holcim Group),
ОАО «Щуровский цемент»

и при участии Группы PRO-НАСЛЕДИЕ
www.pro-nasledie.ru

К61 Коломна и Коломенская земля: история и культура: Сборник статей / Составители А.Г. Мельник, С.В. Сазонов. — Коломна: Лига, 2009. — 424 с.: цв. ил.

ISBN 978-5-98932-013-4

В основу сборника легли материалы научной конференции «Коломна и Коломенская земля. Историко-культурное наследие и современность» (Коломна, 3 – 5 октября 2008 г.). В издании отражены основные периоды истории Коломны и окружающего ее региона, от раннего средневековья до наших дней.

Для историков, археологов, искусствоведов, специалистов-гуманитариев, студентов и более широкой аудитории.

УДК 947(471.311)
ББК 63.3(2Рос-4Мос)

ISBN 978-5-98932-013-4

© Тексты – авторы статей, 2009
© ИД «Лига» – дизайн, верстка, 2009

Содержание

От составителей	5
<i>Мазуров А.Б.</i> Двадцатилетие охранных археологических исследований Коломны: некоторые итоги	7
<i>Сыроватко А.С.</i> Ранний железный век в Коломенском крае: некоторые итоги изучения	23
<i>Аверьянов К.А.</i> Присоединение Коломны к Московскому княжеству	37
<i>Лаврентьев А.В.</i> Московско-рязанское соперничество за Коломну в 1385 г.	44
<i>Чернов С.З., Глазунова О.Н.</i> Девичье поле и село Протопопово по данным устной топонимической традиции (исследования 1995 г.)	58
<i>Козлова А.Ю.</i> Лексические единицы, используемые для обозначения Высших сил, в Коломенском списке Толковой Палеи 1406 г.	105
<i>Самошин С.И.</i> Экономика средневековой Коломны. Денежное обращение в Коломенском уезде в 1535 – 1584 гг.	118
<i>Мильчик М.И.</i> Коломенский кремль в кругу древнерусских крепостей, построенных итальянцами	128
<i>Мазурова Н.Б.</i> Количество башен Коломенского кремля в XVI в.	147
<i>Орловский С.П.</i> Памятник шатрового зодчества – церковь Успения в Коломенском кремле	178
<i>Маханько М.А.</i> Икона «Иоанн Предтеча Ангел пустыни» конца XIV в. из Коломны (ГТГ) и образ царского ангела в грозненском искусстве	190
<i>Лобакова И.А.</i> «Коломенские чудеса» в составе Заразского цикла	230
<i>Барсукова А.В.</i> Коломенские торговые ряды в середине XVI – 90-х гг. XVII вв.	244

<i>Мельник А.Г.</i>	
«Свои» святые Коломны XVI в.	257
<i>Полознев Д.Ф.</i>	
Из истории Коломенской епархии XVII в.	266
<i>Морозов Д.А.</i>	
Арабские источники XVII в. из Коломны.....	275
<i>Мельник А.Г.</i>	
Успенский собор XVII века в Коломне	287
<i>Мазуров А.Б.</i>	
«Не вели, государь, тому неправому чертежу верить!» (древнейший чертеж Коломны с окрестностями 1699 г.)	302
<i>Орловский С.П.</i>	
Памятник нарышкинского зодчества в окрестностях Коломны	312
<i>Ломако Е.Л.</i>	
Провинциальное купечество екатерининской эпохи	317
<i>Викторович В.А.</i>	
Коломенский текст русской литературы: к определению понятия.....	336
<i>Ярхо В.А.</i>	
Усадьба на берегу Оки	346
<i>Павлович М.К.</i>	
К истории книги Г.К. Вагнера и С.В. Чугунова «По Оке от Коломны до Мурома» (М.,1980)	378
<i>Григорьева С.А.</i>	
Первая общественная библиотека Коломенского края	387
<i>Крогиус В.Р.</i>	
Задача сохранения феноменальных составляющих культурного наследия Коломны как крупного исторического градостроительного комплекса России...393	
<i>Самошин С.И.</i>	
Коломенский краеведческий музей. Прошлое, настоящее, будущее	400
Сведения об авторах и составителях	420
Список сокращений	422

От составителей

В основу предлагаемого читателю сборника легли материалы конференции, которую подготовили и провели Благотворительный фонд «Коломенский кремль» и Группа PRO-НАСЛЕДИЕ 3 – 5 октября 2008 г. Существенную помощь в организации конференции оказали Администрация города Коломны, ОАО «Щуровский цемент» и Коломенский краеведческий музей. Кроме того, в издание включен ряд работ, специально написанных для него после конференции.

Коломна – один из древнейших центров России. Прошлое Коломенской земли тесно связано с основными этапами истории нашей страны. Коломна сыграла значительную роль в эпоху становления и укрепления Московского государства в XIV – XVI вв., став ключевым пунктом обороны его южного рубежа, это – звездный час города. Несмотря на то, что она и ее округа позже развивались синхронно с центральной частью России, в этом развитии наблюдались своеобразные черты.

Как и многие другие старые русские города, Коломна в начале нынешнего века оказалась на распутье. Развитие только по старому, индустриальному пути уже невозможно. А для новых векторов развития, постиндустриальных, нужны другие ресурсы. Эти «новые» (они же старые) ресурсы – историко-культурное наследие Коломенской земли. Как выясняется, именно наследие дает территории конкурентные преимущества при развитии индустрии туризма и гостеприимства, делает территорию привлекательной для больших потоков людей.

Актуальным становится новое обращение к данному наследию, к значимым (а может быть, и не самым значимым – тоже) событиям и явлениям истории, памятникам культуры и искусства. Совершенно очевидно, что без углубленного изучения всех этих явлений, помогающего их подлинному пониманию, они не могут быть эффективно использованы как ресурс для развития Коломны и ее региона.

Не менее актуальным не только с практической, но и с теоретической точки зрения представляется объединение усилий представителей различных наук в изучении столь многогранного феномена. Такое объединение призвано способствовать выработке комплексного и междисциплинарного подходов в изучении прошлого и сближению общественных и, шире, – гуманитарных наук. Поэтому к участию в конференции и сборнике мы постарались привлечь максимально широкий круг специалистов по истории, археологии, филологии, литературе, архитектуре, искусству, культуре и краеведению.

В результате возникло настоящее издание, дающее срез современных знаний по наиболее актуальным проблемам истории и культуры города, а также его региона, с древнейших времен до наших дней.

А.Б. Мазуров

Двадцатилетие охранных археологических исследований Коломны: некоторые итоги

В 2008 г. исполнилось 20 лет с момента организации постоянных охранных исследований в городе Коломне. Это хороший повод для подведения некоторых промежуточных итогов последних и анализа накопленного материала. Обзорный жанр не является сегодня распространенным в археологической литературе, но полезность его очевидна. Последний аналитический обзор по археологии Коломны по состоянию на 2004 г. включительно¹ подвел итоги начального изучения этого интересного археологического памятника. С тех пор появились новые материалы, нуждающиеся в осмыслении. Тем более важно познакомить с ними исследователей, занимающихся историей русского средневековья и Коломны, в частности, а не только коллег-археологов.

Коломна — один из средневековых городских центров Московской земли. Впервые упомянутая в 1177 г., в XII — XIII вв. она была одним из заметных удельных центров Рязанского княжества (вероятно, занимая третье место после самой Рязани и Пронска). В XIV — XV вв., в эпоху собирания Руси, Коломна стала (после присоединения в 1300 г.) вторым по значению после Москвы городом Московского княжества. В XVI — XVII вв. она входила в десятку крупнейших городов Московского царства, а в XVIII столетии превратилась в уездный город Московской губернии.

Целый ряд обстоятельств придают особое значение археологии Коломны. Во-первых, этот археологический памятник Московской земли систематически изучается уже довольно продолжительное время (непрерывно — с 1989 г.). Материальная культура Коломны XIV — XVII вв. может быть признана типичной для города московского периода русской истории. Для периода же XIV — XV вв. археологический материал Коломны, расположенной на древнейшей территории Московского княжества и ранее всего вошедшей в состав последнего, правомерно трактовать как эталонный. Вплоть до последнего времени в городской археологии Руси позднесредневековому периоду

¹ Мазуров А.Б. К столетию начала археологического изучения Коломны // Великое княжество Рязанское: историко-археологические исследования и материалы. М., 2005. С. 288 — 298; Предшествующие обзоры см.: Мазуров А.Б. Археологическое изучение Коломны: основные итоги и перспективы // Тр. VI Международного конгресса славянской археологии. М. 1997. Т. 2. Славянский средневековый город. С. 218 — 231; Он же. Основные итоги и перспективы археологического изучения Коломны // РА. 1998. № 1. С. 91 — 106.

не уделялось должного внимания, хотя значимость его очевидна. Древности XVI – XVII вв. представляют значительный интерес. Задача их пристального изучения поставлена самой практикой современной охранной археологии.

Во-вторых, Коломна пережила несколько раз радикальное изменение своего статуса, непосредственно отразившееся в археологическом материале. Немаловажно и то, что средневековая история этого городского центра хорошо изучена² и археологические материалы могут быть вписаны в соответствующий контекст, что не всегда осуществимо в других случаях. Возможности сопоставления с данными письменных источников здесь многократно возрастают, что выгодно отличает раннемосковский период от домонгольского. Так, например, обработка связанной с рыболовством остеологической и вещевой коллекции из Коломны при сопоставлении с актовными источниками привела к совершенно неожиданным выводам о становлении и развитии здесь княжеского хозяйства (его стольничего пути) в XIV – XV вв.³

Вплоть до 1990-х гг. археология Коломны – одного из крупных средневековых памятников Центральной России и крупнейшего в Подмосковье (площадь Кремля 24 га, Посада – около 300 га) – была мало известна специалистам. Между тем, за последние годы в процессе проведения охранных работ здесь накопился достаточный объемный новый материал. Стационарными раскопками охвачено более 8000 м² культурного слоя, наблюдениями – около 12000 м². Актуальным для современного состояния археологической науки в России является оперативное введение в научный оборот полученных данных. Охранные исследования ведутся во многих пунктах, но лишь небольшая часть материалов публикуется. Это разительно контрастирует со сложившейся практикой в западноевропейской (а шире – и мировой) археологии.

В археологическом изучении Коломны, начавшемся в 1903 г., четко выделяются три периода:

1) 1903 – 1930-е гг. – период первичного знакомства с городом как памятником археологии (работы Г.Т. Синюхаева, М.А. Ратманова⁴, А.В. Арциховского, К.Я. Виноградова, Н.П. Милонова). Наиболее масштабные раскопки провел Н.П. Милонов. Сохранность материалов по его исследованиям неудовлетворительна, но во многих случаях возможна реинтерпретация результатов на основе сопоставления с современными знаниями.

²Мазуров А.Б. Средневековая Коломна в XIV – первой трети XVI вв.: Комплексное исследование региональных аспектов становления единого Русского государства. М., 2001.

³Мазуров А.Б., Цепкин Е.А. Рыболовный промысел в XII – XVIII вв. (по данным раскопок в Коломне) // РА. 2003. № 4. С. 130 – 139.

⁴Подробное описание начала раскопок и полевые дневники см.: Мазуров А.Б. Начало археологического изучения Коломны // Вестник КГПИ. 2007. № 1 (2). Специальный выпуск, посвященный Всероссийскому дню славянской письменности и культуры (Коломна, 24 мая 2007 г.). С. 111 – 146.

2) 1947 – 1980-е гг. – период исключительного внимания к памятникам раннемосковской архитектуры (раскопки Н.Н. Воронина, М.Х. Алешковского, А.А. Молчанова).

3) с 1989 г. по сегодняшний день – период начала и широкого развертывания охранных археологических исследований (работы вели М.Г. Савицкий, В.Н. Огнев, В.Л. Державин, С.И. Самошин, А.С. Сыроватко, А.Б. Мазуров).

В 1989 г. в Коломенском краеведческом музее по инициативе М.Г. Савицкого⁵ создается отдел «Археологическая служба», который с 1996 г. выделяется в самостоятельную структурную единицу муниципального уровня. Параллельно создавались юридические основания для охранных исследований. В 1991 г. городскими властями принимается специальное решение об охране городского культурного слоя. Как и любые другие решения, затрагивающие хозяйственные и финансовые интересы лиц и организаций, далеких от потребностей науки, оно выполняется далеко не безупречно. Однако на его основе уже создана достаточно эффективная система, обеспечивающая проведение охранных мероприятий. Трудности работы в живом, развивающемся городе общеизвестны. Фактором, существенно осложнявшим работы, являлось то обстоятельство, что средневековая территория города в основном занята частными дворовладениями (т. к. вопрос о физических лицах не рассматривался в ст. 43 Закона об охране памятников 1978 г.). Это затруднение устранено с совершенствованием федеральной нормативно-правовой базы в сфере охраны памятников (Закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов РФ» от 25.06.2002 г. № 73-ФЗ).

Ил. 1. Раскоп по ул. Лазарева 1996 г. Начало работ.

⁵ Мазуров А.Б., Сыроватко А.С. Михаил Георгиевич Савицкий // Исторические чтения Коломенского государственного педагогического института. Коломна, 2003. Вып. 3. С. 76 – 80.

Ил. 2. Раскоп по ул. Пушкина в 1999 г. Справа — остатки подвалов торговых рядов конца XVIII в. Слева — канализационные колодцы XX в. На дальнем плане — подполья торговых лавок, XVII в.

В результате археологического изучения культурного слоя Коломны в 1990-х — начале 2000-х гг. охвачены ключевые точки средневекового города. Получены характеристики практически всех участков городской территории. Работы в Коломне можно подразделить на стационарные раскопы (площадью 100 — 280 м², самый большой городской раскоп имел площадь 860 м², раскоп в Старо-Голутвине монастыре имел площадь 4000 м²) и наблюдения (ил. 1, 2). В лучшей степени изучен Кремль, в меньшей — Посад. В ряде случаев изучение локальных участков крупных или двух близрасположенных раскопов дало возможность охарактеризовать становление микрорайонов средневекового города. Так, на Посаде прослежено становление Михайловской и Симеоновской слобод XIV — XVI вв., Рыбного ряда Коломенского торгова. В Кремле изучено начало ул. Ильинской, окончание ул. Большой, прилегающий к великокняжескому двору участок. Несмотря на очень существенное приращение наших знаний, необходимо все же отметить, что пока идет начальный этап освоения (стадия накопления) такого крупного археологического памятника, каким является средневековая Коломна.

Основные итоги археологического изучения Коломны.

1. Догородские поселения. Позднейшая городская территория эпизодически обживалась в каменном веке. В центре Коломенского кремля в 2006 г. обнаружена стоянка эпохи финального палеолита. При раскопках на площади 45 м² обнаружен один объект — очаг, заполненный кальцинированными костями. Кости ледниковой фауны не представлены. Коллекция находок состоит из 415 кремневых предметов. Предварительно, стоянка может быть двухслойной. По данным споро-пыльцевого анализа и кремневой индустрии, стоянка датируется временем 12 —

14 тыс. лет назад⁶. Следующие по времени находки могут быть отнесены к раннемезолитическому времени (иеневская культура – топовидное орудие, скребки, нуклеусы). Отмечены на территории города и артефакты бутовской культуры эпохи мезолита. Неолитическая керамика найдена на Посаде близ берега Москвы-реки (подъемный материал). Имеются также находки эпохи бронзы (сетчатая керамика). Из городских слоев происходят три каменных шлифованных топора, но все они связаны с вторичным использованием их средневековым населением. Ни в одном из перечисленных случаев не выявлен культурный слой поселений, речь может идти только о единичных находках. Стабильное поселение возникло в раннем железном веке и связано с носителями дьяковской культуры. Оно располагалось в районе сквера «Блюдечко» (мысовая часть Коломенского кремля) и ориентировалось на прибрежную часть разветвленного оврага, врезанного во вторую надпойменную террасу. Анализ сетчатой керамики из двух раскопов 1995 г. и ее картографирование позволили выяснить, что поселение существовало в рамках всех основных периодов развития (с разрывом) дьяковской культуры низовьев Москвы-реки. Намечено два этапа хозяйственной активности, что устанавливается благодаря планиграфии керамических находок. Это было специализированное земледельческое поселение (выявлены следы культивации почв мотыгами) дальней округи (в 2,5 км) от базового крупного городища – у с. Городищи на р. Коломенке⁷.

В результате работ последних лет доказано, что на территории позднейшего средневекового города находилось достаточно крупное поселение начального этапа славянской колонизации Подмосковья, занимавшее площадь около 5 га и документированное находками лепной и раннекруговой керамики с небогатым вещевым комплексом. Выяснилось, что район Коломенского Поочья был одним из заметных узлов ранней славянской колонизации Подмосковья (в округе выявлено более 10 памятников этого типа). Ранее атрибутировавшиеся как позднедьяковские памятники на самом деле относятся к славянским позднероменским или ранневятическим (исследователи определяют их культурную принадлежность по-разному: А.А. Юшко склоняется к первому варианту, В.Ю. Коваль – ко второму). Проведенное В.В. Черкасовым исследование открытого комплекса лепной и раннекруговой керамики из Коломны показало, что он датируется не позднее второй половины

⁶ Чувиляева Ю.Н. Древнейшая стоянка на территории Коломенского края. Открытие 2006 г. // История и культура Подмосковья: проблемы изучения и преподавания: Сб. статей III Областной науч.-практ. конф. (Коломна, 27 сентября 2007 г.). Коломна, 2007. С. 5 – 17.

⁷ Мазуров А.Б., Сыроватко А.С. Дьяковское поселение «Блюдечко» в Коломенском кремле // Вестник КГПИ. 2006. № 1. С. 34 – 46.

X – XI вв.⁸ Важно подчеркнуть, что в Коломне найден ряд ранних датирующихся находок, связанных с этим поселением: две гладилки второй половины X в.⁹ и подковообразная фибула, происходящая из Юго-Восточной Балтики (вероятно, с полуострова Самбия) с датой ок. 950 г.¹⁰ Можно утверждать, что это поселение никак не было связано с городом и между ними существовал хронологический разрыв.

2. *Проблема возникновения и древнейшего этапа истории города XII – XIII вв.* В ходе анализа полученных при раскопках комплексов выяснено, что город возник чуть ранее даты первого летописного упоминания (1177 г.), около середины XII в. Массовые находки городского характера относятся именно к середине – второй половине XII в. Это курганная керамика в основном с линейным орнаментом, вятический комплекс украшений (височные кольца и решетчатые перстни), классический домонгольский набор находок (стеклянные браслеты, бусы, перстни, сосуды, шаровидные и бипирамидальные бусы из горного хрусталя и сердолика, шиферные пряслица, амфорная керамика). К сожалению, до сего времени не удалось обнаружить домонгольский детинец Коломны, у стен которого состоялось знаменитое сражение с монголами зимой 1237/38 г. Картографирование раскопов с учетом древнего рельефа позволило методом исключения гипотетически локализовать его в северо-восточной части Кремля 1525 – 1531 г. и оценить площадь не более чем в 3 – 5 га¹¹. Удалось открыть древнейший некрополь Коломны, для которого характерна последовательная смена погребального обряда¹². Датировка могильника надежно определяется в рамках середины – третьей четверти XII в., т. е. очень узким отрезком не более чем в 3 – 4 десятилетия, на протяжении которых кардинально изменилась погребальная традиция. Древнейший период представлен курганным некрополем (полностью вскрыт кольцевой ровик одного кургана, еще два ровика – затронуты) с погребениями (не сохранились) на горизонте или на подсыпке. Это один из самых поздних курганных городских некрополей Древней Руси, которые обычно датируются XI – первой половиной XII вв. Его сменило типичное христианизированное

⁸ Черкасов В.В. Лепная и раннекруговая керамика г. Коломны (по материалам раскопок в 1991 – 2002 гг.). К вопросу о раннем славянском поселении // Вестник МГУ. Серия 8. История. 2008. № 5. С. 69 – 94.

⁹ Одна из них опубликована. См.: Мазуров А.Б. Основные итоги и перспективы археологического изучения Коломны // РА. 1998. № 1. С. 91 – 106. Следует отметить, что среди гладилок могут быть позднесредневековые находки XVII столетия, известные в западноевропейской археологии.

¹⁰ Кулаков В.И., Сыроватко А.С. Подковообразная фибула из Коломны // КСИА. М., 2003. Вып. 215. С. 51 – 58.

¹¹ Мазуров А.Б. О расположении детинца и размерах Коломны в XII – XIII вв. // Краеведческие записки. Сб. науч. тр. Коломенского краеведческого музея. Коломна, 2001. С. 27 – 35.

¹² Мазуров А.Б. Древнейший некрополь Коломны XII в. // КСИА. М., 2004. Вып. 216. С. 88 – 96.

кладбище (8 грунтовых погребений без инвентаря, совершенных в межкурганном пространстве). В конце XII в. некрополь был спланирован в ходе роста городской территории.

Полученные при раскопках свидетельства позволяют уверенно констатировать, что в конце XII – первой трети XIII вв. город пережил интенсивный рост. Заселенная площадь достигла размеров в 35 га, в округе сформировался агроландшафт (пашни). Среди торговых связей доминировало южнорусское (шиферные пряслица, стеклянные изделия, энколпионы) и причерноморское направления. В целом для домонгольского времени Коломна была типичным «малым городом» Руси, одним из 66 городов, где, по данным письменных источников, имелись княжеские резиденции. Предмонгольский расцвет города надо поставить в связь с таким фактом его политической истории, как появление здесь в 1180-х гг. особого княжеского стола (в составе Рязанской земли).

3. *Коломна в XIV – XV вв.* Раскопки в Коломне позволяют говорить о проблеме континуитета или разрыве преемственности в послемонгольское время (вторая половина XIII – начало XIV вв.)¹³. Констатируется не только восстановление, но и дальнейшее развитие города (найжены постройки и ярусы застройки 1240-х и 1290-х гг., в этот же период осваиваются новые районы – в частности побережье Москвы-реки вниз от Кремля). Резкая интенсификация городской жизни, прямо отраженная в археологических материалах, пришлась на XIV – XV вв.

Об этом свидетельствуют, в первую очередь, подробно исследованные в нескольких точках укрепления XIV – XV вв. Важно подчеркнуть, что это не один разрез, а несколько стационарных раскопов как непосредственно на валу, так и на предвалье (внутри Кремля) (ил. 3). Овально-округлые в плане дерево-земляные укрепления Коломны охватили площадь 20 – 22 га, что по масштабам охваченной территории ставит Коломну на один уровень с синхронными укреплениями Москвы (кремли Калиты – 19 га и Дмитрия Ивановича – 23 га). Они больше, чем синхронные кремли столиц соседних княжеств: Твери (19 га) и Переяславля-Рязанского (12 га). Очевидно, московские князья, обустривая свой удельный центр, руководствовались как идеей создания сильной крепости на пути основных маршрутов вторжения татар, так и соображениями престижа. Их резиденция должна была соответствовать столичному уровню. Принципиально важно, что время создания этого масштабного Кремля падает на первое десятилетие XIV в. (очевидно, непосредственно после присоединения Коломны к Московскому княжеству): на шлейфе насыпи

¹³ Мазуров А.Б. Эволюция Коломны в XIII – XIV вв.: от малого города Древней Руси к домену великого князя московского // Русь в XIII в.: Древности темного времени. М., 2003. С. 83 – 91.

Ил. 3. Изучение валов Коломны XIV – XV вв. Деревянные конструкции тыльной части вала (II – IV этапы). Раскоп по ул. Лазарева 2001 г.

первого этапа вала был сооружен сруб 1307 г. На протяжении двухсотлетнего существования (до 1525 г.) раннемосковские фортификации Коломны постоянно совершенствовались и подновлялись¹⁴. Второй этап датирован дендрохронологически рубежом 1320 – 1330-х гг., т. е. временем Ивана Калиты. Третий этап на одних участках относится к 1370-м гг. (отдельные участки сгорели при пожаре во время нашествия Тохтамыша в 1382 г.), на других – рубежом 1380 – 1390-х гг. Четвертый этап пришелся на 1390 – 1400-е гг.¹⁵ В его подошву оказалась впущена постройка с погребом 1418 г. Конструкции и этого этапа обгорели, как полагаем, в Едигеево нашествие 1408 г. В 2001 г. впервые удалось выделить пятый этап сооружения валов (вторая четверть – середина XV в.). Данные археологии и письменных источников, подчеркивающих военную значимость Коломны, коррелируются полностью.

После вхождения Коломны в состав Московского княжества московские князья обустривают здесь свой двор. Раскопками затронута такая существенная часть его ансамбля, как Воскресенская домовая церковь (ил. 4, 5). Исследования позволили уточнить по граффити на белокаменном подклете дату строительства четверика церкви (самое начало XVI в.), ранее храм существовал как деревянный. Выявлен прицерковный некрополь XIV – первой половины XVIII вв. Такие редчайшие находки, как обломок китайского селадонного блюда (всего в Коломне за все время раскопок найдено два обломка подобного типа) и бронзовая просечная икона-энколпий «Лоно Авраамово» XIV – XV вв., подчеркивают высокий социальный статус храма.

¹⁴ Мазуров А.Б. Топография и хронология укреплений Коломны XIV – XV вв. // Проблемы истории Московского края: Тез. докл. IV регион. науч. конф., посвященной 75-летию образования Московской области (Москва, 25 февраля 2004 г.). М., 2004. С. 13 – 16.

¹⁵ Черных Н.Б., Карпухин А.А. О хронологии оборонительных сооружений Коломны XIV в. (по данным дендроанализа) // КСИА. М., 2004. Вып. 216. С. 97 – 103.

Ил. 4, 5. Воскресенская домовая церковь. Раскопки 2001 г.

Вверху: остатки мощеной дороги, паперты и основания ограды XIX в.

Внизу: уровень дневной поверхности у апсид храма начала XVI в. с белокаменными резными надгробиями XVII в.

Археологические данные свидетельствуют о том, что в XIV в. сложились основные звенья градостроительной структуры Коломны. В ряде случаев удалось изучить процессы становления средневековых слобод. Так, при раскопках Михайловской слободы (раскоп по ул. Гранатной), располагавшейся к западу от Кремля, выявлено, что усадебная застройка появилась тут в XIV в. и была представлена единовременно нарезанными вдоль улицы (ориентированной на храм Архангела Михаила) усадьбами прямоугольного плана. На одной из усадеб был найден крупный гончарный горн (ил. 6) с обломками болгарской керамики внутри. По найденным в предгорновой яме золотоордынским монетам ханов Кильдибека и Хызра горн функционировал в 1360-е гг., а прекращение его работы можно связать с Тохтамышевым разорением Коломны в 1382 г. Таким образом, это узко датированный объект¹⁶. Он помогает пролить свет на происхождение московской красной лощеной керамики.

¹⁶ Мазуров А.Б. Гончарный горн XIV в. из раскопок в Коломне // Проблемы истории Московского края. Тез. докл. регион. науч. конф., посвященной 855-летию Москвы и Подмосковья (Москва, 26 февраля 2002 г.). М., 2002. С. 15 – 17.

Ил. 6. Гончарный горн (низ обжигательной камеры) 1360 — 1370-х гг. Раскоп по ул. Гранатной 1998 г.

В ранний период (XIV — начало XV вв.) на изученных усадьбах явно присутствовали выводцы (беглецы во время «великой замятни») из Волжской Болгарии. Здесь отмечены не прослеженные ранее нигде в Коломне находки обломков чугунных котлов, большое количество произведенной здесь же в болгарских традициях керамики, присутствовала кашинная и зеленополивная восточная керамика, золотоордынские монеты. На еще одной усадьбе на протяжении трех строительных горизонтов отмечены следы обработки меди (тигли, выплески, обрезки меди, заготовки заклепок, цельнолитые и изготовленные при помощи холоднойковки вещи), совмещенной с обработкой кости. Всего на усадьбе изучено семь горизонтов застройки, датирующихся в пределах XIV — третьей четверти XVI в. Принципиально важным является тот факт, что усадьбы и XIV, и XV, и первых трех четвертей XVI в. одинаковы и по размерам, и по конфигурации, и по социально-экономической характеристике (ремесленное посадское население). Это позволяет считать, что охарактеризованная в писцовых книгах XVI в. посадская застройка может считаться типичной и для раннемосковского времени.

К востоку от Кремля в ходе раскопов и наблюдений по ул. Посадской изучено становление Симеоновской слободы, центром которой был храм Симеона Богоприимца. Храм возник, судя по прицерковному кладбищу, в конце XIII — первой половине XIV вв. на месте ранее существовавших пашен. Территория кладбища была ограничена частоколом. Рядом располагались усадьбы горожан, на которых выражена ремесленная ориентация населения в XIV — XV вв.

Данные археологии свидетельствуют, что в послемонгольское время (вторая половина XIII — XIV вв.) на фоне резкого усиления конфессионального самосознания и религиозности широких масс происходило становление приходской системы в городе. Проведенные раскопки некрополей ряда приходских

храмов (Николы Гостиного, Борисоглебского, Симеона Богоприимца, Норовской иконы Божией Матери на Торгу, неизвестного по посвящению храма на берегу оз. Бельского) говорят об их возникновении в XIII – XIV вв.

Подъем города в XIV – XV вв. проявился и в расцвете торговли, в частности, международной. Она хорошо реконструируется по находкам восточной керамики. Число и ассортимент фрагментов пиал, блюд, кувшинов, ваз для розовой воды (гюльабдан), миниатюрных сосудиков из Коломны в пересчете на вскрытую площадь является одним из самых высоких показателей для Северо-Восточной Руси¹⁷. Индикатором интенсивности контактов (как прямых, так и транзитных) Орды с Коломной являются находки трех экземпляров фрагментов глазурованных архитектурных плиток от панно (нигде, кроме Коломны, в городских центрах Руси не найдены), привезенных, скорее всего, как диковинный сувенир. Наиболее яркие и интересные находки керамического импорта, представленные большими сериями, относятся к середине XIV – началу XV вв.

4. *Коломна в XVI – XVIII вв.* В археологическом отношении этот период изучен в городских центрах России слабо. Слои XVI – XVIII вв. активно исследуются во многих городах в процессе охранных исследований. Но в научный оборот эти материалы вводятся крайне недостаточно.

Большой интерес представляет раскопанный участок коломенского торгового двора XVI – XIX вв. Подобные объекты нечасто становятся предметом исследования. Из городов Замосковского края, пожалуй, можно назвать лишь Волоколамск, где выявлены остатки двух торговых лавок начала XVII в. (кожевенной и продуктовой)¹⁸. Данные письменных источников говорят о том, что в Коломне раскопана часть Рыбного ряда. В XII – XV вв. на участке существовала обычная посадская застройка. Однако в XVI – XVII вв. появляются специализированные торговые помещения, выстроенные в ряд и археологически представленные глубокими подпольями разнотипной конструкции. По-видимому, в Коломне были проведены те же мероприятия, что и в Москве в конце XV в., когда застройка вдоль Кремлевских стен от р. Неглинной (на современной Красной площади) была уничтожена и обращена в площадь для торговли. В одном из подполий лавки середины XVII в., погибшей в пожаре, был обнаружен уникальный комплект торговых гирь (двух видов: призматические с ручкой и в виде параллелепипеда) с клеймением, фрагменты безмена, сечка для разрубания рыбы и большое количество костей крупных рыб. В конце XVIII в.

¹⁷ Мазуров А.Б., Коваль В.Ю. Керамический импорт средневековой Коломны // Археология Подмосковья: Материалы науч. семинара. М., 2004. С. 285 – 308.

¹⁸ Археологическая карта России. Московская область. М., 1995. Ч. 2. С. 14.

в соответствии с регулярным планом застройки на участке раскопа были возведены строения кирпичного Гостиного двора с глубокими белокаменными подвалами. В целом на раскопе удалось проследить смену жилой застройки позднесредневековым торгом, а того, в свою очередь – регулярным Гостиным двором.

Большое значение имеют полученные по периоду XVI – XVIII вв. материалы по домостроительству и рядовой застройке. На раскопе по ул. Гранатной была изучена крупная постройка общественного назначения, с подпольем площадью около 120 м² и полом, выложенным кирпичом «в елочку». Она датируется ранними монетами Михаила Федоровича конца 1610 – 1620-х гг. После реконструкции на ее месте существовали менее значительные сооружения, с одним из которых связан клад, сокрытие которого датируется ок. 1704 г. В древней Кузнецкой слободе (по ул. Яна Грунта и Уманской) изучены довольно редкие производственные сооружения допетровского времени: гончарный горн второй половины XVII в., кирпичеобжигательные печи XVI в., кузнечный горн XVI – XVII вв.

В окончании ул. Большой удалось раскопать подполье избраженного на рисунке М.Ф. Казакова 1778 г. дома, что впервые обеспечило достоверную реконструкцию целой серии заглубленных в материк сооружений XV – XVIII вв. Рядом с храмом Симеона Богоприимца (стоял недалеко от пересечения современных улиц Посадской и пер. Москворецкого) выявлены следы пожара 1792 г., в слое которого обнаружена редчайшая для раскопок находка – литургическое копие (для приготовления Св. Даров). Научный интерес представляют и результаты изучения ряда позднесредневековых некрополей.

Накоплен некоторый материал для археологической характеристики монастырских комплексов (Брусенский и Старо-Голутвин монастыри). Особенно большие работы проведены в Старо-Голутвине монастыре. Общая вскрытая площадь там превысила показатель 4000 м². Изучены не только фундаменты белокаменного храма конца XIV в. внутри Богоявленского собора, но и значительные пространства по всей территории обители (монастырский сад, западный участок и др.).

Выяснилось, что близ устья Москвы-реки остались следы обитания практически всех эпох, начиная с мезолита. Имеется развал льяловского горшка, керамика поздней бронзы и кремневые наконечники поздняяковского времени, материал ранней дьяковской культуры, раннеславянский материал X – XI вв., средневековые находки. Археологически выявлены следы монастырского сада.

В результате пятнадцатилетних исследований в Коломне сформирована первичная дендрохронологическая коллекция. Всего изучению подвергнуты более 100 образцов с крайними хронологическими датами шкалы 1186 – 1419 гг. Наибольшее их количество

получено из раскопов в районе церкви Воздвижения Креста Господня у Пятницких ворот. Определение древесины позволило констатировать, что в Коломне применялся редкий прием комбинированного строительства из хвойных и лиственных пород одновременно. На основании дендрохронологического датирования построена хронология оборонительных сооружений XIV – XV вв.¹⁹ В задачу работ в Коломне входит увеличение базы данных по дендрохронологии и продолжение шкалы в XV – XVIII вв.

В ходе раскопок получена большая вещевая коллекция. Отдельные категории находок уже подвергнуты тщательному исследованию. Среди них в наибольшей степени исследована керамика. В.В. Черкасовым подготовлена и успешно защищена в МГУ кандидатская диссертация на тему «Круговая керамика Коломны XII – XVIII вв. (эволюция гончарной продукции)»²⁰. Ему удалось выделить в гончарстве три традиции (сложившиеся во второй половине XII – первой половине XIII вв.; XIV в. и второй половине XV в.). Важно отметить, что в Коломне очень рано началось освоение белоглиняной керамики из тонких формовочных масс. Истоки этого явления восходят к XIV в. Уже во второй половине XV в. белоглиняная керамика составляет 3/4 всей посуды. В XVI – XVII вв. стандартизированная белоглиняная керамика широко распространяется по всей стране. Выявлены важные отличия коломенского керамического производства от московского. Так, со второй половины XIV столетия (ранее, чем в Москве) коломенские гончары начинают применять способ ангобирования белой глиной красноглиняных сосудов. Довольно рано (в третьей четверти XIV в.) в Коломне зародилось собственное производство красной лощеной посуды, что связано с поселением в Коломне выходцев из золотоордынской Волжской Болгарии. Производство же черной лощеной керамики начинается существенно позднее, чем в Москве, где она известна уже с конца XV в. и широко распространена в XVI столетии. Напротив, в Коломне она массово входит в быт только с XVII в. и изготавливается не из красных, а из белых глин, что давало максимально черный цвет поверхности.

С.Н. Козина изучала гончарные клейма средневековой Коломны, обобщив материалы за 1990 – 1999 гг.²¹ На основании исследования 80 клейм она пришла к выводу о том, что период их максимального распространения пришелся на домонгольское время. Однако, если к XIV в. на Руси клейма почти повсеместно исчезают, в Коломне они продолжают встречаться на бело-

¹⁹ Черных Н.Б., Карпухин А.А. О хронологии оборонительных сооружений Коломны XIV в. (по данным дендроанализа) // КСИА. М., 2004. Вып. 216. С. 97 – 103.

²⁰ Черкасов В.В. Круговая керамика Коломны XII – XVIII вв. (эволюция гончарной продукции). Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 2004.

²¹ Козина С.Н. Гончарные клейма средневековой Коломны // Краеведческие записки. Сб. науч. тр. Коломенского краеведческого музея. Коломна, 2001. С. 36 – 42.

глиняной гладкой посуде до конца XV в. Значительное сходство по общему рисунку клейм отмечено со Старой Рязанью. Для XV столетия типичны квадратные клейма (в том числе вдавленные). Имеются в коллекции и индивидуальные клейма (кириллические буквы: «зело», «иже», «наш»; квадрифолийное).

Керамические игрушки (почти 400 фрагментированных и целых экземпляров) из раскопок 1999 – 2000 гг. систематизированы В.В. Черкасовым²². В Коломне с XV – XVI вв., несомненно, существовало их собственное производство. В XV – XVI вв. игрушки изготавливали преимущественно из красной глины, а в XVII – XVIII вв. – из белой. Прослежена тенденция постепенного перехода от натуралистичных игрушек XV – XVII вв. к стилизованным поделкам XVII – XVIII вв., технологически более простым.

Рыболовные грузила из глины были изучены автором статьи²³. Оказалось, что белоглиняные грузила XV – XVI вв. отличаются от аналогичных XVII – первой половины XVIII вв. Очень индивидуальны укрупненные грузила второй половины XVIII – XIX вв.

Значительная коллекция найденного в Коломне керамического импорта XII – XVII вв. также введена в научный оборот²⁴. Эта категория находок очень четко отражает изменения в статусе города. Домонгольскому периоду соответствуют небольшое количество амфорной керамики (15 экз., в том числе редкая разновидность, представленная верхней третью небольшого сосуда) при полном отсутствии поливной (имеются лишь единичные древнерусские фрагменты последней). Раннемосковский период характеризуется многочисленной золотоордынской керамикой (166 обломков от 94 сосудов) второй половины XIV в. и 25 обломками (от 21 сосуда) XIV – XV вв. из Византии и стран Причерноморья. Редкие находки из Закавказья, Турции, Ирана, Китая (два фрагмента селадоновых сосудов) характеризуют поздний этап внешних связей города XIV – XVII вв. Становится очевидным, что керамический импорт в полной мере отразил очень высокий (приближающийся к столичному) статус Коломны XIV – XV вв., когда она была главным домениальным городом великого князя московского.

Несмотря на значительные достижения в исследовании коломенской керамики, остаются пока не изученными местные изразцы, строительная и техническая керамика, курительные трубки.

Д.О. Осипов изучил найденную в пределах усадьбы, где

²² Черкасов В.В. Коломенская глиняная игрушка XV – XVIII вв. в игровой культуре средневековой Руси (по материалам археологических раскопок в Коломне в 1990 – 2000 гг.) // Археология Подмосковья: Материалы науч. семинара. М., 2004. С. 309 – 320.

²³ Мазуров А.Б., Цепкин Е.А. Рыболовный промысел в XII – XVIII вв. (по данным раскопок в Коломне) // РА. 2003. № 4. С. 130 – 139.

²⁴ Мазуров А.Б., Коваль В.Ю. Керамический импорт средневековой Коломны // Археология Подмосковья: Материалы науч. семинара. М., 2004. С. 285 – 308.

в XIII – XIV вв. функционировала сапожная мастерская, коллекцию кожаной обуви²⁵. Мастерская обуви работала на готовом сырье. Исследования коломенских находок позволили уточнить время появления отдельных форм обувных деталей. Т.Н. Ульянова систематизировала коллекцию предметов вооружения, снаряжения всадника и коня из раскопок 1991 – 2006 гг.²⁶ Имеется также работа, систематизирующая находки из кости²⁷.

Наиболее ранний клад (вероятно, XIV – XV вв.) в Коломне был обнаружен еще в 1760 г.²⁸ При раскопках в Коломне были обнаружены четыре монетных клада. Два из них (12 ранних монет Михаила Федоровича 1614 – 1620-х гг. и 896 монет Романовых XVII – самого начала XVIII в., сокрытых около 1704 г.) найдены при раскопках на ул. Гранатной²⁹. Еще два клада начала XVII в. из раскопа по ул. Болотникова также опубликованы³⁰. Нумизматические находки мелких номиналов (медные пула) встречались в датированных слоях XVII в., что может решить спорный вопрос об их бытовании в это время. Особенно велико значение находок монет удельного периода из меди и серебра в культурном слое (всего в Коломне их обнаружено 15 экз.). Нумизматами выделена особая категория монет с надчеканками «коломенского» типа (испорченная арабская надпись «малик», т. е. «князь»), топография которых свидетельствует об их происхождении из Коломны или ее окрестностей³¹. Недалеко от Коломны обнаружен редчайший клад серебряных монет удельного периода начала XV в.³² Из предметов, связанных с торговлей, в Коломне найдены полностью сохранившиеся костяные весы, предназначенные для отбраковки легковесных, фальшивых и обрезанных монет. Проверка коломенских весов показала, что они начинают «работать» с веса 0,84 г. Из хорошо датиро-

²⁵ Осипов Д.О. Кожаная обувь из раскопок в Коломне // Археология Подмосковья: Материалы науч. семинара. М., 2005. Вып. 2. С. 45 – 53.

²⁶ Ульянова Т.Н. Вооружение средневековой Коломны (XIII – XVII веков) по материалам археологических работ 1991 – 2006 гг. // Археология Подмосковья: Материалы науч. семинара. М., 2008. Вып. 4. С. 195 – 221.

²⁷ Кущова О.Ю. Косторезное ремесло Коломны XII – XIX веков (по материалам археологических раскопок 1991 – 2006 гг.) // Студенческая молодежь Подмосковья и общественные науки. Материалы III областной науч. студенческой конф. 14 мая 2008 г., г. Коломна. Коломна, 2008. С. 83 – 85.

²⁸ Мазуров А.Б. О находке клада в г. Коломне в 1760 г. // Исторические чтения КГПИ. Коломна, 2008. Вып. 5. С. 195 – 196.

²⁹ Мазуров А.Б., Самошин С.И. Монетные находки XVI – начала XVIII вв. из Михайловского раскопа в г. Коломне // Великое княжество Рязанское: историко-археологические исследования и материалы. М., 2005. С. 320 – 325.

³⁰ Сыроватко А.С., Самошин С.И. Нумизматические находки из раскопок 2003 г. в Коломне // Археология Подмосковья: Материалы науч. семинара. М., 2004. С. 357 – 360.

³¹ Волков И.В. Особенности денежного обращения на рязанско-московском пограничье в последней четверти XIV – начале XV века // Археология Подмосковья: Материалы науч. семинара. М., 2004. С. 353 – 356.

³² Самошин С.И. Клад русских монет конца XIV – начала XV веков из окрестностей Коломны (предварительный анализ) // История и культура Подмосковья: проблемы изучения и преподавания. Тез. докл. областной науч.-прак. конф. Коломна, 2003. С. 83 – 84.

ванных слоев происходят три монетные гирьки, соответствующие счетным единицам в алтын, пять алтынов и полтинеслитку конца XIV – самого начала XV вв.³³

До настоящего момента в Коломне не найдено ни одной древнерусской печати. Не исключено, что это обстоятельство связано с недоступностью пока для исследований территории древнейшего детинца Коломны домонгольской эпохи. В коллекции имеется лишь заготовка с частично отпечатавшимся точечным ободком, датированная по слою XIV – XV вв. Вместе с тем надо отметить, что на территории обширной коломенской округи кладоискателями найдено уже три моливдовула: киевского князя Святополка Изяславича (1093 – 1113 гг.), новгородского Мстислава Владимировича (1096 – 1113 гг.) и неизвестного пока князя (с изображением св. Косьмы и Георгия) конца XII – первой половины XIII вв.³⁴

Одним из интереснейших и представительных в вещевой коллекции из Коломны является раздел металлопластики, охватывающий период от XII до XVIII – XIX вв. Наиболее древние и интересные образцы домонгольского литья введены в научный оборот³⁵. Это створки энколпионов Борисоглебского XII – первой половины XIII вв., с Богородицей (Одигитрией Перивлептой) первой трети XIII в., и целый энколпион из серии широко известных и давно описанных крестов с зеркальной надписью «С(вя)тая Бобобце (испорченное «Богородице». – А.М.) помагай» первой трети XIII в. Интересно отметить, что все коломенские экземпляры отлиты по оттиску в глине с оригинала, не исключено, что на месте. Перечисленные находки представляют наиболее многочисленные серии древнерусских нагрудных крестов-реликвариев XII – XIII вв.

Таким образом, организованные в Коломне с 1989 г. широкие охранные исследования дали серьезные научные результаты. Полная их публикация, как представляется, станет важным событием в археологическом изучении как городов Московской земли, так и средневековой Руси в целом. Дальнейшая работа должна быть направлена на углубленное изучение материальной культуры Коломны XII – XVII вв., с разработкой типологии и хронологии отдельных категорий находок. Приоритетными задачами на ближайшие годы является изучение: 1) погребальных памятников и селищ раннего периода славянской колонизации; 2) ближней сельской округи города; 3) волостных территорий Коломны – и продолжение охранных исследований в городе.

³³ Самошин С.И., Мазуров А.Б., Сыроватко А.С. Средневековые монетные гирьки и весы из раскопок в Коломне // Археология Подмосковья: Материалы науч. семинара. М., 2005. Вып. 2. С. 75 – 77.

³⁴ Янин В.Л., Гайдуков П.Г. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2002 г. // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Материалы науч. конф. (Новгород, 28 – 30 января 2003). Новгород, 2003. Вып. 17.

³⁵ Мазуров А.Б. Древнерусские кресты-энколпионы из Коломны // Русь в IX – XIV веках: взаимодействие Севера и Юга. М., 2005. С. 78 – 84.

А.С. Сыроватко

Ранний железный век в Коломенском крае: некоторые итоги изучения

С появлением в Коломне своих исследовательских коллективов расширилось число разрабатываемых научных направлений в области археологии, и одним из них стало изучение железного века в юго-восточном Подмоскowie. Резко изменилась ситуация со второй половины 1990-х гг. Причем изменилась настолько, что в настоящее время данный регион стал, пожалуй, одним из самых исследованных. Раскопки автора среди прочих не особенно велики по объему. В 1996 – 1998 гг. нами велись охранные работы на Городищенском городище – памятник получил сильные повреждения в результате начавшегося было на нем коттеджного строительства (ил. 1). Заслуга в прекращении стройки принадлежит М.Г. Савицкому, а раскопки на поврежденных участках исследовались автором. Параллельно с Городищенским городищем были предприняты обследования городищ Протопоповское (1996), Погост Красно (1997), Городна I, Берхино II (1998). Намечая работы на этих памятниках, мы следовали определенному плану, стремясь охватить, во-первых, опорные памятники – Городищи и Протопопово – с тем, чтобы с привлечением естественно-научных методов, в первую очередь, палинологического и радиоуглеродного, сформировать первичные коллекции. Во-вторых, мы стремились обследовать крайние точки данного региона – ими стали Городна I и Погост Красно. Перспективными мы считали также окские городища правобережья – Алпатьево I и II, Бастанову Гору, Палецкие I и II городища. Однако дело до них, в итоге, так и не дошло. Все перечисленные памятники находились в крайне плохом состоянии. Жилые площадки Красно, Протопопово, Коробчеево были напрочь переработаны могильными перекопами, непотревоженного слоя на этих памятниках, видимо, нет. Именно поэтому нам пришлось сосредоточиться на укреплениях этих городищ и получить в итоге интересный материал. Городище Городна также сильно испорчено распашкой и застройкой, но укрепления его мы исследовали уже целенаправленно. Общая вскрытая площадь на всех этих памятниках невелика – она редко превышала 20 м², и только на Городищенском составляла около 200 м². Это мало, особенно на фоне развернувшихся затем работ в Настасьине. Однако все перечисленные памятники испорчены настолько, что больше на них исследовать было нельзя. Вместе с тем именно они сформировали контекст материалов

Ил. 1. Городище в с. Городищи. Вид с юго-запада.

Настасьинского городища. Кроме того, все исследования сопровождались отбором образцов для пыльцевого и радиоуглеродного анализов. В результате появилась серия радиоуглеродных дат и опорные палинологические колонки.

В связи с угрозой попадания периферийной части Мячковского городища в зону строительства автодороги «Урал» А.В. Энговатовой была проведена в 1989 и 1993 гг. шурфовка памятника, а в 1999 – 2000 гг. северная часть городища раскопана полностью (в настоящее время она занята полотном дороги¹). Исследовательница посчитала целесообразным сменить название городища на Настасьино, и к настоящему времени это наименование за памятником закрепилось. Настасьинское городище после раскопок на нем превратилось в один из опорных памятников дьяковской культуры. Значительная вскрытая площадь, изученные – с напольной стороны полностью – рвы и вал, огромные по объему естественнонаучные работы – все это позволило получить корпус, качество которого по некоторым направлениям не сопоставимо с раскопками прежних лет. Одно только использование металлоискателя ставит под сомнение полноту выборки ювелирных изделий и отходов литья из слоя других городищ.

Вместе с тем следует отметить состояние самого культурного слоя этого поселения: сравнительно небольшая мощность (особенно на фоне Дьякова городища), турбированность, плохо сохранившийся вал – все это заставляет с осторожностью судить о некоторых аспектах истории этого городища. Тем не менее Настасьинское городище в настоящее время следует считать одним из самых качественно исследованных памятников, а коллекция с него восполнила тот пробел в материале, который ощущался до раскопок.

С завершением работ на Настасьинском городище исследования на коломенских городищах практически прекратились. Дьяковские поселения попадали в зону внимания исследователей лишь эпизодически, в основном в ходе работ по другим направлениям. Однако новый материал был иного качества – вместо памятников с обильным материалом все чаще стали исследоваться объекты, обнаружить которые, в силу скудости слоя, можно было только случайно. Однако именно такие местонахождения, в ряде случаев представленные единственными(!) фрагментами керамики, дополняют сведения о хозяйственной округе крупных поселений. Так, автором в ходе разведок были обнаружены новые памятники с сетчатой и лепной гладкостенной керамикой (местонахождение Конев Бор (1998), стоянка Набережная в Щурово (2001), стоянка

¹ Энговатова А.В. Отчет о разведочных работах в Московской обл., охранных работах в Можайске // Архив ИА РАН. 1990. Р-1. № 15564; Энговатова А.В. Отчет о работах в 1993 г. // Архив ИА РАН. 1993; Энговатова А.В. Отчет о раскопках городища Настасьино в Коломенском районе Московской области в 1999 году // Архив ИА РАН. 2000. Р-1. № 23340.

Зарудня (2006) и Молитвинское селище (2001))². Новые местонахождения дьяковской керамики были выделены по материалам раскопок селищ Лысцево в 2005 г. и Цемгигант 2 — в 2006³. С 2001 г. стационарно исследуется познедьяковское селище Шурово, на котором был обнаружен материал собственно дьяковского периода. Дьяковская керамика, а также керамика и находки времени финальной бронзы, были найдены А.Б. Мазуровым и А.Л. Высоцким в ходе работ в Старо-Голутвине монастыре в 2001 г.⁴ Новые раскопки в Коломне и находки из них позволили точнее локализовать границы дьяковского поселения «Блюдечко» в Коломенском кремле⁵. В 2005 г. В.В. Черкасовым было открыто новое поселение в черте Коломны — по ул. Малая Запрудная⁶. Однако это все оставалось отдельными эпизодами, в то время как основные исследования теперь развернулись на Оке выше Коломны.

С 1998 г. коллектив под руководством В.Ю. Коваля развернул раскопки непосредственно на дьяковском участке слоя Ростиславльского городища. До этого момента отдельные находки и керамика железного века встречались, но целенаправленного исследования дьяковского слоя не велось. Раскопки Ростиславля отличались особой тщательностью. Если работы в Настасьино можно считать образцовыми охранными, то исследования Ростиславля — пример академических работ. Культурный слой Ростиславля и его вал сохранились сравнительно неплохо, в слое читаются следы построек, нижние горизонты хорошо стратифицированы.

Еще одним массивом источников по истории железного века юго-восточного Подмосковья стала так называемая каширская группа памятников. Раскопки Старшего Каширского городища были возобновлены К.А. Смирновым и В.В. Сидоровым в 1997 г.⁷, что сразу же привело к довольно неожиданным результатам. Затем, после смерти К.А. Смирнова, работы были продолжены В.В. Сидоровым и О.А. Лопатиной⁸. Отметим, что

² Материал представлен в отчетах за соответствующие годы.

³ Сыроватко А.С. Новые памятники неолита — железного века в Коломенском крае // История и культура Подмосковья: проблемы изучения и преподавания. Коломна, 2007; Черкасов В.В. Раскопки средневекового селища Цемгигант 2 // Археология Подмосковья: Материал науч. семинара. М., 2008. Вып. 4. С. 226 — 241.

⁴ Мазуров А.Б., Высоцкий А.Л. Исследования в Старо-Голутвине монастыре Коломны // АО. 2001. М., 2002. С. 172 — 173.

⁵ Мазуров А.Б., Сыроватко А.С. Дьяковское поселение «Блюдечко» в Кремле г. Коломны // Вестник КГПИ. Коломна, 2006. Вып. 1. С. 34 — 46.

⁶ Черкасов В.В. Исследования в Коломне // АО. 2005. М., 2006. С. 262.

⁷ Сидоров В.В., Смирнов К.А. Зооморфная рукоять со Старшего Каширского городища // РА. 1999. № 1. С. 165 — 167.

⁸ Сидоров В.В. Археологические памятники окрестностей Каширы // Каширский край. Археология. Кашира, 2002. Вып. 1. С. 22 — 47; Лопатина О.А., Сидоров В.В. Старшее Каширское городище и каширская группа памятников // Археология восточно-европейской лесостепи. Пенза, 2003. С. 274 — 276; Сидоров В.В. Мутенковское городище // Археология Подмосковья. М., 2004. Вып. 1. С. 67 — 83.

исследования в этом микрорегионе носят системный характер – помимо Старшего Каширского городища, раскопки ведутся на Мутенковском, Корыстовском, Огубском городищах и ряде селищ. В результате своеобразия каширских материалов было подтверждено материалами сразу с нескольких памятников. В.В. Сидоров даже поднял вопрос о выделении так называемой каширской культуры и призвал исключить Старшее Каширское городище и его округу из числа собственно дяковских памятников. Для нашего исследования каширские материалы чрезвычайно важны. Эта группа памятников позволила наконец очертить границу коломенских поселений, чья дяковская атрибуция пока ни у кого сомнений не вызывает.

Интенсификация исследований дяковских древностей в данном регионе повлекла и появление первых обобщений. Первым обратил внимание на своеобразии поселений нижней Москвы и средней Оки Н.А. Кренке. Сопоставив материалы Дьякова городища с синхронными комплексами Протопоповского, опубликованными М.В. Талицким, он пришел к выводу о значительно более продолжительном бытовании на «коломенских» городищах сетчатой керамики, в то время как на Дьяковом и его округе она выходит из употребления⁹. Первое обобщение сведений о «коломенских» поселениях появилось позднее¹⁰, но результаты раскопок второй половины 1990-х гг. в него не попали. Соответственно, выделения локальных особенностей рассматриваемой группы памятников не произошло – это будет сделано чуть позже¹¹. Историографический обзор, доведенный до 1999 г., был опубликован и отдельно¹². Н.А. Кренке с учетом наших данных был составлен свод дяковских памятников бассейна Москвы-реки, в котором присутствуют и «коломенские» городища, из тех, которые расположены по р. Москве и ее притокам¹³. Назовем также работу М.Г. Гусакова, в которой предпринята попытка учесть все или почти все поселения дяковской культуры¹⁴.

⁹ Кренке Н.А. Культура населения бассейна Москвы-реки в железном веке и раннем средневековье: Дис. канд. ист. наук. М., 1987. Архив ИА РАН. Р-2. 2392. С. 127.

¹⁰ Сыроватко А.С. Дьяковская культура юго-восточного Подмосковья (Предварительное обобщение) // РА. 1999. № 2. С. 124 – 134.

¹¹ Сыроватко А.С. Коллекция Палецкого городища из фондов Зарайского краеведческого музея // КСИА. М., 2001. Вып. 212. С. 81 – 89; Сыроватко А.С. Дьяковская культура юго-восточного Подмосковья: Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 2001.

¹² Сыроватко А.С. История изучения поселений эпохи раннего железа юго-восточного Подмосковья // Краеведческие записки. Сб. науч. тр. Коломенского краеведческого музея. Коломна, 2001. С. 5 – 20.

¹³ Кренке Н.А. Каталог памятников археологии железного века в бассейне Москвы-реки (Московская и Смоленская области) // Культура средневековой Москвы: исторические ландшафты. М., 2004. Т. 1. С. 299 – 313.

¹⁴ Гусаков М.Г. Поселения дяковской культуры как источник изучения социально-экономических отношений древних обществ: Дис. канд. ист. наук. М., 2005.

Исследования дьяковской керамики поселений юго-восточного Подмосковья стали еще одним направлением камеральных работ. Собственно, выделение локальных особенностей городищ «коломенской» группы произошло в том числе и на основании анализа керамики. Кроме того, мы попытались установить общую хронологию отличительных признаков для керамических комплексов¹⁵. Затем в работу на этом направлении включился целый коллектив, созданный для обработки коллекции Настасьинского городища. Расширение круга исследователей способствовало и выработке новых методических подходов, и взаимопроверке выводов. Результаты этой работы подготовлены к печати и частично опубликованы¹⁶. Неизбежным стало и исследование керамики каширской группы памятников, которое дало материал для сравнения с другими микрогруппами. В целом работа над дьяковской керамикой разными исследователями продолжается, и эта ситуация отрадна — по крайней мере, в этом направлении не наблюдается столь часто встречаемой замкнутости одного археолога или коллектива на узкой проблеме или источнике.

Осветив коротко «полевую» составляющую, перейдем к изложению основных результатов камеральных изысканий. Стандартный в таких случаях шаг — попытка выделения культурных особенностей отдельно взятой территории. Изначально несколько формальная, эта работа дала довольно неожиданный результат. С тем чтобы ознакомиться с ним, коротко остановимся на специфике источников.

Так сложилось, что сильная урбанизированность региона сделала недоступными исследования площадок большинства городищ, и где-то вынужденно, где-то сознательно исследования сосредоточились на периферии, т. е. на укреплениях. Именно исследования укреплений городищ стали одним из основных направлений работы, с привлечением радиоуглеродного датирования и палинологического анализа. Шурфовка, разрезы траншеями и площадные раскопки валов и рвов выявили их четкую стратифицированность (ил. 2) и насыщенность материалом, правда, в основном, керамикой. Появление целой серии радиоуглеродных дат позволило получить несколько важных временных реперов, связав с ними археологический материал. Палинологические исследования насыпей — это было осуществлено впервые именно на этой территории — позволили исключить случаи перемещения материала и трактовать

Ил. 2. Разрез насыпи вала Протопоповского городища, шурф 5. Типичный состав насыпи — покровные сутлинки с разделяющими темными прослойками.

¹⁵ Сыроватко А.С. К вопросу о хронологии текстильной керамики памятников устья Москвы-реки // РА. 2000. № 4. С. 43 — 53.

¹⁶ Лопатина О.А. Некоторые особенности технологии керамического производства у населения городища дьяковской культуры Настасьино // ТАС. 2002. Вып. 5. С. 494 — 502; Сыроватко А.С., Сидоров В.В. Дьяковская керамика городища Настасьино. В печати.

Ил. 3. Линза прокаленной глины в основании насыпи вала в Городищах.

Ил. 4. Обработанные человеческие кости (левого бедра) из насыпи вала Протопоповского городища.

генезис прослоек валов на качественно новом уровне¹⁷. Кроме того, выяснилось, что и сама активность строительства оборонительных сооружений совпадает с определенными периодами в истории РЖВ, это своеобразный маркер хронологических этапов.

Отдельно стоит отметить такое необычное явление, как постоянно встречающийся прием прокаливания суглинка в валах городищ (ил. 3). Помимо этого, насыпи валов городищ выделяются большим количеством керамики, происходящей из прослоек негумусированного суглинка (ил. 2), а также специфическим составом находок — «рогатыми кирпичами», аналогичными им по тесту тиглями, а кроме того, еще и миниатюрными сосудиками и бусами. На Протопоповском городище в валу без керамики и следов прокала вдруг обнаруживаются довольно необычные предметы — амулеты из левых бедренных костей человека, явно связанные с культом, причем сразу два (ил. 4), а на Настасьинском городище прокалывание вала сопровождалось конским черепом¹⁸. По нашему мнению, все эти факты свидетельствуют, что мы наблюдаем отражение не столько технологии, сколько определенной обрядности, сопровождающей строительство валов. Предполагаемая нами обрядовость при сооружении укреплений, несомненно, интересна сама по себе, но есть и еще один чрезвычайно важный аспект: обрядовость как раз и объясняет происхождение керамики в насыпи валов, в первую очередь, в слоях слабогумусированных суглинков. Но из сказанного следует и еще один вывод. Если наше предположение верно, получается, что прослойки насыпи вала содержат в себе хорошо стратифицированный керамический материал. Ранее казалось, что только палинологические данные косвенно свидетельствовали о том, что валы содержат непереотложенные артефакты. Однако новые данные также демонстрируют неслучайность попадания керамики в насыпи.

Таким образом, материал, которым мы оперируем, зачастую происходит из насыпей валов — стратифицированной, но довольно специфичной разновидностью культурного слоя.

Еще одной особенностью коллекций, причем именно колониальных городищ, стал ее крен в сторону керамики при сравнительной малочисленности других категорий. В итоге мы получили условия для выделения особенностей локальной группы именно на основе керамического материала, хотя теперь, после

¹⁷ Сыроватко А.С., Спиридонова Е.А. Применение палинологического анализа для стратификации Протопоповского городища // ТАС. 2002. Вып. 5. С. 461 — 467.

¹⁸ Сыроватко А.С., Козловская М.В. Обработанные бедренные кости человека с Протопоповского городища дяковской культуры // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. М., 2004. Вып. 3. С. 228 — 231.

раскопок Настасьина, и в других вещах нет недостатка. Заметим, что подход к керамике РЖВ через выделение комплексов из насыпей валов до нас был опробован Б.А. Фоломеевым¹⁹.

С появлением новых материалов Ростиславля и Каширских городищ появилась возможность сопоставления, рассмотрения локальных групп в контексте, что и позволило с большей достоверностью выделить их особенности. Сопоставление данных, проведенное как самостоятельная исследовательская процедура, неизбежно подводило к проблеме самого понятия «локальный вариант» или «группа» применительно к дяковским памятникам.

Многолетние усилия по выделению культурно значимых типов среди всего массива сетчатой керамики позволили прийти к следующим выводам:

– способ обработки поверхности вообще и тип отпечатка в частности для выделения типа имеет большее значение, чем форма сосуда и рецептура теста;

– типы отпечатков на керамике присущи сравнительно небольшим территориям в определенные отрезки времени, что позволяет видеть в них своеобразные маркеры культурных типов.

Этот вывод важен для всего юго-восточного Подмосковья (включая рязанские, коломенские, каширские городища) и для Москворечья. Факторы, размывающие картину, по нашему мнению – турбированность материала на площадках городищ, отсутствие комплексов (из хозяйственных ям, построек, погребений), интенсивность контактов населения²⁰.

Сказанное не означает, что отпечатки определенного типа можно встретить только на определенной территории и только в определенное время. Речь идет только о выявленной тенденции. Можно ли на приведенных материалах однозначно утверждать, что в древности имело место абсолютное разобщение типов керамики? Вероятно, нет. Можно ли говорить о том, что приведенные материалы свидетельствуют о большей «самостоятельности» типов сетчатой керамики, чем это следует из материалов городищ? Вероятно, да. Итогом этого этапа работы стал вывод о возможности использования сетчатого отпечатка как признака, маркирующего определенную культурную традицию. Сопоставление материалов соседних территориально-хронологических групп базировалось уже на этом выводе.

А теперь продемонстрируем, как выглядит картина, если наш вывод о керамике как «маркере культурного типа» верен:

¹⁹ Фоломеев Б.А. Окские городища // Археологические памятники раннего железного века Окско-Донского междуречья. Рязань, 1993. С. 3 – 21.

²⁰ Сыроватко А.С. Сетчатая керамика селищ Сосновка IV, Мякинино I и ее археологический контекст // Археология Подмосковья: Материалы науч. семинара. М., 2005. Вып. 2. С. 26 – 30; Сыроватко А.С. Сетчатая керамика селища Щурово и ее археологический контекст // История и культура Подмосковья: проблемы изучения и преподавания. Коломна, 2005. С. 216 – 219, 239.

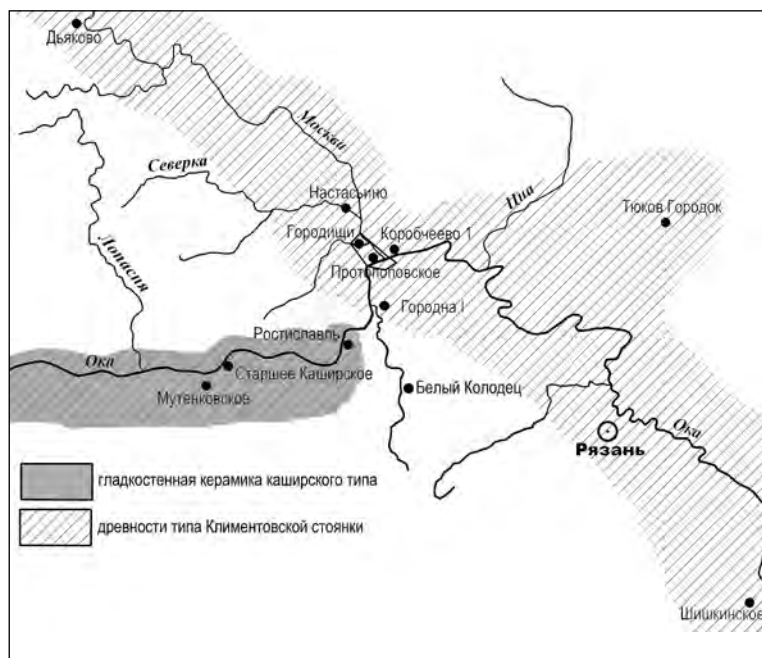

Ил. 5. Керамика периода финальной бронзы типа Климентовской стоянки. Городищенское городище, слой погребенной почвы.

Керамика городищ низовьев Москвы-реки и москворецкого течения Оки обладает, пожалуй, наибольшей вариабельностью. Это связано с «пограничным» расположением этой группы памятников, на стыке ареалов с весьма непохожими керамическими традициями – городецкой культурой, своеобразной каширской группой памятников, а также дяковскими поселениями средней и верхней Москвы-реки. Для керамического комплекса этой группы поселений на протяжении всей ее истории характерны следующие особенности.

Древнейший этап заселения площадок городищ приходится на начало I тыс. до н. э. и характеризуется древностями типа Климентовской стоянки на р. Оке, с «нитчатыми» отпечатками на керамике, орнаментированной вдавлениями наклонной палочки (ил. 5). Это некий единый горизонт, керамика этого типа распространяется в эпоху финальной бронзы от Рязанщины до Кашеры и верховьев Москвы-реки (ил. 6). Однако уже в это время есть и территории, где культурные отличия чрезвычайно сильны. На поселениях каширской группы в начальный период керамическая традиция совершенно иная – это штрихованная и гладкостенная посуда, орнаментированная гребенчатым штампом (ил. 7).

Около середины I тыс. до н. э. на рязанских городищах продолжает существовать традиция «нитчатой» керамики (ил. 8), в то время как в устье р. Москвы, на так называемой коломенской группе поселений, распространяется «рябчатая» сетчатая керамика (ил. 9). Устье р. Москвы оказалось на этом этапе сходным с памятниками средней и верхней Москвы-реки, где

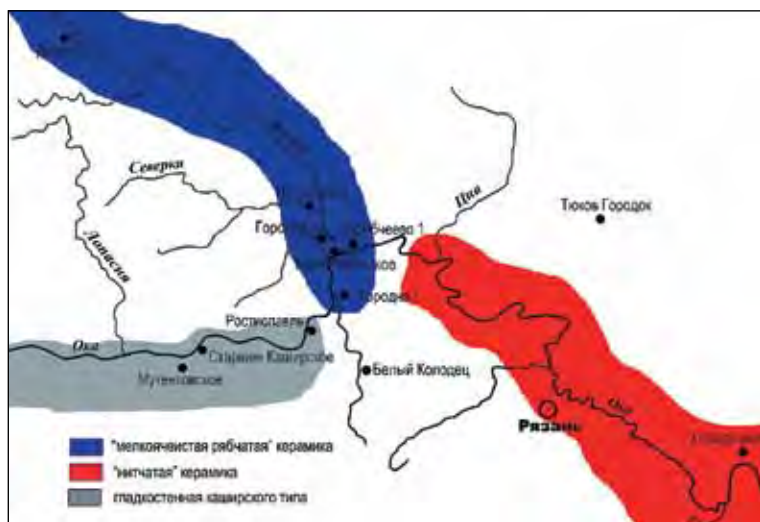
Ил. 6. Распространение типов керамики ок. VIII – VII вв. до н. э.

«нитчатая» керамика также исчезает (ил. 8). Каширская группа памятников вновь заметно отличается от двух предыдущих — на поселениях доминирует гладкостенная слабопрофилированная керамика. Удивительно и то, что различия в керамических комплексах коломенской и каширской групп настолько заметны, что проявляются на соседних городищах (Ростиславльском и Городне²¹). Это позволяет предположить и наличие некоей культурной границы, проходившей, возможно, по р. Осетр.

Сильные культурные изменения происходят на дьяковских поселениях приблизительно в III — II вв. до н. э. (ил. 10). На поселениях коломенской группы вновь сильно меняется облик керамического набора — распространяется керамика с «нитчатым» отпечатком (ил. 11). Она сменяет предшествующую «рябчатую традицию», а например, на Ростиславльском городище, вытесняет гладкостенную посуду каширского типа. Появляется керамика этого типа и на собственно каширских памятниках, и в это же время на них возрастает количество собственно дьяковских культурных элементов. Помимо изменений в керамике, для этого же времени характерна активизация оборонительного строительства — сооружаются новые валы или подновляются старые, при этом обычным строительным приемом (или обрядом) становится использование линз прокаленной глины в насыпях. Происходят серьезные сдвиги в ювелирном производстве, с переориентацией связей и традицией изготовления²², в домостроительстве. Причины таких новаций неизвестны, однако сравнительный анализ керамических наборов показывает, что около III в. до н. э., или несколь-

Ил. 7. Штрихованная керамика «каширского типа». Основание насыпи вала городища Ростиславль.

Ил. 8. Распространение типов керамики ок. V — III вв. до н. э.

²¹ Сыроватко А.С. Некоторые особенности дьяковского керамического комплекса городища Ростиславль // Археологическое изучение Подмоковья: Материалы науч. семинара. М., 2006. Вып. 3. С. 47 — 51.

²² Сапрыкина И.А. Ювелирные украшения дьяковской культуры по материалам памятников бассейна Москвы-реки: Дис. канд. ист. наук. М., 2007.

Ил. 9. Керамика с «мелкоячеистым рябчатым» отпечатком, городище Городна.

ко ранее происходят серьезные изменения в жизни обитателей городищ Рязанского Поочья – на них распространяется и с этого времени доминирует в комплексах рогожная керамика. Мы можем наблюдать не просто смену традиции изготовления «нитчатой керамики» «рогожной» на этих памятниках, а скорее, некое смещение «нитчатой» керамической традиции на северо-запад. Приемы прокаливания валов также происходят из «городецкого» ареала, где он, как и у скифо-сарматского населения, отмечен неоднократно. Заметим также, что носители «рогожной традиции», согласно изысканиям Б.А. Фоломеева, не проникли в Озерную Мещеру, где в это же время распространяется керамика, сходная с синхронными слоями Боршевского и Селецкого городищ.

Ил. 10. Распространение типов керамики ок. II в. до н. э. – I в. н. э.

Ил. 11. Керамика с «нитчатым» отпечатком. Городищи, насыпь вала.

Однако около II в. до н. э. (ил. 12) меняется и облик культуры городищ на верхней Москве-реке – на эталонном Дьяковом городище исчезает сетчатая керамика, начинается трансформация дьяковских древностей в позднедьяковские²³. В это же время на средней Москве, в частности на Боршевском и Селецком городищах, керамическая традиция также отличается от всех прочих групп дьяковских памятников – на них распространяется так называемая «рябчатая» сетчатая керамика с «крупноячеистой» фактурой отпечатка.

В первые века н. э. на памятниках коломенской группы, на правом берегу р. Оки, появляется новый тип посуды, характеризующий комплексы – это сильно профилированный горшок с «крупноячеистым рябчатым» отпечатком, иногда нанесен-

Ил. 12. Распространение типов керамики ок. II – III вв. н. э.

²³ Кренке Н.А. Культура населения бассейна Москвы-реки в железном веке и раннем средневековье: Дис. канд. ист. наук. М., 1987. Архив ИА РАН. Р-2. 2392. Рис. 91.

Ил. 13. Типичные формы посуды с «крупночешуйстым рябчатым» отпечатком. Городище Ростиславль.

ным на внутреннюю сторону раструбообразного горла (ил. 13). На верхней Москве-реке развиваются позднедьяковские традиции, на средней Москве распространяется «крапчатая» сетка. Снова очевидны заметные культурные различия групп памятников на сравнительно небольшой территории.

В еще более поздний период, вероятно, после III в. н. э., в районе устья р. Москвы резко сокращается количество памятников вообще. Из числа нескольких десятков дьяковского периода материалы позднедьяковского времени есть только на трех поселениях, на прочих они не выявлены. На остальной территории Москворечья существует позднедьяковская культура, есть памятники этого времени и на р. Оке. В рязанском течении распространяются рязано-окские могильники.

Все перечисленные культурные изменения выявлены, в основном, по одной категории источников — керамике, хотя привлечены фортификация, домостроительство, ювелирное производство и др. Это наталкивает на мысль, что именно керамика в дьяковско-городецкой среде может служить своеобразным «маркером» культурных типов или групп. За приуроченностью определенных типов керамики локальным группам памятников и хронологическим периодам могут стоять реально имевшие место культурные различия. Однако в случае, если этот тезис верен, получается, что сопоставление керамических наборов отдельных групп памятников с привлечением других источников позволяет зафиксировать этнокультурные процессы или даже исторические явления в лесной зоне.

Обратимся теперь еще к одной категории источников — данным палинологического анализа. Применительно к коломенским городищам палинология первоначально воспринималась нами как один из методов изучения укреплений городищ. Наш опыт работы на Протопоповском и Городищенском городищах показал, что палинология может дать очень ценные наблюдения о характере формирования прослоек в валах²⁴. Применительно к исследованию укреплений палинология являлась методом, перепроверяющим выделение комплексов находок из насыпей. Что же касается климатических и палеоландшафтных реконструкций, то первоначально, особенно с учетом специфики отбираемых колонок, они по существу только способствовали накоплению материала по изменению природных процессов и отходили на второй план. Однако для эпохи железного века, а в особенности для рассматриваемого региона, палинологические данные являются, на наш взгляд, важным и интересным источником. Они в конечном итоге позволяют не только произвести палеоландшафтную реконструкцию терри-

²⁴ Сыроватко А.С., Спиридонова Е.А. Применение палинологического анализа для стратификации Протопоповского городища // ТАС. 2002. Вып. 5. С. 461 — 467.

тории, примыкающей к древнему поселению, но и, как показала практика, выявить возможные причины более глобальных явлений – таких, как культурные трансформации. Основу источниковой базы создали многолетние усилия палинологов Е.А. Спиридоновой, А.А. Алешинской, М.В. Качановой²⁵.

Что, собственно, удалось установить благодаря спорово-пыльцевому методу? Общая климатическая история региона выглядит следующим образом.

Периодом климатических перемен следует считать интервал 2600 – 2500 лет назад, или сер. VII – сер. VI вв. до н. э. (вероятно, ближе к нижнему пределу этого отрезка). На это время приходится максимум похолодания, распространение темнохвойной тайги. Однако и археологические источники считают это время переломным. Применительно к памятникам коломенской группы где-то в это время завершается период господства древностей типа Климентовской стоянки с «нитчатой» керамической традицией, и распространяется керамика с «рябчатými» отпечатками и орнаментацией гребенчатым штампом. Происхождение этой керамики большинство исследователей связывают с более северными районами, в частности, с Верхневолжским регионом. Именно в это время происходит наиболее активное освоение площадок городищ, переход с более низких по отношению к уровню воды поселений на края высоких террас²⁶ (или новую традицию – селиться высоко – приносят с севера?). Любопытно, что в это время отмечено прекращение существования Климентовской стоянки как стационарного поселения²⁷.

Последующий период характеризуется медленным потеплением климата при сравнительно высоком уровне воды в реках и озерах. Процесс постепенного потепления и уменьшения влажности продолжался до следующего перелома, происходящего на интервал 2200 – 2100 лет назад, или сер. III – II вв. до н. э. Это был период климатической нестабильности, когда значительное потепление сменялось сильным похолоданием и наоборот, что приводило к существенным изменениям растительности и в целом ландшафтов. В конце этого периода

²⁵ Спиридонова Е.А., Алешинская А.С. Динамика природной среды Волго-Окского междуречья с I тыс. до н. э. по II тыс. н. э. // РА. 2004. № 3. С. 33 – 43; Алешинская А.С., Спиридонова Е.А. Изменения природной среды и влияние на нее человека в окрестностях г. Коломны в железном веке и средневековье (по данным палинологического анализа) // КСИА. 2002. Вып. 213. С. 60 – 72; Алешинская А.С., Спиридонова Е.А. Изменение природной среды в бассейне р. Оки в железном веке // Экология древних и современных обществ. Тюмень, 2003. Вып. 2. С. 3 – 5.

²⁶ На похолодание климата как на причину перехода населения на высокие участки рельефа обратил внимание Б.А. Фоломеев: Фоломеев Б.А. Ландшафтно-экологические условия обитания и расселения человека в бассейне Средней Оки в эпоху раннего металла // Археологические памятники Среднего Поочья. Рязань, 1992. Вып. 1. С. 82.

²⁷ Фоломеев Б.А., Александровский А.Л., Гласко М.П., Гуман А.Ю. Климентовская стоянка // Наследие В.А. Городцова и проблемы современной археологии. Тр. ГИМ., 1988. Вып. 68. С. 187.

наступает потепление, уровень которого значительно превысил период V – III вв. до н. э., и продолжался теплый период, как минимум, до рубежа эр.

И снова этот период климатической нестабильности совпадает с периодом изменений в материальной культуре. На поселениях коломенской группы снова распространяется «нитчатая» керамика, которая, видимо, происходит с городецких городищ Оки. Примерно в это же время происходит и смена «нитчатой» керамики на городецких городищах еще более южной, «рогожной» керамикой. Похожие по своему значению изменения происходят и в других регионах дьяковской культуры. «Нитчатая» керамика на коломенских городищах доминирует в комплексах коломенских городищ весь «теплый период», который Е.А. Спиридонова считает временем максимального увеличения пахотного клина, временем максимального воздействия человека на природную среду.

Последующий период, от первых веков н. э., палинологически пока изучен плохо. Известно только, что это время нового похолодания. В это время меняется и облик материальной культуры: распространяются древности позднедьяковского круга, на коломенских городищах появляется сильнопрофилированная керамика с «крупночешуйчатым рябчатым» отпечатком.

В целом же складывается ощущение, что на коломенских поселениях поочередно сменяли друг друга условно «южные» и «северные» традиции, и эти колебания совпадали с потеплениями и похолоданиями. Естественно, возникает вопрос – не являются ли климатические изменения причинами периодических смен традиций в материальной культуре? Вряд ли однозначный ответ возможен сейчас. Главная причина в том, что мы не располагаем точными датировками и климатических, и культурных перемен. Кроме того, влияние климата могло быть опосредованным. Так, например, изменения климатического характера могли изменить образ жизни в III – II вв. до н. э. не дьяковского населения, и даже не носителей «рогожной» керамики, а, к примеру, каких-то степных популяций. Пожалуй, в настоящее время целесообразно ограничиться только констатацией совпадений климатических и культурных трансформаций.

Подводя итог, отметим, что в настоящее время в исследовании памятников железного века в юго-восточном Подмоскowie наступило некоторое затишье. Оно связано с отсутствием новострочных работ по этой проблематике и отсутствием собственно научных проектов. Однако это не означает затухания исследований вообще, поскольку остро нуждаются в дальнейшей разработке другие ключевые темы истории края: период финальной бронзы, эпоха Великого переселения народов и период «Темных веков». Все эти проблемные направления неразрывно связаны с эпохой РЖВ, и их разработка принесет и новое понимание дьяковских древностей.

К.А. Аверьянов

Присоединение Коломны к Московскому княжеству

Общеизвестно, насколько мало дошло до нас свидетельств от русского средневековья. В этой ситуации исследователь нередко вынужден опираться на показания одного—двух источников и на их основе делать определенные выводы. Подобная ситуация характерна и для ранней истории Коломны, в частности, для вопроса о времени ее вхождения в состав Московского княжества.

В историографии традиционно считается, что Коломна была присоединена к Москве в 1301 г. Основой для подобного утверждения стали всего лишь три факта. Сохранившаяся до наших дней первая духовная грамота Ивана Калиты 1331 г. упоминает Коломну с окрестностями в качестве московского владения¹. Между тем, известно, что этот город ранее принадлежал рязанским князьям. Пытаясь выяснить время перехода Коломны от рязанских к московским князьям, исследователи обратили внимание на известие московского летописца под 1301 г.: «Тое жь осени князь Данила Московски ходи на Рязань ратию и бися у города у Переславля, и одоле князь Данило и много татарь изби, а князя Костянтина Рязанского изни-мав, приведе на Москву»². Позднейшая Никоновская летопись сообщает некоторые подробности: «Того же лета князь Данило Александрович Московский приходил ратью на Рязань, и бишася у града у Переславля, и князь великы Данило Александрович Московский одоле, и много боярь и людей избилъ, а князя ихъ Константина Романовичя Рязанскаго некоею хитростию яль, крамолою их же боярь рязанскихъ, и приведе его съ собою на Москву, и дръжа его у себя въ нятъи, но въ брежении и въ чести всяцей, хотяше бо ся съ нимъ укрепити крестнымъ целованиемъ и отпустити его въ его отчину на великое княжение Рязанское»³.

Князь Даниил Московский умер 4 марта 1303 г.⁴, но плен рязанского князя все еще продолжался. Под 1306 г. московский летописец поместил известие о том, что старший сын Даниила Юрий велел убить пленника: «Тое же зимы князь Юрьи Данилович повеле убити князя Костянтина Рязаньского, его же

¹ ДДГ великих и удельных князей XIV — XVI вв. М.; Л., 1950. № 1.

² ПСРА. М., 2004. Т. XXV. С. 392.

³ ПСРА. М., 2000. Т. X. С. 178.

⁴ ПСРА. Т. XXV. С. 393.

поимать отець его на бои»⁵. Никоновская летопись уточняет детали: «Того же лета, въ Филиппово говение, князь велики Юрьи Данилович повеле у себя на Москве великого князя рязанскаго Константина Романовичя убити, его же поимать хитростию на бою отець его, князь велики Данило Александровичь, внук Ярославль»⁶. Она же под 1308 г. сообщает о гибели в Орде единственного сына Константина Василя: «Того же лета убиень бысть во Орде князь Василей Константинович Рязанский»⁷.

Сопоставление этих фактов между собой позволило историкам высказать мнение, что Коломна была присоединена к Москве именно в результате этих событий начала XIV в. Но в приведенных выше летописных сообщениях отнюдь не говорится о присоединении Коломны к Москве. Между тем, в нашем распоряжении имеется несколько летописных свидетельств, не учтенных исследователями, которые могут пролить свет на интересующую нас проблему.

Под 1446 г. московский летописец, описывая события феодальной войны второй четверти XV в., помещает известие о Федоре Басенке, который, не желая служить Дмитрию Шемяке, бежал в Литву, по дороге «пограби уезды Коломенские»⁸. Здесь наше внимание привлекает выражение «уезды» во множественном числе. Любопытно также раннее известие того же летописца о выезде на московскую службу литовского князя Свидригайло, помещенное под 1408 г. Для москвичей того времени подобное событие являлось чрезвычайно неординарным, и летописец подробно излагает его детали, в частности, те доходы, которые достались литовскому выходцу на Руси. Оказалось, что Свидригайло среди прочего получил и «половину Коломны»⁹.

Таким образом, видим, что в первой половине XV в. Коломна, подобно многим другим русским городам, делилась на две «половины». Подобное деление уходило своими корнями в предшествующее время. Подтверждение этому находим в духовной грамоте Ивана Калиты. После упоминания Коломны он перечисляет коломенские волости, среди которых встречается волость Похряне. Далее идет перечень сел, среди которых встречается и «село на Северьске в Похрянском оуезде»¹⁰. К сожалению, историки прошли мимо, казалось бы, очевидного вопроса — почему источник в одном случае называет эту административно-территориальную единицу волостью, а в другом — уездом? Все встает на свои места, если мы вспомним, что в XV в. Коломна делилась на две половины. Тем самым оказывается,

⁵ Там же. С. 158.

⁶ ПСРЛ. Т. X. С. 176.

⁷ Там же.

⁸ ПСРЛ. Т. XXV. С. 266.

⁹ Там же. С. 237.

¹⁰ ДДГ. № 1.

что история присоединения Коломны к Москве была не одномоментным событием, и ее следует рассматривать по коломенским «половинам».

Центром одной из них (назовем ее условно «первой») как раз и являлось «село на Северьске в Похрянском оуезде». В литературе его обычно отождествляют с черниговским городком Свирилеском, упоминаемым Ипатьевской летописью под 1177 г. Под этой датой летописец поместил сообщение о столкновении по поводу Свирилеска черниговского князя Олега Святославича с рязанским князем Глебом Ростиславичем¹¹.

На западноевропейском материале нам хорошо известно, какое значение в средневековье имели династические браки, вследствие которых в качестве приданого переходили огромные земельные владения. В свое время нами было показано, что подобное было свойственно и для средневековой Руси¹². В описании событий 1177 г. для нас самым главным является упоминание летописца о том, что Олег Святославич приходился Глебу Ростиславичу шурином, т. е. братом жены. На основании этого указания выясняется, что Свирилеск достался Олегу Святославичу как приданое в результате его брака на сестре Глеба Ростиславича.

Важным представляется наше наблюдение, что в качестве приданого русские князья старались отдавать за своими дочерьми не родовые владения (их передача могла быть оспорена родичами), а «благоприобретенные» (если использовать выражение позднейшего времени). Именно этим обстоятельством объясняется постоянный «круговорот» этих земель. Вскоре Свирилеск вновь стал рязанским владением, когда сын Глеба Ростиславича Роман стал зятем великого князя Святослава Всеволодовича Черниговского. Но уже около 1218 г. он вновь перестает быть рязанским, когда достался в качестве приданого великому князю владимирскому Ярославу Всеволодовичу, женившемуся на Феодосии, дочери рязанского князя Игоря Глебовича.

Таким образом, «первую» половину Коломны рязанские князья утратили в результате этого брака. От него родился знаменитый Александр Невский, младшим сыном которого, в свою очередь, был Даниил Московский, ставший родоначальником всех последующих московских князей¹³.

Но не является ли данный вывод всего лишь нашей догадкой, и не уподобляемся ли мы в данном случае тем исследователям, которые, по словам В.О. Ключевского, в своем изложении идут от «может быть» к «должно быть», затем к «большой вероятности», а оттуда к «несомненно»?

¹¹ ПСРА. М., 1998. Т. II. Стб. 602 – 603.

¹² Аверьянов К.А. Купли Ивана Калиты. М., 2001.

¹³ Подробнее: Аверьянов К.А. Московское княжество Ивана Калиты. Присоединение Коломны. Приобретение Можайска. М., 1994. С. 7 – 12.

Подтверждение верности наших выводов находим в широко известном рассказе о нашествии Батые на Русь. Для нас важен эпизод, связанный с Коломной. Получив сообщение о нападении татар, рязанские князья запросили помощи у великого князя владимирского Юрия и черниговских князей. Но эти просьбы остались без последствий. И только после того, как Батый, разорив Рязань, двинулся на Коломну, владимирский князь послал своего сына Всеволода и воеводу Еремея Глебовича. У Коломны они соединились с дружиной рязанского князя Романа Ингваревича¹⁴.

Данное известие неоднократно пересказывалось историками, но ни один из них не задал простого вопроса: почему владимирский князь послал свою рать на помощь Коломне, тогда как на более ранние призывы о подмоге отговаривался различными причинами. Все встает на свои места, если вспомнить, что к этому времени Коломна была в совместном владении рязанских и владимирских князей. По тогдашним обычаям князья-совладельцы должны были сообща оборонять свой город, и отсюда вполне понятными становятся действия владимирского великого князя, решившего защищать свою собственность.

Что касается истории вхождения в состав московских владений «второй» коломенской половины, то она, действительно, была связана с упоминавшимися событиями начала XIV в. Учитывая факт совместного владения Коломной московскими и рязанскими князьями, становится понятной обмолвка позднейшего летописца, что князь Константин Романович был захвачен «крамолюю... боярь рязанскихъ»¹⁵.

Но пленение рязанского князя еще не означало окончательного присоединения Коломны к Москве. Каковы же были планы Даниила Московского в отношении своего пленника? Раскрыть их позволяют уточнения Никоновской летописи о почетном плене в Москве рязанского князя и намерении отпустить его обратно. Ключевым же является указание: «...хотяше бо ся съ нимъ укрепити крестнымъ целованиемъ». Очевидно, речь идет о желании Даниила превратить своего пленника из суверенного князя в служилого. По обычаю того времени, при вступлении на службу вассал приносил присягу, в которой он обязывался за себя и своих детей верно служить своему сюзерену и его детям. Она скреплялась целованием креста.

Насколько это удалось Даниилу? А.Г. Кузьмин, анализируя рязанские летописи, нашел в них весьма загадочное и интересное утверждение, что Константин был «с Москвы отпущен паки на Рязань на его княжение». По мнению исследователя, отмечавшего несомненную связь их чтений с текстом

¹⁴ ПСРЛ. Т. XXV. С. 126 – 127.

¹⁵ ПСРЛ. Т. X. С. 178.

Никоновской летописи, возможно, в них был неправильно понят текст, говоривший о намерении отпустить рязанского князя¹⁶. Но можно предположить и то, что в тексте рязанских памятников отразились реальные события, и Константин был, действительно, отпущен обратно.

Что же произошло дальше? Известно, что 4 марта 1303 г. скончался Даниил Московский. Если вспомнить, что в средневековые юридические отношения носили исключительно личный характер, можно предположить, что Константин Романович в этих условиях мог посчитать себя свободным от ранее данной присяги. В данной ситуации особый смысл приобретает одно наблюдение. Л.Л. Муравьева, исследуя летописание Северо-Восточной Руси XII – XV вв., обратила внимание на то, что в тверском летописании сохранилось очень темное и неясное сведение о каких-то переговорах в 1305 г. сына Константина Василия Рязанского со злейшим противником Москвы Михаилом Тверским перед поездкой первого в Орду с жалобой на Юрия, державшего его отца в плену¹⁷. Возможно, они увенчались успехом.

К сожалению, нам почти не известна тогдашняя обстановка внутри московского княжеского дома. О том, что она была крайне напряженной, свидетельствует известие московского летописца, помещенное перед сообщением об убийстве Константина Рязанского. Речь идет об отъезде в Тверь младших братьев Юрия – Александра и Бориса Даниловичей¹⁸. В этих условиях Юрию не оставалось ничего иного, как отдать приказ об убийстве Константина Романовича.

Но смерть последнего еще не означала окончательного присоединения «второй» половины Коломны, пока был жив его единственный сын Василий. Выше мы говорили, что его гибель в Орде Никоновская летопись датирует 1308 г. Обращает на себя внимание то, что другие русские летописи, сообщающие об убийстве Константина, ничего не говорят о гибели его сына. Молчит об этом и московское летописание.

В этой связи наше внимание привлекает известный рассказ о событиях, разыгравшихся после восстания в Твери в 1327 г. против татар, содержащийся во многих летописных сводах. Вкратце он сводится к тому, что хан Узбек, узнав о гибели Щелкана, «разгоряся яростию велию зело» и послал на Русь за Иваном Калитой, который с татарской ратью разорил Тверское княжество. Самым любопытным для нас является известие, разрывающее рассказ о событиях 1327 г. в Никоновской летописи, согласно которому «того

¹⁶ Кузьмин А.Г. Рязанское летописание. Сведения летописей о Рязани и Муроме до середины XVI в. М., 1965. С. 197.

¹⁷ Муравьева Л.Л. Летописание Северо-Восточной Руси XIII – XV вв. М., 1983. С. 80.

¹⁸ ПСРЛ. Т. XXV. С. 393.

же лета во Орде убиень бысть князь Василей Рязанский повелениемъ царя Азбьяка»¹⁹. Это свидетельство имеется еще только в рязанских рукописях и, по мнению А.Г. Кузьмина, восходит к рязанским записям, сделанным, возможно, в каком-то синодике²⁰.

Встает вопрос: кем являлся князь Василий Рязанский, убитый в 1327 г.? А.В. Экземплярский, отмечая лишь сам факт, даже не пытался выяснить его²¹. Генеалогия рязанских князей известна нам крайне плохо. Тем не менее только один из рязанских князей этого времени носил имя Василий (если не считать князя Василя Муромского, скончавшегося в 1345 г.). Им был уже знакомый нам князь Василий Константинович. Если это так, то возникают два вполне закономерных вопроса: когда погиб этот князь, и чем руководствовался составитель Никоновской летописи, помещая известие о его гибели в 1308 и 1327 гг.?

Для ответа на них нужно сказать несколько слов об этой летописи. Прежде всего, следует учитывать, что данный источник имеет довольно позднее происхождение, будучи составленным в первой половине XVI в., т. е. через два с лишним столетия после событий начала XIV в. С другой стороны Никоновская летопись с самого начала задумывалась как общероссийский свод, создававшийся на основе многих, в том числе и не дошедших до нас источников.

Сравнивая два известия о гибели Василя Константиновича в Орде, замечаем, что сообщение 1308 г. носит «глухой» характер — не указаны ни дата, ни обстоятельства его смерти. Известие 1327 г. сообщает подробность, которую летописец явно не мог выдумать, о том, что рязанский князь был убит по прямому приказанию хана Узбека. Обращает внимание и то, что Никоновская летопись помещает известие о гибели князя Василя на следующий год после смерти его отца. Очевидно, это не случайно. Составитель Никоновской летописи, сводивший воедино разнообразные источники через многие десятилетия после событий начала XIV в., столкнулся в ходе своей работы со сложной проблемой. Из синодиков и родословцев он знал, что единственный сын Константина Рязанского, погибшего в Москве, скончался насильственной смертью в Орде. Пытаясь датировать этот факт, он поступил весьма просто, поместив сообщение о гибели Василя на следующий год после смерти его отца и приурочив его к известию об очередном набеге татар на Рязань. Факт гибели князя Василя рязанского в Орде по приказу хана Узбека он поместил,

¹⁹ ПСРЛ. Т. X. С. 194.

²⁰ Кузьмин А.Г. Рязанское летописание. С. 198 — 199.

²¹ Экземплярский А.В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. СПб., 1891. Т. 2. С. 579. Прим. 1861.

как и положено, под 1327 г., не отождествив его, однако, с князем Василием Константиновичем. Таким образом, в летописи произошло «раздвоение» одной личности и появились два рязанских князя Василия, хотя в действительности речь идет об одном и том же лице.

Тем самым вырисовывается иная, нежели считается в историографии, картина присоединения Коломны к Москве. Этот город издавна состоял из двух «половин», одна из которых в качестве приданого досталась великому владимирскому князю Ярославу Всеволодовичу около 1218 г., а затем перешла по наследству к московским князьям. Что касается второй «половины», то де-факто она перешла под контроль Москвы в начале XIV в., но юридически стала московским владением лишь в 1327 г., после гибели в Орде сына рязанского князя Константина – Василия.

А.В. Лаврентьев

Московско-рязанское соперничество за Коломну в 1385 г.

Короткое военное противостояние весны – зимы 1385 г. – великих князей Дмитрия Ивановича Московского и Олега Ивановича Рязанского, деликатно охарактеризованное в московско-рязанском договоре 1402 г. как «нелюбье», несколько потерялось на фоне грандиозных событий предшествующих лет, Куликовской битвы 1380 г. и кровавого набега на Русь хана Тохтамыша 1382 г., оставшись в сознании современников конфликтом «местного значения». События 1385 г. не были замечены ни в Твери, ни в Новгороде, ни в Пскове – местные летописцы под этой датой рассказывают исключительно о региональных делах. И только в летописных сводах московского происхождения московско-рязанское «нелюбье» получило отражение¹. Между тем, в центре конфликта оказалась Коломна – южный форпост Великого княжества Московского, город, представлявший огромное стратегическое и хозяйственное значение.

25 марта 1385 г. рязанцы под руководством великого князя Олега Ивановича неожиданно, «изгоном» захватили город, взяв большую военную добычу и уведя из Коломны в Рязань московского наместника с «прочими бояры» и «лутчими («лепшими») мужами». Однако уже к концу года, «на Филипово заговение», конфликт был исчерпан, причем мирным путем. По просьбе московского великого князя Дмитрия Ивановича в Рязань послом к Олегу Ивановичу ходил преп. Сергей Радонежский, благодаря которому «нелюбье» завершилось заключением «мира вечного» между противоборствующими сторонами². В долгой и непростой истории московско-рязанских отношений события 1385 г. вокруг Коломны действительно стали последним вооруженным противостоянием³, а «мир вечный», кроме прочего, даже способствовал возрождению в Рязани, при участии московских зодчих, великокняжеского каменного

¹ Единственное исключение – краткое упоминание («князь резаньский взя Коломну») в белорусско-литовском летописании, помещенное в тексте Супрасльской летописи дважды, под 1384 и 1387 гг. См.: ПСРЛ. М., 1980. Т. 35. С. 50.

² ПСРЛ. М., 1965. Т. 15. Стб. 150 – 151; ПСРЛ. М., 2007. Т. 18. С. 135 – 136; ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 211 – 212.

³ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1988. Кн. 2. С. 282; Иловайский Д.И. История Рязанского княжества. М., 1884. С. 121 – 122; Пресняков А.Е. Образование Великолукского государства. М., 1998. С. 168.

строительства, прерванного на полтора столетия татаро-монгольским погромом⁴.

Несколько забегаая вперед, отметим еще одно важное наблюдение, зафиксированное в отечественной историографии относительно конфликта 1385 г. вокруг Коломны и его мирного разрешения. В результате переговоров, очевидно, была достигнута договоренность о возвращении Рязани ранее принадлежавшей ей Тулы в обмен на захваченную Олегом Ивановичем Коломну⁵.

На самом деле, в договорах, заключенных после примирения московского и рязанского великих князей их наследниками, — докончаниях 1402, 1434 и 1447 гг., неизменно подчеркивается принадлежность Тулы Рязани, в то время как в первом сохранившемся московско-рязанском докончании, 1381 г., заключенном за четыре года до конфликта вокруг Коломны, Тула — бывшее рязанское владение, отошедшее Москве⁶.

Относительно статуса Тулы московско-рязанского договора 1381 г. высказывалось и иное мнение: о нейтральном, не московском и не рязанском, статусе территории⁷, что в нашем случае дела не меняет. Возвратиться в состав Рязанского княжества или стать впервые рязанской Тула могла, так или иначе, только с согласия Москвы, что и произошло, очевидно, в результате московско-рязанского примирения 1385 г.

А.Б. Мазуров предложил гипотетическую реконструкцию пунктов «мира вечного» Дмитрия Ивановича Московского с Олегом Ивановичем Рязанским, среди которых был возврат рязанскому князю Тулы в обмен на признание Коломны вотчиной великого князя московского Дмитрия Ивановича⁸. Даже

⁴ Первый великокняжеский каменный храм Переяславля Рязанского, столицы княжества после Батыева нашествия, строился в связи с установлением мира 1385 г., причем московскими мастерами (Вагнер Г.К. Повесть о рязанском епископе Василии и ее значение для ранней истории Переяславля-Рязанского // ТОДРА. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 176).

⁵ Пресняков А.Е. Указ. соч. С. 411. Прим. 49; Кузьмин А.Г. Рязанское летописание. Сведения летописей о Рязани и Муроме до сер. XVI в. М., 1965. С. 232; Мазуров А.Б. Средневековая Коломна в XIV — первой трети XVI вв. Комплексное исследование региональных аспектов становления единого Русского государства. М., 2001. С. 105.

⁶ ДДГ. С. 29, 53, 84, 143. Подробнее см.: Лаврентьев А.В. «Тула» великокняжеских договоров последней четверти XIV — 1-й половины XV вв. и «град на Туле» летописей 1-й четверти XVI в.: к вопросу о преемственности // Верхнее Подонье: Археология. История. Тула, 2009. В печати.

⁷ Егоров В.А. Историческая география Золотой Орды XIII — XIV вв. М., 1985. С. 41, 52 (в этой публикации автор полагает, что пункт о «нейтральном» статусе Тулы повторен в московско-рязанском договоре 1402 г., что не так. Ср.: «А в Тулди... не вступатися мне, князю великому Василью Дмитриевичу и моеи братье, князю Володимеру Ондреевичу и князю Юрью Дмитриевичу, и меншей нашей братье не вступатися»). ДДГ. С. 53. (Здесь и далее разрядка моя. — А.Л.); Он же. О времени возникновения Тулы // Тула историческая: прошлое и настоящее. Тула, 1997. С. 32 — 33 (здесь В.А. Егоров уже справедливо отмечает принадлежность по договору 1402 г. Тулы рязанскому князю, но считает, что случилось это не в 1385 г., а не ранее 1389 г., в княжение в Москве великого князя Василия Дмитриевича). С первым выводом В.А. Егорова, с некоторыми оговорками, согласился В.А. Кучкин. См.: Кучкин В.А. Договорные грамоты московских князей XIV в. Внешнеполитические договоры. М., 2003. С. 257 — 258.

⁸ Мазуров А.Б. Указ. соч. С. 105.

если договор 1385 г. и не был оформлен письменно⁹, с таким предположением надо, с несущественными оговорками¹⁰, условно согласиться. Но справедливым оно будет только в том случае, если великий князь рязанский Олег Иванович после нападения на Коломну в марте 1385 г. присоединил ее к своим владениям, сделав государственную принадлежность Коломны предметом торга на переговорах с московским князем конца этого года. Между тем, летопись ничего не сообщает о судьбе города после мартовского «изгона», а в историографии высказывалось убеждение, что «Олег вскоре оставил разоренную Коломну, не надеясь удержать ее за собою»¹¹.

Вообще вне поля зрения остается целый ряд вопросов, связанных с московско-рязанским конфликтом 1385 г. вокруг Коломны. Среди них – и стратегические цели захвата Олегом Ивановичем одного из самых значимых московских владений, и разнообразные условия, приведшие к успеху этой, без сомнения, неординарной с военной точки зрения, операции, и ряд обстоятельств выхода из конфликта. Не менее любопытно проследить и корни противостояния вокруг Коломны 1385 г., как представляется, напрямую не связанные с соперничеством двух князей за город на левобережье Оки.

Напомним, что Коломна – изначально владение рязанских князей – перешла к Москве, скорее всего, в начале XIV в.¹², став очередной потерей рязанских Рюриковичей на левобережье Оки. При этом летописи не сообщают ни об одной попытке Рязани в течение почти восьми десятилетий вернуть Коломну, в отличие от, например, Лопасни – «Лопастны» русских источников. Бывшую рязанскую волость, захваченную, как и Коломна, Москвой, судя по всему, также в начале XIV в., рязанцы пытались, как минимум один раз, в 1353 г., вернуть вооруженным путем¹³.

Тем не менее для наследников Ивана Калиты бывшая когда-то рязанской Коломна с «волостями» продолжала и несколько десятилетий спустя после присоединения ее к владениям

⁹ На его существовании настаивал А.Е. Пресняков (Указ. соч. С. 167 – 169).

¹⁰ А.Б. Мазуров полагает, что Москва вернула Рязани в 1385 г. не только Тулу, но и Берестей, однако последний впервые в связке с Тулой («Тульцы и Берестей») упоминается только в договоре 1402 г. (ДДГ. С. 53), в московско-рязанском же докончании 1381 г. речь идет только о «месте Тула» (ДДГ. С. 29). Что касается признания Коломны вотчиной московского князя, то Олег Иванович Рязанский сделал это уже, как минимум, в 1381 г., о чем ниже.

¹¹ Иловайский Д.И. Указ. соч. С. 120.

¹² Подробный анализ историографии см.: Мазуров А.Б. Указ. соч. С. 92 – 99; Хорошкевич А.Л. Московское княжество в XIV столетии. Некоторые особенности развития // Куликово поле: История. Природа. Археология. Тула, 2003. Т. 2. С. 155. Отличное от общепринятого мнение о дате вхождения Коломны в состав Великого княжества Московского, 1427 г., высказал К.А. Аверьянов (См.: Аверьянов К.А. Московское княжество Ивана Калиты. М., 1994. Вып. 3. Присоединение Коломны. Приобретение Можайска. С. 3 – 20).

¹³ Темушев В.Н. Борьба за Лопастну между Москвой и Рязанью // Верхнее Подонье: Природа. Археология. История. Сб. статей. Тула, 2004. Т. 2. С. 45 – 51.

московских Рюриковичей оставаться территорией, государственная принадлежность которой, очевидно, не считалась окончательно решенной. В духовной московского князя Ивана Ивановича (ок. 1358 г.) предусмотрена, например, ситуация, когда «могут искати из Орды Коломенскихъ и Лопастненскихъ мест»¹⁴.

В.Л. Егоров, не обративший внимание на то, что оба «места» ранее были рязанскими, считает, что в завещании говорится о возможном предъявлении Ордой своих прав на Коломну и Лопасню¹⁵. Скорее всего, как представляется, отец будущего победителя татар на Дону опасался не прямого захвата «мест» Ордой, а вмешательства ханов («искати из Орды») в московско-рязанские отношения на стороне рязанских князей, попытки пересмотра границ между княжествами по Оке, что собственно и имело место во время спора за «Лопастну»¹⁶.

К моменту нападения отрядов Олега Ивановича на Коломну отношения между княжествами, казалось бы, регулировались докончанием 1381 г. В договоре, заключенном почти год спустя после Куликовской битвы, присутствует обязательство рязанского князя «блюсти» домениальные владения Дмитрия Ивановича, причем отдельный пункт посвящен собственно московскому уделу и отдельный — Коломне и Коломенскому уезду: «Блюсти... Москвы и Коломны и всех московских волостей и волостей коломенских, что ся потягло к Москве и къ Коломне по реку по Оку»¹⁷.

Почему именно Коломне отдано такое предпочтение: в силу ли очевидной ее стратегической и экономической важности для московских князей или по причине реальных опасений за судьбу Коломны (и в то же время специально не оговорен московский статус другого бывшего рязанского владения — Лопасни) — сказать трудно. Ясно только, что условия договора 1381 г. диктовались из Москвы и отвечали внешнеполитическим реалиям результатов Куликовской битвы. Победа коалиции русских князей в Донском побоище и, выражаясь аккуратно, нелояльность рязанского князя общерусскому делу в 1380 г. (на ее истоки, связанные с непростым пограничным положением Рязани относительно Орды, исследователи не раз обращали внимание¹⁸), собственно, и стали причиной заключения унижительного и неравноправного московско-рязанского договора, сделавшего великого князя рязанского вассалом Москвы, лишившего его права проведения самостоятельной внешней политики и заставившего Олега Ивановича поступиться рядом собственных владений, в том числе Тулой.

¹⁴ ДДГ. С. 15 — 16, 18.

¹⁵ Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды XIII — XIV вв. С. 41.

¹⁶ Подробнее см.: Темушев В.Н. Указ. соч. С. 49 — 50.

¹⁷ Кучкин В.А. Указ. соч. С. 342 — 343.

¹⁸ См., например: Соловьев С.М. Указ. соч. Кн. 2. С. 275; Пресняков А.Е. Указ. соч. С. 166; Кузьмин А.Г. Указ. соч. С. 221 — 229; Кучкин В.А. Победа на Куликовом поле // Вопросы истории. 1980. № 8. С. 8 — 9.

Для оценки событий 1385 г. вокруг Коломны важно подчеркнуть, что уже год с небольшим спустя после заключения договора он перестал действовать. Фактическая денонсация московско-рязанского докончания 1381 г. стала «побочным следствием» набега на русские земли ордынского хана Тохтамыша в августе 1382 г.

Докончание, повторимся, подчеркивало обязательство сторон блюсти отчины друг друга, что не помешало войскам Дмитрия Ивановича в начале осени 1382 г., после сожжения Тохтамышем Москвы, Серпухова, Коломны и Переяславля-Рязанского, вторично разгромить столицу Олега Ивановича, причем буквально пару недель спустя после татарского погрома¹⁹. В данном случае неважно, до какой степени действия московского князя были оправданы (летописи обвиняют Олега Ивановича в предательстве, называя его едва ли не главным виновником сожжения Москвы татарами), важно только, что нападение это явилось полной неожиданностью для рязанского князя.

В практике межкняжеских отношений существовала форма денонсации договоров, «сложение крестного целования»²⁰, которой московский князь в данном случае не воспользовался. Вторичный погром Рязани, да еще с подчеркнутой жестокостью, превзошедшей татарскую, которой, кстати, не скрывал промосковски настроенный автор летописного Сказания о нашествии Тохтамыша («землю всю (рязанскую. — *А.Л.*) до остатка взяша... и пусты сотвориша, пуще ему (Олегу Рязанскому. — *А.Л.*) и татарьские рати»²¹), не мог иметь никакого корыстного или стратегического смысла — Рязань и без того лежала в развалинах.

Так что взаимная договоренность о признании границ и ненападении лета 1381 г. («а вотчины вы моее блюсти, а не обидети. А мне ваши вотчины блюсти, а не обидети») де-факто, как и весь договор, перестала действовать уже в начале осени 1382 г. Возвращаясь к событиям весны — зимы 1385 г., отметим, что Олег Иванович определенно чувствовал себя свободным от обязательств по договору 1381 г. Захват Коломны был ответом на московский погром княжества начала осени 1382 г.

Нападение увенчалось полным успехом, как полагает А.Б. Мазуров, потому что было коварно предпринято

¹⁹ ПСРА. М., 2000. Т. 4. Ч. 1. С. 327, 330; Т. 15. Стб. 144 — 146; Т. 18. С. 132 — 133; Т. 25. С. 207 — 210; Памятники литературы Древней Руси. XIV — середина XV вв. М., 1981. С. 190 — 207. Подробнее см.: Салмина М.А. Повесть о нашествии Тохтамыша // ТОДР. Л., 1979. Т. 34. С. 134 — 136.

²⁰ См., например: «Того же лета князь велики Дмитрей Ивановичь посла во Тферь и сложи целованье ко князю Михаилу Александровичю и...послав рать, повеле воевати села и волости около Твери» (ПСРА. Т. 25. С. 185). Другие примеры см.: Там же. Т. 15. Стб. 433, 434.

²¹ Появление этого, как и ряда других, летописного известия М.А. Салмина связывает с составлением так называемой пространной редакции повести, вторичной по отношению к более раннему рассказу краткой редакции (Салмина М.А. Указ. соч. С. 147 — 148), однако И.Б. Греков считает изложение событий пространной редакции «более достоверным» (Греков И.Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды (до рубежа XIV — XV вв.). М., 1975. С. 157. Прим.).

рязанцами на двойной церковный праздник — совпавшие в этом году Благовещение и великопостную Лазареву субботу²². Однако сам по себе церковный праздник, похоже, не служил препятствием для ведения военных действий не только для рязанского князя, но и для московского. В 1386 г., например, Дмитрий Иванович с двоюродным братом и соправителем, серпуховским князем Владимиром Андреевичем во главе внушительной военной коалиции «прииде ратью к Новгороду» накануне одного из важнейших праздников христианского календаря, «в Филиппов пост перед Рождеством Христовым»²³ (подробнее о новгородском походе, как представляется, определенным образом связанным с коломенскими событиями 1385 г., ниже).

Дело, похоже, заключалось не столько в легендарном коварстве рязанского князя, сколько в определенном расчете. Совершенно очевидно, что после «двойного», татарского и московского, разгрома 1382 г. и понесенных в ходе военных действий людских потерь от Олега Ивановича просто не ожидали сколько-нибудь серьезной военной угрозы. Кроме того, и без учета последствий 1382 г. понятно, что людские ресурсы Рязани и ее немногочисленных союзников были несопоставимы с московскими. Если рязанский князь решился пойти на захват Коломны, то речь в любом случае не могла идти о долгой осаде, а только о неожиданном, хорошо просчитанном нападении малыми силами. Почему, однако, ответ последовал только в 1385 г., три года спустя, и случайной ли здесь была дата рязанского «изгона» — 25 марта, начало весны?

Что касается выбора рязанским князем даты нападения на Коломну, то успех операции так или иначе зависел от того, насколько атакующей стороне удастся незаметно форсировать Оку, московско-рязанский пограничный рубеж, явно пребывавший под неусыпным наблюдением Москвы в любое время года.

Летом быструю переправу можно было осуществить только в том случае, если реку форсировали значительные военные силы в подходящих для этого местах, через «перевозы», которых на Оке по состоянию на конец XVI — XVII вв. было всего два. Ближайший к Коломне Сенькин перевоз находился выше по реке, в районе Серпухова, и в 1572 г., во время нападения крымских татар, завершившегося битвой на Молодях, здесь всего за одну ночь на левый берег Оки перешла многотысячная армия хана Девлет-Гирея. Недаром в XVI в. здесь специально «для береженья» выставлялся один из полков Берегового разряда²⁴. Так что неожиданное нападение летом через «перевоз» у Серпухова вряд ли было осуществимо.

²² Мазуров А.Б. Указ. соч. С. 102 — 103.

²³ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 342.

²⁴ Подробнее см.: Лаврентьев А.В. Московско-рязанские отношения после Куликовской битвы. 1380 — 1402 гг. // Верхнее Подонье: Археология. История. Тула., 2008. Вып. 3. С. 206 — 207.

Переправиться в летнее время через Оку нападавшие, разумеется, могли и непосредственно в районе Коломны, как это сделали татары ордынского «царевича» Мазовши в 1451 и 1455 гг., но в обоих случаях речь никак не шла об «изгоне». Более того, московские войска успевали подтянуться к местам, где нападающие «перевезошася», оказав им во втором случае вооруженное сопротивление непосредственно на берегу²⁵. При этом, как и в случае переправы через «перевоз», нападавшие не могли использовать фактор внезапности, а у обороняющейся стороны, наоборот, появлялась возможность отразить нападение. Когда в 1472 г. орда хана Ахмата попыталась форсировать Оку под Алексином («вринушася в реку вси (татары. — А.Л.) хотящей переити на нашу сторону»), атакующие были отбиты стрельбой из луков, так и не достигнув левого берега²⁶.

Таким образом, попытка нападения на Коломну малыми силами летом для рязанцев была делом бесперспективным.

Зимой пересечь Оку можно было по льду в любом необходимом месте, однако нет никаких сомнений, что коломенский гарнизон внимательно наблюдал за ситуацией на правом берегу не только в летнее, но и в зимнее время. И здесь важно отметить, что время захвата рязанцами Коломны, 25 марта, приходится на раннюю весну и совпадает с началом ледохода на Верхней Оке, обычно приходящимся на рубеж марта — апреля²⁷. Вспомним, что по времени года рязанская атака на Коломну близка дате Ледового побоища 1242 г., 5 апреля, когда подтаявший весенний лед Чудского озера сыграл важную стратегическую роль в победе новгородцев.

Так что праздник Благовещения (по русскому календарю начало весны) явно было выбран как дата нападения не случайно²⁸. Переправа по непрочному ледяному покрову или в первый день ледохода для тяжеловооруженных всадников была рискованным делом. Скорее всего, с ослаблением или вскрытием льда наблюдение из Коломны за правым берегом Оки было ослаблено, если не отменено, чем, очевидно, и воспользовались рязанцы во главе с князем Олегом Ивановичем.

Летописные источники не указывают число рязанцев, взявших Коломну, но в практике ведения военных действий на Руси известны удачные операции по захвату городов, осуществлявшиеся «изгоном» крайне немногочисленными отрядами. Так, в 1410 г. воевода нижегородского князя Даниила Борисовича Семен Карамышев ухитрился «изгоном», «приидоша лесом... безвестно», захватить один из самых больших городов Руси — Владимир

²⁵ ПСРЛ. Т. 25. С. 271, 273.

²⁶ Там же. С. 297.

²⁷ Большая Советская энциклопедия. М., 1974. Т. 18. Стб. 966.

²⁸ Калинин И.П. Церковно-народный месяцеслов на Руси. М., 1990. С. 105 — 106; Ср.: «В лето 6923 бысть весна рано: до Благовещениева дни за неделю на Волзе кра (лед. — А.Л.) прошла вся» (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 487).

на Клязьме, располагая при этом всего тремя сотнями всадников, ста пятьюдесятью нижегородцами и таким же количеством татар.

Владимирский «изгон» увенчался успехом еще и потому, как отмечает летопись, городские укрепления в этот момент то ли ремонтировались, то ли строились заново²⁹. В каком состоянии находились деревянные стены Коломны после сожжения города Тохтамышем всего тремя годами ранее рязанского «изгона», неизвестно. Возможно, нападавшие воспользовались какими-то прорехами в фортификационных сооружениях города. Очевидно, времени для строительства новых или исправления прежних стен у коломничей в течение этих трех лет было достаточно. Известно, например, что сопоставимый масштабами с Коломной «град на Туле древян» в исходе первого десятилетия XVI в. «поставили» «с нуля» всего за год³⁰. И если укрепления Коломны к исходу марта 1385 г. еще не были приведены в порядок, это лишний раз подтверждает, что нападения никто не ждал.

Летописный рассказ не содержит известий о том, что происходило в Коломне после взятия города, отмечается только «многая корысть» и пленные: московский наместник Александр Андреевич Остей и бояре — с которыми Олег Иванович вернулся в Рязань.

В рязанском плену оказалась вся административная верхушка Коломны и Коломенской волости.

Об условиях содержания московских чинов в Рязани ничего не известно. Однако в статье под 1353 г., описывающей аналогичные коломенским события, нападение рязанцев на бывшее свое владение на окском левобережье, «Лопастну» — Лопасню, московский летописец особо подчеркивает печальную судьбу московской администрации бывшей рязанской волости: «Наместника... изнимаша... и поведоша его на Рязань и биша его, и многы пакости сътвориша ему, и потом одва выкупили его»³¹. Возможно, в 1385 г. содержание плененных коломничей в Рязани было более гуманным, и это тоже входило в план действий рязанского князя.

Примечательный факт — летописи ничего не сообщают об уничтожении рязанцами Коломны, сожжении укреплений и пр., чего логично было бы ожидать от Олега Ивановича, если бы они покинули город после удачного «изгона».

Косвенным признаком укрепления в Коломне после захвата города 25 марта гарнизона и администрации рязанского князя, по справедливому наблюдению А.Б. Мазурова, служит выбор маршрута путешествия из Москвы в Царьград митрополита Пимена. Первоиерарх, отправившийся из Москвы 9 мая, выбрал

²⁹ ПСРА. Т. 18. С. 160; Т. 25. С. 240 («а града тогда не было»).

³⁰ ПСРА. М.; Л., 1959. Т. 26. С. 301; М.; Л., 1963. Т. 28. С. 345 (1509 — 1510 гг.). Особняком стоит дата, приведенная в Иоасафовской летописи, 1508 — 1509 гг. (Иоасафовская летопись. М.; Л., 1950. С. 157), но и она укладывается в годичный срок.

³¹ ПСРА. Т. 18. С. 98 — 99.

не кратчайший путь, который так или иначе шел мимо Коломны и которым Пимен воспользовался позднее, для третьей поездки в Царьград в 1389 г., уже в ситуации «мира вечного»³², а долгий обходной маршрут через Верхнюю Волгу³³. Таким же окружным путем («Вьлгою къ Сараю»), минуя Коломну, в 1377 г. проследовал суздальский епископ Дионисий, отправившийся в Царьград вопреки воле великого князя, более того, нарушивший клятву не совершать задуманную поездку и закономерно опасавшийся ареста³⁴.

Некоторый намек на ситуацию в Коломне после захвата ее отрядами Олега Ивановича 25 марта содержит также пункт московско-рязанского докончания 1402 г., согласно которому «что в наше нелюбье Олег Иванович воевал Коломну... что нашей отчине взято что на нетцах, то отдати, а чего не взято, того не взяти. А с поручников порука и целованье свести»³⁵.

Близкий по смыслу пункт присутствует в московско-тверском договоре 1375 г.³⁶, и, очевидно, речь идет о захваченных рязанцами в Коломне заложниках из «лутчих людей», обложенных контрибуцией под поручительства других горожан. Если дело обстояло именно так, то после успешно проведенной операции Олег Иванович сразу покинул город с добычей и пленными, но оставил здесь свою администрацию, которая и должна была получить с колумничей-«поручников» контрибуцию, которой обложили уведенных в Рязань «нетцев». Речь, таким образом, надо вести о непродолжительном фактическом возвращении Коломны Рязанскому княжеству в 1385 г., несколько десятилетий спустя после присоединения ее к Москве.

Заметим, что рассказ о событиях весны — зимы 1385 г. ничего не сообщает о судьбе «волостей коломенских, что ся... потягло къ Коломне». Очевидно, рязанцы, в силу малочисленности гарнизона, оставленного в Коломне, даже не пытались «воевать» окрестности города или установить собственный суверенитет над регионом, ограничившись только захватом волостного центра.

³² Маршрут поездки митрополита 1389 г. хорошо известен: Москвой-рекой мимо Коломны в Оку, от рязанского Перевытска «сухим путем» через Рязанское княжество до правого притока Дона, р. Большой Кочур и далее Доном. Существовал и другой, еще более короткий, речной путь из Москвы в Царьград, также проходивший на начальном отрезке у Коломны, Москвой-рекой в Оку, вниз по течению до р. Прони, Пронею вверх к ее притокам, Ранове и Хупте, и далее коротким волоком от их верховей в р. Воронеж, левый приток Дона. Подробнее см.: Кудряшов В.Н. Половецкая степь. Очерки исторической географии. М., 1948. (Записки Всесоюзного географического общества. Новая серия. Т. 2). С. 88; Сыроечковский В.Е. Пути и условия сношений Москвы с Крымом на рубеже XVI в. // Известия АН СССР. Отд. общественных наук. 1932. № 3. С. 200, 215, 223, 228; Фехнер М.В. Торговля Русского государства со странами Востока в XVI в. М., 1952. (Тр. ГИМ. Вып. 21). С. 13.

³³ Мазуров А.Б. Указ. соч. С. 103.

³⁴ ПСРЛ. Т. 15. Стб. 439; Т. 25. С. 197.

³⁵ ДДГ. С. 54.

³⁶ «А что еси целовал к нам (тверской князь. — А.Л.) наперед сего, что будет на ком не взято на нятцах или их поручницах... а с поручников порука свести, а нятцы попускати» (Кучкин В.А. Договорные грамоты московских князей XIV в. Внешнеполитические договоры. С. 341).

Если с конца марта 1385 г. под защитой стен Коломны действительно находился рязанский гарнизон, становится понятным дальнейшее развитие событий московско-рязанского конфликта. У московского князя было два возможных направления ответного удара: либо непосредственно по Коломне, с очевидным риском уничтожения в ходе военных действий городских укреплений; либо поход на правобережные владения Рязани. Овладев ими и отрезав рязанский гарнизон Коломны от источников снабжения через Оку, можно было бы вынудить его к сдаче без потери фортификационных сооружений коломенской крепости. Московским князем Дмитрием Ивановичем был выбран последний вариант.

Летописное известие об ответном походе на Рязанское княжество датировки не имеет, но помещено между двумя событиями, имеющими даты 9 мая (отправление митрополита Пимена из Москвы в Царьград) и 29 июня (рождение в Москве сына великого князя, княжича Петра Дмитриевича). Следовательно, военная операция Москвы последовала полтора – два с половиной месяца спустя после захвата рязанцами Коломны.

Если в Никоновской летописи поход на Рязань 1385 г. представлен как действия коалиционной армии московского князя и его союзников («собра воинства много отовсюду», «и... на бою убиша боярь многихъ московскихъ и лутчих мужей новгородцкихъ и переславскихъ»³⁷), среди которых присутствуют, что характерно, некие «новгородцы»³⁸, то из текста московских сводов следует, что он был организован силами только одного удельного княжества, Боровско-Серпуховского, а сама операция была поручена Дмитрием Ивановичем двоюродному брату и соправителю, князю Владимиру Андреевичу; поход закончился для Москвы разгромом армии одного из самых удачливых полководцев своего времени и гибелью князя Михаила Андреевича Полоцкого³⁹. Сын героя Куликовской битвы, полоцкого князя Андрея Ольгердовича и внук великого князя литовского Ольгерда служил не московскому, а серпуховскому князю: Ольгердовичи были близки двору Владимира

³⁷ ПСРЛ. М., 1963. Т. 11 – 12. С. 86.

³⁸ Исходя из формы прилагательного, это могли быть как «мужи» Нижнего Новгорода (местный епископ, например, титуловался в это время «суддальским и новгородским и городецким» – Комарович В.Л. Из наблюдений над Лаврентьевской летописью // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 30. С. 46), так и Новгорода Великого. Между тем, участие и тех и других в военных действиях на стороне Москвы летом 1385 г. невозможно.

После 1382 г., как результат предательских, по характеристике В.А. Кучкина, действий нижегородских князей под Москвой, отношения Дмитрия Ивановича с тестем, великим князем Дмитрием Константиновичем, резко испортились (подробнее см.: Кучкин В.А. Нижний Новгород и Нижегородское княжество в XIII – XIV вв. // Польша и Русь. Черты общности и своеобразия в историческом развитии Руси и Польши XII – XIV вв. М., 1977. С. 250). Отношения же Москвы и Новгорода Великого уже с начала 1385 г. носили резко конфронтационный характер, вылившийся в военный поход на Новгород следующего, 1386 г., о чем ниже.

³⁹ Там же. Т. 15. Стб. 150; Т. 18. С. 135; Т. 25. С. 212.

Андреевича, женатого на тетке погибшего Михаила Андреевича, Елене Ольгердовне⁴⁰.

Летописи ничего не сообщают о маршруте похода серпуховского князя на Рязань, но один поздний источник рязанского происхождения указывает место, где полки князя Владимира Андреевича потерпели поражение, — «рязанцы москвич побили под Перевицким»⁴¹. Рязанский город Перевитск на правом берегу Оки, ниже Коломны, судя по всему, располагал пристанью. Именно в Перевитске в 1389 г., во время упоминавшейся выше третьей поездки первоиерарха в Царьград, насады с Пименом и его спутниками причалили к рязанскому берегу, где митрополита торжественно встретил великий князь Олег Иванович «съ сынове»⁴². Не исключено, что через пристань Перевитска рязанцы в 1385 г. снабжали коломенский гарнизон, что и сделало город целью неудачного похода серпуховского князя.

Итак, карательный поход на Рязань провалился. Столь же неудачно для великого князя Дмитрия Ивановича закончилась в этом же году и попытка военного похода московских полков на Муромское княжество⁴³, очевидно действовавшее на стороне Рязани. К исходу лета 1385 г. победа Рязани была полной.

Совершенно очевидно, что военный потенциал Москвы и ее союзников был несопоставим с рязанским и вряд ли был серьезно подорван в ходе сражения под Перевитском. Всего год — полтора спустя после захвата рязанцами Коломны и провала карательной операции против Рязани, на исходе 1386 г., Дмитрий Иванович Московский и Владимир Андреевич Серпуховской возглавили поход на Новгород. Князья-соправители сумели собрать серьезные военные силы, отправив на Новгород «рати Московскаа, Коломенскаа, Звенигородчкаа, Можайскаа, Волочкаа, Ржевскаа, Серпоховскаа, Боровскаа, Дмитровскаа, Переяславскаа, Володимерскаа, Юрьевскаа, Муромскаа, Мещерскаа, Стародубскаа, Суздальскаа, Городецкаа, Нижняго Новагорода, Костромскаа, Угличскаа, Ростовскаа, Ярославскаа, Можайскаа, Моложескаа, Галичкаа, Бежичкаа, Белозерскаа, Вологочкаа, Устижскаа, Новоторжскаа»⁴⁴.

Анализ состава более чем внушительных военных сил, отправленных на Новгород в 1386 г., сопоставленных А.А. Горским с армией, приведенной в 1375 г. Дмитрием Ивановичем под Тверь, позволил не только убедительно реконструировать состав полков, выведенных московским князем

⁴⁰ Подробнее см.: Шахматов А.А. Отзыв о сочинении С.К. Шамбинаго «Повесть о Мамаевом побоище». СПб., 1906 // Сб. ОРЯС ИАН. СПб., 1910. Т. 81. С. 181.

⁴¹ Цит. по: Кузьмин А.Г. Указ. соч. С. 231.

⁴² ПСРЛ. Т. 15. Стб. 155; Т. 25. С. 214.

⁴³ Там же. Т. 11 — 12 (Т. 11). С. 86; Т. 26. С. 155; М., 1962. Т. 27. С. 256, 334.

⁴⁴ Там же. Т. 4. Ч. 1. С. 342. Ср.: Там же. Т. 18. С. 136; Т. 25. С. 212 — 213.

на Куликово поле, но и показал устойчивые мобилизационные возможности Москвы на протяжении десятилетия, разделяющего два эти события⁴⁵. Московско-рязанское противостояние вокруг Коломны тоже пришлось на это десятилетие.

В связи с последним возникает естественный вопрос: почему московский князь, потеряв Коломну и потерпев поражение под Перевитском, не воспользовался явным перевесом в военной силе и не попытался организовать новый поход на Рязань? Как представляется, многое может объяснить ситуация с обострением московско-новгородских отношений, тех самых, что стали причиной похода 1386 г.

В.Л. Янин подчеркивает их связь не столько с отказом веча от митрополичьего суда с передачей права на него новгородскому владыке, имевшим место в год похода, сколько с «обидами» предыдущего, 1385 г., когда новгородцы отвергли требование московского князя выплатить «черный бор»⁴⁶. Новгородская летопись относит московско-новгородский конфликт из-за «черного бора» к зиме 1385 г.⁴⁷, московская и тверская летописи — к весне того же года⁴⁸, т. е. ко времени, совпавшему с захватом Коломны Олегом Ивановичем Рязанским. Московско-новгородское «розмирье» к лету 1385 г. было свершившимся фактом, требовавшим от Дмитрия Ивановича каких-то ответных действий.

Мы не знаем, когда московский князь принял решение о походе на Новгород и, соответственно, сколько времени ушло на сбор войск. В 1375 г. Дмитрию Ивановичу для сбора коалиционной армии хватило двух с небольшим недель, отделяющих расторжение Михаилом Александровичем Тверским мира с Москвой и начала тверичами военных действий⁴⁹ и выступление войск московской коалиции под Тверь⁵⁰. Совершенно очевидно, однако, что все договоренности о возможном совместном выступлении были достигнуты не в эти две недели, а ранее.

Посылка на Рязань летом 1385 г. дружины только серпуховского князя могла быть следствием недооценки военных возможностей Рязани — Олег Иванович, несмотря на успешный захват Коломны в марте, продолжал не восприниматься в Москве как серьезный противник и в мае — июне. Однако возможно и иное объяснение — попытка московского князя решить «рязанский вопрос» малыми силами связана с подготовкой по-

⁴⁵ Горский А.А. К вопросу о составе русского войска на Куликовом поле // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2001. № 4(6). С. 31 — 32, 37.

⁴⁶ Янин В.Л. «Черный бор» в Новгороде XIV — XV вв. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М., 1983. С. 102 — 103. Подробно о самом «черном боре» см.: Там же. С. 106 — 107.

⁴⁷ ПСРА. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 341 («В лето 6892...Тои зимы»).

⁴⁸ Там же. Т. 15. Стб. 149; Т. 25. С. 211 («В лето 6892...Тое же весны»).

⁴⁹ ПСРА. Т. 15. Стб. 110 (Около 13 июля тверской князь «послал в Москву ко князю к великому... целование крестное сложил, а наместники посла в торжек и на Углече Поле ратию»).

⁵⁰ Там же. Т. 25. С. 190 (29 июля московский князь «собрал всю силу русских городов и со всеми князми русскими совокупяси», уже шел к Твери).

хода на Новгород следующего, 1386 г., которому Дмитрий Иванович уделял приоритетное внимание.

«Черный бор», выплаты которого с Новгорода добивался московский князь, по подсчетам В.Л. Янина, собирался каждые 7 – 8 лет как особая форма «выхода» в Орду, «по запросу». Отказ новгородцев платить «черный бор» задевал интересы не только Великого княжества Московского, но и других русских земель, которые вынуждены были бы, в случае успеха новгородцев, разверстать между собой их долю в ордынском «запросе»⁵¹. Так что, в отличие от «регионального» московско-рязанского конфликта, этот носил в известном смысле общерусский характер.

Возвращаясь к теме о трехлетнем разрыве между московским погромом Рязани и захватом рязанцами Коломны, синхронным московско-новгородскому конфликту, естественно задаться вопросом: случайно ли такое совпадение, или же Олег Иванович решился напасть «изгоном» на Коломну, будучи осведомлен о планах Дмитрия Ивановича относительно будущего похода на Новгород? На самом деле, последний, потеряв Коломну и потерпев поражение у Перевитска, даже не попытался собрать более мощное войско против Олега Ивановича, что, как показал поход на Новгород 1386 г., было реально. Более того, очевидно, едва ли не сразу после разгрома рязанцами полков серпуховского князя, имевшим место, напомним, не позднее конца июня 1385 г., Дмитрий Иванович стал искать путь мирного выхода из вооруженного конфликта с рязанским князем.

«Моление» московского князя преп. Сергию Радонежскому с просьбой о мирной миссии к рязанскому князю, скорее всего, имело место в конце июня – начале августа 1385 г., когда старец крестил в Чудове монастыре сына Дмитрия Ивановича, князя Петра⁵². Дата крещения четвертого сына московского князя неизвестна, но появился на свет он в день памяти свв. апп. Петра и Павла, 29 июня⁵³.

Непростые отношения между московским князем и троицким игуменом кардинально улучшились только в 1385 г.⁵⁴, и не исключено, по инициативе Дмитрия Ивановича и в связи с просьбой о посреднической миссии к рязанскому князю. Даже если московский князь и не входил в число духовных детей троицкого игумена⁵⁵, им, безусловно, был Владимир

⁵¹ Янин В.Л. Указ. соч. С. 101 – 102, 106 – 107.

⁵² Клосс Б.М. Избранные тр. М., 1998. Т. 1. Житие Сергия Радонежского. С. 35.

⁵³ ПСРЛ. Т. 15. Стб. 150; Т. 18. С. 136; Т. 25. С. 212.

⁵⁴ Кучкин В.А. Сергий Радонежский и борьба за митрополицию кафедру всея Руси в 70 – 80-х гг. XIV в. // Культура славян и Русь. М., 1998. С. 33 – 359.

⁵⁵ Сомнения в принадлежности московского князя покаяльной семье троицкого игумена высказал А.А. Булычев. См.: Булычев А.А. Из истории русско-греческих церковных и культурных взаимоотношений 2-й пол. XV столетия (судьба свт. Дионисия Суздальского) // Вестник церковной истории. 2006. № 4. С. 97.

Андреевич Серпуховской, фактический соправитель своего двоюродного брата⁵⁶, разбитый рязанцами под Перевитском. Летописный рассказ недаром подчеркивает личное участие игумена в переговорах («сам пошел»). Поход преп. Сергия Радонежского в Рязань остался единственной дипломатической, а не пастырской поездкой троицкого игумена, ранее как минимум дважды содействовавшего налаживанию мирных отношений московского князя с соседями⁵⁷. Все это лишний раз свидетельствует в пользу того огромного значения, которое Дмитрий Иванович предавал мирному завершению конфликта.

Возвращаясь к оценке московско-рязанского «нелюбья», в центре которого оказалась Коломна, мы вправе сделать вывод о том, что события, на первый взгляд, локального конфликта 1385 г. на самом деле были частью большой политической картины, в которой фигурировали не только Москва и Рязань, но и другие земли Руси. Великий князь Олег Иванович, очевидно, не помышлял о возвращении Коломны в состав владений Рязанского дома, но воспользовался благоприятной для Рязани обстановкой, вызванной московско-новгородским конфликтом из-за «черного бора», захватив Коломну и сделал ее предметом политического торга. Даже отсутствие в московских летописях сведений о мучениях военнопленных коломничей в Рязани может свидетельствовать в пользу изначальной пророчивости рязанским князем дальнейшего хода действий.

Олег Иванович проявил безусловный талант политика и воина, малыми силами и в тупиковой для Москвы ситуации захватив на время Коломну и легко уступив ее прежнему владельцу, великому князю московскому, с достижением собственных целей — возвращения Рязани «места Тулы».

⁵⁶ Об отношениях двоюродных братьев подробнее см.: Хорошкевич А.Л. К взаимоотношениям князей Московского дома во второй половине XIV — начале XV вв. // Вопросы Истории. 1980. № 6. С. 171 — 173.

⁵⁷ Подробнее см.: Лаврентьев А.В. Преп. Сергий Радонежский и московско-рязанские отношения после Куликовской битвы. 1380 — 1385 гг. (В печати).

С.З. Чернов, О.Н. Глазунова

Девичье поле и село Протопопово по данным устной топонимической традиции (исследования 1995 г.)

Девичье поле близ Коломны принадлежит к числу важнейших исторических территорий России. Здесь в 1380 г. великим князем Дмитрием Ивановичем был проведен смотр ратей, собравшихся из княжеств Северо-Восточной Руси в поход на Мамай. Сборы и смотры войск на Девичьем поле происходили и позднее – в 1395, 1455, 1472, 1480, 1522, 1532, 1533, 1541, 1552 гг. – были связаны как с обороной этого ключевого участка «берега», так и с походами за Оку.

Если Куликово поле уже более 150 лет является предметом исследования и охраны¹, то Девичье поле лишь недавно, в 1994 г., получило статус памятника истории и исторического ландшафта и не стало еще предметом специального историко-ландшафтного исследования. Между тем такое исследование представляется весьма перспективным. Дело в том, что Куликово поле более столетия после Куликовской битвы располагалось вне театра русско-ордынских военных действий, и лишь в XVII в. начало заселяться русским населением. Отсутствие преемственности в заселении Куликова поля значительно затрудняет его изучение. Иное дело Девичье поле, где преемственность сохраняется на протяжении последней тысячи лет.

Изучение устной микротопонимической традиции этой территории было начато в рамках разработки проекта зон охраны Девичьего поля, инициированного одноименным Историко-культурным центром, возглавляемым Ольгой Александровной Юриковой. Поскольку Девичье поле – по преимуществу памятник исторического ландшафта, историко-ландшафтные исследования начались в первую очередь. Опросы старожильческого населения проводились сотрудниками Института археологии РАН С.З. Черновым и О.Н. Глазуновой в селе Протопопово (пос. им. Кирова) 6 июля 1995 г. и в селе Большое Колычево 6 и 12 июля 1995 г.

Планировалось провести историко-архивные исследования и на основе сопоставления разнообразных источников подготовить свод памятников исторического ландшафта. Предполагалось также провести ландшафтоведческие и археологические

¹ Об особенностях Куликова поля как памятника исторического ландшафта и предмета комплексных исследований см.: Чернов С.З. О проекте зон охраны Куликова поля // Археологический фактор в планировочной организации территории. Материалы семинара (Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия). Отв. ред. Ю.А. Веденин. Редакторы-составители С.В. Гусев, С.З. Чернов, А.В. Загорулько, В.К. Голенко. М., 1997. С. 146 – 164.

работы. Однако в связи с тем, что в 1996 г. Комитет по культуре Московской области не поддержал данный проект, были подготовлены лишь тексты опросов старожильского населения, которые были записаны на магнитную пленку и расшифрованы О.Н. Глазуновой².

Учитывая ценность этого материала как исторического источника, в настоящее время авторами была начата его обработка.

МЕТОДИКА подобных исследований была предложена при изучении древнего Радонежского княжества (Сергиево-Посадский район Московской области) в 1977 – 1985 гг. и апробирована в проекте Зон охраны древнего города Радонеж (1986 г.). Суть ее состоит в том, что в устной микротопонимической традиции сельского населения сохраняются реликтовые названия угодий и урочищ, восходящие к XIV – XVII вв. и не зафиксированные сколько-нибудь полно ни в ходе картирования территории, ни при этнографических обследованиях. В комплексе с архивными и землеустроительными материалами данные устной традиции оказываются незаменимым источником для изучения средневекового исторического ландшафта³. В 1990 – 1995 гг. эти исследования были продолжены в рамках проекта РФФИ «Микротопонимическая фиксация исторических ландшафтов Московской Руси»⁴ и охватили территорию к северо-востоку от Москвы⁵.

Как показали эти работы, наибольший интерес представляет устная традиция, функционировавшая в 1900 – 1920-е гг. до начала коллективизации. Это обусловлено тем, что в данный период сохранялась система крестьянских угодий, сложившаяся после реформы 1861 г. и в более раннее время. Учитывая, что носители устной традиции первой трети нашего века в 1990-е гг.

² Научно-изыскательские работы по комплексному предпроектному археологическому и историко-ландшафтному исследованию памятника истории и исторического ландшафта «Девичье поле» в городе Коломне для разработки схемы историко-архитектурного опорного плана памятника. 1-я очередь. Историко-ландшафтные исследования. М., 1997. Т. 1. Микротопонимическая фиксация исторического ландшафта. Тексты опросов старожильского населения. (Архив Историко-культурного центра «Девичье поле»). Была также использована запись беседы с С.М. Балашовым 1992 года, которая была подготовлена Н.А. Егасовой и В. Маркиным. Далее ссылки даются на листы этого текста.

³ Чернов С.З. Исторический ландшафт древнего Радонежа. Происхождение и семантика // ПКНО. 1988. М., 1989. С. 413 – 438; Вайнтрауб Л.Р., Чернов С. З. В окрестностях Муранова. Археологические заметки // ПКНО. 1991. М., 1997. С. 401 – 412; Чернов С.З. Исторический ландшафт окрестностей Троице-Сергиева монастыря и его семантика. ПКНО. 1999. М., 2000. С. 655 – 707.

⁴ Чернов С.З. Устная микротопонимическая традиция центральной России: прошлое, настоящее, будущее. По материалам исследований 1993 – 1995 гг. на северо-востоке Московской области // Материалы для изучения селений Москвы и Подмосковья. Докл. и сообщения четвертой региональной науч.-прак. конф. «Москва и Подмосковье». Москва, 20 – 21 декабря 1995 г. М., 1996. С. 191 – 194.

⁵ Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты / [Отв. ред. С.З.Чернов]. М., 2005. Т. 3. Ментальный ландшафт. Московские села и слободы.

достигли 70 – 80-летнего возраста, наиболее актуальной задачей применительно к изучению Девичьего поля являлось проведение опросов.

Опросы велись в форме свободного фокусированного интервью⁶. Подобный метод предполагает наличие развитого вопросника (храмы и часовни, речная и овражная сеть, уголья и их типы, особенности природо- и землепользования, праздники, быт, топонимы и их этимология, местные географические термины и т. д.). Однако этот вопросник не предлагается опрашиваемым в форме анкеты, а присутствует в ходе беседы как ее канва, а порой и в скрытом виде. Свободное интервью предполагает чуткое восприятие тем, интересных собеседнику, умение выслушать точку зрения интервьюируемого и представляет собой совместную с ним реконструкцию возможно более полной картины прошлого селения, его округа и его жителей.

Устные свидетельства важно не только зафиксировать, но и интерпретировать. Осмысление данных устной микро-топонимической традиции ведется с учетом особой оптики, которая свойственна устной истории и которая в последнее десятилетие широко обсуждается в мировой и отечественной историографии⁷. Уступая данным документов в точности, устные свидетельства в ряде случаев значительно более емко, чем письменные источники, отражают то, что было значимо для конкретного сообщества людей в прошлом, помогают более целостно и многопланово представить локальную историю⁸.

Погружение в мир устной традиции села Протопопова было облегчено для нас тем, что в разговоре со старожилами участвовала Ольга Александровна Юрикова, уроженка Протопопова, хорошо знакомая с топографией и воспоминаниями жителей от своей бабушки Пелагеи Алексеевны (девичья фамилия Бучкина) и деда Василия Григорьевича Пархонина. Поскольку одновременно с этим Ольга Александровна прекрасно владеет современной топографической ситуацией, она не раз помогала нам правильно понять порой очень краткие высказывания старожилов.

Вначале в беседе принимали участие Клавдия Ивановна Хлудова (девичья фамилия Кононова), 1923 г. рождения, и Валентина Ивановна Салтыкова, 1916 г. рождения. Шаг за шагом с их помощью мы восстанавливали топографию села и его окрестностей в период «единоличного хозяйства» (1920-е гг.),

⁶ Мергон Р., Фиске М., Кендалл П. Фокусированное интервью. Пер. с англ. М., 1991; Белановский С.А. Методика и техника фокусированного интервью. М., 1993.

⁷ Проблемы, возникающие при реконструкции прошлого на основании свидетельств устной истории, довольно полно проанализированы в работе: Memory and History. Essays on recalling and interpreting experience. London, 1994.

⁸ Томпсон Пол. Голос прошлого. Устная история / Пер. с англ. 3-е изд. М., 2003; Thomson, Paul. The Voice of the past. Oral History. Oxford University press, 1978, 1988, 2000.

в период существования «артели» (1930-е гг.) и в послевоенное время. Примерно в середине разговора к нему присоединилась Евдокия Ивановна Макеева, 1909 г. рождения, которая помнила село предреволюционных лет. Мы вновь возвратились к некоторым ранее обсужденным сюжетам и смогли записать ряд ценных свидетельств.

Методы топонимического исследования весьма разнообразны, поэтому здесь отметим лишь те из них, которые существенны для нашего исследования. В лингвистике давно утвердилось представление о том, что топонимия того или иного района не случайный набор названий, а система, позволяющая поддерживать единообразное употребление топонимов на определенной территории⁹. Микротопонимические системы пока еще мало изучены, но уже сейчас ясно, что они, как и макросистемы, отличаются большей стабильностью, чем отдельные входящие в них топонимы. Для того чтобы выявить историческую информацию, содержащуюся в такой системе, необходимо учитывать ее развитие на фоне истории создавшей ее группы населения на протяжении XVII – XX вв.¹⁰ Так, в Средней России большинство запустевших в 1570 – 1612 гг. деревень не восстановилось, а землепользования сохранившихся сел и деревень выросли. В результате в этих селах и деревнях начали использовать названия, ранее принадлежавшие к другим системам. Подобные «перезагруженные» микротопонимы могут быть не всегда понятны (луг «Заозерье» может оказаться перед озером относительно поселения, в топонимическую систему которого он был включен). К счастью, в случае с селом Протопоповым мы имеем дело с микротопонимической системой, которая, сколько нам известно, практически не перестраивалась во второй половине XVI – первой половине XVII вв.

Обратимся теперь к устной традиции села. Подобное обращение сродни путешествию в пространстве и времени, для которого необходимы и топографическая карта с ее системой географических координат, и временная «карта» с ее хронологической сеткой. В нашем случае речь идет об учете топографических и временных контекстов, которые были бы адекватны представлениям жителей села. Нам предстоит рассмотреть целый ряд таких контекстов: историю села в XX в., систему земельных угодий XVIII – XIX вв. и периода средневековья, место Девичьего поля в структуре полей села в начале XX в., сакральную топографию и положение Девичьей горы и Девичьего перевоза относительно нее. Вначале отметим основные вехи истории села в XX в.

⁹ Карпенко Ю.А. Признаки молодости топонимической системы // Перспективы развития славянской ономастики. М., 1980. С. 48 – 57.

¹⁰ Симина Г.Я. Эволюция названий населенных пунктов Пинежья. Свердловск, 1970. С. 21.

Село Протопопово в XIX – XX вв.

Село Протопопово – самое большое из старинных околородных сел Коломны и единственное из них, расположенное на берегу Оки (ил. 1). К 1980 г. в селе было 312 домов, а в настоящее время сохранилось 262. Село, протянувшееся на два километра, сомасштабно грандиозным панорамам долины Оки с ее бескрайними лугами. Ощущение простора и величия, которое охватывает при посещении этого удивительного места, присутствует и в рассказах старожил.

«У нас село-то действительно разрушили. Такая была красавица... – вспоминает В.И. Салтыкова, – Сейчас вот... пойдешь по этому поселку, что сейчас там есть-то?! Там не поймешь чего. А, бывалоча, пройдешь, ведь зелено все везде, дома все хорошие. И улица-то была до... могильного, по обе стороны. Ну, двести шестьдесят домов было». «Простор-то, простор» (О.А. Юрикова). «У нас по триста штук коров гоняли в стадо, – вторит ей К.И. Хлудова. – Во! И два стада овец... Там стадо, и тут стадо. Вот что было раньше... Вот как жили раньше. Раньше в каждом доме одна-две коровы, телята и все... Раньше, бывало, жить хотелось. Вот раньше бедней жили. И нас у каждой матери было по восемь, по девять (детей). У нас девять у матери было. И все были к труду приучены. Мне вот девять лет было, я ходила с матерью рожь обирала... Отец косит косой с крюком. Мать вяжет, а я обираю ей, вот накладываю. А сейчас до чего все избалованы!» (Л. 52).

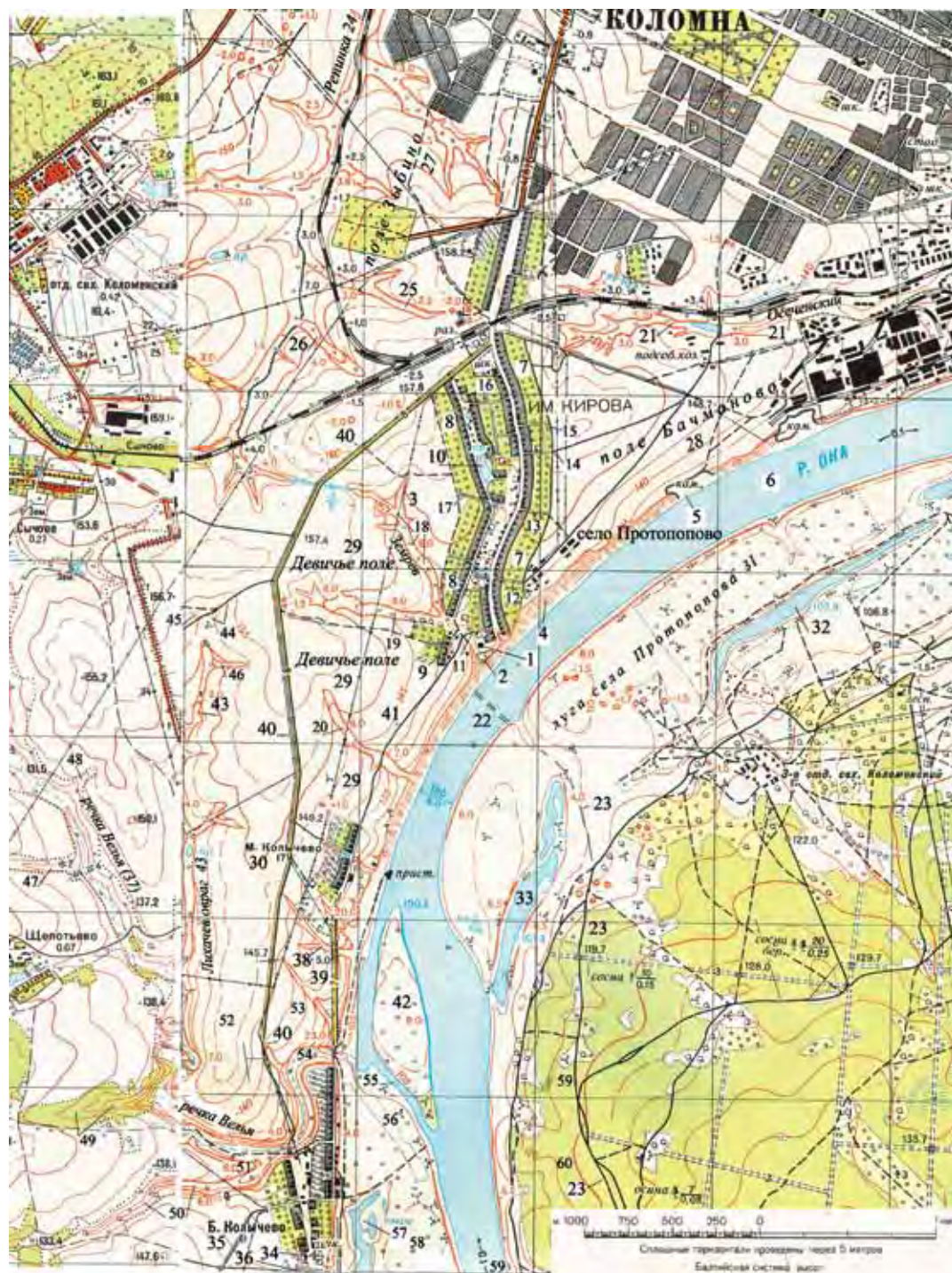
Приведенный текст – больше чем бытовые зарисовки прошлой жизни. Это – точка зрения, устоявшийся взгляд на вещи.

Село Протопопово издавна принадлежало Коломенским владикам (первое упоминание содержится в Писцовой книге 1577/78 г.), а после секуляризации церковных имений (1763 г.) перешло в ведение Коллегии экономии. Крестьянское хозяйство, которое

1 – место Троицкой церкви;
2 – курган;
3 – староверское кладбище;
4 – Святой колодец и Лужок;
5 – каменоломни;
6 – пляж под Гендовой;
7 – Село, улица;
8 – Бутырка, улица;
9 – Курлыновка, улица;
10 – Бутырский пруд;
11 – Воробьев переулоч;
12 – Монахов переулоч;
13 – Жиллов переулоч;
14 – Туркин переулоч;
15 – Хлудов переулоч;
16 – Горшков переулоч;
17 – Лесиков переулоч;
18 – Земрев (Земрево) овраг;
19 – Воробьев овраг;
20 – Дальний овраг;
21 – Осеченский овраг;
22 – паром;

23 – тракт из Коломны на Зарайск;
24 – Репинка, речка;
25 – Егорьевский овраг;
26 – Сокольники, овраг;
27 – Зыбино поле;
28 – Бачманово поле;
29 – Девичье поле;
30 – деревня М. Колычево;
31 – луга села Протопопова;
32 – Полянское озеро;
33 – Песоченское озеро;
Микротопонимы села Б. Колычево;
34 – церковь Федора Стратилата (1880-е гг.) в селе Б. Колычево;
35 – село Б. Колычево;
36 – Барская усадьба;
37 – Велья (Велюшка) речка;
38 – Пьяный враг;
39 – Пороховой склад;
40 – дорога из Коломны в с. Б. Колычево;

41 – дорога из с. Протопопова в с. Б. Колычево через д. М. Колычево;
42 – Колычешский остров;
43 – Лихачев овраг;
44 – Дубняк (Терень) овраг;
45 – Акжель овраг;
46 – овраг Крапивня;
47 – Барановский овраг;
48 – Поддубье овраг;
49 – Рехрах, овраг;
50 – Поповка, овраг;
51 – Попов клин, луг;
52 – Лоб, поле;
53 – Савина дорога, поле;
54 – Савин, луг;
55 – Острог, протока р. Оки;
56 – Телятинки, луг;
57 – Утиный остров на пойменном озере;
58 – Становое, луг;
59 – Подлужье, луг;
60 – Бардыгин, лес;
61 – Потеревка, лес.

Ил. 1. Карта микротопонимов района Девичьего поля по данным опроса 1995 г. В качестве основы использована карты ГУТК масштаба 1:25 000 съёмки 1952 г. (основная часть карты) и 1975 г. (западный край карты).

никогда не было сковано крепостническими порядками, в XIX и начале XX вв. велось с большим размахом. Некоторые крестьяне владели баржами и пароходами, торговали рожью. Даже в 1930-е гг., когда в селе был создан колхоз, а затем артель, масштабы хозяйственной деятельности почти не уменьшились («У нас артель... Я-то работала там маленькая. Мы тама... много работали», — К.И. Хлудова. Л. 30). Особенно ярко это видно по рассказу о том, как за Окой выпасалось огромное Протопоповское стадо:

«А коров мы... как начинается май месяц, мы их отправляли на ту сторону. У нас был паром... где вот це(рковь была). Вот на этом пароме мы отправляли туда коров. И там у нас, вот, с той стороны... было там пастбище. И там па(сли). А три раза на дню мы ходили доить туда коров. Я маленькая уже доила (Л. 32)... три раза. Ночью ходили. В четыре утра... пять... три утра... В двенадцать часов дня... Домой приезжаем... Пока два. А потом в семь вечера ходили. Вот как интересно» (К.И. Хлудова. Л. 33). «Там у нас вот на берегу.. напротив... церкви, — дополняет этот рассказ В.И. Салтыкова, — был загон большой, загороженный из... жердей. И там на ночь скотину загоняли. Вернее, не только на ночь. Ее утром рано... к лесу туда гоняли... пастись. А часов в одиннадцать ее пригоняли. Мы ходили на стойло, значит. Через паром ездили, доили. Опять ее гоняли. А вечером, часов в восемь, мы опять ездили доить» (Л. 34).

Паром запечатлелся в памяти местных жителей как характерная черта той эпохи, когда обширное хозяйство села Протопопова было на подъеме.

«Он, — рассказывает В.И. Салтыкова, — целый день ходил. Целый день. Там просто, там паромщики (находились. — С. Ч.), они у нас были там, — вот Василий Никитыч... Так называли их, паромщики. Они целый день там с утра. Уж идут там с трех часов и... Даже и ночью они дежурили, потому что иногда кто-нибудь ночью кричит: «Паром!» с той стороны. Значит, они... А он так ... на веревке был паром-то... — не лебедкой. Там все время, до последнего, на веревках... руками. Ну, конечно, не веревка была-то, а жгут такой вот... Паром, он еще в войну был... А потом здесь у нас... все кончилось» (Л. 41).

Начало нарушения традиционной жизни села старожилы связывают с событиями 1930-х гг., когда рядом с селом возобновились карьероразработки, на которые съехались крестьяне, скрывавшиеся от преследований, связанных с «раскулачиванием».

«В тридцатых годах, — вспоминает В.И. Салтыкова, — они стали сюда наезжать. Наверное, разрабатывать карьеры... Как всех из колхозов стали раскулачивать-то, они все, все съехались сюда. Больше всего такой вот люд приехал сюда. Мы уж после-то женщины-то все познакомились — «все, значит, побросали все свое, боялись, что там арестуют, все побросали и сюда вот в карьер поступили» (так Салтыкова передает слова переселившихся). Некоторые приехали из Шурова» (Л. 38).

Слом старой хозяйственной жизни села произошел перед самой войной, когда в 1940 г. была ликвидирована артель.

«А потом здесь у нас... все кончилось, война. После у нас артель кончилась... У нас землю за рекой отобрали... Вот эта война-то... почти сороковой год — у нас кончилась артель... Здесь кажется, везде колхозы с тридцатого года, а у нас артель... У нас сначала был колхоз... немного. Но он... плохо в нем дело пошло. Потом она стала называться артель. Я и сама, — говорил В.И. Салтыкова, — счетоводом там работала (Л. 41). «За рекой это все забрали — все коломенский совхоз. Потом вот здесь у нас забрал Станкостроительный. Подсобное хозяйство... По самые по наши (усадыбы — С. Ч.). Станкостроительный завод, у них свое подсобное хозяйство стало, и они все наши поля взяли» (В.И. Салтыкова. Л. 42).

Село Протопопово не было захвачено немецкими войсками в период Отечественной войны, но находилось в прифронтовой полосе, и война ярко запечатлелась в воспоминаниях старожилов. Жители Протопопова были свидетелями налетов немецкой авиации на Коломну и ответного огня зенитной батареи, которая была размещена рядом с селом, в районе «Дачи».

«И самолеты лета(ли). Вот самолеты же летали, бомбили. На канатку упала бомба тогда» (О.А. Юрикова. Л. 42). «У нас зениток и-то мало, они зенитки стали сорок второй то... здесь уже меньше. А ведь сорок первый, здесь вот, ну, вот зиму, это очень... Они даже зенитки... Я помню, вот мужа провожала. Мы как раз шестого вечером (6 ноября 1941 г. — С. Ч.) там были, в это... бежали. Ой, это зенитки. Они ведь, от них-то эти... падают. Мы по полю вот здесь бежим, а прям они вот сверкают. Все здесь стояли вот, как это, Дача-то, они здесь зенитки стояли, у нас. Ой, страшно! Все пережили» (В.И. Салтыкова. Л. 42)¹¹. Голодало большое число жителей Протопопова.

¹¹ В.И. Салтыкова, которой в 1941 г. было 25 лет, вспоминает: «Вот я на своем опыте знаю. У меня муж, значит, уехал. Как раз, он в войну... седьмого ноября он уехал. Он у меня эвакуировался, поехал-то седьмого ноября. Здесь прям уж совсем фронт подходил. Начали здесь у нас рыть окопы. Окопчики вот ко мне лично, у меня двое детей было, поставили окопчиков тогда десять человек в дом. Ну, мы... Они рыли окоп. А уж здесь все гремит. Фронт-то, он вот здесь. Зарайск был рядом. Все гремит. У меня, помню, картошки было много, мешков десять, наверное. А я осталась с двумя детьми. Муж поехал спокойно: «У тебя, вроде, все есть». А окопчики... Жалко. Они приходят ведь. Я им вот такой чугунок картошки сварю прям, ведерный. Они приходят, я им ставлю картошки. И, значит, как раз это вот все, месяц-то они у меня... стояли. Фронт-то стали отгонять, а у меня картошки ни одной не осталось. Думала, ведь немцы придут. На кой им, немцам-то отдавать?! И я осталась без картошки. Стала голодать. Ой! От голода-то по... У меня был грудной (ребенок). Ребята были такие: три года маленькому... а второй у меня в августе родился только в войну... И я вот с такими осталась одна. И я по три дня не ела. А кормила грудью ребенка. Ой! Ведь вспомнить-то, Боже мой! Это не дай Бог! Сорок второй год. А потом уж здесь немножко когда, здесь я посадила хоть свеклу, потом... на весну-то... Здесь немножко стали выживать как-то. А сменяла все вот... Все сменяла до последнего. Последнее, что было у меня, помню — туфельки, юбка и кофта. Это, вроде, вот хоть выйти. А чего? Есть нечего. Пошла, вот на мешок картошки сменяла, и все. И больше ничего. Ни одеться, ни обуться, ничего нет. Так все пережили-то, Боже мой! Очень трудно» (Л. 41).

«Бабушка, — рассказывает О.А. Юрикова, — никогда войну не вспоминала — делали из гнилой картошки ши... Еле выжили тут тоже... Все распахали переулки, все, — бабуся-то говорит, — распахали, прям, вот даже там вот все улицы» (Л. 41).

*Земли села Протопопова и прилегающие владения
по данным Генерального межевания*

Записанные нами свидетельства старожилов об угодьях и урочищах, окружавших село, погружены в контекст XX в. Однако сами эти угодья и урочища относятся к значительно более раннему времени. Поэтому для их изучения необходимо обратиться к данным XVIII — XIX вв. и проследить, как складывались эти угодья. Прежде всего сравним систему угодий села Протопопова — как она нам известна по данным опросов (ил. 1) — с системой земельных границ XVIII в. Незаменяемым источником здесь является Генеральное межевание, которое было проведено в Большом Микулине стане Коломенского уезда в 1766 — 1770 г. (ил. 2). Такое сравнение стало возможным после того, как на современную геоподоснову (в нашем распоряжении была карта ГУГК масштаба 1:25 000, основанная на топосъемке 1952 г.) были вынесены границы земельных дач Генерального межевания, взятые с планов дач, любезно предоставленных О.А. Юриковой (ил. 3)¹².

Земельная дача села Протопопова имела площадь 237 десятин и охватывала тогда территорию нынешнего села (за вычетом его северной окраины у железнодорожного переезда), а также пространство к западу и востоку от него (ил. 3). От впадения Земревского оврага в Оку и места Троицкой церкви на восток земли села Протопопова распространялись по берегу Оки всего на 1 км. Далее на восток по высокому берегу Оки лежала обширная (305 десятин) пустошь «Верхние и Нижние Осечны» (ил. 2, № 79), на землях которой в настоящее время размещается Станкостроительный завод, овраг Осеченский, парк 50-летия Октября и железнодорожное полотно (ил. 3). К востоку от этой пустоши располагались земли деревни Бачмановой, а к северу — земли Ямской слободы г. Коломны (ил. 2, № 334, 506).

К северу-западу от земель с. Протопопова располагалась земельная дача сельца Зыбинского и пустоши Зыбинской (ил. 3, № 176, 178). С первой дачей земли Протопопова граничили по дороге из Коломны в село Большое Колычево, а со вторым

¹² Планы: Верхние и Нижние Осечны, пустоши. 1766 г. (РГАДА. Ф. 1354. Оп. 254. Ч. I. № 0-2с); Зыбино, сельцо. 1770 г. (РГАДА. Ф. 1354. Оп. 254. Ч. I. № 3-1); Зыбинская пустошь. 1766 г. (РГАДА. Ф. 1354. Оп. 254. Ч. I. № 3-3с); Лихачево, особый жеребей пустоши. 1766 г. (РГАДА. Ф. 1354. Оп. 254. Ч. I. № А-27с); Лихачево, особый жеребей пустоши. 1766 г. (РГАДА. Ф. 1354. Оп. 254. Ч. I. № А-28с); Чертово, сельцо. 1766 г. (РГАДА. Ф. 1354. Оп. 254. Ч. I. № Ч-3с).

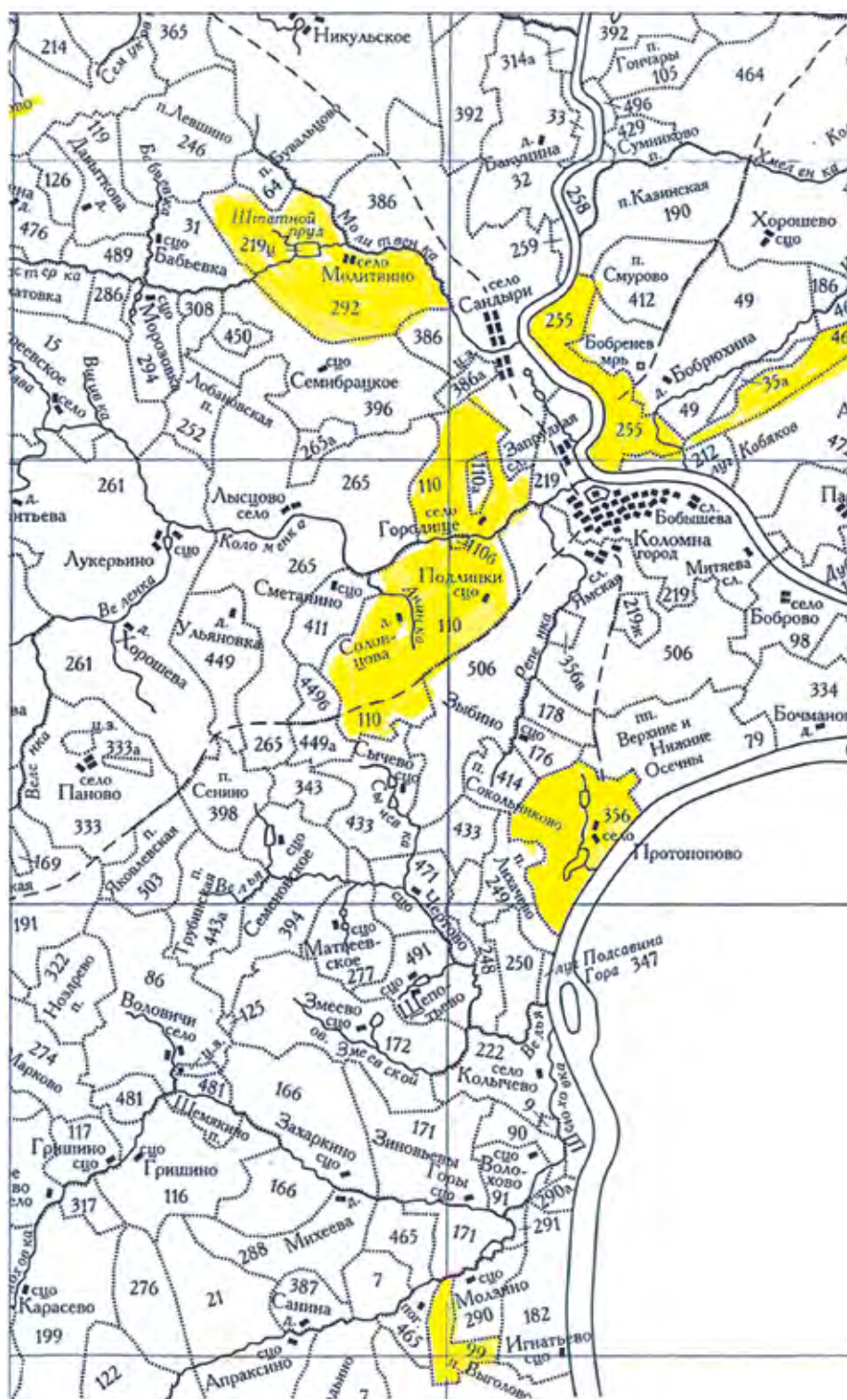
владением не межевались. Граница Зыбинской и Осенченской пустоши пролегла от нынешнего железнодорожного переезда вдоль дороги на Коломну на протяжении 300 м.

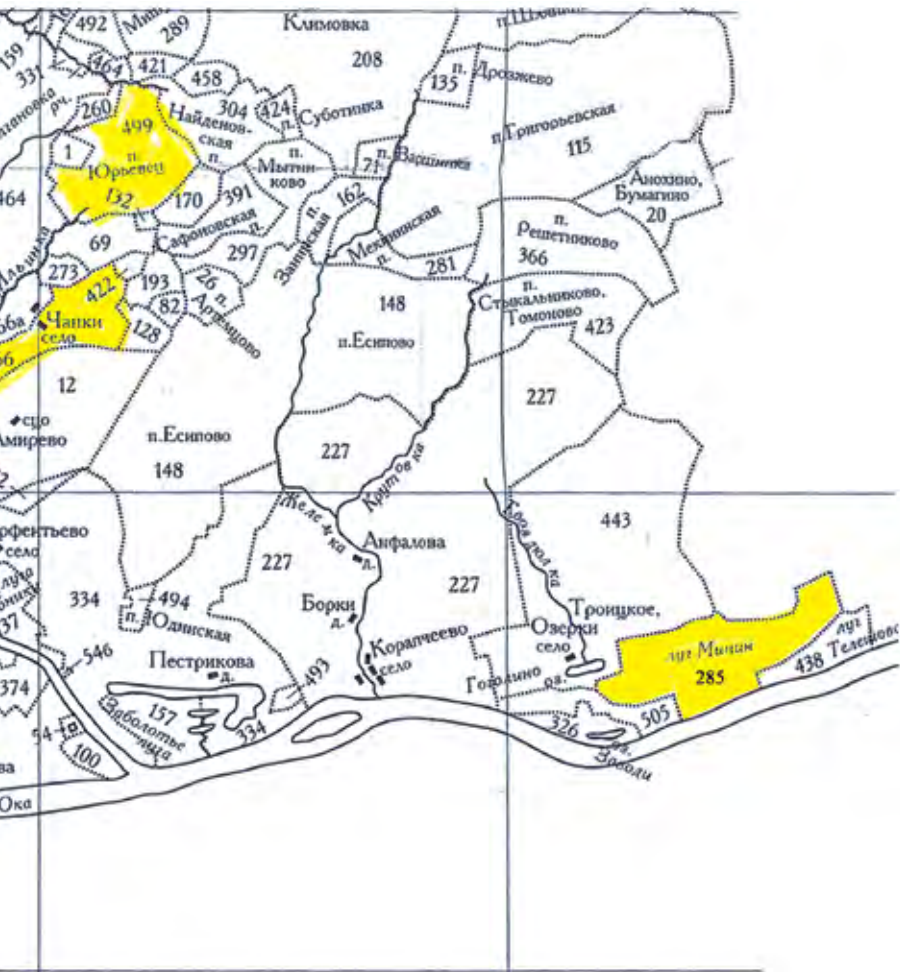
Межа земель села Протопопова вела далее на юго-запад вдоль дороги из Коломны в село Большое Колычево, которая пролегла по водоразделу речки Репинки (притока р. Коломенки) и Оки. К северо-западу от этой межи лежали земли слц. Зыбина и пустоши Сокольниково (ил. 3, № 414). Там, где к этой дороге близко подходило верховье Воробьевского (в период Генерального межевания Аксиньинского¹³) оврага, межа Протопоповских земель оставляла дорогу и пролегла на восток по Воробьевскому оврагу на протяжении 600 м. Не доходя 500 м до Оки, межа резко поворачивала на юг и вела параллельно берегу Оки (в 500 м от нее) до того места, где в 1870-е гг. возникла деревня Малое Колычево. Здесь граница выводила к Оке и по ее берегу вела к исходной точке. Сама деревня Малое Колычево и пространство к западу от описанной границы принадлежало в период Генерального межевания пустоши Лихачево, которая к этому времени была поделена натрое (состояла из трех «жеребьев») и принадлежала коллежскому советнику Петру Ивановичу Лихачеву и его родственникам (ил. 2, 4; № 248, 249, 250). Земли Лихачевской пустоши охватывали пахотные угодья между Окой на востоке, Лихачевским оврагом на западе и речкой Вельей на юге, за которой располагались земли села Большое Колычево.

Сопоставляя эту картину с ситуацией, которую рисуют воспоминания крестьян 1910 – 1920-х гг., мы видим, что к началу XX в. владений крестьян села Протопопова охватили значительно большую территорию, чем те 237 десятин, которые относились к селу в 1766 г. Если на западе границы земель села практически не изменились, то на севере в крестьянский надел вошло поле Зыбино (ил. 1, № 27), соответствовавшее землям исчезнувшего в XIX в. сельца Зыбина и одноименной пустоши (ил. 3, № 176, 178). На востоке крестьянские наделы располагались на Бачмановском поле (ил. 1, № 28), которое распространялось вплоть до территории нынешнего Станкостроительного завода, то есть в пределах пустоши Верхние и Нижние Осечны (ил. 3, № 79). Объяснить это можно лишь тем, что в ходе проведения крестьянской реформы 1861 г., крестьяне многодворного села Протопопова (ил. 4) получили земельные наделы за счет господских земель в Зыбинских и Осеченских пустошах¹⁴.

¹³ Название оврага помечено на Геометрическом специальном плане Коломенского уезду Большого Микулина стану особого жеребья пустоши Лихачевой 1766 г. (РГАДА. Ф. 1354. Оп. 254. Д. Л-27).

¹⁴ Подробнее этот процесс может быть прослежен по Уставным грамотам 1861 – 1864 гг. (ЦГИАМ. Ф. 66 (Московское губернское по крестьянским делам присутствие)), Владельным записям на земельный и лесной наделы крестьян (ЦГИАМ. Ф. 210 (Московская губернская чертежная), делам о выкупе крестьянами наделов земли 1861 – 1877 гг. (ЦГИАМ. Ф. 66).

Условные обозначения

- поселение
- с/цо село
- п/сцо полусельцо
- д. деревня
- п/д полудеревня
- 503 границы земельных владений, номера их описаний
- п. пустошь
- п/п полупустошь
- ц.з. церковная земля

Ил. 2. Фрагмент Плана Коломенского уезда 1766 – 1770 гг. Генерального межевания (составлен В.С. Кусовым) на округу Коломны. Желтым цветом выделены древние вотчины Коломенских владык (Протопоповские отхожие луга за Окой и в районе с. Пирочи не показаны). Подробнее см. на с. 70.

79 — Верхние и Нижние Осечны, пустоши Микулина стана, общее владение вдовы секретарши Прасковьи Ивановны да пасынков ее, титулярного советника Ивана, поручика Степана да сына ее недоросля Михаила Максимовичей Шонуровых, конной гвардии отставного поручика, барона Петра Ивановича Черкасова; межевал 8 июля 1766 г. Ваксель; всего 305 десятин 159 кв. сажен. Шифр О-2с.

176 — Зыбино, сельцо Большого Микулина стана, владение коллежского регистратора Ивана Матвеевича Низовкина, межевал 26 июня 1766 г. Каверин; всего 55 десятин 2144 кв. сажен; душ 33. Шифр З-4с.

178 — Зыбинская, полупустошь Большого Микулина стана, общее владение вдовы, маиорши Марьи Львовны с детьми, надворным советником Василием, капитаном Симеоном, Иваном, поручиком Лаврентием Ивановыми детьми Гвоздевыми, прапорщика Петра Васильевича Селиверстова, межевал 28 июля 1766 г. Каверин; всего 49 десятин 2090 кв. сажен. Шифр З-3с.

222 — Кольчево, село Большого Микулина стана, общее владение подпоручика Алексея Максимовича Страхова, полковника Федора Никифоровича Борисова жены Настасьи Петровны, коллежского советника Петра Ивановича Лопухина, прапорщика Михаила Алексеевича Яблочкова, поручика Александра Трофимовича Иевлева, межевал 13 сентября 1766 г. Арсеньев; всего 324 десятины 632 кв. сажен; душ 98. Шифр К-20с.

248 — Лихачево, особый жеребей пустоши Большого Микулина стана, общее владение коллежского советника Петра Ивановича Лихачева, межевал 10 августа 1766 г. Арсеньев; всего 95 десятин 816 кв. сажен. Шифр Л-26с.

249 — Лихачево, особый жеребей пустоши Большого Микулина стана, общее владение подпоручика Александра Трофимовича Иевлева да прапорщика Михаила Алексеевича Яблочкова, межевал 10 августа 1766 г. Арсеньев; всего 111 десятин 1192 кв. сажен. Шифр Л-27с.

250 — Лихачево, особый жеребей пустоши Большого Микулина стана, общее владение полковника Федора Никитьевича Борисова жены Настасьи Петровны да поручика Алексея Максимовича Страхова, межевал 12 сентября 1766 г. Арсеньев; всего 95 десятин 1032 кв. сажен. Шифр Л-28с.

347 — Подсавина гора, луг Большого Микулина стана, владение маиора Федора Григорьевича Луни-

на да Невского пехотного полку капитана Ивана Петровича Кафтырева жены Прасковьи Львовны, межевал 12 сентября 1766 г. Каверин; всего 7 десятин 2360 кв. сажен. Шифр П-12с.

356 — Протопопово, село Микулина стана, владение Коллегии экономии, ранее дому Коломенского архиерея, межевал 7 августа 1766 г. Арсеньев. 237 десятин 1035 кв. сажен. Душ 264. Шифр П-11с.

356а — луг Молзинский села Протопопова, межевал 18 октября 1766 г. Арсеньев. 22 десятины 1450 кв. сажен. Шифр М-13с;

356б — сенные покосы Молзинские села Протопопова, межевал 9 августа 1766 г. Ваксель. 7 десятин 656 кв. сажен. Шифр П-26с;

356в — церковная пустошь Предтеченская, что в Акуловском села Протопопова, межевал в октябре 1770 г. Арсеньев; 27 десятин 20 сажен. Шифр П-57с.

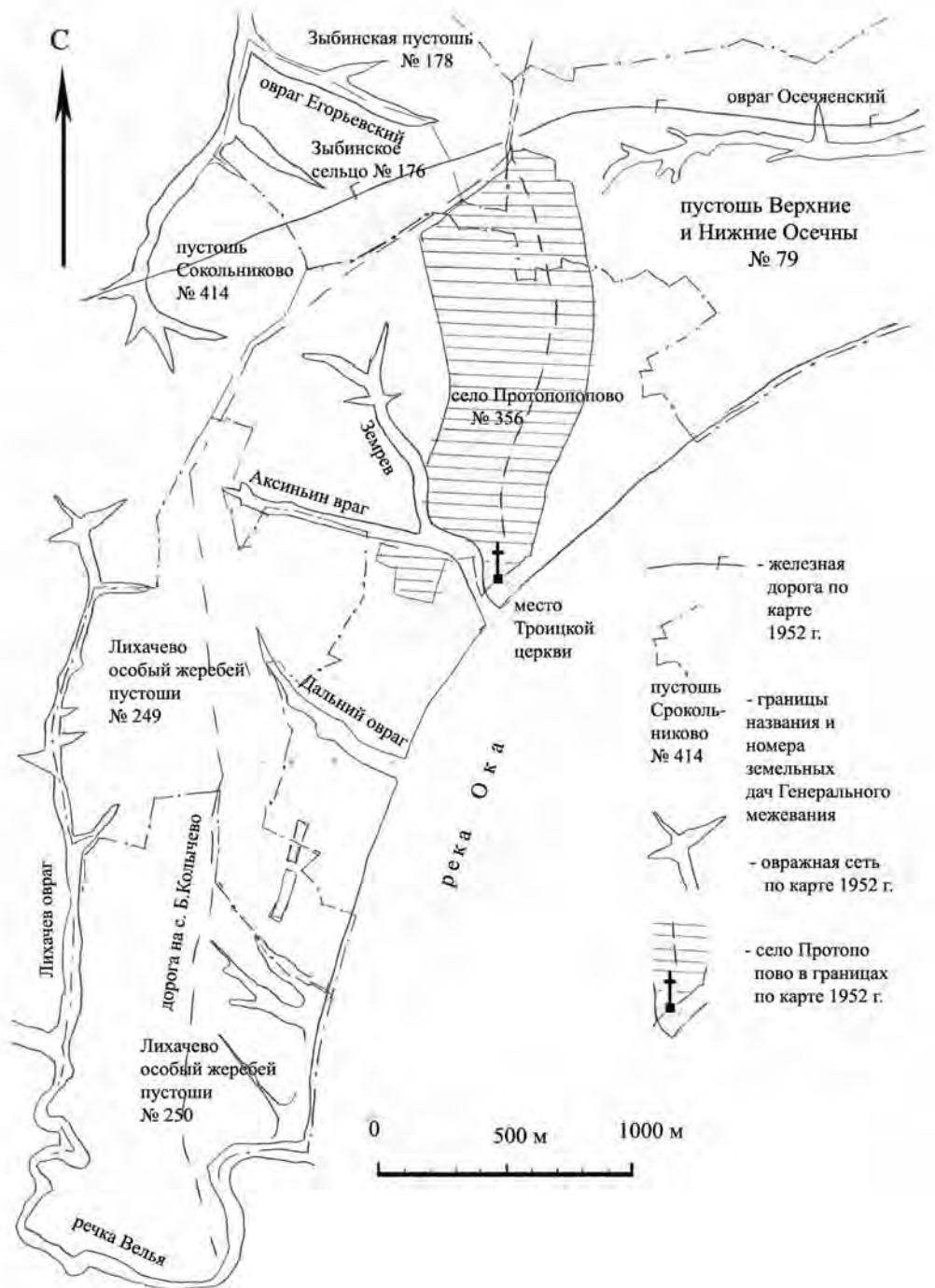
414 — Сокольниково, пустошь Большого Микулина стана, владение коллежского регистратора Ивана Матвеевича Низовкина жены Матрены Леонтьевны, межевал 26 июля 1766 г. Арсеньев; всего 76 десятин 1745 кв. сажен. Шифр С-1с.

415 — Сокольниково, пустошь Большого Микулина стана, владение подполковника Авраама Петровича Вячеслова, вдовы, маиорши Ирины Семеновны Аладьиной, капитана Сергея Артамоновича Вячеслова, девицы Анны Александровны, сержантов Степана, Василия и Сергея Степановых детей Вячесловых, межевал 17 июля 1769 г. Шмаров; всего 101 десятины 2231 кв. сажен. Шифр С-51с.

433 — Сычево, сельцо Большого Микулина стана, владение лейб гвардии Измайловского полку капитана поручика, князя Василия Михайловича Голицына, межевал 24 июля 1766 г. Арсеньев; всего 262 десятины 2203 кв. сажен; душ 165. Шифр С-2с.

471 — Чертово, сельцо Большого Микулина стана, владение капитанши Марьи Львовны и ее детей надворного советника Василия, капитана Семиона, капитана Ивана, поручика Лаврентия Ивановых детей Гвоздевых, межевал 14 августа 1766 г. Арсеньев; всего 144 десятины 170 кв. сажен; душ 21. Шифр Ч-3с.

506 — Ямская слобода Большого Микулина стана, владение Коломенских ямщиков, межевал 26 октября 1770 г. Арсеньев, всего 894 десятины 2321 кв. сажен; душ 517. Шифр С-53к.

Ил. 3. Схема-локализация границ земельных владений в районе села Протопопово периода Генерального межевания. В качестве подосновы использована карта 1952 г., с которой на схему нанесены берег Оки, овражная сеть, трассы железной дороги, дороги из Коломны на с. Б. Кольчезо и улицы села Протопопова.

*Древние отхожие луга, рыбные ловли
и торговые связи села Протопопова*

Опросы старожильского населения упоминают не только угодья, сложившиеся после 1861 г., но и значительно более древние реалии. Судя по рассказам крестьян, вплоть до 1940 г., когда было ликвидировано коллективное хозяйство («артель»), они имели четыре отхожих покоса, располагавшиеся на значительном удалении от села.

За Окой, на ее правом берегу, ниже по течению, селу Протопопову принадлежал покос Перочи. Он располагался на рязанской стороне Оки, в Рязанской губернии, восточнее деревни Щурова и сел Старое и Новое Пирочи (ил. 5).

«Перочи – вот за речкой. Прямо через речку. У нас здесь были наши луга» (Л. 30). «Перочи это за Щуровым... на том (берегу)... за Щуровым. ... Перочи тама. ... Потом где-то еще были за Корабчевым» (К.И. Хлудова. Л. 31).

С поездками на дальние отхожие луга связаны интересные бытовые зарисовки:

«А я помню ба... У нас Клавдия Ивановна, Лилина мать, ездила. Вот, бывало, с мамой едет, сундук готовит туда... Питания целый сундук. Самовар им туда на луга. И наряды. Они ведь там и гулять ходили... Это я помню, Лилина мать. Но я-то была маленькая. А Лилина мать-то ездила» (Лилия – старшая сестра К.И. Хлудовой) (К.И. Хлудова. Л. 31).

Еще больше воспоминаний связано с Мининым лугом, который располагался на левом берегу р. Оки, восточнее впадения в Оку Москвы-реки. Минин луг представлял собой часть лугового массива, который начинался за селом Карабчевым и занимал пространство между Окой и коренным берегом, на котором стояли деревни Троицкие Озерки и Поповка (ныне Октябрьское).

Воспоминания В.И. Салтыковой относятся к рубежу 1920-х и 1930-х гг. Описывая дорогу к Минину лугу, она противопоставляла ее дороге, которая шла к лугам у с. Пирочи:

«Это ехать... Вот если мы едем мимо Выселок, Коробчьева... около Коломзавода. Но раньше-то на лошадях ведь возили-то» (Л. 33). «Через Щурово ехали в Перочи. А это мы ездили ... мимо Парфентьева, мы боком Парфентьево проезжаем и туда едем... Я ехала вот на это на Минино, тоже ездила. Ну, вот... Я, правда, с шестнадцатого года, но ведь все-таки мне лет тринадцать – четырнадцать было. Нас тоже в колхоз все...» (Л. 34).

«У нас, – продолжает В.И. Салтыкова, – было в Озерках Минин (луг – С. Ч.)... К Коробчьево туда ехать, в ту сторону. Озерки. И там такой большой. Ну, мы вот и сейчас ездим... в Каданок-то, за грибами-то, вот, мимо этого проезжаем. Она как раз на берегу Оки... большие луга. Минин называются» (Л. 33). «Вот около Озерок, Октябрьская... в сторону Каданок,

Ил. 4. Фрагмент топографической карты Московской губернии, составленной с топографической съемки, произведенной в 1852 и 1853 гг. и гравированной в Военно-топографическом депо. 1860 г. Масштаб в английском дюйме 2 версты или в 1/84 000 долю настоящей величины (РГВИА. Ф. ВУА. Д. 21387) на окрестности Коломны.

Ил. 5. Карта Рязанской губернии Военно-топографического депо (карта генерала Менде). XIX в. Фрагмент на территорию правобережья р. Оки напротив села Протопопова.

а в эту сторону там на Дединово. А здесь вот Озерки. И здесь вот Поповка. Раньше там деревня была Поповка в старину. Сейчас я вот не знаю, может, она переименовалась... В эту Поповку мы ходили гулять, когда мы... ездили... Я даже помню один раз по морозу прямо. А вечерами мы, бывалоча, где-нибудь работаем и... молодежь,... а вечером в эту Поповку на танцы туда гулять... У нас Минин, – а вот так она шла деревня Поповка. А у нас по... по ряду по этому заливные они были луга, очень они

ценились, что они заливные. Потому что, бывало, для коров-то они заливные-то лучше ле... сено-то...» (Л. 33).

Из слов Е.И. Макеевой, 1909 г. рождения, явствует, что покосы села Протопопова на Манином лугу существовали и в XIX в.

«Как это поко(йная)... моя говорила это, ездили... Выселки? На Перочи, а там идете... Кравцово. Потом Поповка» (Л. 52). Говоря о доброжелательности людей в прошлом, Евдокия Ивановна вспомнила, как протопоповских крестьян принимали во время этих дальних поездок: «Озерки Троицкие. Все там... Все жили, не знаю. Пойдем, бывало, ночевать... Нас с удовольствием пустят. А сейчас днем-то страшно» (Е.И. Макеева. Л. 53).

Другой отхожий луг села Протопопова – Молзинский – располагался выше Большого Колычева по течению р. Оки, у д. Молзино.

«А луга у нас раньше были: ...Молзино мы косили. На Молзино. Это там Зиновьева (деревня). Там, так, низина такая. Это Молзино, мы его называли. Это маленький у нас был (луг – С. Ч.)» (В.И. Салтыкова. Л. 33).

О.А. Юрикова рассказывает об этом луге со слов своей бабушки Пелагеи Алексеевны Бучкиной:

«В Апраксино, – моя бабушка рассказывала... – и в Зиновьево наши покосы были. А там очень хорошая трава. Там родники и... Вот наши покосы. Бабуся... у меня... записано – там... Апраксино, Зиновьево и Перочи. И вот она рассказывала... что шалаши делали, наряжались. И вот, прямо, воспоминания такие» (Л. 31).

Обращение к материалам Генерального межевания свидетельствует о том, что Минин луг, располагавшийся в 7 км ниже впадения р. Москвы в Оку, имел площадь 327 десятин (ил. 2, № 285), то есть превышал площадь земельной дачи самого села Протопопова. В 1767 г. он принадлежал Коллегии Экономии, а до секуляризации монастырских имений (1763 г.) – Богоявленскому Голутвину монастырю¹⁵. То, что после секуляризации часть этого огромного луга использовалось крестьянами села Протопопова, дает основание предполагать, что и до секуляризации монастырских имений Коломенские владыки имели здесь свою долю.

В районе деревень Зиновьево и Апраксино, к югу от села Б. Колычево, на плане Генерального межевания Коломенского уезда, рядом с несуществующим ныне селцом Молзино, мы находим пустошь Выголово – «владение Коллегии экономии, ранее Коломенского архиерейского дому». В 1767 г. площадь пустоши составляла 47 десятин (ил. 2, № 99)¹⁶.

¹⁵ Кусов В.С. Земли Московской губернии в XVIII веке. Карты уездов. Описание землевладений. Т. II. С. 32. № 285.

¹⁶ Кусов В.С. Земли Московской губернии... С. 14. № 99.

Здесь уместно обратиться к наиболее раннему описанию Протопоповской вотчины, которое содержится в списке с Писцовой книги Коломенского уезда 1577/78 г. В нем мы читаем:

«Въ Болшомъ-же стану вотчина владыки Коломенского... Дер. Протопопова, а подъ нею прудец: пашни сер(едние) земли 20 четьи, да пер(елогу) 100 четьи, въ поле, а въ дву потомуже, сена 120 коп(ен). Полупуст(оши) Молжина на речъке на Семеновке: пашни перелог(ом) худ(ые) земли 29 четьи да перелогом же и лесом поросло 30 четьи в поле, а въ дву потомуже, сена по речке Семеновке 50 коп(ен)»¹⁷.

Таким образом, Молзинские или Молжинские луга составляли часть земель села Протопопова и принадлежали Коломенским владикам в 1577 – 1578 гг.

В описании, которое содержится в Писцовой и межевой книге Еремея Хрущева 1684/86 гг. читаем:

«За преосвященным архиепископом Коломенским и Каширским старая домовая вотчина село Протопопово на овраге. Того села церковь Живоначальныя Троицы древянна у Оки реки на берегу. Во дворе поп тоя церкви Степан Семенов, во дворе дьячок Андрей.

В селе Протопопове на домовые владычные земли пашни паханые у Оки реки по старым писцовым книгам Кирилла Воронцова-Вельяминова со товарищи РЛЗ году и РЛП году.

В Перевицком стану написано Троицы живоначальные на реке на Оке на Резанской стороне сена на лугу ставитца двесте копен, лесу болота десять десятин.

Коломенского уезду что на Девичьих горах за попом Ивановом луг церковный Грива Попова. А в меру под сею статью те сенные покосы не положены и межи им не учинены для того, что те покосы в Резанском уезде а не в Коломенском уезде (далее следует подворное описание села Протопопова. – *С. Ч.*)»¹⁸.

К анализу известия о Девичьих горах мы еще вернемся. Здесь же важно отметить, что владения коломенских владык распространялись в 1680-е гг. и на луга, расположенные непосредственно напротив Протопопова, на правом берегу Оки, в Перевицком стане Рязанского уезда.

Устная традиция XX в. хорошо знает эти владения. Собственно о лугах, на которых выпасалось Протопоповское стадо, говорилось выше (ил. 1, № 31). Причем они отнюдь не исчерпывались 20 десятинами, которые выкашивались в 1680-е гг. (200 копен). Это была длинная и сухая грива между Окой и старичными озерами Полянским и Песоченским площадью примерно 210 га или 192 десятины, а также пространство между озерами и лесом. В настоящее время эти земли распахиваются.

¹⁷ Писцовые книги Московского государства / Ред. Н.В. Калачев. СПб., 1872. Ч. 1. Отд. 1. С. 385.

¹⁸ РГАДА. Ф. 1209. № 207. Л. 255.

Обращение к Карте Рязанской губернии Военно-топографического депо (так называемые карты генерала Менде) показывает, что северо-восточная часть луга входила в земельные дачи деревни Ларцева Поляна (Юрасова) (ил. 5, № 420, 424). В центре луга, напротив перевоза имелось два небольших участка (ил. 5, № 417, 418), а юго-западная часть луга (ограниченная Песоченским озером) входила в три пустоши (ил. 5, № 414 – 416). Часть этих участков в XVIII – XIX вв. принадлежала селу Протопопову.

Помимо лугов, жители Протопопова использовали и лес, располагавшийся за Окой.

«Мы его называли «свой» лес... – вспоминает В.И. Салтыкова период 1930-х гг. – Где мы грибы собирали? – В «своем» лесу. А вот.. уж кому он принадлежал, я Вам уж не могу сказать. Мы его звали «свой» лес. Там. «Куда за грибами? Куда пойдём?» – «В свой лес» (Л. 35). Зимой открывался санный путь по Оке: «И они так же ездили, городенские. Они ездили. И мы... но мы-то в лес, конечно, в леса-то ездили на лошадях, в леса ездили. Как же? Там делянки. Вот нам... отдавали все-таки делянки, значит, этот лес все-таки наш был... Потому что нас чистить лес-то заставляли... за рекой-то... Ведь мы, бывалоча, вот вычищали плохой, наложим. Делянка наша. Значит, очистим ее, а потом возим зимой дрова-то... Ездили. Всю зиму ездили» (Салтыкова В.И. Л. 39).

После 1940 г. за правом пользования заречным лесом стало необходимым обращаться в поселок Поляны:

«Как артель-то кончилась у нас, – продолжает В.И. Салтыкова, – и лес у нас кончился. Уже стал Поляны... И мы вот, если за лесом... чего-нибудь, уж в Поляны ходили. Вон хозяйничали Полянские... Лесничество Поляны было» (Л. 42). До войны, – по словам В.И. Салтыковой, – лес «чистили свои», а после войны – «уже они стали... полянские» (Л. 43).

В 1955 – 1956 гг. лес начали сводить в связи с разработкой карьера:

«Он в пятьдесят шестом году, по-моему, или в пятьдесят пятом. После войны» (В.И. Салтыкова. Л. 43). «Там... весь лес ликвидировали они этот свой, Господи! Сейчас он, карьер, уже стал, а тогда-то лес наш был. Мы за грибами ходили» (К.И. Хлудова. Л. 43). «Сейчас и в лес стали... ходить редко. Тоже через карьеры. Там уж очень трудно» (В.И. Салтыкова. Л. 43).

Хозяйственные связи села Протопопова с рязанской стороной Оки становятся понятными, если вспомнить, что через село Протопопово в XIX в. и более раннее время пролегал тракт из Коломны в Зарайск. Поэтому паром, о котором так хорошо помнят в селе до сих пор, служил не только местным нуждам, но и связям села Городня (на устье р. Осетр в Оку) и города Зарайска с Коломной и Москвой. В.И. Салтыкова передает свои дет-

ские воспоминания, которые относятся к началу 1920-х гг., но воспроизводят явление, которое тогда уже было привычным:

«Здесь много ездили, если только, вот, в Городну. Все больше городенские туда. И там разные... деревни... зарайские, уж они к нам... Из Зарайска они прям приезжали туда. ...А мы знали почему – городенские, бывалоча, как говорится, вот из-за Оки, они ездили, очень много их с Москвы. Как их называли: «Едут с Москвы лакеи»... Бывалоча, у них такие сани большие. Сзади загорожено. Они все с Москвы везут. А мы, конечно, катались. Они последние пути. Бывалоча, нас посадят, маленьких. Мы, значит, едем. До места доедем. Вот, бывалоча, все вспомнишь – дураки были. До лесу доедем, а обратно бежим чуть не километр пешком домой – прокатились на лошади. Они нас возили. Это вот они как-то с... осени ехали... на заработки в Москву (Л. 39). А вот в... Евдокию, как раз, – здесь она, последний путь уже, – и они, значит, ехали домой мимо нас» (Л. 40) (память преподобномученицы Евдокии отмечают 1 марта по старому или 14 марта по новому стилю. – С. Ч.).

Противоположный берег Оки был хорошо известен жителям Протопопова. На вопрос о старичных озерах за Окой В.И. Салтыкова рассказала следующее:

«У нас там озеро... было... одно Полянское озеро, а другое... я и забыла, как уж оно называлось. Тоже озеро, вот на этом полуострове-то большое озеро. ...Оно было... вот на этом на мысу... в середине. Она... заливалась как бы в половодье... А потом оно оставалось (сухим)... А сейчас там уже все распахали. Озеро-то это там есть или нет, я уж сейчас и не знаю» (Л. 34). «Это уж мы на Полянское озеро... за рыбой ходили» (Л. 36). В.И. Салтыкова отчетливо помнила о двух озерах, одно из которых называлось Полянским: «На Большом? Нет, не на Большом озере. Как-то его называли. Это вот все рыбу-то мы ловили где – на Полянском... или на этом... А вот знаю, как-то его тоже называли» (Л. 43).

О рыбной ловле села Протопопова дают представление два рассказа, записанные от В.И. Салтыковой:

«Ловили рыбу тоже. Не артельно. У меня папа... еще вот когда я была совсем маленькая (речь идет о начале 1920-х гг. – С. Ч.) папа тоже всегда ловил рыбу... Тогда ведь особенно не слишком запрещали-то им, в то время-то. Но они вот, некоторые были рыбаки, там вот, Воробьев Иван Николаевич, Воробьев Иван Андреич и вот папа. Они трое. У них челнок был... Да у меня папа-то... с ними ловил. Я, бывалоча, ...мы маленькие, маленькие, бывалоча. Они приедут, начинают делить ее, рыбу. Разложат на три кучи. «Валя, иди!» – (Я) старшая была-то. Я отвернусь. «Это кому?» «Дяде Ване Воробьеву». «Какому?» «Курлыновскому». «Дяде Ване Воробьеву». «А это наша...» А задом им говорю, кому какая куча».

«Рыбу ловили не в самой Оке, а «на озерах»: «И они лунки делали... И иногда помногу рыбы ловили. Вот, пример, в тридцать шестом году, я когда, как раз, выходила замуж, и у меня, как раз ...

будущий муж пришел. И папа, вдруг, прибегает к озеру и говорит: «Иван, Вы куда?» Иваном его звали. А мы говорим: «Мы на кино собрались» — «Никакого кино! Давай салазки, едем за рыбой». Поймали рыбы ... мешка три. Прямо привезли. Сначала-то он принес полмешка, вывалили в сени, а привезли эти три мешка, все сени завалили рыбой, Бог знает, какой. Такая вот, такая вся рыба, хорошая. Но это было раньше. Это вот в тридцать шестом году. Конечно, вот они и после войны все время, и в войну ходили. Но здесь народ кинулся больше, (а) то самые рыбаки все ходили-то... Как и за грибами. Раньше за грибами ходили только любители» (В.И. Салтыкова. Л. 43).

Одно из мест рыбной ловли располагалось на Колычевском мысу — северной части острова на Оке, рядом с селом Б. Колычево (ил. 1, № 42).

«Тут всегда рыбу все ездили ловить, мужчины. Там тихо» (Е.И. Макеева. Л. 50). «Его как-то... Мыс называли, какой-то Мыс» (В.И. Салтыкова. Л. 34).

Особый пласт воспоминаний о заречных лугах связан с послевоенным временем (1950-ми гг.)¹⁹.

Подводя итог описанию обширных отхожих угодий села Протопопова, следует заметить, что большая их часть имеет древнее происхождение. О Молзинском (Молжинском) луге упоминает Писцовая книга 1577/78 г., о заокских лугах — книга 1684 — 1686 гг., Минин луг был, видимо, в долях с Голутвиным монастырем.

А.Б. Мазуров, которому принадлежит исследование о землевладении Коломенской кафедры, пришел к выводу о том, что Протопопово вместе с селами Городищи, Чанки и Молитвино, расположенными в околородье Коломны, принад-

¹⁹ При упоминании родников К.И. Хлудова вспомнила сюжет, связанный с участком левого берега Оки, расположенного напротив села Большое Колычево: «Родники были, были, Валентина Ивановна, когда мы в колхозе работали... Напротив Большого Колычева ведь мы ходили за водой...». Шли дорогой на Городню: «На Городню... Туда на многие деревни. На Городню там. Сколько деревень. Всегда через паром наши переезжали... (Дорога шла. — С. Ч.) лесом, прямо краем леса... Обыкновенная дорога... Вот где мы, колхоз у нас, огурцы были, Валентина Ивановна, здесь вот озеро-то было» (Л. 49). Затем стали вспоминать, что было на том месте, где к 1964 г. был построен птичник (он показан на карте ГУГК съемки 1964 г. масштаба 1:50 000; на карте съемки 1952 г. птичника еще нет, а фиксируется лишь деревянные строения, входившие в «3-е отделение совхоза Коломенский»): «Вот где птичник, где сейчас завод... стоит... — говорила В.И. Салтыкова. — Там все лес был ведь, все вот лес был... Ну, вот, когда (его построили. — С. Ч.)». «В пятьдесят восьмые годы», — уточнила К.И. Хлудова. «А-то, — продолжала В.И. Салтыкова, — там ведь кладбище было. Мы, помните, ходили... Немецкое кладбище-то было... Где вот птичник... Ну, это Полянский уже лес, вроде, дальше туда». «Не лес, — вновь уточнила К.И. Хлудова, — а вот, ну, там было птичник». «На место птичника, — продолжала В.И. Салтыкова, — сначала только там кладбище сделали немецкое... У нас военнопленных там хоронили, около птичников. Мы тогда ходили туда, там много крестов было. А сейчас, не знаю, совсем ее аннулировали. Вот птичник выстроили. И чего вот там уж, не знаю. А-то мы... еще ходили, вот, после войны-то. Я помню, я даже сама ходила к нему. Там ну, так, не так уж его много, но все вот, может, могил сорок было, так. ...Военнопленные, они здесь работали, вот здесь строили. Ну, наверное, умирали вот и...» (Л. 50).

лежало к числу древнейших владений Коломенских владык, которые сложились при образовании кафедры в 1350-е гг. или в период великого княжения Дмитрия Ивановича²⁰. Теперь этот список ранних владений можно дополнить отхожими лугами села Протопопова Молзино и Минино и, возможно, лугом под Бобреным монастырем, который до 1763 г. принадлежал «Коломенским соборным попам»²¹ (ил. 2, выделены желтым цветом). Выяснение периода, когда коломенским владыкам перешли луга на рязанской стороне Оки, относившейся по договорам 1382 и 1402, 1434, 1447, 1483 гг. к Рязанскому княжеству²², требует специальных исследований.

Село

Старожилы подразделяют село Протопопово на две части. Собственно «Село» – это центральная улица, ведущая по восточной стороне оврага (ил. 1, № 7) с севера на юг, к месту Троицкой церкви на крутом берегу Оки (ил. 1, № 1). К западу от оврага параллельно первой пролегает вторая улица, имеющая в северной своей части (до Бутырского пруда) два порядка домов, а в южной – один порядок. Она именуется «Бутырккой» (ил. 1, № 8). К.И. Хлудова противопоставляет «Бутырку» и «Село», говоря «а наше – Село было». Южную часть Бутырки называли Курлыковкой (ил. 1, № 9). На вопрос о том, с какой стороны Земревского оврага располагалась Курлыковка, В.И. Салтыкова ответила: «за Земревом уже» (Л. 37). «Там был большой дом, – добавила она, – Воробьевский. И еще там дома. Это Курлыновка называлось» (Л. 37).

Ко времени составления Карты Московской губернии 1860 г., основанной на съемке 1852 г., село Протопопово состояло из одной улицы. Бутырка возникла во второй половине XIX в. и частью была заселена старообрядцами.

Между «Селом» и «Бутырккой» пролегает выположенный овраг, на котором устроено четыре пруда. В.И. Салтыкова вспоминает: «Здесь... просто овраги были... У нас пруд был один... большой... на Бутырке... (ил. 1, № 10). А там просто были овраги. В пятидесятый год... начали пруды-то рыть... От снегов туда находит. Бывалоча-то у нас здесь ведь... были потопы какие шли... с лугов, и с Земрева. Ой! Что тогда было у нас! Половодье-то даже. Девчонка одна тогда даже погибла... упала там» (Л. 37).

Для того чтобы удобнее передвигаться по обширному селу, было устроено множество переулков.

²⁰ Мазуров А.Б. Средневековая Коломна в XIV – первой трети XVI вв. Комплексное исследование региональных аспектов становления единого Русского государства. М., 2001. С. 224 – 228.

²¹ На Плате Коломенского уезда, составленном В.С. Кусовым, луг этот показан обобщенно и имеет весьма обширные размеры, тогда как на дачном плане его размеры указаны в 27 десятин и 6788 квадратных сажен (Кусов В.С. Земли Московской губернии в XVIII веке. Карты уездов. Описание землевладений. Т. II. С. 29, № 255).

²² ДДГ. № 10. С. 29; № 19. С. 53; № 33. С. 84; № 47. С. 143; № 76. С. 285.

Воробьев переулок пересекал «село» в 100 метрах к северу от места церкви Троицы (между домами 98 и 99). Он пересекал овраг Земрево и вел на «Воробьевы горы» (ил. 1, № 11), именовавшиеся так, «потому что там стоял дом Воробьевых» (ил. 1, № 9). «Они в начале века тут поставили в конце села каменный дом» (Юрикова О.А. со слов Пелагеи Алексеевны. Л. 27). В справедливости именно такой локализации убеждает описание крестного хода вокруг села: «И, бывалоча, вот Семик, это когда под Троицу, мы начинаем идтить по всем полям. Значит, вот как из церкви выходим, и вот, значит, мимо этого Воробьева... переулка и туда подымались на Курлыновку. Там у нас дорога. По этой дороге – ну, были тогда проезжие дороги кругом всего села – идем» (Л. 38). В восточном направлении переулок выводил к баракам, показанным на карте 1952 г. (ил. 1). Это видно из слов К.И. Хлудовой: «Вот как идешь из Воробьева переулка... Так здесь были вот бараки... Сейчас... коттеджи» (Л. 30).

Между Воробьевым и Монаховым переулками раньше, по словам В.И. Салтыковой, «у Бучкиных был проулок... Он... сплошной был... Мы тогда ходили им все время. А там они загородили вход» (Л. 36).

«Воробьев, Монахов, Жиллов» – в такой последовательности К.И. Хлудова перечисляла переулки, начиная от берега Оки на север. Монахов переулок локализуется в 370 м к северу от Троицкой церкви (между домами 123 и 125). В западном направлении он выводил к улице Бутырка, а в восточном – к баракам, на месте которых в настоящее время располагаются коттеджи (ул. Радонежская) (ил. 1, № 12).

Жиллов переулок проходит в 750 м к северу от места Троицкой церкви и в 180 м к югу от здания культурного центра «Девичье поле» (между домами 149 и 150). Он пересекал улицы «Село» и «Бутырка» там, где они делали излом, меняя направление с южного на юго-западное (ил. 1, № 13).

Еще один, ныне утраченный проулок существовал между Жилловым и Туркиным переулками: «Это по другому поселку, по другой улице. ...Он называется Бурова теперь проулок. Вали Роговской. Он не Буровский, а Валеров проулок... Его тоже сейчас закрыли» (В.И. Салтыкова. Л. 36).

Туркин переулок локализуется в 100 м к северу от здания культурного центра «Девичье поле» (между домами 166 и 170) (ил. 1, № 14), а Хлудов – в 150 м севернее Туркина (между домами 182 и 184) (ил. 1, № 15). К.И. Хлудова, которая живет поблизости, в западном порядке «села», отмечала: «А здесь мы ставили Горшков, поставили. И вот наш, наш, Хлудов» (Л. 36).

Горшков переулок – самый северный из переулков, пересекающих центральную улицу села. Он соединяет «Село» с «Бутыркою» и находится в 350 м к югу от железнодорожного переезда (между домами 191 и 193) (см. Л. 36) (ил. 1, № 16).

В центральной части улицы Бутырки от нее отходил Лесиков переулок, который «выходил прям на Земрево» (Хлудова, 27). «Он и вел к старoverческому кладбищу», которое располагалось «на этой стороне оврага Земрево» (О.А. Юрикова. Л. 27), то есть на восточной, ближней к селу, стороне оврага.

Некоторые переулки и проулки были устроены для хозяйственных нужд в те времена, когда при дворах существовали различные хозяйственные службы. Приводим без сокращений (уж очень он хорош!) рассказ В.И. Салтыковой, посвященный безымянному проулку, проходившему между «Селом» (дома 169 – 191) и «Бутыркой» (дома 12 – 38) по задам дворов улиц (ил. 1):

«...А вот здесь еще проулок. Вот наши сады (Валентина Ивановна живет в северной части «Села»), с той стороны и с этой. А между ими проулок. А там, на задах у всех были гумна. Вот рожь привезут. Все на гумно. Сараи были тама. Вот этот проулок, эти вот были для этого. А сейчас там ничего нет, просто они там заросли. Все... там перегородили. Вот здесь вот (Л. 43) проулок... Хлудов был. Бывалоча они, две лошади встренутся и проедут. Сюда с возом, отсюда – пустая. А сейчас вот только люди пройдут. ...Не нужны они (теперь – С.Ч.), все как-то перегородаживают. А вот были... у нас здесь... Можно прям проехать проулком и въехать проулком в Горшков. Вот в Хлудов въедут, а там по задам приедут, свалят, и чтоб не разворачиваться по проулку, прям едут дальше, а там в Горшков выезжали. И даже вот там с Села так же. Смотря откуда везли. Если отсюда рожь везли... Все больше вот рожь там это вот возили на гумна-то. Картошку-то ее в дом везут, а это на гумно... Она сейчас вот сзади огорода земля, она вот на столько... ниже. Гумно-то как чистили, чистили, и она так ниже земля-то... там, за дачей у нас (гумно) стоит. Это у Кати, у нас, у всех... Просо... Гречиху сажали... Ну, пшеница была» (Л. 44).

Жители Протопопова, занимавшиеся хлебопашеством, скотоводством и садоводством, торговали с селами, имевшими иную специализацию. Из села Дмитровцы на р. Мезенка, располагавшемся в мещерских лесах, на дороге из Коломны на Егорьевск, привозили древесный уголь: «А... с Дмитровска. Это вот туда,... по Егорьевской дороге... Угольники. И вот нам везут в кулях уголь. А мы самоварники. У нас самовар-то он и сейчас здесь вот. Вот такие самовары у нас. Сейчас это... уголь покупаем... Угольники – они древесный делали его... Там леса» (К.И. Хлудова. Л. 31). Экономические связи с Дмитровцами обусловлены были еще и тем, что это село принадлежало (по указу царя Михаила Федоровича) архиепископам Коломенским и Каширским²³. В селе Пирочи, близ которого были Протопоповские луга, «там народ у них занимался репой».

²³ Смирнов В.И. Мы – егорьевцы. М., 1999. С. 41, 462 – 463.

«И я была маленькая, — вспоминает К.И. Хлудова. — Бывалоча, везут. «Репы, репы!»... Мы бежим: «Мама, скорей, репы!». Мы им даем яблок. А я помню, мама была вот.. Нам они — репы. Это уж я еще запомнила репу» (Л. 31).

Дома в Протопопове по большей части были срублены из леса, привезенного из окрестностей Егорьевска («привозные»). «Вот у меня, например, — рассказывает К.И. Хлудова, — дом, я из Егорьевска привозила переднюю... от горисполкома мне давали...» (Л. 31). «Был человек. Как его? — Салтыков... Договаривались с ним люди, и он и поставлял им (срубы — С. Ч.)» (О.А. Юрикова. Л. 31). Часть домов построена была в 1920-е гг. из архангельского леса. В.И. Салтыкова вспоминает: «Летников Иван Андреевич. ...Они пристань имели здесь. И вот, бывалоча, у них, дома-то все хорошие построены. И все это, говорит, из архангельского лесу. Он оттуда лес привозил. Из Архангельска привозили лес и строили... хорошие дома» (Л. 31)²⁴.

Поля села Протопопова и Девичье поле

Обрисовав систему дальних (отхожих) угодий села и само поселение, обратимся к полям села Протопопова и постараемся установить, какое положение среди них занимало Девичье поле. Вначале приведем свидетельства о системе наделения земель, которая существовала до создания колхоза в начале 1930-х гг.

По словам Е.И. Макеевой, помнившей предреволюционные годы, поля села Протопопова состояли из трех частей: «Вот это было поле (Зыбино — С. Ч.), то поле... Бачманово. А-то Девичье поле...». Каждое из трех полей делилось на участки, и каждый двор в Протопопове владел участком в каждом из трех полей. Участки отводились в ходе регулярных переделов земли («Просто делили, делили просто участки» — В.И. Салтыкова. Л. 45). На вопрос о том, как распределялись участки по дворам до коллективизации, В.И. Салтыкова ответила: «Они менялись, участки, менялись там... Там картошку.. сажали... за линией, пример, — так и называли: «За линией. Картошка там». И вот здесь сеяли если просо, рожь «У Земрева», там, вот, он, участок был. Ну, и вот так» (В.И. Салтыкова. Л. 32).

Ближе к концу разговора Е.И. Макеева начала припоминать дореволюционные порядки, когда еще не было строгих переделов земли по едокам. «У нас, — рассказала В.И. Салтыкова, — У нас как-то здесь, вроде, барина-то не было такого, чтобы. На барщину-то не ходили» (Л. 53). Был задан вопрос: не вводили ли в селе перед революцией отрубной системы (в отдельных селениях Московской губернии в первые годы Столыпинской реформы, до 1911 г., было осуществлено внутриселенское групповое землеустройство, когда за отдельными дворами были

²⁴ О семье Летниковых см. ниже ссылку 29.

Ил. 6. Район Девичьего Поля и окрестностей села Протопопова по космическому снимку (программа Google earth).

закреплены конкретные участки земли²⁵). В.И. Салтыкова ответила, что такого в селе не было, но вспомнила одно исключение:

«Это у нас вот у ... Салтыкова Егора Николаевича, у него было чего-то там вот поле-то. Он как-то брал. Ну, давно. Ну, он немножко, он там несколько убирал». «Ну, это там, у леса, у него немного чего-то, сеял чего-то — добавила Е.И. Макеева, 1909 г. рождения, которая одна могла помнить дореволюционный период, — да, у него было. Вот только у одного, а так у нас у всех вот было» (Л. 53).

В этом момент Екатерина Ивановна Макеева сделала существенное дополнение:

«Это вот уж делить по едокам стали, это уж вот подходило время к Советской власти. А раньше была земля, у кого сколько... У кого побольше, у кого поменьше. Побогаче — у него побольше земли. Поменьше — значит, у тебя поменьше земли. Вот так» (Л. 53). «Тогда, — добавила В.И. Салтыкова, — строились некоторые, покупали землю... Усадьбы покупали ... земли и строились». «А потом уж, вот тут ближе (к революции. — С. Ч.), — добавила К.И. Хлудова, — объединились все вот, и стали уже вот по едокам. Тут все пошло по-другому, конечно. А раньше было так» (Л. 53).

Интересный рассказ о севообороте при единоличном хозяйстве (в 1920-е гг.) записан от К.И. Хлудовой и В.И. Салтыковой. К.И. Хлудова подтвердила систему ежегодного наделения крестьян землей по числу едоков. «У нас вот три поля было, — говорила К.И. Хлудова, — И вот делили. Давали у нас на каж... по едокам. Вот есть у нас пять человек-нам на пять отмеряют. У кого два — дв(а)... ну, вот так». В.И. Салтыкова дополнила этот рассказ описанием севооборотов:

«Они тоже меняли. Там вот если пшеница сегодняшней год, всем делят пшеницу в том поле. А здесь картошка. Всем делят картошку. Там если гречиха, там чего у кого... Все равно опять делят (Л. 47)... Это вот кто чего хочет сажает, третья... Третья делянка» (Л. 48). «Гречиху-то сажали туда, к Малому Колычеву», — добавила К.И. Хлудова (Л. 48).

Таким образом, принудительно приходилось сеять лишь такие культуры как рожь и картофель²⁶.

²⁵ Бочков Н.В. История земельных отношений и землеустройства. М., 1956. С. 99.

²⁶ «Кто просо, кто гречиху, кто чего. А это вот рожь и картошка. И в одном уж, она участке в одном. Не так, что здесь и рожь и картошка». (В.И. Салтыкова. Л. 48). Применение этого правила Хлудова проиллюстрировала на примере поля Бачманово: «Это уже к Бачманову. («прям были так вот лентой делянки» — уточнила Салтыкова). Одно поле... — если сеют рожь с пшеницей, то, значит, в этой. А картошку, значит, туда переносят. Делянки. Это сейчас ведь вот сажают. Одну картошку гонят и гонят, а раньше меняли. Бывало, ...два-три года — сейчас клевером засевают, чтоб землю... спасти, обновить» (Л. 48). «(На) этим картошка. На этим — там гречиха, проса. Все. Вот каждый год сюда, значит, перебираемся, а потом года три сеют, сеют, потом кле... клевером засевают это поле, чтоб она отдохнула и от ней... (Е.И. Макеева. Л. 53). «Но все равно после ржи-то, картошка, она тоже ведь как удобрение. Там остается ведь коре... корешки-то они все» (Салтыкова В.И. Л. 53).

Обратимся теперь к вопросу о местоположении трех Протопоповских полей.

Зыбино – северное поле села Протопопова – располагалось «за линией», то есть за железной дорогой, ведущей от Коломны к станции Сычево (ил. 1, № 27). Дальней его границей служила речка Репинка, которая берет начало к западу от Протопова и протекает на север до впадения в р. Коломенку (ил. 2; ил. 1, № 24). О.А. Юрикова определила место кладбища на Флотской улице как расположенное «где Репино» (Л. 43). Один из притоков Репинки протекал по Егорьевскому (Егорушкину) оврагу, который начинался близ железнодорожного переезда на дороге из Протопова в Коломну: «У нас... называли... Егорушкин... овраг. Ну, это вот, просто, прозвище было такое. Это вот за линией там. Репинка, это дальше уж идет... К нам она не подходила» (В.И. Салтыкова. Л. 35).

Название поля старожилы вспомнили не сразу. В.И. Салтыкова вначале задавалась вопросом: «Егорушкин вот, как там называлось у нас поле? Где Егорушкин овраг-то был?.. За железной дорогой, да. Так Егорушкин и называли?» Е.И. Макеева вначале также не могла ответить: «Егорушкин овраг звали. Егорушкин. Там лес был. И он с оврагом так и был. И его звали Егорушкин овраг» Затем разговор перешел на кладбище, расположенное за Егорушкиным оврагом и занявшее место старинного Протопоповского поля: «У нас вот здесь наше поле, – сказала Е.И. Макеева, – вот сейчас где кладбище...» (кладбище Протопоповское на Флотской (улице)... – пояснила О.А. Юрикова). «Ну, да, – добавила В.И. Салтыкова, – большое кладбище... А дальше там были... огороды, коломенские». И тут Е.И. Макеева вспомнила, наконец, название поля: «Его звали Зыбин. Там овраги и поле. И вот, вот Зыбино...» «Зыбино, – подтвердила В.И. Салтыкова, – называлось оно». «Была земля здесь, все мы сеяли, – добавила К.И. Хлудова, – и картошку, когда менялись ведь поля. Это вот все, вся кладбища идет до самого низа. Вот как кладбище... Все. Это все наша была земля» (Л. 44).

По словам Е.И. Макеевой, поле Зыбино располагалось к северу от железной дороги, к западу от шоссе из Протопова на Коломну и к востоку от глубокого оврага, по которому протекала речка Репинка: «Оно идет вот оттуда, от оврага и как раз вот туда до... до шоссе... Ну, в общем, она шла там... по овраг. Там овраг такой глубокий, глубокий. И... по этот овраг все было наше это поле» (Л. 45). «А дальше... от оврага там еще и городские капусту сажали» (Е.П. Макеева. Л. 45).

Обращение к материалам Генерального межевания показывает, что поле получило название по имени сельца Зыбина, которое располагалось на правом берегу речки Репинки, в 300 м к югу от впадения в нее Егорьевского оврага. На дачном плане показан пруд и три небольших порядка домов (по два или три

дома в каждом), ориентированных параллельно Репинке²⁷. Ко времени съемки 1852 г. на месте сельца уже была пашня, которую позднее перерезала железнодорожная ветка (ил. 4).

Бачманово поле располагалось к востоку от села Протопопова: «У нас там картошка была, овес второй ... все там сеяли. Я помню, меня туда водили...» (К.И. Хлудова. Л. 28). «Это поле называлось Бачмановско. Она была дальше. Это уж завод расстроился», — говорила Е.И. Макеева. Это подтвердила и В.И. Салтыкова: «Она далеко там (поле Бачманово — С.Ч.), завод он сейчас расстроился, а-то оно еще было дальше» (Л. 42). Таким образом, границы Бачмановского поля определяются от садов села на западе, до р. Оки — на юге, а на востоке — включая часть территории завода Тяжелого станкостроения.

Северной границей Бачмановского поля служил Осеченский овраг. Он начинался от северо-восточной окраины села и «до станкозавода шел»:

«Там очень страшно было. Когда дорогой шли этой ..., — вспоминает К.И. Хлудова, — там был тоннель... Все говорили: «убивают». Ну, тогда слухи ведь были. Вот эта ходит черная... Чего тогда не наговаривали?! Да? «Они там вот под этим мостом убивают». Воробьева... Вяткина ... Вяткины-то, Марьянка, Марья Ивановна, Сашу ...Ну, вот ихнего отца тогда убили тама» (Л. 29).

Девичье поле. По словам Е.И. Макеевой, 1909 г. рождения, Девичьем называлось поле, расположенное в сторону д. Малое Колычево: «Это поле называлось Девичье поле, называлось Девичье поле... Там битва была, так ей... она и осталась... До Малого Колычева она, до Маленького Колычева были наши поля-то» (Л. 44).

Высокий берег Оки к юго-западу от Протопопова, между ним и деревней Малое Колычево, расчленен глубокими оврагами. О них нужно сказать несколько слов, чтобы установить ориентиры для локализации поля. Два оврага соединяются и впадают в пойму Оки у того места, где стояла Троицкая церковь. Земревым назывался тот из них, который шел с севера, а Воробьевым — тот, который шел с запада (ил. 1, № 18, 19). Е.И. Макеева так описала расположение оврагов Земрево и Воробьев:

«Раньше... вот здесь у нас идет, вот как по поселку овраг большой. Он... выходит... сюда, в Воробьев овраг. Второй овраг — Земрева. Земрева большое. Оно выходит тоже вот туда к Воробьеву. И здесь получается,... идет уже к реке два оврага. ...От этого оврага спуск прям к реке был. Ходили туда и с лошадью» (Л. 47). «И лошадей пасли... все в Земреве» (К.И. Хлудова. Л. 33).

В 900 м к юго-западу от места Троицкой церкви, на полпути к д. М. Колычево, проходит Дальний овраг (ил. 1, № 20):

«Дальний овраг, это к Колычеву идет, называли. Где там был?

²⁷ План «Зыбино, сельцо». 1770 г. (РГАДА. Ф. 1354. Оп. 254. Ч. I. № 3 — 1).

В Дальнем овраге... Где Малое Колычево, не доходя Малое Колычево. ... Мы говорим «Дальний овраг», а они его по-своему называют» (В.И. Салтыкова Л. 35). О Дальнем овраге В.И. Салтыкова вспомнила еще один раз: «Дунь. А туда еще большой (овраг) ... на большую дорогу-то выходил, мы туда все ходили бруснику там собирать» (Л. 47).

В настоящее время вся территория между Земревым и Дальним оврагами застроена микрорайоном Колычево.

На вопрос о местоположении Девичьего поля Е.И. Макеева ответила, что оно располагалось там, где выстроен микрорайон: «как идет весь центр вот постройки»... и до берега, все было, берег наш» (Л. 45). На вопрос О.А. Юриковой: «Сразу за садами поле начиналось или после Земрева?» – Е.И. Макеева и В.И. Салтыкова ответили: «Прямо за садами были». Но они, видимо, имели в виду просто наличие поля между садами и оврагом Земрево («косили траву»), а не название его (Л. 45).

Более четко этот вопрос удалось разрешить, когда старожилы рассказывали о старообрядческом кладбище на левой, обращенной к селу, стороне оврага Земрево (ил. 1, № 3):

«Это близко совсем, – сказала Е.И. Макеева, – У нас тут даже... небольшая кладбища была, сталоверов хоронили». На вопрос: «И оно тоже считалось на Девичьем поле?» – Е.И. Макеева прямо ответила: «Считалось на Девичьем поле» (Л. 49). «Там огороды были, – добавила К.И. Хлудова, – мы еще ходили землянику, клубнику собирать – кладбище проходили это, сталообрядческое». «Она небольшая была кладбище-то» (Е.И. Макеева). «Да у нас чего-то мало сталоверов своих... А чужие сюда к нам не хоронили» (В.И. Салтыкова). «Ну, а когда дома стали сносить, – добавила К.И. Хлудова, – даже поляну эту всю поломали» (Л. 49).

На вопрос о том, распространялось ли Девичье поле до дороги, ведущей от переезда к селу Б. Колычеву, В.И. Салтыкова ответила: «...А дальше за дорогой не наше было» (Л. 45). Это точно соответствует границам земель села Протопопова по данным Генерального межевания. Таким образом, западной границей Девичьего поля в устной традиции села Протопопова являлась фактическая граница их полей (ил. 3).

Интересно, что, по мнению протопоповских старожил, смежные с их полями Колычевские поля не назывались Девичьим полем:

«Мы-то свою называли, – заметила В.И. Салтыкова, – а там-то нет, у них, по-моему, не было, у Колычева то есть, Девичьего поля». «В Колычеве нет, нет, – подтвердила Е.И. Макеева – Это все у нас было. Это у нас только здесь называлось» (Л. 46).

Еще один раз старожилы упомянули «Девичье поле» в рассказе о дороге, которой ходили в Коломну жители села Б. Колычево. Вначале В.И. Салтыкова вспомнила пешеходную дорогу у самого берега Оки:

«А эти вот, колычевские-то, они все ходили, все берегом. Они там поодаль-то никогда не ходили... Работают, все здесь ходили... И с Большого Колычева пешком все мимо... по нашему селу и прямо берегом... около реки прям. Около реки там... хорошие дорожки были («Там выложенные камнем даже», — добавила О.А. Юрикова). Правда, на лошадях там не ездили, а на велосипедах ездили... Большинство пешком ходили там» (Л. 51).

Затем она рассказала о дороге, которая вела вдоль бровки высокого берега Оки. Она проходила мимо памятного всем дома Воробьевых на Курлыновке (ил. 1, № 9) и вела через д. Малое Колычево (ил. 1, № 41). Вот как описала этот путь В.И. Салтыкова:

«А даже ездили, вот колычевские, они ездили даже дорогой. Вот мимо Воробьевых у них здесь дорога тоже была проложена поближе вот. Если с Коломны. Мимо нас и... Воробьевых этих, и прям дорога была здесь у нас». «Вот этот первый какой овраг идет...» — уточнила К.И. Хлудова, имея в виду овраг, образованный слиянием Воробьева и Земрева оврагов. «Где Девичье поле прям вот..., — сказала тут В.И. Салтыкова, — мимо этих-то...» (имелось в виду дома д. Малое Колычево — С.Ч.). «Вот через этот овраг они все время ездили от Колычева», — подвела итог К.И. Хлудова (Л. 51).

Этот последний рассказ интересен тем, что «Девичье поле» было упомянуто В.И. Салтыковой непреднамеренно. Из контекста видно, что «Девичье поле» — это поле, выходившее на бровку Оки между оврагами Земрево и Дальним и, возможно, частично за Дальним оврагом, где располагалось крайний участок земельных владений села Протопопова (ил. 3).

Деревня Малое Колычево была поставлена на землях с. Большое Колычево в 1870-е гг.²⁸ К.И. Хлудова: «Она к Большому Колычеву относилась». Е.И. Макеева: «Она просто даже и приход к ним. И все (у) них там, и поля вместе» (Л. 46).

На вопрос о том, доходило ли Девичье поле до Дальнего оврага, Е.И. Макеева ответила утвердительно. На вопрос о том, доходило ли оно до железной дороги, Е.И. Макеева затруднилась ответить («вот это не могу сказать»), а В.И. Салтыкова сказала определеннее: «К Сычеву-то оно здесь не заходило» (Л. 46). Затем Е.И. Макеева произнесла фразу, значительно проясняющую дело: «Вот Девичье поле все время звали вот это место.... Эта сторона». «А там дальше дороги, — добавила В.И. Салтыкова, — там, к Сычеву отходила у нас, еще там...». Из этих слов стало ясно, что Девичьим полем именовалось не какое-то обширное пространство, а западная треть полей села Протопопова, которая шла на запад до Колычевской дороги, а на юг до Дальнего оврага, а на запад — не далее большой дороги из Коломны в с. Б. Колычево. Такой трактовке соответствует

²⁸ Записи С.З. Чернова от жителей деревни 02.06.1972 г.

и краткое высказывание Хлудовой: «У нас была на Девичьем поле картошка, ну где микрорайон» (К.И. Хлудова. Л. 26).

Таким образом, можно считать установленным, что Девичьем полем в устной традиции села Протопопова именуется западная треть полей села, расположенная на высоком коренном берегу Оки к западу от улицы Бутырка (ил. 1, № 8), между нею и оврагом Земрево (ил. 1, № 18), между оврагом Земрево и Воробьевым (ил. 1, № 19), между Воробьевым и Дальним (ил. 1, № 20) оврагами, и ограничено на западе межей земель села Протопопова, которая не менялась с XVIII в. (ил. 3).

Сакральная топография села Протопопова и Девичьи горы.

Итак, мы локализовали «Девичье поле» как элемент крестьянских угодий села Протопопова XIX – первой трети XX вв. Для того, чтобы рассмотреть топоним Девичьи горы, который зафиксирован источниками XVIII – XIX вв. (подробнее об этом ниже), необходимо воссоздать еще один ментальный контекст – сакральную топографию села и связанную с ней систему наименований «гор», то есть участков бровки высокого берега Оки.

Троицкая церковь села Протопопова, ныне утраченная, была построена в камне 1805 г. на средства прапорщика П.В. Сельверстова, владельца соседнего села Щепотьева. В 1897 г. усердием семьи Летниковых²⁹, Андрея Салтыкова и других троицких прихожан построили новую кирпичную церковь в неорусском стиле, с белокаменной отделкой и шатровой колокольней. Кроме главного алтаря во имя Пресвятой Троицы, церковь имела еще два придела: в честь Святогорской иконы Божией Матери и во имя преподобного Андрея Критского (ил. 1, № 1). Рассказ о церкви записан от К.И. Хлудовой, 1923 г. рождения:

«Кирпичная да, хорошая, отличная была церковь. Ой... ее все просто в (щебень. – *С. Ч.*) издолбили. Ее нельзя было разбирать, вот до чего она крепкая была. Всю ее дуром, всю в щебень, в щебень всю сделали и все. Ой, богатая была у нас церковь! У нас и летняя была, пристроили какую! И зимняя. Очень, бывалося, идешь... Нет. Вот такая была церковь! Даже вот слезы на глазах. И все тут свои (разрушили. – *С. Ч.*), вот, просто, такие вот» (Л. 51).

«Бывало, бежишь, – у меня дедушка с бабушкой (жили в д. Акатьево. – *С. Ч.*), а я у них жила, у них..., помогать на лето к ним ходила, – бежишь, в Акатьево уже забегая, Игнатьево пробегу, Акатьево, – и все нашу Протопоповскую церковь... (видно. – *С. Ч.*) Я все оглядывалась. Мне, вроде, не хоца ийти-то, и все... ее все видно, все видно. Бог знает, откуда. Потом уж, Акатьево почти проходишь, и она скрывается. А вот в Васильеве, бывало, косят, – у васильевских там жилички косили. Туда вот подальше зайдут,

²⁹ Из этого рода происходил Иван Леонтьевич Летников, с 1904 по 1929 гг. староста храма, в 1930 г. умер в ссылке в г. Архангельске, прославлен как исповедник российский.

где луга, и нашу церковь видно было» (Л. 52). «Да нет, в городе ни одной церкви такой нету... – вторила Хлудовой В.И. Салтыкова, – из Городны-то, бывало, едут. Они даже летом – просветлеет – вон торчит церковь, уж не заблудишься. Высокая была» (Л. 52).

С 1918 – 1921 гг. в селе священствовал местный уроженец, сын священника Троицкой церкви Георгий Николаевич Беляев. В 1925 г. он был рукоположен в архимандриты Голутвина монастыря (игумен Никон), в 1929 г. – выслан в г. Мезень, а в 1937 г. расстрелян. Канонизирован 26.12.2003 г. как новомученик и исповедник российский. Храм был закрыт в 1937 г.

«Последняя служба, – я помню, сейчас, – 15 октября... провозжали зятя в армию. У нас померла девочка ... последнюю службу девочку вот отслужили (отпели. – С. Ч.), и на второй день... Василья Савельича взяли старосту... 37 год. ...Тут уж начали ее и... разкурочивать» (К.И. Хлудова. Л. 29).

О престольных праздниках в селе Протопопове В.И. Салтыкова рассказала так:

«Троица престольный и Козьма-Демьян. Два. Только Козьма-Демьян он осенний у нас. Летом, летний мы как-то не празднуем. Это вот Троица, а Козьма-Демьян – он четырнадцатого ноября» (Л. 39). Память Козьма и Демьяна приходится близко к празднику иконы Святогорской Божьей матери (О.А. Юрикова. Л. 39).

К приходу Троицкой церкви в Протопопове относилось немало селений – «Барановка и Щепотьево, ...две деревни к нам принадлежали». По словам В.И. Салтыковой, жители деревень Баранова и Щепотьева «к нам ходили в церкву» и «у нас и хоронили, приезжали сюда» (Л. 39). Сычево было населено староверами («Сычево – они ...сталоверы, они не к нам»), а деревня Малое Колычево относилось к приходу церкви села Большое Колычево («Маленькое Колычево, уже она к Колычеву была» – Л. 39).

Урочище Курган и православное кладбище. Курганом именуют треугольный мыс при впадении в Оку оврага Земрево, где, по данным археологических исследований, расположено Протопоповское городище, содержащее культурные слои раннего железного века (I тыс. н. э.) и древнерусского времени (XII – XIII вв.)³⁰. «Курганом» называют также часть кладбища села Протопопова, которое расположено на городище (ил. 1, № 2). Отвечая на вопрос о названиях берега Оки, К.И. Хлудова сказала: «Вот, сейчас, где у нас кладбище, ее (гору. – С. Ч.) Курган звали». «А после Кургана, – добавила Е.И. Макеева, – уже там, наверное, ...Колычевский овраг» (Л. 48). Говоря о православном кладбище близ Троицкой церкви у южной оконечности села, В.И. Салтыкова выделила две его части: «Есть «В ограде» или «на Кургане»». «Вот бедняцкое кладбище, – пояснила

³⁰ Археологическая карта России. Московская область. М., 1997. Ч. 4. С. 74, 75.

О. Юрикова, – где археологический памятник, у нас называют Курган... А вот это (то есть кладбище, непосредственно прилегающее к храму) называется «В ограде»» (С. 34). Подробнее о кладбище «в ограде» рассказала Е.И. Макеева:

«И памятники были. Были хорошие памятники. Тут были хорошие люди похоронены... Тут около церкви хоронились у нас богатые. У всех были... памятники... (на мраморах. – уточнила Салтыкова). Высокие были» (Л. 52). «Наш памятник украли, – добавила В.И. Салтыкова, – годов, может, десять назад. Салтыковых... Мраморный был... памятник, больше меня, такой вот. И плита такая же мраморная была. И пришли наустро, ни плиты, ни памятника. Вот как могли они?.. С краном, наверное... Был один памятник... строителю церкви... белый стоял еще. А сейчас тоже нет его» (Л. 52)³¹.

Староверское кладбище располагалось на восточной стороне оврага Земрево (ил. 1, № 3). «Там очень много... памятники были... мы маленькие ходили» (С. 28 – Хлудова 1923 г.). «Это где у нас вот этот колодец. Земрева у нас было, такой был большой овраг. Он далеко уходил. И здесь... кладбище было. Это Земрева называлось... Староверское у нас было кладбище». Лесиков переулочек «выходил прям на Земрево» от улицы Бутырка (Хлудова, 27) «он и вел к староверческому кладбищу» «на этой стороне оврага Земрево» (Юрикова, 27). Кладбище было разрушено при строительстве микрорайона в 1980-е гг.

Церковные праздники. «Масленица отмечалась в селе "как везде"» (В.И. Салтыкова. Л. 54). На Пасху же «бывалоча с иконами-то всегда ходили по домам. Всегда и служба была... бывалоча, в каждый дом ходили» (Хлудова. Л. 54). «Пасха-то по домам ходили-то... с иконами. Вот и в нее (часовню дома Шибакиных) заходили... Бывалоча, Пасха – мы три дня, говорят,

³¹ О часовнях, стоявших в разных частях села Протопопова, помнил К.И. Хлудова: «А у нас, я помню, по селу... были часовенки, стояли... Одна, я помню, не доходя... аккуратно напротив Вашей тети Клани Шибакиных (родственница О.А. Юриковой) была часовенка. А одна часовенка была в середине, вот с начала села. Вот я тетю Кланю немножко помню... В церковь-то мы ходили. Вот сейчас как Вы поставили... у Святого колодца. Вот такая была... Такая была часовенка. Но она кирпичная была. Там окошечко было, и горела лампадка» (Л. 32). В.И. Салтыкова помнила лишь одну часовню, которая стояла около «Шибакиных». «Она одна уже, она не так большая, что там особенно... Она была просто кирпичная... Ну, так красивая она сделана... И крест на ней... Она... не на дороге стояла. Она стояла вот ... к амбарам больше. Здесь амбары были. А здесь вот дорожка была. И вот она здесь, на этой дорожке стояла» (Л. 37). Салтыкова В.И. потом вспоминала: «Часовенка? Ну, там только взойти так можно и все. Больше там... Иконка стояла там, икона какая, ... («Божия Матерь... названия я не могу сказать» – Е.И. Макеева). Мы заходили в нее еще. Маленькая я была. А потом ее как-то сломали. И кто? Прям в один момент как-то вот... Она была кирпичная... Больше в рост человека. И она вот так вот куполом, так вот была... И там крест наверху... Зайдешь... помолишься, и победишь. ...Ну, вот, бывало, когда, вот, крестный ход, иногда там вот зайдут, ее окропят» (Л. 54). «Ивличев колодец мы ходили тоже за водой. Это вот... где пруд... Гудковы знаете, где жили вот? ...На этой стороне прям, сзади... Тут наш был Ивличев колодец. Это уж наш законный был... он наш, домашний. Там... есть такой дом Ивличев, сейчас зовут» (К.И. Хлудова Л. 32).

пока иконы не будут, нельзя ни песни петь, ничего. И ждем, когда иконы пройдут». Дети пели «Христос рождается»: «А, бегали, да, бывало, ночью. Ночью всегда бегашь. — «Тетья Ньюша, тетя Катя, — Пусти, Христа прославить». Откроют, и зайдем, прочтем... и нам копеечки дадут» (Салтыкова В.И. Л. 54).

В Семик, четверг на восьмой (Зеленой) неделе после Пасхи, устраивались крестные ходы:

«И, бывалоча, — В.И. Салтыкова обращается к своим детским воспоминаниям, которые относятся к 1920-м гг., — вот Семик, это когда под Троицу, мы начинаем идтить по всем полям. Значит, вот как из церкви выходим, и вот, значит, мимо этого Воробьева... переулка и туда подымались на Курлыновку. Там у нас дорога. По этой дороге... Ну, были тогда проезжие дороги кругом всего села — идем. Ну, ведь священник и мы все идем. И вообще... И вот кругом обходили прям села. И Святой колодец. Уж там последняя служба, и обратно в церкву. Это каждый Семик ходили. В четверг это перед... Троицей. Это уж я ведь, вот, хорошо помню, потому что сама ходила сколько раз» (Л. 38).

Совпадение всеми любимого праздника Троицы с престольным праздником — явление не частое. Тем интересней свидетельства об этом празднике в Протопопове. Празднование происходило в урочище Лужок близ Святого колодца, который располагался на полугоре, между церковью и Окой (ил. 1, № 4)³²:

«Около Святого колодца место называлось Лужок. Вот этот вот бабушкин лужок» (О.А. Юрикова. Л. 28). «Бывалоча, — вспоминает В.И. Салтыкова, — у нас там под Лужком вот... самое гулянье. Особенно на Троицу. У Троицы. Это у нас самое гулянье было под Лужком. Бывалоча, нас наряжались там и... палаточки ставили, мороженое привезут, это все. И вот там, около Святого колодца. И я очень помню хорошо с маленькой, в церкву ходила все время, с маленького» (Л. 38).

«У Святого колодца была каменная (часовня). Это мы сейчас деревянную поставили. А был круглый бассейн каменный. Не весь восстановили». «А я вот, — продолжала Клавдия Ивановна Хлудова, — ...я помню только один колодец... круглый. Мы ходили туда. Всегда вода чистая. Это уже как праздник...» (Л. 32). «Гуляний-то раньше полно было. ...Под самой под Ендовой вот тут гуляньето у нас было. Ой!.. Под Лужком. Там Лужок называется. Там палатки строили. Там что гулянье было!» (К.И. Хлудова. Л. 53, 54). «Ну, это у нас вот летом Троица» (В.И. Салтыкова. Л. 54).

«А вот на Троицу у окон береза, нарубят. Прибьют эти... Зелени, ой! Какая была прелесть! Но сейчас, я говорю, что же теперь перевернули все как-то» (Е.И. Макеева. Л. 54). «Все окна украшали когда-то березами... Троица это уже она. Вечером-то мы в церкву там сходим. Ну, гости, как обычно... Под Троицу все убирали свои

³² В 1992 г. Культурным центром «Девичье поле» здесь была поставлена вновь деревянная часовня.

там... Бывалоча, на улице ведь это... веточки одни... В лес ездили. Тогда здесь-то у нас не было... (В.И. Салтыкова. Л. 54). «Ходили на Троицу (под Лужок)» (Е.И. Макеева. Л. 54). «Там палаточки делали. Там и все продавали вот. И распевали и плясали и гармонь там. Чего там не было? Там и мороженое подвозили. И чего там не было?! Бывало, там народу!» (К.И. Хлудова. Л. 54). «Там ведь эти, бугры такие. Ой! А потом каждый, ведь, придут, каждый возьмут. Как вот сейчас на гулянку. Берут там в сумку чего наложат. Расстелют под Лужком там и начинают... Луквенники раньше ведь делали, лапшенники, ведь все это такое, все. Или вот эти, бывалоча, пампушки эти в маке. Их наделают сколько! Прямя кипятили в маке их. Кругленькие. Все такое вот, все свое. Раньше ведь особливо покупного-то не было. Даже колбасу-то редко покупали. А все свое. Свинину запеchem. Мяса наварят ведь такого. Котлеты тоже не делали, а все резали» (В.И. Салтыкова. Л. 55).

«Святой колодец, — вспоминает В.И. Салтыкова, — это у нас он в старину Святой назывался... Как я помню, как я родилась, ... Святой колодец ходили» (Л. 38). «Радонежский-то пришел...» — напомнила К.И. Хлудова предание о том, что Святой колодец был изрыт Сергием Радонежским (Л. 38)³³.

Второй престольный праздник — «Козьмы и Демьяна» — отмечали 14 ноября (память Космы и Дамиана Асийских 1 ноября по старому стилю. — *С. Ч.*):

«Это осенью уже ... у нас. Вот тут в Протопопове-то прям. Вот напротив луга ... Всегда здесь вот с одной стороны..., где дом стоит карусели» (Е.И. Макеева. Л. 54). «О ведь, бывалоча, раньше он был большой праздник... Дома его праздновали. А потом когда это, знаете, стали Октябрьская — ...и стали вот переходить... А сейчас опять стали... его праздновать» (В.И. Салтыкова. Л. 54).

³³ В.И. Салтыковой принадлежит детальное описание Святого колодца: «Он очень был красивый такой раньше... Он был, знаешь, выложенный. Ну, вот такой круглый... побольше, чем вот столб. Такой же круглый. И был вот такой вышины. ...Выложенный весь из кирпича из хорошего... А здесь вот такой... круг... Что он там узкий, можно ведро поставить, вот так прилечь. А там он весь был тоже чем-то ну... как сейчас асфальтом сделанный. Я уж не помню, чем. Потому что когда взглянешь туда, и все дно видать, если там чего валяется, все видать. Вот такой она, светлая вода была, прозрачная. Ну, уж тогда... никто не бросали. Его считали Святой колодец. И чтоб туда бросить чего-то — это было, вроде, конщество. Если кто-то чего заметит, то уж там оттуда скорее вынимают, чтоб опять было все чисто... Ну, были иногда, какой-нибудь парень бросит... какой... камень, так все равно кто-то чем-то... вытащат. Ну, и крыша эта была. Такие эти вот, железные... стояли вот по... на этой краю, кругом... (столбики — пояснила О. Юрикова). И такая вот, ...ну, как вот, можно сказать, — перевернуть вот рюмку-то. Вот так эта была она крыша, только пошире так. И так... немножко кругом так вроде, знаешь, из железа как будто эта, ну, красивая-то она. Очень красивый был колодец... Только наверху крестик. И все... Там икон так не было этих. А просто красивый... все там было... — посмотреть-то прям. И уж туда так вода-то вот дождевая-то не шла, а только что родниковая вода» (Л. 38). Навес над источником имел вид купола: «Прям как зонг, так вот куполом, ... круглый» (Л. 38). Колодец долго был почитаемым местом: «Очень мы во... это уж ходили, колодец — он был долго у нас. Наверное, до... в тридцать пятом году все-таки он был все еще,

Вблизи Святого колодца на бровке берега Оки располагались каменоломни. В конце XIX в. они были одной из достопримечательностей села. В путеводителе «Россия» П.П. Семенова-Тянь-Шанского говорится: «Наконец, верстах в 3 выше устья р. Москвы, на левом берегу р. Оки расположено село Протопопово, имеющее более 1500 жителей и замечательное по обширным ломкам принадлежащего к каменноугольной системе, превосходного качества известняка, хорошо принимающего полировку и известного под именем «коломенского мрамора». Известняк этот идет ныне в огромном количестве в Москву; из него выстроено одно из самых монументальных зданий столицы – храм Спасителя»³⁴. О следах старых каменоломен вспомнила К.И. Хлудова:

«Каменоломни это... у нас вот... где... Святой колодец. Здесь у нас был карьер... от Святого колодца до самых Бурбаковых... Ну, это Лаптевы... последний дом-то, крайний дом, с этой стороны... Там сейчас есть, много этих следов можно увидеть» (Л. 30). Вновь карьеры стали разрабатывать в 1930-е гг. несколько дальше от села (см. их изображение на карте 1952 г. – ил. 1, № 5): «И карьер был... Это были... тридцать восьмой, тридцать девятый... А бараки. Их там сколько бараков-то... Вот как идешь из Воробьева переулка... здесь были... бараки. ...Сейчас... коттеджи» (К.И. Хлудова. Л. 30). «Я еще помню, – добавила В.И. Салтыкова, – там камни были все эти разбросаны. Были большие» (Л. 30)³⁵.

Восточнее Святого колодца и старых карьеров старожилы выделяют пляж Под Гендовой (Ендовой). Место урочища К.И. Хлудова определила так:

«У нас называлось Гендова, «Под Гендовою»... (Где) стоит у нас... колодец, и сюда ближе к Станкозаводу... к заводу поближе. Мы там купались – «Под Гендовою»... Внизу, спускались мы вниз... – он, овраг, шел, идешь – и туда – там маленький овражек. И туда мы по этому оврагу... (Л. 30). «У нас говорили вот так ... если к заводу здесь, – «Под Ендову». Это вот, где Святой колодец... Где там пойдем купаться?» – «Туда, под Ендову пойдем». Она так идет прям низом...по берегу идет, по Оке... Вся до заводу это вот называют «Под Ендовой»... А почему «Под Ендовой»-то, я не знаю» (Е.И. Макеева. Л. 48). Ендовой обычно именуют котловину, чашеобразную форму рельефа³⁶.

На вопрос о том, различались ли участки высокого берега Оки, Е.И. Макеева ответила: «Одна гора считалась». А на во-

колодец. А потом как-то здесь стали все это...» (Л. 38). Разрушение колодца В.И. Салтыкова относит к 1930-м годам, когда в Протопопово стали переселяться бежавшие от раскулачивания, которые стали работать на карьерах, примыкавших к Святому колодцу.

³⁴ Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Под общ. руководством П.П. Семенова. Т. 1. С. 407.

³⁵ Бараки показаны на карте 1952 г. В настоящее время на их месте выстроена ул. Радонежская.

³⁶ Суперанская А.В. Что такое топонимика? М., 1985. С. 97, 98.

прос, было ли такое понятие, как «Девичья гора», ответила: «Не называли» (Л. 48). Таким образом, можно заключить, что в настоящее время как реальный топоним «Девичьи горы» не употребляется (О.А. Юрикова тонко подмечает это: «Это как бы Девичьи наши горы. Они вот называли Воробьевы, потому что там жили Воробьевы» – речь идет о мысе, на котором построена Курлыновка (ил. 1, № 9) (О.А. Юрикова. Л. 27). Однако раньше этот топоним мог входить в ряд топонимов, обозначающих участки высокого берега Оки «Под Ендовой» – «Курган» – «Девичья гора».

Происхождение топографии Окских «гор» удастся прояснить, если обратиться к семантике празднования Семика и гуляний на Троицу, хорошо известных в русской этнографии. Подобное обращение становится возможным, поскольку есть основания предполагать весьма раннее происхождение этого праздника в Протопопове. Подобные основания ясно видны благодаря аналогии.

Традиция гуляний на Троицу близ древнего городища зафиксирована на городище Боровский курган, которое расположено близ древнего Боровского перевоза через р. Москву средневековой дороги из Москвы на Коломну. Об этом замечательном месте, которое, как и Девичье поле, связано с походом русских войск на Куликово поле, сохранилось довольно много известий. В отличие от села Протопопова, где существовал храм Троицы, на Боровском кургане посвящение храма было иным. Существовавший здесь в XVI в. небольшой Воскресенский монастырь к 1632 г. был перенесен на новое место, и поселений рядом с курганом не было. Тем не менее по сообщению К.Ф. Калайдовича 1823 г., «в день Троицын, посвященный памяти почивших, стекается на курган множество окрестных жителей, и проводят время в ликованиях»³⁷. Припоминания о гуляниях на «Кургане» на Троицу жителей окрестных деревень (Тяжино, Яганово, Чулково) сохранились в устной традиции д. Каменное Тяжино и сегодня³⁸.

На примере Боровского кургана, где не было Троицкого храма, видно, что традиция гуляний на Троицу, являвшаяся в XVII – XVIII вв. формой народного православия, восходит к дохристианским славянским обычаям. В Протопопове эта связь выступает не столь явно, однако и здесь мы видим сочетание тех же элементов: перевоз – городище («Курган») – гулянья на Троицу. Как и на Боровском кургане, на Протопоповском городище поселение существовало в древнерусскую эпоху, когда элементы языческой старины еще уживались с православными обычаями.

³⁷ Калайдович К.Ф. Письма об археологических исследованиях в Рязанской губернии. М., 1823. С. 60.

³⁸ Кренке Н.А., Лопатина О.А. Городище Боровский курган // Археология Подмосковья. Материалы науч. семинара. М., 2008. Вып. 4. С. 367, 388.

Все это позволяет воспользоваться этнографическими реконструкциями языческих представлений, которые отражались в народном праздновании Троицы. «В Великорусских губерниях, — отмечал А. Афанасьев, — поселяне и городская чернь собираются на Семик в леса и роши, поют песни, завивают венки, срубают молодое березовое дерево и наряжают его в женское платье или обвешивают разноцветными лентами и лоскутьями. Затем следует общий пир, изготовляемый в складчину или ссыпчину, т. е. из мирского сбора муки, молока, крашенных яиц и других припасов... По окончании пиршества поднимают наряженную березку, с радостными песнями и плясками несут ее в деревню и становятся в избранном с общего согласия доме, где она и остается гостею до Троицына дня. В пятницу и субботу приходят навещать «гостейку», а в Троицкое воскресенье выносят ее к реке и бросают в воду. Тогда же пускаются по воде и семицкие венки. В Пинском уезде на Духов день крестьянские девушки избирают из своей среды самую красивую подругу, обвязывают ее березовыми и кленовыми ветками и под именем куста водят по улицам и дворам, что живо напоминает нам сербскую додолу, с головы до ног убранную в цветы и зелень... В семицкой березке, «тополе», «кусте» и в Троицкой кукле народ чувствовал лесную деву, оживающую в зелени дубрав»³⁹.

Обычай проведения «у Курганов» праздника наступления весны, который сопровождался обряжением девушки в убор из березовых ветвей, нельзя не поставить в связь с расположенным поблизости (о топографии пойдет речь ниже) урочищем «Девичья гора». По всей видимости, именно этот семантический пласт можно считать наиболее ранним, и этим языческим верованиям мы обязаны появлению топонима.

*Девичье поле, Девичья гора и Девичий перевоз
в исторических источниках XVII – XVIII вв.*

Теперь обратимся к письменным источникам более раннего, чем XIX в., времени, в которых зафиксированы употреблявшиеся тогда топонимы «поле к Девичю», «Девичий перевоз» и «Девичьи горы».

По данным XVII в., известна Николцева дорога, которая вела из Коломны к селу Городня, располагавшемуся при впадении реки Осетр в Оку, и к Зарайску, который именовался «Никола Зарайский». Этой дорогой ездили «на поле к Девичю»⁴⁰ и пересекали Оку на Девичьем перевозе.

Значение этой дороги должно было вырасти после начала строительства города Зарайска (1527 г.) на месте села «Николы

³⁹ Афанасьев А. Поэтические воззрения славян на природу. М., 1869. С. 705, 706.

⁴⁰ Смирнов П.П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. М.; Л., 1948. Т. 2. С. 442.

Зораского»⁴¹. Достоверных данных о существовании дороги до появления Зарайска мы не имеем. В литературе высказывалось мнение о том, что в районе села Городня следует идентифицировать упоминаемый в списке «А се имена всем градом рускым далним и ближним» (1394 — 1396 г.) Новгородок на Осетре⁴². Однако раскопки поселения Городна II, проведенные В.Ю. Ковалем, показали, что это не городище, как считалось ранее⁴³, а селище VIII — XII вв., идентифицировать которое с Новгородком на Осетре нет основания⁴⁴. Впрочем, вопрос этот может быть решен лишь после полного обследования территории села Городни и его окрестностей.

Таким образом, есть основания полагать, что Девичий перевоз у с. Протопопова был довольно оживленным в конце XII — XIII вв., когда по нему осуществлялось гужевое сообщение между рязанскими землями в районе Коломны и на нижнем течении р. Осетра. После присоединения Коломны к Москве (1300 — 1306 гг.) значение перевоза могло уменьшиться. Новое возрождение его произошло после возведения в 1527 — 1531 гг. Зарайска.

О расположении перевоза через Оку на этой дороге мы можем составить представление, сопоставляя источники XIX в. Описание этого перевоза, датированное 21 сентября 1823 г., содержится в дневнике А.М. Грибовского:

«Ездил в Коломну через новый мост при Девичьем перевозе. Онный построен через Оку на 13 плашкотах с перилами и примкнут к острову, мимо которого с Рязанской стороны обходит из Оки же рукав, почему и должно прежде переехать к мосту с Рязанской стороны на пароме, а потом уже по мосту, что составляет половину дороги. Впрочем, плашкоты покрашены и оттого о прочности их судить нельзя. Сей мост отдан в содержание коломенского купца Сидора Яковлева на 12 лет с тем, чтобы он его построил своим коштом и содержал в исправности, получая за проезд по таксе плату в свою пользу; причем, чтоб не было ему от ближних перевозов подрыва, уничтожены два перевоза. Все это сделано без вызова желающих к постройке в этом месте моста; можно бы за данную ему привилегию построить лучший мост и взимать с проезжающих меньшую плату»⁴⁵.

⁴¹ Кучкин В.А. Ранняя история города Зарайска и проблема ее источников // Зарайск. М., 2002. Т. 1. Исторические реалии и легенды. С. 112.

⁴² Там же. С. 108 — 109.

⁴³ Куза А.А. Древнерусские городища XII — XIII вв. М., 1996.

⁴⁴ Коваль В.Ю. Поселение в устье Осетра близ Коломны // КСИА. М., 2001. Вып. 212. С. 59 - 68.

⁴⁵ Грибовский А.М. Записки о императрице Екатерине Великой / МГПИ им. В.И. Ленина. М., 1989. Грибовский Адриан Моисеевич (1766 — 1833), в 1795 — 1798 гг. статс-секретарь Екатерины II. После смерти императрицы заключен в Петропавловскую крепость, освобожден в 1801 г. Позднее приобрел у князя Голицына село Щурово и в 1805 г. построил в нем каменный дом, где проводил летние месяцы. В последние годы своей жизни писал дневники, в которых уделял внимание Коломне и окрестным селениям. Бумаги А.М. Грибовского были приведены в порядок и изданы М.П. Погодиным под заглавием: «Записки о Екатерине Великой кавалера А.М. Грибовского» («Москвитянин», 1847, № 2, и отдельно М., 1847). Описание Девичьего перевоза выявлено А. Кузовкиным.

Локализация «моста на 13 плашкотах» становится возможной благодаря Карте Рязанской губернии Военно-топографического депо (так называемые карты генерала Менде), которая была составлена во второй четверти XIX в. (ил. 5). На ней хорошо видно, что основная дорога из Зарайска (она показана сочетанием сплошной и прерывистой линий) подходит не к месту позднейшего парома напротив церкви с. Протопопово, а на 1 км выше по течению Оки, вблизи от южной оконечности Песоченского озера (ил. 1, № 33). В этом месте действительно нужно было вначале пересечь узкий рукав Оки, чтобы попасть на остров, и лишь затем перейти через Оку по мосту. Сравнение с картой 1952 г. (ил. 1) показывает, что остров, существовавший в XIX в. под правым берегом Оки, к 1952 г. был размыт ее течением, а новый, более протяженный Колычевский остров, намыт уже под левым берегом. Единственным следом «моста на 13 плашкотах» являлась в 1952 г. пристань, которая располагалась напротив деревни Малое Колычево.

Следует заметить, что «мост на 13 плашкотах» на момент составления карты Рязанской губернии уже не существовал. Действующим в этот момент являлся перевоз под селом Протопоповым, известный жителям Протопопова как «паром». Именно он показан на карте пунктиром, причем к нему выводило ответвление Зарайской дороги (ил. 5). Таким образом, можно заключить, что место перевоза могло меняться на пространстве в 1 км между Протопоповым и Малым Колычевым (тогда еще не существовавшим), но название его (Девичий перевоз) не менялось.

Наиболее раннее упоминание топонима «Девичьи горы» содержится в уже цитированной Писцовой и межевой книге Еремея Хрущева 1684/86 гг.: «Коломенского уезду что на Девичьих горах за попом Иваном луг церковный Грива Попова»⁴⁶. Луг Грива Попова, по всей видимости, следует идентифицировать с церковной землей, которая располагалась вдоль берега Оки к юго-западу от села Протопопова, за оврагом Земрево, на месте позднейшей слободы Курлыновки (ил. 1, № 9)⁴⁷, ныне застроенной микрорайоном. Поскольку луг составлял часть Девичьих гор, можно локализовать Девичьи горы между оврагами Земрево и Дальним (ил. 1, № 19, 20).

Наиболее раннее описание Девичьей горы содержится в обзоре окрестностей Коломны, принадлежащем Людвигу Бакмейстеру и опубликованном в 1771 г.:

«Расстоянием от Коломны в четырех верстах по берегу Оки находится гора, именуемая «Девичья», вышиною с боковой полуденной стороны в 8 сажень, а считая по дороге, лежащей

⁴⁶ РГАДА. Ф. 1209. № 207. Л. 255.

⁴⁷ Пустошь эта показана под № 121 на Плане Большого Микулина стана 1770-х гг. (Мазуров А.Б. Средневековая Коломна... Табл. 4).

сверху до самого низу, простирающейся от полудня к западу в двести сажен. В селе Протопопово, отстоящем от Коломны в пяти верстах, при Оке церковь деревянная живоначальной Троицы»⁴⁸. Эти данные были получены Академией наук в ответ на анкету, разосланную провинциальным властям⁴⁹.

Коль скоро Девичьи горы располагались между Земревым и Дальним оврагами, речь в описании 1771 г. идет об этом участке берега Оки. В описании говорится о том, что вглубь от бровки берега Девичья гора распространялась на 200 сажен (426 м), а высота ее над Окой составляла 8 сажен (17 м), что несколько меньше реальной высоты бровки (отметка 130 м) относительно уреза воды в Оке (отметка 100,5 м) (отметки в Балтийской системе). К сожалению, протяженность Девичьей горы вдоль Оки в описании 1771 г. не указана, но, судя по второму ее параметру, она не превышала 800 м – расстояния между Земревым и Дальним оврагами (ил. 3).

Итак, можно сделать вывод о том, что в XVIII в. бытовали топонимы Девичьи горы (гора) и Девичий перевоз, которые использовались не только жителями Протопопова, но были широко известны в Коломенском уезде.

Что касается микропонима «Девичье поле», который был нами изучен как элемент микропонимической системы села Протопопова, то о времени его появления можно лишь догадываться. Это могло произойти и в XVII и в XVIII в., но в любом случае он был вторичен по отношению к топониму Девичьи горы (гора) и возник в связи с необходимостью дать общее название западной части крестьянских полей села Протопопова, которые охватывали значительно большую территорию, чем Девичья гора.

Эти выводы необходимо теперь поставить в связь с еще одним элементом устной традиции – преданиями о Девичьем поле. Характерно, что все они повествуют именно о «поле», а не о «горе» или «перевозе».

⁴⁸ Бакмейстер Людвиг. Топографические известия, служащие для полного описания Российской империи. СПб., 1771. Т. 1. Ч. 1. С. 57 – 60. Это описание воспроизведено в статье о Девичьем поле в словаре А. Щекатова (Щекатов А. Словарь географический Российского государства. М., 1804. Ч. 2. Стб. 326).

⁴⁹ Людвиг Бакмейстер (Hartwicht-Ludwig-Christian Bacmeister), первый русский библиограф (1730 – 1806), родом из мекленбургского княжества Рацебург, в 1762 году, при помощи историка Шлецера, переселился в Петербург, где предпринял периодическое издание: «Russische Bibliothek zur Kenntniss des gegenwartigen Zustandes der Literatur in Russland» (11 т., СПб., Лейпциг и Рига, 1772 – 87), в котором давал обзор выходивших в России книг. Бакмейстер перевел на немецкий язык историю Ломоносова («Alte russische Geschichte bis auf den Tod des Grossf. Jaroslaws I», Рига и Лейпциг, 1768), дневник Петра Великого, изд. Щербатовым («Beitrag zur Geschichte Peter des Grossen», Рига, 1774 – 1784) и составил «Топографические известия, служащие для полного географического описания Российской империи» (СПб., 1771 – 1774) – свод полученных в академии ответов на вопросы, разосланные ею провинциальным властям относительно географических условий подведомственных им местностей. На основании этих же ответов и других источников Б. составил краткий учебник географии (Ревель, 1773).

Приведем те варианты преданий, которые зафиксированы в ходе наших собственных опросов. Один из вариантов народной этимологии названия Девичье поле был записан от Е.И. Макеевой в 1995 г.: «Поле Девичье прозвали. Здесь была битва. Здесь очень много погибло женщин, девчат. И вот его так, осталась она... Девичье поле ее звали» (Л. 45).

Запись в д. Малое Колычево 02.06.1972 г.:

«Однажды татары взяли Коломну, но коломенцы убили царевича, сына хана. В отместку за это победившие татары собрали тридцать или сто самых красивых девушек и сожгли или заживо закопали на поле, получившем от этого название Девичьего».

Запись в с. Белые Колодези 04.06.1972 г.: «Татары брали дань с жителей Оки девушками, которых родители привозили на Девичье поле к роставанному камню».

Предания относятся к эпохе татарских нашествий и татарских даней до отмены баскачества (1320-е гг.), то есть к эпохе предшествовавшей «розмирию с Ордой» и Куликовской битве. Это позволяет сделать осторожное предположение о том, что к тому моменту, когда эпоха подчинения Золотой Орде сменилась военным противостоянием (1375 г.), некое урочище (гора, камень – ?) уже существовало.

В топониме «поле к Девичю» также присутствует слово «поле», но его никак нельзя смешивать с описанным нами микропонимом, обозначавшим крестьянское поле села Протопопова. Для того чтобы судить о том, какие реалии стояли за этим топонимом в XV – XVI вв., у нас пока недостаточно данных. Описательная форма («поле к Девичю») типична для ранней фазы формирования топонима⁵⁰.

Именно этот топоним, который, по нашим расчетам, бытовал в XV – XVII вв., фигурирует в тексте «Сказания о Мамаевом побоище», повествующем о смотре войск под Коломной: «На утре же князь великий повел всем воеводам выехати к Девичю на поле»⁵¹. Это не противоречит мнению большинства исследователей о создании «Сказания» на рубеже XV – XVI вв. и показывает, что его автор хорошо знал топографические реалии своего времени⁵².

⁵⁰ Например, в грамоте вел. кн. Дмитрия Ивановича инок Савве на Медвежьих озера (Пехорский стан под Москвой) 1381 – 1382 гг. упоминается «деревня бортичья Игнатъева старостина Жижнеева», а в XVI – XVIII вв. она именуется «Жижлева» (Чернов С.З. Домен московских князей в городских станах. 1271 – 1505 годы (Акты Московской Руси. Микрорегиональные исследования. Т. 2) // Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты / [Отв. ред. В.Л. Янин, В.Д. Назаров] М., 2005. Т. 2. С. 64, 65, 80 – 84, 86, 89, 90, 94, 97, 128, 180.

⁵¹ Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция по Ермолаевскому списку // Памятники Куликовского цикла / Под ред. Б.А. Рыбакова и В.А. Кучкина. СПб., С. 235.

⁵² Того же мнения придерживается и А.Б. Мазуров (Мазуров А.Б. Средневековая Коломна... С. 159).

По мнению Ю.К. Бегунова, поле названо в «Сказании о Мамаевом побоище» так потому, что оно располагалось близ одноименного урочища – Девичьей горы⁵³. Однако топооснова («к Девичю») подразумевает объект не женского (Девичья гора), а мужского рода (Девичий перевоз, Девичий камень).

* * *

Проведенное исследование показало, что топонимическая система села Протопопова, стабильно существовавшего со второй половины XIV в., имеет весьма древние корни. На это указывает сохранение в ее рамках названий отхожих лугов, которые, как и само село, входили в число владений Коломенских владык с 1350 – 1370-х гг. Отсутствуют данных о перестройке этой системы на рубеже XVI – XVII в.

К числу ранних принадлежат топонимы «Девичьи горы» («гора») и «Девичий перевоз». Первый из них локализуется на высоком берегу Оки к югу от с. Протопопова, между оврагами Земрево и Дальний, второй – на месте перевоза на дороге из Коломны в Городню и Зарайск, располагавшегося против Земрева оврага и Девичьей горы. Весьма вероятной представляется связь топонима «Девичья гора» с традицией весеннего языческого празднования, совершавшегося близ «Кургана» (поселения XII – XIII вв.), который располагался рядом, на северной стороне Земрева оврага. Появление этих топонимов можно связывать со второй половиной XII – первой третью XIII вв., когда здесь возникает перевоз через Оку на пути из Коломны на нижнее течение р. Осетра.

Топоним «поле к Девичю» сложился, судя по связанным с ним преданиям, в период татарских нашествий и подчинения Золотой Орде (1238 – 1320-е гг.). Он продолжал использоваться и в период военного противостояния Золотой Орде и Крымскому ханству (1375 – 1590-е гг.). В этот период он приобретает функции макротопонима, широко известного в пределах Коломенской округи.

В XVII – XVIII вв. в качестве элемента микротопонимической системы села Протопопова складывается топоним «Девичье поле» (ил. 1, № 29), который обозначает одно из трех крестьянских полей села. Это поле распространялось как на территорию Девичьей горы (между оврагами Дальним и Земрево в его нижней части – ил. 1, № 20, 19), так и на прилегающие пашни к северу, между оврагами Воробьевым (Аксиньинским) и селом. Этот микротопоним пережил топонимы Девичьи горы (гора) и Девичий перевоз, которые во второй половине XX в. перестали бытовать в устной традиции села.

⁵³ Бегунов Ю.К. Об исторической основе «Сказания о Мамаевом побоище» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.; Л., 1966. С. 488. Прим. 68.

Древнее «поле к Девичю», по-видимому, значительно превышало по размерам позднейшее крестьянское «Девичье поле» и являлось элементом системы военной и сторожевой службы, связанной с обороной «берега». Его исследование как памятника исторического ландшафта — предмет специальной работы. Нашей же целью являлось проследить судьбу топонима на протяжении столетий, опираясь на описание его места в устной топонимической традиции села Протопопова.

А.Ю. Козлова

Лексические единицы, используемые для обозначения Высших сил, в Коломенском списке Толковой Палеи 1406 г.

С 7 мая по 1 ноября 1406 г. «въ богохранимѣмъ градѣ Коломнѣ при благовернѣмъ князи великомъ Васильи сынѣ Дмитрекевѣ внуцѣ Ивановѣ Даниловичѣ»¹ трое писцов на пергамен переписывали весьма объемное произведение древнеславянской книжности в 208 листов — Толковую Палею. Эта рукопись известна в научной традиции как Коломенская Палея (или Коломенский список Толковой Палеи 1406 г.) и хранится сейчас в ОР Российской государственной библиотеки в Москве.

Толковая Палея — замечательный памятник древнерусской книжности, в котором наряду с текстами или пересказами текстов Ветхого Завета и их толкованиями приводятся различные сведения исторического и естественнонаучного характера. Толковая Палея была своеобразной энциклопедией для средневекового человека: из нее он мог почерпнуть сведения не только о возникновении и устройстве мира, о ветхозаветной истории, о расселении народов, но и об анатомии человека, о некоторых зверях и птицах и т. д.

В средневековой Руси Толковая Палея была весьма популярным произведением, потому что, несмотря на достаточно большой объем, сохранилось и дошло до нас более чем 15 ее списков; произведение переписывалось, а значит, было актуальным на протяжении четырех веков — с XIV по XVIII; его списки находились в собраниях авторитетнейших духовных центров — в Александро-Невской и Троице-Сергиевой лаврах.

¹ Текст цитируется по РГБ, Тр.-Серг. № 38, при цитировании источника выносные буквы подчеркиваются, буквы, пропущенные Писцом, восстанавливаются и даются в круглых скобках.

Кроме Коломенского списка Толковой Палеи 1406 г. источником исследования послужили рукописи Толковой Палеи *Толковой редакции*:

Список Александро-Невской Лавры — РНБ. Собр. ПДА. А. I/119 (XIV в.), РГАДА. Синод. типогр. № 53 (XIV в.).

Список Костромской библиотеки — РГБ. Собр. Костромской библиотеки. Ф. 138. № 320. 1 — 2. (конец XIV — начало XV в.).

Уваровский список — ГИМ. Увар. № 516/1303 (XVI в.).

Список Киевской Духовной Академии — Национальная украинская библиотека им. В.И. Вернадского (г. Киев) Мел. м. п. 114 (XVII в.).

А также рукописи Толковой Палеи Промежуточной редакции:

Кирилло-Белозерский список — РНБ. Кир.-Бел. № 68/1145 (XV в.).

Волоколамский список — РГБ. Волоч. № 549 (XV в.).

Барсовский список № 620 — ГИМ. Барс. № 620 (XV в.).

Ундольский список — РГБ. Унд. № 718 (XV в.).

Хлудовский список — ГИМ. Хлуд. № 182 (XVI в.).

Ил. 1. Первый лист
Толковой Палеи.

Несмотря на то, что Палея привлекла к себе внимание исследователей уже в начале XIX в., до сих пор не определено время и место ее создания: одни ученые считали Толковую Палею древнерусским памятником XIII в. (А.В. Михайлов, В.М. Истрин)², другие — переводом с греческого (В. Успенский, Н.С. Тихонравов)³, а А.А. Шахматов выдвинул точку зрения о болгарском происхождении Толковой Палеи и относил ее создание к IX в.⁴ Сейчас гипотезу А.А. Шахматова развивают болгарские ученые: в 2002 году в Софии вышло

² Михайлов А.В. Общий обзор состава, редакций и литературных источников Толковой Палеи // Варшавские университетские известия. 1895, № 7. С. 1 — 21. Истрин В.М. Замечания о составе Толковой Палеи // ИОРЯС. 1897; Т. 2. Кн. 1. С. 175 — 209; Кн. 4. С. 845 — 905; 1898, Т. 3. Кн. 2. С. 472 — 531.

³ Успенский В. Толковая Палея. Казань, 1876. Тихонравов Н.С. Отчет о присуждении наград гр. Уварова. СПб., 1878.

⁴ Шахматов А.А. Толковая Палея и русская летопись // Статьи по славяноведению. СПб., 1904. Вып. 1. С. 199 — 272.

исследование Т.Д. Славовой «Тълковната Палея в контекста на старобългарската книжнина», в котором возникновение памятника датируется X веком⁵.

Толковая Палея имеет несколько редакций, взаимоотношения между которыми до сих пор не выяснены. Но широкому кругу читателей и исследователей в основном известен именно Коломенский список Толковой Палеи 1406 г., т. к. он был два раза издан — в конце XIX века [Палея Толковая по списку, сделанному в Коломне в 1406 г. / Труд учеников Н.С. Тихонравова. М., 1892 — 1896. Вып. 1, 2.] и в начале XXI в. [Палея Толковая. Перевод, научное редактирование А.М. Камчатнова. М., 2002].

Толковая Палея послужила лексикографическим источником почти для всех исторических словарей русского языка. Уже И.И. Срезневский включил в свои «Материалы для словаря древнерусского языка» (Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. М., 1989. Т. 1 — 3) лексику Толковой Палеи по списку Александро-Невской лавры XIV в., причем весьма отрывочно: его преимущественно интересовали редкие слова и гапаксы Толковой Палеи. Лексика Толковой Палеи отражена в Словаре русского языка XI — XVII вв. (М., 1975 — 2008 — . Вып. 1 — 28 — .). Здесь используется уже другой список — Коломенский 1406 г. по изданию 1892 — 1896 г. Очень тщательно текст Палеи опять же по изданному Коломенскому списку 1406 г. был расписан для картотеки Словаря древнерусского языка XI — XIV вв. (М., 1988 — 2008 — . Т. 1 — 8 — .).

Картотеки Словаря русского языка XI — XVII вв. и Словаря древнерусского языка XI — XIV вв. послужили базой для многочисленных частных исследований по истории русского языка: история существительных на *-ние (-тие)*, история приставок *вы-* и *из-*, предлогов *пред* и *перед* и т. д. Во всех этих работах обязательно используется материал Толковой Палеи обычно по Коломенскому списку, т. к. исследователи работали с картотеками этих исторических словарей.

Кроме Толковой, в книжности Древней Руси еще существовали Хронографическая и Историческая Палеи. Толковая отличалась от них своим полемическим характером — в ней яростно обличались нехристианские верования. Редактор-составитель Толковой Палеи построил свое произведение как беседу с «жидовином», постоянно обращаясь к своему оппоненту: *Лютѣ же твоюму невѣрьствию, жидовине! Горе и самохотному изволенью твоюму, окаанье!* (стб. 20).

Ученые по-разному оценивали роль и значимость полемического элемента в составе Толковой Палеи. И.Е. Евсеев говорил, что это отражение литературной традиции⁶, но большин-

⁵ Славова Т.Д. Тълковната Палея в контекста на старобългарската книжнина. София, 2002.

⁶ Евсеев И.Е. Толкования пророческих мест с обличением жидовства. СПб., 1900.

ство ученых указывало на актуальность полемики с иудеями и связывало ее с конкретными историческими событиями. Перед коломенскими исследователями рукописи встает вопрос: почему в 1406 г. в Коломне переписывается не Хронографическая, не Историческая Палея, не Шестоднев Иоанна Экзарха болгарского, а именно Толковая Палея, направленная против иудейского вероучения? Дорогой пергамен, работа нескольких писцов в течение полугода – все это не позволяет предположить, что выбор произведения был случаен, но чем он был вызван, какими политическими и историческими событиями, связанными с Коломной? Этот вопрос еще ждет своего ответа.

В процессе изучения лексических особенностей Толковой Палеи нами был составлен словарь-словоуказатель и формоуказатель для ее Коломенского списка. Выяснилось, что словарь рукописи насчитывает 7558 лексем, употребленных 98800 раз, что почти в три раза больше словаря Исторической Палеи и в полтора раза – словаря Повести временных лет⁷.

Основной задачей редактора-составителя Толковой Палеи было «изложение доктринально-правильного взгляда на бытие вообще и историю в частности»⁸. «Создатели «Палеи Толковой» сформулировали основные принципы средневековой онтологии, охарактеризовали сущностные стороны бытия. Поскольку онтологическая проблематика памятника была сопряжена с теологией, по сути дела выражала ее, то в полном соответствии со средневековыми представлениями абсолютное бытие отождествлялось с Богом как высшей, самоотдельной себе надприродной сущностью»⁹. Это и определило высокую частотность в памятнике лексики, относящейся к религиозно-философской сфере.

При анализе частотной характеристики имен существительных выяснилось, что самыми частыми словами в рукописи являются **Господь** и **Богъ**.

Укажем наиболее частотные в Коломенском списке Толковой Палеи имена существительные, употребленные более ста раз: **Господь** – 1136 словоупотреблений, **Богъ** – 891, **сынъ** (во всех значениях) – 716, **земля** – 547, **отець** (во всех значениях) – 368, **день** – 353, **доухъ** – 295, **чловѣкъ** – 282, **луна** – 275, **слово** (во всех значениях) – 254, **лѣто** – 243, **цѣсарь**, **роука** – 229, **языкъ** («народ») – 218, **доуша** – 213, **людик** – 208, **вода** – 186, **има** – 182, **нево** – 176, **чадо** – 173, **ангелъ** – 161, **лице** – 160, **тѣло** –

⁷ Станков Р. Лексика Исторической Палеи. Велико Търново, 1994; Творогов О.В. Лексический состав «Повести временных лет» (Словуказатель и частотный словарь). Киев, 1984.

⁸ Мильков В.В. Религиозно-философское значение «Палеи Толковой» // Философские и богословские идеи в памятниках древнерусской мысли. М., 2000. С. 109.

⁹ Там же. С. 110.

159, **моужь** – 149, **жена** – 147, **племя**, **сила** – 143, **сърдыце** – 134, **кръвь** – 131, **законъ** – 127, **гора** – 126, **братъ**, **образъ** – 121, **древо** – 114, **плъть** – 110, **сълнце** – 107, **свѣтъ** – 105.

Богословские и философские идеи Толковой Палеи в контексте древнерусской мысли в настоящее время активно изучаются (см. исследования А.П. Шеглова, В.В. Милькова, С.М. Полянского, А.М. Камчатнова и др.¹⁰). В рамках данного исследования наше внимание привлекла лексика, используемая в тексте Коломенского списка Толковой Палеи для наименования Высших сил¹¹. Эту лексику условно можно разделить на две основные группы: имена существительные собственные и имена существительные нарицательные.

*1. Имена существительные собственные,
используемые для наименования Высших сил.*

Имена собственные, используемые для обозначения Высших сил, в Коломенском списке представлены следующими тематическими группами.

1) Наименования Ипостасей Божественной Троицы – пять лексических единиц: **Адонан (Аданан)**, **Саваофъ (Саваофъ)**, **Емануилъ** (sic!), **Исоуць**, **Христось**. Строго говоря, заимствования **Адонан**, **Саваофъ** именами собственными в языке-источнике не являются, но на уровне древнерусского языка можно условно отнести их к данной группе.

Вторая Ипостась Троицы в Коломенском списке Толковой Палеи именуется с помощью следующих существительных – имен собственных и их сочетаний:

одиночным именем **Христось** – 53 раза;

сочетанием двух имен **Исоуць Христось** – 36 раз;

одиночным именем **Исоуць** – 27 раз;

сочетание **Христось Исоуць** употреблено 5 раз;

а также эти имена собственные могут выступать в сочетании с другими существительными:

Господь наш Исоуць Христось – 29 раз;

Господь Исоуць Христось – 6 раз;

¹⁰ Баранкова Г.С., Камчатнов А.М., Мильков В.В., Полянский С.М., Сибирич Р.А. Приложение: «Палея Толковая» (комментарии) // Философские и богословские идеи в памятниках древнерусской мысли / Отв. ред. М.Н. Громов, В.В. Мильков. М., 2000. С. 114 – 169.

Мильков В.В., Полянский С.М. Палея Толковая: редакция, состав, значение // Палея Толковая. М., 2002. С. 604 – 631.

Мильков В.В. Космологические концепции и сведения в книжности Древней Руси // Древнерусская космология / Отв. ред. Г.С. Баранкова. СПб., 2004. С. 26 – 151.

Шеглов А.П. Философское содержание «Толковой Палеи» по материалам русских летописей. Автореф. дис. канд. филос. н. М., 1994.

¹¹ В Русском семантическом словаре под редакцией Н.Ю. Шведовой эта тематическая группа именуется как «наименования религиозной мифологии» (Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / РАН. Ин-т русск. яз.; Под общей ред. Н.Ю. Шведовой. М., 2000. Т. I. С. 386).

Исоусть Христосъ Сынъ Божии — 2 раза;
 Исоусть Христосъ Богъ — 1 раз;
 Владыка нашъ Исоусть Христосъ — 1 раз;
 Владыка Исоусть Христосъ — 1 раз;
 Владыка нашъ Господь Исоусть Христосъ — 1 раз;
 Господь Исоусть Христосъ Сынъ Божии — 1 раз.

С опорным словом Христосъ отмечаются следующие словосочетания:

Христосъ Богъ — 6 раз;
 владыка Христосъ — 4 раза;
 архикрѣи Христосъ — 2 раза;
 преблагыи хытрьць Христосъ — 1 раз;
 вышнии цѣсарь Христосъ — 1 раз;
 Христосъ Богъ нашъ — 1 раз;
 Христосъ Господь — 1 раз;
 Христосъ Богъ и Господь — 1 раз;
 Христосъ Сѣпастъ нашъ — 1 раз;
 Христосъ Исоусть Сѣпастъ нашъ — 1 раз.

Данная статистика весьма важна для изучения истории создания произведения. Как уже упоминалось, до сих пор не выяснены время и место создания Толковой Палеи, и поэтому изучение устойчивых номинаций в соответствии с разными частями текста, возможно, позволит выявить пристрастия редактора-составителя, его принадлежность к какой-то литературной школе.

Интересно отметить, что в тексте, принадлежащем редактору-составителю, в наименовании **Исусть Христосъ** первое слово в косвенных падежных формах не изменяется: **И(сѣ)сть Христа, И(сѣ)сть Христомъ**; в образованном от этого наименования имени прилагательном первая часть тоже остается неизменной **И(сѣ)стьхристовымъ**.

2) К наименованиям нехристианских богов, духов и демонов относятся следующие лексические единицы: **Альса, Астарофъ, Астартинъ, Бохмитъ, Валимъ, Валъ, Вельзаоуль, Велфегоръ, Дагонъ, Садомонъ, Сатана, Сатанайль**.

Имя собственное **Бохмитъ** (стб. 85, 108, 274) и притяжательное прилагательное от него **вохмични** (стб. 227, 277) встречается в обличениях, которые восходят к «Речи Философа». В.М. Истрин считал, что такая форма **Бохмитъ** вместо **Махъ-метъ** свидетельствует о русском происхождении памятника¹².

Следует отметить, что **Альса** и **Садомонъ**, по-видимому, именуют одно и то же и именами собственными не являются. В тексте издания Толковой Палеи 2002 г. А.М. Камчатнов, который подготовил древнерусский текст памятника к изданию, отредактировал текст Толковой Палеи с использованием этих имен следующим образом: форме **Альсы** был придан статус

¹² Истрин В.М. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Пг., 1920. Т. 2. С. 305.

имени собственного: **оставите кумиры своа Валима и Алъсы Астарофовы**», в переводе: «Оставьте идолов Ваала и Астарты»¹³. Немного непонятно, почему сочетание **Алъсы Астарофовы** переводится одним словом. Явно, что **Алъсы** — это передача греческого нарицательного существительного «священная роща, т. е. посвященная какому-то богу»¹⁴, следовательно, **алъса Астарофова** — это «священная роща, посвященная Астарофу». По-видимому, надо квалифицировать существительное **алъса** как заимствование, прошедшее уже морфологическую адаптацию: **алъсы** — существительное склонения на *а в родительном падеже единственного числа, и, вероятно, в качестве заимствования его надо включать в исторические словари русского языка.

Наименование **Садомонъ** встречается в следующем контексте: **и послуж(и)ша в(ог)ома Вали/мѹ и Садомонѹ** (стб. 686). Писец Коломенского списка явно воспринимал слово **Садомонъ** как имя собственное, на что указывает форма дв. ч. **в(ого)ма**. В издании 2002 г. в тексте сделано исправление: **послужниша вогома Валимѹ и садомъ**¹⁵. В примечании переводчик обосновывает конъектуру, указывая, что в LXX: καὶ ἐλάτρευσαν τοὺς Βααλὶν καὶ τοὺς ἀστροεῖς, в Славянской Синодальной Библии: **и послужниша Ваалѹ и дѹбравам**. А так как Астарта — ханаанское божество, олицетворение воспринимающей и рождающей силы природы, то здесь «она именуется через атрибут», но в переводе Астарта не упомянута: «стали служить Ваалу и рощам»¹⁶. Нам же кажется, что вряд ли в данном случае следует делать исправление, т. к. наименование **Садомонъ** — характерная лексическая особенность Палеи, устойчиво передаваемая по спискам.

Таким образом, при передаче текста Суд. 3:7 и 1 Цар. 7:3 — 4 славянский переводчик один раз использовал грецизм — имя нарицательное **алъса**, второй раз его перевел — **садомъ**, а писцы же, не разобравшись, превратили эти слова в имена собственные **Алъса** и **Садомонъ**.

II. Имена существительные — нарицательные, используемые для наименования Высших сил.

Прежде всего, это самые частотные в списке слова **Господь** и **Богъ**. Причем языческих богов тоже именуют словом **богъ**, однако в этом случае слово почти всегда стоит во множественном или двойственном числе, всегда пишется под титлом и имеет при себе определение: **бози пьрььскыа** (стб. 324), **во всѣхъ возѣхъ кюптььскыхъ** (стб. 494), **в(ог)ъ нигѣхъ развѣ**

¹³ Палея Толковая / Пер., науч. ред. А.М. Камчатнов. М., 2002. С. 472.

¹⁴ Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь. Репринт V-го издания 1899 г. М., 1991. С. 59.

¹⁵ Палея Толковая / Пер., науч. ред. А.М. Камчатнов. М., 2002. С. 437.

¹⁶ Мильков В.В. Хождение Богородицы по мукам // Древнерусские апокрифы: тексты, переводы, комментарии. СПб., 1999. С. 624.

мене (стб. 597), в(ог)ъ цюжихъ (стб. 610), не вѣ с ними в(ог)ъ чюжь (стб. 627), чьстити в(ог)ы страньскы (стб. 680), не оубонтеса в(ог)ъ амарѣискъ (стб. 694), дагону в(ог)у их (стб. 694), къ в(ого)мъ моавитьскимъ (стб. 728).

Второму писцу Коломенского списка была известна лексема, именуемая божество женского пола, — **богыня**, достаточно редкая в древнерусском литературном языке. Этот писец, судя по сопоставлению с другими списками, немного отредактировал текст апокрифа «Откровение Авраама», введя слово **богыня** вместо слово **вогъ**, желая согласовать подлежащее и сказуемое и по смыслу, и грамматически (в предложении речь идет о земле): **то ни тога (землю) в(ог)ыня нарекоу** (во всех остальных списках — **в(о)гомъ**) (стб. 248).

В функционировании лексемы **Богъ** можно отчетливо проследить некоторые тенденции в соответствии с границами частей памятника, восходящих к разным источникам. В первых 123 столбцах Коломенского списка, передающих 1 главу Книги Бытия, используется номинация **Богъ** — 113 раз, всегда под титулом, и только три раза номинация **Господь Богъ** — стб. 41, 42, 77. И один раз встречается номинация **Ѡ Творца Б(ог)а** (стб. 68). Дальше — с 123 по 843 столбцы — сочетание **Господь Богъ** используется достаточно часто — 198 раз, причем отмечаются отрывки, например, передача Книги Исход, в которых оно преобладает.

В списке слово **Богъ** может выступать в выражениях: **Ѡ Творца Б(о)га** (стб. 68), **Ѡ Владыкы Б(ог)а** (стб. 176), **в славѣ Богѹ Ѡ(ть)цю** (стб. 349), **вседержителю Б(ог)ѹ** (стб. 717), **во имя Г(оспод)а Ваваофа Б(ог)а из(ран)л(є)ва** (стб. 752), о Иисусе Христе — **о Бозѣ Спасѣ .можмъ** (стб. 798).

Кроме слов **Богъ** и **Господь** для обозначения Ипостасей Божественной Троицы в Коломенском списке Толковой Палеи используются другие имена существительные, которые тоже можно условно разделить на две группы: имена существительные, используемые только для наименования Ипостасей Троицы, и имена существительные, с помощью которых именуются как Ипостаси Троицы, так и другие — небожественные, реальные лица.

К первой группе относятся такие лексемы, как **Великодарьць** (стб. 131 — одно словоупотребление, причем СлДРЯ XI — XIV отмечает его как гапакс); **Вожь: си/во нынѣ богы чюжин оставь/льше и къ кдиному прилѣ/пистеса и тѣ быс вамъ вожь** (стб. 627); **вседержитель** (8 словоупотреблений); **властельникъ: о сем великыи исаниа не оумо/лча но гаснѣк реч дѣтишь дастьса намъ властельникъ миръ** (в других списках — **властелинъ**); **Давьць** («Дарователь, дающий» — стб. 82, 816); **Живодавць** («тот, кто дает жизнь (о Христе)» — стб. 162, 508, 606); **Обьщникъ** («тот, кто образует одно целое с кем-то (об одной из ипостасей Троицы)»): **яко обещникѹ тварномѹ ве/сѣдѹють**

(стб. 109); **Помощьникъ** (стб. 258, 478, 503, 791 – все четыре словоупотребления только по отношению к Богу); **Ръвьнителъ** («тот, кто не терпит отступничества» – стб. 220, 367, 504, 590, 590); **Съдѣтель**: **роди съдѣтелю тва/ремь** (стб. 374); **Съпасителъ** (стб. 421, 557); **Съпасъ** (47 словоупотреблений), **Съпрестольникъ**: **ц(ѣ)с(а)рь во восходитъ /к первому свѣтѣ славы кго же видѣвъ о(ть)ць простъ/ре рѣцѣ и съпр(є)ст(о)лника и посади** (стб. 215); **Творьць** (43 словоупотребления); **Чловѣколюбьць** (5 словоупотреблений – стб. 70, 230, 480, 606, 706).

Важно отметить, что, видимо, на основании принципа единственности, все эти лексические единицы могут употребляться по отношению и к Первой, и ко Второй Ипостаси Троицы. Как отмечает В.В. Мильков: «В литературе и иконографии Древней Руси неоднократно встречается взаимозаменяемость лиц Троицы»¹⁷. Так, например, в первой части памятника слово **Творьць** употребляется по отношению к Богу Творцу, Вседержителю и Отцу, но со стб. 498 и далее слово **Творецъ** употребляется и по отношению к Иисусу Христу: **архистратигъ га/врилъ высъ служителъ /чюдесѣмъ дивнаго того/ р(о)ж(ь)ства творца** (стб. 498), **ими же обра/зъ преложи своимъ оучникъ/ како всемогущи творецъ ѿ не/могущихъ заплеваник оуда/реник вѣнчаник порѣганик/ распатик претерпѣ** (стб. 602), **имже /на кр(ь)стѣ възнесе творца** (стб. 644).

Слова, используемые как для наименования Ипостасей Божественной Троицы, так и для обозначения реальных лиц, представлены следующими лексическими единицами: **Архикрѣи** (4 словоупотребления, 3 из них по отношению к Христу – стб. 393); **Благодѣтель** (стб. 255 – о Иисусе Христе); **Владыка** – в списке отмечено 89 словоупотреблений, из них 83 по отношению к Богу, 6 словоупотреблений именуют лиц по сословной принадлежности, особенность этого слова состоит в том, что в тексте оно чаще употребляется в сочетаниях – **Владыка Господь, Владыка Господь Богъ, всемогущий Творецъ Владыка и Господь, плотоносный Владыка, Владыка Спасъ, Владыка Христосъ**); **Властель** (9 словоупотреблений, однако для именования Божества только одно словоупотребление: **како властель творецъ н(є)бѣ и земли** (стб. 374)); **Властелинъ** (6 словоупотреблений – 2 словоупотребления для наименования Бога (стб. 106, 106): **въ крѣпокъ властелинъ миру; въсадникъ: добраго всадника слово носаше** (о Христе, стб. 828); **Жьрьць** (34 словоупотребления – о Иисусе Христе); **Лице** в выражении: **ѿ сановитаго во лица посрамлени бѣдѣть** (стб. 313 – о Иисусе Христе), **Наставьникъ** (два словоупотребления, одно из них стб. 752 – по отношению к Богу-Отцу); **Начальникъ твари** (стб. 602 – о Иисусе Христе); **Отъць; Поворьникъ** (стб. 712 –

¹⁷ Мильков В.В. Хождение Богородицы по мукам // Древнерусские апокрифы: тексты, переводы, комментарии. СПб., 1999. С. 624.

о Христе); **Покровитель** (два словоупотребления, одно из них — стб. 503 — о Боге); **Самовластьць** (два словоупотребления, на стб. 414 — о Иисусе Христе): **самовластьць вые н(е)вү и земь/ли и преисподнимъ**; **Сынъ**; **Хитрьць** (6 словоупотреблений, из них 5 — для именованя Бога); **Цѣсарь** — если слово именуе Бога, то обычно с определениями: **вышьнии Цѣсарь** (стб. 258), **невесьнии Цѣсарь** (стб. 383).

Кроме того, по отношению к Христу употребляются следующие наименования: **Агньць вожни, нашъ Животъ** (стб. 513 — о Иисусе Христе), **Мүдрость: мүдрость созда совѣ храмъ** (стб. 97), **Премүдрость**.

Особо отметим особенности употребления слов **Отць** и **Сынъ**: слово **Сынъ** употреблено 716 раз, из них для обозначения Второй Ипостаси Троицы — 170 раз, 368 раз употреблено слово **Отць**, из которых 90 словоупотреблений называют Первую Ипостась Троицы.

Слово **Доухъ** употреблено 295 раз, из которых 136 словоупотреблений называют Третью Ипостась Троицы — Святой Дух, в этом случае в списке слово обычно всегда выступает с определением **Свѣтын**, очень редко — без определения: **д(оу)хъ о(ть)ца исходитъ** (стб. 7), **не во везъ ъ/постгаси д(оу)ха разүмѣваѣм но своѣ /совѣства имыи** (стб. 95).

Также слово **доухъ** может иметь значение «бесплотное сверхъестественное существо»: **первоѣ створи а/нгелы своѣ д(оу)хъ и слоүги** (стб. 1), **инъ великии павелъ реч тако д(оу)си слүжебници** (стб. 37), **англи что сүт не д(оу)хъ ли не огнь** (стб. 102), «животворящее, начало»: **дүнү на лице кго д(оу)хъ живъ** (БП 7, стб. 123), **да изведүть воды плѣжюща/а д(оу)хъ живъ по родү** (стб. 80), **изведе /земла д(оу)хъ животныи по родү их** (стб. 89), «дуновение»: **кгда ли по/винеть д(оу)хъ хладенъ и абык /вшюмать древеса та** (стб. 124), кроме того, в тексте Коломенского списка Толковой Палеи есть дух грозы: **громи же влнстань/а тогда имъ бываѣть дү/хү оүво силнү начинающю/ раздирати облаки** (стб. 137), **кгда во придетъ пе/рвоѣ д(оу)хъ ть громныи и огоу/стити обѣлаки и скрегче/ть и грома наполнить обла/ки воды акы гүвү** (стб. 138), **и по семь ѿ верза /ктъ дүгок скровнице д(оу)ха водокропна** (стб. 138), а также у слова **доухъ** фиксируется значение «настроение, состояние»: **инии же наполняютьса / д(оу)ха браньна** (стб. 193).

Весьма значимым и частотным в тексте является слово **божество**, которое в Коломенском списке употреблено в основном в значении «божественное начало, божественность» (второе значение этого слова «то же, что Богъ» также представлено) — 66 словоупотреблений: **мню оүво о(ть)ца и сы/на и с(ва)т(а)го д(оу)ха въ кдинѣмъ в(о)жъ/ствѣ** (стб. 69). В значении «лицо, ипостась (о Боге)» используются **совѣство** — 23 словоупотребле-

ния и *оупостась* — 4 словоупотребления; *оупостась* появляется только в отрывке, восходящем к Богословию Иоанна Экзарха: *по оупостаси сѣща живѹ избиривѹ самошьствнѹ дѣйствиѹ* (стб. 94). Причем оба слова — *совьство* и *оупостась* — могут выступать в одном контексте: *не бо безъ ѿпостаси д(оу)ха разѹмѣваем но свок совьства имын* (стб. 95).

В основном же для краткого изложения догмата о Троице автор-составитель Толковой Палеи использует устойчивую формулу (*исповѣдати*) *ѣдино божьство въ три совьства: пакѡ въ трехѹ со/вьствѣхѹ инѹ ѣдино в(о)жь/ство* (стб. 4), *пакѡ сами к себѣ беседѹють /треми совьствы ѣдинѣм ж в(ож)ѣ/ством сияюще* (стб. 103 – 104), *ѣдино в(ож)ѣ/ство и три совьства назнаменуѹ* (стб. 108), но въ три совьства и /въ ѣдино в(о)ж(ь)ство исповѣдати наоучи (стб. 349), въ три совьства исповѣдаа // и въ ѣдино в(о)ж(ь)ство со/вокуплаа (стб. 774), въ три совьства ѣдино бо/жьство исповѣда (стб. 823).

Кроме имен существительных, для наименований Первой и Второй Ипостасей Троицы в Коломенском списке Толковой Палеи используются субстантивированные прилагательные **Крѣпъкын**, **Вышнини**, **Чакмын**.

«В разделе, посвященном ангелологии, подробно характеризовались чины Божьих слуг — внеприродные идеальные сущности (так называемые чистые сущности), обладающие более высоким онтологическим статусом, чем природа, но

Ил. 2. Последний лист Толковой Палеи.

более низким, нежели Бог. В силу двойственности (сопряженность идеальности с сотворенностью) они рассматривались в качестве связующего звена между Богом и Материальным миром»¹⁸.

Как неоднократно было отмечено, изложение в Толковой Палее ангелологии восходит к сочинению Дионисия Ареопагита «О небесных чинах»¹⁹. Лексемы, называющиеся в списке Божьих слуг, весьма разнообразны: **чины, горнии силы** (стб. 215), **воинство** (стб. 140, 604), **ангелы своа доухы и слоуги** (стб. 1), **воинници небесного ц(ѣса)рѧ** (стб. 383). В начале произведения называются все ангельские чины: **ангелы, архангелы, начала, власти, силы, престолы, господствена, херовими, серафими** (стб. 1 – 2). А.П. Щеглов заметил, что в Толковой Палее нарушена последовательность между первой и второй иерархиями и «порядок чинов ангельской иерархии выстраивается не сверху вниз, а знаменует восхождение от «дольнего к горнему»²⁰.

Самым частотным в Коломенском списке из этих наименований является слово **ангелъ** – 166 словоупотреблений. Иногда слова **ангелъ** и **архангелъ** пишутся без титлов, и орфография их весьма примечательна: **ань/гили** (стб. 160), **аръханьгили** (стб. 156).

Седьмой чин (по Палее) передается с помощью двух словообразовательных вариантов: **господствена** (стб. 1, 140) и **господства** (стб. 9, 146, 598). Восьмой чин – **хероувими многоочити**, слово употребляется 17 раз, в разной орфографии – **херовими** (стб. 1), **хероувимъ** (стб. 140), **въ хѣроувимъ мѣсто** (стб. 159) и даже **хероуфимъ**. Восьмой чин – **серафими шестокрилати**, слово не столь частотно, нежели предыдущее – употребляется три раза, два раза – **серафимъ** (стб. 1, 9) и один раз – **сероуфимъ** (стб. 140). Начальники ангельского воинства – **архистратигъ Гаврилъ** (стб. 498), **архистратигъ Михаилъ** (стб. 646, 658), иногда их называют **чинначалиа** (стб. 9), **старѣишины, вожды и начальники чиномъ** (стб. 1, 2), **начальникъ силы господьна** (стб. 646), **кнази** (стб. 215). По отношению к ангельскому чину в Коломенском списке употребляются слова: **вратъници**, которые открывают небесные двери (стб. 286), **заступникъ и поборникъ** (стб. 657 – об архангеле Михаиле), **слоуги** (стб. 37), **слоужевъници** (стб. 37).

¹⁸ Мильков В.В. Религиозно-философское значение «Палеи Толковой» // Философские и богословские идеи в памятниках древнерусской мысли. М., 2000. С. 110.

¹⁹ Баранкова Г.С., Камчатнов А.М., Мильков В.В., Полянский С.М., Си-монов Р.А. Приложение: «Палея Толковая» (комментарии) // Философские и богословские идеи в памятниках древнерусской мысли / Отв. ред. М.Н. Громов, В.В. Мильков. М., 2000. С.173.

²⁰ Щеглов А.П. Комментарии к Толковой Палее // Волшебная гора. М., 1998. VII. С. 227.

Интересно, что в Толковой Палее описываются ангелы природных явлений, что не соответствует православной ангелологии: «Воздействие на автора Палеи обаяния картин мироздания столь велико, что он почти склоняется к одухотворению природных явлений, что по сути своей можно рассматривать как замаскированный христианской фразеологией рецидив анимизма»²¹.

Темное, отрицательное начало – злые духи, бесы, склоняющие ко злу, в Толковой Палее именуется с помощью следующих слов: **антихристъ** (7 словоупотреблений), **ворьць: на побѣженіи лютаго борца днавола** (стб. 604), **вѣсь** (14 словоупотреблений), **врагъ** (вообще 79 словоупотреблений, в значении «дьявол» 34 словоупотребления), **враждникъ** (1 словоупотребление), **дѣмонъ** (8 словоупотреблений), **днаволъ** (36 словоупотреблений), **доухъ** – всегда с определением: **глагола к дѣмонѹ оканныи не/чистыи д(оу)ше** (стб. 155), **змии, князь** (стб. 452) всегда с уточнением: **князь вѣсовьскыи, князь прельсти** (стб. 430), **льстьць** (стб. 144, 647), **отъстоупникъ** (стб. 74, 75, 626), **гордыи сѹпостатъ** (стб. 244, 564), **сѹпротивникъ вожин** (стб. 77), **чловѣкоубитель** (стб. 705, 715). Совокупные обозначения: **легеонъ бесовъ, полъци дѣмоньстни** (стб. 285, 417).

Описание данной группы лексики в соответствии с учетом стратиграфии текста позволит охарактеризовать языковую манеру редактора-составителя Толковой Палеи, сопоставить ее с выявленными лингвистическими особенностями разных литературных школ Болгарии и Древней Руси и, возможно, прояснить какие-то моменты истории возникновения и бытования памятника.

²¹ Мильков В.В. Религиозно-философское значение «Палеи Толковой» // Философские и богословские идеи в памятниках древнерусской мысли. М., 2000. С. 110.

С.И. Самошин

Экономика средневековой Коломны. Денежное обращение в Коломенском уезде в 1535 – 1584 гг.

Сергей Иванович Самошин. Выступление на конференции «Коломна и Коломенская земля» 3 октября 2008 г.

Изучение средневековой экономики значительного городского центра московских земель, Коломны, фактически только началось. Эта тема сложная и многоплановая. Предлагаемое сообщение затрагивает один из аспектов этой проблемы: денежное обращение Коломны и ее уезда в 1535 – 1584 гг.

В первой четверти XVI в. московская великокняжеская власть завершила государственное объединение русских земель вокруг исторического центра в междуречье Оки и Волги, сломив сопротивление крупных феодальных соперников. Московия стала одним из крупнейших европейских государств. Образование государства сопровождалось реформированием различных сфер жизни, одной из которых была денежная реформа.

Известный отечественный исследователь-нумизмат И.Г. Спасский отмечал, что русское денежное хозяйство XVI в. прошло через два цикла обращения. Рубежом между обоими была денежная реформа 1535 – 1538 гг. правительницы Елены Глинской, матери будущего царя Ивана Грозного, покончившая с расстройством денежного дела в Московском государстве.

Определяющий признак цикла – его монетная стопа, т. е. узаконенное количество монеты, выделяваемой из принятой весовой единицы серебра или, попросту говоря, узаконенная цена серебра в монете. До 1535 г. из гривенки (204 г)

серебра выделялось монеты на 2,6 р., а с 1535 г. — уже на 3 р. Монеты стали легче, а рубль по содержанию серебра дешевле. Этот цикл заканчивается в начале XVII в.: его разрушила польско-шведская интервенция 1610 — 1617 гг.¹

В результате реформы 1535 — 1538 г. была установлена единая система денежных знаков и оформлена национальная десятичная денежная система.

Основой унифицированной системы денежных знаков стал счетный рубль в 68 г серебра.

Реальной монетой национального денежного обращения были чеканенные на денежных дворах Москвы, Новгорода, Пскова и Твери серебряные копейки, денги и полушки с нормативным весом соответственно в 0,68 г, 0,34 г и 0,17 г. Для мелочной торговли выпускалась медная разменная монета — пуло.

Методика изучения этих маленьких, «несловоохотливых» русских монет разработана отечественными нумизматами И.Г. Спасским, А.С. Мельниковой, П.Г. Гайдуковым и другими исследователями. Благодаря методике штемпельного анализа, типы монет, отчеканенные после 1535 г., выявлены и определены. Опубликованы каталоги, где такие монеты классифицированы хронологически и по местам выпуска, что позволяет вводить в научный оборот нумизматические коллекции местных музеев, местные нумизматические находки и изучать на основе этих ранее не разобранных коллекций особенности местного средневекового денежного обращения.

В настоящем сообщении сделана попытка анализа денежного обращения периода 1535 — 1584 г. — от времени проведения денежной реформы в Московском государстве до конца правления Ивана Грозного — на территории Коломенского уезда, значительного экономического района страны. Автора интересовали такие вопросы, как величина денежных сумм у представителей различных слоев населения и, соответственно, кто являлся владельцем обнаруженных местных кладов.

Источниками послужили опубликованные письменные документы этого времени, материалы КГА, фонды ККМ, археологические и нумизматические местные находки.

В сохранившихся письменных источниках XVI в.: летописях, юридических актах о покупке, продаже и отдаче под залог земельных владений — вотчин, Писцовой книге по Коломне 1577/78 г., «Десятне» по Коломне — содержатся сведения о денежных отношениях среди различных сословий Коломенского уезда.

Значительную информацию дают местные археологические и нумизматические источники. Ученые давно отметили важную роль кладов. Но современные исследователи отмечают, что кладов, несмотря на всю их информативность, все же не дают пол-

Ил. 1. Копейка Ивана Грозного 1574 — 1584 гг.

¹ Спасский И.Г. Деньги // Очерки русской культуры XVI века. М., 1976. Ч. 1. С. 225 — 251.

ной картины местного денежного обращения. В них не отражается мелочная торговля, обыденное денежное обращение.

В этом контексте важны монеты, находимые во время археологических раскопок в культурном слое поселений, т. е. монеты, в свое время утерянные владельцами. Для того чтобы культурный слой был достаточно насыщен ими и археологи смогли бы их обнаружить, нужно, чтобы в момент утери монеты находились бы у населения в значительном количестве. Эти находки в стратиграфических слоях дают точный состав и хронологию обращения тех или иных групп денежных знаков на поселениях.

Большинство перечисленных местных нумизматических источников — клады, нумизматические находки из археологических раскопок в городе, в большинстве состоящие из единичных монет, хранятся в ККМ.

Также важна информация, собираемая местным музеем, о случайных, оставшихся у находчиков, находках средневековых единичных монет и комплексов на сельских поселениях коломенских земель, топография которых фиксирует широту и глубину проникновения денежных отношений в низшие сословия населения уезда.

Коломенский уезд — значительный земледельческий район исторического центра Московского государства, освоенный русским населением еще в домонгольскую эпоху.

К XVI в. граница уезда определилась и стабилизировалась, а его территория была густо заселена.

Главным административным центром Коломенского уезда и средоточием его торговой и ремесленной жизни был город Коломна, который своим местоположением связывал верхнее и нижнее течения Оки с бассейном Москвы-реки.

Выгодное положение Коломны на торговых путях позволяло городу сосредоточивать в своих руках значительные денежные средства.

В XVI в. усиливается стратегическое военное значение Коломны. Об этом говорит замена деревянных укреплений города дорогостоящими каменными, строительство которых осуществлялось в период 1525 — 1531 гг.

Город был многолюдным. Кроме постоянного населения, здесь, в окрестностях, по берегу Оки постоянно стояли русские войска, прикрывая столицу от вторжения степных кочевников.

Местные помещики, кроме земли, за военную службу получали денежное жалование, на которое на местном рынке покупали оружие и снаряжение.

Благодаря наличию в городе кафедры епископа — «молитвенника» московских властителей, сюда постоянно притекали значительные денежные средства, на которые на протяжении XVI в. перестраивались и заново строились дорогостоящие многочисленные каменные храмы.

Ил. 2. Пуло московское.
Конец XV — XVI вв.

Археологи отмечают в Коломне этого времени развитие ремесла. Например, в XVI в. существенно расширилась география распространения белоглиняной керамики коломенского типа. Посуда, изготовленная коломенскими гончарами: горшки с крышками, кувшины, крынки, миски — становится общеупотребительной на Рязанщине (Переяславль-Рязанский, Ростиславль, Тульский регион, Верхнее Подонье), появляется в заметных количествах в Нижнем Новгороде и его окрестностях, достигает Москвы и продвигается вверх по Оке до Алексина. Эта керамика поступала туда, куда ее можно было перевезти по речным системам (т. е. по Москве-реке, Оке и даже Волге вниз по течению)². Торговля изделиями коломенского ремесла за пределами местного рынка способствовала притоку дополнительных денежных средств в город.

В Коломне функционировал значительный торг с многочисленными торговыми рядами.

Итак, очевидно, что в XVI в. в Коломну поступали и здесь обращались крупные финансовые средства. Город был значительным финансовым центром Московского государства.

Письменные источники сообщают о многочисленных фактах покупки, продажи и отдачи под залог местных земельных владений — вотчин. Упоминается величина денежных сумм, бывавших в руках коломенских вотчинников. Крупные вотчины стоили несколько сотен рублей. Так, например, в 1554 — 1555 гг. «Василий Третьяков сын Дуров выкупил у Гаврилы Ивановича Колычова вотчину дяди своего село Екиматово и деревню Тетевкину в Каневской волости Коломенского уезда за четыреста рублей денег и конь пополнка»³. В Успенском соборе Коломны хранились деньги «пруссских протопопа с братьею их половины, что взято за село Прусы 347 рублей»⁴.

Деревни стоили меньше. Например, в 1574 г. «Анофрий Степанович Лашинский купил вотчину князя Федора Ивановича Волконского деревню Полубояриново в Оглоблинском стане Коломенского уезда за 134 рубля»⁵.

За свою вотчину по заемной кабале владелец мог в долг получить крупную сумму денег. Например, в 1584 — 1585 гг. тот же «Анофрий Стефанов сын Лашинской у Василия Матвеева сына Тараканова за вотчину свою деревню Полубояриново в Коломенском уезде в Большом стану по заемной кабале взял в долг 185 рублей». Из текста заемной кабалы выясняется, за что конкретно вотчинники платили деньги. «В той деревне двор

Ил. 3. Полушка с надписью «Государь» XVI в.

² Коваль В.Ю. Позднесредневековая керамика коломенского типа // Куликово поле и Юго-восточная Русь в XII — XIV вв. Тула, 2005. С. 251 — 265.

³ Памятники русской письменности XV — XVI вв. Рязанский край. М., 1978. № 25.

⁴ Города России XVI века. Материалы писцовых описаний. М., 2002. С. 9.

⁵ Памятники русской письменности... № 38.

боярский, а на дворе хором горница с комнатою, да повалушка, да две житницы, да мыльня, да поварня; а хоромы на дворе все ветчаны, да три двory крестьянских, а на дворе по избе, да по клети хоромы ветчаны ж; а живушег в ней крестьян полтре-ти выти, а за рост до выкупу крестьяне работают на Василия»⁶.

Кроме того, коломенские вотчинники, а также помещики от государства за службу, кроме земли в поместье, получали денежное жалование. Например, в 1577 г. при верстании денежным жалованием более тремстам коломенским дворянам было выдано от 2 до 14 р. на человека⁷.

Значительны суммы денег, которые находились в руках коломенских епископов.

Так, например, в Успенском соборе хранились деньги «прежних владык коломенских. Феодосия 59 рублей, Варлаама 190 рублей»⁸. 12 июня 1574 г. Давыд, епископ коломенский, дал вкладу денег 50 р. в Троице-Сергиев монастырь⁹.

Итак, вотчинники, дворяне, высшее духовенство могли владеть суммами до нескольких сотен рублей.

Какими суммами денег располагали обычные горожане?

У причта коломенских церквей наличная сумма в несколько рублей, видимо, считалась крупной. Например, известно денежное жалованье причта коломенских ружных церквей.

В двух храмах Воскресения и Петра и Павла государева двора «...шло им государевой руги на год протопопу по восемь рублей, трем попам по четыре рубля человеку, а дьякону по два рубля. Всего 22 рубля. А брали эту ругу на Коломне из государевой казны из таможенных денег»¹⁰. В кремлевской коломенской ружной церкви Николы Зарайского, что «под колоколы» «...служат два попа да дьякон. Государевой руги шло им по государеве грамоте попам по четыре рубля, а дьякону три рубля да за пуд воску дватцать шесть алтын четыре денги. Денежную ругу берут у коломенского ключника»¹¹.

Сумма в несколько рублей для рядового горожанина была значительной.

В Коломне, на Посаде, находилась ямская слобода. На ней в ямском дворе «изстари было четыре дворника, а шло им государева жалованья годового по два рубля»¹².

Ил. 4. Денга Ивана Грозного 1574 – 1584 гг.

⁶ Памятники русской письменности XV – XVI вв. Рязанский край. М., 1978. № 45.

⁷ Сторожев В.Н. Десятни и Тысячная книга XVI в. – Описание документов и бумаг, хранящихся в МАМЮ. М., 1891. Кн. 8. Ч. III. С. 1 – 58.

⁸ Города России XVI века. Материалы писцовых описаний. М., 2002. С. 9.

⁹ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987. Л. 105.

¹⁰ Города России XVI века. Материалы писцовых описаний. М., 2002. С. 18.

¹¹ Там же. С. 20 – 21.

¹² Там же. С. 73.

Долги рядового городского жителя обычно составляли несколько рублей.

Например, согласно Духовной князей Ивана и Григория Петровичей Звенигородских 1562 – 1563 гг.: «...Да взяти нам на Олексеи Семенова сына Исакова на коломнетине шесть рублей по памяти...»¹³.

Значительные деньги в долг давали коломенские монастыри. В Брусенском монастыре хранились кабалы на двадцать рублей и еще «...старых игуменских кобол Корнильевских на тридцать рублей»¹⁴. В Спасском монастыре имелось семь кабал под залог земли на 85 р. и «...еще на кобал в казне на 14 рублей и на две гривны, а взятии на них не на ком, что стары»¹⁵.

Налоги горожан в государеву казну соответствовали их доходам. В уставной грамоте слобожан 1556 г. «за наместничь и за их пошлинных людей кормы, и за ямские деньги и за охотные и за бражные, и за луговые и за весь мелкий денежный доход брать кроме городского дела оброку давать в государеву казну на год с двора по двенадцати алтын да пошлин с двора по два алтына. И всего оброку 8 рублей и 20 алтын 2 денги. А платили они тот оброк в казну на два срока первый на Рождество Христово, а другой на Петра и Павла день»¹⁶.

Коломенские посадские люди платили 24 р. оброка за «1160 копен сена с луга против Рыбной слободки за Москвою рекою под городом промеж Бобреновского монастыря»¹⁷.

Цена деревянных строений городской застройки XVI в. в зависимости от размеров составляла в пределах нескольких рублей. О стоимости построек коломенского двора в центре Кремля сообщает отводная грамота «коломенских городовых приказчиков Ивана Гаврилова и Бориса Лукина, да коломенского ключника Некраса Неупокоева на двор Григорья Ворожихина в Коломне на площади»¹⁸.

«У Пречистой на площади. Во дворе хором. Горница да повалуша да сени. А цена 4 рубля;

сенник, да под ним погребница, да погреб цена 3 рубля;

изба ветчана да сени ветчаны ж цена 1,5 рубля;

изба сосновая с примостью трех сажен с углы цена 4 рубля;

онбар на дворе с мостом цена рубль;

изба сосновая с примостью трех сажен с углы цена 4 рубля;

погреб с напребницею цена 2 рубля;

да клеть на дворе перед нею сеницы цена рубль;

¹³ Акты феодального землевладения и хозяйства. М., 1956. Часть II. № 299. С. 308 – 309.

¹⁴ Города России XVI века. Материалы писцовых описаний. М., 2002. С. 22.

¹⁵ Там же. С. 60.

¹⁶ Там же. С. 39.

¹⁷ Там же. С. 75.

¹⁸ Памятники русской письменности. № 21.

да другая клеточка цена 10 алтын;
да около двора городьба да ворота цена 20 алтын».

Таким образом, общая стоимость строений двора зажиточного жителя Коломны составляла 21 рубль 40 копеек (разбивка текста источника по строениям и подсчет общей стоимости. — С.С.).

Материальным подтверждением денежного обращения XVI века являются находки кладов и отдельных монет этого времени. Автору известны находки 6 кладов русских серебряных монет XVI века на территории Коломны и близ нее. Только один из них отмечен в научных публикациях.

«3 июня 1851 года в Коломенском уезде на берегу речки Азаровки крестьяне сельца Бокова, принадлежавшего помещице Григорьевой, Тихон Алексеев и Владимир Тарасов нашли до 500 мелких серебряных денег, которые по-видимому находились в кожаном мешке, до того пожелтевшем, что при первом их к нему прикосновению он рассыпался пылью. Из числа найденных денег, крестьяне 300 штук продали в Коломне неизвестному человеку за три рубля серебром, уцелевшие же 188 монет местной полицией от них были отобраны для представления куда следует»¹⁹.

Ныне это селение бывшего Коломенского уезда под названием Боково-Акулово находится в Озерском районе Московской области, при верхнем течении реки Коломенки, на ее правом берегу, при впадении в нее речки Азаровки. В средневековые деревни Боково и Окулово располагались на левом и правом берегу реки Коломенки в Оглоблинской волости, а позднее Бояркинской волости Коломенского уезда.

Далее в сообщении о находке автором дано подробное описание уцелевших монет клада, и согласно уровню развития нумизматики того времени они отнесены к царствованиям Ивана III и Ивана IV, т. е. к XV — XVI вв. Широкая датировка этого клада вошла и в современную нумизматическую литературу.

Сейчас на основе систематизации монет, разработанной А.С. Мельниковой²⁰, можно уверенно говорить о достаточно подробно описанной трети клада в 188 монет из найденных «до 500 мелких серебряных денег» спрятанном в 1550-х гг.

Уверенно определяемая часть клада (178 монет) состоит из одной монеты чеканки до 1535 г. и из 140 денег и 37 копеек Ивана Грозного. Соотношение номиналов типично для московского ареала монетного обращения первой половины правления Ивана Грозного.

¹⁹ Московские губернские ведомости. № 29. Отд. 2. Ч. неофициальная. 1851, 31 июля. С. 339 — 340.

²⁰ Мельникова А.С. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого. М., 1989. Табл. 1.

Сумма в денежном выражении клада составляла около трех рублей.

Сведения о других кладах времени Ивана Грозного, найденных на территории Коломенского уезда, собраны автором.

Первый комплекс в собрание КKM поступил из раскопок 1935 г., проведенных в Коломне археологом Н.П. Милоновым. Им передано шесть монет, найденных при археологических раскопках в пригороде Коломны, старинном селе Городищи. Это великокняжеские денги Ивана Грозного.

В 1937 г. в КKM учтена небольшая часть клада из восьми серебряных монет Ивана Грозного, найденного опять же у села Городищи Коломенского района В.Н. Розановым.

В феврале 1978 г. в Коломне, на улице Пушкина, в нескольких десятках метров от Пятницких ворот Коломенского кремля, на территории древнего Посада в маленькой глиняной кубышечке был найден клад серебряных русских монет XVI века.

Клад нашли рабочие, прокладывая коллектор глубиной около двух метров от дневной поверхности. К сожалению, в КKM попала только разбитая глиняная кубышка, а монеты клада разошлись по рукам. Значительная часть из них попала в коллекции местных собирателей. Путем опроса и просмотра этих коллекций удалось выявить и научно обработать 124 монеты и одну монетную пластину из этого клада. Судя по объему сохранившейся кубышки и рассказу находчиков, в клада было 400 – 500 монет, так что научно обработать удалось примерно пятую часть клада, что позволяет использовать его как полноценный нумизматический источник.

Общий вес сохранившихся монет – 51,06 г. По номиналу монеты разделяются на денги – 94 экз. (75,8%) и копейки – 30 экз. (24,8%). Процентное соотношение 3:1 типично для московского ареала обращения русских монет XVI века с преобладанием денежного номинала. Монеты выпущены в первую половину правления Ивана Грозного, возможно, в 1552 г. В этом году Коломна становится центром подготовки такого важнейшего для Руси события, как победный поход на Казань. Денежная сумма клада составляла около трех рублей²¹.

В сентябре 1995 г. в районе города Озеры (бывшее село Коломенского уезда), возможно, на берегу Оки, найден клад серебряных монет Ивана Грозного. По словам находчиков, он находился в глиняном сосуде. Часть клада была продана собирателям-нумизматам в Коломне. Автору удалось просмотреть и определить 142 монеты этого клада.

²¹ Самошин С.И. Клад русских монет середины XVI века из Коломны // Материалы для энциклопедии «Коломенский край». Коломна, 1997. Вып. 2. С. 20 – 22.

Монет чеканки до 1535 г. в разобранной части клада было две. Остальные монеты относились ко времени Ивана Грозного. Монет копеечного номинала было 98 экземпляров. Денежек — 42. По самым поздним экземплярам псковских копеек Ивана Грозного клад датируется 1560-ми гг. Денежная сумма клада составляла несколько рублей.

В 2007 г. недалеко от села Семеновское Коломенского района на берегу ручья найден столбик из 5 спекшихся серебряных монет плохой сохранности — копеек и денег Ивана Грозного.

Более многочисленны случайные находки единичных серебряных монет 1535 — 1584 гг.

Учтено более 30 таких находок из городского культурного слоя и старых сел Коломенского района. Преобладают в таких находках мелкие денежные и полущечные номиналы.

Во время археологических раскопок в Коломне и случайно в городе и на сельских поселениях постоянно обнаруживаются медные пула московской и тверской чеканки весом 0,3 — 0,4 г. Исследователи чеканку этой группы монет, учитывая их маленький вес, относят к XVI в., а участие в денежном обращении продлевают предположительно до XVII в.²²

В Коломне такие монеты археологами найдены в слоях и ямах не старше второй пол. XVII в., что подтверждает присутствие этих монет в городской «мелочной» торговле в течение долгого времени.

Значительное количество единичных находок серебряных и медных монет мелких номиналов свидетельствует о широком монетном обращении местного рынка и втягивании в него населения сельских поселений Коломенского уезда. Случайные находки на селищах показывают, что денежное обращение на сельских поселениях было насыщено мелкой серебряной монетой (денги и полущки), а также медными пулами.

Итак, в XVI в., в годы правления Ивана Грозного, в Коломне и сельских поселениях Коломенского уезда письменные и археологические источники фиксируют интенсивное монетное обращение.

Наиболее крупные суммы, зафиксированные письменными источниками, составляли несколько сотен рублей и являлись собственностью вотчинников и высших иерархов церкви. Эти деньги хранились как сокровища или использовались для покупки вотчин, а также давались в долг под залог земли и личной свободы.

²² Гайдуков П.Г. Медные русские монеты конца XIV — XVI веков. М., 1993. С. 70.

Суммы более мелкого порядка, от рубля и до 10 р., имели служилое дворянство, причт церквей, дворники. Эти деньги составляли их годовое жалование. Посадские торговые люди также могли нажить сопоставимое количество денег. Именно все они могли быть владельцами кладов суммой в несколько рублей.

Многочисленные находки на поселениях мелких серебряных номиналов — денег и полушек, а также медных пул указывают на массовое втягивание крестьянского и городского посадского населения в торгово-денежные отношения.

М.И. Мильчик

Коломенский кремль в кругу древнерусских крепостей, построенных итальянцами

Коломенский кремль — один из выдающихся памятников оборонного зодчества первой трети XVI в. — до сих пор не был предметом комплексного натурного исследования. Достаточно сказать, что еще не существует его полного архитектурно-археологического обмера. Имеется лишь одна давняя, правда, весьма обстоятельная статья Т.Н. Сергеевой-Козиной¹, но к нашему времени все же устаревшая. В.В. Косточкин в своей известной книге о древнерусском оборонном зодчестве почему-то лишь бегло коснулся этого памятника². Цель настоящей работы — рассмотреть Коломенский кремль в связи с фортификационным скачком, вызванным быстрым распространением огнестрельного оружия в конце XV — первой трети XVI вв.³, определить его место в кругу крепостей, построенных итальянцами на Руси, а также наметить пути их дальнейшего изучения.

В отечественной историографии роль итальянских зодчих в строительстве на Руси крепостей никогда углубленно не рассматривалась. За редкими исключениями никто системно не сопоставлял формы, примененные в древнерусских крепостях указанного периода с аналогичными в североитальянских *castelli*. Более того, до недавнего времени преобладала явная тенденция преуменьшения значения иноземных мастеров, может быть, лишь за исключением Московского Кремля, строительство которого и ведущая роль ломбардских и венецианских мастеров нашли весьма полное отражение в русских летописях⁴. Так, В.В. Косточкин писал: «Итальянские мастера ... не внесли чего-либо существенного в русское оборонное зодчество... В основном боевая система крепостей сложилась на Руси еще до приезда итальянцев»⁵. Лишь В.Н. Лазарев в своей

¹ Сергеева-Козина Т. Коломенский кремль (опыт реконструкции) // АН. М., 1952. Вып. 2. С. 133 — 163.

² Косточкин В.В. Русское оборонное зодчество конца XIII — начала XVI веков. М., 1962. С. 64 — 66, 178 — 181, 216, 221 — 222.

³ Miltshik M. Sprung in der Kriegsbaukunst im Nordwesten Russlands im ersten Drittel des 16. Jahrhunderts // *Castella Maris Baltici VIII*. Riga, 2007. S. 109 — 118; Мильчик М.И. Фортификационный скачок в крепостном строительстве на Северо-Западе России (первая треть XVI века) // Искусство Древней Руси и стран византийского мира. Материалы науч. конф., посвященной 70-летию В.А. Булкина. СПб.; М., 2007. С. 17 — 120.

⁴ Бартевев С.П. Московский Кремль в старину и теперь. М., 1912. Кн. 1: Исторический очерк кремлевских укреплений. Кремлевские стены и башни, ныне существующие; Снегирев В. Аристотель Фиораванти и перестройка Московского Кремля. М., 1935. С. 104 — 122.

⁵ Косточкин В.В. Указ. соч. С. 280 — 281.

обзорной работе, посвященной роли Запада в искусстве древней Руси, еще в 1970 г. отметил, что «работавшие в Кремле итальянцы занесли на Русь традиции ломбардского крепостного строительства» и «обеспечили его [Ивана III-го] самой передовой по тому времени военной техникой»⁶.

Сегодня, когда исчезли жесткие идеологические установки коммунистического режима, открылась возможность рассмотреть названную проблему во всей полноте, не ограничиваясь констатацией общеизвестных фактов. Пока что это было сделано лишь применительно к Беклемишевской башне Московского Кремля, в строительстве которой выявлено два этапа, связанных соответственно с Марко Фрязиным и Антонио Солари (Pietro Antonio Solari)⁷, и к Ивангородской крепости, строительством и последующей реконструкцией которой руководили соответственно два разных мастера, приехавших из Италии (имя второго известно: это Marcus de Greke). Кроме того, обоснована гипотеза о том, что перестройка перед тем Новгородского кремля также проводилась под руководством итальянского зодчего⁸.

Невиданный ранее размах крепостного строительства на Руси в конце XV – первой трети XVI вв., называемой эпохой фортификационного скачка, явился прямым следствием образования Русского централизованного государства, произошедшего в результате присоединения к Москве в 1478 г.

⁶ Лазарев В.Н. Искусство средневековой Руси и Запада (XI – XV вв.) // Лазарев В.Н. Византийское и древнерусское искусство. Статьи и материалы. М., 1978. С. 285.

⁷ Воробьев А.В., Подъяпольский С.С. Беклемишевская башня Московского Кремля по данным реставрационных наблюдений // Реставрация и исследования памятников культуры. М., 1990. Вып. 3. С. 80 – 85. Среди редких нелегальных источников, отразивших участие итальянских зодчих в строительстве Московского Кремля, особое место занимают русская и латинская резные надписи на каменных плитах, помещенных над проездной аркой бывших Фроловских ворот (ныне Спасская башня). В каждой назван заказчик – московский великий князь Иван III, имя архитектора и его происхождение из Милана, дата, но в русской говорится лишь об одной башне, в латинской – о башнях во множественном числе. Учитывая важное источниковедческое значение этой надписи, приводим полностью ее латинский вариант: «IONNES VASILII DEI GRATIA MAGNUS DUX VOLODIMERIAE, MOSCOVIAE, NOVOGARDIAE, TFERIAE, PLESCOVIAE, VETICIAE, ONGARIAE, PERMIAE, BUOLGARIAE ET ALIAS TOTIUSQUE] RAXIE D[OM]INUS, A[N]NO N[ATIVIT] A[TIS] D[OM]INI 1491 K[ALENDIS] M[ARTII] I[USSIT] P[ONERE]» (Белоброва О.А. Латинская надпись на Фроловских воротах Московского Кремля и ее судьба в древнерусской письменности // Гос. музей Московского Кремля. Материалы и исследования. М., 1987. Вып. V: Новые атрибуции. С. 51).

⁸ Мильчик М.И. 1) Строительная биография Ивангорода и русско-ливонские отношения конца XV – XVI вв. // *Russia Mediaevalis*. München, 1987. T. VI, 1. S. 184 – 220; 2) Die Gründung der Iwangeroder Festung und die proportionsanalyse ihres Plans (mit O.Gussewa) // *Burger und Schlösser*. Heft 1987/1. S.1 – 91; 3) Maestri italiani costruttori della Fortezza di Ivangorod // *Opus. Quaderno di Storia dell'Architettura e Restauro*. n. 3 – 1993. Pp. 43 – 50; 4) Итальянские мастера – строители Ивангородской крепости // Новгородский исторический сборник. СПб., 1995. Вып. 5 (15). С. 184 – 202; 5) История Ивангорода в конце XV – XVI вв. и крепостное строительство на Руси с участием итальянских мастеров // *Крепость Ивангород. Новые открытия*. СПб., 1997. С. 13 – 63.

Великого Новгорода и Тверского княжества в 1485 г. После этого великий князь московский Иван III (1462 – 1505) стал именовать себя государем «всея Руси», провозглашая тем самым свои претензии на верховное господство над всеми русскими землями. В 1480 г. Русь полностью покончила с зависимостью от ханов Большой Орды. Однако вскоре на юге появляется новая опасность: в 1507 г., уже при Василии III, крымский хан Менгли Гирей переходит к открытым нападениям на русские земли, что вскоре вызвало необходимость укрепления подходов к Москве с юга тремя новыми оборонительными сооружениями – Тульским, Коломенским и Зарайским кремлями.

Теперь, в последнее десятилетие XV в., Иван III делает первые шаги для расширения выходов к Балтийскому морю, без чего было невозможно установление необходимых для Московского государства прямых экономических связей с Западной Европой. Неотложность укрепления новой границы с Ливонским орденом усиливалась и его военной активностью: еще летом 1480 г. Орден предпринял поход против Псковской земли, но в начале следующего года удалось добиться перелома в войне: 1 сентября 1481 г. с Орденом был заключен мир сроком на 10 лет, определивший время коренной реконструкции Новгородского детинца (1484 – 1491 гг.) и закладки новой крепости напротив Нарвского замка – Ивангорода (1492 г.).

Второй предпосылкой фортификационного скачка явился переворот в артиллерийской технике: пушки становятся главным оружием, устанавливается калибровка стволов, повышается ударная сила используемых теперь чугунных ядер, их дальность. Естественно, в этих условиях старые крепости, возведенные еще в доогнестрельную эпоху, оказываются малопригодными к обороне. Возникает необходимость коренной реконструкции старых оборонительных сооружений и строительства новых, тем более что осаждающие теперь могли приближаться к ним не только с приступных, но и с других сторон.

Женитьба Ивана III в 1472 г. на Софье (Зое) Палеолог – племяннице последнего византийского императора, жившей до того в Риме, безусловно, способствовала обращению великого князя к итальянским мастерам. К этому времени подобная практика уже получила распространение в Европе: в 1410 – 1414 гг. ломбардские мастера появляются в Венгрии, в 1460-х гг. – во Франции, в 1469-м г. – в Турции⁹.

⁹ Благодарю Д.Ю. Гузевича за сообщение указанных сведений. См. также: Подъяпольский С.С. Деятельность итальянских мастеров на Руси и в других странах Европы в конце XV – начале XVI в. // Подъяпольский С.С. Историко-архитектурные исследования. Статьи и материалы. М., 2006. С. 261 – 292.

Приглашение в Москву из Болоньи в 1475 г. Аристотеля Фьораванти (Aristotile Fioravanti) положило начало работам итальянских мастеров в России, продолжавшимся непрерывно вплоть до середины 1530-х гг. Новый Успенский собор в Москве, законченный Фьораванти к 1479 г., окончательно убедил царя в необходимости приглашения из Италии мастеров разных специальностей. На протяжении 1484 – 1527 гг. в Италию, главным образом в Милан и Венецию, за мастерами разных специальностей было направлено не менее шести посольств¹⁰. Скорее всего, около 1482 г. с участием Аристотеля Фьораванти царем была задумана целая программа строительства и реконструкции крепостей, тем более что тогда он, по-видимому, был единственным итальянским архитектором в Москве¹¹. Осуществление этой программы растянулось почти на столетия.

К сожалению, наши сведения об участии приехавших мастеров ограничены почти исключительно скухими сообщениями летописей. Как уже говорилось, там назван, прежде всего, Московский Кремль; отмечена также причастность итальянцев к строительству Нижегородского кремля, возведению древоземляных и каменных укреплений московского Китай-города, к восстановлению псковского Крома, к закладкам крепостей Дрогобужа, Себежа, Пронска. Однако множество признаков, о части которых будет дальше сказано, позволяют утверждать, что с итальянскими мастерами связано, кроме того, строительство, по крайней мере, Новгородского кремля, Ивангорода, Тульского, Коломенского, Зарайского кремлей, а также, возможно, Гремячей башни во Пскове и, наконец, крепости Копорья, хотя это и не нашло отражения в сохранившихся источниках¹².

Теперь сведения и обоснованные гипотезы о крепостном строительстве на Руси с участием итальянских мастеров представим в следующей таблице¹³ (см. таблицу 1):

¹⁰ Хорошкевич А.Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI вв. М., 1980. С. 188 – 193, 217 – 218; Флоря Б.Н. Русские посольства в Италию и начало строительства Московского Кремля // *Материалы и исследования* [Гос. музеев Московского Кремля]. М., 1980. Вып. 3. С. 12 – 17.

¹¹ Бартечев С.П. Московский Кремль... С. 30; Снегирев В. Аристотель Фьораванти и перестройка Московского Кремля. М., 1935. С. 90 – 95; Флоря Б.Н. Русские посольства в Италию... С. 13 – 14; Земцов С.М., Глазых В.Л. Аристотель Фьораванти. М., 1985. С. 138; Воробьев А.В., Подьяпольский С.С. Беклемишевская башня... С. 81 – 82.

¹² Впервые предположение о том, что Гремячая башня во Пскове (1524 – 1526 гг.) и наиболее близкая к ней по строительным приемам крепость Копорье (конец 1520-х гг.) являются постройками Ивана Фрязина, высказано Вл.В. Седовым. См.: Седов Вл.В. 1) Итальянский архитектор во Пскове в XVI в. // *Архитектура мира*. М., 1993. Вып. 2. С. 23 – 25; 2) Псковская архитектура XVI века. М., 1996. С. 40 – 44.

¹³ Исторические сведения, отраженные в таблице, см. в следующих работах: Косточкин В.В. Русское оборонное зодчество... С. 51 – 54; Хорошкевич А.Л. Русское государство... С. 188 – 195, 217 – 219; Подьяпольский С.С. Архитектор Петрок Малой // *Памятники русской архитектуры и монументального искусства. Стиль, атрибуции, датировки*. М., 1983. С. 35, 42; Воробьев А.В., Подьяпольский С.С. Беклемишевская башня... С. 80 – 84;

Таблица 1

Хроника посольств в Италию и крепостного строительства на Руси конца XV – первой трети XVI вв. с участием итальянских мастеров

Около 1482		Замысел перестройки Московского Кремля Аристотелем Фьораванти.*
1482 – 1484	Посольство Мануила Ангелова.	
1484		Новгород. Начало строительства кремля «по старой основе».*
1485 – 1487	Посольство Юрия Траханиота.	
1485		Московский Кремль. Строительство тайника и стрельницы у Чешковых ворот Антоном Фрязиным.
1487 – 1489/90	Посольство Дмитрия и Мануила Ралевых.	
1487		Московский Кремль. Строительство Беклемишевской стрельницы (1-й этап) Марко Фрязиным.
1488		Московский Кремль. Закладка Свибловской стрельницы и строительство тайника Антоном Фрязиным.
1490		Московский Кремль. Строительство стрельниц у Боровицких и Константиноеленских ворот, а также стены между Свибловской стрельницей и Боровицкими воротами; надстройка Беклемишевской башни (2-й этап) Петром Антонием Солари.
1491		Московский Кремль. Закладка стрельниц у Фроловских и Никольских ворот; строительство стены до р. Неглинной; закладка Никольской башни «не по старой основе» Петром Антонием Солари и Марко Фрязиным. Закончены Фроловские (Спасские) ворота. Новгород. Закончено строительство детинца.

Подъяпольский С.С. Итальянские строительные мастера в России в конце XV – начале XVI вв. по данным письменных источников (опыт составления словаря) // Подъяпольский С.С. Историко-архитектурные исследования. Статьи и материалы. М., 2006. С. 292 – 308; Выголов В.П. К вопросу о постройках и личности Алевиза Фрязина // Древнерусское искусство. Исследования и атрибуции. СПб., 1997. С. 234 – 242.

1492		Московский Кремль. Закончены Никольские ворота, стена до р. Неглинной; заложены Арсенальная (Собакина) и «над Неглимною с тайником» стрельницы и стена между Фроловскими воротами и Никольской башней Петром Антонием Солари. Ивангород. Заложена крепость на берегу р. Наровы и закончено возведение «Четвероугольной» крепости.*
1493		Московский Кремль. Закончено строительство стены между Фроловскими и Никольскими башнями, а также башня с тайником над р. Неглинной Петром Антонием Солари.
1493 – 1494	Посольство Даниила Мамырева и Мануила Ангелова.	
1494		Московский Кремль. Укрепление берега р. Неглинной Алевизом (Алоизо да Карезано).
1495		Московский Кремль. Закладка стены вдоль р. Неглинной «не по старой стене» и завершение основных работ по кремлю.
1498/99		Ивангород. Завершение строительства Большого Бояршего города.*
1499 – 1504	Посольство Дмитрия Ралева и Митрофана Карачарова.	
1500		Нижний Новгород. Закладка кремля.*
1507		Ивангород. Начало строительства Замка, Переднего города и надстройки Большого Бояршего города под руководством Маркуса Грека. Тула. Закладка и строительство кремля (1-й этап).*
1508		Московский Кремль. Облицовка рва вокруг Кремля Алевизом Фрязиным. Нижний Новгород. Заложена городская каменная стена «в прибавку к Дмитриевской башне» мастером Петром Френчюшкой (Пьетро Франческо) Фрязиным.

1508 – 1509		Дрогобуж. Строительство деревянного города Мastroбаном и Вартоломеем.
1509		Ивангород. Завершение основных работ по перестройке крепости.*
1512 (1515?)		Нижний Новгород. Завершение основных работ по строительству кремля.
1514		Тула. Продолжение строительства кремля.* Московский Кремль. Сооружение каменной плотины в устье р. Неглинной.
1515		Московский Кремль. Возведение второй плотины у Боровицких ворот на р. Неглинной.
1516		Московский Кремль. Возведение третьей плотины и моста.
1517		Московский Кремль. Строительство Кутафьей башни и стены вдоль р. Неглинной.
1517		Псков. Восстановление упавшей стены Крома Иваном Фрязиным.
1519		Московский Кремль. Строительство рва против круглой башни от Торга.
1520 (1521)		Тула. Завершение строительства кремля.*
1524 – 1525		Псков. Строительство Гремячей башни.*
1525		Коломна. Закладка и начало строительства кремля.*
1527 – 1528	Посольство Еремея Трусова и Тимофея Лодыгина.	
1528		Зарайск. Закладка и строительство кремля.*
Конец 1520-х		Копорье. Коренная реконструкция крепости.*
1531		Зарайск. Завершение строительства кремля.* Коломна. Завершение строительства кремля.*
1534 – 1535		Себеж. Строительство земляного города Петром Фрязиным (Петро Франческо ди Аннибале?).

1534		Москва. Закладка древо-земляного Китай-города Петроком Малым (Петр Франческо ди Аннибале?).
1535		Москва. Закладка и начало строительства каменного Китай-города Петроком Малым (Петр Франческо ди Аннибале?).
1537		Пронск. Закладка города Петроком Малым (Петр Франческо ди Аннибале?). Ивангород. Предположительное строительство перед Староворотной башней – Отводной башни и Тайника.*
1537 – 1538		Псков. В устье р. Псковы строительство деревянной стены и двух ворот с решетками мастером Фрязиным.
1538		Москва. Завершение строительства каменных стен Китай-города.

* Письменные источники об участии итальянских мастеров отсутствуют. Их авторство является предположительным и определено по косвенным признакам.

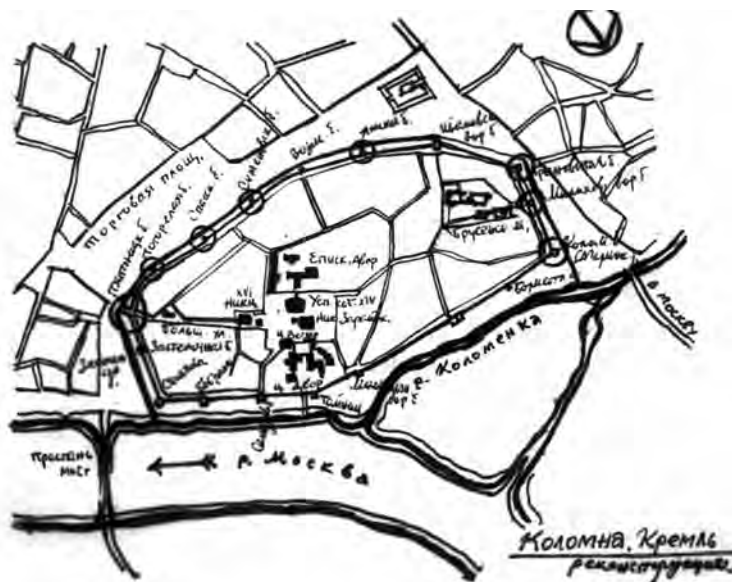
Основная часть перечисленных сооружений явилась результатом полной реконструкции прежних укреплений и по существу возведена заново, но главным образом «по старой основе». Это Московский, Новгородский (ил. 1), Нижегородский (ил. 2), Коломенский кремли (ил. 3) и Копорская крепость. Меньшая часть построена на новых местах. Это Ивангород (ил. 4), Тула, Зарайск, псковская Гремячья башня, древо-земляные крепости Дрогобужа, Себежа и Пронска, о которых мы, к сожалению, не имеем точных данных. Следует подчеркнуть, что все три новые каменные крепости – строгорегулярные.

Ил. 1. Новгородский кремль (1484 – 1491/92 гг.). Вид с северо-востока, с птичьего полета. Фото 2005 г.

Ил. 2. Нижегородский кремль (1500, 1508 – 1512/15 гг.). Вид с северо-запада, с Волги. Фото 1975 г.

Ил. 3. Коломенский кремль (1525 – 1531 гг.)
Схематичная реконструкция плана. Ю.С. Ушаков.

Отмеченная неполнота исторических источников заставляет особое внимание уделять обоснованию авторства тех крепостных комплексов, которые лишь предположительно могут быть связаны с итальянскими мастерами.

Если не считать Московского Кремля, строительство которого продолжалось в основном 10 лет – с 1485 по 1495 г., то закладке Ивангорода весной 1492 г. непосредственно предшествует лишь возведение нового Новгородского кремля, который должен был стать зримым оплотом власти московского великого князя в городе, только что присоединенном

к Москве. По нашему представлению, работы в Новгороде и в Ивангороде на первом этапе велись под руководством одного или двух итальянских мастеров, имена которых, однако, остаются неизвестными.

Время строительства Новгородского кремля и его окончания, как уже было сказано, определял десятилетний срок перемирия Новгорода и Ливонии, который истек в 1491/92 гг., и перемирия со Швецией, заключенного в 1487 г. на пять лет. Срок последнего заканчивался 7 ноября 1492 г., после чего следовало ждать новых столкновений с западными соседями. Строительство Новгородского кремля, судя по летописям, как раз и завершилось к 1491 г.¹⁴, а на следующий год, в начале марта, на правом берегу Наровы, напротив ливонского замка, заложена крепость названная в честь его основателя Ивана III Ивангородом (ил. 4), строительство первой части которого было закончено через 5 месяцев, т. е. незадолго до окончания срока перемирия¹⁵. Можно предположить, что новгородский наместник Яков Захарьевич Захарьин (Кошкин), руководивший строительством новой крепости, привел сюда из Новгорода не только каменщиков, закончивших там возведение кремля, но и итальянского зодчего. Тем более, что есть утверждение английского историка XVIII в. о том, что Новгородский кремль был построен, подобно московскому, «итальянским

¹⁴ В «Летописце новгородским церквам...» и в Новгородской четвертой летописи (список Дубровского) указано «лето 6998», т. е. 1490 г. (Новгородские летописи. СПб., 1879. С. 311; ПСРЛ. Т. 4. С. 527). В Академическом списке последней летописи уточнено время года: «В лето 7000... тое же осени...» (ПСРЛ. Т. 4. С. 160). Осень 7000 г. по сентябрьскому циклу летоисчисления относится к 1491 г. Эта дата представляется более точной. Неубедительным представляется 1499 г. предложенный В.Л. Яниным как год окончания строительства детинца (Янин В.Л. О продолжительности строительства Новгородского кремля конца XV в. // СА. 1978. № 1. С. 259 — 260). Оставляя в стороне соображения о необычной в этом случае растянутости на 15 лет реконструкции столь важного для Московского государства сооружения, обратим внимание на то, что ученый не объясняет причин недостоверности, по его мнению, вышеназванной летописной даты. Главное же его доказательство заключается в том, что 8 декабря 7008 г. новгородский архиепископ Геннадий «ходил... со кресты около города нового каменного» (Новгородские летописи. СПб., 1879. С. 59; ПСРЛ. Т. 30. М., 1965. С. 152). В.Л. Янин убедительно показал, что крестный ход проходил в 1499-м, а не в 1493-м г., как то предполагал Я.И. Березников. Однако из летописной записи вовсе не следует, что это событие связано с окончанием строительства Кремля. Кстати, всего через несколько дней «того же лета месяца того же, 15» новый крестный ход во главе с архиепископом прошел «около города старого, вокруг деревенного...» (Новгородские летописи. С. 62) и далее за стеной Окольного города около некоторых монастырей, что вряд ли было связано с завершением каких-то строительных работ. Иными словами, мы не имеем оснований связывать крестный ход с окончанием строительства детинца и отказываться от прямых летописных записей на сей счет. К сожалению, авторы новой книги о крепостных сооружениях Новгорода даже не рассматривают этот вопрос, повторяя датировку В.Л. Янина (Кузьмина Н.Н., Филиппова Л.А. Крепостные сооружения... С. 12).

¹⁵ См. подробнее: Мильчик М.И. 1) Итальянские мастера — строители Ивангородской крепости // Новгородский исторический сб. СПб., 1995. Вып. 5 (15). С. 187 — 188; 2) История Ивангорода в конце XV — XVI вв. и крепостное строительство на Руси с участием итальянских мастеров // Крепость Ивангород. Новые открытия. СПб., 1997. С. 19.

архитектором Соляриусом из Милана по приказу Ивана Васильевича I вскоре после завоевания им Новгорода»¹⁶.

Анализ «Четвероугольной крепости» (первоначального замка) и Большого Бояршего города Ивангорода, возведение которых было закончено к 1499 г., обнаруживает наличие одного метода, одной графической схемы, невозможной без предваряющей строительство чертежа-руководства, ибо Большой Боярский город — в точном смысле слова регулярное сооружение: он расчерчен со знанием геометрии.

Применение тех же пропорций «золотого сечения» мы находим в планах двух других строгорегулярных кремлей — Тульского и Зарайского. Их планы — прямоугольники (соответственно 217 x 304 м и 130 x 187 м), построенные также на основе квадрата с использованием отношений, выраженных иррациональными и целыми числами. Стороны их относятся между собой как сторона и диагональ квадрата. Общим для всех трех сооружений, кроме того, является относительное безразличие к конфигурации участка и рельефа¹⁷.

Ил. 4. Ивангородская крепость (1492 — 1509 гг.). Вид с юго-запада, от Нарвского замка. На первом плане — Колодезная и Пороховая (слева) башни в процессе реставрации. Фото 1989 г.

¹⁶ Coxe W. Travels into Poland, Russia, Sweden and Denmark: Interspersed with historical relations and political inquiries. London, 1784. V. 1. P. 452. В этом сообщении вызывает сомнение лишь то, что именно Пьетро Антонио Соляри руководил строительством в Новгороде, ибо он прибыл в Москву только в 1489/90 г. и сразу же оказался занятым возведением там двух стрельниц, а на следующий год вместе с Марком Фрязиным строил Грановитую палату и кремлевскую стену до р. Неглинной, но вскоре, в 1493 г., умер (Подьяпольский С.С. Итальянские строительные мастера... С. 305 — 306).

¹⁷ Miltshchik M., Gussewa O. Die Gründung der Iwangoroder Festung und die Proportionsanalyse ihres Plans // Burgen und Schlösser (Braubach /Rhein)- Heft 1987/1. S. 5 — 7. См. также: Максимов П.Н. Опыт исследования пропорций в древнерусской архитектуре // Архитектура СССР. 1940, № 1; Подключников В.Н. Архитектурный образ и пропорции // Там же. С. 68 — 70.

Итак, все три возведенные заново каменные крепости — регулярные, хотя такой тип в Италии не был широко распространен. Кроме знаменитого миланского замка Сфорца (Castello Sforzesco) (коренная реконструкция в третьей четверти XV в.¹⁸), в Венето к ним можно отнести замок Леньяно (Legnano) (1437 — 1447 гг.) с круглыми башнями по углам и полукруглыми посредине длинных стен¹⁹. Близки к регулярным замки Ломбардии (Litta) в Павии (Pavia) (1470 — 1475 гг.)²⁰ и замок Бранколеоне (1457 г.) в Равенне²¹. Характерно, что все они включают в себя цитадели, сходные с первоначальным замком («Четвероугольной крепостью») Ивангорода.

Остальные же вышеназванные укрепления, возведенные на Руси в ту же эпоху, явились результатом реконструкции старых и потому имели полигональные планы, в той или иной степени отвечавшие рельефу и одновременно выделявшие главные фасады. Таковыми в Москве и Коломне являлись те, которые были обращены к Москве-реке. Регулярные же крепости, наоборот, отличались равнозначностью всех четырех фасадов. Тем не менее Ивангород, Тулу и Зарайск с ними объединяет общность многих строительных и конструктивных приемов, ранее в русских крепостях не встречавшихся, — это сочетание круглых (иногда многогранных) башен с прямоугольными; наличие машикулей, иногда со ступенчатыми консолями (за исключением Ивангорода); наличие подошвенного боя, непременно валика, отделявшего наклонные цоколи стен и башен, зубцы с седловиной между двумя полукружиями и с незначительно нависающей венчающей частью аналогичные зубцам городских стен Виченцы, Турина, Вероны; купольные перекрытия подошвенных боев Гремячей башни, башен Копорья и всех боев, кроме верхнего, башен Ивангорода после их перестройки в 1507 — 1509 гг., а также оконобразные бойницы Новгородского кремля и Ивангорода (в последнем случае частично заложены при реконструкции 1507 — 1509 гг.).

Кирпичные стены Московского, Новгородского, Нижегородского, Коломенского, Тульского и Зарайского кремлей в нижних частях стен облицованы белым камнем (ил. 5, 6), как, к примеру, в веронском замке Скалигеров (Scaligere) — Кастель Веккио (Castelvecchio) (1351 — 1354 гг.), что заставляет видеть в этом опре-

¹⁸ Beltrami L. Il Castello di Milano. Milano, 1894. P.607 — 618; Garlandini A. I castelli della Lombardia. Milano, 1991. P. 84.

¹⁹ Conti F., Hybsch V., Vincenti A. I castelli della Lombardia. Novara, 1990. P. 59; Garlandini A. I castelli... P. 70 — 71.

²⁰ Conti F., Hybsch V., Vincenti A. I castelli della Lombardia... P. 130; Garlandini A. I castelli... P. 61 — 62.

²¹ Ebhardt B. Die Burgen Italiens. Berlin, 1909 — 1927. Bd. 1 - 2. S. 9, Abb. 23.

Ил. 5. Московский Кремль (1485 – 1495 гг.). Белокаменное основание Оружейной башни и примыкающих к ней прясел. Фото 2001 г.

Ил. 6. Коломенский кремль. Белокаменное основание Грановитой башни и примыкающего к ней прясла. Фото 2008 г.

Ил. 7. Верона. Замок Скалигеров – Кастель Веккио (1351 – 1354 гг.). Белокаменное основание стены и воротной башни. Фото 1993 г.

деленный прием, пока не нашедший своего объяснения (ил. 7). Ряд оригинальных устройств, примененных в новых русских крепостях, имеют аналоги в северо-итальянских castelli. Это ивангородские ловушки и сводчатые перекрытия ярусов в башнях, аналогичные тем, что применены в замке Сфорца; размещение двух входных проемов в стене между башнями и воротное устройство Копорской крепости так называемой волчьей ямой²² – в castello Брешии; арки на внутренних сторонах кремлевских стен в Москве, Великом Новгороде (ил. 8), Нижнем Новгороде, Туле, Коломне (ил. 9) аналогичны тем, что мы видим в городских стенах Монтаньяны (Montagnana), относящихся еще к доогнестрельному периоду (1336/37 – 1360/62 гг.)²³ (ил. 10). Последний памятник, кроме того, представляет собой ранний пример включения в оборонительную систему многоугольных башен, к которым близки подобные же в Московском и Коломенском кремлях²⁴.

²² Хаустова И.А. Воротное устройство крепости Копорье // Краткие сообщения института археологии АН СССР. М., 1980. Вып. 160. С. 112 – 116.

²³ Perbellini G. Le mura // Montagnana. Storia e incanto. Vicenza, 2006. P. 80 – 82.

²⁴ Montagnana. Storia e incanto. Fig. sul p. 14 – 15, 27, 30, 45.

Ил. 8. Новгородский кремль. Аркада с тыльной стороны. Вдали — Дворцовая башня. Фото 1987 г.

Крытый спуск к колодцу, находившемуся на берегу Москвы-реки, от несуществующей ныне Водяной башни Коломенского кремля, который гипотетически реконструирует Н.Б. Мазурова²⁵, имеет прямую аналогию в Ивангородской крепости (Колодезная башня с тайником, построенная на втором строительном этапе: в 1507 — 1509 гг. под руководством итальянского зодчего Маркуса Грека).

Т.Н. Сергеева-Козина, сравнив Пятницкие (ил. 11) и Ивановские (ил. 12, ныне не существуют) ворота Коломны со Спасскими и Никольскими воротами Московского Кремля (ил. 13, 14), пришла к закономерному выводу о том, что все четверо ворот являются в плане прямоугольными, с отводными стрельницами, которые у Пятницких ворот одинаковой ширины с главной башней, но ниже по высоте, а отводная башня Ивановских ворот уже и ниже основной части, как это мы видим и у Спасских ворот (см. таблицу 2). По плану и пропорциями последние две башни

Ил. 9. Коломенский кремль. Аркада с тыльной стороны в процессе реставрации. Вдали — Коломенская (Маринкина) башня. Фото 1975 г.

Ил. 10. Монтаньяна (1336/37 — 1360/62 гг.). Аркада с внутренней стороны городской стены. Фото 1996 г.

²⁵ Мазурова Н.Б. Количество башен Коломенского кремля в XVI в. (докл. на конф. «Коломна и Коломенская земля. Историко-культурное наследие и современность» 4 октября 2008 г.). См. с. 147.

Ил. 11. Коломенский кремль. Пятницкие ворота. Вид с юга. Фото 1975 г.

Ил. 12. Коломенский кремль. Ивановские ворота. Рисунок М.Ф. Казакова 1778 г.

Ил. 13. Московский Кремль. Спасская (Фроловская) воротная башня (1490 — 1493 гг.), надстройка 1625 г. Фото 1982 г.

Ил. 14. Московский Кремль. Никольская воротная башня (1490 — 1492 гг.). Фото 1982 г.

весьма близки друг к другу: имеют проездные арки подковообразной формы, опускаемые решетки-герсы; на четвероугольных башнях зубцы с двумя полукругами наверху и седловиной между ними, выложенные в одной плоскости со стенами, а у многоугольных башен они опираются на профилированные белокаменные консоли. Воротные башни обоих кремлей близки друг другу и по пропорциям. Цокольные части стен имеют наклон и отделены белокаменным валиком. Сам же тип воротных комплексов, усиленных стрельницами, восходит к итальянским, подобным цитадели Альберти, включенной в систему городских стен Монтаньяны (ил. 15).

Ил. 15. Монтаньяна. Воротный комплекс — цитадель Альберти — со стрельницей и мостом через ров (середина XIV — XV вв.) Фото 1996 г.

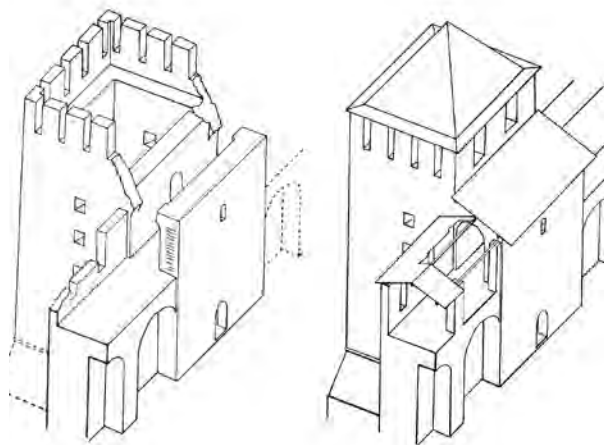
Таблица 2

Сравнение основных размеров воротных башен Коломенского и Московского кремлей

(по Т.Н. Сергеевой-Козиной)

Размеры в м	<i>Коломенский кремль</i>		<i>Московский Кремль</i>	
	Пятницкие ворота	Ивановские ворота	Спасские ворота	Никольские ворота
Высота основной башни	27,0	24,0	26,5	19,0
Ширина основной башни	14,0	12,0	14,0	15,5
Длина со стрельницей	22,5	21,0	23,0	27,0
Высота стрельницы	13,5	11,0	15,5	27,0
Ширина стрельницы	14,0	9,50	10,5	15,5

Однако М.Б. Чернышев нашел в конструкции четырехугольных башен Коломны особенность, отсутствующую в Московском Кремле: стены к этим башням примыкали таким образом, что по боевому ходу можно было переходить с одного прясла на другое без захода в сами башни, а участки боевого хода

Ил. 16. Коломенский кремль. Ямская (Троицкая) башня. Сохранившиеся подлинные части XVI в. и реконструкция первоначального вида. М.Б. Чернышев.

в пределах башен с тыла были ограждены невысокими стенами²⁶ (ил. 16). Таким образом, сами башни были квадратными, а не прямоугольными в плане, как их ошибочно представляли дореволюционные исследователи и Т.Н. Сергеева-Козина. Тем не менее все же нельзя согласиться с М.Б. Чернышевым, что такое решение не имеет аналогов в кремлях Московской Руси XVI в. Так, Ивановская башня Нижегородского кремля (1500 г., 1508 – 1512 гг.) перекрывала стену и возвышалась над боевым ходом, примыкавшим к ней с тыльной стороны, а другие башни не перегораживали сообщения по боевому ходу²⁷. Ана-

логичные обходы с тыльных сторон имели и воротные башни Тульского кремля (1514 – 1520/21 гг.) (ил. 17). Лучше всего они сохранились у Никитской и Пятницкой башен²⁸.

Столь последовательное использование по существу единых приемов как при решении вопросов плана, размещения башен, выбора их типов, так и при использовании отдельных форм, строительных приемов свидетельствует не о подражании, повторении, а о том, что возведением Коломенского кремля руководил итальянский зодчий, вооруженный знаниями и опытом замкового строительства в северной Италии, по преимуществу, в Ломбардии и Венето, в кастелло которых следует искать аналог того приема примыкания боевого хода к коломенским башням, который реконструировал М.Б. Чернышев. Вполне вероятно, что этот же зодчий принимал участие в строительстве Московского Кремля, а позднее руководил возведением Нижегородского. Такой, сегодня, казалось бы, очевидный вывод Т.Н. Сергеева-Козина не сделала и сделать по тем временам не могла. Как ни странно, но авторство пока неизвестного нам итальянского зодчего (или зодчих) в отношении Коломенского кремля здесь утверждается впервые²⁹.

²⁶ Чернышев М.Б. Конструкция первоначальных форм четырехугольных башен Кремля Коломны // Гос. историко-культурный заповедник «Московский Кремль». Материалы и исследования. М., 2003. Вып. XV: Кремль России. С. 381 – 386.

²⁷ Агафонов С.Л. Нижегородский кремль. Нижний Новгород, 2008. С. 113, 139, 145.

²⁸ Косточкин В.В. Оборонительные сооружения древней Тулы // Памятники культуры. Исследование и реставрация. М., 1960. Вып. 2. С. 74, 78.

²⁹ Правда в ряду других крепостей, предположительно возведенных итальянцами, С.С. Подъяпольский упомянул и Коломенский кремль (Подъяпольский С.С. Итальянские мастера в России XV – XVI веков // Россия и Италия. М., 2000. Вып. 4. Встреча культур. С. 36).

Ил. 17. Тульский кремль (1507, 1514 – 1520/21 гг.). Пятницкая воротная башня. Открытый боевой ход с ее тыльной стороны. Вдали – Спасская башня. Фото 1982 г.

Разумеется, перечисленные примеры сходства далеко не исчерпывают всей общности строительных приемов в оборонительном зодчестве Италии и России. Множество вопросов остаются без ответа. А между тем, надо признать, что письменные источники по интересующей нас теме по существу исчерпаны. На первый план выходят комплексные натурные исследования. Давно назрела необходимость проведения на основе заранее разработанной программы системного поэлементного анализа оборонительных построек России и Италии, который помог бы отделить памятники, непосредственно построенные под руководством итальянских мастеров, от вторичных, лишь повторяющих новые

приемы; сравнение используемых форм, особенностей строительных «почерков» помогло бы с известной вероятностью определить возможных авторов, очертить круг тех традиций, на которые они опирались, и даже указать на те североитальянские провинции, где они проходили выучку. Для реконструкции утраченных частей в кремлях необходимы археологические раскопки, опять-таки проводимые по программе, нацеленной на выявление однотипных элементов. Кроме большого научного значения, такое исследование могло бы стать основой для проведения в будущем реставрационных работ на перечисленных памятниках оборонного зодчества.

Однако уже и сегодня можно констатировать, что фряжские мастера принесли на Русь многие строительные приемы и формы, характерные для крепостного строительства эпохи Высокого Возрождения, благодаря чему кремли Московии оказались на одном уровне с лучшими укреплениями Европы первой трети XVI столетия.

В то же время Коломенский кремль, использовавший все достижения европейской фортификации раннеогнестрельного периода (особенно это относится к конструкции и системе расположения бойниц, приспособленных для использования пушек), был уже несколько архаичным для своего времени. Достаточно сказать, что через четыре года после его окончания в Москве начинается строительство Китайгородской стены (1535 – 1538 гг.), своими особенностями уже предвосхищавшей переход к протобастионной системе и существенно отличавшейся от названных крепостей.

Возведение Коломенского и Зарайского кремлей приходится на последний период непосредственного участия итальянских зодчих в крепостном строительстве на Руси и, соответственно, на завершение эпохи фортификационного скачка. После них был построен лишь один значительный памятник — это только что упомянутая Китайгородская стена в Москве. Крепостное строительство середины столетия и второй фортификационный скачок, пришедшийся на 1580 – 1590-е гг.³⁰, уже не были непосредственно связаны с работами иноземных мастеров.

³⁰ Косточкин В.В. Государев мастер Федор Конь. М., 1964. С. 15 – 27; Мильчик М.И., Коляда М.И. О времени строительства Ладужской крепости // Архитектурное наследие. М., 1996. Вып. 40. С. 54 – 55.

Н.Б. Мазурова

Количество башен Коломенского кремля в XVI в.

*Памяти коллеги, научного
сотрудника Коломенского
краеведческого музея С.И. Самошина*

К проблеме количества башен Кремля* (16 или 17) нас заставила обратиться практическая необходимость. В Коломенском краеведческом музее планируется создать экспозицию по истории этого выдающегося крепостного сооружения. В связи с тем, что от самого Кремля осталась лишь два прясла стен, одни проездные ворота и шесть башен, мы считаем, что было бы уместным в экспозиции представить научно обоснованный его макет-реконструкцию на XVI в., т. е. времени постройки, с высокой степенью подробности. Ведь задача научных сотрудников музея — не только точно рассказать об объекте, но и показать его.

В свое время Н.А. Рощина в 1970 г. указала, что источники XVI — XVII вв. говорят о 17 башнях, а материалы XVIII в. — уже о 16¹. На опубликованных во второй половине XX в. схемах Коломенского кремля мы видим разное количество башен с разными названиями. Путаница и двойственность в цифрах перешла в XXI в. В результате в современных туристических изданиях можно встретить схему Кремля с 16 башнями, а в комментариях к ней прочитать про 17 башен.

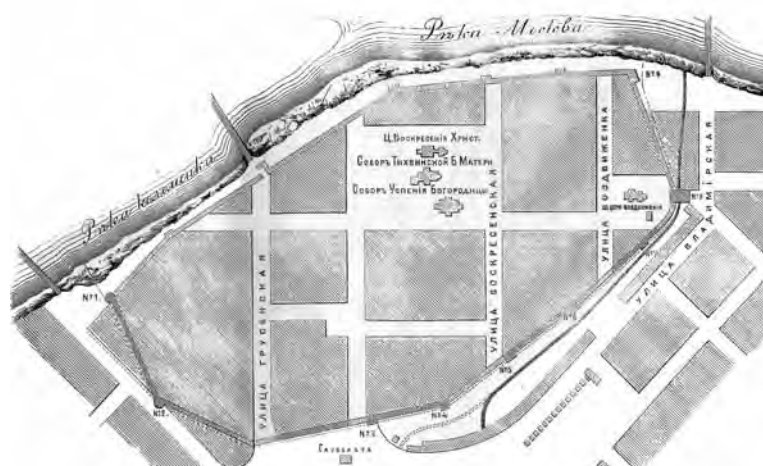
В основном 17 башня реконструируется исследователями на несохранившемся участке стены между Косыми воротами и Свибловой башней, т. е. в набережной части Кремля. Действительно, это самый загадочный участок городской стены.

Первая попытка реконструкции Коломенского кремля была предпринята А.М. Павлиновым². Однако автор не ознакомился специально с источниками и никак не прокомментировал свой план (ил. 1). План Павлинова фиксирует представления о Кремле конца XIX в. Они были еще далеко неточны. Тогда еще сохранялись «семь полуразрушенных башен с частями развалившихся стен и всего одни ворота».

* В XVI — XIX вв. такого термина применительно к Коломенской цитадели не зафиксировано. В XVI — XVII столетиях его именовали «городом», в XVIII — XIX вв. — «крепостью». Термин «кремль» по отношению к Коломенской крепости появляется лишь в XX в. (точно так же, как и в других городах: Рязани, Дмитрове, Серпухове, Зарайске). Не исключено, что подобный термин появился под влиянием превращения части собственного имени «Московский Кремль» в нарицательное. Сравните, например, замечание купца Федора Котова 1623 г. относительно коломенской цитадели: «А город каменной, что Московский Кремль». (Хождение купца Федора Котова в Персию. М., 1958. С. 25).

¹ Рощина Н.А. К вопросу об истории русского зодчества XVI века (по страницам истории Коломенского кремля) // Ученые записки Московского областного педагогического института им. Н.К. Крупской. Т. 271 / Материалы в помощь преподавателям спецкурсов педагогических институтов по истории СССР и истории новейшего времени. М., 1970. Вып. 13. С. 78.

² Павлинов А.М. Реставрация древней крепости в г. Коломне // Древности. Тр. МАО. М., 1889. Т. 13. Вып. 1. С. 165. Рис. 1.

Ил. 1. План Коломенского кремля по А.М. Павлинову.

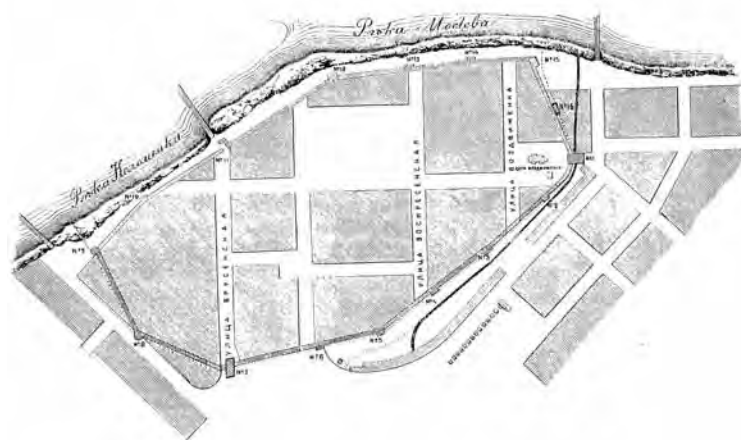
А.М. Павлинов представлял Кремль с двумя проездными воротами — Косыми и Пятницкими (о существовании Ивановских ворот ему было неизвестно, хотя они стояли еще в начале XIX в.) и 12 глухими башнями (причем Свиблову башню, разрушенную в 1850-х гг., он представлял прямоугольной, а не круглой). Всего, таким образом, 14 башен. На набережной части, по А.М. Павлинову, стояли 7 башен. Далекое не точными были его представления о названиях башен. Названия прямоугольных башен со стороны Посада ему были неизвестны, Ямская башня ошибочно названа Житной.

Следующая по времени попытка обращения к цитадели Коломны принадлежала инженеру-реставратору Н.П. Делекторскому. Он сделал сообщение о состоянии Коломенского кремля на публичном заседании Московского архитектурного общества 23 декабря 1883 г., а затем издал отдельную небольшую работу. Самое общее описание Кремля сопровождалось неточностями. Особенно поразительна ошибка с Грановитой башней. Н.П. Делекторский назвал ее Тайницкой и сообщил, что «из этой башни шли тайники и бои по направлению к реке Москве»³. Н.П. Делекторский ошибался — настоящая Тайницкая башня и отдельный от нее Тайник* к этому времени были уже совершенно разрушены, а Грановитая башня стояла довольно далеко от реки Коломенки. На заседании было предложено реставрировать Коломенскую и Тайницкую башни.

Значительно более точные представления о Коломенском кремле сформировались в начале XX в. В 1910 г. преподаватель местной мужской гимназии И.К. Линдеман, разбирая вопрос о смерти Марины Мнишек в Коломне, попутно затронул

*Термин «Тайник» для Коломенского кремля следует писать с заглавной буквы, т. к. это собственное имя довольно крупного и уникального объекта, подобное именованию конкретной башни или ворот.

³ Делекторский Н.П. Коломенский кремль и предполагаемая его реконструкция. М., 1883. С. 14.

Ил. 2. Реконструкция Коломенского кремля И.К. Линдемана. 1910 г.

и вопрос реконструкции Кремля (ил. 2)⁴. Линдеман считал, что в нем насчитывалось 16 башен: из них 3 башен-ворот (Пятницкие, Ивановские, Косые), 13 башен разного типа: прямоугольные, многогранные и круглая (Погорелая, Спасская, Симеоновская, Вознесенская, Ямская, Грановитая, Коломенская, Борисоглебская, Тайницкая, Сандыревская, Бобреновская, Свиблова, Застеночная) и 3 малых ворот (Михайловские, Мельничные и Водяные). И.К. Линдеман, в отличие от Н.П. Делекторского, привлек к комментарию Писцовую книгу 1577/78 г., изданную еще в 1872 г. В пояснениях к своему плану И.К. Линдеман указал последовательность всех башен. Отдельно отмечал, что из прясла стены между Тайницкой и Сандыревской башнями к Москве-реке выведен Тайник, установил нахождение Михайловских и Мельничных ворот, но забыл указать, где стояли еще одни малые ворота — Водяные.

План реконструкции И.К. Линдемана приводит О.П. Булич в своем труде по истории Коломны. Его план и комментарий к нему О.П. Булич приняла безоговорочно и своих исследований по данной теме не проводила. Основываясь на плане Кремля и комментариях к нему И.К. Линдемана (ил. 3)⁵, О.П. Булич привнесла свои уточнения: схематично обозначила утраченные и сохранившиеся постройки крепости; указала местонахождение 3 малых ворот и Тайника; нанесла на план все церкви Кремля и наименование всех улиц со старыми и новыми названиями. Водяные ворота Булич самостоятельно обозначила в Бобреновской башне, таким образом сделав эту башню про-

⁴ Линдеман И.К. Маринкина башня в Коломне и вопрос о смерти Маринины Мнишек. М., 1910. Вкладка к С. 11.

⁵ Булич О.П. Коломна. Пути исторического развития города. М., 1928. С. 28 — 29.

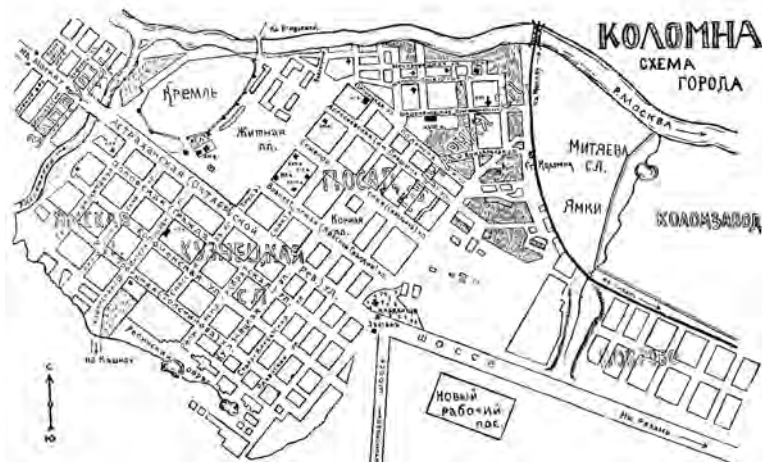

Ил. 3. Реконструкция Коломенского кремля О.П. Булич. 1928 г.

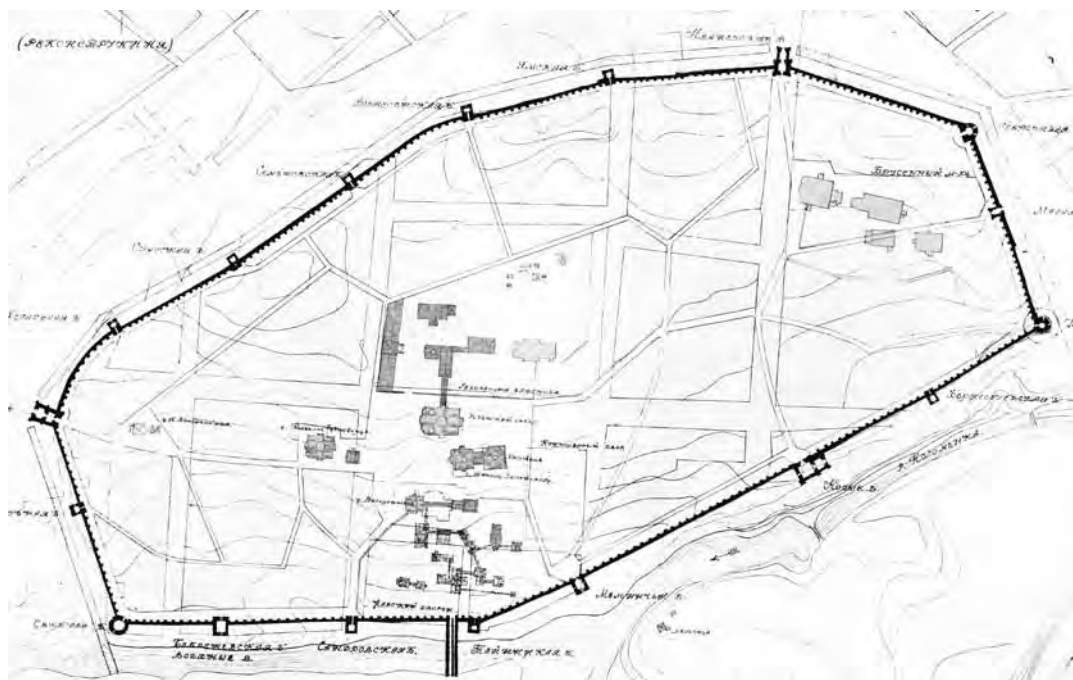
ездной, что противоречило предыдущему комментарию о трех башнях-воротах.

О.П. Булич также опубликовала план старого города на начало XX в. — схема Кремля дана по сохранившимся башням, а несохранившиеся участки крепостной стены с башнями обозначены упрощенно, единой линией с проездом на месте Ивановских и Косых ворот (ил. 4). На этом плане мы видим целой одну башню, которая была разрушена уже в советский период — Вознесенскую (названа так по церкви Вознесения, известной с XVI в.).

Т.Н. Сергеева-Козина в 1952 г., после многолетнего обследования и замеров оставшихся объектов Кремля, изучения письменных, изобразительных и картографических источников, в своей работе «Коломенский кремль» реконструирует Кремль с 17-ю башнями. Кроме известных нам башен, указанных

Ил. 4. Схема Коломны 1928 г.

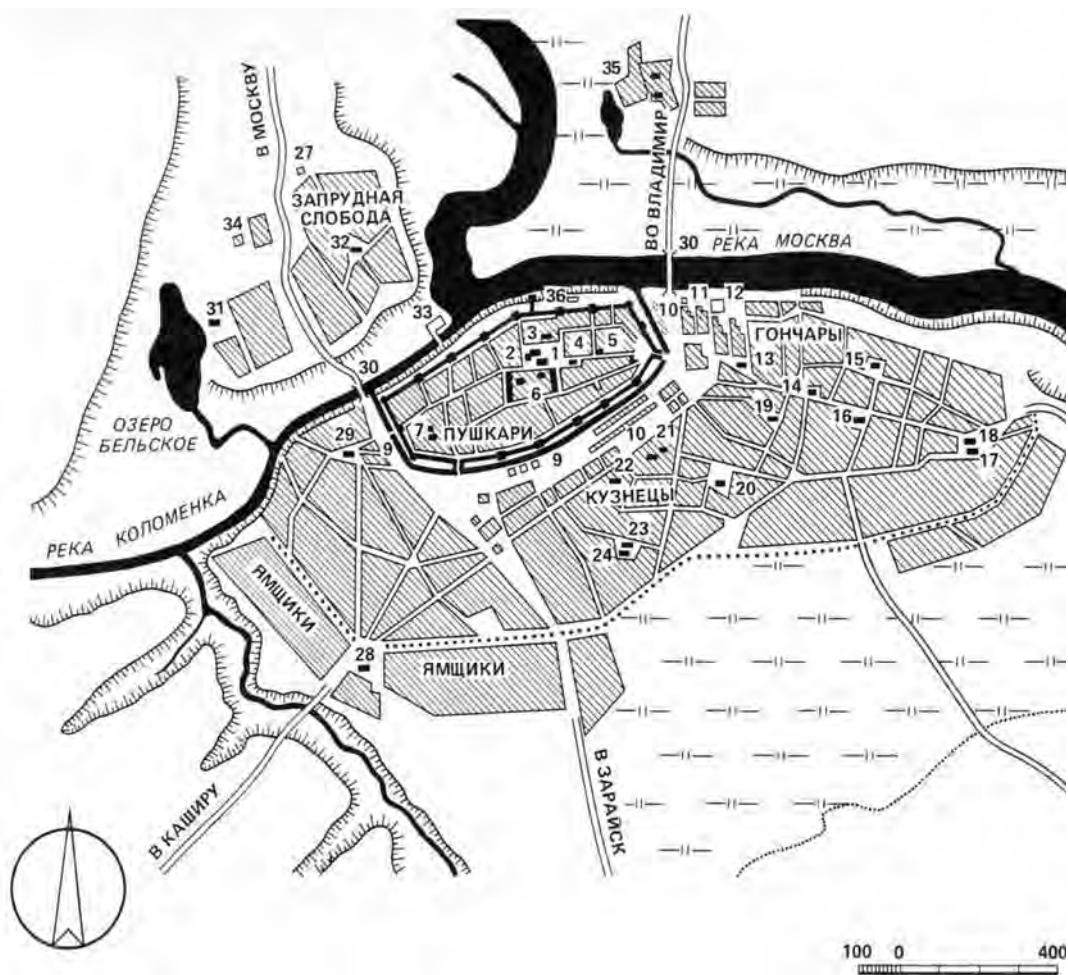
И.К. Линдеманом, Т.Н. Сергеева-Козина по описанию в Писцовой книге 1578 г. считала Мельничные ворота (в XVII в. — Георгиевские) проездной башней типа Пятницких, Ивановских и Косых ворот. Она согласилась с О.П. Булич в том, что Бобреневская башня и Водяные ворота — одно архитектурное сооружение, но сначала башня была глухой, а ворота были устроены в ней позже, в XVII в., в результате ремонта после военных событий и перестройки. Таким образом, по Т.Н. Сергеевой-Козиной изначально в Кремле было 4 проездные башни (Пятницкие, Ивановские, Косые и Мельничные), 13 глухих башен, 1 малые ворота в прясле стены (Михайловские) и подземный Тайник (ил. 5)⁶.

В 1967 г. реконструкцию несохранившихся оборонительных сооружений Коломенского кремля произвел Н.Н. Годлевский. На основании изучения источников XVII — XVIII вв. он пришел к выводу, что Кремль имел в совокупности 16 башен [«...13 башен, трое больших ворот (Пятницкие, Ивановские и Косые) и трое ворот «малых» (Малаховские, Георгиевские и Водяные)»] и Тайник (ил. 6)⁷. Реконструкция участков Кремля Годлевского отличается от вариантов Булич и Сергеевой-Козиной тем, что Мельничные и Водяные ворота он не считает башнями, полагая их малыми воротами в пряслах стен. Исследователи не ка-

Ил. 5. Реконструкция плана Коломенского кремля Т.Н. Сергеевой-Козиной. 1952 г.

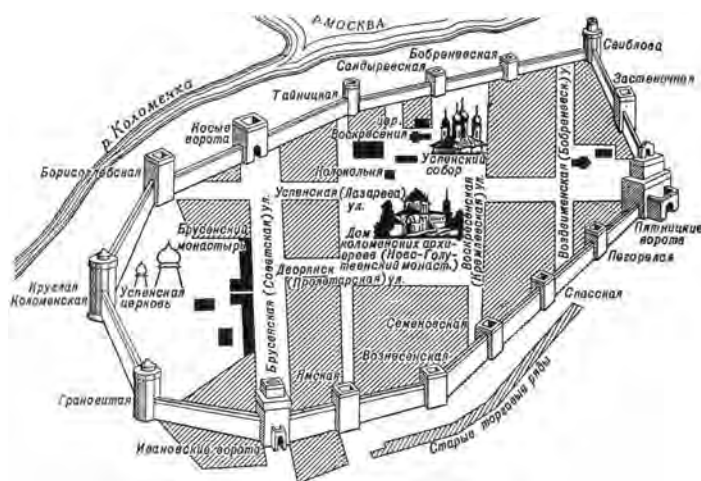
⁶ Сергеева-Козина Т.Н. Коломенский кремль. Опыт реконструкции // АН. М., 1952. № 2. С. 139, 155.

⁷ Годлевский Н.Н. Планировка кремля Коломны в XVI — XVII вв. // АН. М., 1967. № 16. С. 19 — 20. План приводится по изданию: Градостроительство Московского государства XVI — XVII вв. М., 1994., С. 179.

Ил. 6. Топография Коломны в XVII в. с реконструкцией Кремля Н.Н. Годлевского. 1967 г.

1 — Успенский собор;	18 — церковь зачатия Св. Анны;
2 — церковь Николая Чудотворца и соборная колокольня;	19 — церковь Симеона Богоприимца;
3 — церковь Вознесения на государевом дворе;	20 — церковь Параскевы Пятницы;
4 — церковь Николая Чудотворца (гостиного);	21 — Спасский монастырь;
5 — Приказная изба;	22 — церковь Симеона Столпника;
6 — архиепископский двор;	23 — церковь Вознесения;
7 — Брусенский девичий монастырь;	24 — церковь Екатерины мученицы;
8 — церковь Крестовоздвижения;	25 — церковь Иоанна Богослова;
9 — ров;	26 — караульные избы;
10 — ряды и амбары;	27 — питейный дом;
11 — питейный дом;	28 — церковь Троицы;
12 — пивоварня;	29 — церковь Михаила Архангела;
13 — Покровская церковь;	30 — мосты;
14 — церковь Николая Чудотворца (посадского);	31 — церковь Василия Кесарийского;
15 — церковь Никиты Мученика;	32 — церковь Бориса и Глеба;
16 — Рождественская церковь;	33 — мельница;
17 — церковь Входа Богородицы;	34 — амбары и кузницы;
	35 — Бобренев монастырь;
	36 — баня.

Ил. 7. Схема Коломенского кремля Е.И. Голубевой, А.И. Гужова. 1970 г.

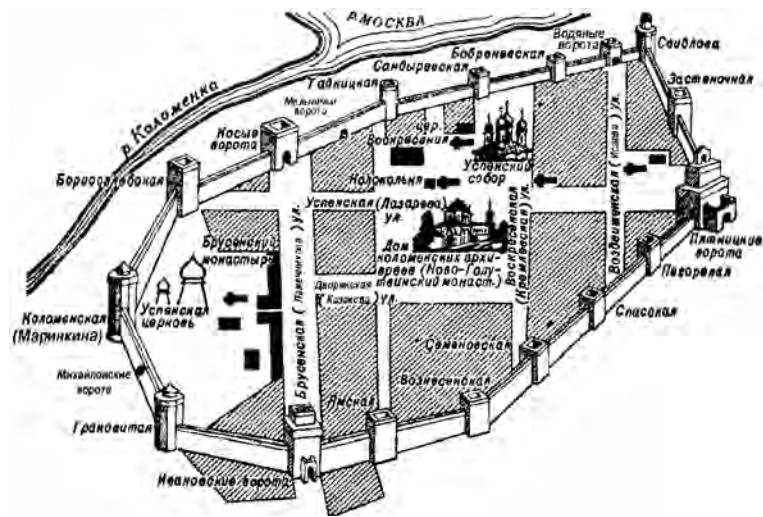
сались особенностей конструкции Тайника. Лишь Н.Н. Годлевский на основании плана Андрея Готовцева 1730-х гг. дал план Тайника. По мнению исследователя, Тайник был подземным тоннельным сооружением, бравшим начало из прясла стены около Тайницкой башни и шедшим перпендикулярно от нее. Заканчивался Тайник подземным помещением (по площади большим, чем основания обычной для кремля прямоугольной башни)⁸. Н.Н. Годлевский никак не прокомментировал план Тайника, потому что в его публикации основным вопросом была реконструкция планировки Кремля Коломны в XVI – XVII вв. Для него этот вопрос был периферийным, поскольку специально проблема реконструкции Кремля не разбиралась. В итоге мы имеем готовый результат работы архитектора в таблице и рисунке, что, на наш взгляд, снизило научную ценность статьи Годлевского. Сама реконструкция, однако, представляет большой интерес.

В 1970 г. в третьем издании «Путеводителя по Коломне» Е.П. Голубева и А.И. Гужов поместили новый, по сравнению с Т.Н. Сергеевой-Козиной, вариант схемы Коломенского кремля с 16 башнями без Тайника (ил. 7)⁹. Именно она затем корректировалась и дополнялась в разных вариантах.

Н.А. Рощина, историк, доцент кафедры истории КГПИ, изучила все доступные источники и исследования (не обратив внимания только на реконструкцию Н.Н. Годлевского). Н.А. Рощина вновь после Т.Н. Сергеевой-Козиной и М.В. Фехнер пришла к выводу о невозможности однозначной реконструкции (в частности, количества башен) Кремля времени его постройки. Она провела сравнительный анализ и заметила противоречие между письменными источниками

⁸ Можно думать, что исследователь предполагал нахождение там резервуара или накопителя для воды, или замаскированного выхода к реке.

⁹ Голубева Е.А., Гужов А.И. Путеводитель по Коломне. М., 1970. С. 71.

Ил. 8. Схема Коломенского кремля Н.Н. Рощиной и А.И. Кузовкина. 1970 – 2000 гг.

XVI – XVII вв., которые «упорно говорят о 17 башнях», и планами XVIII в., где отображено лишь 16 башен¹⁰.

Специалистами по истории русской фортификации вопрос больше не обсуждался. Однако среди краеведов начались споры по поводу того, сколько было башен (16 или 17), где могла стоять 17-я башня (на месте Мельничных или Водяных ворот, на месте Тайника в прясле стены или в конце Тайника у Москвы-реки)?

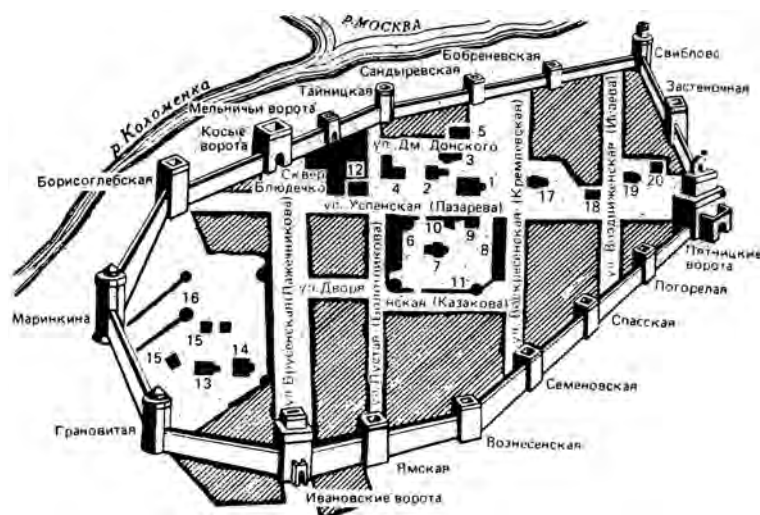
Сама Н.А. Рощина в своей работе перечислила всех исследователей Коломенского кремля. Она, правда, не заметила, что Сергеева-Козина тоже установила по писцовой книге XVI в. существование 17 башен, поставив вопрос о существующей разности количества башен и в источниках, и у исследователей.

Н.А. Рощина предложила свою версию местонахождения 17-ой башни. Она считала, что в XVI в. Водяные ворота были проездной башней типа Пятницких, Ивановских и Косых ворот, а в пряслах стен было не трое, а всего двое малых ворот (Михайловские и Мельничные-Георгиевские). Водяные ворота располагались между Бобреньевской и Свибловой башнями. В первой трети XVII в. Водяные ворота закрыли и башня стала непроездной; позже между Бобреньевской и Свибловой башнями существовал проем в прясле стены, который стал тоже именоваться Водяными воротами.

Известный в г. Коломне краевед А.И. Кузовкин поддержал точку зрения Н.А. Рощиной и воплотил ее в собственной схеме Кремля (ил. 8). А.И. Кузовкин считает, что «в один период существовало 16 башен, а в другой – 17 башен»¹¹. Мельничные ворота были в прясле (как и Михайловские), а 17-я башня стояла рядом со Свибловой и называлась Водяными воротами.

¹⁰ Рощина Н.А. К вопросу об истории... С. 78

¹¹ Кузовкин А.И. Коломенский кремль. Коломна, 2000. С. 4.

Ил. 9. Схема Коломенского кремля И.В. Маевского (с опорой на Т.Н. Сергееву-Козину). 1989 г.

Ведущий научный сотрудник Коломенского краеведческого музея И.В. Маевский, как и М.В. Фехнер, основывался на исследованиях Т.Н. Сергеевой-Козиной. В 1989 г. музей выпустил буклет «Коломенский кремль», автор которого, И.В. Маевский, воспроизвел схему Кремля, предложенную Т.Н. Сергеевой-Козиной с 17 башнями (ил. 9). Однако у него оказался не обозначенным Тайник.

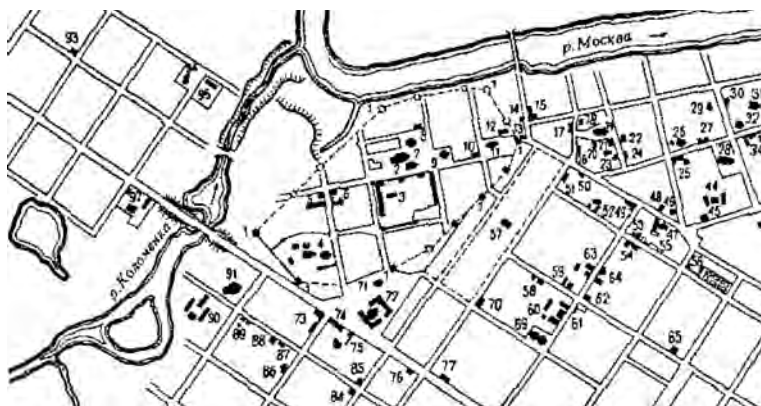
В авторитетном справочнике «Памятники архитектуры Московской области» (1999 г.) зафиксированы представления Н.Н. Годлевского. Е.Н. Подъяпольская, А.А. Разумовская и Г.К. Смирнова утверждали, что «из 16 башен три были проезжими. Глухие, преимущественно прямоугольные башни на углах крепости сменялись многогранными. В пряслах стен дополнительно имелись трое малых ворот»¹². Специальных исследований по данному вопросу авторы не проводили и даже не упомянули статью Н.Н. Годлевского в библиографии. В каталоге дано описание только сохранившихся башен и схематично, без комментариев, реконструирован общий контур стен Кремля (ил. 10). Данная схема обозначает все 16 башен, не содержит названий реконструируемых объектов, не указывает местонахождение малых ворот и не отмечает место и фундамент Тайника, что немаловажно для литературы справочного характера.

Таким образом, в начале XXI в. вопрос о количестве башен Коломенского кремля оставался до конца не разрешенным.

Разные точки зрения по одному и тому же вопросу, практические задачи по реконструкции макета Кремля, а также последние исследования о видах Кремля, деталях стен, новые публикации источников по истории Кремля (М.Б. Чернышев, А.Б. Мазуров, А.Н. Фролов) позволяют вновь обратиться

¹² Памятники архитектуры Московской области. М., 1999. Вып. 3. С. 10.

Ил. 10. Кремль. Стены и башни. Схема расположения памятников архитектуры в пределах старого города по Е.Н. Подъяпольской, А.А. Разумовской и Г.К. Смирновой. 1999 г.

к прежним источникам, прочитав их по-новому и ответить на вопросы: каким же был в действительности Кремль в XVI в.? сколько в нем было башен и какие?

На этот вопрос можно ответить при помощи совокупности письменных и изобразительных источников, планов и чертежей. Мы привлекли источники до начала XIX столетия, т. к. они наиболее полно отражают первые века жизни Коломенского кремля как фортификационного объекта и памятника архитектуры.

Самым подробным и близким по времени источником по истории Кремля является Писцовая книга 1577/78 г.¹³, созданная примерно полвека спустя после его строительства. Она отражает тот момент, когда естественные разрушения Кремля не зашли столь далеко и его первоначальный облик продолжал сохраняться. Кроме того, мы привлекли и последующие описания, письменные и изобразительные источники:

– «Опись городовых укреплений Коломны осадного головы Ивана Никитича Бабина» 1629 г.¹⁴;

– рисунок Адама Олеария (1636 г.) (ил. 11)¹⁵;

– описание Павла Алеппского из «Путешествия Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века» 1653 – 1654 гг.¹⁶;

– «Росписной список города Коломны 1678 г.» воеводы С.С. Потемкина¹⁷;

¹³ Города России XVI века. Материалы писцовых описаний. М., 2002. С. 1 – 32.

¹⁴ Фролов А.Н. Документы разрядного приказа о состоянии и вооружении Коломенского кремля в первые годы после Смуты // Вестник КГПИ. 2007. № 1 (2). Специальный выпуск, посвященный Всероссийскому дню славянской письменности и культуры (Коломна, 24 мая 2007 г.). С. 103 – 111.

¹⁵ Публикацию, описание и анализ см.: Мазуров А.Б. О трех гравюрах XVII – начала XVIII вв. с видами Коломны // «...В трубы трубят на Коломне...». Сб. материалов науч.-прак. конф., посвященной 625-летию Куликовской битвы. Коломна, 2005. Ч. 2. С. 284 – 298.

¹⁶ Павел Алеппский (архидиакон). Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века. М., 2005. С. 223.

¹⁷ Мазуров А.Б., Фролов А.Н. Росписной список города Коломны 1678 г. воеводы С.С. Потемкина // Вестник КГПИ. 2008. № 1 (6). С. 7 – 19.

Ил. 11. Книжная гравюра по рисунку А. Олеария 1636 г.: 1. Изображение примыкания Тайника с арками. 2. Бобреневская башня с воротным проемом.

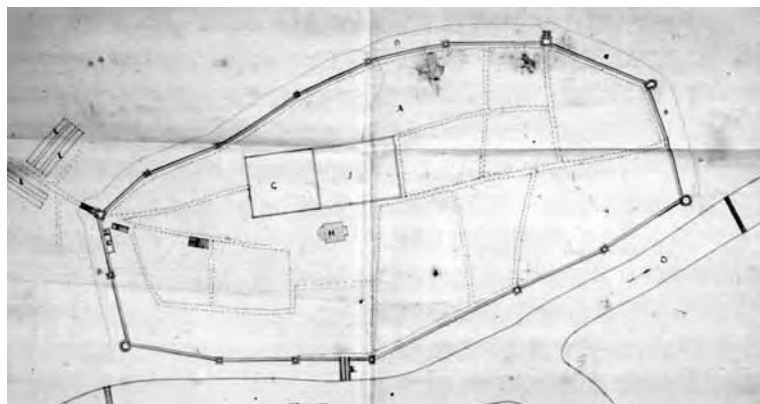
– план Кремля (наиболее ранний из всех дошедших до нас) Андрея Готовцева 1730-х гг. (ил. 12)¹⁸;

– инструментальный (весьма точный, по итогам промеров бечевой и астролябией) план Кремля (ил. 13) и три из шести рисунков 1778 г. М.Ф. Казакова (ил. 14 – 16)¹⁹;

– «Вид Коломны со стороны Бобренева монастыря» 1795 – 1799 гг. (ил. 17)²⁰, выполненный с рядом ошибок, но в целом весьма точный (далее именуется «Видом 1799 г.»);

– инструментальный план Кремля начала 1800-х гг. с визой губернского архитектора Селехова с приложениями видов двух прясел стен и башен (ил. 18)²¹.

Специальные исследования недавнего времени М.Б. Чернышева значительно прояснили первоначальный вид четырехугольных башен Кремля и уточнили ряд терминов писцовых книг XVI в., что позволило понимать ее более адекватно²².

Ил. 12. План Кремля Андрея Готовцева 1730-х гг.

¹⁸ РГВИА. Ф. 349. Оп. 17. Д. 3398. Л. 1.

¹⁹ Вид с северо-запада крепостной стены г. Коломны // Государственный Русский музей, отдел графики, Р-8113; Вид с севера крепостной стены г. Коломны // Там же, Р-8112; Вид с северо-востока крепостной стены г. Коломна // Там же, Р-8114; План 1778 г., 10 января // РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 22060. Л. 1.

²⁰ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 18861. Ч. 10. Л. 188. Описание, датировка и публикация см.: Мазуров А.Б. Город Лажечникова // Историко-литературный сб. Коломна, 2004. Вып. 1. С. 137 – 142.

²¹ РГИА. Ф. 1293. Оп. 168. Д. 23.

²² Чернышев М.Б. О некоторых терминах и названиях в Описи 1578 г. крепостных сооружений Коломенского кремля // АН. М., 2001. № 44. С. 38 – 43; Он же. Реконструкция первоначальных форм четырехугольных башен кремля Коломны // Кремли России / Материалы и исследования ФГУ ГИКМЗ «Московский Кремль». М., 2003. Вып. 15. С. 381 – 386.

Ил. 13. Инструментальный
план Кремля
М.Ф. Казакова. 1778 г.

Ил. 14. Вид с северо-запада
крепостной каменной
стены с Коломенской
и Грановитой башнями.
Рисунок М.Ф. Казакова.
1778 г.

Ил. 15. Вид крепостной
каменной стены с севера.
Борисоглебская башня
и Косые ворота. Рисунок
М.Ф. Казакова. 1778 г.

Ил. 16. Вид с северо-востока
крепостной каменной
стены со Свибловой башней
в центре и слева направо
прямоугольными башнями:
Застеночной,
Бобреньевской
и Сандыревской.
Рисунок М.Ф. Казакова.
1778 г.

Ил. 17. Вид Коломны со стороны Бобренева монастыря. 1795 – 1799 гг.

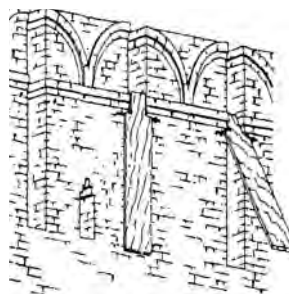
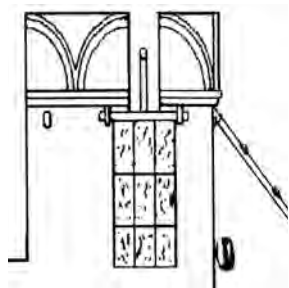
Решению поставленных нами задач способствуют также статьи о ранних изобразительных источниках XVII – XVIII вв. с видами Коломенского кремля, специальные исследования изобразительных источников XVII и XVIII вв.²³

Какие же подходы к реконструкции исходного плана Коломенского кремля 1525 – 1531 гг. могут быть? Совершенно очевидно, что отрезок напольной его части от Свибловой до Коломенской (Маринкиной) башен реконструируется довольно однозначно и без всяких вопросов. Тем более что значительная его часть сохранилась в натуре. Проблемным для реконструкции является северный (набережный, у рек Коломенка и Москва) участок Кремля, где исследователи помещают 17-ю башню. Вопрос формулируется так: сколько здесь было башен – 7 или 8? Решая проблему реконструкции Кремля XVI в., следует подробно разобрать именно этот отрезок. К большому сожалению, весь указанный участок к настоящему времени утрачен. Именно на этом участке разрушения шли наиболее интенсивно. Уже к середине XIX в. тут не было ни единой башни, лишь руинированные основания стен (точнее, бутовая их часть).

Ил. 18. Инструментальный план Кремля 1800 г. с визой губернского архитектора Селехова.

²³ Мазурова Н.Б. Подарок великого зодчего // Коломенский альманах. 2005. Коломна, 2006. Вып. 9. С. 343 – 362; Мазуров А.Б. О трех гравюрах XVII – начала XVIII века с видами Коломны // «...В трубы трубят на Коломне...». Сб. материалов науч. конф., посвященной 625-летию Куликовской битвы (Коломна, 7–8 сентября 2005 г.). Коломна, 2005. Ч. 2. С. 284 – 298.

Ил. 19. Реконструкция «западных окон» (боев) по А.М. Павлинову и М.Б. Чернышеву.

* Составлялся в качестве справочника, подсобного материала для следующего по времени описания города.

**Зубцами сейчас именуется окончания стены в виде ласточкиного хвоста. М.Б. Чернышев показал, что в XVI в. «зубцами» назывались тыльные кирпичные опоры на верхней боевой части (боевом ходу) для двускатной деревянной кровли на стене. Далее мы будем говорить о зубцах именно в двух смыслах. Если речь идет о тыльном «зубце» как кирпичной столпообразной опоре для стропил кровли, термин будет заключаться в кавычки. При упоминании фронтальных зубцов как защитных выступов в форме ласточкиного хвоста термин не закавычивается.

Разберем перечисленные выше источники для выяснения особенностей северного участка Коломенского кремля XVI в. Главный из них – Писцовая книга 1577/78 г. Спустя 46 лет после постройки Коломенского кремля писцы Д.П. Житов и Ф. Камынин сделали в том числе и опись самого Кремля с башнями, произвели замеры прясел стен с башнями. Сам оригинал писцовой книги не сохранился, зато дошел его приправочный* список 1618 г. Сохранность его плохая, т. к. утрачено самое начало текста, описывающее примерно треть общей протяженности Кремля (от Пятницких ворот через пять прямоугольных башен и до начала описания Ивановских ворот). Однако, к большой удаче, описание проблемного набережного участка Кремля сохранилось. Описание Коломенского кремля в тексте писцовой книги можно условно разделить на три части:

- первая – описывает стены и башни Кремля (именно здесь и есть утраты);
- вторая – отражает замеры протяженности крепостной стены;
- третья – описывает храмы, монастыри и дворы крепости.

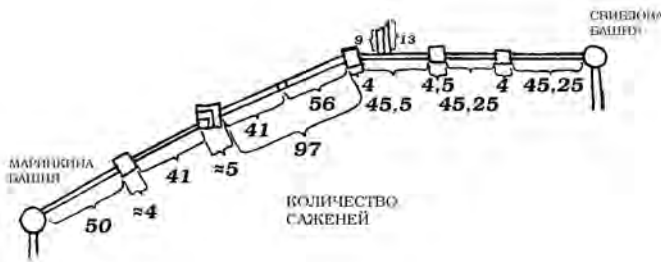
Вторая часть описания, где приведены расстояния в сажнях от башни до башни, сохранилась полностью и позволяет целиком реконструировать утраченное место в части количества прясел и башен. Никаких новых объектов между Пятницкими и Ивановскими воротами не обнаруживается. Писцовая книга – сложный для понимания источник. Многие исследователи говорят о ее противоречивости и неточности. Возможно, ошибки эти связаны с переписчиками начала XVII в. Возможно, сами писцы совершили ряд ошибок при замерах или при занесении их результатов на бумагу. Стоит специально разобрать источник на предмет его достоверности, ибо он единственный, в котором есть данные об амбразурах и количестве «зубцов»** на пряслах и боевых окнах на пряслах и башнях (в частности, между зубцами в современном понимании; такие промежутки назывались «западными боями». Это дает возможность установить количество зубцов).

Еще раз повторим, что «западной бой» – это бойница или проем между двумя зубцами с ласточкиным хвостом, прикрытый деревянным щитом, который самостоятельно захлопывался или западал. Если не было щита, проем превращался в «окно» «наметного боя», на два окна требовалось три зубца, т. е. зубцов больше окон на одну единицу (ил. 19).

Какой же метод можно применить при работе с писцовой книгой? Наши предшественники создавали единственную модель реконструкции путем взаимного дополнения имеющейся информации из двух частей описания. Такой подход приводит либо к компромиссам и вольной трактовке описанных башен и ворот (как у Т.Н. Сергеевой-Козиной, когда противоречивые данные объявлялись неверными), либо

РЕЗУЛЬТАТЫ ОБМЕРА ДЛИНЫ СЕВЕРНОГО УЧАСТКА
СТЕНЫ КОЛОМЕНСКОГО КРЕМЛЯ В 1678 ГОДУ

Ил. 20. Авторские модели XVI и XVII вв. северного набережного участка крепостной стены от Маринкиной башни до Свибловой башни с результатами обмеров, в соотношении их с «западными боями».

к тупиковой ситуации и сомнениям в правильности самого источника, либо к констатации неразрешимости проблемы.

Мы предлагаем применить другой метод: построить две модели проблемного набережного участка Кремля, оперируя только источниками XVI – XVII вв. (и их терминологией, исключая переводы в метры саженей, что приводит к ошибкам). Модель XVI в. создается по первой и второй части описания Писцовой книги 1577/78 г. На основании «Росписного списка города Коломны 1678 г.» воеводы С.С. Потемкина (дошедшего полностью) создается модель XVII в. Далее полученные модели надо сравнить между собой на предмет выявления ошибок, а затем привлечь данные планов, рисунков и видов Коломны XVIII – начала XIX вв.

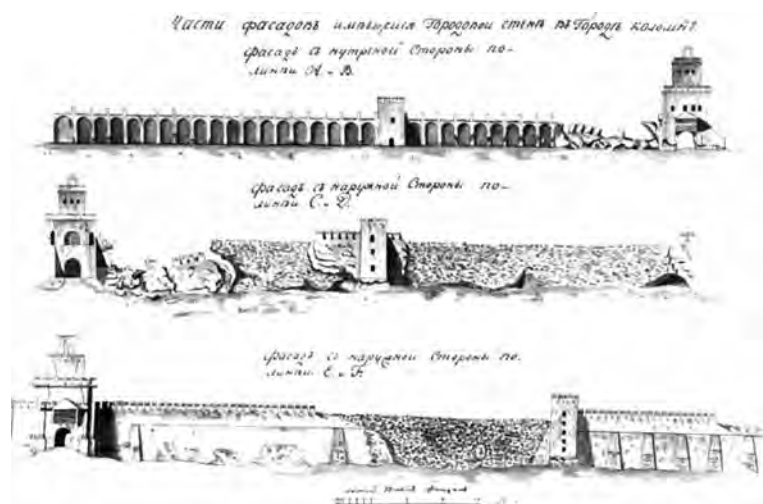
Модель XVI в. (ил. 20, сверху) набережного участка стены от Маринкиной башни до Свибловой башни на фронтальной (верхней) стороне имеет количество западных боев на пряслах, взятых из первой части описания. На тыльной (нижней) стороне модели нанесены результаты обмеров в саженях длины северного участка стены Коломенского кремля, взятых из второй части описания Кремля. Участок начинается

с Маринкиной башни (Наугольной или Круглой стрельни, что у реки Коломенки), далее схематично изображена Борисоглебская башня, за ней Косые ворота, затем идет длинный участок до Воскресенской (Тайницкой), или, по-другому, «первой» башни (так их именовали писцы); зачерненный прямоугольник в прясле — это Мельничные ворота; «вторая» и «третья» башни, завершает отрезок наугольная круглая Свиблова башня.

Как же происходил замер длин стен и башен? Почему он такой необычный, как можно наблюдать за величинами, представленными у фигурных скобок в модели XVI в.? Первый отрезок захватывает расстояние от Маринкиной башни до Борисоглебской, вместе с ней — 60 саженей. Как мог быть получен такой замер (другие отрезки, как мы можем наблюдать на нашей схеме, аналогичны)? Очевидно, что замер прясел и башен не мог происходить с фронтальной стороны, потому что по внешнему периметру Кремля шел ров или крутой спуск к реке. Не могли писцы двигаться и с внутренней стороны Кремля, т. к. к части стены не было свободного доступа из-за дворовладений. Следовательно, замер мог осуществляться непосредственно на самой кремлевской стене, где все башни, кроме угловых, имели сквозной проход на уровне стеной галереи с зубцами.

На тыльной стороне можно было бы отметить и количество тыльных «зубцов», которые как столбы шли по тыльной части боевого хода и служили второй опорой для кровли над боевой галереей, помимо зубцов с ласточкиными хвостами, которые с фронтальной стороны образовывали западные бои. Такие «зубцы» видны на рисунке М.Ф. Казакова «Вид с северо-запада крепостной каменной стены с Коломенской и Грановитой башнями» 1778 г. (ил. 14), где утрачены фронтальные зубцы, и на приложении к плану Селехова — виде с тыльной стороны прясел от Свибловой башни до Застеночной башни (ил. 21), где изображено 18 целых описываемых «зубцов», а один 19-й, сломанный, не указан в писцовой книге XVI в. Тыльные «зубцы» также являются характерной особенностью кремлевской стены. Правда, следует учесть, что описывались только целые «зубцы», а сломанные пропускались. Поэтому данные о «зубцах» из первой части описания мы решили опустить при моделировании, но они важны при создании научного макета Кремля.

Вторая модель (ил. 20) сделана на основании «Росписного списка города Коломны 1678 г.» воеводы С.С. Потемкина. Список содержит очень много ценных количественных и качественных характеристик башен и прясел. Мы выбрали только те, которые возможно сопоставить с данными писцовой книги XVI в. — длину проблемного участка в саженях (хотя сажени XVI и XVII вв. различались, для нас важна пропорция, соотношение).

Ил. 21. Рисунок тыльной части прясла от Свибловой башни до Пятницких ворот. Приложение к плану с визой Селехова.

«Росписной список» составлялся спустя 147 лет после постройки. Разрушение Кремля зашло к тому моменту весьма далеко. Каждое прясло на рассматриваемом нами проблемном участке было повреждено (помимо длины, уточняется, что половина или 1/3 его обычно была обвалена к реке, «за город», или внутрь Кремля, «в город»; что появились трещины). Поэтому в этом списке мы имеем отдельно замеренные прясла и стены башен. На рассматриваемом нами участке в XVII в., как следует из списка, все башни были покрыты тесом, а прясла только в двух местах (29 сажень из 45 от Тайницкой к Сандыревской башне, и 30 сажень из 45 от Бобреновской к Свибловой башне).

Составленные модели дали нам новую информацию, ранее сокрытую в источнике XVI в. Что же нового дают наши модели? С фронтальной (набережной) стороны крепости на участке между Круглой стрельней и Борисоглебской башней зафиксировано 52 «западных боя», им соответствуют с тыльной стороны 60 сажень с включенной длиной башни. Такой ритм соответствия сохраняется и на последующих участках: между Борисоглебской башней и Косыми воротами 53 боя и 60 сажень, между Косыми воротами и Мельничными воротами 37 боев, ширина Мельничных ворот составляет всего 2 боя, далее от Мельничных ворот до «первой башни» (Воскресенской=Тайницкой) 51 бой и с тыльной стороны «...от Косых ворот до первой башни и с вороты и з башнею сто двадцать сажень, что также соответствует выявленной пропорции. То есть на два участка прясла по 52+53 (в сумме 105) боевых окна приходится 120 сажень прясла с одной башней, а на один участок с 90 боевыми окнами приходится 120 сажень, включая две башни. Такой же ритм мы наблюдаем и на модели XVII в., где два первых участка вместе с башней составляют 95 сажень, а третий участок с двумя башнями — 106 сажень.

Пропорции двух моделей в части двух прясел от Маринкиной башни до Косых ворот, несмотря на разницу саженей XVI и XVII вв., полностью соответствуют. Проверим на такое соответствие следующие прясла. Между Косыми воротами и Воскресенской (Тайницкой) башней писцовая книга XVI в. упоминает Мельничные ворота. Что они из себя представляли?

Были ли Мельничные ворота башней, как считала Т.Н. Сергеева-Козина, или башней были Водяные ворота, как предполагала Н.А. Рощина? В Писцовой книге 1577/78 г. о Мельничных воротах сказано следующее: «Ворота Мельничные, створчаты деревянные, решотка деревяна. Верхнего боя и заподного четыре окна»²⁴. Это описание Т.Н. Сергеева-Козина трактовала как описание башни. Мы считаем, что для башни это очень краткое описание и оно совпадает по своей структуре и краткости с описанием ворот в пряслах стен – Водяных и Михайловских. Для обычного описания башни в источнике используются и другие элементы, например, приводится еще количество боев подошвенного и среднего боя, что подразумевает многоярусность башни; говорится о состоянии деревянных мостов (т. е. межэтажных перекрытий), о каменных мостах (перекрытиях), всходе (подъеме) и выходе на стены. В приведенном описании Мельничных ворот все эти элементы отсутствуют. Не видим их и в описании Водяных ворот, о которых сказано еще меньше, чем о Мельничных: «Ворота Водяные деревянные, решотка деревяная»²⁵.

В Росписном списке 1678 г. о Мельничных (в XVII в. они назывались Георгиевские) сказано следующее: «От Косых ворот до Еорьевских ворот прясло сорок одна сажень... [опускаем количественные характеристики о прясле – *Н.М.*]. Ворота Еорьевские, притворы в них деревянные, ветхи и закладены те ворота камнем, проезду нет. Над теми вороты по пряслу расселось на две сажени, а за городом у земли подсыпалось»²⁶. Как видим, ворота описаны так же кратко, и элементов, присущих башням в этом списке (вышина с зубцами, толщина по городской стене, длина в город и из города, т. е. внутрь Кремля и во вне его), также нет. Примечательно, что над этими воротами расселось прясло на 2 сажени. Неясно, как расселось: была ли это вертикальная трещина в прясле над воротами или над ними расселась боевая галерея, завершающая прясло? Независимо от интерпретации из этого следует, что Мельничные (=Георгиевские ворота), точно так же, как и Водяные (описание которых соответственное), располагались в прясле стены, а не были проездной башней (как считала, например, Т.Н. Сергеева-Козина). Еще одно соображение в подтверждение: 37 боевых окон между

²⁴ Города России... С. 2.

²⁵ Там же. С. 3

²⁶ Мазуров А.Б., Фролов А.Н. Росписной список г. Коломны... С. 15 – 16.

Косыми и Мельничными воротами в целой стене никак не могут соответствовать 120 сажням. Значит, Мельничные (=Георгиевские) ворота не находились на расстоянии 120 сажней от Косых ворот, как прочитала это место Т.Н. Сергеева-Козина²⁷.

В Росписном списке XVII в. о Водяных воротах записано следующее: «От Бобреновой башни к Круглой башни сорок пять сажен с четью... В том прясле были ворота, а ныне те ворота заделаны бревеньем и засыпаны камнем»²⁸. Сохранилось изображение Водяных ворот на «Виде Коломны от Бобренева монастыря» 1795 – 1799 гг., который впервые был опубликован М.В. Фехнер в 1963 г. (ил. 22). Водяные ворота изображены в виде ризалита, т. е. небольшого выступа на ширину 2-х фронтальных зубцов по всей высоте прясла вместе с одним «западным окном» (в кратком описании Водяных ворот XVI в. это одно боевое окно не упомянуто, т. к. оно включено в число боев всего прясла в целом). Видна лишь верхняя часть малой входной арки. Очевидно, эти ворота предназначались для выхода за водой и не обслуживали значительные транспортные потоки.

Ил. 22. Фрагмент «Вида Коломны со стороны Бобреновского монастыря» 1799 г. с Водяными воротами в центре между Свибловой и Бобреновской башнями.

²⁷ Сергеева-Козина Т.Н. Коломенский кремль... С. 137, 139. Таблица 2; С. 155. Рис. 33. Реконструкция плана Коломенского кремля на С. 156, рис. 34. Аксонометрия Коломенского кремля и эта же теоретическая ошибка повторилась в таблице Н.Н. Годлевского (Годлевский Н.Н. Указ. соч. С. 20).

²⁸ Мазуров А.Б., Фролов А.Н. Росписной список г. Коломны... С. 16 – 17.

Небольшие их размеры подтверждаются древнейшими письменными источниками. Водяные ворота были настолько маленькими, что в их арке в XVI в. располагалось одностворчатое дверное полотнище, а за ним еще и решетка. Т.Н. Сергеева-Козина считала, что деревянное полотнище в малых воротах опускалось сверху²⁹. Таким образом, разные источники свидетельствуют о том, что в XVI в. Бобреновская башня и Водяные ворота — не одно и то же, как считала Т.Н. Сергеева-Козина³⁰. Они находились друг от друга на расстоянии 14 фронтальных зубцов. Далее, между Бобреновской и Свибловой башнями, не было башни с Водяными воротами для проезда, а были малые пешеходные ворота в прясле стены, которые в XVII в. (вероятно, к 1636 г., т. к. их нет на рисунке Олеария — ил. 11) были заделаны бревнами и засыпаны камнем. Это позволило воротной арке сохраниться до начала XIX в. (т. к. темпы разрушения основной кладки и забутовки были разные), что отражено на планах А. Готовцева, М.Ф. Казакова, «Виде 1799 г.» и плане Селехова.

Мельничные ворота, как и Водяные, обозначены на тех же планах, как находящиеся внутри прясла, но не сохранились на «Виде 1799 г.» Значит, они были спроектированы так же, как и Водяные. Возникает проблема: сколько боевых окон («западных боев») было в Мельничных воротах — 2 или 4? Ее мы предлагаем решить по аналогии с Водяными воротами. В Писцово́й книге 1577/78 г. в соответствующем месте надо читать, что у Мельничных ворот было по 2 боевых окна на два уровня защиты, т. е. 2 окна верхнего боя (для нас сейчас это был бы средний бой, но в XVI в. его называли верхним) над самими воротами и 2 окна на уровне фронтальных зубцов. Значит, ризалит Мельничных ворот был на ширину 3 фронтальных верхних зубцов.

Складываем «западные окна» от Косых ворот до Мельничных (37), над самими Мельничными воротами (2) и 51 западное окно от Мельничных ворот до «первой башни» (Воскресенской=Тайницкой). Итого 90 «западных боев» (окон) соответствуют 120 сажням прясла с башнями. Этот участок можно сравнить с двумя предыдущими участками, которые в сумме составляют тоже 120 сажень. На модели XVII в. тот же участок в сумме с пряслом и башнями составляет 106 сажень, что не противоречит модели XVI в. Данные полностью пропорциональны.

Здесь надо сделать отступление от последовательного рассмотрения набережного участка стены. Очевидно, что согласно архитектурному замыслу, прясла стен здесь были равны 50 или 60 сажням (по измерениям XVI в.). Расстояния между башнями были именно 50 — 60 сажень (за исключением участка между Косыми воротами и Воскресенской=Тайницкой

²⁹ Сергеева-Козина Т.Н. Коломенский Кремль... С. 145.

³⁰ Там же. С. 137, 139.

башней). Такой устойчивый архитектурный ритм позволяет усомниться в количестве 100 (60+40) саженей между Бобреневской и Свибловой башнями, которое дает писцовая книга XVI в. Это невозможно по целому ряду причин: 1) между Бобреневской башней и Водяными воротами, по данным XVI в., на 60 саженей приходится всего лишь 13 боевых окон. Эти данные не подтверждаются построенной моделью XVII в., там это расстояние с воротами всего 45 саженей с четвертью; 2) наиболее точные планы XVIII в. свидетельствуют, что расстояние между Свибловой и Бобреневской башнями (100 саженей по писцовой книге XVI в.) никак не равно достоверно стосаженному расстоянию между Воскресенской (=Тайницкой, «первой») и Бобреневской («третьей») башнями. В чем же дело? Нам представляется убедительной трактовка данного места как описки. Эту точку зрения высказали А.Б. Мазуров и А.Н. Фролов в комментарии к росписному списку 1678 г. Они указали, «что дошедший до нас список Коломенской писцовой книги является приправочным, и, возможно, в его протографе в подлиннике интересующее нас место читалось по-другому, хотя бы так: «А от третье башни до воденых ворот, oprичь воденых ворот, шестнадесят (то есть 16, а не 60. — *А.М., А.Ф.*) сажен. А от водяных ворот до угольные до Свибловы стрельни и с вороты тридцать (вместо указанных в источнике 40. — *А.М., А.Ф.*) сажень», а в сумме — 46 саженей. Ошибка переписчика в слове «шестнадесят» и запись вместо него «шестьдесят» вполне представима. Намного труднее объяснить замену им слов, обозначающих числа 40 и 30. Отметим, что предложенное чтение протографа близко соответствует как данным 1678 г., так и ситуации на планах XVIII столетия»³¹. Признавая возможность ошибок при переписи, мы считаем, что погрешность здесь была только в одном месте (в части появления «шестидесяти» вместо «шестнадцати»). Нельзя, однако, согласиться с возможностью замены 40 саженей на 30. Публикаторы росписного списка 1678 г. просто решили подогнать результаты к данным XVII в. Данный эпизод мы прокомментируем следующим образом. Т.Н. Сергеева-Козина, вычисляя периметр стен Кремля, отметила, что ее «расчет доказывает, что в описи 1577/78 г. ошибочно не включен размер Бобреневской башни в размер прясла». То же самое мы можем наблюдать и на нашей модели XVI в. Вместе с тем, на 56 (40+16) саженей от Бобреневской до Свибловской башни приходятся 42 боевых окна. Соотношение количества окон и саженей на предыдущих участках говорит о том, что размер Бобреневской башни включен в счет. Вероятно, предложенный текст имел про-

³¹ Мазуров А.Б., Фролов А.Н. Росписной список г. Коломны... С. 11.

пущенные слова, весь отрывок можно реконструировать так: «А от третие башни до воденых ворот, оприч воденых ворот, шестнадесят сажень и з башнею».

Таким образом, с помощью моделей на данном участке от Бобреновской башни до Свибловой прояснилась ситуация с башнями и воротами, с лишними саженьями и возможными ошибками. Можно твердо утверждать о наличии одной из ошибок (замена правильного «шестнадесят» на «шестьдесят»).

Обратимся теперь к самому главному вопросу: где же тогда могла быть 17-я башня, о которой говорят источники XVII в.? Решение его связано с прояснением понимания того, что такое Тайник. В «Росписном списке города Коломны 1678 г.» воеводы С.С. Потемкина для отрезка между Воскресенской и Сандыревской башнями читаем: «... ис того прясла к Москве реке тайник каменной... И у того тайника была башня к Москве реке на берегу и та башня и стены развалилися сверху и до земли»³². То же самое читаем в Описи городов 1678 г.: «тайницкая башня розвалилась вся»³³. К сожалению, приведенные источники никогда ранее для реконструкции Коломенского кремля XVI в. не привлекались. Итак, в XVII в. Тайник приняли за башню, хотя ее уже не было при посещении Коломны Олеарием в 1636 г. На его гравюре ни башни, ни крытой галереи нет. Зато мы видим остатки Тайника.

Что же это за Тайницкая башня (Тайник)? Внимательно посмотрим соответствующее место из Писцовой книги 1577/78 г. От «первой башни» (Воскресенской) писцы насчитали 13 «западных боев», после которых в расчете идут еще 28, а затем еще 18 «западных боев» до следующей Сандыревской башни. Между тем, по обмерам прясла здесь было всего 50 саженей. На 59 «западных боев» никак не может приходиться 50 саженей стены. Значит, тут был выступ к реке (ил. 20), наличие которого подтверждается планом А. Готовцева и планом с визой Селехова. Сам выступ насчитывал, по данным писцов, в сумме на три стены 28 западных боев. В источнике он называется Тайником и описывается по принципу описания башни (с указанием бойниц на уровне подошвы, среднего и западного боев): «Да у Тайника же подошвенного бою восемь окон, да поверх тех десять окон, да западных 28 окон»³⁴. Затем от выступа к Сандыревской башне писцы насчитали 18 западных боев. По этим данным устанавливается, что Тайник находится не в середине прясла, а со смещением в сторону «первой башни» (Воскресенской), как мы можем наблюдать на планах А. Готовцева, М.Ф. Казакова, Селехова.

³² Там же. С. 16.

³³ Цит. по: Русские летописи. Рязань, 1998. Т. III. Воскресенская летопись. Опись русских городов. С. 419.

³⁴ Города России... С. 2.

Попробуем вывести соотношение западных боев по длине только прясла с количеством саженей. Для этого сложим западные бои на данном отрезке прясла: $13+18=31$. Этого явно не хватает на 50 саженей длины прясла, даже если вычесть из них приблизительную толщину башни по городской стене в 4 сажени (получается, что длина только прясла без башни 46 саженей на 31 западный бой – все равно мало, т. к. индекс соотношения саженей к западным боям 1,2). Как так могло получиться? Версии следующие.

1. Возможно, обмеряя прясло, писцы зашли на Тайник и включили его длину в прясло; тогда сумма боев была бы $13+28+18=59$. И здесь соотношение 59 боев на 50 саженей не то, данное предположение не подтверждается. При попытке смоделировать Тайник стало понятно, что писцы не могли зайти на него по боевому ходу (самой верхней части стен), потому что там не было свободного прохода, ибо там стояли зубцы (что подтверждается «Видом 1799 г.»);

2. Второй возможный вариант – прибавить бои, которые шли по боевой галере в толщину Тайника. Всего западных боев тут было 4 (по росписному списку 1678 г.³⁵ и «Виду 1799 г.»). В итоге получаем $13+4+18=35$ западных боев, что может вполне соответствовать 46 сажням общей длины прясла.

Из Писцовой книги 1577/78 г. с полной очевидностью следует, что Тайник описывается как башня или, точнее сказать, как наземная постройка, а не подземная галерея. Только у наземного кремлевского сооружения может быть 28 «западных боев», но нет тыльных «зубцов» (для опоры кровли). Следовательно, у Тайника, как у прямоугольных башен, кровля опиралась на периметр зубцов, но у Тайника была не боевая площадка, а боевой ход, идущий перпендикулярно пряслу стены. Мы не обозначили на модели XVI в. количество «западных боев» на прямоугольных башнях, потому что на данном участке оно одинаковое у всех (по 14), лишь на Косых воротах – 26 «западных боев»*. Однако на Тайнике их больше всех – целых 28!

Итак, ясно, что Тайник был наземным очень крупным трехъярусным сооружением, выходящим за общий контур кремлевского периметра. Он спускался к Москве-реке.

Два яруса Тайника разрушились уже через сто лет и от него остались одни арки в прясле и галереи. Так появились Тайницкие ворота. Именно в варианте сквозных двухъярусных ворот в проеме стены остатки Тайника изображены на рисунке А. Оллария (ил. 11), планах А. Готовцева, М.Ф. Казакова, Селехова. Еще большие уточнения по Тайнику на этом участке стены дает «Вид Коломны со стороны Бобренева монастыря» (ил. 23). На «Виде...» четко просматриваются остатки Тайника.

*Ширина фронтальных зубцов в форме ласточкина хвоста, определяющая шаг «западных боев», была различной для прясел и башен. На пряслах они были шире, на башнях – уже.

³⁵ Мазуров А.Б., Фролов А.Н. Росписной список г. Коломна... С. 15.

Ил. 23. Фрагмент «Вид Коломны со стороны Бобреновского монастыря» 1799 г. с Тайником в центре, рядом с Воскресенской башней.

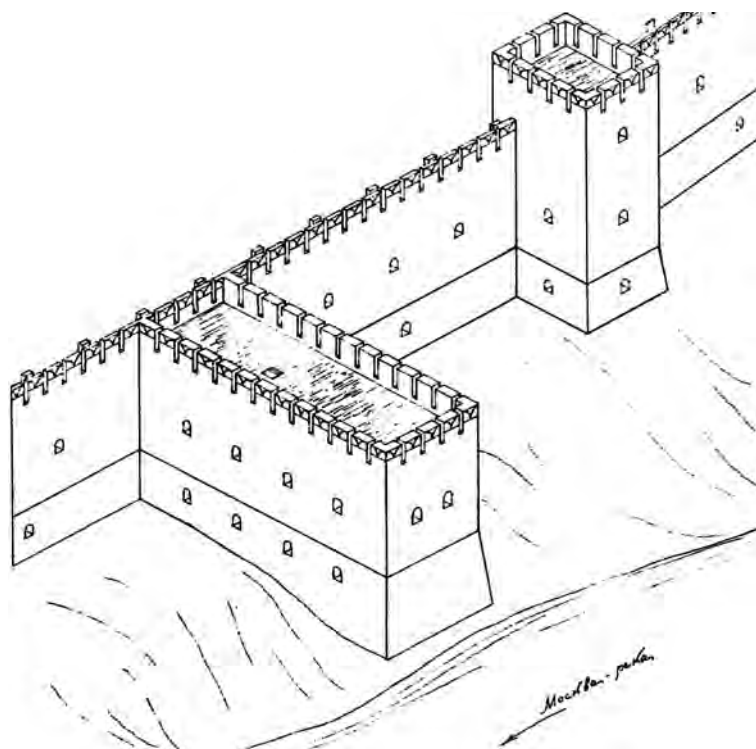

*Вместо красно-кирпичных стен Кремля изображены ровные, как будто оштукатуренные, серо-зеленые стены, количество фронтальных зубцов в пряслах не соответствует источникам – они изображены условно. Соблюдены пропорции в расстояниях и количестве башен, четко зафиксирована их последовательность на участке от Свибловой башни до Косых ворот.

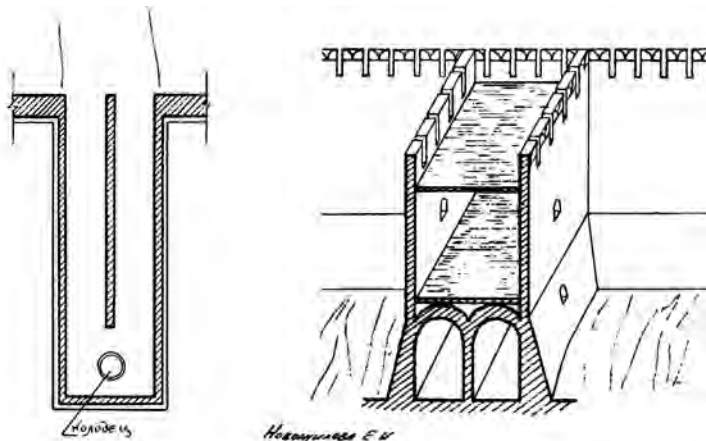
Вид не является идеально «фотографичным» изображением участка*. Однако данный источник дает более четкое представление о конструкции Тайника и уточняет все предыдущие источники. На «Виде 1799 г.» на расстоянии 7 западных окон (по письменным источникам – 13) от разрушенной Воскресенской башни, которая находилась напротив Тихвинской церкви и шатровой колокольни, обозначены Тайницкие ворота. При рассмотрении данного участка мы наблюдаем внутреннюю торцевую стену Тайника. Стена очень необычна тем, что в ней имеются две арки в цокольном этаже, над ними расположена одна узкая дверная арка, которая приходится на среднюю часть стены прясла по высоте. Завершается стена сверху 4 боевыми окнами, по бокам на ширину 5 зубцов стена обрамляется неровными выступами на высоту прясла. Данный фрагмент, письменные источники и планы помогают реконструировать внешний и внутренний вид Тайника (ил. 24, 25).

Тайник задумывался строителями не как две боевые башни, которые не только выдвигались вперед из стен крепости, но и возвышались над крепостной стеной от 2 до 10 сажень, поэтому в описании мы видим, что у него не 5 ярусов, как у других прямоугольных башен, а 3. Вот какое описание дает ему Писцовая книга 1577/78 г.: «Тайник камен в Москву реку, а у тайника решетка створчата древяна. Да у тайника же подошвенного бою восемь окон, да по верх тех десять окон, да заподных двадцать восемь окон. Мост по верх тайника древяны погнили, всход с тайника камен»³⁶. Другими словами, эта постройка не возвышалась, как другие башни, над стеной, а была вровень с ней, что фиксируется при замерах Тайника в XVII в. и отражено в нашей реконструкции. Высота остатка стен Тайника в 1678 г. составляла 4 сажени, а длина боковых стен Тайника, оставшихся после обрушения и отходящих перпендику-

³⁶ Города России... С. 2.

Ил. 24. Общий вид Тайника с фронтальной стороны Кремля. Реконструкция автора. Рисунок Е.И. Новожиловой.

Ил. 25. Вид Тайника сверху и в поперечном разрезе. Реконструкция автора. Рисунок Е.И. Новожиловой.

лярно от крепости к реке, — 13 и 9 сажений. Защищая подступы к воде во время осады, постройка Тайника сильно выдалась вперед по сравнению с другими башнями и Косыми воротами, заключая в себе галерейные ходы к Москве-реке. Таким образом, в представлениях средневековых строителей, Тайник — это не один из вариантов наземной башни или подземного устройства. Это масштабная специализированная постройка, защищавшая и прикрывавшая путь к воде в случае осады.

Внутреннее устройство сохранившихся прямоугольных башен позволяет представить себе внутреннюю конструкцию Тайника. Вероятно, перекрытия 2 и 3 ярусов Тайника тоже были не кирпичными, а деревянными.

Почему в Тайнике была не одна арочная галерея, а две? Архитектор С.П. Орловский высказал мнение, что это было сделано для повышения укрепленности: на случай, если стена будет пробита стенобитным орудием, то эту галерею можно изолировать решеткой. Другие предположения сводятся к практической разумности и обоснованности: одна галерея — это спуск к колодцу, другая — для подъема с водой наверх, т. е. для регулирования потоков движения.

Сохранились письменные свидетельства о бытовании Тайника в XVII в. У Павла Алеппского (1653/54 г.) мы читаем: «Внутри окружной стены заключаются большие, обширных размеров сводчатые подземелья, выходящие к реке, дабы можно было брать воду из нее в случае нужды и осады, ибо река частью подходит к подножию стены, где есть потаенная дверь с железной решеткою»³⁷. Павел Алеппский смог побывать в галереях. Он говорит, что «река частью подходит к подножию стены», что можно представить только для Тайника. Значит, строители добились нужного эффекта, задумав выдвигающийся к воде выступ в виде стены.

Сохранилось свидетельство об использовании галерей Тайника в качестве выхода из Кремля в XVII в. В 1667 г. заключенные в коломенской тюрьме практиковали походы в кабак совместно со сторожами: «сквозь город тайником на кружечный двор (располагался у Бобреновского моста. — *Н.М.*) ходили»³⁸. По-видимому, сторожа имели ключи от железной решетки Тайника. Это известие доказывает, что проходы в галереях вполне еще сохранялись.

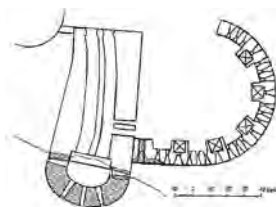
Выступающий массив Тайника имитировал линию прясла стены, но его стены были даже тоньше стен прямоугольных башен. Толщину стен Тайника хорошо видно на «Виде 1799 г.» (ил. 23) — они весьма тонкие. Строение, слишком далеко выступающее, с тонкой кладкой, перевязанное с более мощной крепостной стеной, на крутом перепаде рельефа у воды делало такую конструкцию подверженной разрушению. Поэтому Тайник стал первой крупной утратой Коломенского кремля. Когда у Тайника разрушились передняя и боковые стены и галереи — обнажились эти арки, которые со временем и стали Тайницкими воротами. Их изобразил сильно увеличенными на своем рисунке Олеарий в 1636 г. (ил. 11, в рамке 1). К 1778 г. Тайник развалился полностью, но арки

³⁷ Павел Алеппский. Указ. соч. С. 223.

³⁸ Булгаков М.Б. Государственные службы посадских людей в XVII веке. М., 2004. С. 159.

внутри прясла (начало двух галерей) простояли почти 300 лет. К началу XIX в. оставался также фундамент и развалины нижнего (галерейного) яруса Тайника, ведущие к реке, которые отмечали на своих планах А. Готовцев, М.Ф. Казаков, Селехов.

Устройство таких тайников было традицией оборонного зодчества в России. Так, в Болховском деревянном кремле второй половины XVII в. за линию стен выходило прясло с Тайничной башней «над колодезем». Имелись подобные сооружения в деревянных кремлях XVII в. Карачева (Тайничья башня с Тайником) и Новосила (ход-тайник от стены)³⁹. Для Коломенского Тайника находятся близкие аналогии в одно-временных по датам постройки каменных крепостях, предположительно возведенных под руководством итальянских архитекторов. Так, в последние годы XV в. ими, предположительно, была возведена крепость Ивангорода из плитняка. В 1507 – 1509 гг. в крепости была построена Колодезная башня с Тайником, который далеко выходил за стены крепости и спускался по крутому склону к колодцу. Двухарочный, трехъярусный Тайник был вырублен в скале⁴⁰. Во второй половине XVII в. в той же крепости был построен еще один Тайник, близкий по конструкции нижнего яруса коломенскому. От южной Новой (Водяной) башни Тайник из двух галерей вел к воде. Он представлял собой два рукава лестниц длиной около 50 м со сводчатыми перекрытиями (ил. 26, 27)⁴¹. Самой убедительной аналогией является Тайник Зарайского кремля, построенного в 1528 – 1531 гг. одновременно с Коломенским. Почти очевидно, что строители в Зарайск были

Ил. 26. План Тайника и батареи (Копонир) крепости Ивангород по чертежу 1857 г. Штриховкой показаны работы, произведенные в 1857 г.

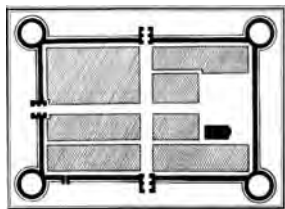

Ил. 27. Общий вид с юга ансамбля крепости Ивангород с Новой (Водяной) башней, Тайником и батареей Капонир.

³⁹ Неделин В.М. Кремли городов Орла, Мценска, Дивен, Болхова, Чернавска, Черни, Кром, Карачева и Новосила на чертежах XVII – начала XVIII века // Кремли России... С. 213, 218, 220.

⁴⁰ См. ил. 4 (С. 138) статьи М.И. Мильчика «Коломенский кремль в кругу древнерусских крепостей, построенных итальянцами» наст. сб.

⁴¹ Косточкин В.В. Крепость Ивангород // Крепостные сооружения Древней Руси / Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. Т. II / Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1952. С. 224 – 317.

Ил. 28. План Зарайского кремля по плану Андрея Готовцева.

Ил. 29. Общий вид Тайника в прясле стены с фронтальной стороны Зарайского кремля. Фото 2008 г.

Ил. 30. Тайник крупным планом с внешней стороны Зарайского кремля. Фото 2008 г.

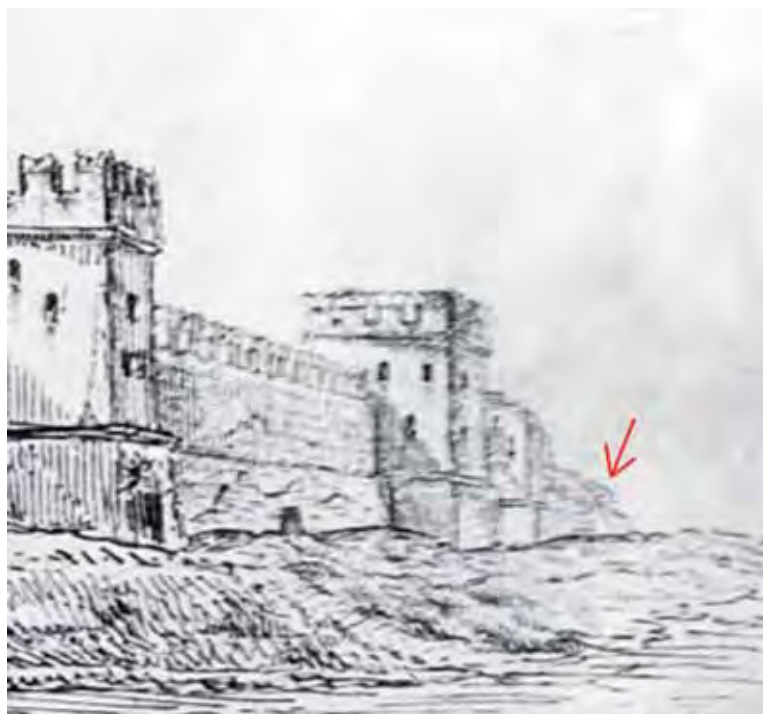

Ил. 31. Начало арочных галерей Тайника с тыльной стороны Зарайского кремля после раскрытия и реставрации. Фото 2008 г.

направлены из Коломны. Там ими было возведено сооружение, совершенно аналогичное реконструированному нами Тайнику в Коломне. Прямоугольный в плане Зарайский кремль (ил. 28) в два раза меньше Коломенского, но также имел трое проездных ворот-башен, четыре мощных наугольных башни и Тайник. Остатки Тайника в Зарайске были обнаружены при проведении натуральных исследований архитектором Г.П. Беловым в 1958 г. (ил. 29 – 31). В описи 1687 г. он характеризуется так: «Тайник кирпичной, в нем колодезь, водою в осадное время скудно не будет». Другие документы XVII в. сообщают: «А тайник в Зарайске один за городской стеной, ширина ему в проходе две сажени без чети, от стен городских девять сажен, а ходят в него по воду из города по стену, а в нем сруб, а воды в нем в глубину по мере сажень». Зарайский Тайник также имел двухарочный проем. Из наших исследований очевидно, что Зарайский и Коломенский Тайники имели одинаковую конструкцию в части наземного яруса из двух галерей, которые вели к источнику воды. Пока неясно, имелось ли наземное («отводное») прясло в Зарайске. Однако по наличию сейчас всхолмления с внешней стороны стен (это задернованные руины) можно полагать, что оно было. Сейчас не видны следы примыкания внешних стен Тайника к основному периметру кремля в Зарайске. Известно, что ремонт и вычинка стен Зарайского кремля проводились в 1863 – 1864 гг., и именно тогда следы примыкания могли быть сокрыты (или уничтожены вовсе) под новой кладкой из белого камня.

Вернемся к Тайнику Коломенского кремля. Вода Москвы-реки в первой трети XVI в. подступала к нему. Веком спустя произошло изменение гидрологического режима, Москва-река стала сильно разливаться и разрушать сооружение. В «Описи городских укреплений» Н.И. Бабина в 1629 г. отмечается: «Тайник не покрыт и выгорел и оболялся (т. е. обвалился. – Н.М.) весь»⁴². Иначе говоря, после Смуты на Тайнике не было ни кровли, ни деревянных перекрытий 2 и 3 этажей; сооружение имело множество обвалов. В XVII в. уже после разрушения Тайник стали воспринимать уже как башню: «а Тайницкая башня розвалилась вся» («Опись городов 1678 г.»). В Росписном списке уже 1678 г. читаем, что между оставшихся стен «... своды расселись. А к тому каменному тайнику прирублен прируб деревянной в вышину от Москвы реки четыре сажени, в ширину три сажени и тот прируб ветх. А воды в тайнике и в прирубке нет. В приход воинских людей для воды к Москве реке дойти немочно». Из источников мы видим, что во второй четверти XVII в. после пожара был сделан прируб к Тайнику. Иными словами, был возобновлен организованный доступ к воде для «приходу военных людей». Этот прируб заменил раз-

⁴² Фролов А.Н. Документы разрядного приказа... С. 109.

Ил. 32. Фрагмент рисунка М.Ф. Казакова. «Вид Свибловой башни» 1778 г. (стрелкой обозначены руины Тайника).

рушенную верхнюю кирпичную часть Тайника (как торец, так и частично боковые стены). Проходит еще около 50 лет, прируб обветшал, вода реки продолжает весной и в паводки подмывать остатки, а летом в меженину далеко отступать от них. Еще через сто лет, в 1778 г., на рисунке М.Ф. Казакова «Вид Свибловой башни» (ил. 32), на дальнем плане, после второй прямоугольной Сандыревской башни были зафиксированы руины не разрушенной Воскресенской башни (она стояла целой, что подтверждается «Видом 1799 г.»), а двух разрушенных стены Тайника: одна более короткая, другая более длинная.

* * *

Тайник может быть в XXI в. музеефицирован. Вероятно, под толщей культурного слоя и обломков кремлевских стен должны хорошо сохраниться кирпичная вымостка пола (или лестниц) галерей, а также основания самих стен. Проработка вопросов экспонирования этого уникального объекта Коломенского кремля — дело будущего.

Нам осталось разобрать еще один спорный вопрос — были ли ворота в Бобреньевской башне? По Писцовой книге 1577/78 г., их однозначно не существует. Значит, архитекторами они изначально не планировались в проекте Кремля. Не было этих ворот и судя по «Описи городских укреплений 1629 г.». В этом источнике все проездные башни именуются воротами, а «Ба-

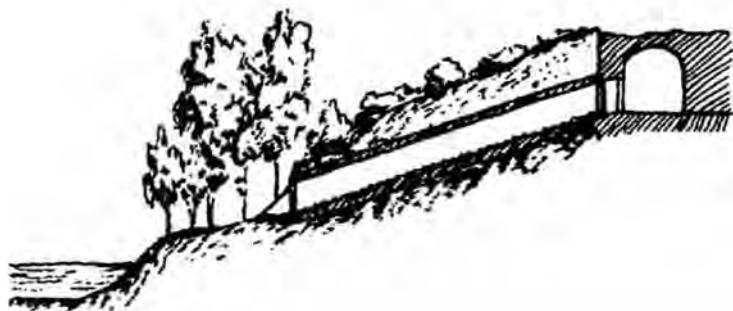
бренская башня» описана как глухая непроездная. Однако на рисунке А. Олеария 1636 г. (ил. 11, в рамке 2) эти ворота в Бобреновской башне уже изображены. Следовательно, воротный проем появился между 1629 и 1636 гг. Наличие прохода в Бобреновской башне достоверно зафиксировано «Росписным списком 1678 г.»: «В тое башню из города (т. е. с внутренней стороны стены. — *Н.М.*) у земли всход, а затвора у дверей нет. За городом (т. е. с внешней стороны. — *Н.М.*) та башня подсыпалась у земли вверх на две сажени»⁴³. Эти строки полностью подтверждаются рисунком М.Ф. Казакова с видом Свибловой башни и, особенно, «Видом 1799 г.» (ил. 22) — состояние башни оставалось стабильным. Действительно, в обвале кладки нижней части башни мы видим узкую дверную арку. Именно дверную (как в описи 1678 г.), т. к. она была значительно уже воротных проемов Пятницких, Ивановских и Косых ворот, обслуживавших значительные транспортные потоки. Очевидно, после того, как Водяные ворота пришли в аварийное состояние и были заложены, в Бобреновской башне был проделан компенсирующий отсутствие пешеходных ворот проем. Вероятно, ворота здесь были нужны не только, чтобы снабжать водой обитателей северо-восточного района Коломенского кремля. В районе Бобреновской башни прямо у уреза воды Москвы-реки располагался важный объект городского хозяйства — общественная казенная городская баня (единственная на весь город)⁴⁴. Она давала государству доход, и к ней надо было обеспечить удобный подход и со стороны Посада (от Бобреновского моста), и из Кремля. Итак, изначально существовали пешеходные Водяные ворота в прясле стены между Свибловой и Бобреновской башнями. К 1629 — 1636 гг. они пришли в аварийное состояние и были заложены. После этого пешеходные ворота пробрили в Бобреновской башне. Так изначально глухая башня стала проездной.

Подведем итоги нашего исследования. На северном участке Коломенского кремля по результатам моделирования мы насчитываем теперь 7 (а не 8) башен и 2 малых ворот (Мельничные и Водяные). Двух воротных башен (к Косым воротам добавлялись либо Мельничные, либо Бобреновские, как это предполагали Т.Н. Сергеева-Козина и Н.А. Рощина) в XVI в. тут однозначно не было.

Таким образом, проясняется общее количество башен по всему периметру Кремля — это 3 башни с проездными воротами, 3 башен (две из которых многогранные круглые, одна

⁴³ Мазуров А.Б., Фролов А.Н. Росписной список г. Коломны... С. 16.

⁴⁴ Булгаков М.Б. Общественная казенная баня в г. Коломне в XVII в. // История и культура Подмосковья: проблемы изучения и преподавания. Сб. материалов Второй областной науч.-прак. конф. (Коломна, 19 мая 2005 г.). Коломна, 2005. С. 39 — 42; План города Коломны в конце XVII в. // Градостроительство Московского государства XVI — XVII вв. М., 1994. С. 179.

Ил. 33. Принятый ранее вариант реконструкции коломенского Тайника.

многогранная, а еще 10 – прямоугольные) и 3 малых ворот внутри прясел. Выясняется, что ближе всех к подлинной реконструкции Коломенского кремля были И.К. Линдеман и Н.Н. Годлевский. В заблуждение исследователей вводил Тайник, который с какого-то времени стал восприниматься как подземное сооружение (ил. 33). На него не обращали внимания при исследовании источников, а при реконструкциях ему не находилось места.

Наше исследование подтвердило достоверность Писцовой книги 1577/78 г., и подозрения в ее неточности отпадают, несмотря на то, имеются ошибки, поддающиеся корректировке.

Комплексный анализ разнородных источников (письменных, картографических, изобразительных) позволяет твердо утверждать, что в периметре стен Кремля изначально в XVI в. (и потом, в XVII – XVIII вв.) имелось 16 башен, а также Тайник, который очень напоминал башню. В этом и состоял замысел итальянских архитекторов, имеющий аналогии в деревянных крепостях, крепости Ивангорода и Зарайском кремле. Тайник в XVI в. башней не считался, а в XVII в. уже после разрушения его стали называть Тайницкой башней. Затем то же самое название перешло на ближайшую соседнюю башню, что породило путаницу.

С.П. Орловский

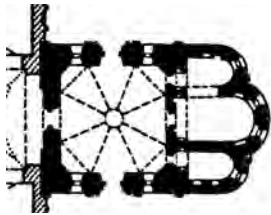
Памятник шатрового зодчества – церковь Успения в Коломенском кремле*

* Статья публикуется
в авторской редакции.

Для Коломны и Коломенского уезда весьма характерны памятники шатрового зодчества.

В округе Коломны сохранились три шатровые церкви¹. Это храм Успения Пресвятой Богородицы Успенского Брусенского монастыря², церковь Ильи Пророка в селе Пруссы³ и церковь Воскресенская в Городне⁴. На иллюстрации 1 показан план Успенской церкви в том состоянии памятника, которое мы восстановили в конце 90-х гг. XX в. Сейчас иное состояние здания. Новые владельцы пошли по тому же пути, по которому шли уже в 1883 г., когда были растесаны проемы, устроен проход между дьяконником и алтарем, растесаны оконные проемы.

Чудом сохранился, вернее, сохранялся камень (он был обнаружен во время работ 1883 г. и погиб около 1960 г.). Закладной камень был вставлен во время этих работ в западную пилястру на северном фасаде (ил. 2).

Ил. 1. План Успенской церкви.

Ил. 2. Закладной камень.

Он гласит: «Лета 7060 (1552) поставлена бы сия церковь / Успения Пресвятыя Богородица при благоверном царе / и великом князе Иване Васильевиче и при епископе коломенском Федосии». Нужно отметить, что до сего времени бытует несколько иное прочтение начала надписи: вместо «поставлена» читают «прославлена»⁵. Такое прочтение вызвано, вероятно, тем, что предыдущими исследователями привлекалась не подлинная надпись, а прорись ее, хранившаяся в материалах ИМАО.

¹ ПАМО. Вып. 3. М., 1999.

² «Внутри городе у Пречистые у брусеные в монастыре церковь Успенье Святей Богородицы, камена, а в церкви Деисус...». ПКМГ. СПб., 1872. Отд. 1. С. 306; РГАМ. Брусенский монастырь. Проект постройки трапезной. 1880. Ф. 54. Оп. 173. Д. 322. Л. 179 – 180.

³ «Владыки коломенского купля у ... Шереметевых ... в селе церковь Пророка Ильи камена». ПКМГ. СПб., 1872. Отд. 1. С. 492.

⁴ «С. Городна, а в селе церковь Воскресение Христово, камена, вверх, да другая церковь Ивана Милостиваго, тупая, древяна, клетцки...». Там же. С. 384.

⁵ Булич О.П. Коломна. М, 1928.

Действительно, на фото (ил. 3) хорошо видна лишняя стойка перед буквой «О», в прориси это место интерпретировано как лигатура «РО». После «С» хорошо различима буква «Т», в прориси превращенная в лигатуру «СЛ». Написание буквы «Т», вызвавшее ошибку в прориси, — некоторое смещение верхней перекладины относительно мачты — не должно смущать, в этой же надписи таким образом написана «Т» в слове «пресвятыя».

Итак, можно считать, что странная надпись «прославлена бысть» превратилась в обычное словосочетание «поставлена бы сия». К сожалению, поиски подлинной надписи пока результатов не дали. Несколько фотографий ее выполнены в 40–50-е гг. фотографом-краеведом В.Н. Шуруповым.

Писцовая книга 1577/78 г. сообщает о следующей постройке на монастыре: «Трапеза камена почета делать, а не свершена». Опись Брусенского монастыря от 1701 г. (обнаружена архитектором В.В. Кавельмахером) свидетельствует: «В том же монастыре другая церковь деревянная теплая с трапезою во имя Иоанна Златоустаго» (Л. 702 об.). Возможно, каменная трапезная так и была разобрана недостроенной. В Офицерской описи 1763/64 г. есть некоторые данные об архитектуре шатрового храма. Впервые упомянуты «два выхода (подвала) каменных длиною по четыре аршина, шириною по три сажени с аршином». Отмечены также «за много прошедшими годами во многих местах великие расседины». В 1786 г. сообщается, что трапезная церкви Успения «згорела и строится вновь».

На иллюстрации 4 шатровый памятник изображен в том виде, какой он приобрел в результате работ, осуществленных на средства купца Ф.Я. Ермакова, известного коломенского благотворителя. Его сестра была игуменьей Успенского Брусенского монастыря. Очень может быть, что в числе этих монахинь, изображенных на фоне придела Всех святых, есть и его сестра. Она умерла незадолго до революции 1917 г.

На снимке (ил. 5), сделанном после революции, видно, что состояние кладки и кровли очень плохое.

Ил. 3. Фрагмент закладного камня.

Ил. 4. Состояние памятника, полученное в результате работ, осуществленных на средства купца Ф.Я. Ермакова.

Ил. 5. Вид церкви после 1917 г.

Ил. 6. Церковь Успения.

Ил. 7. Акварель
Александрова. Около 1830 г.Ил. 8. Начало разрушения
здания.

Тем не менее, сохраняется тот вид (ил. 6), который, в принципе, был обнаружен сотрудниками Императорского археологического общества. Тогда был составлен акт о том, что многие детали из числа первоначальных сохранились. Однако исследовавшие этот памятник полагали завершение храма поздним. Снимок сделан после революции, когда здесь находился клуб местной тюрьмы. В монастыре было общежитие сотрудников, конвоиров, охранников.

Мы видим, что на акварели около 1830 г. (выполнена Александровым – чертежным помощником) памятник имеет несколько иные формы (ил. 7). Это к вопросу о том, что все-таки было на месте кокошников. В переходе от четверика к восьмирику изображена некая «опухоль». По-видимому, это полуразрушенные крупные кокошники, которые закрыты специальной кровлей. Появился двухъярусный барабан, увенчанный небольшой луковичной главкой, а перед церковью была трапезная с престолом во имя Казанской иконы Божьей Матери и большими палатами, выстроенными в псевдорусском стиле.

На иллюстрации 8 видно начало разрушений здания. У двухъярусного барабана верхний ярус полностью разобран, вместе с этим разобрана и луковичная мощная глава, но сохраняется поздняя металлическая обкладка. Весь шатер – с гуртами. Можно было бы предположить, что за этой металлической обкладкой кроются первоначальные формы и обкладка просто повторяет все эти первоначальные формы. На самом деле, к сожалению, это не так. Все было скромнее и проще.

Во время работ в 1970 г. (ил. 9) мы начали свои исследования с наиболее разрушенного – западного угла южного фасада. Перед ним был образован некий карман парапета придела Всех святых. Придел Всех святых – это был коридор к южному portalу храма и мертвецкая, что можно определить по посвящению придела и по назначению пристроя, который представлял собой церковь при больничной палате Успенского Брусенского монастыря.

Ил. 9. Реставрационные
работы 1970 г.

Ил. 10. Северный фасад.

Противоположный – северный фасад (ил. 10) – чуть ли не полностью перелицован работами 60-х гг. XX в. Во время этих работ погибла и белокаменная закладная доска, располагавшаяся на пилястре к западу от портала (ил. 2). Фотографии памятника сохранились и в фондах Императорского археологического общества. Есть они также в Московском областном историческом архиве.

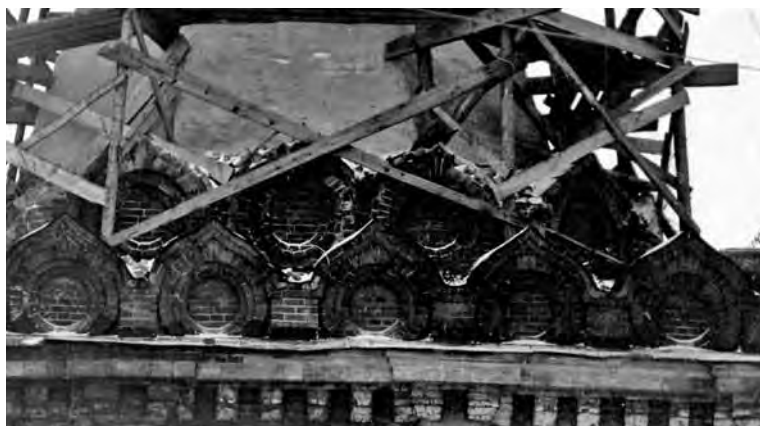
На иллюстрации 11 – глава в том состоянии, в котором мы обнаружили ее при начале работ. Поднявшись наверх и вскрыв часть металлической облицовки, мы обнаружили четыре окна.

Исследование первоначального вида окон показали, что они вверх и вширь растесаны (ил. 12). Верх хорошо определялся остатками белокаменной плоской перемычки. От низа сохранилась только центральная часть с заметным отпечатком от оконницы, по-видимому, деревянной. Видно влияние атмосферных осадков, образовавших такой след, по которому мы определили ширину оконных проемов и восстановили их. А сохранившиеся гвозди в своде барабана и многочисленные обломки чернолощеной черепицы – «утюг» и «бобровый хвост» – дали возможность восстановить отмеченную архитекторами ИМАО лещадное покрытие.

Ил. 11. Глава здания.

Ил. 12. Низ окна.
Виден след оконницы.

Ил. 13. Пояс кокошников.

Следом за восстановлением верха памятника перед нами встала задача определить, что это за кокошники (ил. 13, 14). Было совершенно очевидно, что они представляют собой нечто позднее. Это заметно по характеру и размерам кирпича, по жесткости форм. Но сама по себе шапка кокошников на углах у шатра и пояс кокошников, проходящий по алтарю — явления, достаточно нам известные. Алтарные кокошники есть и у храма святого Уара в Москве, и на храме святого Антипия Колымажного двора.

Ил. 14. Кокошник.

Пришлось делать большие раскрытия, чтобы определить происхождение этих кокошников. Выяснилось, что изначально здесь был гладкий шатер, местами сохранявший еще обмазку. Западная стена шатра вообще не получила этих кокошников. Именно это и позволило нам достаточно смело обойтись с этими ярусами поздних кокошников, разобрав их.

На иллюстрации 15 мы видим восстановление кокошников. До начала работ сохранялись ендовы с отпечатками деревянных водометов, которые были положены на капители пилястр, причем здесь хорошо видно, что появившийся в XVII в. при

Ил. 15. Восстановительные работы.

перестройке бегунец к первоначальному зданию не имеет отношения. Мы сохранили этот бегунец на невидимой стороне шатра, там, где все перекрыто скатной кровлей. На трех остальных фасадах бегунец разобрали до уровня первоначальной кладки XVI в., которая хорошо определялась по цвету раствора. Во время проведения реставрационных работ автор постоянно консультировался с коллегами. Хотелось бы выразить огромную благодарность архитекторам ЦНРМ: Б.Л. Альтшуллеру, С.С. Подъяпольскому, Л.А. Давиду; и своим друзьям по областной реставрации: М.Б. Чернышеву и В.В. Кавельмахеру.

Как выяснилось, украшения памятника были почти полностью срублены. Видно, что полностью утрачен декор окна (ил. 16); он будет встречаться среди следующих фотофиксаций. Белокаменные цоколи портала (ил. 17) сохранились только потому, что уровень пола их закрыл. Выше заметна белокаменная дольчатая дынька — она тоже уничтожена. Ее реставрация выполнена домазками, чтобы сохранить первоначальный вид.

Мы увидели, что после перестроек XVII, XVIII, XIX вв. на соседних окнах остался след от бровки (ил. 18). Она полностью восстановлена на первом окошке и повторена на остальных.

Ил. 16. Окно с сохранившейся подлинной решеткой XVI в.

Ил. 17. Декор памятника почти не сохранился.

Ил. 18. После перестроек на соседних окнах остался след от бровки.

Ил. 19. Часть южного портала.

Ил. 20. Южный фасад.

Надо сказать, что весь декор арки как снаружи, так и внутри был сделан совершенно из другого, маломерного, кирпича, в то время как остальной кирпич (большемер) был обычного размера (30 x 15 x 7,5 см). Здесь достаточно хорошо виден верхний карниз XVII в. с бегунцом. Поребрик XVI в., над поребриком три ряда тоже XVI в., а дальше перекладка XVII в.. Причем перекладка была сделана так, что часть кокошников все-таки сохранилась.

Более детальная часть южного портала показана на иллюстрации 19. Мы ее долепляли, и сейчас она в том же виде, что и на подлинном памятнике.

В ходе дальнейшей работе по расчистке южного фасада (ил. 20) полностью разобрали позднейший, 1883 г., придел. Мы заложили арку поздней трапезной, восстановив на ней по образцу прочих фасадов наличники конца XIX в. — такие же, как и на всем здании больничных палат.

На части восточной стены (ил. 21) перекладок значительно больше, бегунец и поребрик вообще исчезли. Здесь памятник претерпел очень большие разрушения. К северу алтарной части стены наблюдается то же самое (ил. 22).

Ил. 21. Часть восточной стены.

Ил. 22. Северная сторона стены алтарной части.

Ил. 23. Следы нескольких кровель.

Хорошо заметны следы многих кровель алтарной части (ил. 23). Наши исследования позволили определить «трехконьковую» конструкцию.

Центральное окно алтаря было переделано в XVII и потом в XIX в. (ил. 24). Типичный «ушастый» наличник XVII в. тоже погиб при перестройке в XIX в.

Когда мы восстанавливали внешний облик, то в большом количестве использовали те следы, которые остались в кладке. Остались откосы первоначальных окон и там, где центральная апсида, мы смогли восстановить окна на первоначальных местах.

Интересные раскрытия были сделаны в интерьере алтаря. Здесь мы видим несколько полов: сверху лежал так называемый подольский мрамор — это желтоватые известняки, затем треугольная гжельская лещадь (XVIII в.), а следующие ромбовидные плитки — это первоначальные полы (ил. 25).

Ил. 24. Центральное окно алтаря.

Ил. 25. Несколько наслоений полов.

Ил. 26. Пол просел на полметра, сохранилась известковая подготовка.

Интересно, что эти полы находятся там, где они должны были быть и где сохранились благодаря тому, что лежат на твердом фундаменте. Однако приблизительно на полметра они равномерно ушли (ил. 26). Необходимо было выяснить, вследствие чего это произошло? Сначала мы думали, поверив данным архитекторов XIX в., которые проводили исследования, что есть крипта под алтарем. Однако никакой крипты обнаружено не было. Мы заложили глубокий шурф на 4 метра. Этот памятник оказался интересен, кроме всего прочего, тем, что он стоит на двухкамерном подвале. Причем это не подклет, а настоящий подвал: две камеры в направлении запад – восток. Вполне можно было предположить: если есть подвал, есть и крипта. Но мы не дошли до материка. Вся церковь была поставлена на овраг, который шел по направлению к Михайловским воротам. Там происходили и происходят гидрогеологические процессы. Они вызвали, по-видимому, такое вымывание основания, которое позволило очень равномерно осесть всей подготовке под пол. Даже вблизи стен, где это разрушение должно было идти менее интенсивно, все равно все осело практически одинаково. Конечно, была сохранность этой вымостки в проходе к жертвеннику. Мы отмечали такой вид разрушений, также вызванный гидрогеологией, на другом коломенском памятнике – церкви Сергия Радонежского Богоявленского Старо-Голутвина монастыря. Там кирпичные полы в одностолпной палате осели точно таким образом.

Первоначально Успенский Брусенский монастырь был мужским. Одна из надгробных плит (ил. 27), которая была найдена в закладке карнизов XVII в., гласила, что в XVI в. пре-

Ил. 27. Надгробная плита, найденная в закладке карнизов.

ставился схимник, причем псковский житель. Известно, что аналогичные надгробия других лиц находили на территории монастыря и ранее.

Надо сказать, что поблизости от храма Успения Божьей Матери Успенского Брусенского монастыря стоит памятник, поставленный приблизительно в то же время — это Ильинская церковь в селе Прусы (ил. 28)⁶. У епископа Феодосия, вероятно, было тяготение к шатровому зодчеству.

Реконструкция Е.И. Рузаевой (ил. 29) показывает, что это совершенно отличный от церкви Успения памятник. Он тоже был перестроен в XVII в. (его реставрацией никто не занимался). Надо сказать, что в это время появляется большое количество шатровых памятников, но абсолютно иного вида.

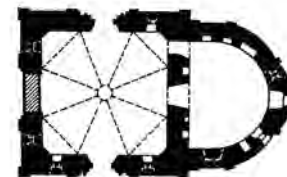
В церкви Успения была глухая стена, отделяющая дьяконник, — это весьма известный прием. То же было сделано в Городищах* в XIV в., за два века до постройки Успенской церкви. По всей вероятности, это связано с существованием какого-то отдельного патронального престола. В Пруссах нет стены в дьяконнике, но и дьяконской двери тоже нет — только два проема, что достаточно обычное явление (ил. 30)⁷.

Церковь Николая Долгошея г. Рязани⁸ — памятник, который считался долгое время вообще утраченным (ил. 31). Храм цел и до сего времени. К нему затруднителен подход, потому что там находится какое-то предприятие. Возможно, со временем нам удастся исследовать этот образец шатрового зодчества.

Ил. 29. Ильинская церковь. Реконструкция Е.И. Рузаевой.

* Имеется в виду церковь Зачатия Иоанна Предтечи на Городище. См. ил. 14 на с. 210.

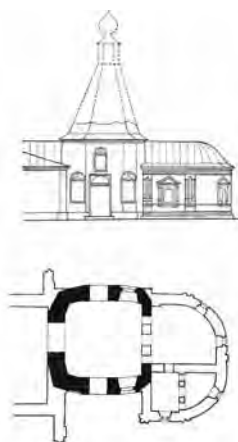

Ил. 30. План Ильинской церкви.

⁶ РГАМ. Ф. 54. Проект ремонта церкви 1885 г. Оп. 142. Д. 4. Л. 38, 50, 268.

⁷ Рузаева Е.И. Ильинская церковь в с. Прусы // Новые исследования. М., 1997.

⁸ Рязань. Фотоальбом / Введение Вагнера Г.К. М., 1971. С. 78.

Ил. 31. План храма
Николаы Долгошея,
Рязань.

Ил. 32. Церковь Косьмы
и Дамиана в Муроме,
1555 – 1565 гг.
Вид с востока.

Все эти памятники объединяет одно: в свое время предполагалось, что это оригинальный тип памятников, в котором отсутствует восьмерик перехода от четверика к восьмигранному шатру. На самом деле, этот восьмерик есть на всех рассматриваемых памятниках. Он начинается просто прямо от пола. Эти тромпы имеют гораздо более сложную систему потому, что в интерьер памятника выходят деревянные конструкции перехода к парусам. Паруса образованы напуском кирпича. Мы не знаем, как это произошло, потому что многие шатры упали после того, как сгнили несущие деревянные балки в основании шатра. Надо заметить вообще активное использование дерева в интерьере Успенского храма. В алтаре над престолом была устроена сень. В четверик выходила из восточной стены деревянная консоль для паникадила.

Для того чтобы убедиться, насколько разнообразна была архитектура этих шатровых памятников, можно посмотреть некоторые храмы Мурома (ил. 32). Шатровые памятники известны и в Городне⁹. К сожалению, у одного из них* в последние годы алтарной пристройкой искажен башнеобразный вид. То же самое мы наблюдаем и на примере Успенской церкви Брусенского монастыря: здесь убрали все деревянные конструкции, которые мы восстановили. Мы отреставрировали надпрестольную сень, поставили кирпичный престол, который более характерен для того времени. Но на сегодняшний день разобраны четверти, престол, закладка между дьяконником и центральным алтарем и т. д.

* Вероятно, речь идет о памятнике шатрового зодчества XVI в. в с. Городня Ступинского района Московской области – Воскресенской церкви. См. прим. 4 на с. 178.

⁹ Ильин М.А. Русское шатровое зодчество. Памятники середины XVI века. М., 1980.

Успенская шатровая церковь Брусенского монастыря. Фото 2009 г.

М.А. Маханько

Икона «Иоанн Предтеча Ангел пустыни» конца XIV в. из Коломны (ГТГ) и образ царского ангела в грозненском искусстве

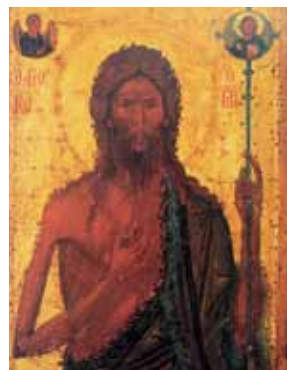
*Памяти
Виктора Михайловича Сорокатого*

Общеизвестно, что расцвет иконографии пророка Иоанна Предтечи в царствование Ивана Грозного был обусловлен тем обстоятельством, что первый русский царь имел своим небесным покровителем именно последнего пророка Израиля¹. Патриональное значение изображений Иоанна Предтечи в искусстве почти всего XVI в. (с 30-х до 80-х гг.) было несомненным, это положение не требовало объяснений. Однако, рассматривая изображения царского ангела в искусстве грозненской эпохи, можно задаться вопросом: почему выбирали тот или иной извод? Существовал ли образ, которому отдавали предпочтение, было ли их несколько?

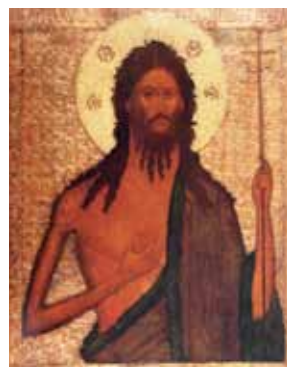
Такие образцы, конечно же, существовали. Исследователи обратили внимание, что многие иконные образы Предтечи XVI в., прежде всего времени царя Ивана, несомненно, связанные с прославлением царского небесного покровителя, созданные в лучших московских мастерских, находятся под влиянием поствизантийских и балканских изображений. Ряд русских икон середины XVI в. с поясным изображением Иоанна Предтечи восходят к той же художественной и иконографической традиции, что и иконы поздневизантийского времени, созданные для монашеского обихода. Общим качеством для них является иссушенное аскезой, прикрытое лишь милотью тело пророка, что подчеркивает близость его духовно-нравственного пути

¹ Из всей обширной литературы, затрагивающей эту тему, упомянем: Постникова-Лосева М.М. Три камня Гос. Оружейной палаты // ПКНО, 1975. М., 1976. С. 220 – 233. С. 224; Сорокатый В.М. Некоторые надгробные иконостасы Архангельского собора Московского Кремля // Древнерусское искусство: Проблемы и атрибуции. М., 1977. С. 408 – 409; Schwartz E.C. The Angel of the Wilderness: Russian Icons and the Byzantine Legacy // Byzantinoslavica. 1997. Vol. LVIII. P. 169 – 174. Образ Предтечи оказал влияние на поведение царя в церемониях, составлявших часть церковных празднеств, например, «хождение на осляти», подробнее см.: Баталов А.Л., Вячанина Т.Н. Об идейном значении и интерпретации иерусалимского образа в русской архитектуре XVI – XVII веков // Архитектурное наследство. М., 1988. Вып. 36. С. 22 – 42; Flier S.M. Emperor As the Mythmaker: Ivan The Terrible and The Palm Sunday Ritual // Medieval Russian Culture. Berkeley; Los-Angeles; London, 1990. Vol. 1. P. 86 – 124; idem. The Iconology of Royal Ritual in Sixteenth-Century Moscow // Byzantium Studies: Essays on the Slavic World and the Eleventh Century. New York, 1992. № 4. P. 53 – 76.

идеалам византийского монашества. Среди таких памятников особенно важна поздневизантийская двусторонняя икона третьей четверти XIV в. из афонского монастыря Пантократор с образом Иоанна Предтечи на лицевой стороне и композицией «Богородица с Младенцем и Иоанном Предтечей» на обороте² (ил. 1). Поясной образ пророка на лицевой стороне этой выносной иконы настолько близок некоторым русским иконам грозненского времени, что они воспринимаются точным его воспроизведением; с первого взгляда возникает мысль о сознательном «копировании» если не самой иконы из монастыря Пантократор, то какого-то очень близкого к ней произведения. При этом сами русские иконы столь сходны между собой, что исследователи признают их общее происхождение или же связь с каким-то значимым столичным образцом. Об их создании в связи с каким-то повелением государя свидетельствует расположение некоторых (лучших) в царских храмах, например, в приделе во имя Входа в Иерусалим Благовещенского собора Московского Кремля. Так же, как на афонской иконе и на иконах из придела во имя Входа в Иерусалим Благовещенского собора Московского Кремля³ (ил. 2), Успенского собора Рязанского кремля⁴ (ил. 3), из Толгского монастыря близ Ярославля⁵ (ил. 4), пророк представлен по пояс. Его фигура свободно размещена в среднике, так что головой и локтями он касается краев ковчега. Образу свойственно сочетание аскетической истощенности, крайней сухости членов, особенно очевидной в изображении чрезвычайно узких предплечий и рук, подчеркнутых оголенных ребрах — и внутренней силы, духовной мощи, драматической одухотворенности, выраженной не только в могучих пропорциях торса, с широкими плечами и грудью, волнистых пышных локонах прически, вольно разбегающихся по плечам и перемешивающихся с завитками милоти, но и в чертах лица — скорбных, суровых, с опущенными губами, подчеркнутыми скулами, выступающими надбровными дугами, придающими взгляду глубину и пронзительность. Одинаково расположены руки Предтечи: правая в именованном сложении поднесена к груди, в левой он придерживает посох, оканчивающийся процветшим крестом (пожалуй, эта деталь являет единственное отступление от афонского образца, на котором посох Иоанна заканчивался круглым медальоном

Ил. 1. Иоанн Предтеча с ангелом. Третья четверть XIV в. Лицевая сторона двусторонней иконы. Монастырь Пантократор, Афон.

Ил. 2. Иоанн Предтеча. Вторая половина XVI в. Музей Московского Кремля.

² Θεσσαυροι του Αγίου Ορητος. Θεσσαλονίκη, 1997. Кат. 2. 19. Σ. 80 — 81.

³ Качалова И.Я., Маясова Н.А., Щенникова Л.А. Благовещенский собор: к 500-летию уникального памятника русской культуры. М., 1990. Ил. 202. С. 71; Вера и Власть: эпоха Ивана Грозного. Каталог выставки. М., 2007. Кат. 32. С. 92 — 93.

⁴ Искусство рязанских земель: Альбом-каталог / Сост. Н.В. Дмитриева, Г.С. Клокова, А.В. Силкин. М., 1993. Кат. 11. С. 14, 20. Ил. 27, 28; Вера и Власть. Цит. изд. Кат. № 31. С. 90 — 91.

⁵ Ярославский художественный музей. Альбом. М., 1983. С. 7. Табл. 6; 1000-летие русской художественной культуры. Каталог выставки. М., 1988. Кат. 106. С. 86, 345 — 346.

Ил. 3. Иоанн Предтеча.
Вторая половина XVI в.
Рязанский
художественный музей.

Ил. 4. Иоанн Предтеча.
Вторая половина XVI в.
Ярославский
художественный музей.

с образом Христа Пантократора — деталью, вероятно, указующей на посвящение монастыря, для которого предназначалась икона). На всех иконах поразительно схоже изображена милоть, покрывающая левое плечо, руку и бок фигуры и опоясывающая ее, при этом с левого плеча резко опускается вертикальная складка, геометризмом образуя своеобразную параллель острому углу согнутой в локте левой руке. Ориентация на палеологовский образец отразилась даже в колористическом решении одежды Иоанна: на ярославской иконе и иконе из Благовещенского собора так же, как на афонской иконе, милоть написана коричневой охрой темного оттенка, а ее опушь — темным, почти черно-синим цветом. На иконе из Рязани милоть имеет оливково-коричневый основной цвет, согласный с зеленоватым полупрозрачным колером фона и нежно-голубой цвет меховых завитков. Рязанский образ отличается повышенной декоративностью, когда выющимся деталям, например, завиткам прически и бороды придан спиралевидный характер, нарочитая удлиненность, так что верхние «космочки» выходят за границу ковчега, подобно язычку пламени, прорывающегося из-под спуда. Излишняя изогнутость линий в чертах лика придает образу нехарактерную для других воспроизведений ироничность и надменность.

Все перечисленные русские иконы сразу же после создания приобрели драгоценные оклады. Возможно, их цветовое решение избиралось именно из расчета на сочетание с сияющим металлическим обрамлением (до наших дней первоначальный оклад сохранился на иконе из Благовещенского собора Московского Кремля). Такой же особенностью обладал и афонский протограф, также имевший в свое время металлический оклад, о чем свидетельствуют остатки многочисленных гвоздиков прежде всего, на лицевой стороне. На повторение греческого образца в русских иконах может указывать также такая особенность ярославской иконы, как двойная подпись. На иконе из Толгского монастыря имя пророка представлено дважды: слева вертикально расположена надпись «оагиос иоаннис» как своеобразная параллель посоху, справа, между нимбом и посохом — «о продромос». При этом над головой пророка, слева от нимба, находится часть еще одной подписи: три первые буквы «иоа». Надписи нуждаются в палеографическом исследовании, которое помогло бы найти ответ на вопрос, почему были необходимы они обе.

В повторении афонского образца или его столитного, константинопольского протографа, принадлежащего, возможно, одной руке, выразилось хорошее знание мастерами и заказчиками грозненской эпохи лучших произведений, связанных с афонским и константинопольским наследием и разработанных в нем иконографических изводов Предтечи. Выбор такого произведения в качестве образца, вероятнее всего, не был

случаен: икона из монастыря Пантократор является уникальной по программности, многоплановости своей иконографической программы и художественной значимости. Недаром эта икона, не так давно ставшая объектом научного осмысления, сразу же привлекла внимание исследователей средневекового искусства, отметивших сходство ее художественных особенностей с памятниками московского искусства рубежа XIV — XV вв.⁶, уникальность изображения на оборотной стороне, где святой представлен в позе ктитора, подносящего в качестве дара Богоматери и Младенцу-Спасителю собственную голову в чаше, свой личный подвиг во имя Христово⁷. Многогранность ее смыслов, выраженную предельно краткими средствами изобразительного искусства позднепалеологовской эпохи по достоинству должны были оценить знатоки грозненского времени. Не исключено, что о ней в Москве стало известно благодаря устным рассказам многочисленных афонских посольств или же благодаря подносной иконе небольшого формата, созданной специально для русского царя⁸. О том, что подобный тип Предтечи оказался востребован в придворном искусстве эпохи Грозного не только в произведениях иконописи, свидетельствует использование для фресковой росписи одного из малых куполов Архангельского собора поясного аскета Предтечи, с нагим телом, прикрытым милотью, правой рукой, поднесенной к груди с именованным перстосложением⁹. Примечательно, что фреска с этим образом располагалась в куполе над диаконником, а также что извод Предтечи-аскета был соотнесен с его же изводом «Ангела пустыни» — за спиной пророка раскинуты мощные крылья. В связи с особенностями формата в композицию вошли лишь верхние части крыл, их укрупненность и «многосоставность»

⁶ Осташенко Е.Я. Русское искусство XIV — начала XV вв. и византийское искусство эпохи Палеологов: о соотношении стилистического развития // Византийский мир: искусство Константинополя и национальные традиции: к 2000-летию христианства. М., 2005. С. 503, 506. Ил. 23 на с. 505. Автор датирует икону рубежом XIV — XV вв.

⁷ Преображенский А.С. Иконография надгробной композиции на южном фасаде собора Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря // Древнерусское искусство: Дионисий. К юбилею росписи собора Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря. М., 2002. С. 200. Ил. на с. 198 — 199.

⁸ О привозах икон и реликвий с православного Востока, в том числе из афонских монастырей, на Русь в эпоху Ивана Грозного см.: Посольская книга по связям России с Грецией (с православными иерархами и монастырями). 1588 — 1594. М., 1988. С. 99; Пятницкий Ю.А. Один из путей проникновения памятников балканского искусства в Россию // Древнерусское искусство: Балканы. Русь. СПб., 1995. С. 229 — 241; Чеснокова Н.П. Восточные иерархи в Москве в середине XVII в. (по материалам Посольского приказа) // Патриарх Никон и его время: Сб. науч. тр. / Отв. ред. и сост. Е.М. Юхименко. М., 2004. С. 40 — 53; Стерлигова И.А. Византийские драгоценности в Московском Кремле XIV — XVII вв. // Византийские древности в собрании музеев Московского Кремля. В печати.

⁹ Сизов Е.С. Храм Архангела Михаила на соборной площади Кремля // Архангельский собор Московского Кремля / Науч. ред. и сост. Н.А. Маясова. М., 2002. С. 65. Ил. 21. Фресковая живопись была поновлена в 1652 — 1666 гг., однако повторила сюжеты и графью более ранних фресок 1564 — 1566 гг.

создают ощущение мощи, грандиозности образа. Вышеизложенные предположения важны в нашем стремлении отыскать образцы, избиравшиеся для икон царского ангела.

Прославлением своего патрона Иван Грозный в какой-то степени (возможно, большей частью) позиционировал самого себя, царский статус, с которым соотносил себя целиком и полностью. Свое положение и предназначение он расценивал равнозначным святости. Лучше всего можно понять эту особенность его самосознания, вспомнив, как ревниво он отнесся к факту возведения каменной церкви во имя святого патрона князя Владимира Воротынского в Кирилло-Белозерском монастыре, имевшей мемориальный характер и располагавшейся над погребением князя-инока¹⁰. Можно предположить, что на подобную самооценку повлияло отношение современников к факту его рождения, а также некоторые личные особенности характера¹¹.

Известно, что ожидание наследника для великого князя Василия III было долгим испытанием, можно сказать, искушением. «Моление о чадородии» государя имело следствием паломнические поездки великого князя¹² к русским святым, богатые вклады, изменения в некоторых вопросах церковной политики (например, прекращение длительного периода «вдовства» новгородской епархии).

По наблюдению А.Г. Мельника, именно в эпоху великого князя Василия III складывается устойчивая традиция возводить церкви и учреждать придельные престолы в честь святых, имена которых носили члены правящей династии, а именно в честь ангела наследника престола¹³. По совокупности

¹⁰ В вину вдове покойного князя и всей феодальной аристократии царь Иван поставил нарушение нескольких, с его точки зрения, очевидных норм поведения. Возведение мемориальной церкви царь называл «гордыни есть и величания образ, еже подобно есть царстей власти церковью и гробницею и покровом почитатися» (Послание в Кирилло-Белозерский монастырь // Памятники литературы Древней Руси. XVI в. М., 1978. С. 152), т. е. устройство церкви, гробницы (кенотафа) и надгробного покрова царь объявил, прежде всего, царской, своей прерогативой и поведение вдовы Воротынского расценил как покушение на собственный статус. Лишь затем царь Иван осудил строительство каменного храма во имя небесного покровителя погребенного князя: «мимо чудотворца над ним церковь» (Там же).

¹¹ О внутренней неуверенности царя Ивана в легитимности своих прав на престол как факторе, повлиявшем на его отношения с отечественной элитой или внешней политикой, см.: Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений середины XVI в. М., 2003. С. 62 – 63.

¹² Зимин А.А. Россия на пороге нового времени. М., 1972. С. 295, 307. О значении этой традиции в эпоху Ивана Грозного см.: Полосин И.И. Монастырские «объезды» Ивана IV (из истории военной политики России) // он же. Социально-политическая история России XVI – начала XVII веков. Сб. статей. М., 1963. С. 64 – 123; Kollmann S.N. Pilgrimage, Procession and Symbolic Space in 16-century Russian Politics // Medieval Russian Culture / Ed. by M.S. Flier a. D. Rowland (California Slavic Studies XIX). Berkeley; Los-Angeles; London, 1994. P. 163 – 181.

¹³ Мельник А.Г. Практика посвящений храмов во имя великокняжеских и царских святых в XVI в. // Царь и царство в русском общественном сознании (Мировосприятие и самосознание русского общества. Вып. 2). М., 1999. С. 38 – 48.

летописных известий, а также местоположению известных, в том числе сохранившихся, престолов можно заключить, что подобные события происходили при непосредственном участии государя и по его воле. При Василии III подобные храмоздательные «акции» в разных местах приурочивались к одному дню, «охватывая» всю страну. Так в 1531 г., в связи с годовщиной рождения наследника, вероятно, одновременно были заложены деревянные церкви во имя Усекновения главы Иоанна Предтечи (патрональный праздник княжича Ивана Васильевича) с приделами у церкви Благовещения на Старом Ваганькове в Москве и на территории каменного Детинца в Великом Новгороде¹⁴. Видимо, тогда же была заложена и каменная церковь с тем же посвящением в Кирилло-Белозерском монастыре, наряду с церковью в честь небесных покровителей счастливых родителей: Архангела Гавриила (второго небесного патрона великого князя Василия III) и равноапостольных Константина и Елены, образовавшая своеобразный церковно-архитектурный фамильный ансамбль, залог продолжения династии на территории одного из самых прославленных монастырей¹⁵. Это исполнение государева обета в разных уголках державы, прежде всего, в крупнейших духовных центрах государства, наряду с благочестивыми паломничествами к национальным святым и благодарениями, вкладами и украшениями в основанных ими обителях, должно было служить объединению страны.

Рождение долгожданного сына великого князя было прославлено не только церковными празднованиями, возведением храмов, но и в произведениях изобразительного искусства. Некоторые можно достаточно уверенно связать с фактами рождения будущего государя или его личным предпочтением, сформированным под влиянием произведений, приуроченных к его появлению на свет.

Одним из первых следует считать изображение, исполненное на медной пластинке, помещенной на центральном валике Васильевских врат 1336 г. церковных дверей новгородской Софии¹⁶. Оно выполнено в технике золотой наводки, как

¹⁴ Там же. С. 39 — 40. О новгородской церкви см. упоминание: Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода: Художественный металл XI — XV в. / Под ред. И. А. Стерлиговой. М., 1996. Кат. 76. С. 297 — 321 (автор описания Ю.А. Пятницкий).

¹⁵ Мельник А.Г. Практика посвящений храмов... С. 40.

¹⁶ Николаева Т.В. Прикладное искусство Московской Руси. М., 1976. С. 56 — 64. Рис. 23; Рогов А.И. Александров. Л., 1979. С. 65. Ил. 59; Декоративно-прикладное искусство... С. 320. В.В. Кавельмахер предположил, что Васильевские врата были не просто смонтированы в Александровой слободе, а были собраны из элементов нескольких златописных дверей, происходящих из Софийского собора Новгорода (К истории Васильевских дверей Софии Новгородской // Кавельмахер В.В. Древности Александровой Слободы: Сб. науч. тр. М., 2008. С. 199 — 217). Ссылаясь на мнение В.Н. Лазарева, В.В. Кавельмахер считает, что несовершенство рисунка на пластинах с изображениями Иоанна Предтечи и эдесских исповедников святых Гурия, Самона и Авива, по сравнению с композициями закругленного верха врат, относимых ко времени новгородского правления Макария (1526 — 1542), а также грубость крепления

Ил. 5. Иоанн Предтеча
Ангел пустыни. XVI в.
Музей «Александрова
Слобода», Александров.

и другие фрагменты, появившиеся на древних вратах на рубеже 1520 — 1530-х гг., когда врата были перенесены в соборный придел во имя святых Гурия, Самона и Авива¹⁷. В создании этого изображения исследователи видят завершение мероприятий, связанных с «молением о чадородии» московской правящей четы, проводимых по просьбе великого князя новгородским владыкой Макарием¹⁸. Как известно из летописей, архиепископ Макарий, возглавивший новгородскую кафедру после длительного периода духовного «вдовства» (которое могло рассматриваться как причина длительного бесплодия правящей четы), служил особые службы «о чадородии великой княгини Елены»¹⁹. Ю.А. Пятницкий считает, что появление подобного образа прямо указывает на почитание новорожденного наследника московского престола, является благодарностью за исполнение «моления о чадородии» и может быть отнесено к определенной дате: к годовщине рождения княжича Ивана — 26 августа 1531 г.²⁰

Фигура Предтечи Ангела пустыни занимает центральное место, располагаясь на середине высоты самих дверей, ниже изображения Богоматери Оранты и обращенной к ней молитвы (1336 г.). Пророк представлен в рост, с руками, плотно прижатыми к телу, что обусловлено узким форматом (ил. 5). В левой руке он держит свернутый свиток и посох, правой рукой он указывает на процветший крест в навершии посоха. Предтеча облачен во власяницу, опускающуюся ниже колен, и недлинный хитон, оставляющий открытыми босые ноги. Пышные длинные волосы облегают голову, образуют характерные «космочки», придающие тревожность и вдохновенную взволнованность образу пророка. Разбросанные по плечам пряди перемешиваются с завитками власяницы и прядями бороды. Нос с горбинкой, резкие морщины в углах рта и на щеке; приподнятые брови обозначают византийский или балканский образец. В изображении крыльев есть характерная особенность — они имеют довольно крупное «сочленение» с телом, своеобразный сустав, соединяющий собственно «маховые перья» с плечами Иоанна. Перья опускаются строго вертикально, а верх крыла образует округлость, своего рода покрытую более короткими перьями «коленку».

пластин к нащельнику врат, свидетельствуют о более позднем времени ее создания (Там же. С. 203). К какому бы времени исследователи ни относили создание образа крылатого Предтечи на валике Васильевских врат, бесспорным остается связь этого изображения с личностью царя, а не посвящением придельного храма новгородского кафедрала.

¹⁷ Декоративно-прикладное искусство... С. 320.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Лебедев Н. Макарий, митрополит всероссийский (1482 — 1563) // ЧОДАП. М., 1877. Кн. 10. С. 453, 472; Декоративно-прикладное искусство... С. 320.

²⁰ Николаева Т.В. Указ. соч. С. 56; Декоративно-прикладное искусство... С. 320.

Еще одно произведение было создано в те же годы и может быть отнесено к завершающим «моление о чадородии» благодарным вотивным творениям. Это местная икона церкви во имя «Усекновения честных главы Иоанна Предтечи»²¹ Кирилло-Белозерского монастыря. Замысел иконы, как и всего здания, несомненно, исходил из окружения государя. Церковь была возведена великим князем Василием Ивановичем в 1531 – 1534 гг. в числе нескольких церквей обители и тогда же украшена иконами и необходимой церковной утварью. Ее посвящение указывает на патрональное назначение и почитание небесного ангела наследника²².

На правой стороне местного ряда иконостаса, на втором месте, находилась храмовая икона – житийный образ Иоанна Предтечи. Пророк в среднике был изображен стоящим, крылатым, т. е. в том варианте, который и называется «Ангел пустыни»: «Образ Иоанна Предтечи настоящей крылат, в руке держашу главу свою»; правой рукой он благословляет и одновременно указывает на находящуюся в левой руке чашу с отрубленной главой и развернутый свиток²³. Икона к концу XVI в. имела богатый приклад, вероятнее всего, благодаря усилиям того, чьего святого покровителя она представляла²⁴.

Неслучаен был уже выбор места для строительства этой церкви: «на горе, где Кирила чудотворца первое прихождение было»²⁵. Возводя храм на месте первого пребывания святого основателя и покровителя обители и посвящая его патрональному празднику младенца, несомненно, желали и искали заступничества преподобного Кирилла, стремились заручиться его покровительством будущему наследнику государства.

²¹ Описание имущества и строений Кирилло-Белозерского монастыря 1601 г. / Комм. изд. СПб., 1998. С. 157.

²² Мельник А.Г. Практика посвящений храмов... С. 38 – 41; О традиции обетного строительства правящей семьи в Кирилло-Белозерском монастыре см.: Баталов А.А. Московское каменное зодчество конца XVI в.: проблемы художественного мышления эпохи. М., 1996. С. 38.

²³ Описание имущества и строений... С. 158. Икона хранится в фондах ГРМ (инв. № ДРЖ 1333, размер 111,0 x 93,0 см), куда поступила из Кириллова в 1922 г. По словам сотрудника отдела древнерусского искусства И.Д. Соловьевой (которой автор чрезвычайно признателен за подробную консультацию по состоянию сохранности и внешнему облику иконы), ее первоначальная живопись почти не сохранилась, пробные расчистки выявили лишь поздние слои XVIII – XIX вв. Неоднократные поновления и записи свидетельствуют о почитании и бережном отношении. Житийный цикл включает четырнадцать сцен, надписи в которых не сохранились. По мнению И.Д. Соловьевой это: 1. Благовещение Захарии; 2. Встреча у Золотых ворот; 3. Рождество; 4. Принесение во храм; 5. Крещение; 10. Обретение главы; 11. Иоанн Предтеча перед Иродом; 12. Взятие под стражу (?) 13. Усекновение главы; 14. Неизвестная сцена (Иоанн Предтеча склоняется над лежащей фигурой). Упоминания об иконе, см.: Малкин М.Г. Два живописных ансамбля круга Дионисия и его преемников // Древнерусское искусство. Художественная культура Русского Севера. М., 1989. С. 131 – 142. С. 135 – 136; Описание имущества и строений... С. 265 – 266 (комментарии).

²⁴ Описание имущества и строений... С. 158. Его составляли две серебряные позолоченные гривны с камнями и жемчугом, а также две пелены, вседневная и праздничная.

²⁵ Там же.

Здесь следует отметить очень важное обстоятельство, помогающее понять, почему рождение наследника великий князь сопрягал с благодарными, обетными действиями, обращенными к преподобному Кириллу.

В житии преподобного Кирилла было чудо, связанное с «молением о чадородии». К преподобному было прислано посольство от князя Михаила Белевского с супругой Марией с просьбой молиться о «разрешении неплодия»²⁶. Чудесный дар преподобного проявился уже при первой встрече с посланниками, когда он первым сообщил, что знает об их миссии; кроме того, в ту же ночь князь и его жена имели схожее видение во сне: преподобный явился им с тремя сосудами в руках, вручая их как исполнение просимого. Это чудо проиллюстрировано в произведениях, созданных в начале XVI в. и вложенных в Кирилло-Белозерский монастырь — житийной иконе святого и лицевой пелене. Вероятно, не только икона, но и прорись для шитого образа были созданы в мастерской Дионисия или его окружения. Оно передано подробно, в двух композициях на лицевой пелене с образом преподобного Кирилла и его житием на каймах — на левом поле, в центре (преподобный беседует с пришедшими боярами, вручая впереди стоящему что-то, возможно, хлеб²⁷, и является во сне белевскому князю), а также на иконе преподобного Кирилла с житием, стоявшей в местном ряду Успенского собора монастыря (в двух клеймах, по сторонам средника с образом чудотворца в рост — преподобный принимает послов князя и является спящему князю и его супруге во сне)²⁸. Икона и пелена составляли замечательный по целостности ансамбль. Исследователи связывают пелену с произведениями мастерской великой княгини Соломонии Сабуровой. Возможно, по заказу государя или государыни была написана и икона.

Несомненно, что московской правящей семье было известно это чудо, сделавшее причастными святости одного из самых прославленных преподобных Древней Руси белевских князей — не самой выдающейся отрасли обширного и древнего черниговского княжеского дома. Икона «Одигитрии Беловской», вероятно, фамильная святыня белевских князей, сохранялась в

²⁶ Житие преподобного отца нашего Кирилла, игумена обители Пречистой Богородицы, которая на Белом озере // Жизнеописания достопамятных людей земли русской (X — XX вв.). М., 1992. С. 90 — 91.

²⁷ Еще одно чудо было явлено после отъезда послов: данного им монастырского хлеба хватило на весь путь. В этом видно сходство с чудесными насыщениями тысяч, о которых повествуется в Евангелиях (Мф. XIV, 15 — 21; XV, 30 — 39).

²⁸ Обе — в ГРМ. Об иконе см.: Смирнова Э.С. Московская икона XIV — XVII вв. Л., 1988. С. 295 — 296, илл. 155 — 157; Faith and Power: Byzantium in 1261 — 1557: Catalog of exhibition / Ed. H. Evans. New York, 2004. Cat. 197. P. 327 — 329; о пелене: Маясова Н.А. Древнерусское шитье. М., 1971. С. 26. Ил. 40; Древнерусское декоративно-прикладное искусство XV — XVII вв. в собрании ГРМ. Л., 1985. Кат. 93. С. 207; Faith and Power. Op. cit. Cat. 198. P. 329 — 330.

Москве в конце XVI – XVII вв.²⁹ как комнатная икона во дворце государей. Учитывая, что Белев среди других городов Северских земель перешел в подданство Москвы в начале XVI в., можно предположить, что фамильная икона стала частью иконной сокровищницы уже при Василии III, а в силу личных обстоятельств приобрела заметное место во дворце.

О возложении больших надежд на русских иноков-чудотворцев в период «моления о чадородии» и о благодарности, радостном исполнении данных обетов, свидетельствуют поступки государя, ставшего наконец отцом. Младенец княжич Иван Васильевич при крещении был опущен в раку на мощи преподобного Сергия Радонежского³⁰. Воспоминания об этом событии великого князя Василия Ивановича, которыми он поделился на смертном одре с игуменом Троице-Сергиевского монастыря Иоасафом, вошли в текст «Повести о смерти Василия III» (после 1534 г.)³¹. Подобные отношения делали преподобного Сергия прямым покровителем царя, не меньшим, чем святой «сродник» или ангел имени. Неслучайно паломничества к Троице становятся ежегодными именно со времени Ивана Грозного и продолжают быть таковыми для всех его преемников, независимо от того, бывали они обременены заботами о «неплодии» или же нет.

²⁹ «Застенок» от этой иконы упомянут в описи «застенков» в составе описи Образной палаты 1669 г. По надписи на «застеночной» пелене икона определялась как «Пречистые Беловские», см.: Успенский А.И. Церковно-археологическое хранилище при Московском дворце в XVII в. М., 1902. С. 72. В описи государевой Шатерной казны конца XVII в. (Забелин И.Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М., 2003. Т. 3. Материалы к т. I, ч. I. № 102. С. 685) сохранилось описание иконы в государевой Столовой палате, которая по надписи на «застенке» тождественна Белевской Одигитрии. Она имела богатейший приклад, который если свидетельствует не о древности, то хотя бы о силе почитания уже в московский период бытования.

³⁰ «И егда же царское отроча прияша от святых купели Данил [преподобный Даниил Переяславский, игумен Троицкого монастыря в Переславле-Залесском — *здесь и далее прим. автора*] и Касиан [преподобный Кассиан Босой] и тогда взят его у них игумен [Иоасаф Скрипицын — будущий митрополит московский (1539 — 1542)] и шед с ним во святыи олтарь царскими дврми и знамена его у святого престола, та же и у образа...И по сих сам царь взем новопросвещенное чадо и положи его во честную раку на целбоносныи мощи свягаго Сергия...помолися: "о преподобные светилниче чудотворивый Сергие! Ты отцем отец...и молитвою твоею даровал ми еси чадо..." И тако скончав молитву, мало уступив от раки. Игумен же взем отроча от раки и...вдаст его на руке самодержавному отцу его» — см.: Никоновская летопись (Летописный сб., именуемый Патриаршей или Никоновскою летописью. СПб., 1906. Т. 13. С. 51).

³¹ «...дал мне бог и великий чудотворец Сергии вашим молением и прошением сына Ивана, и аз крестил его у чудотворца и дал есми его чудотворцу и на раку чудотворцеву его положил, и вам, отче, на руки сына моего дал, и вы молитве бога и пречистую его мать и великих чудотворцов о Иванне о сыне и о моеи жене» — Новгородская IV летопись по списку Дубровского // ПСРА. Л., 1929. Т. 4. Ч. 1. Вып. 3. 2-е изд. С. 559). В монастыре св. Сергия с XV в. крестили первенцев-сыновей правящей династии: возможно, там был крещен князь Иван III (родился в 1440 г.); как предполагают исследователи, в 1479 г. был крещен сын Ивана III от Софьи (Зои), Василий (См.: Kollmann N. Op.cit. P. 165. Fn. 15). Дети великокняжеской (царской) семьи бывали крещены в других монастырях Москвы или Кремля, например, в Чудовом.

Похожие обряды, приуроченные к каким-то церемониям после рождения наследника, могли состояться у гробов митрополитов Московских и чудотворцев Петра и Алексия, в Успенском соборе и соборе Чудова монастыря. Согласно летописным описаниям московских тревог в ожидании прихода крымского хана в 1541 г., все надежды возлагались на московских чудотворцев, которым, по словам боярского приговора, покойный государь своего сына «на руки дал»³². Возможно, такие беспрецедентные мероприятия и церемонии также были обусловлены желанием Василия III укрепить положение своего долгожданного наследника авторитетом прежде всего национальных святых. Эта прямая и тесная связь с великими заступниками Руси делала самого будущего государя и царя причастным их святости, покровительству всей земле.

Сразу после рождения, в 1531 г., т. е. в тот же период, что и создание обетных церквей в честь ангела наследника, предпринимаются мероприятия по созданию драгоценных раков московских святителей³³. Вероятно, к этим же годам относится формирование иконографического извода «Богоматери Моление о народе», в котором среди народа возвышается фигура святого митрополита Петра Московского как наиболее важного заступника за государя и государство. Именно ко времени Василия III относится написание подобной иконы, находящейся ныне на северной стене Успенского собора Московского Кремля. О растущей популярности этой композиции при самом царе Иване, а точнее, при святителе Макарии, митрополите Московском, по чьим молитвам в том числе и появился долгожданный наследник, свидетельствуют такие памятники, как икона «Богоматерь Моление о народе со святителем Петром митрополитом Московским» второй четверти — середины XVI в. из Владимирской

³² «...А чудотворцев и Москва на кого оставити?...Положити великого князя на Бога и пречистую Его Богоматерь и на чудотворцев Петра и Алексия, а те о Руской земле и о наших государех попечение имеют; а отец его князь великий Василей тем чудотворцем Петру и Алексею сына своего великого князя Ивана и на руки дал» — Никоновская летопись... С. 104 — 105; Реликвии по известиям русских летописей XI — XVII веков / Сост. М.А. Маханько, Е.М. Саенкова // Реликвии Византии и Древней Руси: Письменные источники / Ред. и сост. А.М. Лидов. М., 2006. С. 357.

³³ 1531 (7039) — «месяца Генваря, в двадцать шестое лето государства его, начаша делати раки святым...» (Никоновская летопись... С. 92); «О раках... великий государь Василий Иванович всея руси милостивый, нищелюбивый, с великою верою и любовью часто приходящи к святейшей велицей церкви Пречистыя и всенепорочныя богоматери ко гробу святытеля Петра чудотворца ...лобызая со слезами великий государь честныя и святыя их мощи и особе и наедине...и в молитву подвизает их о прижитии чад...обеты сердца своего исполнити хотя святым чудотворцем, раки мощем их повеле делати со всяким царским устроением, святому и великому Петру чудотворцу раку злату вычеканити, образ злат Петра чудотворца, и камением драгим украсити, а страны у ракии серебряны, а святому Алексею чудотворцу раку серебряну, а на раке образ его позлатити, а столпцы у раки позлатити же» — см.: Летописец начала царства // ПСРЛ. М., 1965. Т. 29. С. 16.

церкви в Вологде³⁴, лицевая пелена, возможно, исполнявшая роль архиерейской палицы, с шитой композицией «Моление о народе», в которой среди молящихся Богоматери представлены наиболее известные христианские святые (такие, как Николай Угодник) и суздальские чтимые святые³⁵. «Моление о чадородии» государя при Василии Ивановиче стало действительно делом всего общества и Церкви, его благополучное завершение могло восприниматься как залог целостности и мирного процветания державы.

Во всяком случае те русские святые, к которым обращался с «молением о чадородии» Василий III, оставались «адресатами» драгоценных подношений и после рождения княжича Ивана. Для молодого царя Ивана ожидание наследника и вопрос о наследовании престола будут не менее драматичными, чем для его отца. Продолжая «дело отца», царь Иван начинает создание драгоценных раков к гробам преподобных Сергия и Кирилла, митрополитов Петра и Алексия и других прославленных русских святых. Завершение части этих мероприятий происходит при наследнике Грозного, царе Федоре Ивановиче.

Возвращаясь к изображению на центральном валике Васильевских врат, рискнем предположить, что образ крылатого Предтечи, вероятно, изначально соотносился с княжичем Иваном Васильевичем, являлся своеобразной «моделью» его «мерной иконы»³⁶.

Существуют произведения, которые по некоторым признакам сходны с исследуемой программой, но не имеют точной привязки к определенному месту, времени и историческому лицу. В Новгородском музее хранится пядничная икона «Иоанн Предтеча крылатый» (т. е. Ангел пустыни. — *М.М.*) в серебряном басменном окладе³⁷ (ил. 6). Сохранность живописи не позволяет уверенно оценить композицию. Фигура крылатого пророка помещена в центре свободно. В левой руке Предтечи свиток, «стоящий» на руке, как бы спущенный с неба, — мотив, характерный для пророческих изводов уже в палеологовском искусстве и унаследованный русским искусством XV — XVI в. Большие крылья опущены прямо, их верх имеет

Ил. 6. Иоанн Предтеча крылатый, со святыми на полях. XVI в. Новгородский объединенный музей-заповедник.

³⁴ Иконы Вологды XIII — XVI вв. М., 2008. № 71. С. 432 — 441 (автор описания А.С. Преображенский).

³⁵ Родина М.Е. Арсений Элассонский — архиепископ Суздальский. Новые уникальные экспонаты Владимиро-Суздальского музея-заповедника конца XIV — XVII вв. // Зубовские чтения. М., 2008. Вып. 4. С. 67.

³⁶ О мерных иконах см.: Самойлова Т.Е. К истории возникновения традиции написания мерных икон // Древнерусское искусство. Русское искусство позднего средневековья. XVI в. СПб., 2003. С. 360 — 367. Автор считает, что появление их относится к рождению второго сына Ивана Васильевича и Анастасии, Ивана, нареченного в честь преподобного Иоанна Лествичника. См. также: Вера и Власть... Кат. 35 — 37. С. 98 — 103.

³⁷ Инв. № НГМ-2956. Размер 42,5 x 35 см. Точное происхождение памятника неизвестно, кроме принадлежности к довоенной коллекции музея, см.: Гордиенко Э.А., Трифонова А.Н. Каталог серебряных окладов Новгородского музея-заповедника // Музей. Художественные собрания СССР. М., 1983. Вып. 6. С. 209 — 254. Кат. 6. С. 232.

Ил. 7. Иоанн Предтеча
Ангел пустыни. Начало
XVI в. Государственная
Третьяковская галерея.

Ил. 8. Иоанн Предтеча
Ангел пустыни, с житием.
Вторая половина XVI в.
Ярославский
художественный музей.

округлость, боковая часть — легкий изгиб. Их монументальность, объемность, определенная массивность, спокойное величие контрастируют с утонченностью фигуры, мелочностью черт. Крылья широко расставлены, промежутки между ними и телом пророка, как и весь «свет» иконы, украшены фрагментами басмы, что создает ощущение аскетической бестелесности, почти бесплотности персонажа, его растворенности в пространстве. Фоном служат высокие волнообразные горки. У ног пророка — блюдо с главой, выделенной нимбом.

К сожалению, затруднения при атрибуции этой иконы связаны не только с плохой сохранностью ее живописи. Оказывает влияние и то обстоятельство, что существует довольно большое количество икон в разных музейных собраниях, принадлежащих к единому типу. Это пядницы, воспроизводящие Иоанна Предтечу крылатого: например, икона из собрания ГТГ³⁸ (ил. 7), имеющая датировку началом XVI в. (вероятно, прежде всего благодаря чрезвычайно светлым, достаточно ярким цветам одежд пророка — золотисто-желтым, голубым, розовато-охристым); или из музея в Рязани, не имеющей никакого уточнения в атрибуции, кроме как XVI в.³⁹ Иконы Предтечи, в том числе крылатого, писали и до Грозного, и после. Следует отметить, что датировка широкого круга памятников, хранящихся в разных музейных и частных собраниях и представляющих «массовую продукцию» иконописания своего времени, остается незавершенной, но важной проблемой. Например, пядница из собрания ГТГ по композиционным и иконографическим особенностям, а также деталям стиля достаточно близка изображению Предтечи в искусстве Ярославля середины XVI в., например, в среднике житийной иконы неустановленного происхождения из собрания Ярославского художественного музея (ил. 8). Мы видим сходные удлиненные пропорции, на пяднице из собрания ГТГ еще более утрированно вытянутые, нежели на ярославской иконе, утонченные, измельченные кисти рук и стопы; мелкие, изящные черты лица. Все эти признаки миниатюризации образа легко и гармонично сочетаются с монументализацией: фигура пророка отличается величием, она занимает всю высоту средника, голова «упирается» в верхний край ковчега, так что накладной металлический нимб «разрывает» полосу басменного оклада на верхнем поле. Фигура Предтечи на пяднице из Третьяковской галереи имеет необычную каплевидную форму, когда довольно узкие торс и плечи в верхней части соединены

³⁸ Антонова В.И., Мнева Н.Е. Каталог древнерусской живописи XI — начала XVIII века ГТГ: Опыт историко-художественной классификации. М., 1963. Т. I. № 297. С. 353. Инв. № 14709, размер 26 x 21 см. Ныне выставлена в экспозиции драгоценной кладовой в ГТГ.

³⁹ Щеглова Т.П. Рязанский областной художественный музей: Каталог. Л., 1982. С. 13, 14 (ил.); Искусство рязанских земель... Кат. 12. Ил. 29. С. 21, 48.

с могучими, задрапированными бедрами в средней части, а общий силуэт плавно стекает к тонким, близко поставленным ногам с маленькими, хрупкими стопами. Величественный образ на небольшой иконе складывается также благодаря размашистым, сильно раскинутым крылам, почти закрывающим свет фона, а еще — при сопоставлении с низенькими кустиками пустынной поросли на светлом фоне. Так же, как на ярославском изображении середины XVI в., на пяднице ГТГ пророк держит правую руку перед грудью, а в левой, прижатой к боку руке находится чаша с главой, очень небольшого размера по сравнению с памятниками столичного круга, и свиток с канонической надписью. Очевидно, основой для атрибуции пядницы из собрания ГТГ как произведения начала XVI в. послужил нежный и одновременно сияющий колорит, построенный на сочетании светло-золотистых охр и голубого тона. Возможно, подобные пядницы являются подносными списками с почитаемой иконы Предтечи-ангела какого-то монастыря. Традиция создания таких икон известна по произведениям новгородских владычных мастеров, еще в середине XVI в. писавших для подношения паломникам или важным лицам пядницы, копировавшие почитаемые иконы новгородского Софийского собора («Предста царица...»), в том числе с местными святыми («Спас на престоле с архиепископом Евфимием Вяжищским», «Богоматерь с Младенцем на престоле и епископом Никитой Новгородским»). Возможно, эта традиция существовала и раньше, что требует дополнительного изучения. Для истории новгородской пядницы этот важный вопрос остается открытым, возможно, навсегда. Можно лишь выявить иные факторы, способные как-то уточнить обстоятельства ее создания.

Басма новгородской пядничной иконы сходна с окладами икон Софийского собора, созданными при архиепископе Макарии (1526 — 1542) в период 30 — 40-х гг. XVI в. Это родство может указывать на связь небольшой пядницы с владычными мастерами или заказами. Интересно, что на боковых полях изображены святые князя Борис и Глеб в рост, в княжеских одеждах. Как и Предтеча-ангел, они смотрят прямо перед собой, предстоят перед молящимся. Возможно, при выборе святых учитывался какой-то покровительственный момент — соименность неизвестному заказчику. Однако следует принимать во внимание, что оба святых — древнейшие покровители правящего княжеского рода и страстотерпцы. Эти смысловые параллели позволяют предположить, что икона была связана с покровительством правящему дому.

Не стоит забывать, что в Софийском соборе Новгорода издавна существовал придел, посвященный памяти Усекновения главы Иоанна Предтечи (в северной галерее). С ним была связана активная деятельность в 1540 — 1550-х гг. архиепископа

Ил. 9. Иоанн Предтеча
Ангел пустыни. Камея.
Середина XVI в. Музеи
Московского Кремля.

Феодосия, преемника Макария на новгородской кафедре. Он в 1547 г. обновил захоронение архиепископа Иоанна в приделе, устроил надгробную икону и установил празднование памяти владыке Иоанну⁴⁰; при архиепископе Пимене в 1559 г. к мощам святителя Иоанна была устроена деревянная рака и тогда же, по мнению специалистов, сделан проход к мощам святителя, сопровождавшийся поднятием и настилкой полов⁴¹. Не исключено, что икона, принадлежавшая музейному собранию еще с довоенных времен, была как-то связана с убранством придела или работами, проводимыми в нем⁴². Сами эти мероприятия, несомненно, также связаны с почитанием не только новгородского святителя, но и небесного патрона московского государя.

Тесная связь образа крылатого пророка с личностью самого государя сохранилась и позднее. Его образ присутствует на предметах высочайшего символического значения, связанных с молодым царем Иваном. Такова панагия-мошевик с камеей из сардоникса (ил. 9), созданная, по мнению исследователей, специально для церемонии венчания на царство в 1547 г.⁴³ Темная фигура крылатого Иоанна резко выделяется на молочно-белом фоне. Благодаря цвету, удлинненным пропорциям тела, утонченным рук и ног, образ пророка производит впечатление бесплотного, особенно рядом с могучими крыльями, которые вырезаны в более светлом слое, а потому воспринимаются как более легкие, полупрозрачные. Его правая рука поднята и отведена в сторону. В левой руке – чаша с главой и посох с процветшим крестом. М.М. Постникова-Лосева считала, что изображение свитка на камее было опущено сознательно из-за того, что буквы были бы слишком мелкими и читать их было бы трудно. Избранными атрибутами – посох и чаша с усеченной главой – подчеркивается именно «страстная» часть, мученический подвиг Предтечи, предваряющий путь Самого Спасителя⁴⁴.

⁴⁰ Новгородская IV летопись... С. 621; Новгородская II летопись // ПСРА. М., 1982. Т. 30. С. 177, 201 – 202; Янин В.Л. Некрополь новгородского Софийского собора. М., 1988. С. 161 – 162.

⁴¹ Описание Новгородского Софийского собора // Тр. XV археологического съезда в Новгороде 1911 г. М., 1916. Т. 2. С. 77; Янин В.Л. Указ. соч. С. 163. От раки уцелела лицевая стенка и крышка с живописным изображением, выполненным в XVIII в., см.: Пleshанова И.И. Резные фигуры «старцев» в собрании ГРМ // ПКНО, 1974. М., 1975. С. 276.

⁴² Среди икон, украшавших интерьер новгородской Софии, известных по опубликованным описям XVIII – первой трети XIX вв., похожий образ выявить не удалось. Возможно, что не все даже окладные пядницы могли учитываться при описях. Вероятно, что икона могла происходить из личных покоев новгородских владык или другой церкви новгородского Детинца.

⁴³ Постникова-Лосева М.М. Указ. соч. С. 222 – 226; Бобровницкая И.А. Произведения кремлевских златокузнецов XVI в. // Гос. Оружейная палата Московского Кремля. М., 1988. С. 71; Вера и Власть... М., 2007. Кат. 33. С. 94 – 95.

⁴⁴ О преемственности мученического подвига Предтечи и Спасителя, литургической символике главы см.: Плюханова М.Б. Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995. С. 101 – 104; Schwartz E. Op. cit. P.171 – 172.

Этот мошевик был создан как очень личное произведение, предназначенное именно для молодого государя: на обороте золотой оправы находилось сделанное в технике черни изображение Тита, апостола от 70-ти, еще одного небесного покровителя царя Ивана, родившегося в день его памяти (25 августа)⁴⁵. Перечень вложенных в панагию мошей может сравниться с реликвариями самого высокого, константинопольского происхождения⁴⁶. Сочетание изображений на лицевой и оборотной стороне изделия, уровень святых, вложенных в нее, ценность материала и красота художественного исполнения, определенная ориентация на византийские традиции личных императорских икон⁴⁷ — все это указывает на следование определенной, чрезвычайно продуманной программе, в которой, несомненно, большое значение придавалось изводу и облику главного небесного покровителя.

Изображение царского ангела также использовалось в качестве «печати», знака, удостоверяющего причастность государя к созданию чего-либо. В середине XVI в. была переделана древняя серебряная панагия Соловецкого монастыря второй половины XV в. (ГММК)⁴⁸. На нижней стороне находится поясное изображение Иоанна Предтечи в облике ангела пустыни. Композиция представляет собой фрагмент изображения в рост (ил. 10): окончания крыльев, выющаяся складка хитона за спиной, как и свиток, срезаны внутренней рамкой. Интересен выразительный рисунок крыльев: сустав, соединяющий их со спиной, имеет вид перекрученного жгута с бахромой по нижнему краю. Подобный мотив характерен для поздневизантийской и балканской живописи, прежде всего для «крылатых» персонажей: Предтечи⁴⁹ или ангелов. Драматизм, присущий образу пророка на панагии, также позволяет связывать использованный для его создания протограф с византийской

Ил. 10. Иоанн Предтеча Ангел пустыни. 1560-е гг. Музей Московского Кремля.

⁴⁵ Постникова-Лосева М.М. Указ. соч. С. 224, 227.

⁴⁶ Опубликовано по описи Большой государевой шкатулы, см.: Там же. С. 227. Внутренний вид, см.: Христианские реликвии в Московском Кремле: Кат. выставки / Сост. А.М. Лидов, И.А. Стерлигова. М., 2000. С. 30.

⁴⁷ Неслучайно первому Московскому патриарху Иову в связи с поставлением на патриаршество царской четой была поднесена панагия, также украшенная византийской камеей (XII в., с Распятием), см.: Мартынова М.В. Московская эмаль XV — XVII вв.: Каталог. М., 2002. Кат. 18. С. 46 — 47. В таком дару могла учитываться тема симфонии не только властей, но и инсигний, им присущих.

⁴⁸ Моршакова Е.А. Собрание мелкой пластики Соловецкого монастыря. Начальный этап формирования // Резные иконостасы и деревянная скульптура Русского Севера: Материалы конф. Архангельск, 1995. С. 169 — 177. С. 172 — 173. Ил. С. 177; Она же. Богослужебные предметы Соловецкой ризницы // Соловецкий монастырь. М., 2001. С. 315 — 316; Она же. Драгоценное убранство храмов // Сохранные святыни Соловецкого монастыря: Кат. выставки. М., 2001. 146 — 147; Описи Соловецкого монастыря XVI в.: Комм. изд. / Сост. З.В. Дмитриева, Е.В. Крушельницкая, М.И. Мильчик. СПб., 2003. С. 193 — 194.

⁴⁹ Похожую «конструкцию», без «бахромь» по нижнему краю имеют крылья на иконе Иоанна Предтечи Ангела пустыни 1609 г. из сербского монастыря Дечаны, см.: Постникова-Лосева М.М. Указ. соч. С. 225, 227.

и афонской традицией: власы с «космочками», симметричными по сторонам головы, длинные пряди, резкие морщины в углах рта, острый, направленный резко в сторону взгляд, сведенные к переносице и соединенные брови. Крылья Предтечи-ангела имеют пластичный, хорошо переданный изгиб: внутренняя поверхность крыла состоит из коротких перьев, расположенных рядами, а наружная — отмечена косыми чертами. На Предтече — власяница с рукавами по локоть, локоны которой остроумно переданы ромбовидной сеткой, внутри которой допущены отдельные прочерки, создающие иллюзию вьющихся шерстинок. Складка хитона за спиной жесткая, на нижней части они короткие, аморфные, не передающие движений, привязанные к передней складке; на препоясании — точки, как на отвороте у левой руки. Правая согнутая в локте рука поднесена к груди. В левой, также согнутой в локте на уровне груди — чаша с главой и свиток («Се агнец Божий, взямя[й] грехи мира]...»). Отмеченные особенности изображения Предтечи-ангела на соловецкой панагии позволяют охарактеризовать создавшего его мастера как замечательного художника, уверенного рисовальщика, хорошо знакомого с византийскими и балканскими традициями, умело строящего композицию, владеющего искусством «кадрировки» — сочетания изображения и необходимого формата. Мастер такого уровня наверняка работал в столице.

Точная дата переделки соловецкой панагии неизвестна. Е.А. Моршакова связывает ее со временем перенесения мощей преподобных Зосимы и Савватия (для которых в 1566 г. были сделаны деревянные раки, украшенные резьбой со сценами их житий) на том основании, что панагия стала реликварием, содержащим некую ризу святого, и позднее входила в состав убранства погребений святых основателей и покровителей монастыря⁵⁰. Здесь, как и в случае с храмовой иконой церкви Усекновения главы Предтечи в Кирилло-Белозерском монастыре 1531 — 1534 гг., нам кажется важным сопоставление образа царского ангела и воспоминания о древнем достоянии, славном прошлом чтимой обители и реконструкции одного из древнейших предметов утвари и частицы ее святыни, возможно, связанной с кем-то из почитаемых основателей и небесных заступников.

Изображение на нижней грани соловецкой панагии было не единственным в этом монастыре, связанным с прославлением личности первого русского царя. По описи монастыря 1549 г. известно, что в Спасо-Преображенском соборе находилась икона царского ангела как Ангела пустыни «Иоан

⁵⁰ Моршакова Е.А. Богослужебные предметы... Как в примеч. 48. С. 316; Описи Соловецкого монастыря... С. 194. Данное мнение подтверждается рассмотрением окружения панагии, т. е. предметов, среди которых она к 1570 г. оказывается: это преимущественно кресты-мощевики, ковчеги с мощами и мощи в «бумашках» (Там же. С. 64).

Предтеча в крилах пяти пядей на золоте»⁵¹. По размеру она меньше храмовой иконы 1531 – 1534 гг. из церкви Усекновения главы в Кирилло-Белозерском монастыре (пять пядей составляют около 70 – 80 см), но не исключено, что и она появилась в связи с прославлением небесного покровителя новорожденного наследника или молодого правителя московского государства. В новом здании собора она вошла в число местных икон иконостаса в церкви главного престола, в честь Преображения Господня⁵².

Чрезвычайно важной для истории извода представляется изображение левой руки Предтечи на нижней грани соловецкой панагии. Ее ограничивает вертикальная складка хитона, благодаря которой создается ощущение, что рука неестественно вывернута наружу или показана со спины. Эта деталь характерна для храмовых икон царского ангела, созданных в 1560 – 1570-х гг. прежде всего для монастырей, например, для иконы из Махрицкого монастыря (ЦМиАР). Подобный мотив соединяет образы царского патрона, использованные в разных технологиях: резьба на небольшой по размеру панагии и изображение на храмовой иконе монастырского собора.

Икона из Махрицкого монастыря (ил. 11) представляет пример хорошо сохранившейся храмовой иконы, посвященной небесному патрону царя в образе Ангела пустыни. В 1560 – 1570-х гг. был создан целый ряд подобных икон, для которых использовали, возможно, общий образец. Такие иконы предназначались для храмов, связанных с царствующим домом или теми монастырями, которые находились под покровительством царя, обустроивались на его вклады, были связаны с личным или семейным почитанием тех или иных святых или мест их подвига. Церкви, откуда происходят подобные произведения, можно сказать, входили в постоянную «орбиту» царского присутствия: он часто посещал их, проявлял интерес к их убранству – это Архангельский собор Московского Кремля, собор Усекновения главы Иоанна Предтечи Ивановского монастыря «под Бором» в Москве, Покровская церковь Александровской слободы, Троицкий собор Стефано-Махрицкого монастыря. Все иконы тесно связаны и по времени создания, и по воспроизведению общего художественного образца. Поскольку лучше всех из этой группы сохранилась икона Махрицкого монастыря, она вос-

Ил. 11. Иоанн Предтеча Ангел пустыни. 1560 – 1570-е гг. Центральный музей древнерусского искусства им. Андрея Рублева.

⁵¹ Там же. С. 40. На это указывает также Е.А. Моршакова, см.: Соловецкий монастырь... С. 316. См. также: Мельник А.Г. Ансамбль Соловецкого монастыря в XV – XVI веках: история, архитектура, оформление храмовых интерьеров. Ярославль, 2000.

⁵² Описи Соловецкого монастыря... С. 58. Об иконах местных рядов в храмах Соловецкого монастыря см.: Мельник А.Г. Указ. соч. Как в примеч. 51; он же. Местные ряды иконостасов в храмах Соловецкого монастыря XVI в. // Сохраненные святыни Соловецкого монастыря (ФГУ ГИКМЗ «Московский Кремль»: Материалы и исследования; XVII). М., 2003. С. 54 – 59.

Ил. 12. Иоанн Предтеча
Ангел пустыни. 1570-е гг.
Собор Ивановского
монастыря, Москва.

принимается как непосредственный образец, своеобразный эталон. Именно ее повторением исследователи считают икону 1570-х гг. из собора Усекновения главы Иоанна Предтечи монастыря «под Бором»⁵³ в Москве (ил. 12). К этому же кругу В.М. Сорокатый причислил также местный образ из Покровской церкви Александровской слободы⁵⁴. Произведением, созданным в кремлевских мастерских, является икона из местного ряда иконостаса Архангельского собора Московского Кремля⁵⁵. Т.Б. Власова датировала ее серединой XVI в. на основе патронального значения избранного для нее иконографического извода⁵⁶, но не исключено, что она была создана чуть позднее, одновременно с махришской иконой или под ее непосредственным влиянием. Видимо, икона с образом крылатого Предтечи из собрания Рязанского областного художественного музея принадлежит к числу пядничных повторений, сделанных уже с самой махришской иконы⁵⁷ (ил. 13). Сходны не только детали извода и композиции, но и колорит с преобладанием охр-землистого оттенка и сине-зеленых тонов в одежде.

Кроме иконы из махришской обители, все остальные произведения столичных икографов утратили или почти не сохранили первоначальную живопись. Иконы из Александровской слободы и кремлевского Архангельского собора были переписаны в XVII в. (александровская – в середине XVII в., кремлевская – в 1671 г.). Икона из Ивановского монастыря еще ждет своего реставрационно-археологического исследования, ее сходство с группой грозненских икон Предтечи-ангела осложняется ныне тем обстоятельством, что изображения крыльев не сохранились.

По особенностям иконографии важным произведением в этом ряду представляется икона из кремлевского Архангельского собора, мемориального храма правящей династии. Она имеет иконографические отличия от других икон этого извода. Правая рука пророка не поднесена к груди, а отведена в сторону, указующий перст обращен вверх. В левой руке нет изображения чаши с главой, она опущена вместе со свитком. По мнению Т.Б. Власовой, данная икона является наиболее близкой иконографической и даже стилистической аналогией древнейшей,

⁵³ Красилин М.М. Памятники искусства XVI – начала XX вв. из церкви св. Апостолов Петра и Павла «на Яузе» (Знаменская). Москва: Кат. – 3 // Художественное наследие (ВНИИР). М., 1991. С. 92 – 132. С. 92, 94; Баталов А.А. Ивановский монастырь // Церковная археология Москвы: Храмы и приходы Ивановской горки и Кулишек / Под общ. ред. А.А. Баталова. М., 2006. С. 290 – 360. С. 305. Ил. XVII; Каталог собрания ЦМиАР. М., 2006. Вып. II: Иконы Москвы XIV – XVI вв. С. 230, 232. Прим. 16.

⁵⁴ Кат. собрания ЦМиАР. Цит. изд. С. 230. Прим. 17.

⁵⁵ Власова Т.Б. История формирования иконостасов Архангельского собора // Архангельский собор. М., 2002. С. 234. Ил. 17 (вид южной части местного ряда).

⁵⁶ Там же. С. 241, 243. Икона находится в южной части местного ряда, перед дьяконником, где погребен сам царь Иван Грозный.

⁵⁷ См. примеч. 39.

Ил. 13. Иоанн Предтеча
Ангел пустыни.
XVI в.
Рязанский областной
художественный музей.

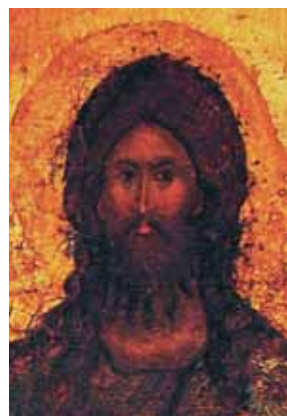
сохранившейся в русском искусстве иконы «Иоанн Предтеча Ангел пустыни» конца XIV в., происходящей из Коломны (ныне в ГТГ). Исследовательница находила родство даже в рисунке драпировок гиматия, спадающие с левого плеча складки которого имеют разное направление со складками на подоле⁵⁸.

На наш взгляд, коломенская икона Предтечи Ангела является образцом не только для иконы из Архангельского собора, но и для других икон середины – третьей четверти XVI в. и для изображений на более ранних предметах церковной утвари, так или иначе связанных с рождением наследника и будущим первым царем Руси (как панагия с камеей из Кремля или соловецкая панагия). Поэтому важны отличительные черты, характерные для образа и художественного исполнения образа Крестителя, воспроизведенного в этой иконе.

⁵⁸ Власова Т.Б. История формирования иконостасов... С. 256. Прим. 90.

В среднике иконы «Иоанн Предтеча Ангел пустыни, с житием» конца XIV в. из церкви Зачатия Иоанна Предтечи на Городище из окрестностей Коломны (илл. 14, 15) находится изображение пророка с крыльями в рост, с поднятой правой рукой и свитком в опущенной левой руке (текст: «Покайтесь приближе бо ся царствие небесное уже секира при древе»). Живопись в среднике очень потерта, утрачен первоначальный фон, лишь неболь-

С. 210.
Ил. 14. Церковь Зачатия
Иоанна Предтечи
на Городище, Коломна.

Ил. 15. Иоанн Предтеча
Ангел пустыни, с житием.
Конец XIV в., XVIII в.
Государственная
Третьяковская галерея.

шие сохранившиеся фрагменты позволяют судить о красочном слое на драпировках и оценить мягкое, деликатное свечение неярких серых, сине-голубых, оливково-зеленых тонов, которыми написаны одежды и крылья пророка, с которым контрастирует личное письмо. Киноварные описи носа и губ, короткие белильные движки, положенные под глазами в сочетании с золотистым тоном охр, придают лику особую теплоту, живоподобие. Этому эффекту созвучен и направленный в сторону взгляд⁵⁹.

Для своей эпохи коломенская икона с образом Иоанна Предтечи Ангела пустыни в среднике в окружении сцен жития была произведением, отразившим новаторские иконографические и идеологические тенденции во всем византийском искусстве позднего периода. Обращение к сохранившимся византийским иконам, воспроизводящим ту же схему — фигура пророка-ангела в сочетании с житийным циклом — показывает, что использовался сходный извод в изображении Предтечи. Так, на иконе из монастыря Продрома близ греческого города Янина (ил. 16) в среднике Предтеча изображен

Ил. 16. Иоанн Предтеча
Ангел пустыни, с житием.
Вторая половина
XV — начало XVI вв.(?)

⁵⁹ Государственная Третьяковская галерея. Каталог собрания. Т. 1. М., 1995. Кат. 64. С. 149 — 150 (с библиографией). О принадлежности произведения московскому искусству рубежа XIV — XV вв., см.: Вздорнов Г.И. Икона «Иоанн Предтеча — ангел пустыни» — памятник круга Феофана Грека // ПКНО, 1975. М., 1976. С. 171 — 180. Палеографический анализ надписи и датировку на его основе см.: Гальченко М.Г. Надписи на древнерусских иконах XII — XV вв. Палеографический и графико-орфографический анализ. М., 1997. С. 138 — 140.

в сходной позе, что и на коломенской иконе: правая рука поднята вверх с именословным перстосложением, находящимся почти на уровне плеча, правая нога чуть согнута⁶⁰. К сожалению, икона сильно пострадала: утрачена до доски почти вся правая часть средника, верхняя часть правого поля и центр нижнего поля. Поэтому затруднительно говорить о том, какие атрибуты были в левой руке пророка и у его ног. Но даже рисунок крыл, их размах, то, как они закрывают все поле, «свет» иконы близки особенностям композиции в среднике коломенской иконы. Кроме того, свиток в левой руке и тот же жест правой, как на иконе из Коломны и Янины, можно видеть на житийной иконе с образом Предтечи Ангела на поствизантийской иконе XVI в. из Национальной картинной галереи Болоньи⁶¹ (ил. 17). На поземе средника иконы из Янины в правой части сохранился фрагмент дерева, такого, у которого, как правило, изображали секиру — иллюстрацию пророчества, составлявшего один из традиционных вариантов надписи на свитке Предтечи. Вполне возможно, что и на коломенской иконе подобные элементы некогда существовали. Житийные клейма были переписаны в XVIII в., однако при сопоставлении с житийными циклами икон XV — XVI вв., создается ощущение, что их последовательность и композиционные особенности повторяют оригинал.

На иконографическую связь с коломенской иконой конца XIV в. указывали уже при первой публикации местного образа из Махрицкого монастыря⁶². Т.Б. Власова предположила, что икона эпохи Феофана Грека послужила непосредственным образцом для создания храмового местного образа в иконостасе Архангельского собора. Икона Архангельского собора сохраняет намек на древний образец лишь в композиции: жестах, особенностях постановки фигуры, деталях драпировок⁶³. По мнению Т.Б. Власовой, коломенская икона могла быть принесена в Москву вскоре после 1547 г., а после возвращена на прежнее место⁶⁴.

Как показывает изучение письменных источников и сохранившихся икон, попавших в эпоху Ивана Грозного в Москву, большая часть их осела в столице много позже пожара 1547 г. (за исключением, быть может, иконы «Благовещения» из новгородского Юрьева монастыря, известной

Ил. 17. Иоанн Предтеча Ангел пустыни, с житием. XVI в.

⁶⁰ Αχειμάστου-Ποταμιάνου Μ. Φορητές εικόνες του ζωγράφου Μάρκου Στριλίτζα Μπαθά ή Μάρκου Βαθά στην Ήπειρο // Δελτίον της Χριστιανικής Αρχαιολογικής Εταιρείας. Περ. Δ' 7 (1975 – 1976). Εικ. 61β, 65β. Πιν. 56. Σ. 347. Κατσίωτη Α. Οι Σκηνες της Ζωής και ο Εικονογραφικός κύκλος του Αδίου Ιωάννη Προδρόμου στη βυζαντινή τέχνη. Αθήνα, 1998. Πιν. 241.

⁶¹ Felicetti-Liebenfels W. Geschichte der byzantinischen Ikonenmalerei. Lausanne, 1956. Taf. 101; Κατσίωτη Α. Op.cit. Πιν. 240.

⁶² Даен М.Е. Новооткрытый памятник станковой живописи эпохи Ивана Грозного (икона Иоанна Предтечи из Махрицкого монастыря) // Древнерусское искусство. Художественная культура Москвы и прилегающих к ней княжеств XIV – XVI веков. М., 1970. С. 216, 218.

⁶³ Власова Т.Б. История формирования иконостасов... С. 234.

⁶⁴ Там же. С. 243.

как «Благовещение Устюжское»). Древние иконы для украшения кремлевских церквей в середине XVI в., согласно жалобнице Сильвестра, одному из прямых источников, привозили из многих древних городов⁶⁵. Среди них не только крупнейшие древние духовные центры, как Новгород и Смоленск, но и столицы удельных княжеств, связанных с московским домом, как Звенигород, столица враждебных Москве удельных князей конца XIV – первой трети XV в., или Дмитров, вотчина одного из дядьев царя Ивана, князя Юрия Ивановича, правившего в первой трети XVI в. Однако этот перечень не исчерпывался четырьмя городами, иконы привозили и из «иных городов». Но в середине XVI в. эта мера расценивалась как временная – по царскому заказу иконописцы писали иконы для кремлевских соборов. Согласно Сильвестру, после создания новых иконостасов древние иконы возвращали обратно. Их проводы из столицы к месту постоянного пребывания проходили как торжественные праздники, когда древнюю «иконную святость» провожали с праздничными церемониями («со кресты»⁶⁶), в присутствии царя, вероятно, в сопровождении богатых украшений и вкладов. Если такие иконы оставались в соборах Кремля, то прежде всего в Благовещенском (как, например, стоящий там и ныне ростовой деисусный чин)⁶⁷, а позднее, после новгородского похода 1570 г. – и в Успенском, чтобы стать святынями единственного центра единого православного государства⁶⁸. Древнейшая русская икона крылатого Предтечи происходит из церкви села, которое являлось давней резиденцией коломенских епископов. Вряд ли было возможным после 1547 г., вскоре после венчания на царство, столь прямое вторжение еще молодого царя в собственность епархиального владыки. А в более позднее время почитаемые за древность иконы царь Иван возвращал лишь из покаянных побуждений (как чудотворную икону Богоматери из Брянского Свенского монастыря). Вероятно, икона крылатого пророка не покидала своего первоначального места вплоть до 1934 г.⁶⁹

⁶⁵ В составе документов известных как Розыск или список о богоульных строках и о сумнении святых честных икон диака Ивана Михайлова Висковаго в лето 7062 (1554 год), см.: Чтения общества истории и древностей Российских. М., 1847. Кн. 3. Смесь. С. 19 – 20; Макарий (Веретенников), архим. Московский митрополит Макарий и его время. Сб. ст. М., 1996. С. 224 – 274. С. 270.

⁶⁶ «И царь и государь те старые привозные иконы честно проводил со честными кресты» – Там же.

⁶⁷ Обширную литературу, посвященную этому чину см.: Щенникова Л.А. Иконы в Благовещенском соборе Московского Кремля. Деисусный и праздничный ряды иконостаса: Кат. М., 2004.

⁶⁸ Маханько М.А. Собрание в Москве древних икон и реликвий в XVI в. и его историко-культурное значение // Вопросы искусствознания. М., 1998. Вып. 1. С. 124 – 142.

⁶⁹ Архивный документ, сопровождавший изъятие этой и других икон опубликован, см.: Храм Зачатия Иоанна Предтечи в Городищах / Под ред. свящ. К. Сладкова. Коломна, 2008. С. 35.

Могли ли быть другие пути, благодаря которым извод древней коломенской иконы повлиял на патрональный образец для молодого государя? Не будем забывать, что небесного покровителя будущего царя изображали в виде ангела уже тогда, когда он только родился и не мог лично влиять на выбор образа (как на иконе из церкви Усекновения главы Предтечи из Кирилло-Белозерского монастыря).

В окружении великого князя Василия III были люди, которым можно приписать осведомленность о коломенских древностях. На коломенскую кафедру, окормлявшую город, являвшийся личной собственностью правящего государя, традиционно ставили иерархов, чрезвычайно близких правящему московскому дому. Особенно это характерно для епископов, правивших при великом князе Василии III. Епископ Митрофан (зима 1509 – 1 июля 1518) был духовником великого князя Ивана Васильевича, отца Василия III, в последние годы его жизни⁷⁰. Епископ Вассиан Топорков (апрель 1525 – май 1542) был близок к митрополиту Даниилу, великому князю Василию и Ивану в период его юности⁷¹. Оба иерарха принадлежали к кругу преподобного Иосифа Волоцкого: Митрофан был другом Волоцкого игумена, адресатом его особых посланий, связанных с искоренением еретических настроений при дворе⁷². Вассиан Топорков принадлежал к знаменитому клану Саниных: вместе с родным братом, иноком Досифеем, они приходились племянниками Иосифу Волоцкому и Вассиану, игумену московского Симона монастыря и будущему архиепископу Ростовскому. Для Митрофана, как единомышленника Иосифа Волоцкого, характерно особое усердие к иконам, проявившееся, например, в том, что именно в пору его правления в Коломну была принесена древняя святыня Рязанской земли, образ Николы Заразского (Зарайского), где от нее происходят чудеса, пополнившие сложившийся цикл⁷³ (или оказавшиеся стимулом к его созданию)⁷⁴, проявлявшие покровительство городу великого угодника, знаменовавшие живую благодать, обновляв-

⁷⁰ Строев П.М. Списки российских иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877. Стб. 1030; Мазуров А.Б. Средневековая Коломна в XIV – первой трети XVI вв.: Комплексное исследование региональных аспектов становления единого русского государства / Отв. ред. В.Л. Янин. М., 2001. С. 211 – 212.

⁷¹ Строев П.М. Указ. соч. Стб. 1030.

⁷² Духовные и договорные грамоты великих князей московских и удельных XIV – XVI вв. / Под ред. С.В. Бахрушина. М.; Л., 1950. № 89; Мазуров А.Б. Указ. соч. С. 212.

⁷³ Лихачев Д.С. Повести о Николe Заразском // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1987. Т. 1. С. 332 – 337.

⁷⁴ Поппэ А. К начальной истории культа св. Николы Заразского // Essays in Honor of A.A.Zimin. Columbus, Ohio, 1985. P. 289 – 304; Клосс Б.М. Избранные тр. М., 2001. Т. 2: Очерки по истории русской агиографии XIV – XVI вв. С. 409 – 436; он же. История создания повести о Николe Заразском // Зарайск. Сб. статей. М., 2002. Т. 1: Исторические реалии и легенды. С. 114 – 178. См. также: Мазуров А.Б. Указ. соч. С. 406 – 422.

шие древнюю икону и прославлявшие город, удостоившийся чудес; были написаны иконы⁷⁵, составившие новый этап в почитании древнего («корсунского») рязанского образа и в формировании иконографического типа житийной иконы святителя Николая Зарайского. Вассиан Топорков, подобно брату Досифею и дяде Вассиану Санину⁷⁶, обладал навыками художника⁷⁷, его можно называть младшим современником Дионисия, принадлежавшим к поколению сыновей «пресловушего живописца». О близости Вассиана Топоркова ко двору московских государей сохранились косвенные свидетельства в документах XVII в. В состав описи Образной палаты 1669 г. была включена опись застенков 1650 г. При описании этих шитых орнаментами и богато украшенных жемчугом и лицевыми дробницами иконных уборов, по нашему мнению, упомянуты имена и фамилии прежних владельцев или дарителей этих икон, попавших в царскую казну⁷⁸. Среди таких икон названы две, принадлежавшие Вассиану Топоркову — «Пречистые Васяновской Топоркова» и «Пречистые Умиления Васяновской»⁷⁹. Возможно, они были поднесены в дар, возможно, попали в образную дворцовую казну по заветанию иерарха.

⁷⁵ Сохранились две иконы, написанные в 1513 г. Одна происходит из Никольского собора Зарайска (ныне в ЦМиАР, см.: Иконы XIII — XVI вв. в собрании музея имени Андрея Рублева. М., 2007. Кат. 35. С. 228 — 235 (автор описания — Т.Н. Нечаева)), другая — из Коломны (ныне в ГТГ, инв. 15274, средник утрачен, см.: Там же. С. 231). А.Б. Мазуров, анализировавший «коломенские эпизоды» в цикле Повестей об иконе Николы Зарайского, считает, что коломенская икона-список была создана не в 1513, а в 1515 — 1516 гг., см.: Мазуров А.Б. Указ. соч. С. 411.

⁷⁶ Соединению иноческого подвига с художественным творчеством как своеобразному явлению в духовной культуре Византии позднего периода и на Руси XIV — первой половины XVI вв. был посвящен докл. М.А. Маханько «Образ архиерея-иконописца в русской письменности XVI в.» на Лазаревских чтениях 2001 г.

⁷⁷ Согласно уникальным сведениям летописчика Иосифа Волоцкого, он принимал участие в украшении росписями и иконами Успенского собора Иосифо-Волоколамского монастыря (1484 — 1485), вместе с «пресловущим живописцем» Дионисием и его сыновьями Владимиром и Феодосием: «...хитрыми живописцы в Руской земли Дионисием и его детьми Владимиром и Феодосием и пасе его иноком два брата Иосифовы иноци Досифей и Васиян» (РГБ. Музейное собр. № 1257. Л. 28. Цит. по: Ольшевская Л.А. История создания Волоколамского патерика, описание его редакций и списков // Древнерусские патерики: Киево-Печерский патерик; Волоколамский патерик. М., 1999. С. 323). Вряд ли он был чем-то большим, кроме подмастерья или еще более скромного помощника, в силу того, что в 1480-е гг. «Васиян», доживший до середины XVI в., был, видимо, юн. О нем как деятеле культуры и художнике см.: Там же. С. 322 — 324. О влиянии на митрополита, великого князя и юного царя см.: Зимин А.А. Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV — XVI вв.). М., 1977. С. 40 — 41.

⁷⁸ Подробнее см.: Маханько М.А. Сведения о застенках в описи Образной палаты 1669 г. // Церковное шитье Древней Руси. Сб. ст. / Ред.-сост. Э.С. Смирнова. В печати.

⁷⁹ Успенский А.И. Церковно-археологическое хранилище. Как в примеч. 29. С. 68 — 69. Такие иконы могли быть подношением, подарком к празднику или завещаны после смерти дарителя.

Однако, обсуждая вероятность использования древней коломенской иконы как образца для изображений царского ангела, не следует забывать, что весь Коломенский уезд в середине XVI в. имел особое значение, сохранял пограничный характер, был частью столичного, царского обихода. В городе возводится новейшего типа крепость, по формам и технологиям аналогичная работам итальянских мастеров фортификации в Москве⁸⁰. В архитектуре Коломны и ее окрестностей используются столичные типы и формы храмов, например, перекрытие бесстолпного церковного интерьера в виде крещатого свода, в том числе и в каменном храме Зачатия Иоанна Предтечи в селе Городище (датировка остается неуточненной). Здесь была и помещена «избранная тысяча» — военный корпус, подчинявшийся лично молодому государю⁸¹. В середине XVI в., после Казанской победы, и особенно в 1560-е гг., в связи с внешней политикой державы, «воюющей за веру», происходит изменение статуса некоторых чудотворных икон. Коломенская святыня, чудотворная икона «Богоматерь Донская», получает при Иване Грозном новое прославление и удостоивается переноса в царствующий град⁸². В истории коломенской иконы, написанной в конце XIV в. в столице и сразу же ставшей объектом копирования, а следовательно, и определенного почитания, начался новый этап, на котором она приобрела статус общегосударственной святыни, царского и столичного «апотропея». Этой иконе в 1550 — 1560-е гг. присваивается значение одного из палладиумов царя: она движется в военный поход 1563 г. на Полоцк, приобретший форму крестного хода.

Несомненно, близким к царю и центру политических событий являлось положение коломенских владык середины — второй половины XVI в. В Полоцком походе 1563 г. чудотворную Донскую икону сопровождал коломенский епископ Варлаам⁸³. Можно думать, что слава коломенских икон могла не раз привлечь внимание и к святыням древней пограничной земли на протяжении всего XVI в.

Обращение к коломенской иконе как образцу изображения царского ангела могло быть связано с еще несколькими важными обстоятельствами. Соборная церковь Коломны, во имя Успения Богоматери, имевшая к 1570-м г. прозвание «Донской», обладала ценнейшей реликвией: в ней находился зуб

⁸⁰ См. статью М.И. Мильчика в настоящем сборнике.

⁸¹ Баталов А.А. К вопросу о происхождении крещатого свода в русской архитектуре XVI века // *ΣΟΦΙΑ: Сб. статей в честь А.И. Комеча*. М., 2006. С. 47 — 66. С. 55, 62, 64.

⁸² Щенникова Л.А. История иконы «Богоматерь Донская» по данным письменных источников XV — XVII веков // *Советское искусствознание* 82. М., 1984. Вып. 2 (17). С. 321 — 338.

⁸³ ПСРЛ. М., 1965. Т. 29. С. 303; СПб., 1906 (М., 2002). Т. 13. С. 346 — 347, 359.

Иоанна Предтечи⁸⁴. История подобной реликвии нуждается в изучении, но несомненно, что она напрямую связана с главной святыней, которая могла иметь значение для первого царя — усеченной главой пророка, и была святыней константинопольской⁸⁵. Возможно, ее присутствие в соборном храме Коломны, где служили коломенские иерархи, могло быть связано с появлением древней житийной иконы в храме загородного владычного села. Несомненно, что царь Иван должен был знать о ней и древний город на рубежах Москвы мог воспринимать как особое место прославления своего небесного покровителя.

Важным представляется и то обстоятельство, что коломенская икона Предтечи-ангела не была единственным древним образом, который мог вдохновить заказчиков и мастеров грозненского времени. Хотя Коломна и не названа в числе городов, из которых в столицу приносили старинные иконы для восполнения сгоревшей в 1547 г. иконной «святости», сохранившиеся памятники второй половины XVI в. свидетельствуют, что о коломенских древних иконах в Москве знали и воспроизводили их.

Из Воскресенского собора Коломны, располагавшегося на государевом дворе, в великокняжеской и царской резиденции, происходит икона третьей четверти XIV в. «Сошествие во ад»⁸⁶

⁸⁴ Города России XVI в.: материалы писцовых описаний / Изд. подг. Е.Б. Французовой. М., 2002. С. 7. Реликвии подобного рода использовались как средство от зубной боли (например, зуб преподобного Саввы Сторожевского, принадлежавший царю Алексею Михайловичу в середине XVII в., см.: Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII в., описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алепским / Пер. с араб. Г. Муркоса. М., 2005. 2 изд. С. 498.). В личном имуществе царской семьи также имелась реликвия подобного рода: в казне царевича Ивана Ивановича находился зуб «Онтия великого» (Опись домашнему имуществу царя Ивана Васильевича, по спискам и книгам 90 и 91 гг. // *Временник Общества истории и древностей Российских*. М., 1850. Кн. 7. Смесь. С. 26), после его смерти реликвия, имевшая, вероятно, вид, пригодный к ношению на теле, попала в царскую казну и заняла там почетное место: «со кресты, в которых Государь молитца» (Там же). Возможно, эта реликвия происходила из Софийского собора Новгорода, где упоминание о ней встречается в документах первой половины XVII — XIX вв., см.: Маханько М.А. Казна и ризница, святыни и утварь Софийского собора в московский период истории Великого Новгорода // *Декоративно-прикладное искусство Древней Руси: Художественный металл Великого Новгорода XV — XVII вв.* / Ред.-сост. И.А. Стерлигова. М., 2008. Прим. 96.

⁸⁵ После 850 г. глава Предтечи была перенесена в Константинополь, где части ее поместили в церковь Большого императорского дворца и в Студийский монастырь, посвященный пророку; после 1204 г. эти святыни, в числе других, были увезены на Запад; некоторые сведения см.: Majeska G.P. *Russian Travelers to Constantinople in the fourteenth and fifteenth centuries* // *Dumbarton Oaks Studies*. XIX. Washington, D.C., 1984. P. 2, 147, 278, 286; Бродовая Ю.В. «Усекновение главы св. Иоанна Крестителя» в древнерусском искусстве XV — первой половине XVII вв. К проблеме сложения иконографии // *Искусство христианского мира*. М., 2004. Вып. 8. С. 166, 176.

⁸⁶ ГТГ. Цит. изд. Как в примеч. 59. Кат. 60. С. 138 — 140; Smirnova E. *Une icône de la «Descente aux Limbes» d'une rare iconographie* // *Зограф*. Белград, 1992. Т. 22. С. 54 — 59; Смирнова Э.С. О своеобразии московской живописи конца XIV в. // *Древнерусское искусство*. СПб., 1998. Вып.: Сергей Радонежский и художественная культура Москвы XIV — XV вв. С. 229 — 245; она же. Иконографический вариант «Сошествия во ад»: Ростов, Москва, Север // *Иконы русского Севера: Двинская земля, Онега, Каргополье, Поморье: Статьи и материалы* / Ред.-сост. Э.С. Смирнова. М., 2005. С. 145 (ил.), 150, 157, 159, 160.

Ил. 18. Сошествие во ад. Третья четверть XIV в. Государственная Третьяковская галерея.

(ныне в ГТГ) (ил. 18). Ей наиболее близка икона «Сошествие во ад» из Махрицкого монастыря, написанная московским мастером, предположительно, в 1560-х гг. (ГИМ)⁸⁷ (ил. 19), возможно, одновременно с уже упомянутой иконой «Иоанн Предтеча Ангела

⁸⁷ Русская икона XIV – XVI веков. Государственный Исторический музей / Авт.-сост. И.Л. Кызласова. Л., 1988. Табл. 51. инв. № И VIII 5293/85762. На близость махрицкого «Сошествия во ад» именно коломенской иконе из Воскресенского собора в деталях иконографии обратила внимание Э.С. Смирнова, анализируя иконографический вариант «Сошествия во ад» с многолюдными композициями (Смирнова Э.С. Иконографический вариант «Сошествия во ад»: Ростов, Москва, Север // Иконы русского Севера: Двинская земля, Онега, Каргополье, Поморье: Статьи и материалы / Ред.-сост. Э.С. Смирнова. М., 2005. С. 157). Не останавливаясь на подробности «взаимоотношений» двух икон, она предположила, что икона из Махрицкого монастыря могла повторять либо саму коломенскую икону, либо общий образец, гипотетическую столичную икону-протограф. В любом случае, именно коломенская икона третьей четверти XIV в. и махрицкая икона XVI в. принадлежат к московскому варианту того типа «Сошествия во ад», который получил развитие в древнерусском искусстве и в разных регионах имел характерные отличия, прежде всего в памятниках русского Севера.

Ил. 19. Сошествие во ад.
1560-е гг. (?)
Государственный
Исторический музей.

пустыни» (ЦМиАР). Красочный слой иконы претерпел изменения в результате домусейной реставрации, что затрудняет оценку стиля произведения и связи его с определенным периодом или регионом. Лишь опираясь на исторические обстоятельства обновления собора Махришского монастыря в 1560-х гг., можно утверждать, что одновременно происходило украшение его иконостаса новыми, возможно, по царскому заказу изготовленными иконами. Икона «Сошествие во ад» из собора Стефано-Махришского монастыря несколько меньше коломенской иконы по высоте доски — на 10 см. Отличаются некоторые детали в изображении пещеры: среди наполняющих адскую бездну фигур, написанных общим темным тоном, не сразу можно различить прикованного к столбу сатану, в то время как в древней коломенской иконе он изображен лежащим, прикованным за ноги, выделен цветом — с использованием синих тонов и резких высветлений. Можно сказать, что мастер XVI в., повторявший композицию древнего образца, придал более унифицированный вид адской пещере и фигурам поражаемых бесов, в то время как мастер XIV в., судя по сохранившимся остаткам фигур, стремился показать детально побежденного сатану, убегающих бесов и грешников, томящихся в преисподней. Хотя позднейшие прописи и не позволяют ясно представить себе цветовой строй иконы XVI в., цветовые акценты в ней чрезвычайно близки коломенской иконе. Киноварью выделены те же фигуры и детали: в левой части — мафорий Евы, тянущейся к Спасителю, плащ и шапочки молодых пророков за спиной Предтечи, в правой — одежды царей-пророков, плащ Соломона и расшитое золотом платье Давида, фрагмент одеяния одного из ангелов, водружающих крест Распятия в верхней части. В махришской иконе не только воспроизведена иконографическая схема «Сошествия во ад», по мнению Э.С. Смирновой, выработанная русским искусством (среди характерных признаков следует назвать сферу вокруг фигуры Христа с фигурами ангелов, копьями побивающих бесов в адской бездне; копья ангелов увенчаны дисками с надписями христианских добродетелей; руки Христа протянуты не только Адаму, но и Сарре, за спиной которой находятся коленопреклоненные жены, ветхозаветные праматери и образцы добродетельной жизни), но она соответствует именно коломенскому варианту, принадлежащему к московской версии извода, распространенного в искусстве XIV — XVI вв. и по мере распространения в разных регионах Руси приобретавшего характерные отличия⁸⁸. В махришской иконе сохранены основные группы и количество персонажей, в отличие от разрастающихся, многолюдных вариантов той же иконографии, известных по произведениям северной или вологодской иконописи второй половины XVI в. (например, на иконе «Вос-

⁸⁸ Там же. С. 141 — 161.

кресение Христово – Сошествие во ад, с клеймами земной жизни Христа и праздников» 1567 – 1568 гг. работы мастера Дионисия Гринкова)⁸⁹. Как на иконе из Коломны, на махрищской иконе «Сошествия» Спаситель ликом обращается к Адаму, держит за руку лишь его, в то время как рука, протянутая Еве, еще не коснулась ее ладони; полным подобием отличается группа из трех ветхозаветных жен позади Евы, при этом две из них, подобно женам-мироносицам⁹⁰, обращены лицом друг к другу; адская бездна наполнена крылатыми темными фигурами бесов, но в ней нет красной звериной пасти. На обеих иконах ангелы, находящиеся внутри славы Христа, держат в левых руках светлые «диски» с надписями, отмечающими ту или иную добродетель, в десницы вложены копыя, поражающие бесов. На других иконах того же извода, но восходящих к иной региональной традиции, например, «Сошествие во ад, с праздниками и избранными святыми» второй половины XVI в. из Сольвычегодска⁹¹ (ил. 20), диски в руках ангелов уменьшены в размерах, почти превратились в точки, а цветом (золотом) выделены нимбы ангелов-воинников – деталь, которая неизвестна в других, в том числе ранних, памятниках. Нуждается в исследовании и уточнении состав и палеография надписей на махрищской иконе, прежде всего тех, что сохранились в пещере и идентифицируют пороки или наименования воинства сатаны, поскольку на коломенской иконе нижняя часть, прежде всего пещера, почти не сохранила красочный слой и надписи.

Еще одна икона, украшавшая некогда Воскресенский собор на «государевом дворе», служит свидетельством неразрывной связи художественного убранства коломенских храмов с самыми лучшими изобразительными традициями столицы. Это хранящаяся ныне в собрании ГТГ икона «Святая Троица», написанная мастером школы Дионисия⁹² (ил. 21). По мнению некоторых исследователей, ее автором мог быть сам епископ Вассиан Топорков⁹³. В облике иконы точно повторены характерные черты рублевского произведения: не только иконографические

Ил. 20. Сошествие во ад, с праздниками и избранными святыми. Вторая половина XVI в. Архангельский музей изобразительных искусств.

⁸⁹ Рыбаков А.А. Вологодская икона. Центры художественной культуры земли Вологодской XIII – XVIII веков. М., 1995. № 62 – 64; Иконы Вологды XIII – XVI в. М., 2008. Кат. 91 (автор описания – Л.В. Нерсисян).

⁹⁰ Отмечено Э.С. Смирновой, см.: Смирнова Э.С. Указ. соч. Как в примеч. 87. С. 160.

⁹¹ Там же. С. 142, 158, см. также: Кольцова Т.М. Песнопение в красках: иконы русского Севера: Книга-календарь 2002. Милан, 2001. Табл. IX. С. 9.

⁹² Инв. 20863; см.: Антонова В.И., Мнева Н.Е. Указ. соч. Т. I. № 283; Дионисий, «живописец преслушций»: К 500-летию росписи Дионисия в соборе Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря. Выставка произведений древнерусского искусства XV – XVI вв. из собраний музеев и библиотек России. М., 2002. Кат. № 49; Faith and Power. Op. cit. Cat. 108. P. 188 – 189.

⁹³ Об этом пишет Э.К. Гусева, см.: Faith and Power. Op. cit. P. 189. Б.М. Клосс предположил, что ее создание связано с другим коломенским владыкой, епископом Митрофаном (1507 – 1518), постриженником Троице-Сергиева монастыря (Клосс Б.М. Избранные тр.. Т. I: Житие Сергия Радонежского: Рукописная традиция. Жизнь и чудеса. Тексты. М., 1998. С. 136 – 137).

Ил. 21. Святая Троица.
Первая четверть XVI в.
Государственная
Третьяковская галерея.

особенности извода Троицы, соотношение фигур и формата, пропорции доски, размеры, вписанность фигур в определенные круглящиеся, плавные ритмы, изысканность рисунка, но и колористические нюансы. Хотя красочная поверхность иконы претерпела утраты, не сохранились некоторые детали фона, цвета не повторяют полностью рублевский оригинал, а их оттенки присущи именно дионисиевскому искусству, тем не менее облик иконы Воскресенского собора в Коломне очень близок прославленной иконе из Троице-Сергиева монастыря. К сожалению, сохранность иконы не позволяет датировать ее точнее, чем эпоха Дионисия или ближайших последователей его школы. В сущности, связь с именем того или иного коломенского владыки не так уж важна⁹⁴ по сравнению с тем, что произведение подобного извода и художественного уровня появилось в Коломне, в соборе великокняжеского подворья. Если и не сам епископ Вассиан писал или заказывал подобный образ, выбор в качестве образца творения преподобного Андрея Рублева, чтимого в Иосифо-Волоцком монастыре и ставшего объектом благочестивого собирательства уже в бытность там будущего коломенского иерарха, представляется неслучайным, а созвучным его собственным вкусам. В сохранившейся описи Коломны 1577/78 г. описание данной иконы в иконостасе Воскресенского собора не отличается подробностями⁹⁵, но важно указание на ее расположение в левой части местного ряда, на втором месте, сразу за большим образом Спасителя в киоте: на таком же месте в местном ряду Троицкого собора Троице-Сергиева монастыря находилась икона Троицы, также являвшаяся точным воспроизведением иконы письма Андрея Рублева. Возможно, при создании коломенской «Троицы» учитывался не только облик образца, стоявшего в Троицком соборе в Троице-Сергиевом монастыре, но и места, которые занимали в других иконостасах особенно почи-

⁹⁴ А.Б. Мазуров, собравший сведения о сохранившихся древнейших иконах, происходящих из коломенских храмов (Мазуров А.Б. Указ. соч. С. 305 — 310), считает необоснованными предположения о коломенских владыках как заказчиках иконы, копировавшей рублевский образ Троицы, поскольку икона происходит из великокняжеской церкви и ее заказчиком должен быть сам государь (Там же. С. 308). Однако не исключено, что икона для княжеского храма могла быть как-то связана с коломенской кафедрой, например, исполнена по заказу владыки и с согласия государя: местный образ Троицы на золоте находился на левой стороне местного ряда иконостаса Успенского собора Коломны, судя по описи 1577/78 г. (Города России... С. 5 — 6). На этой же стороне и также близко к царским вратам располагалась в Воскресенском соборе икона Троицы, воспроизводящая образец Рублева (Там же. С. 15). В любом случае не стоит игнорировать личности таких владык, управлявших Коломной и причастных ее связям с почитанием определенных икон, например, чудотворного Зарзского образа, как Митрофан, или знакомых с художественными кругами Москвы эпохи Дионисия и традициями почитания икон в кругу Иосифа Волоцкого, как Вассиан Топорков.

⁹⁵ Указано лишь, что образ написан на золоте и к нему прилагалась пелена, составленная как в центре; так и на краях из разноцветных кусочков шелка и камки «адамашки», см.: Там же.

таемые его повторения. Не следует забывать, что в Коломне должны были по-особому относиться к личности преподобного Сергия, поскольку он посещал этот город и основал здесь в 1385 г. монастырь в честь праздника Богоявления.⁹⁶ Описи XVI в. запечатлели память о святом основателе обители, перечисляя ряд вещей, принадлежавших ему и намеренно оставленных в основанном монастыре, связанных с ним, его присутствием⁹⁷. Следовательно, внимание к святыням, в том числе иконам монастыря преподобного Сергия, например, к «Троице» Андрея Рублева, могло быть связано в Коломне с любым заказчиком, будь то епископ, представитель государя или сам великий князь и царь.

Необычайно ценными для понимания того, насколько Коломна была связана со столицей, оказываются упоминания небольших икон и предметов церковного обряда, являвшихся произведениями глиптики – античного искусства резьбы по драгоценному камню. Такие предметы в XVI в. расценивались как церковные святыни⁹⁸, упоминание о них в документах связано не только с их материальной ценностью (стоимость камня, тонкой работы, импорта), но прежде всего с представлением о них как древнем духовном наследии. В XVI в. на Руси было немного центров, в которых было возможно обладать подобными раритетами: Новгородская кафедра и Московский дворец, из которого делались вклады в самые почитаемые монастыри, прежде всего Троице-Сергиев. Присутствие в Коломне похожих произведений свидетельствует о причастности, вероятно, московского правящего дома к прославлению статуса коломенского кафедрала. К сожалению, невозможно установить, когда могли быть сделаны подобные вклады: еще в XIV в. или уже в XVI в., ближе ко времени составления описи; в пользу последнего может быть только тот факт, что в описи не упоминается источник поступления этих предметов, что было бы необходимо, если бы вклад произошел на памяти составителей или их ближайших предшественников. Согласно описи Коломны 1577/78 г. в кафедральном Успенском соборе, помимо уже упоминавшегося зуба Иоанна Предтечи, были мощи Стефана Соваита («ребро»)⁹⁹, возмож-

⁹⁶ Мазуров А. Б. Средневековая Коломна... С. 237 – 240.

⁹⁷ «Крест синалойной Сергия чудотворца положенья» (Города Росии... С. 66), находившийся в храме и служебные одежды – в ризнице, упомянутые на первом месте: «ризы Сергия чудотворца комка бела кунфтерь, ветхи, опличья шиты золотом и серебром на отласе» (Там же. С. 71). Об этих реликвиях см. также: Мазуров А.Б. Указ. соч. С. 239.

⁹⁸ Из последних работ значительным следует назвать готовящийся к печати научный каталог византийских произведений, в т. ч. предметов глиптики из собрания музеев Московского Кремля, см.: Византийские Древности в собрании музеев Московского Кремля / Ред. и сост. И.А. Стерлигова. В печати.

⁹⁹ Города России XVI в... С. 7. Идентификация святого требует дальнейшего изучения.

но, также византийского или московского происхождения. В составе богослужебных сосудов фигурирует потир с чашей из сердолика, находившейся внутри собственно причастного сосуда¹⁰⁰. Из сохранившихся древнерусских предметов богослужения наиболее близким коломенскому потиру по использованию чаши византийской работы (из яшмы) можно считать потир новгородского архиепископа Моисея 1329 г., который также представляет собой сочетание византийских, западноевропейских и древнерусских элементов и технологий¹⁰¹. Можно только гадать, было ли это произведение в соборе еще с XIV в. или потир был вложен в собор после успешного Полоцкого похода 1563 г., в результате которого были присоединены западно-русские земли, принадлежавшие к православному миру и одновременно постоянно соприкасавшиеся с западной культурой. Упоминание о потире связано также с интереснейшим указанием на историю бытования этого сосуда в соборе: он был поврежден («изламон») в результате попытки ограбления собора¹⁰². Среди алтарной утвари упоминается резная икона-камея на красном камне («образ камень аспид богров»), в серебряной оправе, имевшей изображения с двух сторон: на лицевой стороне находилось Распятие, что характерно более для драгоценных нательных крестов¹⁰³, а на обороте — образ Николая Чудотворца и двух архангелов. Возможно, что изображение Николая и архангелов, близкое к схеме оформления оборотной стороны энколпионов-мошевигов¹⁰⁴, размещалось на серебряной оправе. Однако текст описи можно трактовать и так, что икона-камея была двусторонней, подобной выносной иконе, что является уникальным для византийской глиптики; известны двусторонние камеи с образами Христа и Богоматери, на обороте которых, как и на иконах,

¹⁰⁰ Он был из золоченого серебра, состоял из чаши, венца с камнями («смазники»), стояна из трех элементов («три обоилицы») и поддона. По формам: «угольчат... на поддонике чеканены травы золочены же» — потир являлся готическим западноевропейским произведением, или в его состав входили какие-то его элементы, см.: Города России... С. 7. Такие сосуды сохранились в ризнице Троице-Сергиева монастыря.

¹⁰¹ Качалова И.Я., Маясова Н.А., Щенникова Л.А. Указ.соч. Как в примеч. 3. С. 85. Ил. 231; Декоративно-прикладное искусство... Как в примеч. 20. Кат. 5.

¹⁰² «и в том патыре камень сердолик изламон, а сказывают, изламон тогда, коли тати церковь Пречистую соборную крали» — Города России... С. 7. Сам факт нападения свидетельствует, что городской собор Коломны считали средоточием духовных и материальных богатств.

¹⁰³ В собрании Оружейной палаты сохранился наперсный крест с византийской камеей на сапфире с изображением «Распятия» в сплошной золотой оправе с эмалевым узором (Мартынова М.В. Указ. соч. Как в примеч. 47. № 13. С. 40 — 41; Стерлигова И.А. Византийские кресты и мошевики в семье Ивана Грозного. Докл. на конф. «Московский Кремль в эпоху Ивана Грозного» 13 — 14 декабря 2007 г.). Его оправу датируют второй половиной XVI в., он «пережил» Смутное время: в 1627 г. царица Евдокия Лукьяновна благословила им свою дочь царевну Ирину.

¹⁰⁴ Сравни с наперсным двойным ковчегом-мошевиком XIII — XIV вв. в форме квадрифолия: Христианские реликвии... Как в примеч. 46. Кат. 4. С. 43 — 45 (автор описания — И.А. Стерлигова).

находилось изображение креста, как правило, процветшего. Из всех коломенских церквей древности подобного уровня имелись только в Богоявленском соборе Старо-Голутвина монастыря, основанного преподобным Сергием: в той же описи упоминается икона, возможно, выполненная в технике мозаики, в любом случае, вклад неизвестной, но не последней государственной личности¹⁰⁵. С конца XIV в. археологические исследования выявляют предметы, форма и технология которых напрямую связаны со столичными (византийскими и московскими) традициями, как, например, литой крест-квадрифолий, в среднике которого некогда была икона (возможно, нагрудная панагия), найденный у Воскресенского собора на государевом дворе¹⁰⁶.

Нам не известны подробности отношений царя Ивана с епископом Вассианом Коломенским, но, будучи хорошо знаком с древностями своего двора в Коломне и в других храмах города, царь Иван мог видеть и древнюю икону своего небесного покровителя в церкви загородной резиденции коломенского епископа. Это вполне вероятно, если учитывать посвящение этого храма — празднику Зачатия Иоанна Предтечи. Как показала Ю.В. Бродовая, в эпоху Грозного усиливается интерес в том числе к детскому циклу внутри житийных программ пророка; этот интерес проявляется не только в подробном иллюстрировании его событий в монументальной живописи, иконах и книжной иллюминации, но также в посвящении празднику Зачатия церквей в дворцовых селах, что, возможно, связано также с «молением о чадородии»¹⁰⁷.

Извод Предтечи как ангела получает широкое распространение в искусстве эпохи Грозного и связан не только с личными предметами, принадлежавшими государю, или обетными образцами, прославляющими его рождение. Из ряда поволжских

¹⁰⁵ «...икона пядница, серебром обложена, а на ней два образа, Федор Стратилат да Федор Тирин, а над ними Спас во облоцех, а писана Моисею» — Города России... С. 65. Л.А. Щенникова предположила, что это описка или ошибка писца (Щенникова Л.А. Византийские иконы в Московском Кремле // Византийские древности в музеях Московского Кремля / Отв. ред. И.А. Стерлигова. В печати). Икона была натальной, поскольку имела золотую цепочку из 14 звеньев: «а у них чепка золота, четырнадцать жеребейков» — Города России... С. 65.

¹⁰⁶ Доклад А.Б. Мазурова «Итоги археологического изучения Коломны» на науч. конф. «Коломна и Коломенская земля. Историко-культурное наследие и современность», проходившей в Коломне 3 — 5 октября 2008 г.

¹⁰⁷ Например, церкви в селе Дьякове, возведенной, вероятно, в 1529 г. на месте здания 1570-х гг. с посвящением главного престола празднику Усекновения главы Предтечи, см.: Бродовая Ю.В. «Зачатьевский цикл» в составе жития св. Иоанна Предтечи в древнерусском искусстве XVI в. // Иконографические новации и традиция в русском искусстве XVI в. Тез. докл. науч. конф. 17 — 18 ноября 2004 г. М., 2004. С. 5. О церкви в Дьякове см.: Кавельмахер В.В. К истории постройки именной церкви Ивана Грозного в селе Дьяково. М., 1989; Баталов А.А. О датировке церкви Усекновения главы Иоанна Предтечи в Дьяково // Русская художественная культура XV — XVI вв. М., 1998 (Материалы и исследования. / Гос. ист.-культур. музей-заповедник «Московский Кремль»; 11). С. 220 — 239.

Ил. 22. Иоанн Предтеча Ангел пустыни, с житием. Средник житийной иконы. Вторая половина XVI в. Нижегородский художественный музей.

городов происходят несколько икон середины XVI в., стимулом к созданию которых могло послужить присоединение к Русскому государству Казанского и Астраханского ханств, в результате чего волжский торговый путь почти на всем своем протяжении сделался свободным для русских торговых людей. Такие иконы создавались, как правило, местными мастерами, однако уже то, что для их средников использован извод Предтечи как ангела, может указывать на знакомство со столичными традициями. Например, икона «Иоанн Предтеча Ангел пустыни, с житием» из Нижегородского музея¹⁰⁸ (ил. 22) яркой декоративностью, сочетанием красных, сине-черных и черных оттенков свидетельствует о местном происхождении мастера. Однако некоторые особенности иконографии ее житийного цикла (в сценах обретения главы) близки памятникам рубежа XVI – XVII вв.¹⁰⁹ В Ярославле извод Предтечи «Ангела пустыни» оставался популярен и в XVII в.; иконы данного типа, созданные в XVI – XVII вв., многочисленны (хранятся в собраниях Ярославского художественного музея и ГТГ), среди них есть и житийные. Образ пророка в среднике ярославских икон середины – второй половины XVI в. может приближаться к классическим, вероятно, столичным образцам утонченностью пропорций в изображении Предтечи, как на иконе неизвестного происхождения¹¹⁰. Асимметричное расположение крыл и постановка ног, направленный в сторону взгляд свидетельствуют о желании мастера передать ракурс. На басменном окладе другой иконы, происходящей из ярославской церкви Николаи Надеина, сохранилась надпись о вкладе ее «Иоанном Дементьевым сыном Богомолывым в 7059 году»¹¹¹. Сопоставляя сюжет иконы с именем вкладчика, можно предположить, что икона является обетной, памятником личного благочестия. Вероятно, вкладчик использовал для иконы своего небесного покровителя тот же извод, что был известен по иконам царского ангела. Образ пророка наделен силой, уверенной и спокойной мощью, переданной в самой посадке симметрично распахнутых огромных крыл. Их рисунок передает объем в области сгиба, чем напоминает некоторые северные изображения

¹⁰⁸ Поступила в 1928 г. из Борисоглебской церкви Балахны, см.: Икона Древней Руси 11 – 16 вв. СПб., 1993. Кат. 69; Балакин П.П. Древнерусское искусство Нижнего Новгорода: статьи. Нижний Новгород, 1999. Кат. 22. С. 75; Бродовая Ю.В. «Усекновение главы св. Иоанна Крестителя»...Как в примеч. 70. С. 170, 177 (примеч. 77).

¹⁰⁹ Согласно наблюдениям Ю.В. Бродовой, в конце XVI – начале XVII вв. в житийных иконах Предтечи появляются иллюстрации ранее неизвестных сюжетов, а известные изображаются в оригинальных, нетрадиционных вариантах, см.: Бродовая Ю.В. Новооткрытая икона «Иоанн Предтеча – Ангел пустыни, с житием» из собрания Гос. музея-заповедника «Коломенское». Проблемы иконографии житийного цикла // Искусство христианского мира. М., 2001. Вып. 5. С. 161.

¹¹⁰ Иконы Ярославля 13 – 16 вв. М., 2002. Кат. 26. С. 70 – 72 (автор описания – А. Федорчук).

¹¹¹ Там же. Кат. 27. С. 74 – 78 (автор описания – И. Харламова).

крылатого Предтечи¹¹². Сами диспропорции фигуры (преувеличенная длина правой руки) и нарушения границ средника (правая нога «наступает» на границу нижних клейм) создают впечатление ищущей выход внутренней энергии (ил. 23). Возможно, ярославские памятники воспроизводят общий иконографический образец, уже отличный от древней коломенской иконы и ее столичных повторений – таких, как махришская икона. В ярославских иконах фигура пророка в среднике получает большую, все возрастающую замкнутость контура и композиционную статичность. На ярославской иконе неизвестного происхождения левая покровенная рука с чашей бережно прижата, прикрыта складкой хитона. Еще плотнее рука «прилегает» к телу на иконе из церкви Николая Надеина, так что свиток под чашей располагается почти по оси фигуры. Стремление к замкнутости, симметричности силуэта, господство абриса больших распахнутых крыл, обнимающих фигуру и заключающих ее в художественное символическое целое, будет характерно для образов Предтечи-ангела годуновской эпохи. Подобное иконографическое и отчасти композиционное сходство средников двух икон, исполненных мастерами с разной степенью искусности, но трудившихся в одном центре, свидетельствует об использовании общего, почитаемого образца. Возможно, что такие иконы могли быть обетными иконами, как-то связанными с ожиданиями представителей городского купечества, общим духом «гражданского общества» того времени.

Среди икон с образом Иоанна Предтечи Ангела пустыни второй половины XVI в., в которых повторяется извод коломенской иконы XIV в., интересны те, что происходят из церквей и мест, связанных с деятельностью «именитых людей» Строгановых. Известно, что представители этой семьи заняли особое место в столичном мире, уникальное для своего сословия. Они прекрасно были осведомлены и в вопросе политических потребностей царского двора, и в столичных художественных тенденциях; стремились повторить те особенности благочестивого поведения, что были присущи царскому и митрополичьему двору. В их храмах, как и в столичных соборах, в эпоху митрополита Макария, появлялись новые иконографические изводы¹¹³. Храмы и личные покои они наполняли повторениями икон, которые прославляли в столице за древность и происхождение, а также реликвиями

Ил. 23. Иоанн Предтеча Ангел пустыни, с житием. 1551 г. Ярославский художественный музей.

¹¹² Например, на иконе первой половины XVI в. из собрания Архангельского музея изобразительных искусств, см.: Северные письма. Собрание Архангельского музея изобразительных искусств. Каталог / Сост. О.Н. Вешнякова, Т.М. Кольцова. Архангельск, 1999. Кат. 9. С. 44; Шедевры русской иконописи... М., 2007. Т. 1. Кат. 39. С. 190 – 196.

¹¹³ Сарабянов В.Д. Симвоико-аллегорические иконы митрополита Макария // Вопросы искусствознания. М., 1994. № 4. С. 260 – 265.

Ил. 24. Иоанн Предтеча Ангел пустыни, с житием. Вторая половина XVI в. Сольвычегодский историко-художественный музей.

русских святых¹¹⁴. Образ Иоанна Ангела пустыни встречается в небольших моленных и нескольких житийных иконах, происходящих из вотчинных храмов Строгановых. Во второй половине XVI в., возможно, для Благовещенского собора в Сольвычегодске была написана икона с образом Предтечи-ангела в среднике и житием в 14 клеймах¹¹⁵ (ил. 24). Это храмовый (120 х 90,5 см) образ с богатым серебряным окладом в среднике (чеканка с гравировкой), клеймах (басма) и на полях (гладкий с пятью репейками). Фигура Предтечи в среднике очень близко повторяет извод коломенской иконы. Он стоит с поднятой вверх и отведенной в сторону правой рукой, в левой руке — только свиток (сохранена поздняя запись), изображение чаши с усеченной главой отсутствует. Лик и взгляд пророка обращен к молящемуся — так же, как на иконе из Махришского монастыря. Сходен и цвет одежд, охристо-зеленый, использование желтой охры вместо киновари при написании подпапартков. Отсутствие традиционных атрибутов (чаши и главы, креста, древа с секирой) компенсировано наличием житийных композиций, состав и расположение которых продуманы и, видимо, связаны с определенной программой¹¹⁶.

Иконы, подобные поволжским или строгановским произведениям середины — второй половины XVI в., оказываются уже не столь связанными со столичными обстоятельствами и темой государева патронального обета. Но нельзя исключать возможности, что на выбор образца для них повлияли столичные прописи или иконы, восходящие к царским мастерам, прекрасно знавшим изводы, представляющие небесного ангела-царя.

В заключение следует отметить, что тема образцов и степеней их воспроизведения, возможных переработок и творческого осмысления, столь важная для всего средневекового христианского искусства, остается особенно важной для тех произ-

¹¹⁴ Маханько М.А. Почитание московских святых Строгановыми: влияние столичной культуры на периферии (вторая половина XVI — начало XVII вв.) // Древнерусское искусство. СПб., 2003. Вып.: Русское искусство позднего средневековья. XVI в. С. 341 — 359.

¹¹⁵ Вывезена из СИХМ в Архангельск в 1974 г., где находилась на временном хранении в Гос. Музейном объединении «Художественная культура Русского Севера» (инв. ВХ-0321), см.: Искусство строгановских мастеров: реставрация, исследования, проблемы. Кат. выставки. М., 1991. Кат. № 40 (далее — Искусство строгановских мастеров, 1991); Иконы строгановских вотчин XVI — XVII вв. По материалам реставрационных работ центра им. Академика И.Э. Грабаря: Каталог-альбом. М., 2003. Кат. № 47. С. 163.

¹¹⁶ Композиции верхнего ряда и одно клеймо на левом боковом поле содержат подробный рассказ о зачатии и рождении Иоанна: 1. Явление ангела Захарии; 2. Захария перед народом; 3. Встреча Захарии и Елизаветы; 4. Встреча Марии и Елизаветы; 5. Рождество Иоанна Предтечи. Клейма нижнего поля раскрывают обстоятельства гибели пророка, усекновения его главы и ее обретения; 11. Обличение Ирода; 12. Усекновение главы Иоанна Предтечи; 13. Принесение главы Ироду; 14. Обретение главы Иоанна Предтечи. На боковых полях размещены сцены, происходившие в пустыне: 7. Спасение Елизаветы с младенцем Иоанном в горе; 8. Ангел уводит младенца Иоанна в пустыню; 9. Моление Иоанна в пустыне; 10. Крещение народа Иоанном, — раскрывающие значение пустынножительства и миссии Иоанна.

ведений, которые связаны с определенными личностями, тем более выдающимися деятелями своего времени. В них можно постараться найти не только следование традиционным принципам молитвенного обращения к небесному покровителю, но и личные предпочтения того или иного варианта изображения, причины подобного выбора, смысловые акценты. Харизматическое свойство личности и статуса первого русского царя оказало влияние на искусство того времени и в особенности на те произведения, которые посвящались изображению его святых покровителей, прежде всего главному патрону – пророку Иоанну Предтече и тезоименному празднику – Усекновению главы Предтечи. Образ пророка, поиски литературных произведений, ему посвященных, подробное иллюстрирование его жизни, бытование его мощей становятся интересными русскому обществу именно в грозненскую эпоху, в частности, ее феодальной элите¹¹⁷, которую составляли заказчики икон и предметов драгоценного церковного убранства. Можно сказать, что высочайшее художественное качество этих произведений соединялось с особой избранностью, харизматическим значением воспроизведенного образца, освященного авторитетом национальной древности, общеправославного наследия. Важно, что в искусстве грозненского времени традиции византийского и общеправославного искусства соединяются с памятью о собственных древностях, которые, как правило, представляют собой выдающиеся произведения национального искусства. И особое место в ряду этих древних святынь принадлежит церковному наследию – иконописным образцам, связанным с Коломной и ее храмами.

¹¹⁷ Отмечено Ю.В. Бродовой, см.: Бродовая Ю.В. «Усекновение главы св. Иоанна Крестителя»... Как в примеч. 70. С. 177.

И.А. Лобакова

«Коломенские чудеса» в составе Заразского цикла

Ансамбль разножанровых произведений, объединенных (в различной степени) темой образа Николы Корсунского, получил название цикла повестей о Николе Заразском. В полном составе цикла читаются: 1) «Сказание о перенесении Николина образа из Корсуня в Рязань» (рассказ о событиях, отнесенных к 1225 г.); 2) «Повесть о разорении Рязани Батыем» (1237 г.); 3) «Коломенские чудеса» (первое из двух содержит дату 1514 г.); 4) «Род поповский» (доведен до 1561 – 1615 гг.). В таком полном виде в рукописной традиции цикл встречается крайне редко (в единичных списках). Если быть более точными – в двух (один из которых дефектный). Таким образом, рассуждая о «Заразском цикле», необходимо учитывать весь объем рукописного материала, который позволит определить значение этого цикла в истории бытования включенных в него памятников. Вполне уместно обратиться к наблюдениям Элизы Малэк, сделанным на другом материале, но связанным с проблемой циклизации: «В рамки цикла (как показывает уже самый беглый перечень) могут включаться исследователями произведения как одного, так и разных жанров, созданные в одно и то же время, и сочинения разного времени, тексты принадлежащие как одному, так и разным авторам ... что заставляет отнести ... к употреблению и так не очень ясного, но, несомненно, модного термина с некоторой недоверчивостью и осторожностью»¹.

Следует признать, что говорить об устойчивости Заразского цикла крайне затруднительно. Во-первых, могла меняться последовательность произведений: «Сказание о перенесении Николина образа» – «Род поповский» – «Повесть...»; «Сказание...» – «Повесть...» – «Род поповский» – «Коломенские чудеса». Во-вторых, цикл в подавляющем большинстве списков читается в неполном виде: «Сказание...» – «Повесть...», «Сказание...» – «Повесть...» – «Род поповский»; «Сказание...» – «Повесть...» – «Коломенские чудеса» (чаще – только 1-е чудо); «Сказание...» – «Коломенские чудеса». В-третьих, составители сборников часто объединяли «Повесть о разорении Рязани Батыем» с другими воинскими повествованиями: «Повестью о битве на реке Калке», «Сказанием о Мамаевом побоище», «Казанской историей». В таком случае «Повесть...» составляла «ансамбли» (по определению Д.С. Лихачева) с другими произведениями, образуя тематические циклы в исторических сборниках. В-четвертых, Зараз-

¹ Малэк Элиза. Разыскания по русской литературе XVII – XVIII вв.: Забытые и малоизученные произведения. СПб., 2008. С. 195.

ский цикл нередко бывал расширен легендарной повестью об убиении Батяя (смерть предводителя монголо-татарского войска от руки угорского королевича Владислава отнесена к 1245 г.), причем это произведение могло читаться после «Повести о разорении Рязани» любой из старших редакций и в разных сочетаниях с другими произведениями Заразского цикла². Необходимо также отметить, что если «Повесть о разорении Рязани Батыем» – самое старшее из составляющих цикл произведений – дошла до нас в значительном числе редакций (Д.С. Лихачев выделил 10³, позже нами были обнаружены еще 2 редакции – Дополненная и Особая⁴), то другие произведения цикла представлены лишь двумя-тремя вариантами.

Таким образом, рассуждая о цикле повестей о Николае Заразском, мы должны иметь в виду, что это достаточно условное понятие. В.Л. Комарович, впервые обратившийся к изучению истории текста, рассматривал в качестве такого цикла «Сказание о перенесении Николина образа из Корсуны в Рязань» и «Повесть о разорении Рязани Батыем», которую делил на отдельные «повести» (о взятии Рязани, о Еватии Коловрате, о возвращении в Рязань князя Ингваря и «Похвала рязанскому княжескому роду»), в качестве пятого эпизода цикла рассматривал перечень зарайских священнослужителей. Д.С. Лихачев, который, собственно, и ввел в научный оборот понятие «Заразский цикл» и издал тексты всех входящих в него произведений, тем не менее не единожды отмечал «разновременность, разнотипность и неравноценность» (в художественном смысле) составляющих цикл произведений⁵. Ученый сделал чрезвычайно важный вывод о том, что «весьма различно и отношение отдельных частей

² См., например: РГБ. Румянц. собр. № 378 (Сказание + Повесть / ред. А/ + легендарная повесть + Род поповский); БАН 16.15.8 (Сказание + Повесть / ред. А/ + легендарная повесть + Род поповский); БАН 16.17.21 (Сказание + Повесть / ред. А/ + легендарная повесть); ГИМ. Синод. собр. № 409 (Повесть / ред. А/ + легендарная повесть); ГИМ. Собр. Уварова. № 1876 (Сказание + Повесть / ред. Б 1/ + Род поповский + легендарная повесть); РНБ. Собр. Погодина. № 1574 (Повесть / ред. Б 1/ + Род поповский + легендарная повесть); РНБ. Q. 1. 398 (Сказание + Повесть / ред. Б 2/ + легендарная повесть).

³ Лихачев Д.С. Повести о Николае Заразском // ТОДРЛ. М.; Л., 1949. Т. 7. С. 257 – 281. Ученый выделил 3 основных редакции – редакцию А и редакцию Б 1-го и 2-го видов, к которым восходят созданные в XVI – XVII вв. все другие редакции: Хронографическая, Стрелецкая, Распространенная, Риторическая, Воинская редакция Сказания 1-го и 2-го видов). Там же приведены научные издания текстов каждой редакции.

⁴ См.: Лобакова И.А. «Повесть о разорении Рязани Батыем» в новых редакциях XVII в. // ТОДРЛ. Л., 1992. Т. 45. С. 379 – 389. Другая классификация списков была предложена Б.М. Клоссом. См.: Клосс Б.М. Избранные тр.. Т. 2. Очерки по истории русской агиографии XIV – XVI веков. Агиография Москвы, Твери, Ярославля, Суздаля. Сказания о чудотворных иконах. М., 2001. С. 411 – 456. Анализ этой работы см.: Лобакова И.А. Заметки по текстологии «Повестей о Николае Заразском» (Отклик на концепцию Б.М. Клосса) // Русская агиография. Исследования. Публикации. Полемика. СПб., 2005. С. 761 – 783.

⁵ Лихачев Д.С. Повести о Николае Заразском... С. 258.

цикла к самой иконе Николы. В Зарайске (а впоследствии и в Коломне) были соединены в местный цикл различные по происхождению повести: и те, которые имели узко местное значение, и те, которые имели значение общерусское. Местные интересы сказываются только в церковной части цикла и в самом факте объединения отдельных повестей по «местному» принципу⁶. Сложение этого цикла Д.С. Лихачев относил ко второй трети XVI в. Подробный анализ соотношения Заразского цикла и истории сложения культа Николы Заразского предложен в работе Анджея Поппэ⁷. 1530-ми гг. ученый датировал не только составление цикла, но и формирование самого культа Николы Зарайского. Хотелось бы отметить, что А. Поппэ опирался в своих доказательствах на мнение о том, что иконы Николы Зарайского известны лишь с первой трети XVI в. Однако, как известно, в собрании Третьяковской галереи находятся 3 памятника данного иконописного типа, которые датируются первой половиной или серединой XIV в.⁸ К этому же времени относится новгородская икона «Никола Зарайский с житием в 16-ти клеймах» из погоста Озереве, хранящаяся в собрании Русского музея⁹. Причем в ранних списках иконы не имеют именованя «Зарайский». Одна из них имеет надпись «Никола святитель». Вполне вероятно, что иконописный тип, получивший в XVI в. название «Никола Зарайский», мог поглотить более раннее почитание Николы Корсунского¹⁰. В качестве косвенного доказательства такой гипотезы, как представляется, следует рассматривать тот факт, что и в тексте «Сказания о перенесении Николина образа» (в том числе в эпизоде о погребении князя Федора, Евпраксии и их сына Ивана), и в обоих Коломенских сказаниях образ назывался «Корсунским» или «Корсунским и Заразским».

⁶ Там же.

⁷ Поппэ А. К начальной истории культа св. Николы Заразского // Essays in Honor of A.A. Zimin / Ed. by D. Waugh. Colambus, 1985. P. 289 — 304.

⁸ 1) Никола Зарайский и апостол Филипп (новгородская икона из Ильинской церкви с. Телятниково в Заонежье); 2) Никола Зарайский с житием (ростовская икона из с. Павлово); 3) Никола Зарайский с житием (костромская икона). См.: Государственная Третьяковская галерея. Каталог собрания. Т. 1. Древнерусское искусство X — начала XV века. М., 1995. С. 76 — 77, 114 — 117, 126 — 127.

⁹ См.: Святой Николай Мирликийский в произведениях XII — XIX столетий из собрания Русского музея. СПб., 2006. С. 48 — 49. Следует отметить, что в XVI в. иконы этого типа находились в с. Ракомо близ Новгорода (С. 66 — 67); в селе Большие Соли между Ярославлем и Костромой (С. 70 — 71); в Георгиевской церкви Теребушского погоста Старой Ладogi (С. 72 — 73). Таким образом, ареал распространения икон с изображением Николы, представленного «в рост, в полном епископском облачении... с распростертыми в стороны руками, одной из которых он благославляет, а в другой держит закрытое Евангелие», был чрезвычайно широким.

¹⁰ Один из примеров подобной практики подробно рассмотрен в исследовании И.А. Шалиной. См.: Шалина И.А. Богоматерь Эфесская — Полоцкая — Корсунская — Торопецкая: Исторические имена и архетип чудотворной иконы // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси. М., 1996. С. 200 — 251.

Произведения цикла (кроме «Повести о разорении Рязани Батыем») объединены темой чудес Николы и его иконы. В «Сказании о перенесении Николина образа из Корсуня в Рязань» святитель трижды является священнику Евстафию, решительно понуждая его перенести свою икону в далекую Рязанскую землю; позже чудотворец явился князю Феодору Юрьевичу с извещением о своем прибытии и предсказанием царствия небесного княжичу и его будущей семье. В этом же «Сказании...» четко обозначены темы наказания за ослушание и исцеления раскаявшегося. Так, во время второго явления Евстафию, Никола, «утыкая в ребра», велит ему торопиться с отъездом из Херсонеса. После того, как священник стал медлить, на него напала слепота и стала донимать головная боль. Раскаяние излечило Евстафия и позволило ему отправиться в путь. Его жена Феодосия была наказана более тяжело: в Новгороде она скрылась от мужа, решив остаться в полюбившемся ей городе. Она лежала обездвиженная, едва живая. Только молитва Евстафия к Николе спасла женщину от смерти. Очевидно, что сюжет «Сказания...» построен как классическая реализация мотивов видения человеком святого/иконы, странствия (по велению святого/иконы), наказания за ослушание и исцеление после покаяния. Текст «Сказания о перенесении Николина образа из Корсуня в Рязань» состоит из 4 эпизодов, различных по стилю и достаточно слабо связанных сюжетно. Первый из них – сообщение о битве на реке Калке в 1223 г. Во втором эпизоде еще раз повторяется известие о «приходе» святыни в пределы Рязанские, но главное место отведено рассказу о крещении в Корсуне князя Владимира Святославича. Причем, рассказ этот в целом никак не связан с темой иконы Николы, кроме слов о том, что «стоял чудотворный образ во граде Корсуне посреди града, близ церкви», где крестился Владимир. Третий – наиболее разработанный и яркий – о странствии Евстафия. В четвертом содержится краткое повествование о явлении Николы князю Феодору, сообщение о приходе Батыев, убийстве им рязанского посольства во главе с князем и самоубийстве Евпраксии с маленьким сыном.

В отличие от «Сказания о перенесении Николина образа...», Коломенские эпизоды имеют четко выстроенный линейный сюжет и, казалось бы, в значительно большей степени ориентированы на каноническую жанровую форму сказания о чудесах. Позволим себе напомнить сюжеты этих двух эпизодов. Первый из них повествует о том, как, убоявшись набега татар в 1514 г., зарайские священники взяли образ Николы и пришли в Коломну. Епископ Митрофан встретил с честью икону, которая явила в городе многие чудеса исцеления, о чем был извещен царь Василий Иванович. В честь иконы поставили храм,

а список с нее вернули в Зарайск. Священники служили «на два престола». Серебренник Козлок украл ночью оклад с образа. Святитель Никола явился праведному мужу Созонту Киселеву, который долгие годы лежал без движения, рассказал, что образ его во дворе Козлока за рекой Коломенкой, и велел сообщить об этом епископу. Излеченный святым Созонт поведал о чуде Митрофану и открыл место нахождения образа. Епископ с образом Николы в руках в сопровождении людей и Созонта пришел во двор Козлока, который отдал украденное. Возвращаясь в город, процессия с образом проходит мимо глухонемого нищего Климента, который исцеляется от своего недуга. Извешенный о происшедших чудесах царь жалует священников и просит молиться за него и за его семью.

Второй Коломенский эпизод рассказывает о печали зарайских священнослужителей, разлученных со своей святыней. В Крестопоклонное воскресенье 9 марта в третьем часу дня пономарь вошел в церковь и увидел, что чудотворный образ Николы стоит на своем месте, заменив список, который был прислан по приказу царя. Объятый страхом, пономарь известил о чуде священников, которые сначала не поверили ему, но, войдя в храм, убедились в истинности его слов. Они отправили в Коломну известие о случившемся. Епископ Митрофан удостоверился, что в коломенском храме вместо подлинного образа находится сделанный список. О чуде извещают царя Василия Ивановича, который просит прощения у чудотворца за то, что своей волей не позволил вернуть образ к прежнему престолу. Он жалует зарайских священников и обещает оградить каменной стеной Николин образ.

Впервые Коломенские эпизоды стали предметом специального анализа в монографии А.Б. Мазурова¹¹. Этой части Зараского цикла посвящена специальная глава: «"Коломенские чудеса" цикла повестей о перенесении чудотворного образа Николы Зараского как исторический источник». Глава состоит из следующих разделов: «Наблюдения над текстами и их соотношение» (имеются в виду «Коломенские чудеса»); «Источниковедческий анализ»; «Персоналии. Фигура Митрофана как ключ к пониманию текста»; «Чудеса как отражение стереотипов поведения. Бытовые детали»; «Топография Коломны и храмовая топография в частности». В исследовании А.Б. Мазуровым сделан ряд бесспорных выводов. На основе анализа текстов доказывается, что первый из Коломенских эпизодов был создан в Коломне человеком, близким епископу Митрофану — «кем-то из обитателей владычного двора»¹²,

¹¹ Мазуров А.Б. Средневековая Коломна в XIV — XVI вв. Комплексное исследование региональных аспектов становления единого русского государства. М., 2001. С. 406 — 418. (Искренне благодарю автора за предоставленную возможность познакомиться с его работой. — *И. Л.*)

¹² Мазуров А.Б. Там же. С. 417.

т. к. автор прекрасно знает топографию города и легко ориентируется в местной топонимике. Второй из Коломенских эпизодов был записан в Рязанской земле зарайскими священниками.

Исследователь согласился с выводом Б.М. Клосса, что в окончательном виде Заразский цикл сформирован при епископе Митрофане (т. е. до 1518 г. — времени ухода Коломенского иерарха с кафедры по болезни) после создания «Коломенских эпизодов». На основании данных Мазуринского и Устюжского летописцев подтверждается правильность указанной даты прихода в Коломну зарайских священников с образом Николы, спасавшихся от очередного татарского набега — 7021 год (по сентябрьскому году — с 1 сентября 1513 г. до 31 августа 1514 г.). В главе, посвященной анализу Коломенских эпизодов, содержится очень интересный и богатый топографический, исторический и фактологический материал. Однако некоторые выводы А.Б. Мазурова не вполне убедительны.

Так, вопрос о соотношении двух вариантов текста первого Коломенского эпизода требует дополнительного текстологического исследования. Автор монографии не проводил сопоставления известных к настоящему времени списков Коломенских эпизодов и не учитывал возможности соотношения их вида с разными редакциями «Повести о разорении Рязани». Потому сравнение опубликованного Д.С. Лихачевым текста 1-го Коломенского эпизода, завершившего цикл в редакции Б 2-го вида (РНБ. Собр. Погодина. № 643. Л. 153 — 160 об.), с вариантом, который читается в другом списке этой же редакции (ГИМ. Собр. Уварова. № 1823) и содержит оба Коломенских эпизода, а также отдельным списком 2-го Коломенского эпизода (ГИМ. Собр. Воскресенского. № 211), не вполне репрезентативно.

Прежде всего необходимо сразу оговорить, что Коломенские эпизоды не имеют обширной рукописной традиции. И даже в том крайне небольшом количестве списков, которые известны, первый из эпизодов может встречаться без 2-го¹³.

Кроме двух видов 1-го Коломенского эпизода, которые были введены в научный оборот Д.С. Лихачевым¹⁴, нам

¹³ Так, например, среди списков XVII в., которые находятся в рукописных собраниях С.-Петербурга, Коломенских эпизодов нет вовсе в РНБ. 1) Собр. Погодина. № 1570; 2) ОЛДП. Q. 235; БАН 16.15.8 (ред. А); РНБ. 1) Собр. Погодина. № 1574; 2) Собр. Титова № 3764; БАН. Собр. Арх. К — 51 (ред. Б 1-го вида); РНБ. 1) Собр. Соловецк. № 837/947; 2) Собр. ОЛДП, 3) F. 97 (ред. Б 2-го вида). В рукописи БАН 13.2.23 читается только «Сказание о перенесении Николина образа» и 1-й Коломенский эпизод. В рукописи РНБ. Соловецк. собр. № 906/1016 читаются: «Сказание...» — «Род поповский» — «Повесть о разорении Рязани Батыем» — 1-й Коломенский эпизод. В БАН хранится рукопись (4.7.3), где объединены «Сказание...», «Повесть о разорении Рязани...» (в ред. Б 2-го вида) и 1-й Коломенский эпизод. Иными словами, «рыхлость» состава Заразского цикла подтверждается наблюдениями над составом конкретных рукописей.

¹⁴ См.: Лихачев Д.С. Повести о Николае Заразском... С. 343 — 349.

удалось обнаружить еще два. Первый из них читается в рукописи Троице-Сергиева монастыря последней трети XVII в., который хранится в БАН (13.2.23. Л. 69 об. – 71 об.). Он образует со «Сказанием о перенесении Николина образа» своего рода «мини-ансамбль» и имеет ряд отличий от изданного текста, который был обозначен А.Б. Мазуровым как КЭ-1/1¹⁵. Так, приказ царя Василия Ивановича воздвигнуть церковь в честь Николы чудотворца дополнен следующим образом: «и списати же список с чюдотворнаго образа и послати во град Зарасский» (Л. 69 об. – 70). После известия о том, что на два престола служили «2 года и пять на десять недель», епископ Митрофан Коломенский повелел в отстроенном храме «служити двема иереома да диакону, а дву иереовъ да диакона послал во Зарасский /с/ спискомъ к старому престолу» (Л. 70). В этой рукописи повествование о краже из церкви оклада чудотворного образа и переживаниях горожан и епископа более эмоционально, чем в других: «кто таковы новы Ария иконоборецъ окаянны, неустрашны Божий враг, како смѣлъ дерзнути на таковы пресветлы образ» (Л. 70 об.).

Еще один обнаруженный список 1-го вида Коломенского эпизода завершает цикл, образованный «Сказанием о перенесении Николина образа...»; «Повестью о разорении Рязани...» (в ред. А); 1-м Коломенским эпизодом, текст которого в конце повествования «перебит» окончанием 2-го Коломенского эпизода); завершается подборка «Повестью об убиении Батяя». Эта рукопись, принадлежавшая в XVIII в. князю Д.М. Голицыну, хранится в Рукописном отделе БАН (16.17.21), в ней перепутаны листы. Текст 1-го Коломенского эпизода близок к КЭ-1/1, но в нем подчеркнута роль в коломенских событиях царя Василия Ивановича. Так, именно он «повелѣ воздвигнути храм каменный на площади во имя Николы Заразскаго ... а список с чюдотворнаго образа списав послать в Зараескъ» (Л. 184 об.). Он же приказал служить в новом храме «двѣма иерѣома да дякону». Далее сообщается, что «дву иереов да дякона отпусти владыко на Резань со образом к старому престолу. И священницы заразския поставиша у стараго престола образ – церковный Николин списак. А служили на Коломне у чюдотворнаго образа два года и 15 недель» (Л. 184 об. – 185). Интересно, что и во фрагменте 2-го Коломенского эпизода зафиксирован особый вид текста. Послание епископа Митрофана царю Василию с рассказом о чудесах Николина образа доведено до описания последнего чуда – исцеления Климента. Оно обрывается на середине фразы, и далее читается послание Митрофана, но уже о чудесном возвращении чудотворной иконы в Зарайск (т. е. послание из 2-го сказания о Коломенском чуде): «а чюдотворный

¹⁵ См.: Мазуров А.Б. Средневековая Коломна... С. 407 – 409.

великий Николин образ Корсунский с Коломны стал во граде Заразске собою, а списакъ, что и доднесь стоит на Коломне, — в новом храмѣ чудотворца Николы Заразскаго святительствѣмъ. Чудотворный Николин образъ Корсунский стоит в Зарайскѣ неподвижин, а списокъ стоит на Коломнѣ. Благовѣрный же великий князь Василей Иванович самодержецъ слыша таковыя чудеса от чудотворнаго образа и повелѣ с Коломны к себѣ, государю, ездити с праздничною святою водою дважды на году священнику да дьякону» (Л. 186 об. — 187).

Сопоставление чтений известных списков позволяет предположить, что в первоначальном тексте 1-го из «Коломенских сказаний» содержалось сообщение о написании с иконы списка (по приказу царя Василя Ивановича или по повелению Митрофана) и отправке его с двумя священниками и дьяконом в Зарайск, так как оно читается как в обнаруженных вариантах К 1/1, так и в Уваровском списке 1-го Коломенского эпизода, который был обозначен А.Б. Мазуровым как 2-й вид 1-го Коломенского эпизода. Обнаруженные нами варианты подтверждают, что в рассказе о строительстве храма в честь Николы более частым чтением является «на площади», а не «посреди торжища» (как в Уваровском списке). Однако стоит обратить внимание на то, что индивидуальное чтение «посреди торжища» содержится в рассказе о повелении царя. Потому особенность топографии Коломны, где площадь и торжище были разведены, хорошо известная местным жителям, могла бы быть проигнорирована государем, т. к. в большинстве случаев в то время эти слова выступали в качестве полных синонимов.

Предложенная А.Б. Мазуровым датировка создания Коломенских эпизодов не бесспорна. Исследователь объединил для установления времени написания сведения обоих «Коломенских сказаний». В то время как большинство списков 1-го из них определенно называют время, когда служба велась «на два престола» — 2 года и 15 недель, а потому возвращение древней корсунской иконы к своему престолу следует отнести к 1516 г. (по сентябрьскому летосчислению). Однако историк обратил внимание, что в единственном списке привлеченного им к исследованию 2-го Коломенского эпизода сообщается, что зарайские священники «не служили у чудотворного образа от 6 декабря (день Николы Зимнего) неизвестного года до Крестопоклонного воскресения Великого поста 9 марта неизвестного года»¹⁶. Далее в расчет А.Б. Мазурова вкралась случайная ошибка: справедливо указав на то, что Пасху отделяет от Средокрестного (или Крестопоклонного) воскресения полных 4 недели,

¹⁶ Мазуров А.Б. Средневековая Коломна... С. 410.

исследователь назвал числом расчетной даты 4 апреля (которое пришлось на 1518 г.).

Сделав простой арифметический подсчет, нетрудно убедиться, что если Крестопоклонное воскресенье падает на 9 марта, то Пасхальное приходится на 6 апреля (и никак иначе). Но в интересующий нас период – время служения на епископской кафедре Митрофана – Пасхальное воскресенье ни разу не праздновали 6 апреля¹⁷. Известно, что в 1513 г. Пасха приходилась на 27 марта (Крестопоклонное воскресенье – 27 февраля); в 1514 г. – на 16 апреля (Крестопоклонное воскресенье – 19 марта); в 1515 – на 8 апреля (Крестопоклонное воскресенье – 11 марта); в 1516 – на 23 марта (Крестопоклонное воскресенье – 23 февраля); в 1517 – на 12 апреля (Крестопоклонное воскресенье – 15 марта), в 1518 – на 4 апреля (Крестопоклонное воскресенье – 7 марта)¹⁸. Таким образом, дата Крестопоклонного воскресенья 9 марта, к сожалению, не позволяет памятнику обрести четкую хронологическую основу.

Даже если предположить, что переписчик просмотрел «и десятиричное» в своем источнике и вместо 19 марта написал 9, то Пасха, которая в этом случае выпадает на 16 апреля¹⁹, приходится на 1514 г., что никак не соотносится с другими датами: за лето 1514 года храм во имя Николы в Коломне могли лишь построить и начать внутренние работы. Есть вероятность их окончания к празднику Николы Зимнего. Если отсчитать от декабря 1514 г. 2 года и 15 недель, то мы получим двадцатые числа марта 1516 г. – наиболее вероятное время окончания служб на два престола. Пасха в 1516 г. действительно приходится на 23 марта, что подкрепляет датировку по тексту первого Коломенского эпизода. Таким образом, время создания первого из них действительно приходится на время пребывания на епископской кафедре Митрофана. Что касается второго эпизода, то он мог быть создан позднее (отсюда неувязка с датой Крестопоклонной недели), но придавал полную завершенность циклу (потому имя епископа соответствует времени действия).

Рассмотрим принципы сюжетной организации так называемых «Коломенских чудес», определив их роль в составе Зараского цикла, и выявим основные мотивы.

Итак, первый из Коломенских эпизодов в большинстве списков не имеет названия, но содержит точное указание на время действия (что характерно для жанровой формы сказания о чудесах): «В лета 7021-го году придоша крымския люди на Рязаньския украины. И чудотворца Николы Зараского

¹⁷ См.: Романова А.М. Хронология // Специальные исторические дисциплины. Учебное пособие. СПб., 2003. С. 548.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Празднование Воскресения Христова в этот же день было в 1525 и в 1536 гг., что может «разделить» во времени создание 1-го и 2-го Коломенского эпизодов.

священницы взя чудотворный образ, и пришли на Коломну ради татарского нахождения»²⁰. Повествование следует этикетной схеме, но при этом достаточно кратко: «Епископ Митрофан Коломенский чудотворный образ встретил со всем градом. Великий же чудотворец Николае Заразски показа милость на граде Коломне – учал миловати множество народа, исцеляя болезными одержимыя». Далее уточняется место действия: «И поставиша чудотворный образ в церкви Петра-чудотворца»²¹. После чего составителем сообщается, что епископ послал весть о чудесах от иконы царю Василию Ивановичу, который приказал поставить в честь Заразского образа каменную церковь посреди площади и сделать список с чудотворной иконы. За единое лето епископ поставил храм и повелел служить в нем двум попам и диакону, а сделанный список с зарайскими священниками был отпущен в Рязань. По дьявольскому наущению некий серебряных дел мастер по прозванию Козлок пробрался в церковь и украл оклад с иконы. Далее сюжет развивается, не вполне опираясь на канон. Козлок не был наказан святым за свое святотатство (т. е. в «Сказании...» оказался нереализованным привычный топос); в тексте отмечается, что епископ и народ дивились: «како сме дерзнути на чудотворный образ, како не усуже рука его и не разслабеша уды его».

Вместо наказания согрешившего описано спасение праведного. Созонт Киселев, боголюбивый муж, лежал неподвижно 8 лет. Ему явился «великий святитель и чудотворец Николае образ Заразской», который повелел идти к епископу и сказать, что оклад украл Козлок и спрятал его «пред избою, под мостом, в корчаге в земле». Созонт отрицался от данного ему святым повеления невозможностью пошевелиться. Но Никола «подья Созонта», и исцеленный от тяжкого недуга поспешил к епископу, которому подробно поведал о случившемся чуде и о том, кто посмел оскорбить святыню, похитив оклад. Епископ сначала отдал приказание «звонити на мног нас», собрал множество народа, чтобы все порадовались великому чуду исцеления больного святителем Николай. Только после этого, облекшись в торжественные одежды, епископ, взяв чудотворный образ, «поидоша за реку Коломянку на Чюру х Козлоку сребряному мастеру». И никто, кроме самого Митрофана и Созонта, не знал, зачем пошли они и куда. Далее автор «Сказания...» сообщает, что Козлок «срете у врат чудотворный образ и епископа, и поведа ему приклад чудотворнаго образа, не пытан, и не вопрошан. И сказа ему все по ряду еже содея. Епископ же взя приклад чудотворнаго образа и поиде во град, слава Бога и его чудотворца Николу».

²⁰ Текст приводится по рукописи БАН. 16. 17. 21.

²¹ Сведений о месте, где находился данный храм, не сохранилось. См.: Мазуров А.Б. Средневековая Коломна... С. 416.

Близ Ивановских ворот происходит еще одно чудо: некий нищий, глухой и немой от рождения по имени Климент «и увиде чудотворный образ, и в той час воскрича, и услыша, и проглагола. Епископ же виде велие чудо, и страхом объят быв, и возрадовася со всем градом». Завершается Сказание известием о том, как епископ Митрофан послал к государю Василию Ивановичу известие о чудесах «великаго чудотворца Николы Зарасскаго: како расслабленного исцели, и како яви приклад свой, и како глуха и нема ... исцели». После чего государь благодарил Бога, и Богородицу, и Николу, прислав епископу Митрофану и всему собору «милостыню довольну, и веля молити» Бога, и Богородицу, «и угодника их великаго и чудотворца Николу ... о своем государевом здравии, и о благоверной великой княгине, и о братне здравии, и о всем православии». В нашем списке сообщается также о том, что царь Василий Иванович приказал дважды в год приезжать священнику и дьякону к себе в Москву со святой водой.

Как мы видим, повествование о чудесах святителя в этом Сказании не вполне этикетно. Самым большим отступлением от традиций оказалась сюжетная линия, связанная с образом злодея — «сребреника» Козлока, укравшего оклад иконы²². Кроме привычного указания на причину совершенного греха: «И завидник и ненавистник роду христианскому враг устрели в сердце некоего серебрянаго мастера» — в первом коломенском Сказании остается нереализованным мотив наказания. Козлок фантастическим образом избежал кары: «не усуше рука его и не разслабеша уды его», чему дивятся и епископ, и жители Коломны. Более того, даже после того, как епископ узнал имя вора и пришел с Созонтом к его двору, а Козлок признался в содеянном, составителем «Сказания...» ничего не сообщается о наказании (уже человеческом, не чудесном) мастера, совершившего не только грех святотатства, но и вполне реальное преступление²³. Поразительно, что после обретения иконного оклада и ухода епископа и Созонта с людьми со двора Козлока,

²² Оклад, бывший частью иконы, освящался ею. «Драгоценный образ драгоценного» — один из важных постулатов византийского искусства, который был разработан Иоанном Дамаскиным. См.: Стерлигова И.А. О значении драгоценного убора в почитании святых икон // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси... С. 126. В другой работе исследовательница отметила: «Символика убора, его внутренняя связь с образом раскрываются лишь в системе координат средневекового литургического искусства... Традиция оформления иконы как святыни, ее сбережения и украшения коренится в самих основах иконопочитания — ведь каждая икона была не только образом божественного мира, но его реальным присутствием на земле». См.: Стерлигова И.А. Икона как храм: Пространство моленного образа в Византии и Древней Руси // Иеротопия: Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси. М., 2006. С. 614.

²³ А.Б. Мазуров отметил: «Что касается самого факта кражи, то он не кажется удивительным. При описании Коломны 1577/78 гг. писцы отметили убыль некоторых вещей во время "покражи" кафедрального Успенского собора. На этом фоне грабеж рядового приходского храма не выглядит исключительным» (Мазуров А.Б. Средневековая Коломна... С. 414). Этот реальный комментарий, безусловно, важен, но мы исследуем литературный мотив.

признавшегося в преступлении, «сребреник» словно остается в своем доме. Ни о его раскаянии, ни о наказании, ни о прощении в повествовании сведений не приводится.

Как представляется, это произошло потому, что в первом Коломенском эпизоде повествуется, главным образом, о милостях Николы и его иконы. Сначала, как мы помним, вскользь сообщается о многих людях, избавленных от болезней чудотворной Заразской иконой («учал миловати множество народа»). В новой каменной церкви, построенной в Коломне, святитель «показа милость свою». Центральный эпизод сказания – исцеление боголюбивого мужа Созонта Киселева, много лет лежавшего без движения. Нищий Климент оказывается исцелен от глухоты и немоты, просто взглянув на образ. Коломна предстает в «Сказании...» городом, наполненным милостью и чудесами Николы чудотворца. Потому в памятнике, на наш взгляд, не содержится рассказа о наказании вора.

Епископ Митрофан Коломенский является по существу главным действующим лицом первого Коломенского эпизода²⁴. Именно он встречает икону Николы Заразского; он пишет о ее чудесах царю Василию III; он строит каменную церковь по приказу государя; он скорбит о краже оклада; к нему по приказу явившегося Николы Чудотворца приходит Созонт с рассказом об исцелении и раскрывает имя вора и место, где похититель спрятал оклад; он идет с образом за Коломянку на Чуру к Козлоку; он забирает оклад; проходя через Ивановские ворота, он видит исцеление Климента; он сообщает о новых чудесах царю; он получает дары и повеление молиться за царя, царицу и государевых братьев.

Второе из Коломенских сказаний можно отнести к более традиционным текстам. Оно подтверждает «недвижимость» Заразского образа, логически завершая тему странствия иконы.

В начале 2-го Коломенского эпизода сообщается, что «служители великаго чюдотворца Николы Заразского нача в себе помышляти, яко не мочно нам на два престола служити» и стали молить государя, чтобы тот «отпустил чюдотворный Николы образ Заразскаго к старому престолу на Рязань». Но тот не повелел, приказав отпустить «старых попов Никольских ... к старому престолу на Рязань служити». Отметим, что данные сведения дублируют сообщение, которое содержится в 1-м Коломенском эпизоде: согласно его тексту, после того, как был готов список с иконы Николы Заразского, епископ повелел «новой той образ» отпустить «и двух попов и диякона, к старому престолу на Рязань»²⁵. «И священницы заразкия начаша скорбети, что ошаша

²⁴ О епископе Митрофане, его роли в жизни Василия III и Коломенских сказаниях см.: Мазуров А.Б. Средневековая Коломна... С. 411 – 413.

²⁵ Текст 2-го Коломенского эпизода цитируется по изданному Д.С. Лихачевым списку ГИМ. Собр. Воскресенск. № 211.

великого чудотворца Николы Корсунского и Заразского образа. И не быша у великаго чудотворца Николы ... на Резани от декабря шестого числа до марта 9-го числа». А 9 марта совершается великое чудо: «на третьем часу дни прииде пономарь в церковь уготовати к божественной литургии, и виде чудотворный образ — чудотворца Николу — стояше в церкви на своем месте, и с прикладом и пеленами, яко же и прежде, яко светило светяше велие». Пономарь поспешил к священникам и поведал им о чуде. Но те не поверили, решив, что «неистов есть и во исступлении ума глагола». Однако пономарь стоял на своем, и, когда все вошли в церковь, увидели «чудотворный образ на своем месте стоящ, и страхом и радостью объятии быхом, а которой образ Николин поставлен в чудотворного образа место — того образа в церкви несть».

После этого священники едут в Коломну к епископу Митрофану, которому и поведали о чудесном возвращении чудотворной иконы Николы в Рязань. Епископ видит, что «который образ Николин стоял на Резани — в чудотворного образа место — тот образ стоял на Коломне, на чудотворного образа место». Епископ Митрофан послал гонца к царю Василию Ивановичу «поведати ему — чудотворец Николае отиде к старому престолу на Резань невидимо». Узнав о чуде, государь стал говорить: «О великий чудотворец Николае! Прости мя, что ты не позволил идти к старому престолу. Да учиню тебе церковь и ограду камену, чтобы твой чудотворный образ стоял во веки недвижим». Обет свой самодержец исполнил «не по многих летах».

Во втором из «Сказаний...» образ Николы Заразского возвращается к своему престолу самостоятельно, «невидимо», без помощи кого-либо из смертных. Отступлением от этикетного повествования можно считать отсутствие конкретных имен участников действия (пономарь и заразские священники лишены всякой — даже первичной — конкретизации). Однако мысль составителя второго из коломенских эпизодов понятна: чудесный уход из Коломны и возвращение к своему престолу демонстрирует невозможность перемещения иконы, избравшей место своего пребывания почти 3 века назад. Этот мотив — возвращение иконы к своему престолу — получил развитие в различных сказаниях об иконах в XVII в.²⁶ В «Сказании о чуде возвращения Николина образа в Рязанскую землю» цикл получает завершение своего сюжета:

²⁶ См., например, «Сказание об иконе Богоматери Владимирской в Нерехте»; «Сказание о чудесах Богоматери Умиление в Новгородской Троицкой церкви» (прежде всего эпизод, в котором повествуется о явлении увезенного из Новгорода Иваном III образа княгине Марии и требовании вернуть икону на прежнее место); «Чудо о исшествии трех икон во граде Пскове» (эпизод о возвращении одной из них три года спустя на свое место).

в редуцированном виде во втором из коломенских эпизодов изложена история чудесного странствия иконы. Но если в «Сказании о перенесении Николина образа из Корсуня в Рязань» икону нес Евстафий, а путь был долгим и опасным, то во втором «Коломенском чуде» икона исчезает сама и ее путешествие занимает лишь ночь. Пределы Рязани оказываются тем местом, которое было избрано самим Николой Корсунским как «недвижимый престол». Таким образом, второй из Коломенских эпизодов действительно был создан в Рязанской земле кем-то из «служителей заразских». Возможно, составление списка всех священников, потомков Евстафия, служивших иконе Николы, было продиктовано стремлением обосновать необходимость постоянного пребывания древней святыни в Зарайске уже в более позднее время.

Сказания о Коломенских чудесах, как мы пытались показать, были составлены в достаточно близкое событиями время. Первое Коломенское сказание, известное теперь в 4-х видах, стало произведением, «открывшим» общерусское почитание иконы Николы Корсунского (Зарайского). Во втором Коломенском сказании, созданном в Рязанских пределах, утверждалась незыблемость связи чудотворного образа с избранной им некогда землей. Коломенские эпизоды завершали кольцевую композицию Сказаний о чудесах Николы и его иконы (потому в некоторых списках они образуют мини-ансамбль). Создание Коломенских эпизодов в 1516 – 1517 гг. объединило в тематический цикл разнородные и разновременные произведения, которые получили название Заразского цикла.

Однако наряду с этим – местным – циклом в рукописной традиции обнаруживаются еще как минимум два тематических цикла. Первый из них образован «Сказанием о перенесении Николина образа из Корсуня», «Повестью о разорении Рязани Батыем» и легендарной «Повестью об убиении Батя». Второй – исторический – «Повестью о битве на реке Калке», «Повестью о разорении Рязани Батыем», «Сказанием о Мамаевом побоище» (или «Казанской историей»). Возможность произведения составлять ансамбли с различными литературными памятниками расширяет возможности его восприятия, обнаруживает различие в интерпретации литературного текста в различных исторических обстоятельствах и демонстрирует многовариантность в подходах к материалу.

А.В. Барсукова

Коломенские торговые ряды в середине XVI – 90-х гг. XVII вв.

Общая картина зарождения всероссийского рынка складывается из специализированных исследований торговли русских городов, сел и деревень. Сегодня, когда особым вниманием пользуется направление локальной истории, или исторического регионоведения, когда возрос интерес к истории предпринимательства в России, когда существует необходимость введения в научный оборот новых источников для пополнения исторического знания об одном из важнейших городов Подмосковья, актуальным является обращение к теме торговли г. Коломны в середине XVI – 90-х гг. XVII вв. В настоящей заметке мы покажем основные направления развития состава торговых рядов коломенского рынка, обзорно проследим изменения в типах его инфраструктуры по данным таких массовых источников, как писцовые книги 1577/78 г. и 1623/24 г., оброчные книги 1670 г. и 1696 г.

Еще историк XIX в. П.И. Иванов заметил: «Торговля есть одна из важнейших причин народного благосостояния. Она споспешествует к достижению могущества, богатства и обилия: без нее общество, как тело без души, увядает и клонится к падению»¹. Развитие торговли в Коломне объясняется удобным географическим положением и многовековыми традициями. Исследователь А.В. Белов особое внимание уделяет такому фактору, как «активное посредничество Коломны в торговле регионов с Москвой»². Превращение Москвы в центр огромного единого государства привело к росту столичного города, активизации его жизни и, как следствие, резкому увеличению потребности в поставках. Москва того времени – главный перевалочный торговый рынок всей Европейской России, что также инициировало здесь торговое движение, выполнявшееся все еще в значительной степени по воде³. Поэтому в развитии таких населенных пунктов, как Коломна, взявших на себя роль транзитных центров, торговля занимала особенное место.

Для внутренней торговли города на протяжении рассматриваемого периода было свойственно два вида операций: постоянная и «в разнос». Первая сосредотачивалась в рядах. «Само

¹ Иванов П.И. Обозрение прав и обязанностей российского купечества (и вообще всего среднего сословия). М., 2005. С. 5.

² Белов А.В. Речная транспортная система Московского края и развитие городов (XIV – XVII века) // Задавая вопросы прошлому. М., 2006. С. 167.

³ Там же.

название «ряд» указывает на устройство мелочных лавок, которые все соединялись под одну крышу»⁴. Число лавок и состав товаров изменялись, но торговые ряды являлись неперменной чертой подмосковной Коломны.

Используя данные коломенской Писцовой книги 1577/78 г., мы учитывали, что по общему числу торговых заведений она отражает состояние рынка середины XVI в. Количество «живущих» (функционирующих) торговых мест, зафиксированное источником в момент составления описи, — это результат упадка социально-экономической жизни в последнее десятилетие царствования Ивана Грозного⁵.

Краеведческая традиция, как правило, сообщает о 36 торговых рядах⁶. В монографии О.П. Булич называется число 34, в составе которого автор, кроме указанных в источнике рядов, упоминает еще и кувшинный ряд⁷. Между тем писцовая книга показывает лишь 29⁸ торговых рядов коломенского рынка 50-х — 70-х гг. XVI в. (см. таблицу 1).

Большинство торговых заведений было связано с продажей товаров, ориентированных на кожевенное производство и суконное мастерство, а также домашний пошив одежды (13 рядов — 44,8% от количества описанных источником рядов, около 43% от общего числа торговых заведений). В связи с этим особым спросом на коломенском рынке пользовался щепетильный товар, о чем свидетельствует наличие Большого и Малого Щепетинного ряда. К этой же категории мы отнесли ряды, специализирующиеся на продаже готовых предметов одежды и обуви.

Второе место закрепилось за рядами, связанными с торговлей продовольственными товарами, богатый ассортимент которых хорошо прослеживается в названиях соответствующих рядов, например, Рыбный, Мясной, Масленный (9 рядов — 31%). Наибольшее число торговых заведений было описано в Хлебном и Калачном (52) и Хмелевом рядах (47). Значительная потребность в соли предопределила функционирование двух рядов для торговли ею. Развитое огородное хозяйство коломенцев и уездных крестьян привело к тому, что на рын-

⁴ Мельгунов П.П. Очерки по истории русской торговли IX — XVIII вв. с картою. М., 1905. С. 176.

⁵ Мазуров А.Б. Средневековая Коломна в XIV — первой трети XVI вв. М., 2001. С. 26 — 27.

⁶ Ефремцев Г.П., Кузнецов Д.Д. Коломна. М., 1977. С. 34.; Рябкова Л.Б. Торгово-промышленная Коломна (XVI — XX века) // II конф. «Города Подмосковья в истории российского предпринимательства и культуры», Серпухов, декабрь 1997 г.: Докл. Сообщения. Тезисы / Отв. ред. В.В. Шилов. Серпухов, 1997. С. 86.

⁷ Булич О.П. Коломна. Пути исторического развития города: общий очерк. М., 1928. С. 36.

⁸ В заметке рассмотрены только те торговые ряды, которым Писцовая книга 1577/78 г. дает полное описание, но отметим, что есть и косвенное упоминание еще двух рядов — Седельного и Горшечного. Писцовая книга г. Коломны 1577/78 г. // Города России XVI в.: материалы писцовых описаний / Отв. ред. М.Я. Волков, З.В. Дмитриева. М., 2002. С. 43, 51.

ке велась интенсивная продажа овощей, в особенности, лука и чеснока.

Вывод о высокой потребности коломенцев в товарах Железного и Старого Горшечного ряда можно сделать по количеству торговых мест, зафиксированных источником. Они равны соответственно – 44 и 42 рыночным точкам (около 5,9% и 5,6%).

Состав коломенского рынка хорошо показывает, как потребности жителей Коломны влияли на ассортимент товаров: кафедральному городу с преобладающим православным населением необходим был Иконный ряд.

Иногда название ряда не было связано с характером его товарной специализации. Например, Шалашной ряд получил свое именование по типу однородных торговых заведений, которые в нем объединялись.

Также имеющиеся у нас сведения не позволяют однозначно определить состав продукции Старого Рогожного, Старого Калачного и Старого Горшечного рядов, но очевидно, что их названия – это «память» коломенского рынка о переменах в его организационной структуре.

Вышепредставленная картина коломенского рынка не была постоянной, и уже к 70-м гг. XVI в. происходит сокращение «живущих» торговых заведений в большинстве рядов, за исключением Старого Рогожного, Льяного, Ветошного, Шалашного и ряда для торговли золою.

Данные изменения сказались и на соотношении видов товарной продукции, предлагаемой на коломенском рынке. Число торговых заведений, связанных с крупной торговлей сукном, кожей, готовыми изделиями, уменьшается, но на общем фоне произошедших изменений увеличивается в процентном выражении и составляет теперь 41,6% от общего количества «живущих» мест. Подобный процесс сказался и на самом крупном ряду середины XVI в. — Сапожном, опустевшем на 32 торговых помещения.

Из числа продовольственных рядов значительное сокращение приходится на такие ряды, как Хлебный и Калачный, Скамейный с луком и чесноком, где уменьшение торговых мест произошло практически в два раза. В целом количество «живущих» торговых помещений в продовольственных рядах снизилось в 1,3 раза.

Максимальное же уменьшение торговых заведений зафиксировано в Старом Горшечном ряду и отразилось сокращением в 10 раз, т. е. запуском 38 точек.

Приведенные цифры показывают, что количественные изменения в развитии коломенского рынка, произошедшие за несколько десятилетий второй половины XVI в., привели к уменьшению «живущих» торговых заведений в 1,4 раза, но при этом полностью сохранился состав рядов.

Выявленные на 70-е гг. XVI в. перемены в данных по числу торговых точек позволяют сделать вывод, что коломенский

рынок являлся неотъемлемой составляющей единого процесса социально-экономического развития всего Русского государства.

Об этом же свидетельствует Писцовая книга торговых рядов, кузниц и оброчных объектов 1623/24 г., зафиксировавшая, какой урон городской торговле был нанесен в ходе бурных событий Смутного времени. Коломенские таможенные книги XVII в. не сохранились до наших дней, поэтому трудно переоценить значение этой писцовой книги, запечатлевшей состояние города после «смутного лихолетья».

Количество торговых рядов уменьшилось с 29 до 19: уже не называются такие ряды (занимавшие весомое место (25 и более торговых заведений) в структуре коломенского рынка 50-х – 70-х гг. XVI в.), как Большой Суконный, Рогожный, Большой Щепетинный, Железный.

Произошли значительные изменения в характере товарной специализации. После лихолетья на основе 10 рядов из 13, ориентированных на продажу сукна, готовой одежды, предметов шитья, бижутерии, возник один – Женский⁹, а Сырейный слился с Сапожным.

Рынок развивался под влиянием потребностей городского общества, оказавшегося в условиях экономической разрухи, порожденной Смутой. Во многом именно этим обстоятельством было продиктовано снижение числа торговых заведений по продаже обуви, одежды, материалов для их изготовления, не соответствующей низкой покупательной способности обедневшего населения.

С другой стороны, эта причина легла в основу процентного роста торговых мест в рядах, связанных с продовольственными товарами, по сравнению с данными второй половины XVI в. Этот процесс выразился и в формировании новых рядов. Появление Житного и Солодяного ряда свидетельствовало о расширении объемов зерновой розничной торговли, которая на протяжении XVII в. получала все большее распространение в российских городах¹⁰. Показателем спроса на товары данных рядов является и тот факт, что вместо старых специализированных рядов организуются новые. Например, взамен Большого Соляного и Соляного на коломенском рынке функционировал Соляной «новоприбылой», а о существовании места, где раньше велась торговля солью, напоминал Старый Соляной ряд, который по числу «живущих» мест был наиболее крупным на городском торгу (61 «живущее» торговое заведение – 13,3%).

⁹ РГАДА. Ф. 1209. Поместный приказ. Оп. 1. Ч. 1. № 201. Л. 294. 1623/24 г. [Коломна] Писцовая книга торговых рядов, кузниц и оброчных объектов в городе писцов Галицкой четверти А.Л. Ушакова и подьячего Д. Брянцева.

¹⁰ По данным Писцовой книги 1577/78 г., организация этого ряда на коломенском рынке была не в новинку, а обращением к традиции, так как в составе Хмелевого источник зафиксировал лавки Старого Солодяного ряда. См.: Писцовая книга г. Коломны... С. 54.

По сравнению с 70-ми гг. XVI в. возросло общее количество торговых заведений в Рыбном ряду (39 «живущих» торговых заведений – 13,5%), что было вызвано доступностью для населения данного вида продукта питания. Практически неизменным остается количество торговых мест в Мясном ряду.

Новыми для этого времени стали «двойные ряды» – Тележный и Рогожный, Масленный и Дегтярный, Масленный и Судовой, Хмелевой и Гробовой ряды. Вероятно, подобное объединение было результатом соседства двух рядов друг с другом.

В составе коломенского рынка и в 20-е гг. XVII в. сохранялись ряды, в названиях которых содержалось слово «старый». Например, наличие Старого Москотильного ряда (46 торговых заведений – около 10% от общего числа всех мест) позволяет предположить, что он функционировал в Коломне уже в конце прошлого столетия. Однако при описании дворов подьячие называют «молодчег человека Олешку Баженова сына Ветошникова», который «торгует в москотильном ряду»¹¹, и здесь слово «старый» не употребляется.

Таким образом, в 20-е гг. XVII в. в роли крупных торговых рядов оказываются те ряды, товарный ассортимент которых определить проблематично. Возможно, это связано с тем, что в условиях экономической разрухи «малая покупательная способность населения не допускала узкой специализации в торговле, поэтому торговец должен был предлагать всего понемножку под страхом остаться с нераспроданным товаром на руках»¹².

Весьма информативным источником по торговле Коломны XVII в. выступают финансовые документы Разрядного Приказа, среди которых видное место принадлежит «оброчным книгам». Они содержат записи денежных доходов в казну с лавок и других торговых заведений частных лиц. Оброчные книги составлялись в городах выборными целовальниками, заведовавшими сбором оброчных доходов под надзором воевод.

Так, книга сбора оброчных денег с посадских людей Коломны 1670 г. в составе коломенского рынка называет Рыбный, Соляной, Масленный и Судовой, Хлебный и Калачный ряды¹³. Большую ценность для изучения торговли Коломны конца XVII в. представляет книга описи лавок, амбаров, лавочных амбарных мест, кузниц, составленная в 1696 г. по указу великого государя Петра Алексеевича подьячим Василием Алексеевым¹⁴.

¹¹ РГАДА. Ф. 1209. Поместный приказ. Оп. 1. Ч. 1. № 201. Л. 7.

¹² Барышников М.Н. История делового мира России: пособие для студентов вузов. М., 1994. С. 17.

¹³ РГАДА. Ф. 137. Боярские и городские книги. Оп. 1. № 1-а. Л. 57 об., 65 об., 68 об. 1670/71 г. [Коломна] Книга сбора оброчных денег с посадских людей Коломны и полонячных денег с крестьянских и бобыльских дворов Коломенского уезда.

¹⁴ РГАДА. Ф. 137. Боярские и городские книги. Оп. 1. Д. 2. Л. 1 – 675. 1696 г. [Коломна] Книга описи амбарам, лавок, кузниц Василия Алексея.

Согласно этому источнику, новым для коломенского рынка конца века стал Молочный ряд, появление которого было связано с увеличением числа домашнего скота и с крупными поставками молочных продуктов жителями сельскохозяйственной округи¹⁵. На составе товарной продукции сказывалось природное богатство края. Например, в 20-е гг. XVII в. торговлю орехами вел «молодчеи человек Ондрюшка Иванов сын Кунин»¹⁶. Широкий поток на рынок плодов лесного происхождения со временем обусловил его упорядочение в специализированный ряд — Орешный¹⁷. Параллельно следует сказать и об организационных изменениях, связанных с продажей рыбы и мяса, что выразилось в появлении Нового Рыбного и Мясного и вероятной «переквалификации» Старых Рыбного и Мясного рядов¹⁸. Тенденция по расширению купли-продажи соли послужила организации Верхнего Соляного ряда¹⁹.

Таким образом, сравнение составов торговых рядов в рассматриваемый период показывает наличие у городского рынка гибкого механизма реагирования на изменение потребностей коломенцев, связанное с особенностями того исторического времени, современниками которого они являлись.

Коломенский рынок имел сложную инфраструктуру, которая выражалась в многообразии типов торговых заведений, которые он объединял. В середине XVI в. их число равнялось 15, в 20-е гг. XVII в. — 11. Подобное сокращение, вызванное экономическим разорением Смутного времени, с одной стороны, способствовало процессу объединения третей, четей лавок и полулавок в руках одного или нескольких владельцев, а с другой — привело к дроблению лавочных мест. Отдельно Писцовой книгой 1577/78 г. выделяются лавки на таможенном дворе, упоминание о которых отсутствует в Писцовой книге 1623/24 г. Во второй половине XVI в. на кургане в рамках торгового пространства в Коломне стояли квасные места²⁰, а уже в 1623 — 1624 гг. производство кваса в городе отдавалось на откуп²¹.

На протяжении рассматриваемого периода в общем количестве торговых заведений наблюдается процентный рост лавок как основного типа. В середине XVI в. на втором месте находятся лавочные места, запустение которых в 70-е гг. XVI в. приводит к тому, что этот тип по степени распространенности на коломенском рынке становится седьмым, уступая вторую позицию полулавкам, которые практически исчезают из тор-

¹⁵ РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Д. 2. Л. 114. 1696 г. [Коломна] Книга описи...

¹⁶ РГАДА. Ф. 1209. Поместный приказ. Оп. 1. Ч. 1. № 201. Л. 64 об.

¹⁷ РГАДА. Ф. 137. Боярские и городовые книги. Оп. 1. Д. 2. Л. 246.

¹⁸ Там же. Л. 15 об., 123, 125.

¹⁹ Там же. Л. 298.

²⁰ Города России... С. 50.

²¹ РГАДА. Ф. 1209. Поместный приказ. Оп. 1. Ч. 1. № 201. Л. 332.

говых рядов в 20-е гг. XVII в. Среди часто встречающихся торговых заведений следует назвать полки и скамьи.

В отличие от Писцовой книги 1577/78 г. в описании 1623 – 1624 гг. как тип торгового места не называются шалаши, полочные места, прилавки, сенные места. Новым в торговой инфраструктуре становится появление харчевен и блинной избы²².

В 90-е гг. XVII в. инфраструктура рынка Коломны значительно усложняется. По предварительным данным, количество типов торговых точек достигает 30. Оброчная книга 1696 г. не выделяет четких границ в определениях «лавки» – «лавочного места» – «полки» – «полочного места».

Лавки были нескольких видов: с навесом и без навеса, с затворами и без затворов, с ящиком и без ящика, с чуланом и без чулана, с прилавком и без прилавка. Прилавков (небольшое торговое помещение открытого типа) как самостоятельное торговое место упоминается только единожды²³. Источник рассказывает о не встречавшемся до этого времени типе торгового заведения – нескольких лавках «на одном срубе».

К концу столетия продолжают использоваться названия торговых точек, отражающих их размер или факт владения несколькими торговыми людьми, – полулавка и 2/3 лавки, пол и полтора лавочного места.

Лавочное место могло иметь ряд полок (стандартных или малых)²⁴, в этом типе встречается и несколько полок, расположенных под навесом²⁵. При этом оброчная книга 1696 г. отдельно называет полочные места: с замком, с затвором, с навесом.

Скамья упоминается исключительно в самих сказках владельцев торговых мест, но не подъячим при описании состояния торгового места на 1696 г. Вероятно, скамьи, распространенные еще в первой половине XVII в., к концу столетия были преобразованы в полочные места, что свидетельствует об укрупнении размеров торговых точек.

Для удобства оптовой торговли имелись специальные помещения: лавочные амбары и амбарные места, прототипом которых в 50 – 70-е гг. XVI в. являлись кладовые лавки²⁶. Они были расположены отдельно, не в ряду, и как самостоятельный вид с подобным именованием исчезают к 20-м гг. XVII в. Причем некоторые лавки без прямого соотнесения с этим типом продолжали использоваться как кладовые, т. к. в них находился «овес и хлеб государев»²⁷. В конце XVII в. наблюдается возросшая потребность в помещениях для хранения

²² РГАДА. Ф. 1209. Поместный приказ. Оп. 1. Ч. 1. № 201. Л. 308 – 312 об.

²³ РГАДА. Ф. 137. Боярские и городовые книги. Оп. 1. № 2. Л. 160.

²⁴ Там же. Л. 14.

²⁵ Там же. Л. 51 об.

²⁶ Писцовая книга г. Коломны... С. 45.

²⁷ Там же. С. 44, 53.

товаров, которые организуются как частными лицами, так и городской властью. В это время в Коломне имелся таможенный амбар и «амбар великого государя кладовой ледник рыбной»²⁸.

В числе торговых мест, расположенных вдоль Большой Никольской дороги, вновь называются шалаша. Историк Н.И. Костомаров отмечал, что в шалашах продавались «разные мелкие, большею частию, изготовленные съестные припасы, например, пироги, печенка, вареное мясо»²⁹. Оброчная книга 1696 г. сообщает о шалашах для торговли сеном, а к числу тех, о которых пишет историк, пожалуй, можно причислить только шалаш в Масленном ряду пушкаря Ивашки Щербакова³⁰. Известно, что Новоторговый устав 1667 г., стараясь вообще подвести торговлю под определенные и точные правила, запретил торговать мимо «извычайных» рядов и лавок. Это подтвердилось и в 1676 г., и в 1681 г. Но, несмотря на эти запреты, в Коломне с 1685 по 1695 гг. осуществлялись попытки застройки площади в неуказных местах полками и шалашами для продажи масла и кваса³¹.

Несколько подтипов получил такой вид торгового заведения, как харчевня: в конце века в коломенскую рыночную инфраструктуру вошли – харчевенное место, харчевня с сениями, харчевенная изба. Две харчевни были организованы при съезжей избе подьячим Григорием Федотовым³². Развитие этого типа заведения как нельзя лучше подчеркивает значение города в качестве важного экономического центра, принимающего большой поток приезжего торгового населения.

Таким образом, состав торговых рядов коломенского рынка представлял собой сложный механизм, развитие элементов которого находилось в зависимости от условий исторического времени, которые выражались в формировании спроса городского населения на определенный ассортимент товаров. Обзор типов рыночной инфраструктуры позволяет посмотреть на ее развитие с точки зрения торговца, т. к. именно в ней отражались требования по организации удобного сбыта и хранения товаров.

²⁸ РГАДА. Ф. 137. Боярские и городские книги. Оп. 1. № 2. Л. 115, 98 об.

²⁹ Костомаров Н.И. Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях // Исторические монографии и исследования Николая Костомарова. СПб., 1889. Т. 20. С. 148.

³⁰ РГАДА. Ф. 137. Боярские и городские книги. Оп. 1. № 2. Л. 95 об.

³¹ РГАДА. ОдиБ МАМЮ. № 16. Столбцы Приказного стола. № 1559. Л. 31 – 32. 1685/95 гг. [Коломна] Застройка площади в неуказных местах полками и шалашами для продажи масла и кваса.

³² РГАДА. Ф. 137. Боярские и городские книги. Оп. 1. № 2. Л. 41 об., 43.

Таблица 1

Торговые ряды г. Коломны с середины XVI в. по 20-е гг. XVII в.										
№ п/п	Ряд	Тип торговых заведений	середина XVI в.	1577 – 1578 гг.					1623 – 1624 гг.	
			общее число торговых заведений	общее число торговых заведений в итоговых записях ³³	число пустых торговых заведений	число пустых торговых заведений в итоговых записях	число «живущих» торговых заведений	число «живущих» торговых заведений в итоговых записях	общее число торговых заведений	пустые торговые заведения
1	Большой Суконный	лавки	14	22	4	4,5	10	17,5	-	-
		полулавки	16	-	1	-	15	-	-	-
		лавочные места	14	14	14	14	-	-	-	-
2	Пушной и Колпачный	лавки	14	14	2	2	12	12	-	-
		полулавки	1	-	-	-	1	-	-	-
		лавочные места	1	1	1	1	-	-	-	-
3	Чупрунный ³⁴	лавки	2	2	1	1	1	1	-	-
		полулавки	-	-	-	-	-	-	-	-
		лавочные места	4	4	4	4	-	-	-	-
4	Сермяжный ³⁵	лавки	5	9	1	1	4	8	-	-
		полулавки	8	-	-	-	8	-	-	-
		лавочные места	5	6	5	6	-	-	-	-
5	Овчинный	лавки	3	7	1	2,5	2	4,5	5	-
		полулавки	7	-	3	-	4	-	-	-
		лавочные места	1	1	1	1	-	-	-	-
6	Железный	лавки	31	35,75	-	-	31	35,75	-	-
		полулавки	11	-	-	-	11	-	-	-
		четыре лавки	1	-	-	-	1	-	-	-
		лавочные места	1	1	1	1	-	-	-	-

³³ Итоговые записи – это количественные данные, приведенные подъячими по каждому ряду, в которые они включали как описанные при общем учете торговые заведения, так и неописанные – пустые. Подъячие в общее число лавок суммировали лавки, полулавки, четь, треть и полторы лавки, поэтому в таблице есть дробные числа. Цветом в таблице выделена тождественность результатов наших итогов с данными писцов.

³⁴ Чупрун – женский кафтан.

³⁵ Сермяга – это верхняя крестьянская одежда из грубого некрашеного сукна бурого или серого цвета.

7	Рогожный ³⁶	лавки	22 (13 4 5)	37,25 (- 4 8,5)	- - -	- - -	22 (13 4 5)	37,25 (- 4 8,5)	-	-
		полулавки	10 (3 - 7)	- - -	- - -	- - -	10 (3 - 7)	- - -	-	-
		лавочные места	9 (6 2 1)	9 (6 2 1)	9 (6 2 1)	9 (6 2 1)	-	-	-	-
8	Старый Рогожный	лавки	16	16	-	-	16	16	-	-
		прилавки	1	1	-	-	1	1	-	-
		лавочные места	1	1	1	1	-	-	-	-
9	Тележный и Рогожный	лавки	-	-	-	-	-	-	17	-
		лавочные места	-	-	-	-	-	-	1	-
10	Большой Соляной	лавки	25	28,5	1	1	24	27,5	-	-
		полулавки	4	-	-	-	4	-	-	-
		полторы лавки	1	-	-	-	1	-	-	-
		лавочные места	1	1	1	1	-	-	-	-
11	Соляной	лавки	6	7,5	1	-	5	7,5	-	-
		полторы лавки	1	-	-	-	1	-	-	-
		лавочные места	-	-	-	-	-	-	-	-
12	Старый Соляной	лавки	-	-	-	-	-	-	49	-
		лавочные места	-	-	-	-	-	-	23	12
		полуместа	-	-	-	-	-	-	2	1
13	Соляной	лавки	-	-	-	-	-	-	14	-
		лавочные места	-	-	-	-	-	-	4	1
		полторы лавки	-	-	-	-	-	-	1	-
14	Иконный	лавки	7	9	1	1	6	8	8	-
		четыре лавки	2	-	-	-	2	-	-	-
		полторы лавки	1	-	-	-	1	-	-	-

³⁶ Торговые помещения Рогожного ряда располагались в трех частях коломенского рынка. В скобках через вертикальную черту приводятся данные по каждой части.

Рогожа — грубая плетеная ткань из мочальных лент; ткань из рогозы водного или болотного травянистого растения; плетенка камышовая, ткань волосная.

15	Большой Щепетинный ³⁷	лавки	17	21	4	2	13	19	-	-
		полулавки	4	-	-	-	4	-	-	-
		четыре лавки	2	-	-	-	2	-	-	-
		полторы лавки	1	-	-	-	1	-	-	-
16	Малый Щепетинный	лавки	4	14	-	2,5	4	11,5	-	-
		полулавки	21	-	4	-	17	-	-	-
		лавочные места	2	2	2	2	-	-	-	-
17	Рыбный	лавки	22	23	3	3	19	20	28	-
		полулавки	2	-	-	-	2	-	-	-
		лавочные места	1	1	1	1	-	-	25	14
18	Мясной	лавки	24	25	2	2	22	23	21	-
		лавочные места	3	3	3	3	-	-	5	-
19	Льняной	лавки	9	13	-	-	9	13	-	-
		полулавки	8	-	-	-	8	-	-	-
20	Старый Калачный	лавки	10	10,5	1	1	9	9,5	-	-
		полулавки	1	-	-	-	1	-	-	-
		лавочные места	8	8	8	8	-	-	-	-
21	Хлебный и Калачный	лавки	6	5	-	-	6	5	7	-
		лавочные места	8	8	8	8	-	-	-	-
		полки	22	23	1	1	21	22	-	-
		полочные места	16	16	16	16	-	-	-	-
		скамьи	-	-	-	-	-	-	16	-
22	Житный и Солодяной ³⁸	лавки	-	-	-	-	-	-	22	-
		полулавки	-	-	-	-	-	-	1	-
		лавочные места	-	-	-	-	-	-	10	4
		полуместа	-	-	-	-	-	-	1	-
23	Масленный	скамьи	16	16	-	-	16	16	-	-
24	Масленный и Дегтярный	полки	-	-	-	-	-	-	11	-
		лавки	-	-	-	-	-	-	1	-

³⁷ Щепетильный товар (щепетинье, отсюда щепетинный) — мелочный товар: нитки, иголки, булавки, наперстки, пуговицы, бисер.

³⁸ Солод — продукт проращивания зерен злаков (ячменя, ржи, пшеницы, овса), применяется в производстве пива, кваса, спиртных напитков, дрожжей.

25	Масленный и Судовой	лавки	-	-	-	-	-	-	13	-
		лавочные места	-	-	-	-	-	-	3	-
26	Ряд, в котором торговали золою	скамьи	2	2	-	-	2	2	-	-
		лавочные места	1	1	-	-	1	1	-	-
27	Ветошный	скамьи	6	6	-	-	6	6	-	-
		лавки	4	4,5	-	-	4	4,5	-	-
		полулавки	1	-	-	-	1	-	-	-
28	Сапожный, Ветошный	лавки	4	4	-	-	4	4	-	-
		лавочные места	4	4	4	4	-	-	-	-
29	Сапожный ³⁹	лавки	21 (4 4 13)	31 (- 12 19)	2 (1 - 1)	$2\frac{1}{3}$ ⁴⁰ (- 2 2 $\frac{1}{3}$)	19 (3 4 12)	28 $\frac{2}{3}$ (- 12 16 $\frac{2}{3}$)	24	-
		полулавки	18 (2 16 -)	-	- - -	-	18 (2 16 -)	-	-	-
		треть лавки	3 (3 - -)	-	1 (1 - -)	-	2 (2 - -)	-	-	-
		лавочные места	29 (13 - 16)	29	29 (13 - 16)	29 (13 - 16)	- - -	- - -	3	-
30	Сырейный	лавки	20	20	3	3	17	17	-	-
		лавочные места	2	2	2	2	-	-	-	-
31	Скамейный с луком и чесноком	скамьи	10	10	-	-	10	10	13	-
		полки	2	2	2	2	-	-	-	-
		полочные места	20	20	20	20	-	-	-	-
		трушники	5	5	2	2	3	3	-	-
32	Овощной	полки	18	18	-	-	18	18	-	-
		полочные места	2	2	2	2	-	-	-	-

³⁹ В скобках через вертикальную черту указано количество торговых заведений Сапожного ряда в соответствии с тем делением, которое имеется в источнике: первая цифра – владельцы разного социального статуса, платившие оброк в государеву казну; вторая цифра – владельцы – закладчики, платившие оброк Спасскому монастырю; третья цифра – торговые заведения, которые находились на государевой земле // Писцовая книга г. Коломны... М., 2002. С. 51 – 52.

⁴⁰ Значения дробных чисел воспроизведены по источнику, например, $2\frac{1}{3}$ записано было, как «2 лавки с третью»; $16\frac{2}{3}$ – «17 лавок бес трети» // Города России... С. 52.

33	Шалашной	шалаша	9	9	-	-	9	9	-	-
		лавки	1	1	-	-	1	1	-	-
		лавочные места	1	1	1	1	-	-	-	-
34	Хмелевой	лавки	39	38	4	3	35	35	-	-
		полулавки	2	-	-	-	2	-	-	-
		прилавки	5	4	1	1	4	3	-	-
		лавочные места	1	1	1	1	-	-	-	-
35	Хмелевой и Гробовой	лавки	-	-	-	-	-	-	19	-
		лавочные места	-	-	-	-	-	-	4	-
36	Старый Горшечный	лавки	5	5	1	1	4	4	-	-
		лавочные места	37	37	37	37	-	-	-	-
37	Горшечный	лавки	-	-	-	-	-	-	12	-
		лавочные места	-	-	-	-	-	-	2	-
		полтора места	-	-	-	-	-	-	1	1
38	Серебряный	лавки	-	-	-	-	-	-	3	-
39	Старый оскотильный ⁴¹	лавки	-	-	-	-	-	-	42	-
		полулавки	-	-	-	-	-	-	1	-
		лавочные места	-	-	-	-	-	-	3	-
40	Женский	лавки	-	-	-	-	-	-	16	-
		полулавки	-	-	-	-	-	-	4	-
		полторы лавки	-	-	-	-	-	-	1	-
41	Харчевный	харчевни	-	-	-	-	-	-	13	-
		изба блинная	-	-	-	-	-	-	1	-
		лавки	-	-	-	-	-	-	1	-

⁴¹ Москотильный товар — аптечные припасы и химический товар (краски, клей, деготь и др.), снадобья.

А.Г. Мельник

«Свои» святые Коломны XVI в.

Характерным и весьма загадочным представляется то, что в Коломне эпохи допетровской Руси не сформировалось ни одного культа своего святого. А ведь тогда в городе, несомненно, имела место достаточно интенсивная духовная жизнь, поскольку он представлял собой епархиальный центр, кроме того, в нем и в его ближайших окрестностях имелось несколько монастырей. В таком случае, не почитали ли особо в Коломне, за неимением своих, каких-то других русских подвижников благочестия (в настоящей работе не рассматривается вопрос об отправлении в этом городе культов общехристианских святых)? Дошедшие до нас источники позволяют приблизиться к ответу на поставленный вопрос применительно к XVI в.

Основные сведения по рассматриваемой проблеме содержатся в Писцовой книге Коломны 1577/78 г.¹ Далее будем называть ее просто Книга 1577/78 г. Для избранной темы важно, что в ней, кроме всего прочего, перечисляются церкви города и его монастырей, а также описывается внутреннее убранство некоторых из этих храмов и, в том числе, находившиеся в них иконы. В настоящей работе использованы также некоторые другие письменные и иконографические источники.

Предварительно следует сказать следующее. Вероятно, общество Коломны XVI в., несмотря на свою очевидную социальную неоднородность, составляло некое целое, включая в себя не только мирских жителей города, но и представителей церкви, в том числе монахов городских и пригородных монастырей. Надо полагать, по крайней мере, в духовной сфере все эти люди находили общий язык. Поэтому далее под понятием «Коломна» в социальном плане будет подразумеваться все определенное выше местное сообщество.

Вполне очевидно, что одним из важнейших признаков устойчивого почитания любого святого в отдельных центрах или регионах является создание и функционирование посвященных ему храмов. На момент составления Книги 1577/78 г. в Коломне существовали следующие церкви русских святых:

- на «полатях» городского и кафедрального Успенского собора имелся придел Леонтия, епископа Ростовского²;
- на дворе «государя царя и великого князя», находившемся

¹ Города России XVI века. Материалы писцовых описаний / Изд. подготовлено Е.Б. Французовой. М., 2002. С. 1 — 76 (далее — Города России...).

² Там же. С. 10.

внутри крепости Коломны, был храм «Петра и Павла древен на каменное дело» с приделом Сергия Радонежского³;

– «в городе», иначе говоря, внутри крепости Коломны, среди «ружных», то есть содержавшихся на счет государства, числились деревянные церкви Алексея, митрополита Московского, и Петра, митрополита Московского⁴;

– на Посаде «за рекою за Коломенкою», то есть за пределами городской крепости, стоял приходский деревянный храм Бориса и Глеба⁵;

– в коломенском Спасском монастыре была «церковь теплая каменная Происхождение Честнаго Креста, а другой престол Кирил Белозерской чудотворец»⁶;

– в коломенском Голутвинском монастыре (ныне – Старо-Голутвинский монастырь) стояла «церковь Сергей чудотворец с трапезою с каменою же, ветха, вход оболился, а под ним подклеты камены»⁷.

Итак, в Коломне в 1577/78 г. имелось два храма Сергия Радонежского и по одной церкви, посвященной соответственно Борису и Глебу, Леонтию Ростовскому, Петру, митрополиту Московскому, Алексею, митрополиту Московскому, и Кириллу Белозерскому. Всего семь церквей.

Хотелось бы знать: когда были основаны перечисленные храмы или их одноименные предшественники, если таковые существовали? Тогда бы примерно определилось время утверждения в Коломне культов интересующих нас святых. Но, увы, подобных сведений ни по одному из названных храмов у нас нет. И все же попробуем установить: как долго эти церкви действовали до составления Книги 1577/78 г.?

В придельной церкви Леонтия Ростовского Книгой 1577/78 г. отмечена ветхость большей части ее внутреннего убранства: одежды престола, царских врат и икон, а ее напрестольное Евангелие было пергаменным («по хоротье»)⁸. Перед нами все признаки того, что данный храм довольно долго функционировал до 1577/78 г.

В случае церкви Петра и Павла с приделом Сергия Радонежского в Книге 1577/78 г. указано, что ее иконы «поставление государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии»⁹, но ничего не сказано о времени строительства и заказчике здания. Таким образом, храм мог быть сооружен и при Иване Грозном, и при одном из его предшественников на московском троне.

³ Там же. С. 17 – 18.

⁴ Там же. С. 23.

⁵ Там же. С. 35.

⁶ Там же. С. 59.

⁷ Там же. С. 63 – 64.

⁸ Там же. С. 10.

⁹ Там же. С. 17.

О времени сооружения церкви Алексея митрополита ни Книга 1577/78 г., ни другие доступные источники прямых или косвенных данных не содержат.

Церковь Петра митрополита впервые упомянута в Повести о Николе Заразском под 7021 (1512/13) г.¹⁰ Значит, она существовала, по крайней мере, с начала XVI в.

Когда впервые в Коломне появилась церковь Бориса и Глеба, не установлено. Но из нее происходит известная большая житийная икона Бориса и Глеба второй половины – конца XIV в.¹¹ Она сама по себе является ценнейшим источником по рассматриваемой теме. Ведь если эта икона со времени своего создания находилась в Коломне, то, значит, культ Бориса и Глеба утвердился здесь не позже конца XIV в.

Нет ясности и в отношении времени строительства каменной церкви Кирилла Белозерского при трапезной палате Спасского монастыря.

Несколько больше в данном отношении можно сказать относительно церкви Сергия Радонежского Голутвинского монастыря. Как мы помним, трапезная при ней в 1577/78 г. находилась в ветхом состоянии. Выходит, она была сооружена задолго до 1577/78 г. Тот же вывод, возможно, справедлив и относительно Сергиевской церкви. Хорошо известно, что преп. Сергий считается основателем Голутвинской обители¹². Это представление, очевидно, легло в основу традиции его особого в ней почитания. Оно могло утвердиться здесь еще в конце XIV в. или, по крайней мере, в середине – второй половине XV столетия, после более или менее широкого признания культа Сергия на Руси, но когда точно – не известно. Согласно Книге 1577/78 г., в названном монастыре хранились «крест синалойнай Сергия чудотворца положения» и «ризы Сергия чудотворца комка куфтерь, ветхи, оплечья шиты золотом и серебром на отласе»¹³. Наличие данных реликвий в монастыре свидетельствует о развитости культа преподобного в нем около 1577/78 г. Они также косвенно указывают на достаточно давнее укоренение в обители этого культа.

Проведенный анализ показал, что церкви Сергия Радонежского Голутвинского монастыря, Петра митрополита и Леонтия Ростовского существовали довольно длительное время до 1577/78 г. Первая Борисоглебская церковь могла появиться в Коломне еще во второй половине XIV в. О времени строительства церковью преп. Сергия на государевом дворе, Алек-

¹⁰ Лихачев Д.С. Повести о Николе Заразском // ТОДРА. М.; Л., 1949. Т. 7. С. 346.

¹¹ Государственная Третьяковская галерея. Каталог собрания. М., 1995. Т. 1. С. 134 – 136.

¹² Житие Сергия Радонежского // Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV века. М., 1981. С. 388 – 391.

¹³ Города России... С. 66, 71.

сея митрополита и Кирилла Белозерского никаких надежных сведений не обнаружено. Следовательно, почитание святых Леонтия Ростовского, Сергия Радонежского, Петра митрополита, Бориса и Глеба сложилось в Коломне более или менее задолго до 1577/78 г., а вопрос о начале активного почитания в ней святых Алексея митрополита и Кирилла Белозерского остается открытым.

Надо полагать, о том, каких святых особо почитали в Коломне XVI в., могут свидетельствовать не только посвященные им церкви, а и их иконы в этих и других церквях города. Какие же иконы русских святых зафиксированы Книгой 1577/78 г. в ее храмах?

В правой части местного ряда иконостаса Успенского собора находился киот, в котором помещалось несколько икон Иисуса Христа, Богоматери и три интересующих нас образа:

- Петра, Алексея и Ионы, митрополитов Московских;
- Сергия Радонежского, Варлаама Хутынского и Николы Чудотворца;
- Кирилла Белозерского, Леонтия Ростовского и Димитрия Прилуцкого¹⁴.

Правая часть местного ряда иконостаса являлась одним из самых значимых мест в пространстве русской церкви. Неслучайно именно в этой части всегда располагалась ее храмовая икона. Местонахождение названных икон русских святых в указанном месте собора свидетельствует об особо высоком статусе культов этих святых в городе. Характерно, что пяти из восьми святых, фигурировавших на иконах, в Коломне были посвящены церкви.

В соборном приделе Леонтия Ростовского была храмовая икона этого святого¹⁵.

- В церкви Воскресения на государевом дворе числились иконы:
- два образа Петра, митрополита Московского;
 - три образа Видения Сергия Радонежского;
 - два образа князей Владимира, Бориса и Глеба;
 - Алексея, митрополита Московского;
 - Сергия Радонежского¹⁶.

В приделе Сергия Радонежского церкви Петра и Павла на государевом дворе — иконы:

- Сергия Радонежского;
- Сергиево видение¹⁷.

В правой части местного ряда иконостаса Успенской церкви коломенского Брусеневского монастыря имелась икона Димитрия Прилуцкого¹⁸.

¹⁴ Там же. С. 5.

¹⁵ Там же. С. 10.

¹⁶ Там же. С. 15.

¹⁷ Там же. С. 18.

¹⁸ Там же. С. 21.

В церкви Алексея Московского был местный житийный образ этого святого¹⁹.

В церкви Преображения Спасского монастыря были иконы:

– Бориса и Глеба;

– Петра, митрополита Московского, Николы Чудотворца и Алексея, митрополита Московского;

– Никиты Переславского.

В приделе Кирилла Белозерского того же монастыря иконы:

– Кирилла Белозерского (храмовая);

– Димитрия Прилуцкого²⁰.

В церкви Богоявления Голутвинского монастыря имелись иконы:

– Николы Чудотворца, Петра, митрополита Московского, и Алексея, митрополита Московского;

– Сергия Радонежского, Кирилла Белозерского, Леонтия Ростовского и Димитрия Прилуцкого;

– Петра и Алексея, митрополитов Московских;

– Сергия и Никона Радонежских.

Кроме того, под иконой Богоматери Одигитрии местного ряда иконостаса была подвешена пелена с вышитыми на ней святыми Сергием Радонежским и Пафнутием Боровским²¹.

В церкви Сергия Радонежского того же монастыря стояла икона Сергия Радонежского «з деянием», а в трапезной палате при этой церкви – иконы:

– Сергия Радонежского;

– Василия Великого, Алексея и Петра, митрополитов Московских;

– Сергиево видение²².

Суммируя проведенные выше наблюдения, покажем ниже, сколько раз образы названных выше русских святых встречались на иконах в храмах Коломны в 1577/78 г., обозначив цифрами количество каждого из таких образов:

«Борис и Глеб» – 3;

«Леонтий Ростовский» – 3;

«Петр, митрополит Московский» – 7;

«Алексей, митрополит Московский» – 6;

«Сергий Радонежский» – 12;

«Кирилл Белозерский» – 3;

«Димитрий Прилуцкий» – 4;

«Иона, митрополит Московский» – 1;

«Князь Владимир» – 2;

«Варлаам Хутынский» – 1;

«Никон Радонежский» – 1;

¹⁹ Там же. С. 23.

²⁰ Там же. С. 55 – 57, 59.

²¹ Там же. С. 64 – 67.

²² Там же. С. 70 – 71.

«Никита Переславский» – 1;

«Пафнутий Боровский» – 1.

Как видим, из всего сонма русских подвижников благочестия, официально причисленных к лику святых к 1577/78 г., удостоились чести быть отмеченными в коломенских церквах соответствующими иконами лишь четырнадцать. Правда, Книга 1577/78 г., к сожалению, описывает убранство интерьеров не всех городских храмов. Поэтому данный список образов святых, возможно, мог бы быть расширен, но, очевидно, незначительно.

Логично полагать, что чем чаще изображение святого встречалось на иконах церковей Коломны, тем более он в ней почитался. Согласно данному предположению, избранными наиболее значимыми в городе святыми являлись Сергей Радонежский, Петр, митрополит Московский, Алексей, митрополит Московский, Борис и Глеб, Леонтий Ростовский, Кирилл Белозерский и Димитрий Прилуцкий. Почти в полном соответствии с данным предположением в Коломне 1577/78 г., как мы помним, имелись церкви, посвященные всем перечисленным святым, кроме Димитрия Прилуцкого. Таким образом, сведения Книги 1577/78 г. о церковных образах подтвердили и дополнили свидетельства о посвящении храмов наиболее чтимым русским святым.

В частности, выяснилось, что группу из семи особо чтимых русских святых Коломны, которым были здесь посвящены храмы, следует дополнить Димитрием Прилуцким, поскольку его иконы имелись в четырех церквах города. К этой группе по своему статусу приближались, очевидно, святые Иона, митрополит Московский, и Варлаам Хутынский, так как их образы хотя и были представлены в единственных экземплярах, но находились не в рядовой церкви, а в городском соборе.

Разница в количестве образов упомянутых святых, с учетом посвященных им церковных престолов, свидетельствует о разной степени их почитания в Коломне, или, иначе говоря, об их иерархии в представлении ее жителей. На вершине этой иерархии находился, конечно, Сергей Радонежский; ступенью ниже – святители Петр и Алексей Московские; еще ниже – святые Борис и Глеб, Леонтий Ростовский и Кирилл Белозерский; ниже – Димитрий Прилуцкий, Варлаам Хутынский и Иона Московский; наконец на самой нижней ступени пребывали святые Владимир, Никон Радонежский, Никита Переславский и Пафнутий Боровский.

Встает вопрос: кто конкретно или какие социальные группы стояли за утверждением и развитием культов названных выше восьми избранных самых чтимых русских святых в Коломне? Ясно, что культ Сергия Радонежского продвигали на авансцену духовной жизни этого города, с одной стороны, монахи Голутвинского монастыря, с другой – московские государи, имевшие на своем дворе церковный придел имени преподобного.

Поскольку церкви Петра и Алексея Московских были приходскими и находились внутри крепости, то, вероятно, к утверждению почитания митрополитов Петра и Алексея в Коломне были причастны верхние слои местного сообщества. Но и московские государи также поддерживали эти культы, что явно выразалось в «ружном» статусе названных храмов.

Более или менее устойчивое почитание Леонтия Ростовского и устройство в соборе Коломны посвященного ему придела порождены инициативой либо какой-то части горожан, либо одного из местных архиереев.

Культ Бориса и Глеба, как мы убедились, имел давние корни в Коломне и поддерживался прихожанами посвященной им церкви.

Почитание Кирилла Белозерского, судя по местоположению придела его имени, инициировался и продвигался монахами Спасского монастыря.

Местоположение икон Дмитрия Прилуцкого указывает, что проводниками его культа в Коломне являлись, в основном, монахи Брусневского и Голутвинского монастырей.

Надо полагать, культы названных выше избранных подвижников благочестия были близки не только монахам упомянутых монастырей и прихожанам соответствующих церквей, но и большинству других жителей Коломны. Не случайно в Успенском соборе, который должны были посещать все горожане, каждый из них мог молиться, глядя на собранные в один киот иконы тех же святых. При этом в собственно храме других икон русских святых не существовало. Перед глазами местных жителей XVI в. в этом киоте представал как бы собор самых близких ему небесных заступников, что недвусмысленно подчеркивалось соседством с их образами в том же киоте икон Христа и Богоматери.

Имевшее явно программный характер объединение в единой композиции перечисленных икон, кроме всего прочего, обозначает характерную черту русской религиозности XVI в., выражавшуюся в стремлении людей призывать себе на помощь не отдельно взятых чудотворцев, а большие группы избранных святых.

Не следует думать, что в Коломне XVI в. знали только упомянутых немногих русских подвижников благочестия. Еще в 7056 (1547/48) г. в городской Успенский собор был вложен церковный устав, в котором значились памяти более сорока русских святых. Этот устав находился в соборе до начала XVII в. и в более позднее время²³. Так что в городе были достаточно хорошо осведомлены о большей части при-

²³ Горский А.В., Невоструев К. Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки. М., 1869. Отд. 3. Ч. 1. С. 314 – 318; Клосс Б.М. Избранные труды. М., 2001. Т. 2. С. 367 – 369.

знанных церковью русских угодников. Очевидно, о многих из них в Коломне тогда узнавали и из других источников. Да и как могло быть иначе в городе, являвшемся епархиальным центром?

И, тем не менее, действительно глубоким почитанием в городе пользовались лишь семь — восемь русских святых. Очевидно, только они воспринимались в городе как «свои» святые, и именно к ним обращались жители Коломны со своими мольбами и чаяниями. Почитание же остальных русских подвижников благочестия, очевидно, ограничивалось более или менее формальным празднованием дня их памяти²⁴.

Что же наиболее определенно характеризует и вместе с тем объединяет между собой культы самых почитаемых русских святых Коломны XVI в.?

Сразу бросается в глаза то, что для коломенских жителей наиболее близки были московские чудотворцы святители Петр и Алексей, а также преп. Сергей, который, хотя формально считался радонежским святым, в сознании, по крайней мере, столичной знати прочно ассоциировался с московской святостью²⁵.

Культ князей Бориса и Глеба, широко распространенный на Руси задолго до XVI в., судя по их известной иконе второй половины XIV в. из Успенского собора Кремля²⁶, достаточно рано укоренился и в Москве. Этих святых вместе с другими избранными чудотворцами призывали в Москве в помощь великому князю «на супостат» в 1480 г. во время «стояния на Угре»²⁷. В столице в 7035 (1526/27) г. на месте прежней одной-единственной деревянной, известной с 6961 (1452/53) г., на средства великого князя Василия III была построена каменная Борисоглебская церковь²⁸.

В XV — XVI столетиях св. Леонтий Ростовский принадлежал к числу наиболее чтимых русских подвижников благочестия. С середины XV в. он считался небесным покровителем Москвы и московских великих князей. В XVI в. московские государи выказывали особую приверженность его культу. В особенности сказанное относится к царю Ивану IV²⁹.

Судя по некоторым грамотам, в Москве представители высших государственной и церковной властей с середины —

²⁴ Ср.: Мельник А.Г. Почитание русских святых в Соловецком монастыре в середине XV — XVI вв. // Соловецкое море. Историко-литературный альманах. Архангельск; М., 2008. Вып. 7. С. 53.

²⁵ Мельник А.Г. Почитание св. Сергия Радонежского в Ростовской земле XVI — XVII вв. // V международная конф. «Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России». Тез. докл. Сергиев Посад, 2006. С. 33.

²⁶ Государственная Третьяковская галерея. Каталог... С. 97 — 98.

²⁷ АИ. СПб., 1841. Т. 1. С. 138.

²⁸ ПСРЛ. СПб., 1859. Т. 8. С. 144, 272.

²⁹ Мельник А.Г. Социальные функции ростовских святых в XII — XVII веках // Исторические записки. М., 2008. Вып. 11 (129). С. 81 — 85.

второй половины XV и в XVI вв. особо были привержены культам Варлаама Хутынского и Кирилла Белозерского³⁰. Придельный храм, посвященный первому из них, был построен в Москве еще в 1461 г. по заказу великого князя Василия Темного³¹. К гробнице преп. Кирилла совершали богомольные путешествия московские государи XVI столетия: Василий III и Иван IV³².

Высоко почитался в Москве XVI в. и Димитрий Прилуцкий³³. В Спасский монастырь, где существовала его гробница, приезжал молиться царь Иван IV³⁴.

Как видим, прослеживается поразительно четкая закономерность: в Коломне XVI в. особо почитали и, значит, считали «своими» московских святых и в несколько меньшей степени — тех немногих других русских подвижников благочестия, культы которых получили давнее и значительное признание в столице. Приведенные наблюдения весьма рельефно характеризуют религиозность и специфику регионального самосознания коломенских жителей XVI в.

³⁰ АИ. С. 87, 138, 169, 292.

³¹ ПСРЛ. Т. 6. С. 184.

³² ПСРЛ. СПб., 1904. Т. 13. 1-я пол. С. 46, 147, 231 — 232; ПСРЛ. СПб., 1909. Т. 13. 2-я пол. С. 399 — 400.

³³ Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. М., 1813. С. 405, 563.

³⁴ ПСРЛ. СПб., 1904. Т. 13. 1-я пол. С. 147.

Д.Ф. Полознев

Из истории Коломенской епархии XVII в.

В XVII в. находившуюся в центре страны Коломну коснулись все основные вехи церковной истории: католическая угроза времен Смуты; следовавшие затем изоляционизм и дисциплинаризация церковной жизни при патриархе Филарете; размывание архиерейско-монастырской монополии на истолкование церковных правил, которые сопровождались в столице спорами о единогласии и оформлением придворного кружка «боголюбцев», а в провинции — заметными волнениями паствы по поводу обременительности обрядов и служб во времена патриарха Иосифа; церковные преобразования¹ патриарха Никона, нашедшие известное продолжение в ряде церковных соборов 1666/67, 1675 и 1682 гг., трактовавших вопросы о церковном управлении и границах епархий. Все это на фоне заметного роста участия мирян в обсуждении вопросов веры, а затем и в условиях зарождения и развития староверческого движения.

Внешняя история Коломенской епархии XVII в. представлена чередой сменяющих друг друга епископов и некоторым изменением ее территориальных границ.

1618 г., 17 декабря — хиротонисан в епископа Рафаил из архимандрита Рязанского Спасского монастыря; уволен в 1652 г., скончался 25 января 1653 г.²

1652 г., 17 октября — хиротонисан в епископа Павел III из игумена Боровского Пафнутьева монастыря; низложен в 1654 г. и сослан в Палеостровский монастырь, где и скончался³.

1654 г. — Павел сослан в Палеостровский монастырь (Олонекский уезд)⁴.

1655 г., 3 июля — хиротонисан в епископа Александр из архимандрита Спасо-Каменного монастыря⁵.

1656 г., 7 января — составлено «Сказание о страдании и скончании священномученика Павла епископа Коломенского»⁶.

1657 г., 5 декабря — епископ Александр переведен на Вятскую епархию⁷. В патриаршую область отчислены города с уез-

¹ Мы предпочитаем общепринятому словоупотреблению «церковная реформа» понятие «церковные преобразования» как более нейтральное. Однако из стилистических соображений во избежание тавтологии используем их как равнозначные.

² Н.Д. (Дурново Н.Н.). Иерархия всероссийской церкви от начала христианства в России и до настоящего времени. М., 1892. Т. 1. С. 24.

³ Там же.

⁴ Белокуров С.А. Сказания о Павле, епископе Коломенском // ЧОИДР. М., 1905. Кн. 2. Отд. IV. С. 42.

⁵ Н.Д. (Дурново Н.Н.). Иерархия всероссийской церкви... С. 24.

⁶ Белокуров С.А. Сказания о Павле, епископе Коломенском. С. 42.

⁷ Николаевский П.Ф. Патриаршая область и русские епархии в XVII в. СПб., 1888. С. 11 — 12; Н.Д. (Дурново Н.Н.) Иерархия всероссийской церкви... С. 24.

дами и церкви коломенской епархии: Коломна, Кашира, Тула, Дедилов, Венев, Епифань, Ефремов, Крапивна, Орел, Кромы, 346 церквей, 8 приделов, 13 часовен⁸.

1657 – 1666 гг. – епархия закрыта. Собор 1666/67 г. восстановил коломенскую епархию в статусе архиепископии⁹.

1666 (1667¹⁰), 9 июня – хиротонисан в епископа Мисаил из архимандрита Симонова монастыря. Переведен на Белгородскую митрополию 14 сентября 1671 г.¹¹

1672 – хиротонисан в епископа Иосиф IV из архимандрита Нижегородского Печерского монастыря. Отрешен от должности в конце 1675 г., состоял при московском Архангельском соборе. Скончался 29 июля 1681 г.¹²

На общем фоне событий и лиц истории Коломенской епархии XVII в. определенно привлекают внимание фигуры епископов Павла и Александра, которые являют примеры архиерейского сопротивления реформам патриарха Никона.

Биографические сведения об обоих деятелях достаточно хорошо представлены в литературе и выложены в Интернете¹³, поэтому мы ограничимся самыми краткими сведениями, необходимыми для полноты и последовательности изложения.

Епископ Павел Коломенский родился в семье сельского священника в начале XVII в. в Нижегородских пределах, в селе Кольчево, что недалеко от села Григорово, из которого был родом протопоп Аввакум, и села Вельдеманово, в котором родился будущий патриарх Никон.

Иноческое пострижение Павел принял в Макариевском Желтоводском монастыре, а в 1636 г. был назначен на должность монастырского казначея.

Во второй половине 1640-х гг. к тому времени уже священноинок Павел входил в московский кружок ревнителей благочестия («боголюбцев»), во главе которого стоял духовник царя Алексея Михайловича Стефан Вонифатьев.

⁸ Николаевский П.Ф. Патриаршая область и русские епархии в XVII в. С. 11 – 12.

⁹ Там же. С. 29 – 30.

¹⁰ Там же. С. 11 – 12.

¹¹ Н.Д. (Дурново Н.Н.). Иерархия всероссийской церкви... С. 24.

¹² Там же. С. 24.

¹³ О Павле Коломенском см.: Урушев Д.А. К биографии епископа Павла Коломенского // Старообрядчество в России (XVII – XX вв.). Сб. науч. тр. / Гос. ист. музей ; Отв. ред. и сост. Е.М. Юхименко. М., 2004. Вып. 3. С. 21 – 42. Прилож.: 1653 г. марта 19. Грамота епископа Коломенского и Каширского Павла архимандриту Кирилло-Белозерского монастыря Митрофану; Урушев Д.А. Житие святителя Павла Коломенского. [Канон священномученику и исповеднику Павлу, епископу Коломенскому]. Казань, 2002. 36 с. (Христианское чтение; вып. 1).

<http://kolomnaonline.ru/is.php?name = txt&go = page&pid = 120>

<http://pomorian.narod.ru/module/module29.htm>

http://www.semeyskie.ru/en_p.html

http://www.semeyskie.ru/history_pavel.html

<http://www.starover.religare.ru/print6022.html>

Об Александре Вятском см. далее.

В 1652 г., после смерти патриарха Иосифа, игумен Павел (с 1651 г. игумен Пафнутиево-Боровского монастыря) входил в список кандидатов на первосвятительский престол. Осенью 1652 г. новоизбранный патриарх Никон возвел игумена Павла в сан епископа Коломенского и Каширского.

На соборе 1654 г. он единственный из епископов открыто выступил в защиту старых книг, за что патриарх Никон без соборного суда лишил его епископской кафедры и отправил в ссылку в Палеостровский монастырь.

Согласно старообрядческой традиции, епископ Павел за свое сопротивление реформам был «темнице предан», подвергнут мучениям, но остался непреклонен. Пользуясь в ссылке некоторой свободой, он продолжал проповедовать истинность старой веры и учил местных христиан оставаться твердыми в древлеотеческих преданиях. По известиям сказаний о Павле, «блаженный епископ начал уродствовать Христа ради», что на языке того времени было эвфемизмом сумасшествия. Отголоски впечатлений о неадекватном поведении коломенского епископа сохранились в записках Павла Алеппского, где он, описывая историю извержения епископа из сана, указывает на его «строптивый нрав»¹⁴. За непримиримость позиции его в 1656 г. по приказу Никона перевели под более строгий надзор в новгородский Хутынский монастырь, а затем убили: подосланные патриархом Никоном люди сожгли его в срубе.

По официальной версии, он «зверями ли похищен или в реку упал и утонул». Московский собор 1666 – 1667 гг., судивший Никона за многие преступления, вменил извержение из сана и смерть епископа Павла в вину бывшему патриарху.

Сохранился документ, касающийся судьбы епископа-мученика. Это старообрядческое «Сказание о страдании и скончании священномученика Павла, епископа Коломенского», в котором говорится о «великом соборе» 1656 г., состоявшемся по благословению епископа Павла и некоторых других епископов в Куржеской обители¹⁵ при игумене Досифее.

Известия о соборе не имеют подтверждения в других источниках. Видимо, поэтому он считается тайным. Значение собора определяется тем, что он обозначил отношение инакомыслящих к реформам. Так, на Куржеском соборе были читаны грамоты, якобы полученные от митрополита Макария Новгородского, архиепископа Маркела Вологодского, епископа Александра Вятского, соловецкого архимандрита Никанора, протопопа Аввакума и многих других. Собор предал анафеме никониан и их новые догматы и определил: приходящих от ни-

¹⁴ ЧОИДР. М., 1897. Кн. 4. Отд. 3. С. 153 – 154.

¹⁵ Куржеская (Курженская) обитель, основанная неким старцем Евфросином, находилась в Палеостровском крае, куда был сослан епископ Павел Коломенский.

конианской церкви крестить и рукоположения (т. е. священства) ее не принимать.

И хотя известия о соборе носят легендарный характер, некоторые упомянутые в «Сказании...» лица известны как если не явные противники реформ, то отнюдь не их сторонники. Например, Макарий Новгородский, который в истории 1662 г. по поводу наложения патриархом Никоном проклятия на крутицкого митрополита Питирима показательно нейтрален¹⁶.

Сведения о «Сказании...» почему-то не вошли в «Словарь книжников...», хотя оно опубликовано еще в 1905 г.¹⁷ В публикации, в частности, приведено несколько сочинений о Павле Коломенском разного времени.

1. «Разъглагольствие Никона патриарха с Павлом епископом коломенским о крестном знаменовании». Рукопись XIX в. из библиотеки Московской духовной академии¹⁸.

2. «Сказание о страдании и скончании священномученика Павла епископа Коломенского». Рукопись XVII в. из собрания Публичной библиотеки¹⁹. В первой части краткий рассказ об участии и завещании ссыльного епископа, во второй — о соборе 1656 г.

3. «О епископе Павле Коломенском». Извлечение из рукописного сборника XIX в. без названия²⁰.

4. Фрагмент о Павле из «Винограда Россйского». Рукопись XIX в.²¹

5. «История о Павле епископе Коломенском и о бегствующем священстве, кои не приклонишася к Никоновым новотворным догматам, и како тии от епископа Павла благословение прияша». Рукопись XIX в.²²

В этих одновременных текстах суммирована старообрядческая аргументация против реформ, обоснованная авторитетом епископа Павла, первым пострадавшего от противодействия им: приходящих от патриаршей церкви перекрещивать, не принимать новых (от Никона) рукоположенных иереев, не принимать от них Св. Таин.

На вопросы о том, как быть с посвящением новых священников, из текстов следует, что епископ Павел указал на архиереев, от которых можно принимать поставление: Макарий Новгородский, Маркел Вологодский и Александр Вятский. Что же делать после их кончины, прямого ответа не последовало, но дано благословение всем благочестивым людям «приходящих к ним

¹⁶ Полознев Д.Ф. Письма русских архиереев царю Алексею Михайловичу 1662 г. (К истории внутрицерковной борьбы в связи с «делом Никона») // Проблемы истории и культуры. Ростов, 1993. С. 61 — 80.

¹⁷ Белокуров С.А. Сказания о Павле, епископе Коломенском. С. 42.

¹⁸ Там же. С. 31 — 40.

¹⁹ Там же. С. 41 — 46.

²⁰ Там же. С. 47 — 52.

²¹ Там же. С. 25 — 28.

²² Там же. С. 28 — 44. Этот текст размещен в Интернете на сайте «Русский портал»: http://nasledie.russportal.ru/index.php?id=raskol.pavel_kolom1

пользовати помогати». Это означало, что не только священники, но и миряне («простые благочестивые мужи») могут совершать некоторые тайны и удовлетворять других в духовных нуждах.

Таким образом, авторитетом епископа Павла была освящена староверческая традиция неприемлемости церковных преобразований патриарха Никона и были определены основания для продолжения церковной жизни в условиях раскола с патриаршей церковью.

Епископ Александр Вятский родился 30 ноября 1603 г. в Сольвычегодске. Был игуменом в Никольском Коряжемском монастыре с 1643 г., в котором был пострижен; 7 июня 1651 г. был назначен архимандритом Спасо-Каменного монастыря.

3 июня 1655 г. хиротонисан в епископа Коломенского и Каширского.

5 декабря 1657 г. назначен во вновь учрежденную Вятскую епархию.

8 января 1674 г. самовольно ушел на покой в Коряжемский монастырь, где принял схиму и скончался 16 октября 1679 г. (по другим данным, 17 декабря 1678 г.). Погребен в этом же монастыре.

Наиболее полно биография и вклад Александра Вятского в книжную культуру Древней Руси отражены в работах Н.Ю. Бубнова²³.

Особого внимания заслуживает сочинение Александра Вятского «Обличение на патриарха Никона» 1662 г.²⁴ Хотя

²³ Бубнов Н.Ю., Власов А.Н. Александр Вятский — писатель и книжник XVII века // ТОДРА. Л., 1988. Т. 41. С. 376 — 377; Бубнов Н.Ю. Александр // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 1. СПб., 1992. С. 55 — 59; Бубнов Н.Ю. Старообрядческая книга в России во второй половине XVII в. СПб., 1995.

²⁴ Хотя «Обличение...» давно известно в литературе, оно еще не стало предметом специального изучения. В 1868 г. его впервые издал Н.С. Тихонравов без указания на авторство и без комментариев (Тихонравов Н.С. Летописи русской литературы. М., 1868. Т. 5. Отд. 2. С. 165 — 178).

В 1884 г. Н. Гиббенет отметил, что «Обличение...» принадлежит вятскому епископу Александру и является откликом на 30 вопросов-ответов Паисия Лигарида. Он привел первое известие об «Обличении...»: 30 декабря 1662 г. подьяк Василий Яковлев подал письмо Александра Вятского царю по поводу письма бывшего патриарха Никона к газскому митрополиту Паисию. Далее публикатор привел некоторые фрагменты текста (Гиббенет Н. Историческое исследование дела патриарха Никона. СПб., 1884. Т. 2. С. 17 — 18).

В 1885 г. Н.И. Субботин указал, что «Обличение...», опубликованное Н.С. Тихонравовым, взято из сборника инока Авраамия «Христианоопасный щит веры», и издал сборник полностью.

Н.Ю. Бубнов, не знакомый с оригиналом «Обличения...», отождествил «Обличение...» с другим письмом епископа, поданным царю 8 июля 1662 г. на Лобном месте (Бубнов Н.Ю., Власов А.Н. Александр Вятский — писатель и книжник XVII века. С. 376 — 377; Бубнов Н.Ю. Александр. С. 55 — 59; Бубнов Н.Ю. Старообрядческая книга... С. 70 — 71, 375).

Мотивы создания, основное содержание и направленность обоих писем очень сходны. Но это разные сочинения. Оригинал «Обличения...» хранится в РГАДА в «Деле патриарха Никона» (Полознев Д.Ф. «Обличение на патриарха Никона» вятского епископа Александра // Сообщения Ростовского музея. Ростов, 1998. Вып. 9. С. 170 — 199), а список с письма от 8 июля 1662 г. включен в рукописный сборник (Полознев Д.Ф. Письма русских архиереев царю Алексею Михайловичу 1662 г. С. 61 — 80).

формально оно относится к периоду пребывания Александра на вятской кафедре, очевидно, что он оставался столичным деятелем и активным участником придворной борьбы. Поэтому не будет натяжкой рассматривать его деятельность в контексте истории коломенской епархии середины XVII в.

Основной мотив этого значительного по объему и содержанию сочинения состоит в обращении к царю (и отчасти к епископату) в связи с упреками газского митрополита Паисия Лигарида в адрес епископата, что архиереи проявляют пассивность в деле поставления нового патриарха в условиях оставления патриархом Никоном престола. Александр Вятский, в свою очередь, упрекает Алексея Михайловича в том, что он не заботится о церкви, приводя много примеров из вселенской церковной и русской истории.

Другим мотивом является обоснование вины патриарха Никона и неприемлемости его возвращения на престол. Александр Вятский приводит следующие аргументы.

Патриарх Никон оставил престол не по правилам, вопреки его утверждению, никем не гоним.

Он не имел права укорять в чем-либо царя (а обязан был его почитать).

Бесчестья Никону от царя не было, вопреки утверждению самого патриарха.

Никон лжет, что живет в пустыне (т. е. в Новом Иерусалиме) изгнанником, при этом прихватив казну и многое имущество и запасы.

Никон клеветает на архиереев, что они за мзду приняли угодное царю решение по осуждению Никона.

Архиереи осудили Никона не за оставление престола как таковое, а за оставление паствы, чего он делать не имел права. Церковь без предстоятеля не может быть больше 3 месяцев.

Никон дерзновенно нарек Воскресенский монастырь Новым Иерусалимом.

Никон незаконно наложил проклятие на митрополита Питирима.

В свое время Никон в священники и в монахи был поставлен неверно.

Никон не обходил епархию и не посылал в подведомственные территории своих представителей, как это должен делать епископ.

Подытоживая проступки патриарха, Александр Вятский утверждал, что в любом случае основанием решений Никона должны были быть соборные решения, а не единоличные распоряжения.

Дополнительно в теме осуждения патриарха Никона Александр Вятский коснулся актуальных вопросов обрядовых преобразований и книжной sprawy, настаивая на сохранении веры прежних поколений.

Крайне интересно, что епископ Александр обратился к теме административно-территориальной реформы в церкви, которая нашла продолжение в решениях соборов 1670 – 1680-х гг.²⁵ Он предложил разукрупнить епархии, учреждая епископии на территориях, где имеется свыше 300 церквей и 500 прихожан: «И по сему в ростовской и рязанской епископиях можи быти от них многим епископиям. Такжеже и в других паствах, где тысящи церквей и крестьян».

В заключение своего послания епископ просил царя дать пастыря церкви, то есть поставить нового патриарха.

Обращения епископа Александра Вятского, в конечном счете, остались без внимания царской и патриаршей власти. Он занял компромиссную позицию, сочувствуя деятелям староверия, оказывая им поддержку, но не оспаривая решения церковных соборов.

Роль и значение фигур и деятельности епископов Павла Коломенского и Александра Вятского следует оценивать в контексте тех социально-культурных вызовов, которыми был отмечен XVII век в истории России как время кризиса, время изменения традиционных религиозных ценностей, как переходный период от культуры Средневековья к культуре Нового времени.

Выделяются две основные точки зрения на состояние религиозности русского общества XVII – начала XVIII вв. Согласно одной – в указанное время в культуре проявились «обмирщение», религиозный индифферентизм, обычно именуемый «церковными нестроениями», а идею «оцерковления» постиг крах²⁶. В соответствии с другой – указанный период ознаменовался ростом религиозности, формированием новых форм религиозного благочестия и, возможно, переосмыслением православия²⁷.

Замечено, что именно посадская среда крупных торговых-ремесленных и культурных центров порождала новые импульсы социокультурной жизни. Обычно при этом рассматриваются и противопоставляются религиозная и секулярная альтернативы культурного развития. Причем наиболее разработана тема отношений духовной и светской властей, то есть скорее политический аспект проблемы, нежели культурный. Вместе с тем, в религиозной жизни общества происходили значительные процессы, которым пока уделяется недостаточно внимания.

²⁵ Полознев Д.Ф. Церковная реформа после патриарха Никона // Патриарх Никон и его время. Сб. науч. тр. / Отв. ред. и сост. Е.М. Юхименко. Тр. ГИМ. М., 2004. Вып. 139. С. 323 – 340.

²⁶ Например, Краснобаев Б.И. Русская культура второй половины XVII – начала XIX вв. М., 1983; Панченко А.М. Русская культура в канун петровских реформ. Л., 1984 и др.

²⁷ Например: Плюханова М.Б. О некоторых чертах личностного сознания в России XVII века // Художественный язык Средневековья. М., 1982; Bushkovitch P. Religion and Society in Russia. The 16-th and 17-th Centuries. New York-Oxford, 1992.

При беглом взгляде на события, которые обозначили назревающий кризис и вывели его в область общественного внимания и политической борьбы, видно, что инициаторами перемен выступали представители придворного духовенства. В столице обозначились два полюса активности на поприще церковных преобразований: приходское духовенство кремлевских храмов и епископат. При этом нам мало известно о том, что происходило вне Москвы. Из-за огромного внимания исследователей к истории старообрядчества осталась в стороне история приходской жизни основной массы населения, пребывавшего в лоне патриаршей церкви. И только в последнее время появились работы, посвященные этой теме²⁸.

Известно, что выработка тех или иных идей и концепций осуществлялась преимущественно в среде представителей придворного черного и белого духовенства и епископата²⁹. «Провинциалам», чтобы озвучить свои идеи, предстояло влиться в эту среду. Обращение к авторитету «центра» было обычной практикой в случаях, когда возникали проблемы на местах (см., например, челобитье нижегородских священников 1636 г.³⁰ или дело ростовского портного Силки Богданова с учениками 1657 г.³¹). Ведущую роль в идейных представлениях книжников играла монастырская традиция. Поэтому в мыслях и поступках черного духовенства отчетливо прослеживается стремление обустроить мир по монастырскому укладу.

Между тем, приход выработывал свой ответ на изменяющуюся реальность. Продолжительность и утомительность церковных служб не просто вызывала недовольство прихожан, о чем не раз прямо свидетельствуют письменные источники. Она приходила в коренное противоречие с образом жизни торговцев и ремесленников, само существование (не говоря уж — благополучие) которых зависело от распоряжения временем. Приход ответил на этот вызов формированием новых форм религиозного благочестия. Длительному богослужению городской прихожанин предпочел предпринимательство, а сокращение личного участия в службах возместил невиданными прежде дарами на храм и приход, а также иной активностью на поприще приходской жизни.

XVII в. отмечен необычайным размахом храмового зодчества в городах, переживших бурное экономическое развитие (Москва, Ярославль, Казань). Дело не ограничивалось только возведением зданий. Каждый храм богато украшался стеной

²⁸ Например: Стефанович П.С. Приход и приходское духовенство в России в XVI — XVII веках. М., 2002.

²⁹ См. об этом подробнее: Опарина Т.А. Иван Наседка и полемическое богословие киевской митрополии. Новосибирск, 1998.

³⁰ ЧОИДР. 1902. Кн. 2. Отд. 4. С. 18 — 31.

³¹ Барсов В.С. Новые материалы для истории старообрядства XVII — XVIII вв. М., 1890. С. 6 — 7.

росписью, иконами, шитьем и богослужбной утварью. Прихожане выступали инициаторами учреждения новых крестных ходов, заказчиками храмовых и домовых икон с оригинальными сюжетами. По аналогии и наряду с почитанием монастырских святых мошей широко распространялась практика почитания чудотворных икон приходских храмов. Жители городов прилагали определенные усилия к тому, чтобы известия о чудесах от местных святынь широко распространялись повсюду. Таким образом, через деятельность и вещественно-предметные формы формировалось представление о городе и даже о стране в целом как о едином приходе.

Монастырская же альтернатива, проводником которой выступал епископат, столкнулась с интересами государства в части отношений власти и собственности. Вехами этого противостояния в XVII в. стали церковные соборы 1666/67, 1675 и 1682 гг., а также упразднение института патриаршества. В силу этих причин она была существенно ограничена, прежде всего, политическими средствами, а в религиозной практике монашеский спиритуализм дополнился индивидуальным опытом личного благочестия.

Как мы видим по истории деятелей Коломенской епархии — епископов Павла и Александра — они являют примеры архиерейского сопротивления церковным преобразованиям патриарха Никона. Их поступками и образами представлены и как бы две модели такого противодействия: епископа Павла — через обращение к церковному сообществу единомышленников, епископа Александра — в опоре на светскую власть и епископат. Их представления и действия — по крайней мере, на основе имеющихся известий — пока еще в основном оставались в стороне от вопросов обустройства церковной жизни мирян и от актуальных проблем обретения нового благочестия паствой, подспудно нараставших в посадской среде и позднее вылившихся в массовое староверческое движение.

Д.А. Морозов

Арабские источники XVII в. из Коломны

Огромную роль в изучении русской культуры XVII в. сыграло описание «Путешествия Антиохийского Патриарха Макария...», составленное входившим в свиту Патриарха его сыном архидьяконом Булосом Ибн-аз-Заим ал-Халаби, известным в русской литературе под русифицированным именем Павла Алеппского. Путешествие было предпринято с целью поправить в меру возможности финансовые дела Антиохийского Патриархата и установить связи с единоверцами в соседних землях. В этом случае большой интерес для путешественников представляли многочисленные детали быта, православной обрядности и церковного искусства, отличавшиеся от привычных им самим и в то же время воспринимавшиеся нашими соотечественниками как самоочевидные и не заслуживающие письменной фиксации.

1. «Путешествие Антиохийского Патриарха Макария...»

Арабский оригинал «Путешествия...», за исключением начальной части, остается практически неизданным. В течение более столетия исследователи пользовались публикацией сводного русского перевода¹, который подготовил соотечественник Антиохийского Патриарха Журжи Ибрахим Маркус (1846 – 1911), выходец из Сирии, проживший в России более трех десятилетий, но сохранявший тесные связи с родиной и бывший в курсе ее общественной и культурной жизни. В русских документах он обычно фигурирует как Георгий Абрамович Муркос². В основу перевода был положен специально заказанный³ в Сирии в 1857 г. Спиридоном Аббудом по просьбе кн. М.А. Оболенского для Московского главного архива Министерства иностранных дел список, который и был завершён 15.02.1859⁴ Оригинал

¹ Муркос Г. Путешествие Антиохийского Патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским. Перевод с арабского Г. Муркоса (По рукописи Московского Главного Архива Министерства Иностранных Дел). Вып. 1 – 5 // ЧОИДР (пагинация везде отдельная), 1896. Кн. 4 (179), 1897. Кн. 4 (183), 1898. Кн. 3 (186), Кн. 4 (187), 1900. Кн. 2 (193). Раздел о Коломне: Вып. 2 // ЧОИДР. 1897. Кн. 4 (183). С. 145 – 202.

² О нем см.: Древности Восточные. М., 1913. Т. 4. Протоколы. С. 69 – 77. «Муркос» – разговорная арабская форма имени «Маркос/Марк», ставшего в данном случае фамилией. Более правильная форма «Маркос» встречается в документах, связанных с началом его пребывания в России, но впоследствии оказалась вытеснена более привычной на слух.

³ О некоторых обстоятельствах см.: Чирков Г. Два любопытных арабских документа (К истории внутреннего быта христиан) // Юбилейный сб. в честь В.Ф. Миллера. М., 1900. С. 254 – 264; Крымский А.Е. История новой арабской литературы. М., 1971. С. 305 – 306.

⁴ РГАДА. Ф. 181 (РО МГАМИД). № 1267. Ее частичная копия – РГАДА. Ф. 181 (РО МГАМИД). № 1268.

1700 г. этого списка впоследствии также оказался в России⁵. Поскольку подробности путешествия, причем, в принципе, не вызывающие сомнения в достоверности, очевидно, включались в текст по мере воспоминаний в какой-то связи и позднее, то полнота материала в различных списках неизбежно варьируется. В русский сводный перевод были включены отрывки перевода Н. Полуденского и А.С. Клеванова⁶ с издания английского перевода Бельфура⁷ по рукописи Британского музея (в настоящее время Британской Библиотеки)⁸. Эти отрывки помещены в квадратные скобки. Тем не менее разные авторы сообщают о наличии в различных арабских рукописях арабского оригинала и других отрывков, не отраженных в русском тексте. Недавно русский сводный перевод был впервые переиздан⁹, он был набран заново по новой орфографии, но, к сожалению, номера страниц первой публикации, на которую сто лет ссылались поколения исследователей, никак не были сохранены, что серьезно затрудняет пользование этим переизданием.

Ввиду эпидемии чумы, свирепствовавшей в Москве, период с 17.08.1654 по 30.01.1655 Патриарх со свитой провели в Коломне, что с соответствующими подробностями отражено в «Путешествии...». В английском переводе описание этого периода путешествия специально никак не выделено, но в русском сводном тексте, взявшем оформление английского перевода за образец, оно выделено в качестве Книги VI, разделенной, в свою очередь, на 14 глав.

Многие материалы, связанные с этим путешествием, продолжали интриговать исследователей. В частности, чрезвычайно интересовала судьба протографа 1700 г. рукописи, с которой был сделан русский перевод, и близкого ко времени составления самого текста. По разным сведениям, он уцелел во время трагических событий 1860 г. в Дамаске и сохранялся в библиотеке Антиохийского Патриархата. Во время стажировки в Сирии в 1908 г. рукопись пытался разыскать будущий академик И.Ю. Крачковский (1883 – 1951), но под разными благовидными предлогами Антиохийский

⁵ Институт восточных рукописей РАН (СПб) В 1230.

⁶ РГАДА. Ф. 181 (РО МГАМИД). № 1064/1668. 436 + 734 л.

⁷ *Travels of Macarius, Patriarch of Antioch, Written by his Attendant Archdeacon Paul of Aleppo, in Arabic. Transl. by F. C. Belfour. I-II. London, 1829 – 1836.* В первом томе к Коломне относятся с. 308 – 362. Есть лондонское переиздание 2003 г.

⁸ London, British Library. Addit. 18427 – 18430, 1765 г. [Cureton W., Rieu C.] *Catalogus codicum manuscriptorum orientalium qui in Museo Britannico asservantur. Pars secunda codices arabicos complectens.* Londini, 1846 – 1871. P. 366. № 802 – 805. Рукописный русский перевод описания рукописи: РГАДА Ф. 1608, № 38 (2 л.).

⁹ Путешествие Антиохийского Патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппским. Перевод с арабского Г. Муркоса по рукописи Московского Главного Архива Министерства иностранных дел. М., 2005. Раздел о Коломне. С. 223 – 262.

Патриарх Григорий аль-Хаддад рукописные сокровища предпочитал не показывать. Увлекательный рассказ об этих безуспешных попытках И.Ю. Крачковский позднее включил в свою знаменитую книгу «Над арабскими рукописями», посвятив ему главу «Рукописи двух Патриархов, или сбывшееся предсказание»¹⁰.

Тем не менее такой настойчивый интерес свою роль сыграл. Пятью годами позже, в 1913 г., несколько десятков рукописей Григорий аль-Хаддад преподнес в дар царской семье к трехсотлетию Дома Романовых, и вскоре И.Ю. Крачковский осуществил их каталогизацию¹¹. После известных событий по настоянию Академии собрание было передано в Азиатский музей и в конце концов вошло в состав библиотеки Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения Российской академии наук, в последнее время преобразованного в Институт восточных рукописей Российской академии наук. Там же была и рукопись «Путешествия...» 1700 г.

2. Записи на арабских рукописях, переписанных в Коломне

Во время столь долгого путешествия с постоянными задержками в относительно комфортных условиях предоставлялись, как можно предположить, и возможности для традиционной книжной деятельности. В приписках ряда сохранившихся арабских рукописей приводятся указания на то, что либо сами эти рукописи, либо их протографы были переписаны во время этого путешествия, в частности, в Румынии (Balamand 11, 12.05.1654) и в Москве (либо в Московии в более широком смысле) (Balamand 36, 11.12.1655)¹².

Одна из преподнесенных в 1913 г. рукописей оказалась переписана во время вынужденного пребывания в Коломне в 1654 г. тем самым знаменитым Павлом Алеппским¹³ (ил. 1).

Внимание эта рукопись привлекла еще в составе библиотеки Антиохийского Патриархата. Две страницы с наиболее интересными с исторической точки зрения записями еще на рубеже XIX — XX вв. сфотографировал или поручил сфотографи-

¹⁰ Крачковский И.Ю. Над арабскими рукописями. М.; Л., 1945. С. 26 — 32; Он же. Над арабскими рукописями. Листки воспоминаний о книгах и рукописях (2-е доп. изд.). М.; Л., 1946. С. 31 — 37. То же (3-е испр. изд.) М.; Л., 1948. С. 37 — 44; То же (4-е изд.). М., 1965. С. 51 — 59; То же // Библиотека «Огонек». 1948. № 8 — 9. С. 23 — 30; Крачковский И.Ю. Избранные сочинения. М.; Л., 1955. Т. 1. С. 39 — 45.

¹¹ Крачковский И.Ю. Избр. соч. М.; Л., 1960. Т. 6. С. 423 — 444.

¹² Снимки нескольких первых и последних страниц половины рукописей собрания православного монастыря Баламанд в Ливане, а также его каталога (2002 г.?) без указания автора и выходных данных помещены на сайте http://www.hmml.org/vivarium/hmml_collections.htm. Приношу глубокую благодарность Н.Н. Селезеву, сообщившему о его существовании. Название монастыря может фигурировать также как «Белеманд».

¹³ СПбФ ИВ РАН В1214.

وكان هذا الكتاب من اجمل كتبه في علم الفلك والارصاد
 والعلوم الطبيعية والاشياء العجيبة والاعمال
 التي فيها من الغرائب والاشياء العجيبة
 التي لم يسمع بها من قبل في هذا العالم
 وكان هذا الكتاب من اجمل كتبه في علم الفلك
 والارصاد والعلوم الطبيعية والاشياء العجيبة
 التي فيها من الغرائب والاشياء العجيبة
 التي لم يسمع بها من قبل في هذا العالم
 وكان هذا الكتاب من اجمل كتبه في علم الفلك
 والارصاد والعلوم الطبيعية والاشياء العجيبة
 التي فيها من الغرائب والاشياء العجيبة
 التي لم يسمع بها من قبل في هذا العالم

Ил. 1. Колофон 1654 г. Факсимиле автографа Павла Алеппского.

ровать упоминавшийся выше Г.А. Муркос. Эти две фотографии с отдельными рукописными заметками сохранились в его бумагах в Российском государственном архиве древних актов¹⁴.

Сообщение о коломенских вынужденных досугах по еще одной рукописи впервые было опубликовано сирийским священником и библиофилом Полем (как он предпочитал себя называть во французских работах), а вернее, Булусом Сбатом (1887 – 1942) (ил. 4, 5). Три тома каталога его собрания были напечатаны в Каире, где имелась прекрасная для того времени полиграфическая база. Впоследствии половина его собрания перешла в Библиотеку Ватикана, а другая половина хранится в Алеппо в северной Сирии. Рецензируя незадолго до того вышедший очередной, третий том описания рукописей этого собрания, И.Ю. Крачковский обнаружил чрезвычайно интересную запись в рукописи арабской обработки греческого исторического сочинения¹⁵. Много в сообщении о далеких событиях автор каталога, естественно, не понял и, по-видимому, не очень корректно воспроизвел. Из публикации приписки явствует, что рукопись была начата письмом в городе «Калмина» «страны московитов» вдали от «настолины» («столицы»), когда Алексей Михайлович отправился под Смоленск, отнятый у его предков поляками. Закончена рукопись была значительно позже, в 1679 г., уже в Сирии¹⁶.

وكان التجاز من نساخه هذا الانجيل المبارك نهار الجمعة ثالث عشر شهر تشرين
الاول سنة سبع الالف مائة ثلثة وستون لتكون العالم الموافق الف وستماية
اربعة ودمسين للتجسر الالهى بمدينة قلعة من حجر اسها كالومنا قريبة تحت
مدينة صوليتصا التي هي تحت اللكسيوس ملك المصكوف وذلك بيد العبد
الضعيف الخفيف المعترف بذنبيه التائب الى الله ربه القدير بسم بولص
ارشدنا ياكون الاب السيد المطربرك كير مكاربوس الانطاكي الحلبي الاصل ونجله
وكان لنا من دروجنا من حلب للان نحو سنتان وثلاث اشهر تمام وذلك لعظم
الديون والعوايز التي كانت على الكرس الانطاكي بومر وصدنا هذه البلاد
تترجا من الله تعالى وفاها وكنا من ابتدينا به في مدينة باش التي هي تحت
بيك البغضان وذلك في زمن الغوبفوا المحب الصريح ولعبار الكنائس كير
فاسيلبوس «слово неясно» فلما جرى ما جرى عليه من الكسرة والانهمام

Ил. 2. Воспроизведение
колофона 1654 г.
в издании
И.Ю. Крачковского.

¹⁴ РГАДА. Ф. 1608. № 129. Л. 2, 8; Ф. 1608. № 37. Л. 11 – 12. № 8 – 9.

¹⁵ Sbath P. Bibliothèque de manuscrits Paul Sbath. T. 3. Le Caire, 1934. P. 102 – 104. № 305. О самом сочинении и его арабском переводе см., например: Михайлова А.И. Лицевая арабская рукопись перевода греческого хронографа XVII в. // Палестинский сб. М.; Л., 1966. Вып. 15 (78). С. 201 – 207; Лебедева И.Н. Поздние греческие хроники и их русские и восточные переводы // Палестинский сб. Вып. 18 (81). Ленинград, 1968. С. 117 – 122.

¹⁶ Крачковский И.Ю. Избранные сочинения. М.; Л., 1960. Т. 6. С. 544.

وبقينا نحن في وحل من الشرايين والحواف والافراع وذلك في جمعة الشعانيين
 لما جاء عليه عدوه ووزيره مانعس لوعونائى بيك الجريد ودام ذلك نحو ثمانية
 اشهر كما قد فصلناه في مجموعتنا الذى انشينا بتلك الحوادث كلها واحترأ عاودنا
 الى الفلأخ ومنها اتينا الى بلاد المصكون المحروسه وكان الملك السعيد نجل
 الملوك المشرفين كِنَازى اللكسيوس ميخائيلوفيتزى قد ركب على اعداه
 واعداً الارثوذكسين اللاه الملاعين لما كانوا قد فعلوه من الآسا والقتل في لبالى
 الفصح من هذه السنة مع القزق خاص الارثوذكسين من القتل والحريق لان
 القزق كانوا قد سجدوا له وسلموه بلادهم فلما الحال ركب عليهم لياذن انارهم
 وليستغفر بلاد ابيه وادارته التى كانوا قد تغلبوا بالحيلة عليها من يدهم التى
 هى بلاد مولتف ومولانصكا القلاع العظيمة الكبرى الحجر العاصمة وكان معه
 من العساكر نحو عشرين كره مائة الف واقام على حصارها نحو ثلاث اشهر
 وفتحها بالسيف مع غيرها كما ييناه مفصلاً في مجموعتنا الذى انشينا ونحن
 كنا مقيمون في قلعه كألومنا القريبه من المصكون لأنهم اودعونا بها بسبب
 الطاعون العظيم الذى حدث يومئذ في المصكون الذى كانوا لم يعرفوه من
 نحو مائة سنة حتى انه جرى في هذه البلدة واقنا رجالها وكانت حاله يرنا لها
 نجانا الله منها بشفاعته والذنه وجمع ذنبيه وابراهه امين

Ил. 3. Воспроизведение
 колофона 1654 г.
 в издании
 И.Ю. Крачковского.

Приписка рукописи Сбата оказалась близка по содержанию к колофону рукописи Патриарха Григория Хаддада. В этой связи И.Ю. Крачковский и опубликовал в арабском оригинале, но без перевода, который в те времена мог быть отрицательно воспринят, этот колофон, некогда ранее привлечший внимание Г. Муркоса¹⁷ (ил. 2, 3). При перепечатке его рецензии в составе «Избранных сочинений» редакция поместила и снимок колофона¹⁸ (ил. 1).

Не разобранный в этой публикации выражение, но читающееся на факсимильном снимке — «самий ли-л-бака», встречается в «Путешествии...»¹⁹ и передано в русском переводе Г.А. Муркоса²⁰ как «блаженной памяти».

Летом 1990 г. мы ознакомились с этой рукописью de visu.

В 1995 г. снимки разворота и крышки переплета рукописи с металлическими украшениями явно русской работы были опубликованы в каталоге выставки рукописей соответствующего собрания²¹.

Приписка рукописи Сбата была скопирована в рукописи того же сочинения, переписанной в 1875 г.

¹⁷ Библиография Востока. Л., 1936. Вып. 8 — 9. С. 116 — 119.

¹⁸ Крачковский И.Ю. Избр. соч. М.; Л., 1960. Т. 6. С. 545. Рис. 13.

¹⁹ РГАДА. Ф. 181 (РО МГАМИД). № 1268. Л. 33 об.

²⁰ Муркос Г. Путешествие Антиохийского Патриарха... Вып. 2. ЧОИДР 1897. Кн. 4 (183) С. 39; (Изд. 2005). С. 150

²¹ Pages of Perfection. Lugano: ARCH Foundation — Milan: Electa, 1995. P. 255.

и оказавшейся в библиотеке православного монастыря Баламанд (№187/488).

Отдельный интерес представляет и сам текст рукописи, переписанной Павлом Алеппским, хотя его списков известно более двадцати. Это своего рода критическое издание арабского текста Евангелий, которое около 1253 г. подготовил в Египте копт Абу-л-Фарадж Хибат-Аллах Ибн ал-Ассал, используя переводы с греческого и сирийского и соответствующие комментарии²². Само текстологическое исследование такого рода стало вторым после Гексапл Оригена III в. н. э. и впоследствии на другом материале было превзойдено только европейскими полиглотными Библиями XVI – XVII вв. Обращение к такому замечательному памятнику также очень хорошо характеризует культурный уровень и эрудицию автора, которому мы столь обязаны знанием допетровской России.

Приложение

Колофоны арабских рукописей из Коломны.

Общие замечания к переводу.

Следует отметить, что стенографическая быстрота арабского письма приводит к большой вариантности прочтения слов, не известных читающему заранее, особенно имен и названий. Это предполагает большую вероятность ошибок прочтения, что относится в равной мере как к средневековым переписчикам, так и к современным публикаторам, мало знакомым с реалиями издаваемых ими текстов. Такую особенность арабских текстов всегда приходится иметь в виду при пользовании их побуквенными копиями любого рода, а при пользовании изданиями копий в сомнительных случаях практически невозможно установить источник того или иного искажения. Вместе с тем, как правило, все различия едва различимы друг от друга в арабском беглом написании, что полностью относится и к приводимым ниже вариантам транскрипционного воспроизведения русских слов во втором документе.

Переводы даются в несколько утрированном виде для максимального сохранения содержащейся в текстах информации.

²² Macdonald, B. Duncan. Ibn al-Assal' Arabic Version of the Gospels // Homenaje a Dr. Francisco Codera. Estudios de Erudicion Oriental ... en su Jubilacion del professorada. Zaragoza, 1904. P. 375 – 392. Wadi Abullif. La traduction des Quatre Evangiles de al-Asad Ibn al-Assal (XIII s.) // Studia Orientalia Christiana Collectanea. 24. 1992. P. 215 – 224. Samir Khalil Samir. La version Arabe des Evangiles d'al-As'ad Ibn al-'Assal. Etude des manuscrits et specimens. // Samir Khalil Samir (Ed.), Actes du 4e congrés international d'études Arabes chrétiennes (Cambridge, septembre 1992), II // Parole de l'Orient. 19. 1994. P. 441 – 551.

1305

Histoire des empereurs de Byzance depuis Constantin le Grand jusqu'au Sultan Mourad en 1624 (V. ms. 999) Dans le présent ms. manquent l'avant-propos du traducteur et la table chronologique des empereurs de Byzance ainsi que la table chronologique des évêques et des patriarches de Byzance. Le ms. commence par l'histoire proprement dite qui débute

بِسْمِ اللَّهِ الْحَمْدُ لِلَّهِ الْأَزَلِيِّ السَّرْمَدِيِّ بِهِ تَقْتِي وَعَلَيْهِ اعْتِمَادِي . نَبْتَدِيءُ
 بِعَوْنِهِ تَعَالَى . . . نَكْتَبُ كِتَابَ تَارِيخِ الْمُلُوكِ الْمَسِيحِيِّينَ . مِنْ تَأْلِيفِ الْمُعَلِّمِ الْقَاضِلِ
 مَتَّى الْقَبْرَصِيِّ الْمَلْتَبِ بِحَيْفَا لَا مَسْتَخْرَجٍ مِنَ اللُّغَةِ الرَّومِيَّةِ إِلَى الْعَرَبِيَّةِ بِمَرْسُومِ
 وَأَمْرِ الْأَبِ . . . الْبَطْرِيَرِكِ الْكَبِيرِ مَكَارِيُوسِ الْحَلْبِيِّ بِطَرِيَرِكِ مَدِينَةِ اللَّهِ الْعَظْمَى
 أَنْطَاكِيَّةِ وَسَائِرِ الْمَشْرِقِ لِمَا كَانَ مَطْرَانِ بَحْلَبِ . مَلِكِ قَسْطَنْطِينَ الْحَسَنِ الْعِبَادَةِ
 الْكَبِيرِ . وَإِزْ شَعْبِ مَدِينَةِ رُومِيَّةِ جَمِيعِهِمْ زِينُوا الْبِلَادَ وَقَرَشُوا الطَّرِيقَاتِ
 وَخَرَجُوا إِلَى اسْتِقْبَالِ قَسْطَنْطِينَ الْمَلِكِ الْمُعْظَمِ مَا دَحِينَ إِيَّاهُ كَثِيرًا وَأَدْخَلُوهُ إِلَى
 تَمَلِكِ السَّلْطَانِ مَرَادِ . . . رُومِيَّةِ مَعَ . . . الصَّلِيبِ الصَّانِعِ الْحَيَاةِ
 وَتَمَلِكِ السَّلْطَانِ مَرَادِ ابْنِ السَّلْطَانِ أَحْمَدِ فِي سَنَةِ ١٦٢٤ هَذَا كَانَ رَجُلًا عَادِلًا
 شَجَاعًا شَهِيمًا يُحِبُّ جَنْسَ الْمَسِيحِيِّينَ كَثِيرًا وَكَانَ عَالِي الْهِمَّةِ فِي الْحُرُوبِ
 نَظَرَ فِي هَذَا الْكِتَابِ مِيخَائِيلُ بْنُ جَرِيسِ الشَّهِيرِ
 بَابْنِ أَبِي نُوْفَلِ الطَّرَابِلَسِيِّ مِنْ مِائَةِ الرَّومِ الْأَرْتُوذُكْسِيَّةِ وَذَلِكَ فِي سَنَةِ ١٧٢٠

Ил. 4. Фрагмент рукописи Sbath 1305, впервые опубликованный сирийским священником и библиофилом Булусом Сбатом (1887 – 1942).

1. Колофон СПбФ ИВ РАН В1214. Л. 145 (ил. 1 – 3)

И было завершение переписки этого благословенного Евангелия в день пятницы тринадцатого месяца тиширина первого²³ года семи тысяч ста шестидесяти третьего от существования мира, соответствующего тысяче шестистам пятидесяти четырем от Божественного Воплощения в городе-крепости из камня, название которого «Калумна», близком к престольному городу «Стулитса»²⁴, который есть престол «Аллексиуса, царя московов», и сие рукой раба слабого, худого, признающего свой грех, кающегося перед Богом Господом его, бедняка по

²³ Октября.

²⁴ Столица.

- 103 -

تم الكتاب . الذي كان استخراجہ الاب السيد البطريرك
 كبير مكاريوس من اللغة الرومية الى العربية بمدينة حلب واستكتبه . . ابراهيم
 ابن المرحوم سليمان بن الحمصية وذلك في نهار الاحد رابع عشر شهر ايلول
 وهو رفع الصليب المكرم سنة ٧١٨٨ لا دم (1679) . . وكان كتابه ابتداءه
 بخط لطف الله بن الجربان ومنتهاه بخط مالكة المذكور وذلك بحضور
 عبد المسيح بن عبد النور وكانت كتابة وقيمة النسخة في مدينة تدعى كالمينا
 من بلاد المسكوب بعدها من بلاد مدينة نمطاريتا التي هي تحت الملك الكبير
 الاكسيوا نجل الملك ميخائيل الله يحفظه بملائكته . . وذلك السنة المعينة
 اعدوها كان راكب الملك الاكسيوا على مولينسكا التي كان اخذوها حكام بلاد
 الاخن اجداده وبالاكثر انتصر لخميل حاكم لبلاد القزق لانه كان يحاربهم
 من مدة ثمانين سنين وفيما بعد سجد الملك المذكور فلذلك خرج بمساكر كثيرة
 واخذ منهم بلاد كثيرة الله يجعل الآخرة للخير بشفاعة السيدة أم النور . .
 واخذ المدينة المذكورة نهار ٢٥ خلي من شهر حزيران سنة ٧١٩٢

Tran.crit en 1679; 320 pages à 25 lignes, relié 27×19

Ил. 5. Фрагмент рукописи Sbath 1305, впервые опубликованный сирийским священником и библиофилом Булусом Сбатом (1887 — 1942).

имени Булус²⁵, архидиакона отца, господина, Патриарха кир «Макариуса» Антиохийского, халебского происхождением, и сына его. И прошло у нас от выезда из Халеба до сего времени около трех лет и двух месяцев ровно, и это из-за больших долгов и лихвы, которые были на Антиохийском престоле в тот день, и мы направились в эту страну, прося у Бога Всевышнего (возможности) выплатить их, и мы уже начали это в городе «Яш»²⁶, который есть престол «бека» Молдавии, и сие во время блаженной памяти воеводы, любящего Христа и строителя церквей, кир «Василиуса»²⁷. И когда произошло то, что произошло с ним из поражения и отступления, и остались мы в боязни бед, страха и ужасов, и сие в пальмовую пятницу²⁸, когда напал на него его враг и везир его Магус Логотати²⁹, новый бек, и продолжалось это около восьми месяцев, как мы подробно изложили в нашем сборнике, который

²⁵ Павел.

²⁶ Яссы.

²⁷ Речь идет о Василии Лупуле (1593 — 1661), смещенном к тому времени молдавском господаре в 1634 — 1653 гг.

²⁸ Накануне Вербного воскресенья.

²⁹ Великий Логофет.

(٤٨٨) ١٨٧

الدر المنظوم في اخبار ملوك الروم

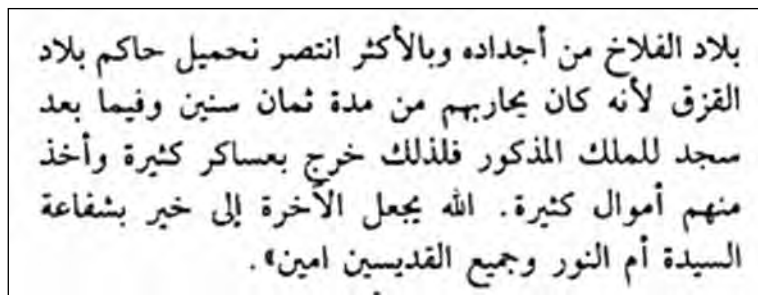
قطع كبير، حجم وسط .

كتاب تواريخ ملوك الروم ومدة تملكهم ... من قسطنطين الكبير إلى مانوئيل باليولوغس . وقد اشتهر هذا الكتاب باسم « الدر المنظوم في اخبار ملوك الروم » . والمعروف انه من تأليف دوروثاوس اسقف مونوفاسية وقد عربه ، بايعاز من البطريرك مكاريوس ابن الزعيم القس يوسف المصور وبولس ابن الزعيم ابن البطريرك .

نسخه الخوري موسى ابن الحاج يوسف بن سويدان البياسي اللاذقاني الاصل عن طلب من البطريرك المذكور الذي اوقفه على دير البلمند سنة ١٦٥٥ . « وكانت الوقفية في مدينة ترعاكاليما من بلاد المسكوب بعدها من مدينة تسطولينا الذي هي تحت الملك الكبير اللاكسينوا نجل الملك ميخايل ... وبرفقة السيد البطريرك الخوري موسى المذكور والشماس بولس نجل السيد البطريرك والشماس غريغوري وعازر وبطرس ... » .

- على الصفحة الأخيرة حاشية مكتوبة على عرض الصفحة وحاشية مزخرفة تشير إلى ان هذا الكتاب نسخة الخوري موسى ابن الحاج يوسف بن سويدان البياسي اللاذقاني الاصل عن طلب من البطريرك المذكور الذي اوقفه على دير البلمند سنة ١٦٥٥ وكانت الوقفية في مدينة ترعاكاليما من بلاد المسكوب بعدها من مدينة تسطولينا الذي هي تحت الملك اللاكسينوا نجل الملك ميخايل ... برفقة السيد البطريرك الخوري موسى المذكور والشماس بولس نجل السيد البطريرك والشماس غريغوري وعازر وبطرس وللكل يكون تذكراً مؤبداً في ملكوت السماوات وللرب المجد سرمداً وإلى الأبد الله هو امين» .

- وعلى جانب الحاشيتين ثلاثة اسطر مكتوبة على عرض الصفحة تتضمن «وذلك السنة المعينة أعلاه كان واكب الملك للاكسينوا على موليتكا الذي كانوا أخذوها حكام

Ил. 8. Воспроизведение текста приписки по каталогам рукописей монастыря Баламанд.

составили обо всех тех событиях и наконец вернулись во Валахию, а из нее приехали в (Бого)хранимую страну московов, а тогда счастливый царь, сын благородных царей «кинази Аллексиус Михаилуфитзи»³⁰ уже выехал на своих врагов и врагов православных, ляхов проклятых, за то, что они сотворили из обиды и убийств и поджогов, потому что казаки ранее подчинились ему и вручили ему свою страну, и в этих обстоятельствах выступил против тех, чтобы отомстить за них и спасти страны своего отца и дедов, которые выхватили хитростью у них из рук, которые суть «Мулитфа»³¹ и «Муланска»³², крепости великие, большие, каменные, неприступные, и было с ним из войска около двадцати отрядов, сто тысяч, и продолжал осаждать их около трех месяцев, и завоевал их и другие мечом, как мы рассказали подробно в нашем сборнике, который составили, и мы продолжали жить в крепости «Калумна», близкой к Москве, потому что поместили нас в ней по причине великой чумы, которая произошла тогда в Москве и которой не знали около ста лет, пока она не случилась в этом городе и (не) стугбила ее мужей, и было положение плачевное, но спас нас Бог от него заступничеством Родительницы Его и всех святых Его и праведников Его. Аминь.

2. Записи в рукописи Sbath 1305 (ил. 4, 5) и ее копии Balamand 187/488 (ил. 6 – 8)

Завершена книга ... которую перевел отец-владыка Патриарх кир Макариус с ромейского³³ языка на арабский в городе Халебе и попросил его написать ... Ибрахим сын покойного Сулеймана Ибн-аль-Химсийя днем воскресенья четырнадцатого (числа) месяца айлюля³⁴, (в праздник) Воздвижения

³⁰ Князь Алексей Михайлович.

³¹ По любезному сообщению Ю.М. Эскина, за которое выражаю глубокую благодарность, это могло быть записанное со слуха часто встречавшееся в старом употреблении польское выражение «моя Литва». Точно такое же написание встречается и в «Путешествии...» (Изд. 2005 г. С. 244).

³² Смоленск. Как и в других случаях, название, несомненно, воспринято со слуха в чаще встречающемся родительном падеже, причем первая буква могла быть отнесена, например, к предыдущему предлогу, например, «из Смоленска».

³³ Греческого.

³⁴ Сентября.

Честного Креста, года 7188 от Адама³⁵. И было переписано начало ее рукой Лутф-Аллаха Ибн-аль-Джарбан, а конец ее рукой ее упомянутого владельца и (было) это в присутствии Абд-аль-Масиха ибн Абд-ан-Нур и состоялось написание вкладной записи этого списка³⁶ в городе, называемом «Калимна»³⁷ из страны москотов ... (слово неясно) из страны города «Настолита»³⁸, который есть престол великого царя «Алексию»³⁹ сына царя Михаила, да сохранит его Бог своими ангелами... И в тот обозначенный выше⁴⁰ год выехал царь «Алексию» к «Мулинска»⁴¹, который взяли правители страны ляхов у его дедов⁴², и больше, пришел на помощь Хмелю⁴³, правителю страны казаков, потому что он воевал с ними уже восемь лет и потом поклонился⁴⁴ упомянутому царю, и поэтому вышел со многими войсками, и взял у них много городов⁴⁵. Да сделает Бог завершение благим при заступничестве Владычицы Матери Света⁴⁶... и взял упомянутый город в день 25 месяца хазирана 7192 года⁴⁷.

³⁵ 1679.

³⁶ По записи в копии 1875 г. видно, что ее оригинал был сразу предназначен для монастыря Баламанд, о чем и была, как можно полагать, заблаговременно сделана соответствующая запись.

³⁷ Четкое «и» (с долготой) в этом слове — очевидно, результат физического дефекта оригинала, отразившегося на прочтении в обоих каталогах.

³⁸ Очевидная ошибка чтения Сбата. Список 1875 г. по каталогу 1970 г. (см. ил. 6) дает чтение (Тастулита), а по каталогу 2002 г. (см. ил. 7) дает чтение «Тастулина». Следует читать: «столица».

³⁹ Автор записи запомнил, очевидно, это имя, как и в других случаях, в той форме русского дательного падежа или греческих родительного и/или дательного, в которой мог чаще всего его слышать. Список 1875 г. по каталогу (см. ил. 6, 7) дает чтение «Аллаксину».

⁴⁰ Перевод дан по копии 1875 г. (см. ил. 7): печатный вариант Сбата не дает смысла.

⁴¹ Смоленск. Список 1875 г. по каталогу 2002 г. дает чтение «Мулинтка» (см. ил. 7)

⁴² В опубликованном оригинале читается: «его деды», но в конце предыдущего слова, «ляхов», в публикации Сбата стоит буква, которая может быть либо окончанием множественного числа, обычно у этого слова не встречающимся (что вызвало специальное замечание И.Ю. Крачковского), либо читаемой только второй из двух букв предлога, соответствующего «из», «от», «у». В данном случае, безусловно, вероятнее второй вариант, по которому и дается перевод, Переписчик 1875 г. (или публикатор записи в 2002 г., см. ил. 8), очевидно, заменил это непонятное ему слово на более знакомое, но неприемлемое по контексту «влахи».

⁴³ Богдану Хмельницкому.

⁴⁴ Принял подданство.

⁴⁵ В копии 1875 г. по каталогу 2002 г. (см. ил. 8) воспроизведено как «имущества» или «денег».

⁴⁶ Обычное в арабо-православных памятниках обозначение Богородицы.

⁴⁷ 25 июня 1654 г.

А.Г. Мельник

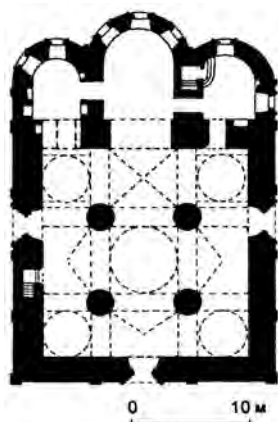
Успенский собор XVII века в Коломне

О нынешнем Успенском соборе Коломны в литературе можно почерпнуть следующие основные сведения. Данный храм был построен по заказу коломенского архиепископа Иосифа в 1672 – 1682 гг. мастером Милешкой Алексеевым «с товарищи» на месте более древних одноименных соборов. Белокаменные блоки от разборки последнего из них использованы в кладке преимущественно кирпичных стен существующего памятника. Наружный облик здания частично искажен в XVIII – XIX вв. После пожара 1739 г. деревянная крыша храма «о четырнадцати фронтонах» (по числу прясел) была заменена железной четырехскатной. В позднее время разобрали первоначальные крыльца, располагавшиеся у западного и боковых фасадов. В 1802 г. изменена форма глав. В конце XIX в. сбили аркатуру на барабанах и наличники окон. Этот декор восстановлен в 1958 – 1963 гг.¹ А.И. Некрасов указал на явное сходство интерьеров интересующего нас сооружения и московского Успенского собора (1475 – 1479), подчеркнув, что «в Коломне повторяется итальянское палаццо Аристотелевского» творения². Вместе с тем, коломенский Успенский собор еще не становился предметом специального рассмотрения.

Данный памятник представляет собой четырехстолпное трехапсидное пятиглавое здание. Пространство для молящихся слегка вытянуто по оси восток-запад, но в целом в плане оно близко к квадрату. Алтарная часть, против обычного, существенно увеличена в восточную сторону. Четыре круглых внутренних столпа расположены таким образом, что средний продольный неф имеет большую ширину, чем боковые продольные нефы. При этом средний поперечный неф незначительно превосходит по ширине соответствующий восточный неф и существенно шире западного поперечного нефа. Между упомянутыми столпами, а также между ними и стенами переброшены пониженные подпружные арки, пяты которых расположены на одном уровне. Примерно на одном уровне находятся

¹ Иванчин-Писарев Н. Прогулка по древнему Коломенскому уезду. М., 1843. С. 143; Марков Н. Коломенская епархия. М., 1888. С. 16, 19; Булич О.П. Коломна: пути исторического развития города. М., 1928. С. 79; Воронин Н.Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII – XV веков. М., 1962. Т. 2. С. 195; Фехнер М.В. Коломна. М., 1963. С. 46; Кавельмахер В.В., Молчанов А.А. Новые исследования памятников раннемосковского зодчества в Волоколамске, Можайске и Коломне // Материалы творческого отчета треста «Мособлстрой-реставрация». М., 1984. С. 77 – 79; Памятники архитектуры Московской области / Под ред. Е.Н. Подъяпольской. М., 1999. Вып. 3. С. 12 – 13.

² Некрасов А.И. Города Московской губернии. М., 1928. С. 166 – 168.

Ил. 1. План Успенского собора в Коломне.

и шельги этих арок. На описанные столпы и арки опираются световые барабаны и своды перекрытий собственно храма. Барабаны расположены вполне традиционно, центральный — над четырьмя подкупольными столпами и соответственно над центральным компартиментом, боковые — над угловыми компартиментами. Причем из-за того, что восточные угловые компартименты не квадратные, как соответствующие западные, а вытянуты в продольном направлении, находящиеся над ними барабаны своими восточной и западной сторонами опираются на дополнительные поперечные подпружные арки. Западный компартимент среднего продольного нефа перекрыт коробовым сводом с широкой распалубкой, обращенной к центру здания. Подобными же коробовыми сводами перекрыты средние компартименты боковых продольных нефов. Наконец, восточный компартимент среднего продольного нефа перекрыт крестовым сводом (ил. 1).

Как и упомянутые подпружные арки, все эти своды расположены на одном уровне. Иными словами, пространственный крест в зоне сводов не обозначен. Следовательно, данный памятник не является крестовокупольным храмом.

Ранее все писавшие о существующем коломенском соборе утверждали, что он перекрыт крестовыми сводами³. Именно таковыми они и показаны на чертеже плана храма, опубликованном в новейшем научном издании о памятниках архи-

Ил. 2. Фрагмент центральной части интерьера Успенского собора в Коломне. На втором плане — иконостас XVIII в.

³Там же. С. 168; Памятники архитектуры Московской... С. 12 — 13.

тектуры Московской области⁴. Данное заблуждение отнюдь не случайно. Оно порождено сложившейся в советское время традицией изучения преимущественно наружного облика церковных сооружений. Интерьеры же большинства храмов, в особенности XVII в., по сию пору остаются либо слабо, либо совершенно не исследованными. Поэтому истинные закономерности формообразования храмовых интерьеров все еще слабо осмыслены историками архитектуры⁵.

Подкупольные столпы рассматриваемого здания имеют в основании профилированные базы, опирающиеся на массивные круглые в плане постаменты (ил. 2, 3). Завершаются столпы валиковыми тягами и расположенными выше их восьмигранными, расширяющимися вверх капителями, упрощенно повторяющими соответствующие капители московского Успенского собора⁶. Но в отличие от последних интересующие нас капители в своем завершении получили крестчатую конфигурацию. Основания барабанов оформлены одинарными карнизами в виде валика (ил. 4, 5).

Кроме окон барабанов, собор хорошо и равномерно освещается двумя ярусами широких оконных проемов, прорезающих его западную и боковые стены.

Нынешний поздний иконостас собора расположен у восточной алтарной стены помещения для молящихся. На том же месте находился и его первоначальный тябловый иконостас (см. ниже).

Ил. 3. Фрагмент интерьера Успенского собора в Коломне.

Ил. 4. Фрагмент верхней части интерьера Успенского собора в Коломне. Кроме столбов и сводов, видны центральный и юго-восточный барабаны.

⁴Памятники архитектуры Московской... С. 12.

⁵ Следует, правда, отметить, что в 1990-е гг. небольшой группой исследователей, и автором настоящей работы в том числе, был осуществлен своего рода прорыв в изучении русского храмового интерьера. Но сделано в этом направлении науки пока явно недостаточно.

⁶Некрасов А.И. Указ соч. С. 168.

Ил. 5. Фрагмент верхней части интерьера Успенского собора в Коломне. Кроме столбов и сводов, видны центральный и юго-восточный барабаны.

Таким образом, все четыре подкупольных столпа изначально были расположены в пространстве для молящихся. В обычном четырехстолпном храме иконостас помещается у западных граней восточной пары столпов, включая их в помещение алтаря, вследствие чего в пространстве для молящихся таких церквей присутствуют лишь два западных столпа. В шестистолпных же храмах в помещении для молящихся имеется четыре столпа, а восточная их пара, частично или целиком заслоненная для молящихся иконостасом, принадлежит алтарю. Расположение всех четырех столпов в пространстве для молящихся рассматриваемого собора, при наличии высокого иконостаса, закрывающего всю его восточную стену, создает иллюзию, что это шестистолпный храм.

Как правило, историки древнерусской архитектуры, за небольшим исключением, избегают рассмотрения художественного убранства интерьеров церквей. А между тем это убранство являлось неотъемлемой составной частью архитектурно-художественного образа внутреннего пространства таких сооружений. Люди Древней Руси не мыслили себе храмовый интерьер без иконостаса и других сакрально значимых элементов оформления. Для подлинного понимания архитектурного произведения очень важно иметь представление о его первоначальном или близком к первоначальному внутреннем облике. В случае с коломенским собором у нас есть редкая возможность в общих чертах представить его первоначальное внутреннее убранство, хотя, очевидно, все элементы последнего либо утрачены, либо перемещены за пределы храма. Составить такое представление по-

зволяет описать коломенского Успенского собора, выполненная 20 сентября 1681 г. (далее – Описание 1681 г.) по указу царя Федора Алексеевича (1676 – 1682)⁷. Поэтому по ней мы можем судить о первоначальном оформлении его внутреннего и, частично, наружного облика. Ниже с опорой на этот источник предлагается описание убранства интересующего нас интерьера.

Начнем с алтарного помещения. В нем находился престол «каменной, на нем индития – бархат золото с серебром травчатой», украшенный кружевом серебряным, на середине престола – «бархат червчатой». На престоле было Евангелие, покрытое «бархатом червчатым». Позади, т. е. к востоку от престола, находилось «архиерейское горнее место, обито сукном зеленым, столпи обиты сукном же червчатым. Над горним местом образ Положение во гроб Господа нашего Иисуса Христа, посторон пречистые Богородицы со апостолы, писаны на краске. Да в том горнем месте животворящий крест большой запрестолной деревянной, вызолочен сусальным золотом и серебром, по обе стороны того креста написаны страсти Господни». Рядом располагались две богато украшенные иконы «пречистые Богородицы на престолной» и Одигитрии. «По обе стороны горнего места две рипиды медные полуженые»⁸.

«В олтаре ж на жертвеннике» находилась индития из золотного атласа. «На той же индитии крест круживо белое. На том же жертвеннике покров тафтяной червчатой» с кружевным крестом. «По полям того покрова тафта зеленая». На жертвеннике стояли серебряные сосуды. Рядом находились два кадила и четыре укропника. На жертвеннике располагался «образ Спаса Нерукотворенного со ангелы»⁹.

Выход из помещения жертвенника осенял деисус. У царских врат имелась «завеса тафтяная червчатая». Выше на оборотной части иконостаса «на тяблах покрыто тафтою зеленою». Справа и слева от упомянутых врат находилось по одной иконе Одигитрии, оформленной дорогими украшениями. Кроме того, в алтаре присутствовали иконы Иоанна Предтечи, Николая Чудотворца, Архангела Михаила («оклад у всех басемной») и «Одигитрия», еще более богато украшенная¹⁰.

«В олтаре помост – железные плиты в аршин мерою. Того олтаря в длину три сажени. Да в другом олтаре, где жертвенник, помост – камень белой в аршин мерою, четырех сажен без трети, поперег две сажени. В ризнице длины три сажени бес трети, поперег две сажени»¹¹.

⁷ РГАДА. Ф. 236. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

⁸ РГАДА. Ф. 236. Оп. 1. Д. 1. Л. 23 – 24.

⁹ РГАДА. Ф. 236. Оп. 1. Д. 1. Л. 24 об. – 25.

¹⁰ РГАДА. Ф. 236. Оп. 1. Д. 1. Л. 25 об. – 26.

¹¹ РГАДА. Ф. 236. Оп. 1. Д. 1. Л. 51 об.

Далее в Описи 1681 г. зафиксировано убранство интерьера пространства для молящихся или собственно храма. Ниже некоторые цитаты из Описи 1681 г. даются с купюрами, обозначенными многоточиями в круглых скобках. Эти купюры относятся к многочисленным украшениям, располагавшимся на иконах.

«Да в церкви ж Божии царские двери и сень и столпи вызолоченные резные, а на сени написан образ Господа Саваофа.

Да на правой и по левой стороны царских дверей местных икон:

На правой образ Господа Вседержителя, писан твореным золотом.

Образ пресвятыя Богородицы Успения со апостоли и со святители, писан твореным же золотом. Да у тех же образов пелены отлас золотной цветной травчатой по червчатой земле, опушка отласу зеленого, подложена крашениною, одна лазоревою другая зеленою, а вместо иконостасов те образа по полям прикрыты дорогами желтыми да червчатыми.

Над южными дверми образ пречистые Богородицы Владимирские в киоте. На киоте и по полям на створах писаны господские праздники и святые образы в окладе. Оклад серебряной чеканной позолочен, у Богородична образа венец и карона резные (...). Над Богородичным образом образ Господа Саваофа (...).

Подле южных дверей образ Иоанна Предтечи. Пелена у того образа тафтяная червчатая, обложена тафтою зеленою.

Подле образа Иоанна Предтечи образ пресвятыя Богородицы акафист, оклад по полям басемной серебряной, позолочен.

На левой стороне образ пресвятыя Богородицы Одигитрия да образ верховных апостол Петра и Павла, образ Николая Чудотворца, писаны твореным золотом, у Спасова и у Богородична образов пелены отлас золотной цветной травчатой, по червчатой земле опушка отласу зеленого, подложены крашениною, одна лазоревою другая зеленою, вместо иконостасов по полям прикрыто дорогами червчатыми да желтыми.

Перед местными вышеписанными образами вместо поставных свеч шесть лампад медных чеканных на чепях, и в том числе четыре лампы лощатые полужены, у одной кисть шелку з золотом (...). Да три лампы ж медные ж лощатые лежат в ризнице. На северных дверях написан образ архидиакона Стефана.

Над северными дверми образ пресвятыя Богородицы Покрова осмилистовой, оклад басемной, золочен, образ Вседержителя Спаса венец серебряной (...). Образ Савы Серпского гладкой. Сверху образов под деисусами по исподнему тяблу прикрыто трипом медью дватцать три аршина.

У царских же дверей по правую сторону образ пречистые Богородицы Донские в резном киоте. Киот и на нем крест деревянные, золочены сусальным золотом с разными виницейскими красками, оклад серебряной чеканной, венец и карона с турскою зеленою

и лазеревою финифтью, в венце четыре репья серебряных позолочены, в них две бечеты, две баусы, в короне пять репьев, а в них три винисы, два стакана зеленых, все в гнездах серебряных, на кароне стаканов турецких два и вареников з жемчюги, у того ж образа обнизь крупного жемчюга, а в ней три изумруда, четыре яхонта, да лаликов и бирюз тридцать восемь камешков, ожерелье крупного жемчюгу, корона обнизана жемчугом, рясы тройные жемчужные (...), серги серебряные (...), у того ж образа цата серебряная сканная, две цаты серебряные чеканные, все золочены (...), три дробницы написаны чернью, три образа, Спасов, Богородичен и Иоанна Предтечи, в кругах, червчатая цата небольшая серебряная, на ней вырезаны три образа, первые две цаты чеканные, переделаны ис старого окладу во 139-м году, цата шита золотом и серебром по червчатому отласу высоким швом, пелена отлас алой, на ней крест серебряной кованой, обложен по краям камкою двойною, у нее дватцать пять кистей розных цветов и золотом и серебром с ворворки, подложена крашениною лазеревою, под пеленою сукно черчатое.

Перед образом пресвятыя Богородицы лампада медная лощатая луженая, на чепях, у нее кисть шелку червчатого, ворворка обнизная.

На другой стороне того ж Богородична образа образ пресвятыя Богородицы Успения в окладе, оклад басемной, да пять венцов чеканных, да прикладу два венца, три гривенки серебряные басемные золочены, да крестов серебряных болших два, малых шесть, и в том числе один золочен, да денег десять алтын две денги.

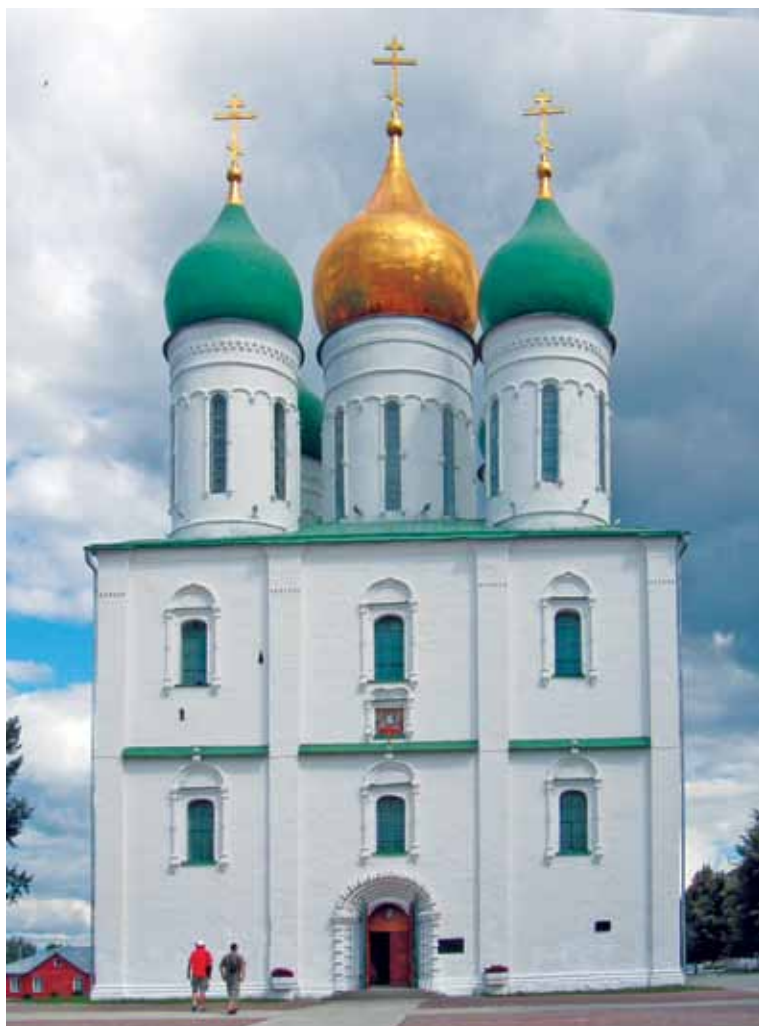
Да над тем же Богородичным образом образ Нерукотворенного Спаса писан на полотне в рамах.

У царских дверей по левую сторону образ чудотворца Николая Можайского резной, в резном киоте, киот и столпи и верхняя корона и крест распятие Господне и пред ним подсвечник резной золочен сусалным золотом, венец медной золочен чеканной, а в нем три камени простых в гнездах серебряных, у чудотворца на руках учинены внов поручи жемчужные, низаны по черному отласу с канителью (...), у них шесть пугвиц серебряных золоченых гладких да прикладу два креста серебряных, один позолочен, да денег четыре колечка завес шолковой.

Над киотом позади кароны два образа, образ Вседержителя Спаса в аршин писан на празелени.

Образ пресвятыя Богородицы Одигитрии в окладе, оклад и венец серебряной басемной золочен.

Над царскими дверми вверху деисусы. Напреди образ Вседержителя Спаса, по правую руку образ пресвятыя Богородицы со архангелом и со апостолы, восемь икон по левую сторону, образ Иоанна Предтечи со архангелом же и апостолы, восемь же икон, всего семнадцать икон, да перед теми иконами одиннатцать подсвечников деревянных точеных, золочены сусалным золотом.

Ил. 6. Вид с запада
на Успенский собор
в Коломне.

Над деисусами в другом тябле дванадцатые Господских и Богородичных праздников осмнатцать икон.

В третьем тябле посреди образ пресвятыя Богородицы с превечным Младенцом сидящъ на престоле, по сторонам пророков семнатцать икон.

В четвертом тябле посреди образ Господа Саваофа, сидящего на херувимах, по обе стороны праотцов семнатцать икон.

А тябла писаны розными красками.

Во оной же церкви четыре столпа каменных круглых.

У правого архиерейское место обито сукном светло-зеленым, внутри того места обито сукном лазоревым. На степенях сукно ж зеленое ветхо, над архиерейским местом внутри на тябле образ Господа Саваофа, да образ пресвятыя Богородицы, да образ архангела Гавриила, да евангелистов Иоанна да

Ил. 7. Вид с юго-востока на Успенский собор в Коломне.

Луки, да Матфея, да Марка, да образ пресвятыя Богородицы Знамения, по сторонам писаны пророки»¹².

Затем в Описи 1681 г. описаны многочисленные иконы, которые располагались на нижних частях всех четырех столпов собора. Многие из этих икон были богато украшены и имели подвесные разноцветные пелены. Кроме того, основания столпов были обиты цветными тканями: «сукном зеленым» или «трипом» или «сукном лозоревым»¹³.

«Посреди церкви» находился «амбон большой», покрытый зеленым сукном. «Против царских дверей» располагался «другой амбон»¹⁴. Храм освещало паникадило «о трех поясах,

Ил. 8. Вид с юга на алтарную часть Успенского собора в Коломне.

¹² РГАДА. Ф. 236. Оп. 1. Д. 1. Л. 26 – 32

¹³ РГАДА. Ф. 236. Оп. 1. Д. 1. Л. 32 – 35 об.

¹⁴ РГАДА. Ф. 236. Оп. 1. Д. 1. Л. 35 об.

Ил. 9. Фрагмент южного фасада Успенского собора в Коломне.

а в нем семнатцать шанданов». Оно висело «перед деисусом»¹⁵.

«Да на правой стороне у южных сторонних дверей подле стены три гробницы складены в кирпич, в них лежат епископы Коломенские и Коширские.

Варлам погребен в 73-м году октября в 21-м числе при благоверном царе и великом князе Иване Васильевиче всеа Русии.

Иосиф во 133-м году генваря в 27-м числе при благоверном царе великом князе Михаиле Феодоровиче всеа Русии.

Рафаил в 161-м году февраля в 11 числе.

На гробницах поставлены образы Всемиловитового Спаса, в подножии у Спасова образа в молении Иоанн Богослов да Никола чудотворец со иными святыми и со апостолами.

Образ пресвятыя Богородицы Владимирские, на образе венец.

Образ царя Константина и матери его Елены, писан на красках.

Гробницы покрыты сукном зеленым, мерою того сукна в длину восемь аршин с вершком, поперег два аршина.

В главах на стенах в олтаре и церкви шездесят три окошка болших с решетками железными, а в них шездесят три оконницы слюдяных»¹⁶.

«В соборной церкви помост камень белой в аршин мерою, та церковь длина и ширина по семи сажень с четвертью.

Вышина от помосту до сводов семь сажень с полусаженью.

В дверях трои затворы железные створные з засовы с замками»¹⁷.

Ил. 10. Фрагмент цоколя южного фасада Успенского собора в Коломне.

¹⁵ РГАДА. Ф. 236. Оп. 1. Д. 1. Л. 49.

¹⁶ РГАДА. Ф. 236. Оп. 1. Д. 1. Л. 50 — 50 об.

¹⁷ РГАДА. Ф. 236. Оп. 1. Д. 1. Л. 51.

Теперь перейдем к описанию наружного облика собора. Сначала процитируем то немногое, что говорится об этом в Описи 1681 г.:

«На Коломне в городе возле архиерейского двора соборная церковь во имя пресвятыя Богородицы Успения каменная о пяти главах. На настоящей главе крест корсунской железной прорезной, позолочен весь, на четырех главах кресты корсунские ж железные, опаяны железом белым немецким, местами золочены, у тех же крестов по четыре чеши, главы опаяны железом белым же немецким, покрыта тесом»¹⁸.

«С трех сторон против дверей паперти каменные, мерою паперть у западных дверей в длину две сажени поперег три сажени.

А у южных и у северных дверей длина и ширина ровно по две сажени»¹⁹.

В настоящее время данные первоначальные паперти отсутствуют, но их фундаменты обнаружены современными исследователями²⁰.

Массивный четверик собора завершен мощным пятиглавием. Характерной чертой последнего является то, что по высоте боковые барабаны лишь немногим уступают центральному барабану (ил. 6, 7). Сильно выступающий на восток алтарь состоит как бы из двух частей: прямоугольного в плане объема и трех полукруглых апсид. Границы между этими двумя частями на северном и южном фасадах обозначены лопатками (ил. 8).

Ил. 11. Западный портал Успенского собора в Коломне.

Ил. 12. Северный портал Успенского собора в Коломне.

¹⁸ РГАДА. Ф. 236. Оп. 1. Д. 1. Л. 22 об.

¹⁹ РГАДА. Ф. 236. Оп. 1. Д. 1. Л. 51.

²⁰ Об этом мне любезно сообщил архитектор С.П. Орловский.

Ил. 13. Южный портал Успенского собора в Коломне.

Западный фасад четверика храма расчленен лопатками на три прясла в соответствии с внутренней структурой здания (ил. 6). Аналогичным образом оформлен верх восточного фасада (ил. 7). Напротив, вопреки внутренней структуре, боковые фасады расчленены лопатками на четыре прясла каждый (ил. 9). Поэтому при взгляде на эти фасады возникает иллюзия, что собор – не четырехстолпное, а шестистолпное здание. Подобную же иллюзию, как мы помним, порождает и интерьер помещения для молящихся памятника. Надо полагать, создатели архитектурно-художественного образа храма сознательно ставили своей задачей формирование у зрителя именно такого иллюзорного представления.

Основание собора оформлено цокольной тягой, напоминающей по своему профилю аттическую базу (ил. 10). Простой отлив членит фасады на два яруса (ил. 9). Первоначально значительную роль в образе собора играло его пощипцовое двадцативосьмикатное покрытие. Окна четверика и алтаря украшены фигурными наличниками, которые составлены из вертикальных боковых полуколонок с бусинами посредине и завершений. У нижних наличников эти завершения полукруглые, у верхних – килевидные (ил. 6, 7). Богатые западный и северный перспективные порталы собора составлены из многочисленных резных элементов (ил. 11, 12). Более скромно по оформлению южный перспективный портал памятника (ил. 13). Барабаны оформлены аркатурно-колончатými поясами и профилированными карнизами (ил. 6).

Завершив описание собора, попытаемся определить истоки его основных архитектурно-художественных форм.

Основным образцом для интерьера рассматриваемого сооружения, как уже отмечалось ранее, послужил интерьер московского Успенского собора²¹. От него коломенский храм унаследовал план пространства для молящихся — близкий к квадрату, круглые столпы, расположение подпружных арок и сводов на одном уровне. Эта последняя черта особенно сближает два памятника. Ведь система перекрытий московского собора, в которой, вопреки предшествовавшей традиции, совершенно не обозначен пространственный крест, определяется как палатная²². Именно она в несколько модифицированном виде повторена в коломенском соборе. В подобном подражании не было ничего необычного для того времени. Упомянутый интерьер главного храма страны являлся одним из основных образцов, на который ориентировались русские заказчики и зодчие в XVI — XVII вв.²³

Но важно отметить и отличия указанных интерьеров, ведь в этих отличиях во многом заключается своеобразие оформления внутреннего пространства рассматриваемого памятника. Главное отличие, конечно, заключается в том, что столичный собор шестистолпный, а коломенский — четырехстолпный²⁴. Далее, как известно, план московского Успенского собора сформирован на основании сетки из двенадцати одинаковых квадратов, что определило почти одинаковую ширину всех его нефов. В коломенском же соборе средний продольный, а также поперечные восточный и средний — шире остальных нефов. У московского прототипа все своды четверика крестовые, у основного объема рассматриваемого памятника своды преимущественно коробовые и лишь один крестовый. Капители столпов коломенского собора весьма отдаленно напоминают романские капители столичного образца.

Для понимания коломенского собора важно осознать следующее.

Общая организация его внутреннего пространства принадлежит к особому типу, возникшему в результате радикального переосмысления интерьера традиционного четырехстолпного храма. Суть этого переосмысления заключается в том, что высокий иконостас в таких храмах стали устраивать не у западных граней восточных столпов, а у восточной стены четверика. Иначе говоря, иконостас как бы передвинули

²¹ Некрасов А.И. Указ. соч. С. 168.

²² Мельник А.Г. Интерьер московского Успенского собора как одна из важнейших парадигм в русском храмовом зодчестве XVI в. // История и культура Ростовской земли. 1994. Ростов, 1995. С. 124 — 133.

²³ Мельник А.Г. Интерьер московского Успенского собора... С. 124 — 133; Мельник А.Г. Храмовые интерьеры XVII века, созданные с ориентацией на внутреннее пространство московского Успенского собора // Филевские чтения. Тезисы конф. 22 — 25 декабря 1997 г. М., 1997. С. 35 — 36.

²⁴ Ранее я по ошибке назвал коломенский собор шестистолпным храмом (Мельник А.Г. Храмовые интерьеры XVII века... С. 35).

с его закрепленного многовековой традицией места дальше к востоку, вследствие чего восточный поперечный неф стал принадлежать не алтарной части, а пространству для молящихся. В этом пространстве теперь стали располагаться не два, как раньше, столпа и три купола, а все четыре столпа и все пять куполов. Алтарю же были отведены лишь сильно выступающие апсиды. Входящему в такую четырехстолпную церковь кажется, что он в пространстве шестистолпного храма, причем чаще всего, но не всегда, — именно московского Успенского собора²⁵. Отсутствует только сходство в расположении куполов, так как, в отличие от последнего и других шестистолпных храмов, иконостас в данных модифицированных интерьерах находится не под центральным куполом, а под восточной парой куполов.

Во второй половине XVII в. немалое количество новых храмов и в центре страны, и на ее окраинах получило интерьеры подобного типа. Таковы интерьеры Крестовоздвиженского собора (1658) Романова-Борисоглебска (ныне Тутаев), Покровского собора (1671 — 1675) в подмосковном Измайлове, Успенского собора (1688 — 1692) Иосифо-Волоколамского монастыря, Спасо-Преображенского собора (1689 — 1696) Твери, Успенского собора (1689) Вятского Трифонова монастыря, Успенского собора (1697 — 1710) Астрахани и др. В будущем еще предстоит выяснить, где и когда впервые была реализована идея о перемещении иконостаса четырехстолпного храма к его восточной стене.

Внутреннее оформление рассматриваемого памятника частично также восходит к убранству московского Успенского собора. В частности, первоначальный тябловый иконостас коломенского храма, состоявший из местного, деисусного, праздничного, пророческого и праотеческого рядов, очевидно, во многом повторял более ранний иконостас названного столпного прототипа. У того и другого иконостасов одинаковы были не только общие схемы, но и количество икон в каждом из четырех верхних чинов²⁶. Как и у того же прототипа²⁷, нижние части круглых столпов коломенского собора были оформлены иконами и тканями.

Особенностью внутреннего убранства рассматриваемого памятника являлись два киота: один — с иконой Богоматери Донской, второй — с изваянием Николая Можайского — которые стояли перед местным рядом иконостаса, фланкируя наподобие пропиленев путь с запада к царским вратам.

В отличие от интерьера, в наружном облике коломенского памятника не обнаруживается никаких явных признаков сход-

²⁵ Мельник А.Г. Храмовые интерьеры XVII века... С. 36.

²⁶ Ср.: Описи московского Успенского собора от XVII века по 1701 год включительно // Русская историческая библиотека. СПб., 1876. Т. 3. Стб. 599 — 600.

²⁷ Там же. Стб. 616 — 635.

ства с московским Успенским собором. Ни в общей композиции, ни в соотношении высот центрального и боковых барабанов²⁸, ни в трехчастной конфигурации алтаря, ни в широких оконных проемах, ни в наружном декоре коломенского собора нет ничего похожего на соответствующие элементы последнего. Зато все это в коломенском храме вполне соответствует основному течению русской архитектуры второй половины XVII в. Причем по меркам того времени наружный декор использован в данном случае достаточно сдержанно. В отделке собора нет ни изразцов, ни обильного кирпичного узорочья, столь характерных для зодчества той эпохи.

В заключение обратимся к вопросу о датировке рассматриваемого памятника. Как уже говорилось, его принято относить к 1672 – 1682 гг. Но ко времени составления Описи 1681 г. он не только уже был полностью построен, но и достаточно богато украшен изнутри, в чем мы убедились выше. На создание всего этого внутреннего убранства должно было уйти немало времени. Следовательно, постройку собора закончили раньше 1681 г. Обычно на возведение подобных зданий, если ничего не мешало, уходило от двух до пяти лет. Исходя из сказанного, можно предположить, что Успенский собор Коломны сооружался между 1672 и второй половиной 1670-х гг.

Считается, что заказчиком этого здания являлся архиепископ Иосиф. Но он занимал коломенскую кафедру лишь до конца 1675 г. 2 апреля 1676 г. на ней его сменил архиепископ Павел Моравский, правивший до 6 сентября 1681 г.²⁹ Именно после его ухода перед занятием кафедры новым коломенским владыкой Никитой и была составлена Опись 1681 г. Значит, к формированию первоначального архитектурно-художественного облика собора был причастен, наряду с упомянутым Иосифом, и архиепископ Павел.

²⁸ О соотношениях высот барабанов московского Успенского собора и некоторых других памятников см.: Мельник А.Г. О русских шестистолпных пятиглавых храмах XVI в. // Сообщения Ростовского музея. Ростов, 2000. Вып. 10. С. 193 – 251.

²⁹ Строев П. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 1031 – 1032.

А.Б. Мазуров

**«Не вели, государь,
тому неправому чертежу верить!»
(древнейший чертеж Коломны
с окрестностями 1699 г.)**

Древние чертежи XVI – XVII в. – большая редкость. От XVI столетия сохранился всего один такой русский географический чертеж 1536 г. В целом же в архивах уцелело около 1000 картографических памятников Русского государства 1536 – 1700 гг. Подавляющая их часть относится к 1680 – 1690-м гг., а географически они в основном (более 70%) относятся к Москве и центральным уездам – тому, что в XVII в. называлось Замошным краем¹.

До последнего времени по Коломне и ближайшей округе, несмотря на то, что изданы подробнейшие каталоги², не был известен ни один такой чертеж. Однако несколько лет назад в одном из столбцов Поместного приказа Московского государства в Российском государственном архиве древних актов был выявлен единственный пока документ такого рода. Этот фонд содержит максимальную по численности (более 400) коллекцию русских географических чертежей. В 2002 г. фрагмент коломенского чертежа впервые был частично опубликован³. Появились и специальные работы, посвященные данному плану⁴.

И раньше, и сейчас подобные документы называли не картами и планами, а чертежами ввиду их яркой графической самобытности. Под термином «русский географический чертеж» понимается изображение части земной поверхности, выполненное без строгой математической основы, но обладающее значительной информацией о качественных сторонах изображаемой территории. Обычно на чертежах выделены качественные характеристики различных географических объектов (река, город, монастырь, село, пашня, лес, овраг, болото, луг –

¹ См. подробнее Кусов М.С. Картографическое искусство Русского государства. М., 1989.

² Кусов М.С. Чертежи земли Русской XVI – XVII вв.: Каталог-справочник. М., 1993; Он же. Московское государство XVI – начала XVIII века. Сводный каталог русских географических чертежей. М., 2007. С. 177. № 233а (частичное воспроизведение чертежа Коломны: С. 178. Рис. 78).

³ Города России XVI века. Материалы писцовых описаний / Изд. подг. Е.Б. Французова. М., 2002, вклейка-форзац.

⁴ Мазуров А.Б. «Не вели, государь, тому неправому чертежу верить!» (о древнейшем чертеже Коломенской округи конца XVII в.) // Вопросы создания и анализа нетрадиционных картографических моделей географического пространства. Сб. науч. тр. Российской независимой академии нетрадиционной картографии. Коломна; М., 2004. Вып. 4. С. 18 – 29; Кусов В.С. Древнейшее картографическое изображение Коломны // Подмосковный летописец. 2007. № 02 (12), С. 21 – 24.

каждый объект с пояснительными текстами). Однако геометрическая точность нанесения различных объектов невелика.

Чертеж⁵ был выделен из коллекции столбцов по Коломне. Столбцами в XVII в. называли рулоны бумажных документов, склеенных узкими сторонами. Иногда в длину они достигали 200 – 300 м. Ознакомиться со столбцовым делом – трудная задача. Необходимо перемотать рулон до нужного места. Впоследствии архивисты для облегчения поиска документов разматывали рулоны и сложили в «гармошки», пронумеровав все листы. Сейчас чертеж Коломны с окрестностями отреставрирован, несколько лет назад его экспонировали на выставке, посвященной реставрационной работе с документами РГАДА.

Несмотря на то, что чертежу посвящено две специальные публикации⁶, имеется потребность обратиться к нему еще раз. Это связано с тем, что фактически план в полном виде так и не опубликован. Крупный знаток русского географического чертежа В.С. Кусов опубликовал его мелкомасштабную прорись, однако она передает далеко не все особенности источника (многие надписи не расшифрованы, имеются пропуски в расшифровке, в двух случаях отмечается модернизация плана – вместо надписи «ручеек» дается собственное имя «Чебучка», надписи «Веленка» вообще на оригинале нет). В нашей более ранней статье из-за особенностей черно-белой полиграфии чертеж фактически не читается. Поэтому крупномасштабная полноцветная публикация источника весьма актуальна. Мы публикуем полностью, как первоисточник, цветное и довольно крупномасштабное факсимиле плана. Чтобы не вторгаться в источник, на обороте воспроизведен тот же чертеж, но уже с полной расшифровкой надписей на лицевой стороне и обороте (см. вклейку). Не полностью оказалась освещена и фактическая сторона судебного дела, частью которого является чертеж. Так, В.С. Кусов раскрыл ее содержание фрагментарно, хотя ему принадлежат ценные находки относительно особенностей тяжбы. Поэтому считаем необходимым обратиться к чертежу вновь.

Составление чертежа связано со спорным земельным делом, составной частью которого, собственно говоря, он до последнего времени и являлся, пока не был выделен в отдельную единицу хранения. Суть дела в кратком изложении такова.

Чтобы понять его, надо напомнить, что к концу XVII в. вся пригодная для хозяйственной эксплуатации земля в центральных уездах была разобрана. Дворянские семьи, владевшие поместьями, росли. Поступали на службу недоросли – подростки дворянские дети. Они должны были получать зе-

⁵ РГАДА. Ф. 1209 (Поместный приказ), столбцы по г. Коломне, № 25186/188. Л. 43 – 44.

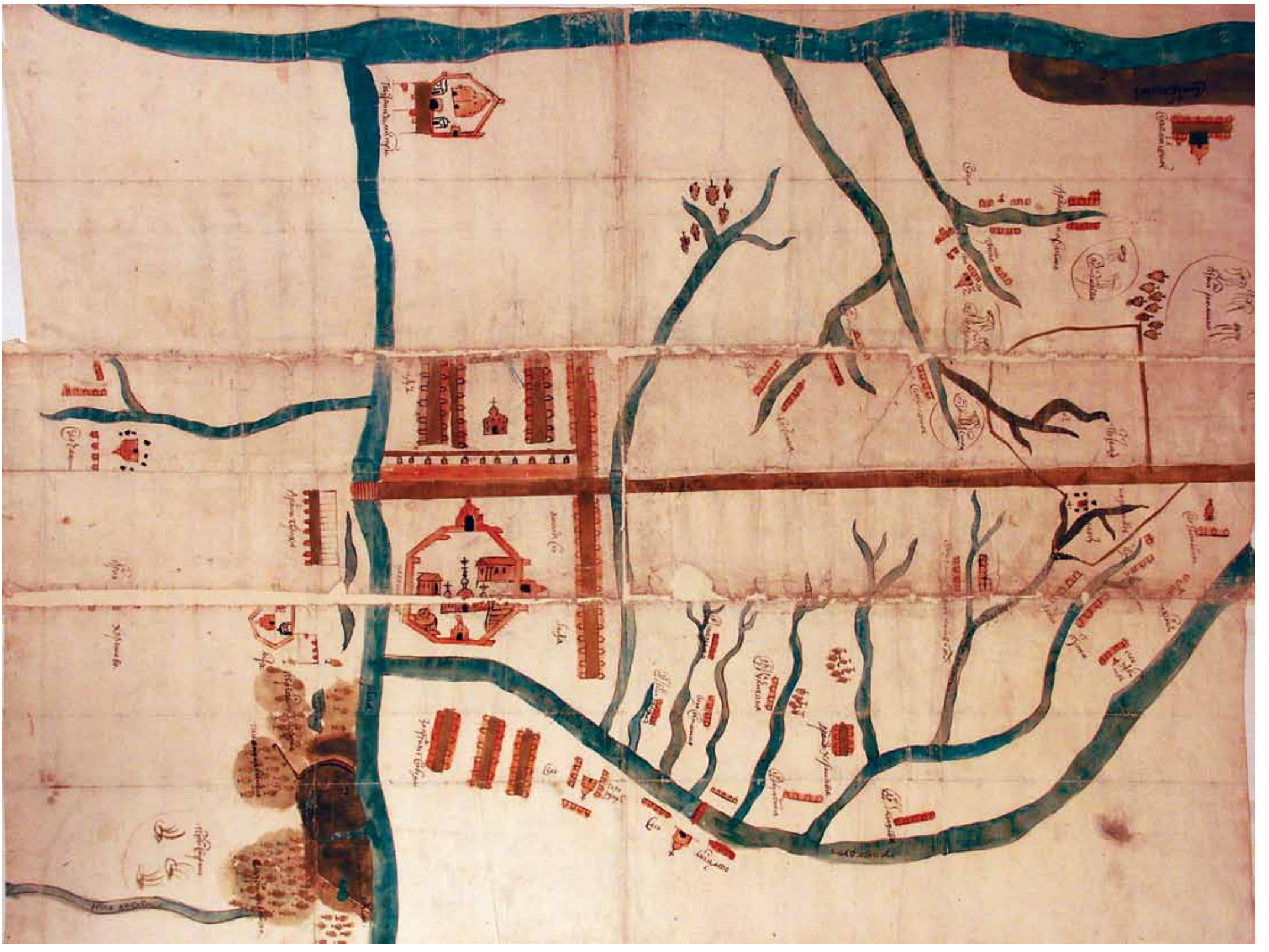
⁶ См. примечание 4.

мельную дачу за службу, а свободной земли не было. В результате земля дробилась, а владения мельчали. Любой малый клочок пашни или луга представлял большую ценность. Вот после такого введения мы и перейдем собственно к судебной тяжбе.

Дело началось в 7202 г., или, в переводе на современный счет времени – в 1694 г. Истцами были два мелких коломенских помещика, чьи земли размещались в городской округе Коломны – Большом Микулине стане. Это были Елизарий Некрашов и Григорий Лунин. Вдвоем они подали челобитную в Поместный приказ на ответчика – Василия Саввича Жемайлова. Человек этот, как тогда говорили, был «в силе». Он относился совсем к другому социальному слою – состоял при государевом дворе и имел чин стольника, т. е. представлял политическую элиту своего времени. Сама первоначальная челобитная до нас не дошла, зато она пересказана в челобитной ответчика – стольника В.С. Жемайлова. Е. Некрашов и Г. Лунин просили разобраться в принадлежности сенных покосов пустоши* Козинской. Истцы написали, что полученная за службу В.С. Жемайловым часть пустоши Козинской на самом деле записана была в писцовых книгах раньше за коломенским епископом и за мелкими помещиками Иваном Юрковым и Муртозою Евлаховым. Теперь же эти дачи (земельные угодья, данные за службу) «порозжие (никому не принадлежат, пустые – А.М.) и ни к каким землям не приписаны». Разумеется, установить это можно было как документально (на основании писцовых книг и других актов), так и выездом на место – «досмотром». «И в челобитье его Елизарья написано: досмотр и чертеж учинить».

В ответ стольник В.С. Жемайлов пустил, как бы мы сейчас сказали, свои московские связи. Действительно, утверждал он, раньше сенными покосами владели указанные помещики (владыка отношения к ним не имел), что подтверждается писцовыми книгами 1623/24 и 1685/86 гг. Однако права его на них подтверждались выписью (т. е. справкой-подтверждением) руководителя Поместного приказа боярина Петра Васильевича Шереметьева. Оказывается, спор о пустоши Козинской шел еще в 1672/73 гг., когда малопоместный Елизарий Некрашов проиграл дело. Вторично он бил челом в 1685/86 гг., во время составления писцовых книг по уезду Еремеем Хрущовым. Существо дела раскрыто с потрясающей откровенностью. Оказывается, соседние помещики, владевшие лугом, были «побиты (убиты на войне. – А.М.), и померли, и в полон побраны». Действительно, в 1670 – 1680-х гг. Россия активно воевала (в 1677 – 1681 гг. с Турцией, в 1687 и 1689 гг. состоялись крымские походы В.В. Голицына). Поэтому часть луга освободилась, и претенденты (Е. Некрашов и Г. Лунин, чей отец владел частью этого луга, с одной стороны, и Василий Жемайлов, с другой) заявили свои претензии.

*Пустошь – участок пашни.

В 1694 г. дело приняло явно невыгодный оборот для В.С. Жемайлова. Дьяк (крупное должностное лицо в приказе) Поместного приказа Григорий Молчанов повелел, вопреки челобитью стольника, «луг досмотреть и чертеж учинить, о чем и послал грамоту на Коломну». Такой поворот дела Василия Жемайлова не устраивал, он просил не «рушить» писцовых книг, отставить челобитье истцов и дать ему самому «ввозную грамоту» (документ, дающий право на эксплуатацию угодий). Дьяка же Григория Молчанова он обвинил в том, что тот лишь «умножал волокиту».

Волокита в московских приказах XVII века, действительно, была притчей во языцех. За время земельной тяжбы Елизарко Самойлов сын (т. е. Самойлович) Некрашов успел состариться, на царскую военную службу уже поступили его дети. Е. Некрашов решил подать, как тогда говорили, «челобитную на челобитную» — т. е., по нашим понятиям, встречный иск. В нем изложены еще более любопытные подробности. Оказывается, в 1676 г. по указу царя Федора Алексеевича ему была дана «четвертую пашню в поместье из порозжих земель в Коломенском уезде на берегу Москвы-реки» земля «за Перевесием, в смежности с луговой землею владыки коломенского». Перевесный луг коломенского епископа упоминается еще в Писцовой книге 1577/78 г. В более древние времена здесь действительно располагалось перевесье — место лова птиц расставленными сетями. В 1686 г. Е. Некрашов получил «беспорную грамоту» (т. е. подтверждающую его неоспоримые права) на собственное поместье. Но — вот где действительная причина иска! — стольник Василий Саввич Жемайлов утверждал, что этот самый луг «за Перевесием» числится в сенных покосах пустоши Козинской. Действительно, в средние века существовала чересполовица владений, по наследству доставшаяся и петровской эпохе.

Теперь надо уточнить, о чем же конкретно шла речь в споре. Е. Некрашов и Г. Лунин называли участок земли «в Большом Микулине стану на берегу реки Москвы, что слово за Перевесьем». Значит, луг назывался «луг за Перевесьем». В.С. Жемайлов называл предмет иска иначе — пустошь Козинская. Путем сопоставления более поздних масштабных и подробных планов XVIII в. с чертежом конца XVII столетия В.С. Кусов установил важнейшее для понимания спора обстоятельство. В окрестностях Коломны существовало две одноименные пустоши Козинские (в XVIII в. — Казинские). Одна располагалась когда-то по обеим сторонам современной дороги на Озеры, в огромном треугольнике с. Паново — с. Гололобово — д. Романовская. Другая же пустошь Козинская как раз и была у Перевесного луга близ Москвы-реки, по левому берегу р. Хмеленки. В.С. Жемайлов ее так и называл — пустошь Козинская, а вот Е. Некрашов и Г. Лунин название утаивали.

В этом состояла их стратегия. Чтобы удержать спорный участок земли, они решили сделать упор на то, что пустошь Козинская в Большом Микулине стане Коломенского уезда одна, а свой участок земли назвали «луг за Перевесьем».

Дело в Поместном приказе совершалось неспешно. Возвратились с государевой службы помещики (в промежутки между военными походами) Сергей и Макар — дети Елизара Некрашова. И они решили подать от себя челобитье. «Сережка и Макарка Елизаровы дети Некрашовы» категорически заявили, что сенные покосы луга за Перевесьем к пустоши Козинской не относятся. Они объяснили, что В.С. Жемайлов «со свойственниками своими учинил неправые мены» (т. е. обменял часть смежных земель с родственниками), чтобы искусственно создать претензии. А играл он вот на чем. Оказывается, дача прежних владельцев М. Евлахова и И. Юркова, умерших еще в конце 1620-х гг., шла по меже владыки коломенского — то есть, как и луга за Перевесьем. Это и послужило основанием для посягательств на луг Елизария Некрашова. Дети последнего просили «послати на Коломну досмотрити и учинити чертеж. И по тому ... ево Васково затейное челобитье и неправая мена будет явна». Разумеется, простого чертежа и осмотра на месте оказалось бы достаточно, чтобы выявить характер претензий стольника. Правда, для этого требовалось, чтобы свидетели («старожильцы» — проживавшие много десятилетий рядом со спорным участком) подтвердили версию Некрашова и Лунина. Тактика же В.С. Жемайлова определялась тем, что по бумагам все оказывалось в его пользу, а по чертежу — наоборот. Поэтому он был крайне не заинтересован в выезде комиссии и составлении чертежа. И хотя из Поместного приказа была направлена грамота на Коломну с распоряжением об этом, В.С. Жемайлов, пользуясь своими связями, ее сумел утаить!

Наконец, в 1699 г. дело решительно повернулось в сторону обиженных. Дьяк Поместного приказа Андреян Ратманов приказал подьячему Федору Патрушеву ехать в Коломну, в Большой Микулин стан. Тот должен был на месте разобраться в запутанном деле. Совместно с коломенским воеводой Алексеем Тимошевым 27 октября 1699 г. он учинил «досмотр и межевание» с участием заинтересованных лиц. Одновременно в соседних деревнях и селах проводили «обыск» (т. е. дознание), где же в действительности находится луг за Перевесьем и кому он по праву принадлежит. Обыск заключался в опросе «старожильцев» и должностных лиц (старост, приказчиков, священников). Они должны были разъяснить, является ли луг за Перевесьем частью сенных покосов Козинской пустоши, «из старины ли так пошло»? К листу 42 следственного дела был прикреплен чертеж (его небольшой обрывок с частью течения реки сохранился на этом листе), разрезанный позднее в столбцы.

Автором его, как и большинства чертежей того времени, был подьячий Поместного приказа (в нашем случае — Федор Патрушев). «Обыск» целиком сложился в пользу истцов. 9 старост и 34 привлеченных как свидетелей крестьян заявили, что Козинская пустошь находится «в дальнем расстоянии», а санным покосом за Перевесьем владеет Елизар Некрашов и его дети. Другой подьячий Поместного приказа — Еким Данилов — «по тем чертежам учинил выписку», т. е. выдал судебное решение и документальное подтверждение прав истцов. Выясняется, что представители местного коломенского «мира» решили объединиться против столичного дворянина. Они выдали «луг, что словет за Перевесьем» (в действительности пустошь Козинскую — одну из двух бывших в Коломенском уезде) за часть пустоши Смурино. Пустошь же Козинскую отыскивали в районе сел Гололобово, Паново и пустоши Романово. Скорее всего, Е. Некрашов подкупил старост, крестьян, да и составителя чертежа Федора Патрушева.

Однако Василий Саввич Жемайлов не сдавался. Он воспользовался важным обстоятельством и снова подал челобитную. Дело в том, что Жемайлов лично отсутствовал, будучи на службе, на «обыске». И вот в 1700 г. он обвиняет истцов, что те «учинили в сговоре в подьячим неправый чертеж, уведав, что он на службе». Подьячие, оказывается, «норовили» (потворствовали) Елизару Некрашову. Обращаясь к Петру I, Василий Саввич писал: «не вели, государь, тому неправому чертежу верить, а верить помете думного дьяка Артамона Ивановича Иванова и валовым (т. е. писцовым. — А.М.) книгам». К сожалению, окончание судебного дела не сохранилось, и остается неизвестным, как оно окончилось.

* * *

Теперь обратим внимание на сам чертеж (см. вкладыш). Он заслуживает самого подробного комментария как древнейшее картографическое изображение ближайших окрестностей Коломны и самого города. Размеры чертежа большие: 61 — 63 x 79 — 82 см (после реставрации, до нее были 61 x 75 см). Он был склеен из четырех стандартных для XVII в. листов бумаги 32 x 41 см. Для архивного хранения в Поместном приказе чертеж был разрезан на полосы и составлял листы 43 — 44 следственного столбцового дела. Теперь он снова обрел первоначальный вид: склеен и после реставрации выделен в самостоятельную единицу хранения.

Раскрашенный чертеж изготовлен на бумаге западноевропейского производства с филигранями (водяными знаками) — «Герб Амстердама» (ил. 1). По бокам от гербового щита с полосой, украшенной крестами, стоят на задних лапах львы, а верх образует корона с виньетками.

Ил. 1. Филигрань бумаги «Герб Амстердама», на которой выполнен чертеж.

На обороте чертежа имеются заверительные подписи Ивана (расписался за брата Сергея), Макара и Федора (расписался за Никиту Лунина) Некрашовых, что подтверждает официальный характер чертежа как составной части следственного дела о земельном споре.

Каркас чертежного изображения составляют реки Ока, Москва и Коломенка. В свою очередь, в них впадают более мелкие разветвленные притоки и овраги. Центральную ось чертежа образует городская улица, начинающаяся от Живого (ныне Бобреновского) моста через Москву-реку, идущая через торг и Ямскую слободу и далее переходящая в большую дорогу на Каширу. Она совершенно прямая, как стрела, хотя, разумеется, это далеко не так. Однако для целей чертежа такой прием вполне закономерен. Именно по сторонам дороги с Коломны на Каширу, в верховьях р. Вельи и оврага (на водоразделе Оки и Коломенки) расположена пустошь Козинская. Ее границы обведены жирной зелено-коричневой чертой. В мысовой части оврага в пределах пустоши показан погост с прицерковным кладбищем. Эта пустошь — центр всего чертежного изображения. Можно думать, поскольку она была предметом спора, что ближайшие к ней окрестности изображены очень подробно и достоверно. Другой важный участок чертежа — в нижнем правом его углу. Там помещается изображение Перевесного луга у Москвы-реки. Спорная земля также обведена все той же зелено-коричневой чертой. И здесь показано все до мельчайших деталей. Остальные же участки чертежа, прямо не связанные с его задачами, проработаны менее подробно. Дадим их характеристику.

У впадения Коломенки в Москва-реку расположен город Коломна. Его изображение довольно схематично, объяснение чему дано выше. В виде овального многогранника показан Кремль (надпись «Коломна город»). Количество проездных ворот чертежа точно соответствует реалиям — их трое (Пятницкие, Ивановские и Косые). Особенным реализмом отличаются Пятницкие ворота — их трехступенчатая громада резко выделяется среди остальных башен. Видимо, они особенно запомнились Федору Патрушеву — ведь на спорный участок земли он должен был выезжать именно через них. А вот остальные башни показаны условными значками, и их число никак не соотносится с исторически известными данными. В центре Кремля высится храм с тремя главами — несомненно, кафедральный Успенский собор. По четырем сторонам от него помещены схематично изображенные коричневым цветом и тушью строения. Храм со строениями и двумя башнями ориентирован иначе, чем одна из башен. Окрест Кремля раскинулся Посад. Основная часть застройки расположена слева от Кремля (она так и подписана — «посад»). Внимание привлекает изображенный

другим цветом торг. Сам же Большой посад (так он назывался в XVII в.) намечен в виде каре жилой застройки с храмом (это либо обобщенное изображение приходских храмов, либо храм Спасского монастыря). Интересно, что через Москву-реку показан Живой мост. Вдоль р. Репенки раскинулась Ямская слобода (одна улица), за рекой Коломенкой — Запрудные слободы (три параллельных улочки). Оценивая изображение города в целом, можно сказать, что составитель чертежа в основном решил проблему его образного изображения, запечатлев наиболее важные детали (трое проездных ворот, соборный храм, Живой мост, торг, Большой посад, Ямская и Запрудная слободы).

Поодаль от города расположены монастыри. Изображены они в форме многоугольников. У устья Москвы-реки, напоминающая изображение Кремля, — Голутвин монастырь. В центре — один храм (в действительности их было два — Богоявленский и Сергиевский, но такие подробности для целей конкретного чертежа не нужны). Монастырь огорожен деревянной стеной с башенками, внутри которых показаны постройки. Из двух ворот одни обращены к городу, другие — к скотным дворам вдоль Москвы-реки. Прямо напротив Кремля Коломны чертежник поместил Бобренев монастырь. Его ограждение башенок не имеет. Показаны святые ворота, храм и келейный корпус, а вне пределов монастыря — подмонастырские хозяйственные строения. Не забыты и расположенная рядом деревня Бобриха с огородами близ домов, а также сохранившаяся до сего дня особенность — два старичных озерка.

В пределах одного картографического произведения масштаб изображения не постоянен, и поэтому древнерусские картографы его практически никогда (как и в нашем случае) не указывали. По классификации В.С. Кусова, коломенский чертеж относится к чертежам второй группы масштабного ряда (~1:30000). Ориентация изображений коломенского чертежа нерегулярная. Чтобы прочесть надписи и рассмотреть его, приходится его «крутить». По надписям можно все-таки говорить о южной ориентации, хотя она и никак иначе (указателем, компасной розой) не выражена.

Следует помнить, что в задачу чертежа входила лишь фиксация границ земельных владений (пустоши Козинской и луга за Перевесьем), все остальное (включая масштаб изображения) для составителей плана было не главным. Графическое изображение местности должно было соответствовать ее виду и наглядно ее представлять без всякой легенды. При составлении чертежа применялись все наработанные ранее графические приемы для изображения местности. При помощи пера и кисти тушью, чернилами, акварелью наносили линии, значки, рисунки, покрывали краской участки площади и русла рек.

К концу XVII в., наряду с сохранением индивидуальных особенностей каждого автора чертежа, возникла тенденция картографического абстрагирования. Уже были выработаны формализованные значки, обладающие типичными общими чертами для данного класса объектов. Постараемся показать это на конкретном материале.

*Село — крупный сельский населенный пункт, как правило, с храмом; сельцо — дворянская усадьба с комплексом жилых и хозяйственных построек; деревня — по сравнению с селом менее крупная, состояла обычно из 3 — 15 дворов, храма, как правило, не имеет.

Населенные пункты (села, сельца, деревни)* показаны схематичными значками. Это один или два ряда (вдоль улицы) домов жилой застройки. Село Лысцево показано расположенным на разных берегах Коломенки. Две его части соединяет мост. В селах обязательно присутствуют одноглавые храмы (Городищи, Чанки, Лысцево, Гололобово, Васильевское, Воловичи). Особенно тщательно изображены села Васильевское, Лысцево и Городищи (последнее не совсем верно показано напротив устья Репенки, в действительности оно лежало выше по р. Коломенке) — вероятно, наиболее крупные. А вот у с. Ильинского чертежник по забывчивости церковь не нарисовал, но потом вспомнил об упущении и поместил крест на подножии (знак часовни?). В сельце Гришино и деревне Хлопне также имеются подобные изображения.

Из хозяйственных угодий на плане встречаются пустоши, сенные покосы, луга (для выпаса скота). Пустошь — важнейшее сельскохозяйственное угодье (пашня). Пустошь Козинская, как уже отмечалось выше, обозначена жирной сплошной линией. Другие же пустоши показаны обобщенным круглым значком, внутри которого помещен текст с названием. Сенные покосы опознаются по соответствующим надписям у с. Васильевского (на берегу Оки), внутри пустоши Козинской, на берегу Москвы-реки у Перевесного луга (принадлежали коломенскому епископу). Луга залиты интенсивным болотным цветом.

Из природных угодий на чертеже можно увидеть реки, овраги, болота, лесные массивы. Реки (Ока, Москва, Коломенка, Велья, Шелоховка, Репенка, Хмелевка) изображены сплошной заливкой темной синей краской. Они текут почти прямо, с небольшими изгибами (что, разумеется, далеко не так). Лишь Коломенка имеет изгиб русла, что в целом соответствует ее конфигурации на отрезке от устья до с. Гололобова. Чертежник показал разветвленную овражную сеть по берегам Оки и Коломенки. Овраги имеют темно-синюю (как и реки) заливку, чем отражена их водосборная функция. Там же, где имеются постоянные ручьи, они подписаны (большой овраг по правому берегу р. Коломенки выше д. Лукерьино имеет обозначение — «ручеек»). Болота показаны лишь по левому берегу Москвы-реки (Перевесное, Мугринское и Помакино). Они выделены акварелью соответствующим светло-болотным цветом. Из чертежа следует, что окрестности Коломны были мало залеснены.

Участки леса показаны совокупностью значков, очень похожих на современные топографические обозначения одиноко стоящих деревьев. Они существовали у Перевесья, в верховьях р. Репенки, у д. Хорошово (на р. Коломенке), между пустошами Лоздрево и Романово. Вероятно, лесные участки нанесены исчерпывающе, поскольку подробный фиксационный план 1780-х гг. (примерно 90 лет спустя после составления чертежа) дает в округе Коломны только агроландшафт.

Таким образом, план 1699 г. является ценным источником по исторической топографии коломенской округи. Он, в частности, дает представление о ближайших окрестностях города конца XVII в., окружающем его ландшафте. По нему можно установить расположение и названия давно исчезнувших поселений и пустошей, что превращает чертеж и в интересный топонимический источник. Он обладает большой ценностью для археологов, поскольку дает указания на расположение пока не обнаруженных памятников средневековой археологии.

Возможно, дальнейшие поиски в архивах позволят выявить новые чертежи не только коломенских земель, но и отдельных районов или дворов в самом городе.

С.П. Орловский

Памятник нарышкинского зодчества в окрестностях Коломны*

* Статья публикуется в авторской редакции.

У И.Э. Грабаря в «Истории русского искусства» обнаружена довольно глухая ссылка насчет того, что существует памятник нарышкинского барокко, интересная ярусная церковь в селе Горностаево Коломенского уезда. В свое время проводилось обследование этого уезда, вернее, Коломенского района – никаких архитектурных объемов там не было. Село Горностаево существует и сейчас, только теперь оно называется центральной усадьбой АО «Индустрия».

Ил. 1. Поздняя трапезная и остатки поздней колокольни, построенные на рубеже XIX – XX вв.

Ил. 2. Западный портал, который, возможно, повторяет подлинный.

Архитектурные формы остатка памятника очень близки архитектурным формам подлинника того самого нарышкинского барокко (ил. 1). Фигурные белокаменные кронштейны, полуколонки, сандрики – все это нам напоминает ярусные сооружения церквей в усадьбе Уборы, Троицкое-Лыково – типичные храмы под колокола. По тем остаткам, которые сохранились до сего времени, вряд ли могла придти мысль о том, что это блестящий памятник (ил. 2 – 5).

На ил. 4 видна сложная система внутренних связей, которые были у этого памятника. Существует проект¹ постройки

¹ РГАМ. Проект пристройки теплого придела и колокольни. 1877. Ф. 54. Оп. 134. Д. 81. Л. 6. Архитектор Каминский П.

Ил. 3. Окошко в небольшом приделе с хорошо видными типичными для барокко белокаменными кронштейнами.

новой трапезной и колокольни. На этом проекте видно первоначальную церковь. Прежде чем начать перестройку, ее обмерили. Был выявлен квадрифолийный план, на что указывают именно эти связи.

Очень характерно для нарышкинского барокко ярусное построение (ил. 6). Интересно, что архитекторы, перестраивающие трапезную уже в конце XIX в., пошли по тому же пути, что и мы, когда иногда достраиваем недостающие или полностью утраченные части по аналогам, собираем по всему памятнику какие-то элементы и из них komponуем недостающие детали. Здесь мы тоже видим, что, несмотря на такую несколько уже округленную колокольню, достаточно тщательно прорисованы наличники окон поздней трапезной. Кусочек стекла негатива, с которого сделана эта фотография, сейчас весь покрылся сеткой трещин, заворачиваются края желатинового слоя – в общем, он не сохранился. Интересно, что рядом изображен, по-видимому,

Ил. 4. Единственная стена, оставшаяся от древнего памятника рубежа XVII – XVIII вв.

Ил. 5. Нынешний вид главного фасада.

главный усадебный «породистый» дом, на что указывает башенка наверху с интересными элементами – это традиция XVIII – XIX вв., известная по другим памятникам.

Ил. 7 показывает, что можно вытянуть из совершенно разрушенного негатива. Увеличение дает документальное восстановление креста. Глава явно первоначальная, сделана из дощатого железа. На барабане хорошо читаются белокаменные детали.

Если посмотреть на снимок, то можно порадоваться: мало, где сохранились до нашего времени такие детали: гребешки, сандрики – и это находилось в 20 км от Коломны, но все это погублено и уничтожено (ил. 5).

Сохранился целый ряд фотографий², изображающих церковь с различных ракурсов. В частности, редкий снимок с востока, выполненный незадолго до взрыва памятника (ил. 9).

² Копии в архиве ТМ.

Ил. 6. Старая фотография церкви.

Ил. 7, 8. Увеличенные фрагменты.

До настоящего времени точных сведений о владельцах села не обнаружено.

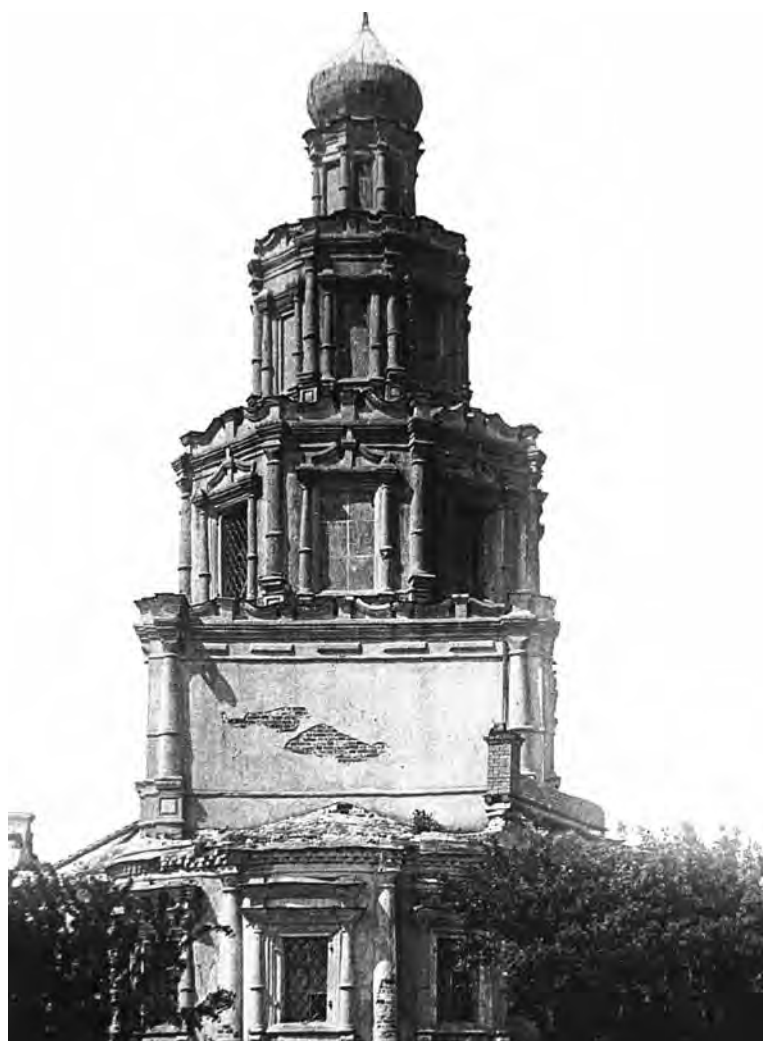
Из архивов мы узнаем, что в XVIII в. владельцем села Горностаево с церковью Владимирской иконы Божьей матери был князь Александр Алексеевич Долгоруков³. В селе был господский деревянный дом на каменном фундаменте.

В указателе К. Нистрема 1852 г. означено село Горностаево 1 стана Черкасского кн. Алексея Борисовича. В указателе Шрамченко 1890 г. в 1 стане упомянуто Горностаевское церковно-приходское училище, усадьбы нет.

Археологическое изучение остатков памятника позволит разработать реконструкцию церкви и введет в научный обиход уникальный храм рубежа XVII – XVIII вв.

Памятник ждет своего ктитора-инвестора.

³РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 768. Л. 38 – 38 об. Ок. 1778.

Ил. 9. Храм
в с. Горностаево
незадолго до
уничтожения.

Е.А. Ломако

Провинциальное купечество екатерининской эпохи (по материалам Коломны второй половины XVIII в.)¹

Екатерининская эпоха явилась в истории России финальным аккордом грандиозных преобразований, начатых Петром I. В первую очередь, это касается оформления сословного деления общества, изменившегося согласно требованиям времени. В состав России на протяжении XVIII в. включались новые территории, а, следовательно, возрастала численность населения. Появлялись новые города, все отчетливее становилось понимание необходимости создания особого городского сословия, обладавшего определенными привилегиями и служившего опорой верховной власти, проводником ее инициатив. Следует оговориться, что на настоящий момент проблема существования городского сословия стоит весьма остро. Ряд исследователей считает, что подобное сословие имело место в жизни Российской империи, другие склонны рассматривать городское население как ряд сословных групп, объединенных в городское сообщество волею обстоятельств. Разрешение затронутого вопроса видится в изучении провинциальных городов, которые, подобно капле воды, отражали законодательные инициативы верховных властей с учетом местной специфики. Для этого необходимо выявление лидирующих групп в жизни города, а также рассмотрение их взаимодействия с точки зрения создания полноценного «общества градского». Наиболее активной социальной группой, играющей ключевую роль в формировании облика города, становились купцы, осуществляющие одни из важнейших функций городской жизни – торговую и промышленную. На примере Коломны второй половины XVIII в., купечество которой занимает одно из приоритетных мест в составе населения, это хорошо видно.

Политика верховной власти в отношении города уже в начале XVIII в. ярко демонстрировала ее стремление организовать торгово-промышленное население городов в особое сословие. Одной из первых попыток стало разделение горожан на регулярных и нерегулярных граждан и введение цеховой

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ и Министерства образования Московской области (проект № 08-01-50101а/Ц «Русский провинциальный город екатерининской эпохи (по материалам Коломны второй половины XVIII в.)»).

организации. В середине 1720-х гг. санкционируется характерная инициатива, заключающаяся в том, что все городское население стало числиться под именем купцов и разделяться на три гильдии. Границы между гильдиями были расплывчаты, и сложившаяся ситуация буквально взывала к дальнейшим реформам. В начале последней четверти XVIII в. нарастает стремление создать максимально четкую структуру городского общества через оформление новой социальной группы — мещанства, введенную Манифестом от 17 марта 1775 г.² Принадлежность городских жителей к купечеству обуславливалась, как и прежде, записью в гильдии, но при этом распределение купцов по ним стало происходить согласно сумме объявленного ими капитала³. Права различных городских социальных групп более точно определила «Грамота на права и выгоды городам Российской империи» 1785 г.⁴ Жители города отныне записывались в городскую обывательскую книгу, разделенную на шесть частей⁵.

Как же отражалось в жизни Коломны представленное законотворчество в зеркале изменения наиболее активной социальной группы — купечества? С середины XVII в. Коломна занимала лидирующее положение среди подмосковных городов по численности населения. По реестру Главного магистрата 1723 г., разделившего все города на пять разрядов в зависимости от числа дворов, Коломна была отнесена к третьему разряду городов с количеством дворов от 500 до 1000. Большинство других подмосковных городов оказалось в четвертой категории городов с числом дворов от 250 до 500, а Кашира, Руза, Звенигород были отнесены к «малым городам». Наряду с Коломной в третьем разряде насчитывалось 34 города, среди которых были Псков, Тверь, Воронеж, Кострома, Нижний Новгород и др.⁶, т. е. в последующем губернские центры.

² ПСЗРИ. Т. XX. № 14275.

³ Дополнил манифест Именной указ от 25 мая 1775 г., конкретизировавший принадлежность к гильдейскому купечеству: к первой гильдии причислялись те, которые объявляли капитал более чем в 10000 р., ко второй — от 1000 до 10000, к третьей — от 500 до 1000; имевшие менее 500 р. причислялись к мещанам.

⁴ ПСЗРИ. Т. XXII. № 16188.

⁵ В первую часть книги вносились имена всех жителей города, имевших в нем недвижимость; во вторую — записавшихся в одну из трех гильдий купцов (размер объявляемых капиталов был повышен: для первой гильдии — до 50000 р., для второй — до 10000, для третьей — до 5000); в третью — записавшихся в цехи (мастера, подмастерья и ученики); в четвертую — приписавшихся к городам для мещанских занятий иногородних и иностранных гостей; в пятую — именитых граждан (служивших по выборам в городских должностях дважды с похвалою; ученых; художников (архитекторов, живописцев, скульпторов, композиторов); капиталистов, объявивших капиталы от 50000 и более; банкиров, объявивших капитал от 100 до 200 тыс.; занимающихся оптовой торговлей; кораблехозев); в шестую — посадских (старожилы города, или поселившихся, или родившихся в нем, занимающихся промыслами, рукоделиями и работами и не внесенных в другие части книги).

⁶ Козлова Н.В. Социально-экономическое развитие Коломны в 20 — 40-х годах XVIII века // Русский город. М., 1981. Вып. 4. С. 121 — 139. С. 123.

Ключевым моментом в становлении Коломны как крупного торгового центра на рубеже XVII – XVIII вв., что в свое время отметила и Н.Б. Голикова, стали тесные связи с Москвой, которую она обеспечивала товарами в основном из Астрахани и южных окраин России. Уже тогда достаточно четко обозначились основные направления торговли коломенских купцов: в столицу поставлялись рыба, мясо, сало, кожа, хлеб, соль, орехи, яблоки, деревянная посуда. Записная книга мелочных товаров Московской большой таможни за февраль – март 1694 г. зарегистрировала 26 коломенских явок⁷ (из 174 подмосковных), сделанных 25 коломенскими купцами (из 152 подмосковных). При этом у коломенских купцов наибольшее количество денежных явок – 17 из 45 на общую сумму 185 р. из 400 (из них явок от 20 до 45 р. – 3), а товарных – 9 из 129⁸. Связи коломенских купцов с Санкт-Петербургом и Архангельском отмечены Н.Н. Репиным, обратившим внимание и на то, что с 1710 по 1764 г. полностью обновился фамильный состав коломенского купечества⁹.

А.А. Кизеветтер для второй ревизии (1743 – 1747 гг.) определял численность населения Коломны в 1967 душ м. п., а также приводил данные Главного магистрата – 1980 душ¹⁰. Близкими к представленным являются сведения Л.И. Бакмейстера, датированные 1761 г.: численность купцов оценивается в 1955 душ м. п.¹¹ Обращает на себя внимание обозначение городского населения под общим именем купцов. Купечество первой и второй гильдий занималось торговлей товарами, привозимыми из Санкт-Петербурга, Москвы и других городов, вело гуртовую торговлю скотом, а купцы третьей гильдии занимались различной работой.

В науке дебатруется вопрос: существовала ли реально третья гильдия во второй четверти XVIII в.? Н.В. Козлова в документах второй четверти XVIII в. ни разу не встретила упоминаний о купцах третьей гильдии¹². Мы обнаружили документальные указания на три гильдии в «Ведомости Коломенского магистрата о купцах» за 1764 г.¹³, где общее количество купцов определено в 1884 души м. п. и отражает ситуацию по третьей

⁷ Явка (явленное, явчая пошлина) – торговая пошлина за предъявляемый в таможне товар (Федорченко Е.А. Становление и развитие терминологической лексики таможенного дела в русском языке. М., 2004. С. 12 – 13).

⁸ Голикова Н.Б. Торговые связи городов Подмосквья в конце XVII – начале XVIII вв. // Русский город. М., 1976. Вып. 1. С. 71 – 104. С. 75, 91 – 97.

⁹ Репин Н.Н. Внешняя торговля и социально-экономическое развитие России в XVIII в. Омск, 1989. С. 51.

¹⁰ Кизеветтер А.А. Посадская община в России XVIII столетия. М., 1903. С. 104.

¹¹ Бакмейстер Л. Топографические известия, служащие для полного географического описания Российской империи. СПб., 1771. Т. 1, Ч. 1. С. 55 – 56.

¹² Козлова Н.В. Социально-экономическое развитие Коломны в 20 – 40-х годах XVIII века // Русский город. М., 1981. Вып. 4. С. 121 – 139. С. 127.

¹³ РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 445/21. Л. 1 – 3.

ревизии (1762 – 1767 гг.). По-видимому, в 1760-е гг. происходит стабилизация фамильного состава коломенского купечества. В среде купцов на первый план выдвигаются первогильдейцы Мещаниновы, Бочарниковы, Шульгины, Хлебниковы, Панины, Ложечниковы, игравшие заметную роль в повседневной и экономической жизни Коломны последующих десятилетий.

Всего в купечестве первой гильдии в начале 1760-х гг. находилось 231 человек, из которых 47 вели торговлю к Санкт-Петербургскому и Астраханскому портам на сумму 110050 р., 124 – в Коломне. 692 человека проходили как купцы второй гильдии, из их среды 10 торговали к Санкт-Петербургскому порту на сумму в 4500 р., 468 – в Коломне. В третьей гильдии насчитывался 961 человек, 506 из них вели торговые операции в Коломне. Помимо ведения дел в Коломне и распространения своих интересов к портам, «впущенных для торговых промыслов и в работе внутрь России с паспортами» купцов первой гильдии числилось 60 человек, второй гильдии – 214, третьей гильдии – 281. В ремесленниках из купцов числилось 55 человек. Также указано количество малолетних (23), обучающихся грамоте и имеющих пропитание от родственников (38), престарелых, дряхлых, увечных (58), состоящих в казенных службах по приему вина и сбору денег (2) и по приему и продаже соли (17).

Анализ ведомости приводит к следующим выводам: а) из общей численности купечества количество его экономически активных членов было значительно меньше; б) в данный промежуток времени отсутствовал единообразный имущественный ценз распределения купцов по гильдиям, а границы купечества как особой социальной группы до переломного десятилетия 1775 – 1785 гг. еще не были четко установлены.

Коломна лидировала в сравнении с другими подмосковными городами по количеству торгующих: в Коломне их насчитывалось 83%, в Волоколамске – 71,4%, в Серпухове – 43,7%, в Рузе – 43,6%. в Можайске – 25,6%, в других городах – менее 10%. Относительно «торгующих к портам» наиболее близкими к коломенским 2,8% были показатели по Дмитрову – 2,3% и Серпухову – 1,9%¹⁴.

Яркий представитель династии Мещаниновых – Иван Тимофеевич – торговал с Санкт-Петербургом «водным и сухим путями» хлебом, хмелем, медом, рогатую скотиною, соленым и свежим говяжьим мясом на сумму в 20000 р. в год. К Астраханскому порту торговлю хлебом на 10000 р. «водным путем» вели Афанасий и Иван Демидовичи Мещаниновы. Из купцов второй гильдии выделялся Никита Тимофеевич Мещанинов, торговавший рогатым скотом, соленой рыбой и икрой на 2000 р.

¹⁴ Кизеветтер А.А. Посадская община в России XVIII столетия. М., 1903. С. 136.

«Водным путем» через приказчиков, так как был бургомистром, вел торговлю с Астраханью канатами и хлебом на 10000 р. Родион Филиппович Хлебников. Н.В. Козлова отмечала Р. Хлебникова в 1741 г. как торговца рогатым скотом и мясника¹⁵. Его сын Михаил торговал с Санкт-Петербургом «водяным путем» сам и через приказчиков различным хлебом на 5000 р. «Сухим и водным путем» к Санкт-Петербургскому порту торговала солодом и хлебом на 800 р. и 500 р. семья Курчевских: Трофим Акимович и его сыновья Григорий и Козьма.

Среди купечества, торговавшего с Санкт-Петербургом «сухим путем» соленой рыбой, икрой, свежим и соленым говяжьим мясом, хлебом, хмелем и рогатым скотом, выделялись Сергей Сидорович Попов (на 12000 р.), Флор Тихонович Бочарников (на 10000 р.), Илья Акимович Ложечников (дед писателя И.И. Лажечникова) (на 10000 р.), Андрей Филиппович Огорелов (на 5000 р.), Кондратий Антипович Шульгин (на 3500 р.). Л.Л. Добычин, М.Т. Лахонин, И.М. Канин, Л.Е. Серебренников (на 2000 р.), Ф.А. Горожанкин, Л.К. Кислов, его сын Василий, братья Шульгины, Ф.С. Панин, Д.Л. Попов, Л.Е. Хлебников, Г.С. Потапов (на 1000 р.). Братья Котельниковы, помимо торговли рогатым скотом, занимались продажей парусных и тонких полотен¹⁶ на 1500 р. Остальные первогильдейцы поставляли в Санкт-Петербург похожий ассортимент товаров на сумму от 300 до 700 р., и лишь у одного из них поставляемые товары обозначены в 100 р. Обороты купцов второй гильдии, торговавших с Санкт-Петербургом соленым говяжьим мясом, рогатым скотом, соленой рыбой, икрой и солодяной мукой, составляли от 100 до 500 р.

Дальнейший путь коломенской продукции через Санкт-Петербургский порт показывает опубликованная ведомость 1764 г. об экспорте российских товаров. Сравним объемы поставок Коломны и еще одного крупного города Московской губернии — Серпухова. В Лондон из Серпухова было поставлено 3107 кусков парусного полотна, из Коломны — 130; в Амстердам из Серпухова — 1017, из Коломны — 418; в Любек из Серпухова — 214, из Коломны — 200. В Любек из Серпухова было поставлено 500 аршин¹⁷ равендука, из Коломны — 600. Также в Любек из Коломны было поставлено 1247 пудов¹⁸ 17 фунтов¹⁹ чистой юфти и 584 пудов 26 фунтов юфти розвали²⁰, в Штетин — 241 пуд

¹⁵ Козлова Н.В. Социально-экономическое развитие Коломны в 20 — 40-х годах XVIII века // Русский город. М., 1981. Вып. 4. С. 121 — 139. С. 137.

¹⁶ Полотно — гладкая и плотная льняная ткань простейшего переплетения, получившего от нее свое название. Самые тонкие сорта полотна называются батистом, самые грубые — холстом, парусиной, равендуком и пр. (по энциклопедическому словарю Брокгауза и Ефрона).

¹⁷ 1 аршин = 71,12 см.

¹⁸ 1 пуд = 16,28 кг.

¹⁹ 1 фунт = 409,5 г.

²⁰ Розваль — юфть второго разбора (сорта) (по В.И. Далю).

20 фунтов юфти розвали²¹. Таким образом, Коломна уступала Серпухову по заграничной торговле продукцией полотняных мануфактур, но была вне конкуренции по поставкам кожи.

К 1760-м гг. капиталы коломенских купцов, созданные торговлей, позволили им вкладывать свободные средства в мануфактурную промышленность. Одним из первых в 1754 г. открыл суконную «фабрику» И.Т. Мещанинов. В 1760 – 1770-х гг. появляется еще ряд «фабрик»: китайчатая и кумачная Мещаниновых; шелковые – Сергея Попова и Евстифея Полетаева, Петра Котельникова; полотняные – Тимофея Шульгина, Егора Хлебникова и Елисея Котельникова. Представить развитие мануфактур в Коломне второй половины XVIII в. поможет следующая таблица:

Таблица 1²²

Динамика «фабрик» в Коломне в 1761 – 1798 гг.

	1761	1769	1773	1775	1778	1783	1785	1787	1798
Суконная и каразейная	1	1	1	1	1	1	1	1	1
Полотняные		2		3	3	6	4	3	
Парусные			3						
Шелковые		+	3	2	2	2	2	1	1
Бумажные		+							
Кумачная			1	1	1	1	1	1	
Китайчатая			+	1	1				
Ситцевая				1	1				
Всего фабрик	1	3 (+2)	8	8	8	10	8	6	2

Как видно из таблицы, развитие данного направления промышленности шло неравномерно, испытав подъем в середине 1780-х гг., что можно связать со строительством Черноморского флота. К концу XVIII в. происходит закрытие большинства

²¹ Внешняя торговля России через Петербургский порт, 1764 год: ведомость об экспорте российских товаров. М., 1996. С. 69 – 70, 73, 80, 120, 122, 124 – 125.

²² Составлено по: Бакмейстер Л. Топографические известия, служащие для полного географического описания Российской империи. СПб., 1771. Т. 1. Ч. 1. С. 56; Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое императорской Академией наук. СПб., 1824. Т. 6. С. 15; Остерман, Ф.А. Рапорт о Коломне // Сборник старинных книг, хранящихся в музее П.И. Щукина. М., 1901. Ч. 8. С. 52; Академик Г.Ф. Миллер – первый исследователь Москвы и Московской провинции. М., 1996. С. 71 – 72, 75 – 76; Описание Коломны (Из «Описания Московской губернии, составленного комиссией генерал-прокурора А.А. Вяземского») // «Источник» (приложение к журн. «Родина»). № 2. 1993. С. 110 – 120. С. 117; РГАДА. Ф. 1320. Оп. 7. Д. 3251. Л. 1 об. – 2; Чеботарев, Х.А. Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами. М., 1787. С. 356; РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 18862. Ч. 6. Л. 3 об. – 4.

«фабрик» вследствие серьезной конкуренции со стороны Серпухова, становившегося крупным центром мануфактурной промышленности. Интересы коломенского купечества смещались в сторону торговли, основные направления которой были связаны с «заводской» промышленностью:

Таблица 2²³

Динамика «заводов» в Коломне в 1761 – 1798 гг.

	1761	1769	1773	1775	1778	1783	1785	1787	1798
Кожевенные	+		2	15	15	6	25	13	9
Юфтенные						1			
Сыромятные									2
Сальные			7				37	37	34
Клеевые									2
Мыловаренные		1							
Солодовенные				14	14	6	11	12	10
Кирпичные			10	27	+	22	25	25	21
Горшечные				9	+		8	8	6
Кафленные				4	+	1			3
Канатные		1	1						
Всего заводов		2	20	69	29	36	106	95	87

К концу 1760-х гг. относится одна из важнейших вех, знаменующая поворот в сознании купечества. В 1766 г. землемером В. Вакселем было произведено межевание участка под дворовладение И.Т. Мещанинова – крупнейшее в Коломне. На этом участке были построены помещения для суконной фабрики, а также целый усадебный комплекс. Постройка дома, не уступавшего губернским образцам, демонстрировала возросшие потребности верхушки купечества. Не оставляя попечением церковь, жертвуя средства на строительство и пе-

²³ Составлено по: Бакмейстер, Л. Топографические известия, служащие для полного географического описания Российской империи. Т. 1. Ч. 1. СПб., 1771. С. 56; Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое императорской Академией наук. Т. 6. СПб., 1824. С. 15; Остерман, Ф.А. Рапорт о Коломне // Сборник старинных книг, хранящихся в музее П.И. Щукина. Ч. 8. М., 1901. С. 51 – 52; Академик Г.Ф. Миллер – первый исследователь Москвы и Московской провинции. М., 1996. С. 72, 74 – 76; Описание Коломны (Из «Описания Московской губернии, составленного комиссией генерал-прокурора А.А. Вяземского») // «Источник» (приложение к ж. «Родина»). № 2. 1993. С. 110 – 120. С. 117; РГАДА. Ф. 1320, Оп. 7, Д. 3251, Л. 1об. – 2; Чеботарев, Х.А. Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами. М., 1787. С. 356; РГВИА. Ф. 846, Оп. 16. Д. 18862. Ч. 6. Л. 2 об. – 3 об.

рестройку культовых зданий, представители наиболее состоятельного слоя коломенского купечества стали задумываться и о личном комфорте. Отныне постройка собственного кирпичного (чаще всего, двухэтажного) дома стала заботой купечества.

В.Н. Бочкарев, рассмотревший выборы депутата и составление наказа в Уложенную комиссию (1766 г.), отмечал ведущую роль купечества в жизни Коломны второй половины XVIII в.²⁴ Об этом свидетельствует и количество подписей под наказом: 101 из 108 принадлежит купцам, среди которых 41 человек относился к первой гильдии, а 59 — ко второй. Наравне с большим вниманием к вопросам торговли и промышленности на страницах наказа нашли отражение и наиболее проблемные стороны жизни города: необходимость выгонных земель около города; причем при этом упоминаются коломенские ямщики, сдающие свои земли в наем и не пропускающие через них без платы; сложение «оброчного сбора» с бань; служба в магистрате; приписка престарелых и увечных к тем городам, где живут их дети и внуки; постой воинских частей в городе. Относительно последнего пункта заметим, что правительство в данном вопросе оставалось верно принципу размещения военнослужащих в обывательских домах. Об этом говорит вывод, сделанный комиссией, учрежденной в 1765 г. и созданной для решения вопроса об отдельном размещении войск: «... старинное, страшное о солдате мнение опять возобновится, которое теперь так счастливо из мыслей подлых людей выходить начинает»²⁵.

В 1769 г. И.П. Фальком отмечено в Коломне 534 купца²⁶, что отражает, судя по всему, количество экономически активных субъектов. Подобное предположение перекликается с мыслью А.И. Аксенова, предложившего собственно купцом считать главу семьи (фирмы), занимавшегося профессиональной деятельностью, объявлявшего капитал и, соответственно, гильдейский статус. Все другие включались в купечество по принадлежности к семье (до тех пор, пока сыновья не выделялись из дела, объявляя свой собственный капитал и превращаясь де-факто в купца). А семья проживала одним двором, что и можно было условно принимать за единицу учета²⁷. В 1769 г. в Коломне насчитывалось 755 домов²⁸, из которых 534 вполне могли принадлежать купцам.

²⁴ Бочкарев В.Н. Коломна в середине XVIII века: по материалам Уложенной Комиссии 1767 — 1768 // Вопросы социально-экономической и политической истории города Коломны: сб. науч. тр. М., 1981. С. 2 — 14.

²⁵ Волковский Н.А. Русская военная сила. От отрядов древних славян до массовой армии эпохи Александра II. М., 2006. С. 315 — 316.

²⁶ Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое императорской Академией наук. СПб., 1824. Т. 6. С. 14.

²⁷ Аксенов А.И. Очерки генеалогии уездного купечества XVIII в. М., 1993. С. 55.

²⁸ Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое императорской Академией наук. СПб., 1824. Т. 6. С. 14.

К 1773 г., согласно «Экономическому и камеральному описанию Коломенского уезда»²⁹, происходит снижение численности купечества Коломны до 1681 души м. п. (цифры архивного документа полностью тождественны приведенным Г.Ф. Миллером³⁰). В представленных источниках содержатся данные о душах ж. п., что встречается нечасто и само по себе повышает ценность рукописей. Описание Коломны показывает, что купцы селились на Посаде («в предместьи») — 1291 душа м. п. и 1262 души ж. п., в Бобышевой (132 души м. п. и 103 души ж. п.) и Митяевой (68 души м. п. и 56 душ ж. п.) слободах, а также в Запрудье — 190 душ м. п. и 148 душ ж. п.³¹ Количество купеческих дворов достигло в 1773 г. 602, т. е. по сравнению с 1769 г. оно выросло на 68 единиц, свидетельствуя о численности экономически активных субъектов.

В 1775 г., по рапорту Ф.А. Остермана, в Коломне в 563 домах проживало 1924 купца³² (архивный источник говорит о 1984³³), что несколько больше данных ведомости 1764 г. (здесь мы имеем похожую ситуацию со второй ревизией [1744 — 1747 гг.]). В близких по времени к рапорту Ф.А. Остермана месяцеслове Рубана³⁴ и «Описании Московской губернии 1776 года»³⁵ указано, что численность купечества в 1924 человека относится к третьей ревизии (1762 — 1767 гг.). В «Описании» сказано, что «по нынешнему росписанию» (после Манифеста 1775 г. — *Е. Л.*) осталось 615 душ купечества, из них 17 числилось в первой гильдии, 192 — во второй, 406 — в третьей³⁶.

Г.Ф. Миллер, использовавший аналогичные данные³⁷, отметил богатейших коломенских купцов-фабрикантов: Демиду и Ивана Мещаниновых и Сергея Сидоровича Попова. Относительно Д. Мещанинова и С. Попова Г.Ф. Миллер заметил, что, сохраняя в Коломне свои экономические интересы (владея соответственно суконной и шелковой «фабриками»), представленные купцы избрали местом своего жительства Москву. Про И. Мещанинова сказано следующее: «... первостатейной здешней купец и бургомистр, коим заведено здесь делать кумачи. Он же и ситцевую фабрику завел было, но для переменнаго часто вкуса

²⁹ РГВИА. Ф. 846, оп. 16, д. 18859, ч. 4 (полностью).

³⁰ Черновая рукопись Г.Ф. Миллера (РГАДА. Ф. 199. Портфель 362. Ч. 2. Д. 3. Л. 1 — 8) опубликована: Академик Г.Ф. Миллер — первый исследователь ... М., 1996. С. 73 — 83.

³¹ Академик Г.Ф. Миллер — первый исследователь Москвы и Московской провинции. М., 1996. С. 75.

³² Остерман Ф.А. Рапорт о Коломне // Сборник старинных книг, хранящихся в музее П.И. Щукина. М., 1901. Ч. 8. С. 51.

³³ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 752. Л. 24.

³⁴ Рубан В.Г. Московский любопытный месяцеслов на 1776 г. М., 1776. С. 156.

³⁵ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 18860. Л. 37.

³⁶ Там же.

³⁷ Академик Г.Ф. Миллер — первый исследователь Москвы и Московской провинции. М., 1996. С. 70.

в травах³⁸ оставил»³⁹. Из приведенного примера видно, что, достигая определенной планки благосостояния, коломенские купцы предпочитали перебираться в первопрестольную (сохраняя, однако, производство в Коломне) или даже в Санкт-Петербург.

Предпринятый в 1775 г. шаг к очерчиванию социальных границ гильдейского купечества как особой группы естественным образом сказался на изменении его численности, и ситуация с коломенским купечеством соответствовала общероссийской. Если по третьей ревизии (1762 – 1767 гг.) в России насчитывалось 222767 душ м. п. купцов (по другим данным – 221573), то после введения в действие Манифеста осталось 24470 душ м. п. (по другим данным – 27000), в меша-нах же стало числиться 194160 душ м. п.⁴⁰

В середине 1770-х гг. резкое сокращение численности купцов отмечается и в других городах Московской губернии. По третьей ревизии (1762 – 1767 гг.), Коломну по числу купцов превосходил только Серпухов, где их проживало 2233 души м. п. Близкими к коломенским были показатели Вереи – 1853 купца. После опубликования Манифеста 1775 г. в Серпухове стало 16 фабрикантов, 150 купцов второй гильдии и 272 – третьей; в Верее осталось 102 купца⁴¹. Сравнив приведенные данные с коломенскими, приходим к следующему выводу. После введения распределения купцов по гильдиям согласно объявленному капиталу купечество Коломны смогло заявить достаточно своих представителей, что свидетельствует о его преимуществе в экономическом отношении перед купечеством других городов Московской губернии. Этот момент подчеркивают и два характерных эпизода.

В 1775 г. в Коломне произошел сильный пожар, последствием которого стало уничтожение 267 лавок из 370⁴². Но коломенское купечество быстро оправилось от потрясения, и уже в 1778 г. Г.Ф. Миллер отметил, что сгоревшие лавки были тут же отстроены⁴³. К 1775 г. относится указание на снижение основной статьи торговли – гуртовой (с 30000 голов в начале 1760-х гг.⁴⁴ до 16000⁴⁵), что было связано с напряженной

³⁸ Трава по ткани, травка, мелкие узоры, разводы (по В.И. Далю).

³⁹ Академик Г.Ф. Миллер – первый исследователь Москвы и Московской провинции. М., 1996. С. 63.

⁴⁰ Клокман Ю.Р. Социально-экономическая история русского города: вторая половина XVIII в. М., 1967. С. 91.

⁴¹ Академик Г.Ф. Миллер – первый исследователь Москвы и Московской провинции. М., 1996. С. 211, 220.

⁴² Остерман Ф.А. Рапорт о Коломне // Сборник старинных книг, хранящихся в музее П.И. Щукина. М., 1901. Ч. 8. С. 51.

⁴³ Академик Г.Ф. Миллер – первый исследователь Москвы и Московской провинции. М., 1996. С. 71.

⁴⁴ Бакмейстер Л. Топографические известия, служащие для полного географического описания Российской империи. СПб., 1771. Т. 1, ч. 1. С. 54 – 55.

⁴⁵ Остерман Ф.А. Рапорт о Коломне // Сборник старинных книг, хранящихся в музее П.И. Щукина. М., 1901. Ч. 8. С. 51.

ситуацией, складывающейся на юге России в конце 1760 — начале 1770-х гг. и вызванной русско-турецкой войной 1768 — 1774 гг. и крестьянской войной 1773 — 1775 гг. под предводительством Е.И. Пугачева. Тем не менее через десять лет количество прогоняемого через Коломну скота составляет 25000 голов⁴⁶.

Обратимся к конфессиональной принадлежности купцов. В 1775 г. в Коломне проживали 156 раскольников обоего пола⁴⁷. Исповедные книги за 1775 г. показывают записных раскольников: 40 душ м. п. и 42 души ж. п.⁴⁸ Скорее всего, уменьшение численности раскольников связано с переходом в православие, либо стремлением старообрядцев формально исповедаться и причаститься, чтобы избежать проблем с властями, что диктовалось и с берущей начало со времени Петра I практикой платежа раскольниками прямых податей в двойном размере, отмененной лишь в 1782 г.

Документы Коломенской епархии конкретизируют ситуацию с коломенскими раскольниками. Обращает на себя внимание строительство в Запрудах в 1774 г. И.А. Ложечниковым с товарищами деревянной церкви при кладбище, причем: «... при построении оной целию их было неблагочестивое к храму Божию усердие, но по приверженности к раскольническому суеверию единственно злоумышленный происк, что сим способом избегнуть сообщения с погребаемыми на отведенном же по другую сторону города кладбище при Петропавловской церкви...»⁴⁹. Конфликт получил продолжение в виде распоряжения погребать жителей Запрудной слободы на общегородском Петропавловском, а не на их кладбище. Построенную церковь следовало упразднить, а умерших раскольников надлежало хоронить на особом месте. Но вопрос об упразднении и сломе старообрядческой церкви вставал и в конце 1790 г., т. е. 16 лет спустя, что может свидетельствовать о влиянии, которое оказывал И.А. Ложечников при решении описываемой проблемы. И.А. Ложечников проявил определенное «рвение» и при реставрации приходской церкви Бориса и Глеба в Запрудной слободе. Коломенский благочинный, Покровский священник Василий, доносил епископу Коломенскому и Тульскому Афанасию, что ряд икон оказался написан согласно старообрядческим принципам — с двуперстным сложением. Заключение консистории звучало следующим образом: «На вновь написанных иконах благословляющие руки (в двуперстии)

⁴⁶ Описание Коломны (Из «Описания Московской губернии, составленного комиссией генерал-прокурора А.А. Вяземского») // «Источник» (приложение к ж. «Родина»), 1993, № 2. С. 110 — 120. С. 115.

⁴⁷ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 752. Л. 24.

⁴⁸ ЦИАМ. Ф. 203, оп. 747, д. 462, л. 1 — 89.

⁴⁹ Руднев М.К истории Коломенской епархии // ЧОИДР. М., 1903. Кн. 4. С. 22.

переправить, а на старых иконах оставить как есть»⁵⁰. Представленные эпизоды позволяют характеризовать И.А. Ложечникова как центральную фигуру коломенских раскольников на протяжении последней четверти XVIII в.

Несмотря на явную приверженность И.А. Ложечникова к старообрядцам, необходимо отметить интересный момент, на который указывают исповедные ведомости. В 1775 г. он вместе с семьей в раскольниках не значился, но был отмечен как неисповедавшийся и непричастившийся⁵¹. Можно сделать вывод, что И.А. Ложечников относился к тайным раскольникам, что вполне объяснимо, так как явное декларирование себя в этом качестве вполне могло помешать вести торговые и промышленные дела. Та же исповедная ведомость за 1775 г. показывает нам в приходе Никитской церкви в качестве записного раскольника Демида Тимофеевича Мещанинова 78 лет, который, судя по всему, являлся представителем богатейшей коломенской купеческой фамилии. Подобное указание может служить свидетельством о принадлежности предков Мещаниновых к старообрядческой общине.

По 1778 г. мы имеем сведения Г.Ф. Миллера, полученные в городской канцелярии. Согласно им, купцов первой гильдии насчитывалось 19 душ, второй – 167, третьей – 574 (происходит уменьшение купцов второй гильдии и достаточно резкое увеличение купцов третьей гильдии, по-видимому, за счет роста семей и приписки новых членов к гильдии)⁵². К четвертой ревизии (1782 – 1787 гг.) купечества насчитывалось 1221 (с прибылыми 1226), что явствует из рапорта коломенского городничего 1785 г.⁵³ Ведомость об описании всех обывателей из фонда Коломенского магистрата ЦИАМ детализирует представленные сведения⁵⁴. Согласно ей, в 1785 г. в Коломне проживало 644 купца м. п., 285 купеческих сыновей старше 15 лет, 310 купеческих детей м. п. младше 15 лет, 645 купцов ж. п., 495 купеческих дочерей старше 15 лет⁵⁵. Разделение детей и юношества по возрасту связано с разрешением венчаться юношам в 15 лет, а девушкам – в 13⁵⁶. Ведомость 1785 г. сообщает нам данные о количестве слуг (265 душ), слу-

⁵⁰ Орловский С.П. Усадьба Лажечникова в Коломне // Лажечников и Коломна: сб. науч. тр. Коломна, 2005. С. 102 – 115. С. 110 – 112.

⁵¹ ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Д. 462. Л. 5 – 8 об.

⁵² Академик Г.Ф. Миллер – первый исследователь Москвы и Московской провинции. М., 1996. С. 73.

⁵³ РГАДА. Ф. 1320. Оп. 7. Д. 3251. Л. 2.

⁵⁴ ЦИАМ. Ф. 41. Оп. 1. Д. 706 (полностью); ЦИАМ. Ф. 41. Оп. 1. Д. 734 (полностью).

⁵⁵ ЦИАМ. Ф. 41. Оп. 1. Д. 706. Л. 84 об.

⁵⁶ Установлено указом Святейшего Синода от 17 декабря 1774 г. «О венчании малолетних женихов с возрастными девушками» (ПСЗРИ. Т. XIX. № 14229).

жанок (326 душ) и служащих работниках (125 душ) при купцах. В Коломне также в это время проживало 32 приказчика м. п. и 25 – ж. п., а также их дети младше 15 лет: 6 – м. п. и 10 – ж. п. При приказчиках находились слуги (25 душ) и служанки (27 душ)⁵⁷. Эта группа населения не проходит больше ни по каким другим источникам. Можно предположить, что служащие работники при купцах и приказчики относились к мещанам, а слуги купцов и приказчиков попросту не отражались в отчетных документах, вполне вероятно и по причине принадлежности к другим местностям.

Среди купцов значительный процент составляли лавочники (шелковых 37, суконных 3, железных 12, голичных⁵⁸ 15, житных⁵⁹ 31, солодяных⁶⁰ 13, мясных 20, рыбных 19, овощных 25), содержатели питейных сборов (6) и гербергов⁶¹ (1), ремесленники (56). Общее количество купечества м. п. достигало 1239 человек, что разнится с рапортом городничего и демонстрирует мобильность данной социальной группы, что, в свою очередь, подтверждается ведомостью о причислении и убытии купцов Коломны (см. таблицу 3).

 Таблица 3⁶²

**Численность купечества Коломны по 4 ревизии
и после ее проведения.**

По 4 ревизии составило и по поданным сказкам написано число душ	После подачи к 4 ревизии сказок в 1782, 1783 и 1784 гг. прибыло или убыло						Итого за исключением убыли к 1785 г. осталось действительно число душ	От купцов объявлено капиталов
	1782		1783		1784			
	Прибыло	Убыло	Прибыло	Убыло	Прибыло	Убыло		
1226	116	30 (в том числе и в иногороднее 4)	21	120 (в том числе и в иногороднее 19)	45	56 (в том числе и в иногороднее 3)	1202	261404 р. 50 коп.

⁵⁷ ЦИАМ. Ф. 41. Оп. 1. Д. 706. Л. 84 об.

⁵⁸ Голица – кожаная рукавица (по В.И. Далю).

⁵⁹ Жито – всякий зерновой, немолотый хлеб (по В.И. Далю).

⁶⁰ Солод – хлебное зерно, теплом и мокротою пущенное в рост, засушенное и крупно смолотое (по В.И. Далю).

⁶¹ Герберг (нем. die Herberge – постоялый двор) – трактир, гостиница столичного уровня.

⁶² Источник: ЦИАМ. Ф. 41. Оп. 1. Д. 706. Л. 84 об.

Выясняется, что в разные годы количество «подвижного» купечества варьировалось в пределах от 101 до 146. Причем баланс прибыли-убыли мог быть как положительным (+86, 1782 г.), так и отрицательным (-99, 1783 г.), а иногда и близким к нулевому.

О мобильности купцов позволяют судить и описания Коломны 1780-х гг. Материалы комиссии А.А. Вяземского (1783 – 1784 гг.) показывают, что в Коломне проживало 827 купцов, от которых было объявлено 219017 р. капиталов⁶³. Согласно Х.А. Чеботареву (1787 г.), купцов первой, второй и третьей гильдий в Коломне насчитывалось 736 человек при капиталах в 360956 р.⁶⁴ И у Вяземского, и у Чеботарева отражена, по-видимому, численность экономически активных субъектов. Обращает на себя внимание резкое увеличение объявленных капиталов (почти на 40%), что можно объяснить как раз высокой социальной мобильностью купечества Коломны.

Купцами Коломны становились крестьяне Коломенской, Егорьевской, Зарайской округи, Серпуховского уезда, дворовые люди, отпущенные на волю, купцы других городов (Зарайска, Каширы), церковники⁶⁵, мещане. Значительное пополнение коломенского купечества происходило после секуляризации церковных земель в 1764 г. из среды экономических крестьян. Коломенские купцы записывались, в основном, в московское или Санкт-Петербургское купечество, а также в Рязанское (в 1782 г.: 2 – в московское, 2 – в Рязанское; в 1783 г.: 14 – в Санкт-Петербургское, 5 – в московское; в 1784 г.: 1 – в Санкт-Петербургское, 2 – в московское). Переход в московское купечество в 1782 г. одного из представителей богатейшей купеческой фамилии – Демиды Демидовича Мещанинова – наиболее заметен. Если судить по делу из фонда «Коломенский магистрат», то полностью подтверждаются слова Г. Ф. Миллера о том, что Д.Д. Мещанинов обосновался в Москве задолго до начала 1780-х гг. По словам самого Д.Д. Мещанинова, просившего о записи его в московское купечество, он «в давних годах выехал из города Коломны в Москву, где и обжился и имеет собственный дом в Новой Басманной в приходе церкви Петра и Павла»⁶⁶. В документе есть указание и на самые тесные связи с московскими купцами, об окончательном укоренении в Москве и невозможности пребывания

⁶³ Описание Коломны (Из «Описания Московской губернии, составленного комиссией генерал-прокурора А. А. Вяземского») // «Источник» (приложение к ж. «Родина»), 1993, № 2. С. 110 – 120. С. 114.

⁶⁴ Чеботарев Х.А. Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами. М., 1787. С. 355.

⁶⁵ Церковник – человек духовного звания, но не посвященный в сан (по В.И. Далю).

⁶⁶ ЦИАМ. Ф. 41. Оп. 1. Д. 102. Л. 1.

в Коломне. В том же 1782 г. купец первой гильдии Д.Д. Мещанинов становится московским головою⁶⁷.

Активную роль на протяжении второй половины XVIII в. играли вдовы купцов. Содержательницами лавок, согласно описи по последствиям пожара 1775 г., являлись шесть вдов (Евдокия Борышникова, Евдокия Тулинова, Матрена Кириллова, Стефанида Никитина, Анна Тимофеева, Федосия Ермолаева) и дочери Максима Горбунова⁶⁸. В 1785 г., по ведомости коломенского городничего, собственницей салотопенного и кожевенного «заводов» значится жена Федора Панина — Татьяна⁶⁹. Яркую роль в жизни Коломны рассматриваемого времени играла коллежская советница Татьяна Ивановна Тетюшева (дочь И. Т. Мещанинова), продолжавшая вести дела и заниматься благотворительностью вплоть до конца XVIII в.

По пятой ревизии (1794 — 1808 гг.) в Коломне числилось «имянитых купцов: мужеска 19, женска 19; 1 гильдии: мужеска 22, женска 27; 2 гильдии: мужеска 94, женска 117; 3 гильдии: мужеска 940, женска 1256»⁷⁰. Таким образом, общее количество купцов мужского пола достигало 1075 человек, женского — 1419. По сравнению с показателями 1785 г. численность представителей купечества возросла на 115 человек, но при этом число мужчин сократилось на 164, а женщин, наоборот, увеличилось на 279. Тенденция убыли мужского населения по сравнению с женским может свидетельствовать об оттоке экономически активных субъектов в другие города в связи со стремлением организовать свои дела на более широкую ногу⁷¹. Необходимо учитывать и Именной указ от 23 июня 1794 г. «О сборе с купечества единовременно в казну по объявленным ими капиталам по одному со ста и с какими капиталами считать впредь 3-ю, 2-ю, и 1-ю гильдии». Согласно ему, в первую гильдию записывали купцов с капиталом от 16000 до 50000 р., во вторую — от 8000 до 16000, в третью — от 2000 до 8000⁷². Тем не менее Коломна продолжала удерживать лидирующие позиции по купеческим капиталам в Московской губернии.

Именитые купцы не показаны ни в одном городе Московской губернии в конце XVIII в., кроме Коломны. Необходимо отметить, что А.И. Аксенов указал на наличие в Дмитрове в 1785 г. именитых купцов, которые, скорее всего, к концу столетия перешли в первую гильдию. Представители первой

⁶⁷ Аксенов А.И. Генеалогия московского купечества XVIII в.: Из истории формирования русской буржуазии. М., 1988. С. 114.

⁶⁸ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 752. Л. 2 — 9.

⁶⁹ РГАДА. Ф. 1320. Оп. 7. Д. 3251. Л. 3 об.

⁷⁰ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 18862. Ч. 6. Л. 4.

⁷¹ Об этом говорит и уменьшение общего количества каменных домов с 995 в 1785 г. (РГАДА. Ф. 1320. Оп. 7. Д. 3251. Л. 2) до 816 в 1798 г. (РГВИА. Ф. 816. Оп. 16. Д. 18862. Ч. 6. Л. 6 об.).

⁷² Законодательство Екатерины II. М., 2001. Т. 2. С. 119 — 120.

и второй гильдий коломенского купечества численно превосходили такие же группы в других городах. Только купечества третьей гильдии в ряде городов Московской губернии начитывалось больше, чем в Коломне. Ведущие позиции купцов первой-второй гильдий в структуре купечества Коломны демонстрирует следующая таблица (см. таблицу 4).

Таблица 4⁷³

**Численность купечества в городах Московской губернии
в конце 1790-х гг.**

Численность Город	Именные		I гильдия		II гильдия		III гильдия	
	м. п.	ж. п.	м. п.	ж. п.	м. п.	ж. п.	м. п.	ж. п.
Верея	—	—	4	2	39	23	1347	1358
Волоколамск	—	—	—	—	—	—	38	41
Дмитров	—	—	3	5	30	33	292	300
Звенигород	—	—	—	—	—	—	170	173
Клин	—	—	—	—	—	—	105	102
Коломна	19	19	22	27	94	117	940	1256
Можайск	—	—	—	—	—	—	195	210
Руза	Купцов: 158 душ м. п., 71 — ж. п.							
Серпухов	—	—	10	9	64	65	1496	1598

Как видно, в Московской губернии к концу XVIII в. складывается ведущая тройка городов: Верея, Коломна, Серпухов — где быстрыми темпами развиваются торговля и мануфактурная промышленность. Только в них имелись семьи первогильдейского купечества: в Верее — 5, в Серпухове — 4, в Коломне — 3⁷⁴. Можно предположить, что превышение численности купцов первой гильдии в Коломне над другими городами достигалось за счет многочисленности наиболее богатых семейств, на протяжении длительного времени составлявших верхушку купеческого общества.

Среди именитого коломенского купечества нам известны представители трех фамилий — ядра верхушки купцов конца XVIII в. Двое из них: Иван Демидович Мещанинов и Иван Ильич Ложечников — на протяжении всей последней четверти XVIII в. стабильно занимали лидирующие позиции. Документ из ЦИАМ свидетельствует в 1799 г. о третьем именитом граж-

⁷³ Составлено по: РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 18862. Ч. 1 (Л. 2), 2 (Л. 2), 3 (Л. 2 об.), 4 (Л. 2), 5 (Л. 1 об.), 6 (Л. 4), 7 (Л. 2 об.), 9 (Л. 1 об.), 10 (Л. 3 об.).

⁷⁴ Аксенов А.И. Очерки генеалогии уездного купечества XVIII в. М., 1993. С. 8.

данине – Поликарпе Шевлягине⁷⁵. Представители фамилии Шевлягиных постепенно наращивали свой экономический потенциал, логичным итогом чего стало именитое гражданство. Впоследствии, на протяжении почти всего XIX в., они продолжали играть заметную роль в жизни города. Стоит отметить, что попасть в категорию именитых граждан было крайне затруднительно. Лишь «сливкам» купечества это было под силу.

К концу XVIII в. все более заметен перелом в сознании купечества, который емко охарактеризовали авторы-составители книги, включившей купеческие дневники и мемуары: «Мысль об ответственности богатства все более утверждалась в сознании русского купечества. Ясно понимаемая греховность накопительства и поклонения золотому тельцу выражалась в необходимости использования богатства не только для себя, но и для «дела», как общественного «движителя», и для «всеобщего блага»⁷⁶. В Коломне последней четверти XVIII в. благотворительность купечества выражалась в следующем. В 1775 – 1779 гг. на Петропавловском кладбище строится богадельня на средства купца Мещанинова⁷⁷. В 1783 г. на содержании обывателей находились 4 богадельни⁷⁸. Пожар 1792 г. уничтожил одну из них, размещавшуюся в Кремле около Пятницких ворот и построенную на средства коллежской советницы Т.И. Тетюшевой, выразившей желание возвести новую, о чем она и написала в прошении к губернатору П.В. Лопухину. Поддерживая эту просьбу, губернатор все же не давал своего согласия, побуждая Т.И. Тетюшеву пожертвовать средства не только на строительство, но и на содержание людей в богадельне. В конце XVIII в. одноэтажная каменная богадельня на 18 человек значилась не совсем оконченной (ил. 2)⁷⁹.

В 1798 г. гражданский губернатор П. Аршеневский, посетив Коломну, отметил добротные дома коломенских жителей, предложив направлять часть средств на построение казарм для двух находящихся в городе полков, а также на строительство богадельни и дома для «принятия неизвестнорожденных младенцев». Реакция коломенского общества была быстрой: от И. Ложечникова, именитого гражданина и градского главы, поступило предложение предоставить свой собственный дом для воспитания младенцев до трех лет на собственный кошт, а затем направлять в Москву в воспитательный дом. Инициатива И. Ложечникова не осталась незамеченной, и он был удо-

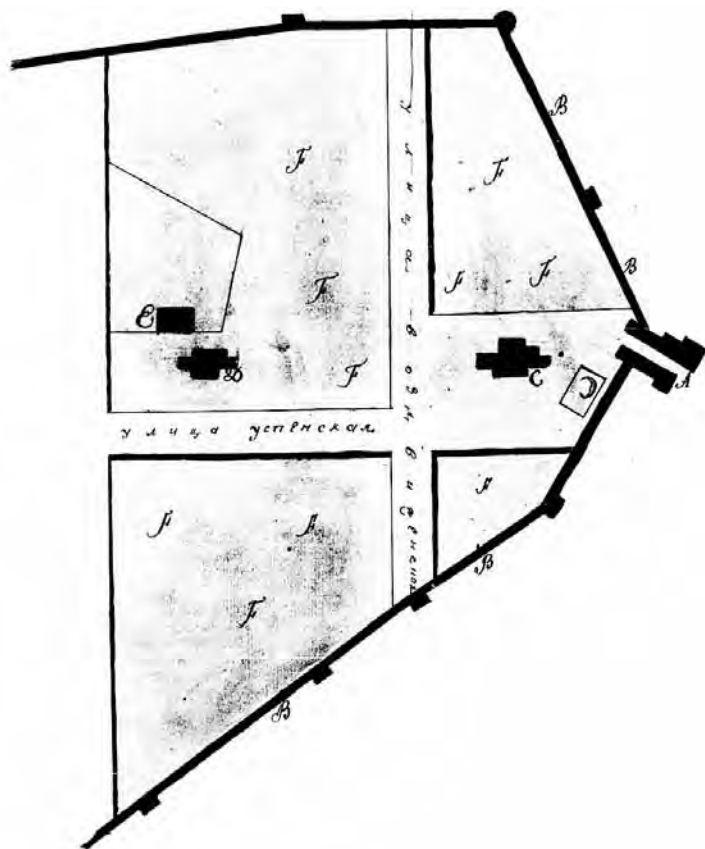
⁷⁵ ЦИАМ. Ф. 41. Оп. 1. Д. 4205 (полностью).

⁷⁶ Купеческие дневники и мемуары конца XVIII – первой половины XIX в. М., 2007. С. 3.

⁷⁷ Фехнер М.В. Коломна. М., 1966. С. 72

⁷⁸ Описание Коломны (Из «Описания Московской губернии, составленного комиссией генерал-прокурора А.А. Вяземского») // «Источник» (приложение к ж. «Родина»), 1993, № 2. С. 110 – 120. С. 113.

⁷⁹ ЦИАМ. Ф. 17. Оп. 104. Д. 200. Л. 1 – 6.

Ил. 1. «План Воздвиженской площади в городе Коломна, на которой площади коллежская советница Тетюшева просит построить каменную на место сгоревшую богадельню.

Изъяснение литер:

- А** Пятницкие ворота;
В каменная городовая стена;
С церковь Воздвижения Господня;
Д церковь Николая Чудотворца;
Е подворье Голутвина монастыря;
Ф кварталы для дворян и церковнослужителей которые оные и застроены по плану;
 под сим знаком просимое Тетюшевой под богадельню».

стоен «высокомонаршего благоволения»⁸⁰. Это не помешало Павлу I буквально на следующий год по доносу арестовать И. Ложечникова.

Что касается другой, характерной для коломенцев стороны жизни – старообрядчества, то в 1790-х гг. сильные позиции староверов в купечестве продолжали составлять особенность города: «...раскольников из россиян звания поповщины по 5-й ревизии состоит купцов 1-й гильдии мужеска одиннадцать женска тринадцать; 2-й гильдии мужеска четыре женска одиннадцать; 3-й гильдии мужеска дватцать женска девятнадцать; мещан мужеска пятнадцать женска тринадцать душ; итого мужеска пятьдесят женска пятьдесят шесть душ»⁸¹. Необходимо отметить, что по Московской губернии только в Верее в конце XVIII в. отмечены старообрядцы (18 душ м. п. и 38 – ж. п.)⁸². Ни в одном другом городе их не было. К концу XVIII в. общее количество раскольников обоого пола снизилось по сравнению

⁸⁰ ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 969. Л. 1 – 3.

⁸¹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 18861. Ч. 10. Л. 14 об.

⁸² РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 18862. Ч. 1. Л. 2.

с третьей ревизией (1762 – 1767 гг.) на 50 человек, но все равно их насчитывалось более 100 человек.

Таким образом, необходимо признать, что в Коломне традиционно сильными были позиции купечества, причем занимающегося в основном торговыми операциями. Постепенно наиболее состоятельные купцы инвестируют часть средств в промышленные предприятия. Это позволяет еще более укрепить позиции верхушки купеческого общества. Манифест 1775 г. способствовал большей дифференциации купцов и обозначил пути выделения из их среды наименее состоятельных представителей, которые составили новую социальную группу – мещанство. После введения Манифеста в действие мещанство превалировало над купечеством, которое затем вернуло свои позиции.

Городовое положение 1785 г. окончательно сформировало социальные группы русского города, конкретизировав их права и обязанности. К концу века численность представителей указанных социальных групп м. п. стала практически одинаковой. При этом наблюдалась их высокая мобильность. Купцы при достижении определенного материального благополучия переезжали в столичные или крупные губернские города. В свою очередь, в коломенское купечество переходили жители других менее развитых в торговом и промышленном отношении городов. Коломна становилась связующим звеном, стартовой площадкой, что говорит о ее высоких экономических показателях. Вместе с тем, вплоть до конца столетия неизжитым оставался и факт занятия ремеслом при принадлежности к купечеству и мещанству. Купцы и мещане (многие из которых занимались мелким предпринимательством) к концу 1790-х гг. составляли доминирующие социальные прослойки Коломны: их совокупная численность достигла 4178 человек, что говорит пусть о небольшой, но положительной динамике указанных групп на протяжении второй половины столетия. Можно сказать, что Коломна была типичным купеческо-мещанским городом. На основании данных о количестве дворов устанавливается, что число экономически активных субъектов в Коломне на протяжении второй половины XVIII в. колебалось в пределах 500 – 700 человек. Ведущую роль в городской жизни, несмотря на свою малочисленность, играли именитые и первогильдейские купцы. Среди купечества первой гильдии, т. е. группы с серьезным экономическим потенциалом, обращают на себя сильные позиции староверов (11 душ м. п. из 22), что составляет специфику Коломны второй половины XVIII в.

В.А. Викторovich

Коломенский текст русской литературы: к определению понятия

После того, как Владимир Николаевич Топоров ввел термин «петербургский текст» («пресуществование материальной реальности в духовные ценности»)¹, литературоведение обнаружило целую серию так называемых локальных текстов²: московский, северный, пермский и т. п. Это естественно, т. к. русская литература складывалась не только из текстов-гигантов, каковы петербургский и московский, их всегда окружал калейдоскоп малых текстов, которые могут быть объединены понятием «провинциальный текст». Если это общее понятие несет в себе интегрирующее начало, то каждая из его составных частей (в том числе и коломенский текст), обладая собственной спецификой, вносит взаимодополняющие обертоны. Мы хотим здесь уйти от всякого рода спекуляций на темы «провинция нас спасет» или «провинция нас погубит» и попытаемся определить границы и содержание предлагаемого термина «коломенский текст».

Василий Шукин «петербургскому тексту» противопоставил «усадебный текст» русской литературы. У каждого текста есть, как он говорит, «текст-код» или основной миф этого текста. В Петербурге это легенда о дьявольском городе, который обречен на гибель. Основным миф усадебного текста — «райский сад», утраченный нами³. Возвращаясь к провинциальному тексту русской литературы (не совпадающему с усадебным), зададимся вопросом: что может быть названо его основным мифом? На эту роль, как нам представляется, претендует фольклорный по своему происхождению образ сонного царства. Напомню, как И.А. Гончаров в «Обрыве» описывает провинциальный город: «Было за полдень давно; над городом лежало оцепенение покоя, штиль на суше, какой бывает на море, штиль широкой, степной, сельской и городской русской жизни. Это не город, а кладбище, как все эти города. Он не то умер, не то уснул или задумался».

Еще одна составляющая мифа русской провинции — это восприятие своего, так сказать, болота, как главной кочки в пространстве. П.И. Якушкин в «Путевых письмах» свидетель-

¹ Топоров В.Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (Введение в тему) // Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М., 1995. С. 259.

² Термин «локальный текст» был предложен в работе: Абашев В.В. Идея «Пермского собора» в культурном самосознании Перми на рубеже 19 — 20 вв. // Вестник гуманитарной науки. 1996. № 4 (36). С. 41.

³ Шукин В.Г. Российский гений просвещения: Исследования в области мифопоэтики и истории идей. М., 2007. С. 318.

ствовал: «Сами жители говорят про свои родные города одно и то же; в Харькове я слышал поговорку: “Харьков городок — Петербурга уголок”»⁴. У нас на слуху идентичное: «Коломна городок — Москвы уголок». Если кто проезжал Луховицы, то видел над дорогой плакат: «В России три столицы: Москва, Питер, Луховицы». При этом нет развязки, водители стоят в пробке и любуются на сию «затею сельской остроты».

Миф о сонном царстве провинции идет, скорее всего, от Гоголя и в XIX веке получает основательное подкрепление: Герцен, Щедрин, Островский, Достоевский, Гончаров... В XX в. особенно сгустились отрицательные краски провинциально-го мифа: Ф. Сологуб («Мелкий бес»), Горький («Городок Окуров»), Е. Замятин («Уездное») и т. д. В этом ряду должно быть названо и имя А.В. Чаянова. В 1918 г. у него выходит «История парикмахерской куклы»... Герой бежит из Москвы, ищет какое-то другое измерение жизни и находит его «отпечатки» в уездной Коломне, ведущие затем в Венецию. Получается, что Коломна и Венеция — два «паноптикума» на грани сна и яви.

У начала «коломенского текста» стоят три имени: Иван Иванович Лажечников, Никита Петрович Гиляров-Платонов и Борис Пильняк. Они главным образом и создали запоминающийся литературный образ Коломны, то словесное зеркало, в которое смотрится наш город. Заметим сразу, что далеко не каждому уездному городу России повезло с таким зеркалом.

Образ Коломны эпизодически появляется сначала в исторических романах И.И. Лажечникова. В «Последнем Новике» герой, русский шпион, провел детство в маленьком городке, в котором легко узнается Коломна. Детские воспоминания греют его всю жизнь и питают душевные силы. В «Ледяном доме» напоминание о Коломне скорее отрицательное — имеется в виду портрет дебелий коломенской пастильницы. Эти эпизоды, разумеется, еще не создают «коломенского текста», он формируется в рамках поздней автобиографической прозы писателя.

В 1856 г. Лажечников выпускает повесть «Беленькие, черненькие и серенькие», которая печатается в «Русском вестнике» параллельно с «Губернскими очерками» Щедрина. Лажечникову удалось многих опередить в русской литературе. Это вообще очень интересный феномен, когда писатель второго ряда выходит вперед и как разведчик апробирует какие-то темы, мотивы, образы, которые только потом разовьются у русских гениев. Лажечников опередил щедринскую «Историю одного города», когда в «Беленьких, черненьких и сереньких» вывел гротесковый ряд градоначальников города Холодни (Холодня — читай Коломна, Лажечников этого почти и не скрывает: топография однозначно

⁴ Якушкин П.И. Сочинения. М., 1986. С. 32.

Ил. 1. И.И. Лажечников.

коломенская). Галерея холодненских градоначальников во многом опережает синклит правителей города Глухова. Насон Моисеич — градоначальник благодушный, даже чересчур добрый и мягкий, его окружение этим пользуется, и жителям от его доброты нисколько не сладко. Затем начальство то ли прогрессирует, то ли деградирует и все кончается Герасимом Сазонычем Поскребкиным... Фамилия его говорящая. Это градоначальник, который ничего мимо себя не пропускает, вплоть до сальных свечей, фонарного масла, и даже заборы идут у него в ход.

На фоне то недалеких, то блудливых «отцов города» Лажечников и воссоздает знакомый миф провинции как сонного царства. Вот его ключевое описание: «В Холодне <...> ничто не изменяло мертвой тишины города. По-прежнему нарушалась эта тишина мерными ударами валька по мокрому белью и гоготанием гусей на речке; по-прежнему били на бойнях тысячи длинноногих воллов, солили мясо, топили сало, выдывали кожи и отправляли все это в Англию; по-прежнему в базарные дни <...> скрипели на рынках сотни возов с сельскими продуктами и изделиями, а между ними сновали, обнимались и дрались пьяные мужики. По воскресным дням толпы отчаливали к городскому кладбищу, чтобы полюбоваться на земле покойников очень живыми кулачными боями»⁵. Состояние «мертвой тишины», кажется, только подчеркнуто динамикой «живого» круговорота («по-прежнему»).

В градообразующей, как бы теперь сказали, среде — похожие картинки. «Пузатые купцы, как и прежде (курсив мой. — В.В.), после чаепития упражнялись в своих торговых делах, в полдень

⁵ Лажечников И.И. Полн. собр. соч. СПб.; М., 1899. Т. 1. С. 41 — 42.

ели редьку, хлебали деревянными или оловянными ложками щи, на которых плавало по вершку сало, и уписывали гречневую кашу. После обеда, вместо кейфа, беседовали немного с высшими силами, т. е. пускали к небу из воронки рта струи воздуха, потом погружались в сон праведных»⁶. Кейф и «сон праведных» как-то заслоняют «упражнения в торговых делах» — проявляется истинная система жизненных ценностей.

Следом идет описание женской половины купеческого города: «Прекрасный пол в Холодне имел тоже свои умильные забавы. Купчихи езжали друг к другу в гости. Посещения эти начинались киванием головы, как у глиняных кошечек, когда их раскачают, и прикладыванием уст к устам. Затем усаживались чинно, словно немые гости на наших театральных подмостках; следовали угощения на двадцати очередных тарелках с вареньями, пастилою и орехами разных пород. При этом неминуемо соблюдалась китайская церемония бесчисленных отказов и неотступного потчивания с поклонами и просьбою понудиться. Кукольная беседа нарушалась только пощелкиванием орешков и оканчивалась такими же китайскими церемониями... И возвращались гости домой довольные, что видели новые лица, подышали на улице свежим воздухом и свободой!»⁷. Кукольная комедия женских посиделок и смешная и грустная: словно живая жизнь (жажда «новых лиц» и «свободы») затянулась в умертвляющий корсет, дух сонной одури превращает людей в китайских болванчиков. Совершенно очевидно, что здесь Лажечников идет в русле гоголевских традиций, ведущих затем к Щедрину.

Однако называется повесть «Беленькие, черненькие и серенькие». Триада структурирует и образ города. «Серенькие» в основном спят, «черненькие» крадут без устали, но вот откуда в этом мертвом царстве берутся «беленькие», Лажечников не поясняет. Между тем они есть, и писатель не находит им другого определения, как «уроды». Лажечников вышел здесь на очень большую тему, на которую чуть раньше выходил Гоголь: показать все-таки «беленьких». Следует сразу сказать, эта задача оказалась не по силам нашему автору, как, впрочем, и самому Гоголю. Видимо, еще время не пришло для этого рода литературных героев. И провинциальная «беленькая» Россия, вполне убедительная, предстанет в художественном слове несколько позднее. Я имею в виду Лескова, прежде всего роман «Соборяне». Но надо сказать, что и Лажечников все-таки делает к этому шаг. Его повесть поддерживает своеобразный футурологический вектор русской литературы.

Интересно, что и Гиляров, и Пильняк в своих описаниях Коломны идут совершенно сознательно от Лажечникова,

⁶ Там же. С. 42.

⁷ Там же. С. 42 — 43.

Ил. 2. Н.П. Гиляров-Платонов.

хорошо зная его автобиографическую прозу. Доказательства очевидны: это речь Гилярова о Лажечникове и очерк Пильняка «На родине Лажечникова».

В 1869 г. Никита Петрович Гиляров-Платонов на юбилейном вечере Лажечникова читает речь, где пытается определить вклад своего земляка в русскую литературу. И говорит при этом, что Коломна — это не случайность рождения, не только географический термин, юбиляр несет в себе черты своеобразного типа коломенского гражданина. Очевидно, не без воздействия провозглашенной И. Тэнном в 1863 г. триады влияния (раса, среда, момент) Гиляров говорит о том, что исторические предания, ландшафт обитания и языковая среда накладывают на личность писателя неизгладимый отпечаток. Лажечников, — утверждает Гиляров, — не только бессознательно несет в себе особенности местности, где он родился и вырос, но он и вполне осознанно формирует нравственную связь с нею в своей автобиографической прозе. Горы, море, степь — «есть действительная красота в том и другом; не лишено и производительности то и другое. Но местность слегка волнистая с небольшими холмами, извиляющаяся ручейками и плавною рекою <...>: тут больше жизни, больше красоты, больше и богатства»⁸.

Речь о Лажечникове можно считать первым наброском идей, положенных Гиляровым в основание собственного автобиографического эпоса — книги «Из пережитого» (1886). Волнистая, непрямая линия жизни автора, находя соответствия

⁸ Гиляров-Платонов Н. Речь на праздновании 50-летия литературной деятельности И.И. Лажечникова 4 мая 1869 года // Дом Лажечникова: Историко-литературный сборник. Коломна, 2004. Вып. 1. С. 195.

в историческом, бытовом, духовном измерении, обретает качество некоей национальной геометрии, если можно так выразиться. Автор начинает свою книгу соображениями о многоярусности (термин П.В. Киреевского) русской провинциальной жизни, где человек XIX в. легко найдет остатки XVIII, XVII, а в каких-то закоулках даже и XIII столетия. Эту многоярусность Гиляров передал в замечательных описаниях Коломны.

В отличие от дворянско-купеческой Коломны Лажечникова Гиляров создает образ провинциальной «поповки», как Лесков называл среду провинциального клира, которая в светской литературе вплоть до Лескова, до его «Соборян», имела отрицательные в основном коннотации. Интересно, что в жесткости описания жизни и быта коломенского духовного училища Гиляров нисколько не уступает «Очеркам бурсы» Помяловского, но здесь все же другая точка зрения. Гиляров критикует бурсу изнутри, не теряя при этом веру. Это фундаментальное свойство всей его автобиографической эпопеи.

Взгляните на зафиксированные Гиляровым коломенские предания. Вот один черт сидит на Мотасовой (т. е. Свибловой) башне, а другой летит из Бобренева монастыря, где уже соблазнил монахов, и теперь желает соблазнить мирян-коломенцев. Тот, что сидит на башне, смеется: «я тут уже четыреста лет от нечего делать мотаю ногами; здесь нас с тобой поучат грешить»⁹. По этому поводу (а также по поводу легенды о происхождении имени города от изгнания «колом» преподобного Сергия) автор замечает: «Самоосуждение свойственно не одной Коломне, а вообще русским городам, особенно древним, происхождение которых затеряно. Замечательна эта народная черта. Не хвалятся, чем даже основательно хвалятся, не помнят героев, забывают о своих исторических заслугах, а помнят Божиих святых людей и им противопоставляют себя как негодных и грешных...»¹⁰. Эта контрастность провинциального духа, отмеченная еще Лажечниковым, находит подтверждение у Гилярова, и так же, как у Лажечникова, у него сохраняется вера, что «беленькие», вот эти десять праведников, за которых заступился Авраам (Быт. 18. 23 – 33), они все-таки в Коломне есть.

Еще один важный момент – провинциальная эсхатология. У Лажечникова на улицах Холодни «то появлялся оборотень, который по ночам бегал в виде огромной свиньи, ранил и обдирали клыками прохожих; то судья в нетрезвом виде въезжал верхом на лошади и без приключений съезжал по лесам строившегося двухэтажного дома...»¹¹ (право, не знаешь, кто опаснее для «спокойствия населения»). Гиляров, в свою очередь, описывает

⁹ Гиляров-Платонов Н. Из пережитого: Автобиографические воспоминания. М., 1886. Ч. 1. С. 8 – 9.

¹⁰ Там же. С. 9.

¹¹ Лажечников И.И. Полн. собр. соч. СПб.; М., 1899. Т. 1. С. 43 – 44.

Ил. З. Б.А. Пильняк.

Коломну как пустеющий город. В главе «Старая семинария», рассуждая о том, что вместе с епархией и семинарией из города ушла его душа, автор выходит на свою, возможно, главную тему. «Опустела родина. Она подошла под тот тип казенщины, который там раньше, там позже, но неуклонно повсюду овладевает Россией, стирая все бытовое, местное, историческое <...>. Раньше развенчаны Ростов и Переславль, позже или одновременно с Коломной Белгород и Переяслав. С каким-то кажущимся озлоблением, а в сущности даже безотчетно преследовались самые названия <...> во всех этих проектах и мероприятиях действует фронтовой идеал, который заседает в душе русских умников. Разнообразие коробит, волнистые линии колют глаз, личная самостоятельность, местная особенность приводят ум в замешательство»¹². Между тем подлинная перспектива русского развития – это не прямая линия, не централизация, уничтожающая местные особенности. Еще в речи о Лажечникове Гиляров говорил, что, в частности, и «коломенский текст» определяет волнистая линия. Как Пьяная лука на Москве-реке.

Тема прямой и волнистой линии продолжается в произведениях Пильняка, где Коломна становится знаковым городом, определяющим сущность того революционного процесса, который происходит в России, и во многом объясняющим, что есть Россия, Русь. Коломна является эдаким экспериментальным полем для Пильняка. Коломенский текст формируется им как текст эсхатологический. «Голый год» (1922) стал первым романом о русской революции, и объяснял он ее исходя именно

¹² Гиляров-Платонов Н. Из пережитого: Автобиографические воспоминания. М., 1886. Ч. 1. С. 46.

из особенностей русской провинции. Интересен генезис коломенского текста в творчестве Пильняка.

Еще в 1918 г. писатель опубликовал очерк «На родине Лажечникова», где присоединился к указанному выше провинциальному мифу. «Я иду по улочкам города. В небе точно расколосось солнце и брызжет раскаленными лучами. Заполдни, — тот час, когда бывают миражи, и когда видишь сны наяву»¹³. Возможно, это те самые сны, которые снились Лажечникову, про диких чудовищ, что бегают по улицам и обдирают прохожих. Страшные сны посещают сонный город, потому что сон разума рождает чудовищ. Эти сны наяву возвращаются к Борису Пильняку через много лет. «Нет, не мираж. Так же описывал Коломну и Ив.Ив. Лажечников. Только с тех пор она не изменилась ничуть»¹⁴. И дальше рефрен: «сон давних дней», «сон давних дней» — пять раз. И все заканчивается описанием заснувшего на солнце старика-рассказчика.

В том же 1918 г. Пильняк печатает рассказ «Монастырское предание», в основу которого положена легенда о раскаявшемся разбойнике, основавшем Старо-Голутвин монастырь (о происхождении названия от голутвы, голытьбы, разбойников писал еще Карамзин)¹⁵. Это сочетание разбойничьего и святого, эта амбивалентность провинции захватывает Пильняка.

В 1919 г. он печатает рассказ «Коломна», всего две странички вокруг документальной «выписки из книги постановлений коломенского Сиротского суда за 1784 год»¹⁶. Очевидно, в данном случае следует верить писателю, что он мог найти этот листок «на базаре коломенском, после разгрома коломенского архива» (когда-то располагавшегося в бывшем Спасском монастыре). Сочную цитату из архивного документа трудно было придумать. Также не сочинил он, а только подредактировал надпись на Пятницких воротах (которая сейчас восстановлена): «Спаси, Господи, град сей и люди Твоя и благослови вход во врата сии». Эту надвратную надпись он цитирует и в очерке «На родине Лажечникова» (1918) и в рассказах «Коломна» (1919), «Колымен-город» (1920), и в романе «Голый год» (1922). Ей придается некое эсхатологическое значение.

Названный ряд произведений постепенно разворачивает коломенский текст Пильняка¹⁷. Затем его продолжают романы

¹³ Пильняк Бор. На родине Лажечникова // Дом Лажечникова: Историко-литературный сборник. Коломна, 2004. Вып. 1. С. 199.

¹⁴ Там же. С. 202.

¹⁵ Карамзин Н.М. Путешествие вокруг Москвы: Письмо первое из Коломны от 14 сентября // Карамзин Н.М. Записки старого московского жителя. М., 1988. С. 267.

¹⁶ Пильняк Бор. Коломна // Мирское дело. 1919. С. 54.

¹⁷ Назову две основных работы на эту тему: Кузовкин А.И. Краеведческое изучение творчества Пильняка // Б.А. Пильняка: Исследования и материалы: Межвуз. сб. науч. тр. Коломна, 1991. Вып. 1. С. 98 — 105; Петросов К.Г. Коломна в судьбе и творческом сознании Бориса Пильняка // Коломенский альманах — 97. М., 1997. С. 232 — 254.

«Машины и волки» (1925) и «Волга впадает в Каспийское море» (1930), где место Ордынина, псевдонима Коломны в «Голом годе», снова занимает Коломна, с теми же знаками пространства. Пильняк, вослед Лажечникову, структурирует его по принципу «Беленьких, черненьких и сереньких». Пытается отыскать «беленьких» и находит уже в «Колыменгороде» святого Данилушку, сумасшедшего, с точки зрения окружающих. «Был он наг и бос, носил вериги, был иконописен, рыжебород, синеок. Если Иван Емельянович был (неизвестно почему) жесток и злобен, то Данилушка (тоже неизвестно почему) был добр»¹⁸. Так же, как у Ивана Емельяновича есть прототип в документах коломенского архива, у Данилушки есть свой прототип – это Данилушка Коломенский, описанный в книге Прыжова «26 московских пророков, юродивых...»¹⁹. Прыжов описывает, что он трижды предсказывал пожар, предсказал смерть своего отца. И именно так описывает Данилушку Коломенского Пильняк: «Данилушка умел ясновидеть и говорить только правду или ничего не говорить»²⁰. Этот ранний «беленький» герой получил у Пильняка парадоксальное продолжение в образе коммуниста-юродивого Ивана Ожогова из романа «Волга впадает в Каспийское море». Оба они в своей бескомпромиссной святости («уроды», как сказал бы Лажечников) не нужны окружающему их миру, хоть старому хоть новому.

Эсхатологическая тема звучит все сильнее в романах Пильняка вплоть до последнего – «Соляного амбара», где извилистый провинциальный (отчасти коломенский) текст отступил под натиском прямолинейной вселенской мощи новой веры, марксизма. В романе «Машины и волки» провинциальное многоголосье сбивает «черненьких» и «беленьких» в одну бесшабашную поистине волчью стаю: «На коломенских землях можно было купить и продать: честь, совесть, мужчину, женщину, корову, собаку, место, право, девичество. На коломенских землях можно было замордовать, зашить: честь, совесть, ребенка, старика, право, любовь. На коломенских землях пили все: и водку, и денатурат, и политуру, и бензин, и человеческую кровь. На коломенских землях матерщинничали: во все, – в бога, в душу, в совесть, в печенку, селезенку, ствол, в богомать и мать просто, длинно, как коломенская верста. На коломенских землях молились (отцу, сыну и духу), чорту, сорока великому-ченикам, десятку богоматерей, пудовым и семиточным свечам, начальству, деньгам, ведьмам, водяным, недостойным бабенкам, пьяным заборам. Вор, дурак просто и Иванушка-дурачок, хам, холуй, смердяков, гоголевец, щедриновец, островский –

¹⁸ Пильняк Б. Былье. М., 1920. С. 15.

¹⁹ Прыжов И. Г. Очерки, статьи, письма. М.; Л., 1934. С. 46 – 49.

²⁰ Пильняк Б. Былье. М., 1920. С. 16.

и с ними юродивые-Христа-ради, Алеши Карамазовы, Иулиании Лазаревы, Серафимы Саровские — жили вместе, в тесноте, смраде, пьянстве...»²¹. Убойный ассортимент должен подчеркнуть совершенную мертвенность живущего «сквозь сон»²² города, на смену которому идет город Коломзавода, город машин. «Наука освободит от сна»²³, — мечтает Дмитрий Росчиславский, убитый ударом мужицкого кулака. Объективно говоря, не очень верится, что если вырвать из коломенского кремля «гнилые зубы соборов и церквенков» (как выражается другой пильняковский мечтатель Лебедуха), то Россия счастливо «зашумит машиной»²⁴. Читатель «Машин и волков» не всегда может понять: а сам-то автор в это верит, или он спрятался за статистика Ивана Александровича Непомнящего, на последних страницах, кажется, умирающего?

Где сам Пильняк? Он уходит от прямых вопросов, но зато предлагает обозреть панораму и «обильной» и «бессильной» русской провинции, матери русской революции. В романе «Волга впадает в Каспийское море» Пильняк вольно или невольно приходит к «национальной геометрии» Гилярова-Платонова. С самых первых строк он говорит, что реки никогда не текут по прямой линии, они всегда извилисты. В природе нет прямых линий. Здесь исток человеческих трагедий, личных и общественных. Люди пытаются подчинить себя прямой линии, прямизне революции, они задумали повернуть реки вспять и около Маринкиной башни ставят монолит. Теперь Ока и Москва-река должны повернуться и оросить пустыню. Замечательный революционный проект, а в ходе его реализации рушатся жизни, рушатся личные судьбы, потому что они не подчиняются закону прямой линии. Коломенский текст в его эсхатологической ипостаси представляет у Пильняка за всю провинциальную Русь. Писатель, ведомый внутренней логикой этого текста, вынужден возвращаться к тем смыслам, которые заданы были в XIX в., о том что русская линия, — это все-таки не прямая. Прямая линия разрушительна, она централизирующая, опустошающая, омертвляющая, и только волнистая линия несет в себе жизнь.

Коломенский текст — это некий свертхтекст, проявляющий себя достаточно независимо от индивидуальных особенностей творящих его художников. Через них (хотя и не за них) Коломна заговорила от лица российской провинции. Отсюда и родилось то ощущение, которое точно выразил Борис Пильняк: «я ... мерил мир Коломной»²⁵.

²¹ Пильняк Б. Сочинения: В 3 т. М., 1994. Т. 1. С. 173 — 174.

²² Там же. С. 345.

²³ Там же. С. 349.

²⁴ Там же. С. 194.

²⁵ Пильняк Борис. Мне выпала горькая слава... Письма 1915 — 1937. М., 2002. С. 237.

В.А. Ярхо

Усадьба на берегу Оки*

Странно звучащая для русского уха фамилия Губерти появилась на скрижалях истории Коломенского уезда в 1813 г., когда на должность коломенского полицмейстера был назначен бравоый подполковник и кавалер орденов Василий Яковлевич Губерти. Фамилия выдавала господина подполковника с головой: его отец, Джакомо Пьетро Губерти, был уроженцем Италии, а по профессии — художником. Синьора Губерти в числе большой группы его коллег пригласил для работ в России князь Николай Борисович Юсупов, долгое время бывший посланником русской короны в Турине при дворе сардинского короля Амадея Третьего, а также исполнявший отдельные дипломатические поручения в Риме, при дворе Неаполитанского короля, и в Венецианской республике. Приглашенные Юсуповым итальянские мастера были специалистами совершенно особого рода: они создавали сценические декорации, устраивали театральные машины и управляли ими во время спектаклей. Свои таланты им назначено было реализовывать сначала в придворных театрах русской столицы, а потом и в остальных храмах Мельпомены, существовавших под эгидой дирекции императорских театров. При щедром финансировании иностранные театральные декораторы и машинисты достигли больших успехов, и дела их пошли столь хорошо, что Джакомо Губерти возвращаться на родину не пожелал. Он принял русское подданство, крестился по православному обряду и с той поры во всех официальных бумагах стал зваться Яковом Петровичем Губерти. За труды и достижения новое отечество Якову Петровичу пожаловало дворянство и звание профессора Академии художеств.

*ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- Грибовский А.М. «Воспоминания и дневники». М., 1899.
 Бильбасов В.А. «Исторические монографии». Спб., 1901. Т. 2.
 Губерти Н. Статс-секретарь А.М. Грибовский // Журн. «Исторический вестник». Спб., 1895. № 4.
 Электронная версия Большого Русского Библиографического Энциклопедического словаря издательства «Дискавери».
 Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона.
 «Петербургский некрополь», 1912.
 «Провинциальный некрополь», 1912.
 «Московский некрополь», 1912.
 Губерти Д.В. Отзвук Бородинского боя // Журн. «Русский архив». 1900. Кн. 2. № 6.
 Фрагменты книги Е.Б. Новиковой «Хроника пяти поколений». М. хр.: ГПИБ. Отдел редкой книги.
 Материалы из частной коллекции исследователя Дмитрия Радченко.

«Обрусев» сначала формально, Губерти в 1775 г. и вовсе пустил корни в русской почве, женившись на Анисье Ильиничне Иноземцевой, происходившей из семейства дворян Рязанской губернии. Их дети, трое сыновей Александр, Василий и Яков, не проявив должных наклонностей к искусствам, дела отца продолжить не пожелали, избрав себе в удел военную службу. Один за другим они прошли начальные ступени карьеры, поступая вольноопределяющимися в лейб-гвардии Семеновский полк, где, выслужив унтер-офицерские чины, добивались перевода в армию. У гвардии было «два ранга преимущества», а потому, переводясь из лейб-гвардии в армейский полк, гвардейские унтеры становились армейскими «субалтернами», как тогда называли младших офицеров — прапорщиков и подпоручиков. Во времена их службы хватало войн, в которых Губерти имели возможность отличиться, офицерские вакансии «за выбытием личного состава» освобождались часто, а потому рост в чинах даже тех, у кого не было серьезной протекции, происходил довольно быстро. К лету 1812 г. полковник Александр Яковлевич Губерти командовал Виленским пехотным полком, майор Василий Яковлевич в том же полку состоял на должности батальонного командира, а младший из братьев, Яков Яковлевич, был поручиком в Калужском пехотном полку.

Все три брата с первого же дня вторжения Наполеона находились в действующей армии, приняли участие в Бородинском сражении и едва не погибли одновременно. Спасла их только преданность их общего друга, господина Аникеева, москвича, имевшего собственный дом на Басманной улице, который, презрев надвигавшуюся на город опасность, не оставил братьев в беде.

В августе 1812 г., отправив большую часть имущества и всех женщин своего семейства из Москвы, сам Аникеев остался в городе с несколькими слугами. Когда в ночь на 27 августа, после сражения у Бородина, через город пошли войска, он стал расспрашивать проходивших по Басманной офицеров разных полков о своих друзьях, и кто-то ему сказал, что все три брата Губерти остались на поле боя — то ли тяжело ранены, то ли вовсе убиты. Услышав такую весть, Аникеев решил сам во всем убедиться. Он приказал своим дворовым запрягать три четырехместные коляски, позвал доктора и сам возглавил спасательную «экспедицию», которая немедленно отправилась в путь. К рассвету они были уже на месте страшной битвы. В суматохе и путанице ближнего тыла, растревоженного недавней битвой, господин Аникеев обращался ко всякому воинскому начальству, расспрашивая о своих друзьях. В одном из штабов ему сказали, что тот Губерти, который подполковник, жив, но ранен и находится в полевом лазарете, а об остальных известий нет, т. к. всех раненых и убитых еще не подобрали.

Александра Яковлевича, действительно, нашли в лазарете: неприятельская картечь оторвала ему два пальца на правой руке, и он, уже перевязанный, сидел на походной койке. О судьбе братьев полковник знал не больше, чем Аникеев, и смог лишь подсказать, где примерно стояли Виленский и Калужский полки вначале сражения. Члены маленькой спасательной команды отправились прямо на места недавних боев, сплошь заваленные трупами и телами раненых. Шли пешком: барин и те из слуг, кто знал Губерти лично, осматривали лежавших на земле, а остальные вели под уздцы лошадей, запряженных в коляски. После долгих поисков они наткнулись на Якова Губерти. Поручик лежал среди мертвых тел весь израненный, но был в сознании, хотя и очень слаб от потери крови. Раненого поместили в один из аникеевских экипажей, целиком препоручив заботам доктора, сам же барин и его слуги продолжили поиски Василия Губерти. Они нашли его лежащим замертво в луже крови — всем показалось, что он уже мертв, и Аникеев даже заплакал над ним. Но доктор, пощупав пульс и приложив ухо к груди, сказал, что майор жив. Когда его подняли на руки, чтобы отнести в коляску, Василий Яковлевич тихонько застонал.

Забрав из лазарета полковника Губерти, всех троих братьев их добрый товарищ повез в Москву, но дорогой все боялись, что майора не довезут — грудь у него была навывлет пробита ружейной пулей. Уже ночью кавалькада колясок с ранеными героями прибыла к родным пенатам Аникеева на Басманной, но Василий Яковлевич был так плох, что доктор не решился его даже переносить в дом, и ночь он провел прямо под открытым небом в той же коляске, на которой его привезли с поля боя.

К радостному удивлению всех родных и друзей, утром Василию Яковлевичу стало лучше, Яков Яковлевич и вообще держался молодцом, а вот их старший брат, как казалось бы, раненный легче них, не выжил — у него начался «антонов огонь», как тогда называли гангрену. В суматохе повального отступления не удалось найти хирурга, который, отняв ему руку, мог бы спасти Александра Яковлевича; и, промучившись три дня, полковник Губерти умер. В тот же самый день в дом Аникеева принесли приказ о производстве Александра Губерти в генералы, но в живых его уже не застали. В последний день перед уходом из Москвы главной заботой друзей и близких стали похороны и отпевание тела Александра Яковлевича, а сделать это как положено по чину, оказалось совсем не просто. Все знали, что войска оставляют Москву и вот-вот в город войдет армия неприятеля, и те, кто имел возможность, спешно уезжали. Местный священник из соседнего храма Никиты Мученика на Басманной уже уехал,

то же сказали и во всех остальных храмах, куда ходили слуги Аникеева. Тогда барин им приказал ждать у ворот, когда проедет любой священник, и звать его в дом. Так и поступили. Остановили какого-то иерея, который со своим семейством и домашним скарбом проезжал по Басманной, пробираясь к Рязанской заставе, в том же направлении, куда в те дни двигались тысячи людей. Снизойдя к слезным просьбам, священник согласился задержаться и отслужил панихиду по умершему. По совершении печального обряда тело полковника Губерти похоронили в саду аникеевского дома, а позже останки Александра Яковлевича перезахоронили на кладбище Покровского монастыря.

Двух других братьев Губерти господин Аникеев повез в Тверь, где тогда проживала их матушка, Анисья Ильинична — она и выхаживала обоих. После тяжелого ранения Василий Губерти в заграничных походах не был. В 1813 г., когда он достаточно поправился, его, произведенного в подполковники и награжденного орденом св. Владимира 4-й степени, назначили на должность полицмейстера в Коломне, уездном городе Московской губернии. Героя Бородинского сражения, кавалера ордена и красавца-холостяка охотно привечали во многих коломенских домах, и вскоре он стал «своим человеком» для коломенцев. Не прошло и года, как, обжившись на новом месте и перезнакомившись со всеми помещиками ближайшей округи, Василий Яковлевич попросил руки дочери владельца села Щурово, бывшего статс-секретаря императрицы Екатерины Великой, Адриана Моисеевича Грибовского (ил. 1), и, получив согласие, в 1814 г. повел Елену Адриановну под венец.

Ил. 1. Адриан Моисеевич Грибовский.

* * *

Карьера тестя Василия Яковлевича достигла пика в те закатные годы царствования Екатерины Великой, когда он был директором канцелярии последнего фаворита императрицы, князя Платона Александровича Зубова, и статс-секретарем самой императрицы. Но с той поры много воды утекло — при Павле вельможа попал в опалу и дважды сидел в крепости, обвиняемый в незаконном приобретении при исполнении казенных должностей. Однако обвиняли его вяло, главным образом тираня опального статс-секретаря по общему недоброжелательству выходцев из «малого двора», служивших в Гатчине при особе великого князя, к тем, кто в то же время был «в случае» при дворе. И все же Адриан Моисеевич провел несколько месяцев в Шлиссельбургской крепости, сидя в той самой одиночной камере, в которой при Екатерине томился знаменитый Новиков, обвиняемый в принадлежности к масонскому заговору.

В самом финале правления Павла Петровича, буквально за три недели до его скоропостижной кончины, Грибовского отпустили. Новый император Александр, объявив при вступлении на престол: «При мне будет все, как прежде при бабушке», вселил в Адриана Моисеевича надежду на возвращение к службе, но оказалось, что совсем уж буквально все бабушкины привязанности и обычаи венценосный внук перенимать не собирался, а потому многим героям екатерининского века мест на службе не сыскалось. Не удостоился такой чести и Адриан Моисеевич, но от того особенно не тужил.

Лишенный императором Павлом дома на Английской набережной в Петербурге и пожизненного пенсионера, дарованного ему императрицей за его заслуги, он, в прежние годы щедро осыпанный наградами и подарками своей высочайшей патронессы, несмотря на опалу, все же сохранил большое состояние. Понимая, что его присутствие в столице будет не совсем уместно, но и не желая жить в деревне, Адриан Моисеевич продал свои имения в Малороссии и на жительство обосновался в Москве, где купил большой дом на Мясницкой улице. Став московским баринном, Грибовский зажил, как в таких случаях подобало: стал членом возродившегося аристократического Английского клуба, в его доме ежедневно обеденный стол сервировали на сорок кувертов. Каждый, даже весьма смутно знакомый хозяину, мог явиться отобедать незванным. При доме Грибовских содержали оркестр из наемных музыкантов и собственных крепостных, выученных музыке. Барин и сам был не лишен музыкального таланта. Владея прекрасным инструментом работы Страдивари, он, бывало, присоединялся к собственному оркестру в качестве скрипача или разыгрывал скрипичные партии соло, дуэты с флейтистом или с тремя другими музыкантами, всегда готовыми к услугам, составлял струнный квартет.

У Адриана Моисеевича и супруги его Наталии Акимовны было двое детей, Коля и Лена, для которых нанимались лучшие учителя и гувернеры. Для сына Адриан Моисеевич наметил военную карьеру и собирался определить его в училище колонновожатых, а вот с дочерью у Грибовских, как, впрочем, и у остальных московских дворян, в домах которых подрастала девица, все было гораздо сложнее. Предполагалось, что Элен предстоит дебютировать в высшем свете, где любая промашка могла стоить репутации девушки, породить толки, не дать возможности «сделать хорошую партию», как тогда называлось удачное замужество. О, это была непростая шутка — устроить брак дочери! В былые времена, чтобы отдать дочку замуж, иными родителями прилагались усилия, которых хватило бы для снаряжения в поход небольшого войска. Даже если девица была хороша собой и отец мог дать за ней порядочное приданое,

это ничего не значило — чтобы заполучить хорошего жениха и мужа, нужно было быть «комильфо». В этом слове умещалось столько всего разного, что можно сказать, за ним скрывалась целая отрасль светской науки, имеющая множество нюансов и тонкостей. «Готовить девушку замуж» начинали за несколько лет. В своей книге «Старая записная книжка» князь Вяземский оставил заметку о том, как вдовый и чадолюбивый москвич, погруженный в заботы о подготовке дочери-невесты, нанимал для нее учителей арифметики, географии, рисования, истории, танцев и Закона Божия. Согласно его плану, после того как дочурка преуспееет в науках, он вывезет ее в Париж исключительно для того, чтобы девушка «канальски схватила парижский прононс — так, чтобы ее не могли распознать от парижанки». По возвращении из Парижа с дочерью, «схватившей прононс», папаша планировал, задавая балы в своем доме, залучить в свои сети женишка, состоявшего не менее чем в генеральском чине.

Другой папенька также собирался везти дочь за границу, но уже не за прононсом, а для того, чтобы она набралась... тем для разговора! О, это был хитрый ход умудренного опытом человека, который так объяснял свое намерение: «Нынешние танцы, например, котильон, продолжают по часу и более, поэтому необходимо, чтобы молодая девица запаслась темами для разговоров с партнерами. Вот и хочу показать дочери Европу — не все же ей болтать о Тверском бульваре и Кузнецком мосте».

Почти в точности по этим рецептам действовали и Адриан Моисеевич с Наталией Акимовной. Готовясь к выходу в свет, Элен Грибовская, благодаря французским наставникам, в совершенстве овладела французским языком, который когда-то помог сделать карьеру при дворе ее батюшке, вынесшему отменное знание галльского наречия из стен московского университета. Помимо прочих школьных предметов, домашние музыканты всерьез учили девушку музыке, уроки вокала ей давал знаменитый итальянский певец Торквиньо, выступавший на сцене Большого театра, а танцами она занималась у знаменитого московского балетмейстера Йогеля, где ей не раз доводилось танцевать менуэты и экосезы в паре с сыном московского почт-директора Павликом Пестелем. По воспоминаниям Елены Адриановны, будущий заговорщик, осужденный по делу декабристов на смертную казнь, был очень резвым и веселым мальчиком, который, смеясь, часто говорил о себе: «Я сущая попрыгушка!».

Членство в клубе, «открытый стол», оркестр, балы, уроки знаменитостей и прочие барские затеи обходились Адриану Моисеевичу весьма не дешево, но «положение обязывало», семья должна была быть «комильфо». Чтобы быть принятым в весьма своеобразном кругу московских бар, Грибовскому

приходилось тратить больше, поступать затейливее и щедрее многих, т. к. древностью и благородством родов ни он, ни жена его отнюдь не блистали. Отец Адриана Моисеевича, малороссийский дворянин, на службе достиг лишь чина есаула казачьего войска, а Наталия Акимовна была дочерью армейского секунд-майора. Выручал их падавший на них отблеск великолепного царствования Екатерины Великой, к трону которой они стояли так близко, а потому, стремясь сохранить «реноме» екатерининского вельможи, Грибовский с тратами не считался. Именно в те благословенные годы московского жительства было прикуплено имение Щурово, принадлежавшее прежде княгине Наталье Александровне Голицыной, почившей в 1802 г. Это древняя боярская вотчина долго принадлежала Кикиным, у которых была конфискована после того, как ее владельца изобличили в заговоре против Петра Великого и устройстве побега царевича Алексея Петровича. Поместье вместе со всем другим имуществом Кикиных передали Румянцеву. Потом Щурово сменило еще нескольких владельцев, пока не перешло к Голицыным. На другой год после кончины последней владелицы из этой фамилии ее сын и наследник продал находившееся в Зарайском уезде Рязанской губернии имение Грибовскому. Сделка эта совершилась при обстоятельствах, весьма ярко рисующих нравы тогдашнего московского барства. Согласно семейному преданию, князь и Адриан Моисеевич обо всем договорились прямо за ужином в Английском клубе. Причем между ними было заключено джентльменское соглашение, по которому имение покупалось за названную князем цену без торга и «заглазно», т. е. без предварительного осмотра. Совершая эту сделку, Адриан Моисеевич и не подозревал, какую роль сыграет это имение в жизни его близких и их потомства.

Почти десять лет Щурово исправно служило летней резиденцией Грибовских. Там был выстроен большой трехэтажный дом, разбит парк, устроены теплицы и оранжереи. В память об императрице, которая навсегда для хозяина поместья осталась кумиром, в парке устроили «Екатерининскую беседку», в которой был установлен монарший бюст. Именно туда, в Щурово, отправились Грибовские, предполагая там переждать лихолетье, когда летом 1812 г. к Первопрестольной подошел супостат Наполеон, но оказалось, что из Москвы они уехали навсегда. Пожар и мародеры уничтожили все их московское имущество, положение семьи пошатнулось, а потому жить Грибовским в большом городе стало уже не по карману. Они обосновались в Зарайске, а большей частью жили в Щурове, которое стало их сельской штаб-квартирой. Именно в этот момент, когда Василий Яковлевич Губерти стал Адриану Моисеевичу зятем, бывший придворный решил поправить свои делишки коммерцией, ввязавшись в дело с винными откупами,

и завел в Зарайске винокуренный завод. Но тут его ждала неудача. Верно говорят, что торговля не барское дело. Приказчики из его же крепостных всячески обворовывали своего барина, а Адриан Моисеевич разорился на том деле, на котором другие наживали миллионы. В конце концов в его дневнике появилась следующая запись: «По причине расстройств дел моих от нашествия неприятельского и неудач по откупу, накопилось на сем последнем недоимка в 270 тысяч, да для поддержания откупа занято было у частных лиц более 300 тысяч рублей».

В 1816 г., после заявления его кредиторов и ответов Грибовского о невозможности «по неимению денег и имущества на данную сумму» оплатить долги, Рязанское Губернское Правление опубликовало сообщение о его несостоятельности. Оплатить долги он не смог и в 1817 г. подал объявление об этом в Зарайский Уездный Суд, который только подтвердил это, признав его упадок от несчастных обстоятельств, что помогало ему избежать окончательного разорения. Большинство должников согласилось с постепенной и установленной по закону компенсацией, что позволяло Грибовскому, у которого осталось Щурово и кое-какие деньги, жить барином, выплачивая долги годами.

Часть своего состояния Грибовские спасли, совершив ряд фиктивных сделок, укрывая деньги от взыскания по долгам. На следы одной из таких операций натолкнулся исследователь Дмитрий Радченко, занимающийся изучением дворянских родословий. Работая в архиве, он обнаружил документы, согласно которым, в 1818 г. на имя жены Грибовского была оформлена сделка по покупке имения у неких Лазаревых. Грибовская уплатила более 200 тыс. р. за малороссийское имение и тут же оформила дарственную на Лазаревых. Эти люди в прежние времена были соседями Грибовских в Москве, и, зная все прочие обстоятельства, не трудно понять логику действий всех участников столь странного гешефта: Грибовские как бы заплатили деньги, но имения не приобрели — деньги исчезли, имущества не прибавилось. Все было совершенно законно, но те самые 200 тыс., которые могли бы пойти на выплату долгов по откупу или частным лицам, якобы перешли Лазаревым, а имения, купленного за эту сумму, у Грибовских не появилось, арестовывать и выставлять его на торги также не было возможности. В действительности же Грибовские с Лазаревыми обменялись рядом документов, а денежки Адриан Моисеевич припрятал. Неизвестно, одна это была сделка или несколько, но только не все согласились оставить это без внимания. Некая мадам Кирьякова, которая после смерти супруга занялась поправкой дел, оставшихся после него незавершенными, видимо, располагая информацией о фиктивных покупках, решила выжать из Грибовского денег как можно больше и как можно быстрее. Возникла многолетняя судебная

Ил. 2. Вид из Щурова
на Богоявленский
Старо-Голутвин монастырь.

тяжба, из-за которой часть имущества Грибовских была взята под арест. Спасаясь от преследования местных властей, Адриан Моисеевич предпочел переселиться из Зарайска в Коломну, под крыло к зятю, который к тому времени уже стал городничим. Да и его Щурово, хоть и числилось в Зарайском уезде, к Коломне было ближе: граница Рязанской и Московской губерний проходила прямо по берегу Оки, возле поместья, и до «рязанского» Зарайска с его уездной властью было тридцать верст, а до «московской» Коломны — чуть более пяти.

Многолетняя тяжба Адриана Грибовского и мадам Кирьковой увенчалось разбирательством в высших судебных инстанциях лишь в начале 1830-х гг. Для участия в деле на месте тесть Губерти надолго выехал в столицу и вернулся из Петербурга триумфатором, отстояв интересы семейства. Это последнее, что он успел сделать для близких. Не прошло и года после славной судебной «виктории», как судьба нанесла ему последний, сокрушивший его удар: в январе 1834 г. умерла его супруга Наталия Акимовна, с которой Адриан Моисеевич пережил множество испытаний и познал подлинное семейное счастье. Не перенеся горя, неутешный старик, которому уже было в ту пору полных 67 лет, умер всего несколько дней спустя после смерти жены, 28 января 1834 г. Его похоронили рядом с нею, на кладбище Богоявленского Старо-Голутвина монастыря, на который из-за реки смотрели окна их дома (ил. 2).

Со смертью Адриана Моисеевича Щурово отошло его наследникам, семейству Губерти. В газете «Московские губернские Ведомости» от 14 февраля 1834 г. (т. е. две недели спустя после смерти Адриана Моисеевича) появилось следующее объявление:

«Все данные в разные времена доверенности каким бы то ни было лицам родительницы моей, полковницы Наталии Акимовны Грибовской, Ивану Авдеевичу Будникову — дворовому человеку родительницы моей и человеку статской советницы Марии Григорьевны Ведищевой Терентию Исааковичу Орлову, равно как и данные от них кому бы то ни было передоверии, отныне вовсе уничтожаю и прошу считать оные недействительными. Коллежская советница Елена Адриановна Губерти».

* * *

К тому времени у Елены Адриановны и Василия Яковлевича родилось много детей: старший Василий — в 1817 г., Николай — в 1818 г., Дмитрий — в 1819 г., а в 1822 г. — Адриан. В 20-х гг. родились еще три дочери, но все они умерли во младенчестве. Мальчики же у Губерти родились крепкими. В 1832-ом у них появился еще Владимир, а в 1834-ом — близнецы Дмитрий и Аполлон.

Судьба избавила Элен Грибовскую от всех сложностей жизни в московском высшем обществе, взамен одарив любящим мужем, в жилах которого бурлила итальянская кровь, и прекрасными детьми. Но не зря же все-таки ее так старательно учили и готовили к светскому дебюту — все пригодилось ей, когда Елена Адриановна взялась достойно воспитывать своих сыновей. Она была настойчива в своем устремлении, а так как семейство все еще располагало значительными средствами, для мальчиков приглашались лучшие учителя и гувернеры — люди образованные и дело свое знавшие. Мадам Губерти строго контролировала работу учителей и воспитателей, а потому их совместные усилия не пропали даром.

К тому моменту, когда Губерти стали полновластными хозяевами Щурова, их старший сын Василий уже покинул отчий кров, вступив в военную службу по примеру отца и дядей. Спустя год пришел черед Николая отправиться вслед за ним в столицу. С малых лет этот молодой человек подавал большие надежды: рано выучился и полюбил читать, ему легко давались языки, он был прилежен и усерден. Благодаря регулярным занятиям под руководством учителей и присмотром маменьки, Николенька приобрел познания, далеко превосходившие курсы современных ему гимназий, а кроме того, буквально по семейной традиции, очень хорошо знал французский и немецкий языки, что значительно расширило его возможности самообразования. Немало ему дала дедушкина библиотека: каждое лето семья Губерти перебиралась в Щурово, где, кроме различных удовольствий сельской жизни, Николая увлекало собрание книг Адриана Моисеевича, включавшее в себя все выдающиеся произведения русской, французской и немецкой литературы конца XVIII — начала XIX вв. Постепенно у маль-

чика, а потом и юноши стала собираться и своя собственная библиотека — близким никогда не нужно было ломать голову над тем, что подарить Коле: книги всегда были для него самым ценным подношением. Он получал их ко дню рождения, к именинам, на другие праздники. Эту любовь к книгам он сохранил на всю жизнь.

Но прежде того нужно было как-то определиться с аттестацией, и на другой год после смерти Адриана Грибовского, когда Николаю исполнилось 17 лет, отец повез его в Петербург, где молодому человеку предстояло держать экзамен перед артиллерийским отделением военно-ученого комитета. С этой задачей младший Губерти блестяще справился, так что после экзамена его произвели в юнкеры и направили служить в гвардейскую артиллерию. По прошествии двух лет, в 1837 г., Николай Губерти, получив чин прапорщика, был переведен в гренадерский полк короля Фридриха-Вильгельма Карла Прусского. В том же году он потерял своего старшего брата: Василий Губерти скончался 11 сентября, не дожив полутора месяцев до своего двадцатилетия. Что послужило причиной смерти, сейчас не ясно, и вообще об этом молодом человеке известно до крайности мало. Собственно лишь в книге «Петербургский некрополь» (Т. 1. С. 698) имеется запись: «Губерти Василий Васильевич, сын коллежского советника и кавалера Василия Яковлевича Губерти. Родился 26-го ноября 1817-го г. — умер 11-го сентября 1837-го г. Похоронен в Петербурге на Смоленском православном кладбище». Уж не роковая ли дуэль, которыми была столь богата та эпоха, оборвала жизнь девятнадцатилетнего субалтерна?

Но вернемся к Николаю Васильевичу, судьба которого была более счастлива. В военной службе он в одном и том же полку прослужил до 1844 г., но военная карьера его мало увлекала, а потому, как только появилась к тому возможность, он оставил воинскую службу, выйдя в отставку в звании штабс-капитана.

В этот период в жизни Николая Васильевича вообще произошло много изменений после того как 15 июня 1843 г. скончался Василий Яковлевич Губерти, более 22 лет занимавший пост коломенского городничего. По свидетельству Дмитрия Васильевича Губерти, смерть настигла Василия Яковлевича почти скоропостижно. Врачи объяснили родственникам, что внезапно открылась старая рана, полученная в сражении, столько лет не дававшая о себе знать. Его похоронили в Старо-Голутвине монастыре, рядом с могилами дочерей: Ольги, Натальи и Марии, умерших в 1820-х гг. малолетними. Став старшим мужчиной в семье, Николай Васильевич обрел полную возможность распоряжаться своей судьбой по собственному усмотрению. Никакой новой службы он уже не искал. Состояние позволяло ему заниматься любимым делом, и он весь предался коллекционированию. Хоро-

шо разбираясь в искусстве, Николай Васильевич приобретал гравюры, портреты, собирал народные лубочные картины. Его интересовала и нумизматика, а именно старинные русские монеты удельных и великих князей, также царские. Он собирал разные редкие книги, и этим занятиям он посвящал всего себя, впрочем, не доходя до полного фанатизма и отшельничества, в которые порой впадают иные антиквары. В 1848 г. Николай Васильевич женился на Анне Михайловне Павловской, бывшей много моложе его: Николаю Васильевичу было уже 30 лет, Анна же только что вышла из московского Екатерининского института. Однако такая разница в годах ничуть не помешала их семейному счастью. У них родились: в 1849 г. — дочь Елена, в 1851 г. — сын Николай, в 1861 г. — Владимир. Было еще трое детей: две девочки и мальчик — но они умерли во младенчестве.

Изменения в личной жизни мало повлияли на пристрастия Николая Васильевича, и супруга не пыталась мешать ему в его увлечении. Постепенно коллекции Губерти увеличивались — середина XIX в. была буквально «золотым временем» для русских коллекционеров. Заканчивался век крепостничества. Многие имения, знававшие роскошь и богатство в предыдущие века, оказались заложены-перезаложены. Привыкшие не думать о будущем, отпрыски богатых семейств смолоду опутывали себя долговыми обязательствами, рассчитывая получить наследства и приданое. Кредиторы порой по двадцать лет соглашались ждать, начисляя проценты на проценты, чтобы получить свое с господ, одолжившихся юношами, тогда, когда они подобрались к своему сорокалетию. Но в 1840 — 1850-х гг. вдруг все разом кончилось — наследства этого поколения оказались недостаточными для того, чтобы рассчитаться с кредиторами. Начались аукционные распродажи, заклады ценностей и другого имущества. По рукам пошли старые библиотеки, коллекции, собрания картин, бронза да мрамор. В руки полуграмотных перекупщиков попадали замечательные редкости, которым они не знали цены. Многие из таких предметов оказывались на Сухаревке (ил. 4) — московском рынке возле Сухаревой башни, возникшем с разрешения московских властей после 1812 г. для обмена, отыскания, скупки вещей, уцелевших во время пожаров, вынесенных из множества московских домов, утративших своих прежних хозяев. То было первое «золотое время» русских антикваров.

Николай Васильевич Губерти регулярно патрулировал московские лавки и рынки, где велся торг редкостями, посещал аукционы и распродажи имуществ. Иногда ему везло. Так, в руки Николая Васильевича попал «Карманный календарь государя и великого князя Павла Петровича за 1761-й год» отпечатанный в единственном экзем-

Ил. 3. Николай Васильевич Губерти.

Ил. 4. Сухаревка — в XIX в. рынок в Москве, где продавались антикварные редкости.

пляре. Этот «антик» обошелся Губерти в смешную сумму: он приобрел календарь у сухаревского торговца, дав ему два рубля. Также у него сложились деловые отношения с крупными московскими букинистами и антикварами Силиным и Шибановым. Постепенно о коллекциях Губерти заговорили в Москве, а потом и в столице. Его собрание привлекало внимание таких знатоков, как граф Уваров и граф Строганов, которые обменивались с ним, осматривали экземпляры, оценивали их, интересуясь мнением Николая Васильевича в аналогичных случаях, когда дело касалось их собственных коллекций.

* * *

Тем временем жизнь в Щурове текла своим чередом, и из всех событий, достойных упоминания, можно отметить разве что беспорядки, произошедшие как раз на берегу Оки возле села. Вспыхнули они во время войны, которую в русской традиции принято называть «Крымской кампанией», из-за пущенного кем-то слуха о том, что каждому крепостному крестьянину, добровольцем вступившему в армию, по окончании войны будет дана вольная. Слух этот пошел после того, как в 1854 г. русское правительство распространило указ о создании ополчения, а остальное дополнила народная фантазия. Повинуясь волшебному очарованию смутных слухов, тысячи крестьян, бросив все дела, отправились в Москву, чтобы записаться в ополчение, а так как их туда никто не звал, это движение приказано было остановить и повернуть назад.

По Рязанскому шоссе на Коломну и далее к Москве направлялась масса людей, покинувших родные места в Тамбовской и Рязанской губерниях. Как раз возле Щурова, у переправы через Оку, на рязанском берегу их попробовал остановить зарайский капитан-исправник: исполняя приказ, он и становой пристав попытались объяснить стремившимся в Москву крестьянам, что никакой воли им дано не будет и ополчение

формируется совсем не так. Но их не стали слушать, заподозрив, что исправника и пристава подослали господ, которые «специально так подстраивают, чтобы, значить, на волю не пускать мужика». Озлобившиеся мужички решили пробиваться силой и, поколотив зарайских полицейских чиновников, направились на противоположный коломенский берег. Там их встретили казацки разьезды, но они были не многочисленны, и потому желавшие стать добровольцами решились напасть и на них. На обоих берегах реки развернулись ожесточенные схватки, в которых верх, пусть и не без труда, но взяли власти, рассеявшие поход крестьян, стремившихся завоевать себе вольную жизнь с оружием в руках.

В 1866 г. братья Губерти похоронили свою мать, Елену Адриановну, и остались полновластными хозяевами шуровского дома, выстроенного их дедом, и того, что осталось им от земельных владений после реформ Александра Второго, закончившего с крепостным правом. Судя по всему, Николай Васильевич уступил младшему брату Дмитрию, так и жившему в Шурове, всю семейную недвижимость, сам же предпочел получить свою долю капиталом. Эти ли события так повлияли на него, или все вышло своим чередом, но именно в конце 1860-х интерес к книгам стал превалировать над всеми остальными его увлечениями, и наконец библиофил переселился в Николае Васильевиче нумизмата и ценителя художественного искусства. Продав свое собрание гравюр и лубков, а также великолепную нумизматическую коллекцию, Губерти стал собирать только книги. На свое собрание он не жалел денег, а так как удачи, подобные той, что случилась при покупке карманного календаря великого князя, были все же редкостью, то ему приходилось дорого платить. Особенно недешево обходились инкунабулы и манускрипты – старопечатные и рукописные книги.

В своем увлечении Николай Васильевич был привередлив и педантичен. Он никогда не покупал «дефектные экземпляры», лишь в исключительных случаях «снисходил» до книг, у которых были обрезаны края, перепачканных или находящихся «в плохом состоянии». С книгами он обращался бережно, словно с хрупкими предметами. Его сын, Н.Н. Губерти, в своих воспоминаниях об отце пишет, что на этой почве Николай Васильевич стал настоящим мучеником собственной мнительности и аккуратности. Он никогда не набивал полки так, чтобы книги были тесно прижаты обложка к обложке; те книги, которые предназначались для хранения в сундуках и комодах, непременно заворачивались в упаковочную бумагу, каждая книга отдельно. Если же приходилось переезжать на другую квартиру, то завертыванию в бумагу подвергались все без исключения книги. Переезжать же приходилось не раз, ибо занятия Николая Васильевича требо-

вали больших расходов, а после получения доли наследства и выручки от продажи коллекций никаких других финансовых поступлений не было, и приходилось теперь «укладываться в бюджет».

Но о поправке материального положения увлеченный своим делом Губерти и не помышлял. Он был занят обдумыванием большого библиографического сочинения, которое должно было включить в себя обзор и описание всех русских книг, выходявших в XVIII столетии. Работе над этим сочинением ежедневно посвящалось несколько часов. Особенно хорошо ему работалось в летнее время, когда рано светало, и он, встав часов около пяти, уединившись в полной тишине своего кабинета, писал, стоя за конторкой. Черновик на отдельных листках он правил, иногда переписывая целые страницы, а потом своим мелким, но четким почерком писал набело — уже без правок и помарок.

К 1878 г. Губерти управился с первым выпуском книги «Материалы для библиографии. Хронологическое обозрение редких и замечательных русских книг XVIII столетия, напечатанных в России гражданским шрифтом 1725 — 1800 гг.», в который вошли описания 200 книг. Вскоре был подготовлен второй выпуск с описанием еще 250 томов разных книг. В этом деле очень помог секретарь «Общества истории и древностей российских при Московском университете» Н.А. Попов. Издаваемый «Обществом...» журнал «Чтения Общества истории и древностей российских» с 1878 по 1881 г. публиковал работы Николая Васильевича, а по окончании публикаций, в 1881 г., оба выпуска «Обозрения» специально для автора были отпечатаны отдельно в количестве 600 экземпляров.

Отзывы о работе Губерти были самыми лестными, и он, ободренный этим успехом, принялся за третий выпуск и к 1885 г. подготовил рукопись к публикации в «Чтениях Общества...». Но у нового секретаря «Общества...» Борисова было свое мнение насчет работ Губерти. Он вполне понимал, сколь они ценны и хороши сами по себе, но все же полагал, что данная работа не соответствует заявленной программе журнала «Чтения Общества...». После этого отказа Николай Васильевич долго не решался опубликовать уже готовую третью часть «Обозрения», но, тем не менее, отправил рукопись в Петербург, адресовав ее в Академию наук, где работа произвела настоящий фурор: 26 сентября 1889 г. Академия присудила автору премию имени графа Уварова. Путь к этому успеху занял целых 15 лет — именно столько нужно было времени, чтобы справиться с переездами с квартиры на квартиру, разобраться с огромной перепиской без секретарей и писцов.

Как это часто бывает, к тому моменту, когда пришел успех и признание, здоровье соискателя было подорвано, а финансы

семьи находились в плачевном состоянии. Вдобавок ко всему в 1891 г., вскоре после того, как в трех томах вышли его «Материалы для библиографии. Хронологическое обозрение редких и замечательных русских книг XVIII столетия, напечатанных в России гражданским шрифтом 1725 – 1800 гг.», судьба нанесла автору страшной силы удар. В том же году, когда вышел в свет главный труд его жизни, умерла супруга Николая Васильевича, Анна Михайловна, с которой он прожил 41 год. Убитый горем, Губерти как-то очень быстро состарился, ослабел, его стали подводить ноги, и он почти перестал выходить из дому.

Несмотря на физические немощи, рассудок ученого не пострадал, и, несколько оправившись после смерти супруги, Николай Васильевич принялся за новый труд, затеяв большую статью: «Будущее библиографии как самостоятельной науки и ее теория». Но работа шла медленно – силы были уже не те.

* * *

Недаром говорят: «Пришла беда – отвори ворота». В последние годы жизни денег в семье не хватало, и, чтобы хоть как-то обеспечить существование, Губерти пришлось расстаться со своей любимой библиотекой. Это драгоценное собрание он продал московскому купцу Н.И. Носову, оставив себе только несколько книг. Впрочем, многолетние привычки сказывались, и его дети иногда покупали те или иные издания по его просьбе. Так незаметно собралась новая библиотечка – не чета прежней, но все же в ней было около 500 томов.

Полученных от Носова денег хватило ненадолго, и в 1895 г. по просьбе его дочери, Елены Николаевны Умновой, из фонда пособия нуждающимся литераторам и ученым Николаю Васильевичу была выделена пенсия – 480 р. на год. Он не успел ее даже потратить – 29 апреля 1896 г. он умер и был похоронен в Москве. Незадолго до смерти библиограф узнал, что в доме Носова, купившего его библиотеку, случился пожар и книги сгорели вместе с сундуками, в которые они были упакованы. Спасти удалось совсем немного, и среди этих вытасканных из огня экземпляров был тот самый раритетный календарь Павла Петровича, который когда-то Николай Васильевич приобрел за два рубля на Сухаревке.

В родном Щурове Николай Васильевич в последний раз побывал в 1892 г. Ему уже было 74 года, он плохо владел ногами, но все же, опираясь на костыли, сам обошел старый дом, по комнатам которого бегал мальчишкой, спустился в сад, прошелся по ближайшей округе. С братом своим, Дмитрием Васильевичем, они в тот приезд вспоминали дедушку с бабушкой, мать, отца, братьев. Александр начал служить флотским офицером, но вышел в отставку и поступил в кор-

пус жандармов, служил в Воронежской губернии и сделал неплохую карьеру. Адриан умер еще в 1864 г. После него осталась дочь, Елена Адриановна, которая вышла замуж за очень состоятельного человека, подполковника Дмитрия Дмитриевича Полубояринова. Другой брат, Владимир Губерти, умер в 1875 г., а Аполлон, близнец Дмитрия Васильевича, оказался «ни с чем пирожок» — про таких говорят: «Позор семейства». Служил он канцеляристом, сильно пил, потом сделался простым писарем, запутался в темных делишках и совершенно опустился, не брезгуя уже никакими способами заработка.

Вспоминали братья-старики, как жили прежде, про то, как брату Дмитрию-старшему, тезке одного из близнецов, когда он еще был юношей, врачи поставили неутешительный диагноз — эмфизема легких, и встал вопрос о поездке для лечения за границу. А вылечил его дальний родственник, врач Федор Иванович Иноземцев, живший в Москве. Доктор приходился кузеном их отцу, коломенскому городничему Василию Яковлевичу Губерти, матери которого, Анисьи Ильиничне, Федор Иванович Иноземцев доводился родным племянником. Так вот, кузен отца, будучи замечательным врачом-практиком, осмотрев Дмитрия Губерти, подтвердил диагноз и назначил «молочное лечение». Методы у Иноземцева были весьма неординарны, но они приносили успех, и доверившиеся ему, безоговорочно следуя его назначениям, часто успешно вылечивались. Так вышло и с Дмитрием: в течение шести недель он питался исключительно молоком, и совершенно исцелился от своего недуга, прожив потом долгую жизнь.

Хранителем семейного гнезда стал Дмитрий Васильевич-младший, один из близнецов, который так и жил в шуровской усадьбе, в старом помещичьем доме. Его попечению были доверены главные семейные реликвии: атласный жилет, с двумя следами от пули, пробившей грудь его отцу, майору Василию Губерти, в сражении при Бородине; огромная библиотека и семейный архив, в том числе дневники и записки Адриана Моисеевича Грибовского.

После Николая Васильевича также остались многочисленные рукописные материалы, и его сын, Н.Н. Губерти, занявшись их разбором, обнаружил заметки о коломенских древностях и даже кое-что из этого собрания опубликовал в журналах. «Русский Архив» в 1898 г. в 1-м томе, на 621-й странице, поместил своего рода поэтический шедевр: стихотворную надгробную надпись, относящуюся к XVIII в., которую Николай Губерти списал с памятника на коломенском городском кладбище, что возле церкви Петра и Павла на старой окраине, возле Рязанской заставы. Надпись была так стара, что часть букв стерлась и заросла мхом, но все же можно разобрать, что речь идет о гибели семейства соборного протопопа

Григория Иванова, вырезанного некими злодеями. Обойти вниманием эту жемчужину коломенской старины было бы неправильно, а потому представим себе, что мы, бродя по старому кладбищу, наткнулись на могильный камень с такой вот надписью:

«Под сим камнем... Успенского собора протоиерея Григория Иванова злыми людьми... с тремя... и з дочерью Ксениюю...

И надпись, вздохнув, плачевную прочти.
Се здесь девица спит и мать с тремя чады
До смерти варваром убиты без пощады.
Вся грудь, гортань, ... лаза и каждый тела член
Рукой злодейскою у них окровавлен.
Невинна в ранах кровь теперь еще дымитса
Злодея дерзкого наружу вывести тщитса.
Да преклонится ... каждого глава,
Внимая плачевные страдальцев сих слова.
Не чая крайних зол, спокойно мы сидели,
Вдруг варвары на нас, как тигры налетели.
Вонзили острый нож в гортань, в главу, во грудь...
Творец, врагу и нам судья в сем споре будь!
И се вещает мать детей и дней лишена
... я за грехи достойно умервщленна,
Но юные мои невинные птенцы,
Каких презренных дел явились вы творцы?
... ого обидели, кому чем нагрубили,
Не тем ли, ... меня с горячностью любили?
За что дерзнул злодей на них свой меч поднять?
... их кровь невинну проливать?
О Боже всех щедрот и всякие ограды!
Се зришь несчастну мать и с нею ея чады.
Для их невинности мои грехи прости,
Убийце злобному за нашу смерть отмсти.
А вы, что оную плачевну надпись зрите,
Творца небесного усердно помолите,
Чтоб мать несчастную и нежных чад ... я,
Причастных сотворил святыни Своея!
Лежит здесь Ксения и с Григорием и Саввой,
Несчастнейшая мать, несчастнейших детей,
Убита ... жалостно от рук лихих людей.
Еще с ней купно спит совсем лишена вида
Трех на десять лет, девица Степанида.

В конце 1890 г. стараниями правнуков Грибовского, Николая Николаевича и Владимира Николаевича Губерти, были изданы записки старого вельможи: «Воспоминания и дневники А.М. Грибовского». Готовя к публикации днев-

Ил. 5. Эмиль Александрович Липгарт.

Ил. 6. Эмиль Федорович Рингель.

ники Адриана Моисеевича, потомки подредактировали их, в чем и признались в предисловии, сообщив, что опустили некоторые хозяйственные записи и малозначительные описания. Некоторые историки считают, что этим они могли сильно повредить тексту. Неизвестно, что именно им показалось малозначительным, когда теперь каждое слово этих дневников на вес золота. Но сделанного уже не исправишь — счастье, что и это сохранилось.

К сожалению, могилы Грибовских и в Щурове, и в Старо-Голутвином монастыре не уцелели: в 30-х гг. уже XX в., после упразднения монастыря, все захоронения в нем — на кладбище и вокруг храмов — были уничтожены. Не ясно, где была похоронена Елена Адриановна. В книге «Провинциальный некрополь» указана могила мужа и дочерей в монастыре. По обычаю, ее должны были положить рядом с ними, но нет, этого не отмечено. Возможно, что ее похоронили на старом сельском кладбище, но могила тоже не сохранилась.

Трагически сложилась судьба Елены Адриановны Полубояриновой, названной в честь своей бабушки, не состоявшей московской светской львицы Элен Грибовской. Личность мадам Полубояриновой была весьма примечательна: вдова подполковника, домовладелица, хозяйка книжного склада и издательства, дворянка, бравшая купеческое свидетельство 1-й гильдии; она активно занималась издательским бизнесом и политикой, придерживаясь крайне правых убеждений. Полубояринова стояла у истоков создания знаменитого «Союза русского народа», который в советской традиции называют черносотенной организацией, финансировала издание газеты «Русское знамя» и одно время была ее редактором. После революции ее арестовали, и в 1919 г., в день Сретения Господня, Елену Адриановну вместе с другими руководителями «Союза русского народа» расстреляли чекисты.

* * *

Со своим старым семейным гнездом господ Губерти расстались, продав барскую усадьбу господам нового времени, происходившим из самого исконного русского купечества. К исходу XIX в. от былых земельных владений хозяев усадьбы уже ничего не осталось — 400 десятин откупили в начале 70-х гг. хозяева фирмы «Э. Липгарт и К^о» — Эмиль и Эдуард Липгарты и Эмиль Рингель (ил. 5, 6), которые построили возле Щурова цементный завод. Сырье для завода добывали на выкупленных участках, где заложили большие глиняные и песчаные карьеры, открыв каменоломни, в которых добывался известняк. По сто десятин земли выкупили местные зажиточные крестьянские семьи Бабушкиных и Савиновых, остальное ушло за долги, на погашение процентов по закладным

и на прочие расходы. В 1907 г., совсем как в чеховской пьесе «Вишневый сад», пришел черед и самой усадьбы, которую у помещика Дмитрия Васильевича Губерти приобрел Иван Давыдович Морозов (ил. 7), выходец из знаменитого клана русских текстильных королей. Незадолго перед тем Иван Давыдович женился на Ксении Александровне Найденовой (ил. 8). Ее семье в Коломенском уезде принадлежало имение Северское, близ станции Пески, и молодые решили обосноваться самостоятельно, но и недалеко от родни.

Брачный союз новых хозяев поместья состоялся не без приключений, хотя, на первый взгляд, ничто не могло помешать их счастью. Родители Ксении Александровны были очень богаты: отец происходил из почтенной купеческой семьи, а ее мать, Александра Герасимовна, и вовсе была наследницей части капиталов и имуществ семьи текстильных фабрикантов Хлудовых, от которых ей достались дома, земли, фабрики, капиталы на десятки миллионов рублей. Жених тоже был далеко не из бедных. Иван Давыдович Морозов вместе с братом Николаем владел знаменитыми Богородско-Глуховскими мануфактурами (нынче Ногинск), имевшими более 22 млн. р. оборота в год. В добавлении к большому состоянию и надежному делу, которыми он владел, Иван Давыдович получил великолепное образование, был очень недурен собой. И все же родители Ксении Александровны были против его женитьбы на их дочери. Во-первых, Иван был младше Ксении, а во-вторых, он принадлежал к старообрядцам — его семья относилась к течению, признававшему главенство белокрыницкой старообрядческой иерархии. Делами старой семейной фирмы в Москве и на бирже управляли братья Николай и Иван, а «мозговым центром» дела был их родной дядя, Арсений Иванович, живший при фабрике в Богородске.

Этот самый дядюшка Арсений был весьма почитаем в московском старообрядческом сообществе, центром которого являлось Рогожское кладбище. Там были сосредоточены главные храмы московских старообрядцев, их богадельни, школы и прочие учреждения, где решались многие дела, вовсе и не связанные с верой. Так как многие русские купцы относились именно к старообрядцам, на Рогожском кладбище сложился своеобразный «предпринимательский пул», готовый всегда поддержать «своих». Деньги и разветвленные связи «рогожского пула» оказывали огромное влияние на русскую экономику и политику, а слово почтеннейшего Арсения Ивановича Морозова у «рогожских» стоило дорого. Отец девушки опасался, что под давлением старика Ксению заставят «перейти» из православия в старообрядчество, затянут в тот мир, о котором посторонние знали немного и недостоверно, но относились к нему с опаской и предубеждением.

Ил. 7. Иван Давыдович Морозов.

Ил. 8. Ксения Александровна Найденова.

Надо сказать, и родня Морозовых также была далеко не в восторге от того, что Иван затеял сватовство к девице из «никонианской семьи». О том, какие страсти кипели в обоих домах, после того как Иван Давыдович попросил руки Ксении Найденовой, можно видеть из записей в дневнике ее младшей сестры, Татьяны:

«17.02.1906. Иван Давыдович Морозов сделал Ксении предложение через Елену Владимировну. Говорят, он очень симпатичный, вот только моложе Ксении... Из-за этого все будут против, и потом он еще старовер.

23.02.06. Ксения сегодня опять поехала к Морозовым знакомиться с какой-то тетушкой. Все родственники у них против. Папа (А. Найденов) тоже против. Все как-то не ладится. Ксения сходит с ума. Там у них (у Морозовых) всякие мамушки, бабушки, тетушки, которым она должна понравиться.

26.02.06. Ксения плачет – папа все против. Он хочет, чтобы венчались в двух церквах, а это, кажется, невозможно. Думали-думали, решили поехать к Коле Ремизову – он двоюродный брат и юрист. Коля утешил Ксению, обещал толком все узнать, а потом переговорить с папой.

27.02.06. Сейчас говорила с Колей – он был у митрополита и выяснил, что второе венчание возможно.

1.03.06. Папа опять скандалит. Главное – непонятно, чего он хочет. Ксения опять плачет. Я так устала.

4.03.06. Вчера Иван Давыдович просил руки Ксении у отца. Говорил, что с венчанием они как-нибудь все устроят, так что и «волки сыты и овцы целы». Ведь молодым-то безразлично».

Действительно, молодые люди смотрели на все проще – они были людьми нового времени, и то, чего так опасались родители Ксении, больше походило на «излишнюю предосторожность», а вернее того, на предубежденность. Принадлежность к старообрядческой общине в Иване Давыдовиче, на удивление, гармонично сочеталась с лоском завязтого «англомана», навсегда представшего к нему в то время, когда он вместе с братом, окончив в России коммерческое училище, совершенствовал свои знания за границей. Изучая химию, необходимую для постановки дела с текстильными красителями, они слушали лекции и занимались в лабораториях Кембриджского университета. Шлифуя практикой теоретические познания, отпрыски клана потомственных миллионеров работали по найму на текстильных фабриках в Манчестере. Николай Давыдович так и вовсе вступил в английский «тред-юнион» текстильщиков и даже пробовал себя как журналист профсоюзной прессы, публикуя в английских газетах статьи на экономические темы и «по рабочему вопросу».

Приобретенные в Англии познания брата вполне реализовали на практике, вернувшись в Россию: принадлежавшая им Богородско-Глуховская мануфактура была оборудована по

последнему слову техники, и работа в ней строилась по лучшим образцам европейской промышленности. Вместе со знаниями и навыками брата привезли на родину неистребимую любовь к Англии и английскому духу, а потому «старовер новейшей формации» Иван Морозов одевался исключительно по английской моде, коротко стригся, волосы зачесывал с боковым пробором, курил трубку или сигары и обожал спорт. В вопросах веры он был вполне толерантен, а потому, чтобы в конце концов, уладить все проблемы с новой родней, легко согласился на компромисс, и по договоренности со священством обеих церквей молодые люди венчались дважды: в православном и старообрядческом храмах. Вскоре после этого они приобрели и Щурово, которое намеревались превратить в элегантную загородную резиденцию.

* * *

От старых хозяев Морозовым остался трехэтажный барский дом, выстроенный Грибовским еще в 1805 г., из окон которого открывался вид на Старо-Голутвин монастырь, расположенный на той стороне Оки. Новые владельцы это почтенное строение стали называть «Белый флигель», а сами задумали выстроить совсем новый дом, гораздо больший по размеру. На обустройство загородного поместья были пущены в ход деньги, которые Ксения Александровна получила в качестве приданого, а супруг, вечно занятый делами фирмы в Москве, не мог уделять много внимания строительству в поместье. Таким образом, молодой хозяйке был выдан своеобразный «карт-бланш» на действия, и новая усадьба во многом устраивалась по ее личному вкусу.

Проект качественной перестройки старой русской усадьбы для Морозовых создал архитектор И.В. Желтовский, а все работы производились под непосредственным руководством поселившегося в Щурове архитектора Мухина, строившего огромный дом в стиле городского итальянского дворца в виде буквы «П». Это строение получило название «Новый дом». В старинном парке поместья проложили новые аллеи, вокруг дома соорудили оранжереи, разбили клумбы, крокетные площадки, устроили кегельбан. Как всякий «порядочный англичанин», Морозов был неравнодушен к скаковому спорту и завел в имении собственный конный завод, с сеновалами, конюшнями, в которых содержались три десятка прекрасных лошадей; каретными сараями, заставленными различными колясками, шарабанами, каретами; здесь на стенах в идеальном порядке развешены были седла, упряжь и все остальное, необходимое для запряжек.

Летом в гости к Морозовым съезжалось много народу, а так как и имение Найденовых было недалеко, то компании общих знакомых мигрировали между станциями Рязанской железной дороги: Щурово и Пески — разъезжаясь и съезжаясь

в разных вариантах весь сезон. Также связь поддерживалась по телефону: из Щурова можно было позвонить хоть в Москву, и у Найденовых в Северском был собственный телефон.

Принимая гостей, Иван Давыдович и Ксения Александровна умели устраивать праздники: играли в кегли, крокет, теннис, совершали верховые прогулки по окрестностям, катались на лодках по Оке, выезжали на пикники. Обязательны были отчаянные сражения за ломберным столом: Иван Давыдович был заядлым преферансистом. Когда в Щурове подбиралась соответствующая компания — его братец Николай, И.М. Любимов и П.А. Бурьшкин — непременно садились за карты, и, по свидетельству участника этих баталий, висты в тех играх были совсем не маленькие. Гости Морозова были люди тоже не из бедных: П.А. Бурьшкин — член комитета Московской товарной биржи, крупная фигура в деловом мире, И.М. Любимов — наследник огромных капиталов и всех предприятий старинной пермской купеческой фамилии. В Щурово он заезжал «по давнему знакомству», будучи по делам в Коломне, собственно, даже и не в самой Коломне, а на Коломенском машиностроительном заводе, чтобы заказать для своего пароходства постройку первого в мире пассажирского теплохода, судна на дизельном ходу. В 1911 г. построенный на Коломенской москворецкой верфи пассажирский теплоход «Урал» был спущен на воду.

Новые владельцы Щурова были вполне счастливой супружеской парой. Дети у них рождались словно по заказу — каждые три года по мальчику: в 1907 г. — Давыд, в 1910 г. — Николай, в 1913 г. — Юра. Кроме того, Ксения Александровна взяла в дом на воспитание сироту, Володю Чуваева, которого растила вместе со своими сыновьями как родного. Мальчиков воспитывала гувернантка-француженка мадемуазель Леони, так привязавшаяся к семье, что в 1919 г. ее едва уговорили уехать на родину. Вместе с Морозовыми в Щурове постоянно жила сестра Ивана и Николая Давыдовичей, Ольга Давыдовна, по мужу Цесарская. Она так же, как и братья, была твердой старовойска, но, в отличие от них, записных «англоманов», Ольга являлась завзятой «франкофилкой», и это ее увлечение было предметом постоянного добродушного подшучивания в кругу близких (ил. 9).

Там же, в Щурове, решилась судьба и Татьяны Найденовой, в дневник которой мы заглянули. Именно в Щурове в конце августа 1911 г. ее руки попросил красавец, охотник, коммерсант и художник-любитель Борис Новиков. После смерти отца ему выпало управление семейным делом, которым он занимался под одной фирмой с родными братьями, а личными увлечениями его были музыка и охота. В 1909 г. Борис вступил в «Императорское общество охоты», славившееся своим

Ил. 9. Семья Морозовых.

демократизмом: в нем на равных правах существовали и почтенный князь Юсупов, и молодые люди из разных сословий. Тогда же состоялось знакомство Бориса Новикова с двумя уже известными молодыми егерями, Петром и Дмитрием Старостинными, фамилии которых еще только предстояло прогреметь на футбольных полях под знаменами московского «Спартака». Несмотря на свою молодость, Борис зарекомендовал себя отменным организатором, а потому члены общества выбрали его руководителем зимними охотами. Удачно сочетая занятия коммерцией и увлечения, Борис приобрел чрезвычайно обширное знакомство. Судьба свела его с Георгием Найденовым, который летом 1911 г. пригласил Бориса погостить в имение родителей. Вместе они приехали в Северское, где, представленный всем близким, молодой человек решительно всех очаровал, но и сам попал под чары обаяния сестры своего друга, Татьяны Александровны. Их роман развивался в точности по классическим канонам: в богатом имении, на лоне природы, где всегда столько возможностей и мест для уединения. Взаимное влечение было очевидным, но решительное объяснение состоялось в старом парке имения Морозовых, когда Татьяна и Борис с большой компанией перебрались из найденовского Северского в Шурово, чтобы погостить у родственников. Объяснившись со своей избранницей и получив ее согласие стать его супругой, Борис на следующий день отправился в Северское для переговоров с родителями невесты. Вскоре после этого в дневнике Татьяны появилась копия письма ее матушки, Александры Герасимовны:

«26.08.11. «Дорогая моя дочка! Вчера у нас был Борис Михайлович — он обворожительно хорош. Пили чай в саду, много говорили, играли с ним в кабалу. И вдруг он говорит: «Я прошу у вас руки Тани». Я очень обрадовалась и поцеловала его»».

Ил. 10. Морозовы
у Найденовых.

* * *

Наверное, обитателям Щурова казалось, что впереди их ждут долгие годы счастливой жизни, наполненной радостными трудами и веселыми хлопотами, но оказалось, что счастья-то этому поколению потомственных миллионеров отпущено было совсем немного. В 1914 г. грянула война, на которую ушли несколько мужчин семьи, в том числе муж Тани Новиковой-Найденовой, Борис Михайлович. И хотя он пришел с фронта живой и невредимый, возврата к прежнему уже не было. За время войны Морозовы стали видными деятелями в военно-промышленных комитетах. Их фабрики, работавшие на казенные заказы, давали огромные прибыли, но все это пошло прахом уже в конце 1917 г., когда большевики конфисковали фабрики и национализировали частные вклады в банках. Старший брат Ивана Давыдовича Морозова, Николай, решив, что с новой властью каши не сварить, отправился в эмиграцию, не дожидаясь исхода Гражданской войны. Он выехал в США, куда еще до войны уехала сестра, «франкофилка» Ольга Давыдовна Цесарская. В Новом Свете старший брат Ивана Давыдовича поменял свои фамилию и имя на местный лад, став Ником Фростом. Он успешно занимался бизнесом, вполне обжился за океаном, где и умер в 1931 г.

Оставшиеся в России родственники попытались как-то приспособиться к сложившимся условиям, хотя это было чрезвычайно непросто. Зимой 1918 – 1919 гг. люди в Москве не жили, а выживали: за хлебом ездили в Ташкент, в квартирах топили самодельные печки, пуская на дрова заборы и стены сараев. В городах свирепствовали голод, эпидемии, бандиты, ЧК – и что из всего этого было страшнее, сказать трудно. Единствен-

ным спасением от этого кошмара было имение, которое энергичная Ксения Александровна и предприимчивый Иван Давыдович сумели сохранить в своей собственности весьма изящным приемом: супруги Морозовы подали в щуровский сельский совет прошение об организации в их имении коммуны! Главным козырем в этой игре было обещание открыть в их доме настоящую среднюю школу. Под нее выделили тот самый «Белый флигель» — старый дом, доставшийся им еще от Грибовских-Губерти. Кроме того, организаторы коммуны брались пригласить учителей, труд которых оплачивался бы за их счет. Генератором этой идеи и главным распорядителем дел в коммуне стала Ксения Александровна, которая под видом учителей собрала в Щурове родню и знакомых, чтобы близкие люди в их доме могли бы, как в сказке, «жить-поживать, среди революционного бедлама выживать».

До спасительного имения Новиковы из Москвы добились с приключениями. Поезда не ходили, поэтому в путь отправились на пароходе по Москве-реке. Ехали все: Борис Михайлович, Татьяна Александровна, их трое детей, родившихся между 1911 и 1917 гг., старая няня Агриппина Михайловна, прежде служившая у Морозовых в Щурове, но ушедшая к сестре хозяйки, когда та родила своего первенца. Дорогой семью выгнали из каюты, которая потребовалась какому-то комиссару с его свитой, и Новиковым пришлось путешествовать на палубе. Но все это показалось пустяками, когда в Щурове на берег их вышли встречать все «коммунары»: Ксения Александровна со своими мальчиками, Анна Васильевна Киркова — обрусевшая финка, многолетняя домоправительница Морозовых, повар Гаврила, Федя и Вера Плятте, приехавшие в Щурово для работы в коммуне вместе с родителями. Впереди всех встречающих шел милейший Иван Давыдович Морозов — настоящий «эсквайр», в английском костюме для гольфа, с идеальным пробором на голове, попыхивающий английской трубкой, набитой хорошим табаком, запас которого вместе с сигарами у него сохранился еще «со старого времени». Когда первые восторги от встречи прошли, владелец имения и коммунар Иван Морозов вкратце обрисовал положение дел. Ему, миллионеру и обладателю кембриджского диплома по химическим технологиям, удалось пристроиться на работу в щуровский сельсовет, где он совмещал должности секретаря, счетовода, бухгалтера, а заодно являлся представителем коммуны. Местный совет тогда был альфой и омегой всей новой власти, и его решения были поважней постановлений Совнаркома — до того было далеко, связь с центром была плохая, а совет-то он был рядом, вместе с милицией, находившейся в его распоряжении. Никакой другой власти, обладающей реальной силой, в ближайшей округе не наблюдалось, а потому жизнь зависела от того, насколько

удавалось ладить с сельсоветчиками. В этом смысле Щурово было расположено чрезвычайно удачно для морозовской коммуны — до Зарайска было целых 30 верст, и у тамошней советской власти просто «не доходили руки» до коммунаров, «окопавшихся» в своем собственном имении. Чтобы не напоминать о себе лишний раз, в Зарайск не ездили вовсе, решая все дела через местный совет. А если возникала нужда в чем-то «городском», отправлялись в Коломну, которая административно принадлежала Московской губернии и имела свой совет, компетенция которого на Щурово не распространялась. Туда же, в Коломну, ездили на рынок для обмена — деньги тогда ничего не стоили, и торговали меной.

Хоть Иван Давыдович номинально числился «главным» и был «представителем коммуны», душой предприятия была все же Ксения Александровна, занимавшаяся хозяйством. Ее хлопотами был рационально использован каждый клочок земли: под огородные грядки заняли все прежние газоны, клумбы, площадки для спортивных игр. В домашней оранжерее, где в мирное время нежились редкие растения, стали выращивать помидоры. Две коровы, пара лошадей, птичник — все содержалось в образцовом порядке. Люди, сроду не занимавшиеся сельским хозяйством, вполне сносно освоили все навыки крестьянского труда, который оставили еще их прадеды. Коммунары успешно вели всякие засолки и иные заготовки, а потому, вопреки всему происходившему вокруг, от голода и тифа не умирали, ладили с властями. Так, трудом да молитвой отводили они от себя беду самых страшных первых три года революции, но в 1921 г. всему пришел конец — процветание «буржуйской коммуны» резало глаз и ранило сердце представителям «победившего класса». Да к тому же школа, из-за которой все и затевалось, сгорела из-за неосторожного обращения с печью одного из учителей. Осознав, что он натворил, этот несчастный покончил с собой, повесившись в сарае. Все эти неприятности стали причиной зацепок со стороны властей. С исчезновением школы для советской власти не стало резона терпеть прежних владельцев в их доме, и Морозовым просто велено было убираться прочь.

* * *

Они снова вернулись в Москву, где их прежние дома и квартиры были уже давно заняты; долго мыкались в поисках жилья, кое-как поселились в тесноте; стали искать работу, но бывшим владельцам текстильных фабрик в советской России места нигде не давали — ведь они были «классово чуждыми». Кое-как перебивались тем, что с помощью верных слуг сумела сохранить от конфискации мать Ксении Александровны. В былые времена Александра Герасимовна дважды в год ездила в Париж покупать наряды своим девочкам, начинавшим невеститься, и с собой обязательно брала кого-то из восьми своих детей.

По Парижу мадам Найденова ходила в роскошных нарядах, но в домашних туфлях — так ногам было легче. Во время этих вояжей, помимо закупок модных вещей, Александра Герасимовна посещала музеи, приобретала картины, но особой ее любовью был фарфор. В московском особняке Найденовых на Покровке в специальных стеклянных шкафах красовались сервизы заводов Попова, Гарднера, саксонских фирм. При выселении из особняка, в который въезжало посольство бухарского эмира, присланное ко двору большевистских вождей, верные слуги успели вынести часть коллекции, и в тяжелое время часть этих вещей, пущенных в обмен на хлеб и другие продукты, спасли семью от голодной смерти. Этой меной они продержались до 1922 г., когда была объявлена новая экономическая политика партии, более известная как НЭП.

Тогда в руководство Серпуховской мануфактуры стали приглашаться спецы из «бывших», все как один выходцы из семейных фирм, которые попытались наладить производство. Для реализации товара создали сеть сбыта, названную ими «Первое объединение». В дело вошли оставшиеся в Москве Хлудовы, Найденовы, Морозовы, Новиковы и другие. Торговля пошла бойко, в карманах снова появились деньги, и многим показалось, что «черная полоса» в их жизни прошла и теперь постепенно все приходит в норму.

Можно сказать, люди воспрянули духом! Летом 1922 г. Морозовы и Новиковы даже выехали на дачу — тогда москвичи только открыли прекрасное местечко, деревню Барвиху. Прежде туда не ездили из-за удаленности от станции, до которой было 7 км, но теперь это было даже хорошо — подальше от новой власти. В Барвиху потянулись те, кто лишился своих дач в Кратове, Малаховке или Мамонтовке, кого выселили из прежних имений. Летом 1922 г. на барвихинских дачах жили Есенин и Айседора Дункан, писатели Осоргин, Бердяев и другие знаменитости. Туда приезжала к знакомым юная Зоя Федорова, которой лишь шел 18-й год. Никто еще не мог предположить, что она станет советской кинозвездой, родит дочь от американского адмирала, много лет просидит в тюрьме и погибнет от рук неизвестных убийц. Летом 1922 г. Зоенька была всего лишь молоденькой красоткой, сводившей с ума все мужское население дач. В Барвихе было так хорошо, что даже Борис Михайлович Новиков, весьма скептически относившийся к оптимизму родни по поводу НЭПа, и тот стал верить в лучшее. Что же касается Ивана Давыдовича Морозова, так тот и вовсе не желал воспринимать советскую действительность всерьез и словно «в старое время» отпраздновал свой день рождения роскошным пиром в ресторане, пригласив на него более сотни гостей. Когда доброжелатели советовали ему быть поосторожнее и не дразнить власти вызывающим шиком,

Иван Давыдович «отказывался их понимать», говоря о наследственной «морозовской исключительности». За ним это замечалось. В разговорах он «по-английски» умел дать собеседнику почувствовать дистанцию, говоря с тоном превосходства, иногда бывал и резок, хотя уж кому-кому, а ему-то стоило быть осторожнее! Среди его старых знакомых было множество людей, от одного имени которых чекисты приходили в ярость. Чего только стоил бывший дружок, деловой партнер и традиционный соперник по игре в преферанс Павел Афанасьевич Бурьшкин. Во время войны он был членом центрального военно-промышленного комитета, потом министром финансов в правительстве Колчака. Перебравшись в США, а потом во Францию, мсье Бурьшкин стал председателем в нескольких эмигрантских организациях и ассоциациях, выступавших за свержение советской власти. До него самого добраться не могли, а вот до его знакомых в России – вполне, превратив бывшее знакомство в обвинение – «связь с антисоветским элементом».

Собственно, почти так оно все и вышло. Относительно благополучный период жизни большой семьи, в которой перемешались Морозовы, Найденовы и Новиковы, был недолог: в новогоднюю ночь с 31 декабря 1923 г. на 1 января 1924 г. за ними пришли. Одновременно под стражу взяли почти всех мужчин семейства, занятых делами «Первого объединения». Им инкриминировали набор вздорных обвинений, и, как полагают современные юристы, это было первое дело такого рода, словно разминка перед следующими «большими процессами». Были выдвинуты обвинения в шпионаже, антисоветской деятельности, взятках и участии в заговоре. По сути же дело заключалось совсем в другом. Часть родственников людей, арестованных по этому делу, оказалась в эмиграции, но тогда контакты с ними поддерживать еще не возбранялось, и «нэпманы» решили «расконсервировать связи», чтобы развивать совместный бизнес. Стоявший во главе серпуховского мануфактурного дела Виктор Иванович Чердынцев, инженер-технолог, бывший директор Богородско-Глуховской мануфактуры Морозовых, исплопотал у наркома внешней торговли Леонида Красина командировку в Лондон, где встретился с деловыми людьми, через которых нашел контакт с родственниками Морозовых и Хлудовых. Те согласились войти в советское дело, но захотели знать, в каком оно состоянии, а для начала выделили деньги, которыми оплачивалась работа на серпуховских фабриках. Во время следующей командировки Чердынцев привез зарубежным партнерам бизнес-план и аналитическую справку о состоянии фабрик с перечнем того, что нужно для их работы и модернизации. Для деловых людей это было вполне естественно: встретиться со старыми знакомыми, обсудить дела, заключить сделку, начать зарабатывать... но совсем по иному на подобные затеи

взирало ОГПУ, которое разглядело в этих связях с эмигрантами подготовку заговора и экономический шпионаж.

Следствие длилось недолго, и весной 1924 г. состоялся большой процесс, на котором в качестве обвинителя выступил председатель Верховного трибунала ВЦИК товарищ Крыленко. Он требовал всех обвиняемых расстрелять. Суд оказался более гуманен: хотя пятерых подсудимых приговорили к смертной казни, но остальным дали по десять лет, и после кассации приговора расстрелы заменили десятилетними сроками заключения, а имевшим по приговору «весь червонец» так и оставили прежний срок.

После суда пятерых осужденных по «текстильному» делу поместили в одну камеру Бутырской тюрьмы, где сидела более или менее порядочная публика из числа «бывших». Своим сокамерникам Иван Давыдович Морозов запомнился как «английский джентльмен с трубкой». Даже после ареста и суда, получив десятилетний срок, он остался все тем же «англоманом», разве что табачок курил не такой душистый, как прежде. Когда его товарищей и родственников отправили отбывать сроки по разным тюрьмам, сам Иван Давыдович задержался в «Бутырке» — его успели выбрать корпусным старостой. Это был последний выборный староста заключенных, позже их назначали коменданты. На этом посту Иван Давыдович оказался весьма деятелен и полезен. Он сумел наладить сносные отношения с корпусным начальством, смог договориться о создании «культпросвета»: заключенным разрешили самодеятельность, кружки и даже кино. Начальство уважало Ивана Давыдовича и считалось с его мнением, так что сидел он, особенно не бедствуя.

В тоже время на воле жёны и другие близкие родственники осужденных искали возможности заработков, чтобы просто выжить. Старая семейная няня Агриппина Михайловна шила на дому солдатское белье, Татьяна Александровна занималась изготовлением заготовок для шляп, расшивала шелковую ткань рисунками из эластичной соломки, но наибольших успехов достигла опять-таки Ксения Александровна Морозова. Она открыла частное пошивочное ателье. Ее предприимчивость и энергия помогли наладить дело так хорошо, что она не только прилично зарабатывала сама, но и давала возможность заработка родне.

На счастье осужденных потомков текстильных королей, середина 1920-х гг. была тем промежутком между двумя кровавыми эпохами, который иногда называют «вегетарианским периодом советской власти»: в 1926 г. — всего год спустя после требований расстрела — приговоренных к многолетнему заключению выпустили из тюрьмы, и Иван Давыдович Морозов оказался снова дома, с женой и детьми. Но не прошло и трех месяцев после этого радостного события, как супруга его, Ксения Александровна, внезапно умерла от инсульта. После этого семья

фактически распалась. Сильно горевавший Иван Давыдович все же решил, что жизнь продолжается, и спустя некоторое время женился вторично. Сыновья не приняли его новую жену, да и сам Иван Дмитриевич, уже умудренный опытом, обретенным в тюрьме, решив не мозолить глаза московским чекистам, уехал, забрался в самое сердце Средней Азии, осев в городе Фрунзе. Там он и прожил до самой смерти, настигшей его в 1940 г.

Чутье не подвело Ивана Давыдовича: двое из судившихся с ним в 1924 г. позже снова попали в «мясорубку» советского суда. В 1930 г. Чердынцева взяли по делу «Промпартии», а у Александра Найденова нашли его письмо – этого оказалось достаточно, чтобы расстрелять обоих.

* * *

Злая судьба настигла сыновей Ивана Давыдовича и Ксении Александровны, оставшихся в Москве. Отпустив отца и не имея возможности достать мать, власти вполне отыгрались на их детях. Учиться они не могли, т. к. их никуда не принимали «из-за социального происхождения». На работу отпрысков миллионеров брали неохотно – им все время приходилось выкручиваться. Арестовали троих братьев всех разом в марте 1933 г. по доносу Владимира Чуваева, того самого пролетарского сироты, которого когда-то приняла на воспитание в свой дом их покойная матушка, Ксения Александровна. История этого предательства для своего времени была довольно банальной: семейный Иуда поступил в военно-воздушную академию, и через некоторое время у него возникли проблемы: кадровики докопались, что он воспитывался в богатом доме фабрикантов Морозовых и чуть ли не был их родственником. Когда Чуваева притянули к ответу, тот божился всем святым для большевика, что он верный сын трудового народа, и тогда ему предложили не на словах, а на деле подтвердить лояльность по отношению к советской власти. В течение некоторого времени Вова Чуваев, ставший тайным агентом-provokatorом, навещая Давыда, Колю и Юру, все пытался с ними завести «серьезный разговор». Но молодые люди тогда больше думали о способах заработка, чем о политике, да играли в пинг-понг, ставший тогда очень популярным. Видя, что спровоцировать на что-нибудь этакое «антисоветское» у него не выходит, товарищ Чуваев, не придумав ничего лучшего, сочинил донос, в котором уверял, что братья Морозовы замышляли убийство немецкого посла – они жили неподалеку от посольства Германии. На основании такого вздора старшего из братьев, Давыда, сослали в Среднюю Азию, где он, не отличавшийся крепким здоровьем, умер уже через год. Двух других, Николая и Юрия, приговорили к трем годам заключения. Помотавшись по ГУЛАГу, они встретились за четыре месяца до освобождения в лагере на Соловках.

Освободившись в 1936 г., оба брата снова поселились в Москве: Николай работал на стройке, а Юрий служил в системе спортивного клуба «Спартак», куда его пристроили знаменитые братья Старостины. Когда-то их дядя, Борис Михайлович Новиков, состоял в императорском охотничьем обществе, членами которого были и молодые егеря Старостины, выросшие на лесном кордоне своего отца, также егеря. В критический момент эта старая связь пригодилась.

Только все начало было устраиваться, как в 1937 г. Николая взяли снова, на этот раз обвинив в «страшном преступлении»: якобы он умышленно папироской прожег портрет Сталина. На столе в прорабской той стройки, на которой он работал, лежала газета с портретом, и Николай, разговаривая с кем-то, промахнувшись мимо пепельницы, раздавил окурком прямо о фото «отца народов». Вестимо, кто-то из присутствующих немедленно сообщил «куда надо», и за Николаем Морозовым пришли. В этот раз, с ним особенно возиться не стали и по приговору судебной «тройки» НКВД расстреляли, сообщив родственникам, что он осужден «на десять лет без права переписки», так что не известно даже, где он похоронен.

Не тронули одного только Юрия Морозова — может, просто руки не дошли. В 1941 г. он пошел воевать, был тяжело ранен, но все же вернулся домой и до конца жизни проработал в спортивном обществе «Спартак». Юрий Иванович был женат, у него родился сын, а потом внук — последний отпрыск этой ветви Морозовых. Он и сейчас живет в Москве — Николай Николаевич Морозов, правнук Ивана Давыдовича и Ксении Александровны. Семейные гены сказались в нем в полной мере: Николай учится на экономическом факультете и занимается спортом. Словом, настоящий Морозов.

Старый дом, выстроенный Морозовыми в Щурове, цел до сих пор. Он столь огромен, что его видно даже из космоса. Но сейчас в этом доме почти невозможно узнать того самого «итальянского городского дворца», каким он задумывался. Старый парк вокруг пришел в ужасное запустение, ни конюшен, ни других построек не сохранилось. В доме теперь туберкулезная больница, место невеселое само по себе, да к тому же отвратительно содержащееся. Не зная истории этого поместья, трудно даже предположить, какая здесь когда-то кипела умная, веселая и полезная жизнь, какие люди отжили в нем свой век, чему они были свидетели. И только несколько исследователей, движимые одним только энтузиазмом, перебирают прах времен, роясь в старых бумагах, отыскивая в них жемчужины фактов, которые порой нанизываются на нить темы, складываясь в настоящие литературные колье, наподобие того, которое было предложено вашему вниманию.

М.К. Павлович

**К истории книги
Г.К. Вагнера и С.В. Чугунова
«По Оке от Коломны до Мурома» (М., 1980)**

Вероятно, многим знакома маленькая книжка в тонкой желтой обложке «По Оке от Коломны до Мурома», вышедшая в издательстве «Искусство» в 1980 г. Широко известен и один из ее авторов — ученый, философ и художник Георгий Карлович Вагнер, 100-летие со дня рождения которого исполнилось 19 октября 2008 г. Однако имя второго автора, Сергея Васильевича Чугунова (1924 — 2002), едва ли знает кто-нибудь, кроме исследователей Рязанского края. Вряд ли знакомо и имя архитектора Александры Николаевны Терновской, чьей памяти посвящена эта книга. Некоторое недоумение вызывает и тот факт, почему вдруг выдающийся историк, доктор искусствоведения, опубликовавший несколько серьезных монографий, взялся за написание научно-популярной книжки, да еще в соавторстве с неизвестным краеведом. На эти и ряд других вопросов мы попытаемся дать ответ, опираясь на неопубликованные документы из личных фондов Георгия Карловича Вагнера и Сергея Васильевича Чугунова в архиве Музеев Московского Кремля¹, переданных без каких-либо ограничений при их использовании.

Прежде всего скажем несколько слов о С.В. Чугунове. Сергей Васильевич — уроженец с. Пушино Рязанской области, участник Великой Отечественной войны, после Победы вернулся в родную Рязань и поступил в художественное училище, одним из преподавателей которого тогда был Георгий Карлович Вагнер. Позднее знакомство учителя и ученика переросло в дружбу, сочетавшуюся у Сергея Васильевича с огромным восхищением и даже обожанием по отношению к старшему товарищу — старшему и по возрасту, и по жизненному опыту, и, прежде всего, по способностям. Уже после возвращения из ссылки и переезда в Москву Георгий Карлович не прервал это знакомство, между ним и С.В. Чугуновым постоянно продолжалась переписка, они периодически встречались. Видя интерес Сергея Васильевича к российской истории и родному краю, Вагнер всячески поддерживал своего земляка в этих изысканиях

¹ ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 51 «Г.К. Вагнер» и ф. 52 «С.В. Чугунов». Фонд Г.К. Вагнера находится в процессе обработки, поэтому часть дел еще не имеет архивных шифров.

Г.К. Вагнер и С.В. Чугунов.
1970-е гг.

и способствовал его творческому росту. В результате тот поступил в Московский полиграфический институт, по окончании которого в 1965 г. и до выхода на пенсию работал дизайнером. Неоднократно в письмах Георгий Карлович просил прислать информацию об архитектурных памятниках Рязанского края, исследованием которого он и сам серьезно занимался, чему свидетельствует ряд публикаций². Сергей Васильевич с радостью делился имеющимися у него сведениями. Будучи художником и неплохим фотографом, он буквально пешком исходил все ближние и дальние населенные пункты Рязанщины, зарисовывал и отснял каждую церковь и каждый памятник.

В конце декабря 1970 г. Вагнер пишет Чугунову письмо, отрывок из которого позволим себе привести: «Помните, мы говорили о том, чтобы Вам написать работу о новых архитектурных открытиях в Рязани? ...В деловой строго-научной форме это сейчас трудно куда-либо поместить. Но вот в издательстве «Искусство» хотят видеть книжку на тему: «По Рязанской земле», в кот(орой) в простой живой форме шел бы рассказ о достопримечательностях и о красоте пейзажа. Объем — 4 печ. л., т. е. 100 страниц на машинке. Это пошло бы в серии небольших желтеньких книжек, которые вы, вероятно, видели в продаже... Если хотите взять меня в соавторы, то я не откажусь. Но Вы можете и один. Условия договора хорошие. Если не ошибаюсь, то 250 р. за лист, значит, за всю рукопись 1000 р. совр(еменными) деньгами. Пошевелите мозгами. Надо будет выработать интересный маршрут, по которому и строить изложение... Крепко жму лапу»³. Сергей Васильевич

² См., например: Вагнер Г.К. Старые художники и архитекторы Рязани. Рязань, 1960; Вагнер Г.К. Архитектурные фрагменты Старой Рязани // Архитектурное наследие. 1963. № 15.

³ ОРГПФ Музеев Московского Кремля. Ф. 51. Оп. «Письма». Д. 17. Л. 2.

с радостью позвал Вагнера в соавторы, в результате чего в 1974 г. была опубликована их первая совместная книга под названием «Рязанские достопамятности»⁴. О ходе работы над ней рассказывает оживленная переписка, представленная в нашем архиве в основном письмами Георгия Карловича⁵, по которым можно судить и о разделении ролей, и о возникающих сложностях и проблемах. Любопытно, что с момента совместного творчества Георгий Карлович непременно перед своим именем в послании к Чугунову добавлял «Ваш соавтор». Как нам представляется, маршрут путешествия был составлен Вагнером, но претерпел некоторую корректировку с учетом замечаний и предложений Чугунова. Георгий Карлович является и автором текста, именно поэтому повествование ведется в виде легкой, непринужденной беседы, где один интересный рассказ о памятниках плавно и естественно сменяет другой, а научно-популярное издание содержит тщательно проверенные сведения и снабжено солидной библиографией и даже ссылками на архивы. На его долю выпали и вычитка верстки, и улаживание всевозможных организационных и технических вопросов с издательством, в частности, проблем с задержкой выплаты гонорара. Сергеем Васильевичем были исполнены большинство фотографий, а также некоторые планы и рисунки к тексту, предоставлена детальнейшая информация по ряду памятников.

Первый успешный совместный опыт вдохновил на дальнейшее сотрудничество, и еще до выхода книги из печати Вагнер предлагает Чугунову подумать о следующей работе, посвященной его малой родине, Спасску и его окрестностям. Публикация, обещанная в первом квартале 1974 г., откладывается, и Георгий Карлович в письмах ободряет друга, советует подождать еще немного и «глядеть орлом», и вот наконец 19 июня он пишет: «Поздравляю с выходом «Рязанских достопамятностей». Ура!» — и вскоре направляет в Рязань первые авторские экземпляры. «Рязанские достопамятности» раскупались мгновенно, о чем свидетельствуют отрывки из писем ученого Сергею Васильевичу: «Часть тиража уже была в продаже, но я прозевал. Расхватили за один вечер»⁶; «надеюсь, Вы ходите по Рязани «гоголем»? Я многим подарил наши РД и от всех получаю приятные отзывы»⁷. Однако принятая читателями «на ура» книга сначала была обойдена молчанием в главном периодическом органе Рязани — «Приокской правде», а в 1975 г. вообще получила крайне негативную оценку Президиума Рязанского отделения Общества охраны памятников и Рязанского обкома компартии, причем был даже организован звонок из ЦК КПСС

⁴ Вагнер Г.К., Чугунов С.В. Рязанские достопамятности. М., 1974.

⁵ См., например: ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 51. Оп. «Письма». Д. 21.

⁶ См. там же, письмо Г.К. Вагнера С.В. Чугунову от 14.08.1974 г.

⁷ Там же. Письмо Г.К. Вагнера С.В. Чугунову от 8.09.1974 г.

в Государственный комитет по делам печати с тем, чтобы «разобрались» с «Рязанскими достопамятностями», обвиненными в «поэтизации дворянских гнезд». Очевидно, не привыкший к столкновениям с властью Сергей Васильевич приуныл, и Вагнер пишет ему: «Не падайте духом. Правда на нашей стороне», а сам всеми силами бросается на защиту совместной книги, пишет письма в различные инстанции, подписываясь всеми своими титулами — доктор искусствоведения, старший научный сотрудник АН СССР, член ВООПИК, член Ученых советов Академии художеств, Музеев Московского Кремля и прочее⁸. В октябре он с радостью сообщает: «...в соответствии с телефонным звонком из ЦК в Госкомитет по делам издательств наша книга в Комитете рассмотрена, она понравилась и т. д., и в таком духе послано письмо в Рязанский Обком. Отмечено, что в книге много нового, что она выдержана в духе Ленинской политики охраны памятников и пр. Но так как Госкомиздату нужно было отметить и кое-какие недостатки (для сохранения своего реноме), то в письме отмечено некоторое увлечение... культовыми памятниками... На этом «дело закрыто» ... Вообще же, хотя и пришлось пережить кое-какие неприятности, но я доволен тем, что в «Приокской правде» и в Обществе (охраны памятников) и теперь — в Обкоме будут знать ... что наклеивать всякие ярлыки, как это было в 30-х годах, теперь нельзя... Поэтому хотя Вам и пришлось пережить неприятные минуты, но не жалеете, что вы «связаны» со мной. Я никогда не писал шаблонно, и вторую книгу мы напишем еще лучше. Держите нос кверху. Г. Вагнер»⁹.

Этой второй книгой и стала книга «По Оке от Коломны до Муром» (М., 1980). Несмотря на страсти вокруг «Рязанских достопамятностей», отнявшие немало времени, нервов и сил, Георгий Карлович ни на миг не отказывался от идеи о продолжении работы. Однако предложенная им заявка о Спасске издательством «Искусство» была отвергнута, приходилось искать маршрут, и опять — оживленная переписка между Москвой и Рязанью, в которой порой находят свое отражение тревожные отголоски «закрытого дела» по первой книге. По сохранившимся документам невозможно установить, когда именно и кому пришла в голову идея нового пути, включающего Коломну, Рязань, Спасск и Муром. Не случаен и выбор Коломны в качестве отправного пункта. Находящийся на полпути между Рязанью и Москвой древний город, основанный в 1177 г., до 1301 г. пребывал в составе Рязанского княжества. Как отмечает Георгий Карлович во вступительной части раздела «От Коломны до Рязани», «...будучи городом московским по фольклорной традиции... Коломна своей

А.Н. Терновская.

⁸ Там же. Письмо Г.К. Вагнера С.В. Чугунову от 1.07.1975 г.

⁹ Там же. Оп. «Письма». Д. 24.

архитектурой, скорее, предвосхищает многое из того, что встретится нам в архитектуре рязано-муромского Поречья. Так что Коломну гораздо интереснее рассматривать как «архитектурные ворота» Рязанской земли¹⁰. Но работа идет не быстро. В июне следующего года Георгий Карлович пишет: «Меня немного беспокоит то, что я до сих пор ничего не делаю по нашей новой книжке. Не побывал в Коломне, как хотел, хотя она почти рядом...». И причина столь печальному положению известна — серьезная болезнь любимой жены, Александры Николаевны, того самого архитектора Терновской, с которой он впервые встретился в юности в городе Спасске и которой потом будет посвящена совместная книга. А пока Вагнер сообщает в издательство, что «Сергей Васильевич прочесывает маршрут» и что «осенью начнем писать»¹¹. И действительно, Чугунов собирает информацию, ездит по населенным пунктам, зарисовывает и снимает памятники... К концу июня 1977 г. сбор материала завершен, но Георгий Карлович все никак не может приступить к написанию книги из-за серьезных личных проблем и напряженной работы в Институте истории Академии наук СССР. Тем не менее в ноябре 1977 г. он планирует завершить текст к следующей весне, а его новогоднее поздравление Чугунову полно оптимизма и даже некоторой бравады: «Скоро примусь за «От Коломны до Муромы по Оке». Я думаю, эта книжка получится не хуже первой. Завистники и конъюнктурщики приходят и уходят, а наш с Вами труд останется в веках!»¹². В феврале 1978 г. он сообщает, что «дело приближается к нашей книжке» и завершаются другие срочные работы. В этот раз издательство «Искусство» увеличивает объем текста до пяти печатных листов, или 125 машинописных. Как отмечает Георгий Карлович, для него это не так уж много, «тем более, что главная канва сделана». К сожалению, 1978 г. не приносит ему покоя и радости. Здоровье жены продолжает ухудшаться, и он буквально сбивается с ног «от бытовой суеты» и «больничных дел», тем не менее не забывая присылать уточняющие вопросы по приокским городам. 20 мая Вагнер пишет Чугунову одно из своих самых печальных писем, в котором сообщает о кончине жены 18 мая и тут же добавляет: «Сами понимаете, что за все время ее тяжелой болезни и тяжелых последних 15 дней, когда я сутками дежурил у ее больничной кровати, я выбился из творческой формы настолько, что сам не знаю, когда и как приступлю к нашей второй книге... Я хочу свою часть труда посвятить Александре Николаевне. Может быть, и Вы присоединитесь ко мне? Тогда это придаст мне сил. Ваш

¹⁰ Вагнер Г.К., Чугунов С.В. По Оке от Коломны до Муромы. М., 1980. С. 10.

¹¹ ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 51. Оп. «Письма». Письмо Г.К. Вагнера в издательство «Искусство» от 3.06.1976 г.

¹² Там же. Письмо Г.К. Вагнера С.В. Чугунову от 18.12.1977 г.

Вагнер»¹³. В конце июня он извиняется перед соавтором, что «никак не выберется из черной полосы», но не теряет уверенности, что исполнит свое обещание. Вероятно, мысль о том, что книга выйдет с посвящением Терновской, заставляет семидесятилетнего ученого приняться за работу, и он шлет краткие письма с просьбой срочно уточнить те или иные сведения, прислать необходимые книжки, а в начале августа посещает Рязань и Спасск, встречается с давними друзьями и знакомыми. Очевидно, малая родина придала сил, и работа пошла. Георгий Карлович пишет текст, разбирает негативы, присланные Чугуновым, отмечает нехватку некоторых видов, в том числе по Коломне¹⁴. Скорость у него потрясающая, и к 9 октября он уже посылает экземпляр рукописи соавтору для внесения корректив и дополнений. В конце октября в Рязани состоится и выступление Сергея Васильевича по поводу готовящейся к изданию книги, о котором мы знаем исключительно по письму Вагнера от 24 октября, содержащем самые подробнейшие наставления и главные аспекты, на которые необходимо обратить внимание, дабы дать отпор давним недругам и не ударить в грязь лицом перед рязанскими историками и искусствоведами. В этом письме ясно изложена и его концепция по поводу самой серии «Дороги к прекрасному», в которую входит «По Оке от Коломны до Муром». Приведем несколько отрывков. «История русского искусства до сих пор основывалась на произведениях либо близких к столицам (и крупным губернским городам), либо на произведениях уникальных. Так называемая «русская провинция» до последнего времени изучена слабо. Между тем, в глубине тех или иных областей находится много выдающихся произведений. О них просто никто ничего не знал. Здесь нужна... большая разведывательная работа. Наши «Рязанские достопамятности» представляют результат первой такой разведки, поскольку Рязанская земля достаточно велика и богата памятниками, то нельзя все охватить в одном путешествии и в одной книге... Теперь мы считаем необходимым совершить «сквозной маршрут» через всю бывшую Рязанскую землю по р. Оке от Коломны до Мурома. Кое-что неизбежно будет повторено... но в основном материал будет новый, особенно много нового будет из области классической архитектуры бывших дворцовых сел ... и владений Баташовых». Содержатся в письме уже и наброски для третьей книги: «... намереваемся охватить и окраинные земли рязанские»¹⁵. Впервые называются реальные сроки выхода второй книги в свет — 1980 г. В 1979 г. рукопись подвергается серьезной переработке, по требованию издательства Вагнер убирает все повторы по Рязани

¹³ Там же. Письмо Г.К. Вагнера С.В. Чугунову от 20.05.1978 г.

¹⁴ Там же. Письмо Г.К. Вагнера С.В. Чугунову от 24.09.1978 г.

¹⁵ Там же. Письмо Г.К. Вагнера С.В. Чугунову от 24.10.1979 г.

и Касимову, расширяет сведения о Коломне и Муроме, пеняет, что ему «недостает музейных материалов» по Мурому, и жалеет, что сам туда не съездил. В апреле рукопись уже отредактирована и послана на рецензию известному архитектору Альтшуллеру, хорошо знающему Коломну. Письма Георгия Карловича бодрые — ни слова, ни намек на старость, болезни, личное горе, и лишь в день рождения Александры Николаевны он признается Сергею Васильевичу, что его «одолевают какой-то мрак, пессимизм», и добавляет: «Одно утешение, что я делаю все для закрепления ее памяти: альбомы, статья о ее рисунках, могила, посвящение книги...»¹⁶. В сентябре 1979 г. книга наконец сдана в производственный набор, а в ноябре завершено редактирование. На этот раз, по сообщению Вагнера, «все принято как есть», и он, в отличие от Чугунова, постоянно спрашивающего о сроках издания, терпеливо ждет публикации, прекрасно понимая, что все «идет своим чередом и торопить бесполезно», и работает над монографиями и научными статьями. В июне в Спасской газете «Знамя» опубликован небольшой отрывок из книги, а ее издание обещается в августе, еще до 600-летия Куликовской битвы, однако проходят лето, осень, а публикация все запаздывает. Наконец в конце года «По Оке от Коломны до Мурома» появляется в продаже. И научная общественность, и простые читатели раскупают ее с большим энтузиазмом, положительные отзывы приходят со всех сторон. В начале 1981 г. происходит и окончательная выплата гонораров. Десять лет, прошедшие с момента начала работы над первой книгой до выпуска второй, дались Г.К. Вагнеру нелегко, и даже письма отражают ухудшение здоровья ученого. Четкий, поразительно красивый, какой-то аристократичный почерк в начале 1970-х гг. к 1980 г. меняется. Он по-прежнему разборчив и легко читаем, но в нем появляется старческая дрожь, да и буквы выглядят не столь ровно и уверенно. Но впереди еще работа над третьей совместной книгой — «Окраинными землями рязанскими», поддержать которую в руках Вагнеру уже не удастся, она будет опубликована через несколько месяцев после его смерти, в 1995 г.

Итак, собственно история создания выбранной нами книги завершена, однако скажем несколько слов о ее разделе, посвященном памятникам Коломны. В документальном фонде С.В. Чугунова, хранящемся в архиве Музеев Московского Кремля, есть первоначальный вариант книги, точнее, сборник материалов, собранных им для данной публикации¹⁷. Это объемный том, насчитывающий 317 листов формата А4 машинописного текста, рисунков, чертежей, газетных статей и фотографий, заключенных в картонный переплет, оклеенный

¹⁶ Там же. См. письма Г.К. Вагнера С.В. Чугунову за июль — август 1979 г.

¹⁷ Там же. Ф. 52. Оп. 3. Д. 46.

желтой бумагой, с надписью большими печатными буквами «От Коломны до Муром». Ниже иллюстрация — белокаменный рельеф Предтеченской церкви в Коломне. В окончательном варианте обложки заголовок несколько другой — «По Оке от Коломны до Муром», и дан рисунок Коломенского кремля. Отличается и следующий лист со схематичными изображениями основных памятников, относящихся к тому или иному населенному пункту. Так, изначально первый раздел книги представлен четырьмя иллюстрациями: Маринкина башня Коломенского кремля, Успенская церковь Брусенского монастыря и Старо-Голутвинский монастырь, а также Троицкая церковь в с. Дединове, в издании же представлена лишь Маринкина башня и памятник Сергею Есенину в с. Константиново. Резко отличается и стиль изложения. Если Сергей Васильевич строит текст по образцу и подобию стандартных советских путеводителей, то готовая публикация с самого начала завораживает ясностью мысли и задушевной красотой языка. В качестве примера приведем пару цитат. «...Наша книжка предлагает любителям природы и памятников старины совершить интересное путешествие по широкой и голубой глади Оки — самой большой реки в Рязанской области... Во время путешествия пассажиры познакомятся с трудовой и слаженной жизнью Оки. Они увидят величественные теплоходы, стремительные «ракеты» и речные вездеходы «Зари». Живописные берега Оки с каждым годом все более и более используются для массового отдыха, туризма и водного спорта»¹⁸. А вот текст Вагнера, практически о том же: «...Ока — не просто «славянская река», как ее называли арабские авторы. Долгое время она была южной границей той части Руси, где складывалось ядро великорусской народности. Она пересекает с запада на восток одну из древних русских земель — Рязанскую. Коломна и Муром были когда-то ее границами. ...Очень часто полосою драматических событий, не только русско-татарских, но и московско-рязанских, становилась именно река Ока. ...Поэтому по Оке расположены особенно оригинальные и яркие памятники искусства. Наряду с чистотой классики мы чаще встречаемся со своенравностью творческой мысли...»¹⁹.

Видимо, поняв, что его текст не подойдет, Сергей Васильевич далее ограничился лишь изложением фактических сведений. Так, начиная с 12-й страницы, черновик приобретает следующий вид — краткое описание, фотография или рисунок (или и то, и другое) и библиография. Довольно интересно проследить количество рассмотренных в двух вариантах памятников с иллюстрациями и выявить различия²⁰.

¹⁸ Там же. Л. 4.

¹⁹ Вагнер Г.К., Чугунов С.В. По Оке от Коломны до Муром. М., 1980. С. 8.

²⁰ Здесь и далее см. Вагнер Г.К., Чугунов С.В. По Оке от Коломны до Муром. М., 1980. С. 10 — 41; ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 52. Д. 46. Л. 4 — 33.

Перечислим достопримечательности, описанные в книге. Это Успенский собор, Городище в северной части Коломны с древней церковью Иоанна Предтечи, Кремль с Пятницкой и Коломенской (Маринкиной) башнями, Брусенский монастырь с Успенской церковью, Старо-Голутвин монастырь, так называемый Воеводский дом, Вознесенская и Михаило-Архангельская церкви, дом Озерова, дом Луковкина, Богоявленская церковь с колокольной, дом писателя И.И. Лажечникова, церковь Иоанна Богослова и памятник дважды Герою Советского Союза летчику-истребителю В.А. Зайцеву. Памятники нами названы в той же последовательности, что и в книге. В первоначальном варианте приведены сведения о тех же объектах, за исключением домов Озерова и Луковкина, просто названных в числе светских построек на странице с описанием Воеводского дома и церковей Николы Гостиного и Николы Посадского, информация о которых, напротив, в книге отсутствует. Разница в подаче материала очевидна. Если у Чугунова это просто набор отдельных, не связанных друг с другом описаний, фотографий и планов, то у Вагнера они вплетены в логичный рассказ и объединены в группы либо согласно общей истории, либо в соответствии с архитектурными стилями. Любопытно отметить, что различны и фотографии. Так, например, Чугунов приводит фотографию Успенской церкви 1552 г. в процессе реставрации, в строительных лесах, тут же помещен и ее план, а в книге просто общий вид храма, план отсутствует. Изображения оград Брусенского и Старо-Голутвина монастырей даны в книге рядом, хотя в первоначальном варианте они отделены друг от друга несколькими страницами.

Безусловно, можно было бы указать еще на некоторые отличия книги и подготовительного тома, но вряд ли это будет представлять интерес для исследователей. Заметим лишь, что сотрудничество Вагнера и Чугунова оказалось крайне плодотворным. Если Сергей Васильевич не мог самостоятельно донести до читателей всю красоту приокских городов и весей, так и Георгий Карлович нуждался в архитектурных обмерах, фотографиях и даже просто в помощи при уточнении некоторых фактов, которые и предоставил ему рязанский соавтор. В результате их совместного труда появилась замечательная, очень познавательная и информативная книга, написанная прекрасным языком и содержащая добротный справочный аппарат.

С.А. Григорьева

Первая общественная библиотека Коломенского края

К 110-летию основания

Библиотека имени И.И. Лажечникова располагается в историческом центре Коломны, в городской усадьбе купца Макеева, памятнике архитектуры второй половины XIX в. (ил. 1). Ее история связана с событиями трех веков: XIX, XX и XXI. В 1869 г. читающая Россия праздновала 50-летие литературной деятельности Лажечникова. В последних строках приветственного адреса коломенцы написали: «...имя твое будет навсегда сохранено в летописях города Коломны»¹. Прошло тридцать лет, и в апреле 1899 г. они открыли писателю достойный памятник – Коломенскую общественную библиотеку имени И.И. Лажечникова. В те годы общественные библиотеки были редким явлением. В Московской губернии Коломенская библиотека стала одной из первых.

Ил. 1. Городская усадьба купца Макеева.

Библиотека создавалась всем коломенским обществом на частные пожертвования. Это было то общее дело, которое объединило все слои горожан. В июне 1897 г. московскому губернатору было послано прошение об открытии библиотеки, в котором значились 63 известных фамилий коломенского общества: земские и городские служащие, преподаватели гимназии, врачи, военные, служащие Коломенского машиностроительного завода, купцы.

¹ Празднование юбилея 50-летней литературной деятельности И.И. Лажечникова 4 мая 1869 года. М., 1869. С. 6.

Ил. 2. «Басни» Крылова.

К прошению был приложен проект устава библиотеки. Некоторые пункты устава не соответствовали правилам публичных библиотек, и поэтому он был утвержден только после исправления. Таких препятствий, связанных с согласованием документов, было несколько. Они были решены благодаря ходатайству влиятельных лиц.

Книжный фонд собирался путем всероссийского сбора пожертвований. Известны публикации объявлений в «Правительственном вестнике», «Курьере» за 1898 г. Все желающие могли почтить память писателя и принять участие в создании «просветительного учреждения его имени». В благодарность за щедрые дары книгоиздателя А.Ф. Маркс, К.Т. Солдатенков, А.С. Суворин были избраны в почетные члены библиотеки. Присылали свои книги писатели и деятели науки России: В.Г. Короленко, Н.А. Рубакин, А.П. Чехов, П.П. Гнедич, Д.И. Менделеев, Вс.С. Соловьев и многие другие. Библиотека получила 4243 экземпляра книг и брошюр на сумму более 3000 р. Сегодняшние посетители библиотеки могут увидеть роскошную книгу Гете «Фауст», изданную А.Ф. Марксом (СПб., 1899), великолепные книги издательства А.Ф. Девриена: «Одиссею» Гомера (СПб., 1900) и «Басни» Крылова (СПб., 1911) (ил. 2). Справочный фонд начала прошлого века включает «Энциклопедический словарь» Брокгауза и Эфрона (СПб., 1890 – 1907), «Большую энциклопедию. Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания» под редакцией С.Н. Южакова (СПб., 1902 – 1904), «Народную энциклопедию научных и прикладных знаний» (М., 1910 – 1912).

В первый год работы библиотеки многие периодические издания высылались бесплатно или на льготных условиях. Поддержали коломенцев императорские и министерские библиотеки, а также Кронштадтская, Тифлисская, Воронежская, Херсонская общественные библиотеки.

Крупные пожертвования были сделаны купцами и предпринимателями города. В число почетных ее членов вошли директор правления Коломенского машиностроительного завода Э.К. Гартман, барон А.А. Крюденер-Струве, купцы В.М. Левин, М.П. Шепкин, Н.А. Озеров, Ф.И. Демин, В.Ф. Щербаков, М.Ф. Рыбаков, сделавшие большие денежные вклады.

Горожане дарили книги из своих домашних библиотек. Среди книг редкого фонда привлекает внимание трехтомник «Божественной комедии» Данте большого подарочного формата с золотым тиснением издательства М.О. Вольфа (Лейпциг – СПб., 1874 – 1879) (ил. 3). Дарственная надпись свидетельствует, что эти книги принадлежали домашней библиотеке Гартманов. Местное медицинское общество передало свою специальную библиотеку в пользование Лажечниковской библиотеке. Библиотека была доступной для всех слоев местного общества.

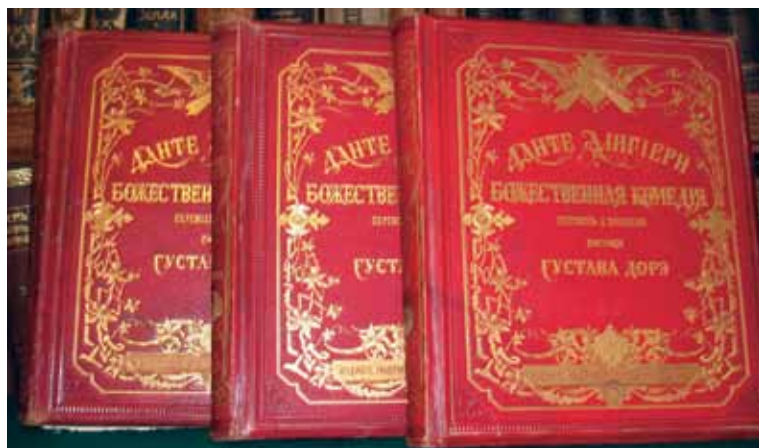
Состоятельные коломенцы вносили небольшую плату за пользование книгами. Для простого народа в 1903 г. при библиотеке открылась бесплатная библиотека-читальня имени А.С. Пушкина. В отчете за 1903 г. отмечалось, что библиотека, «не делая никаких об открытии ее объявлений, привлекла массу подписчиков, что указывает на то, что она своевременна и необходима для населения»².

Библиотека получала ежегодные субсидии Коломенского уездного земства и городской думы. В счет этих субсидий земские и городские служащие пользовались книгами бесплатно. В пользу библиотеки организовывались спектакли, концерты, публичные чтения. Сохранилось благодарственное письмо правления библиотеки участнице такого спектакля Ольге Викторовне Радугиной.

В первые годы библиотека располагалась в доме, где прошло детство писателя. «И таким образом явилась возможность как бы воздвигнуть И.И. Лажечникову памятник в его собственном доме и тем вдвойне почтить его память»³, — указано в первом отчете библиотеки за 1899 г.

Судьбу наследия библиотеки Лажечникова можно назвать достаточно удачной. Часть архива находится в Коломенском краеведческом музее: отчеты с 1899 по 1914 гг., поступившие в музей из семейного архива учителей Шевлягиных, образец диплома на звание почетного члена библиотеки.

Другая часть документов представлена в музее истории библиотеки, который открылся три года назад (ил. 4, 5). Строго говоря, это развернутая музейная экспозиция, а не музей. Ее экспонаты — это документы по истории библиотеки и фонд изданий XIX — начала XX вв. Последние поступления

Ил. 3. «Божественная комедия» Данте.

² Отчет Коломенской общественной библиотеки им. И.И. Лажечникова за 1903 год (год пятый). Коломна, 1903. С. 18.

³ Отчет Коломенской общественной библиотеки им. И.И. Лажечникова за 1899 год (год первый). Коломна, 1899. С. 17.

Ил. 4. В музее истории библиотеки.

появились благодаря сотрудничеству с Российской государственной библиотекой, работе в архивах и активному участию коломенцев. Это копия архивного дела об открытии библиотеки, коллекция дореволюционных периодических изданий, частично восстановленный фонд книг местного отдела. В музее истории библиотеки можно увидеть портреты и бюст писателя И.И. Лажечникова.

Библиотека имеет копию «Систематического каталога», изданного в 1902 г. Самый большой интерес представляет краеведческий или, как он тогда назывался, местный отдел библиотеки, который был образован «в силу того, что в г. Коломне не имелось доселе никакого книгохранилища, где могли бы сохраняться рукописи и редкие сочинения, а также документы и исторические памятники по истории г. Коломны и уезда»⁴.

Местный отдел имел подзаголовок: «История и этнография города Коломны и уезда. Местные общественные и частные учреждения. Лажечниковский отдел. Филаретовский отдел». Некоторые книги отдела и в то время представляли большую ценность, были библиографической редкостью. Среди них «Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами» (М., 1787), «Иванчин-Писарев Н. Прогулка по древнему Коломенскому уезду» (М., 1843), «Лажечников И. Первые опыты в прозе и стихах» (М., 1817). Лажечниковский отдел был представлен несколькими экземплярами собраний сочинений, выходивших в Москве и Петербурге в конце XIX в. Кроме произведений, он содержал и материалы о творчестве писателя, опубликованные в «Исто-

⁴ Отчет Коломенской... (год первый). Коломна, 1899. С. 18.

Ил. 5. Полное посмертное собрание сочинений И.И. Лажечникова.

рическом Вестнике» и «Русском Обозрении». Отчеты библиотеки говорят о большой популярности книг Лажечникова среди ее читателей. Что же касается Филаретовского отдела, то на данный момент библиотека имеет несколько экземпляров журналов с публикациями Митрополита Филарета (Дроздова). Наследие богослова, публициста, издателя Гилярова-Платонова представлено первым изданием «Из пережитого» (М., 1886 — 1887), вторым томом «Сборника сочинений» (М., 1899) и публикациями в журналах «Русское обозрение» за 1895 г. и «Русский архив» за 1894, 1899 гг.

Три года работы музея библиотеки позволяют подвести некоторые итоги. Экскурсионная программа ежегодно меняется. В 2008 г. в нее вошел, помимо рассказа об истории библиотеки и литературной биографии Лажечникова, детский фильм «Тайна старинной усадьбы».

На экскурсию в библиотеку приходят и взрослые и дети. Наблюдая за школьниками разных возрастов, можно сделать вывод о большом эмоциональном воздействии книг редкого фонда. Ребят привлекает необычный формат, прекрасно сохранившиеся иллюстрации изданий, которым более ста лет. Этот интерес учитывают библиотекари, каждый раз включая в экскурсию новые рассказы о книгах, которые читали несколько поколений коломенцев. Мальчишкам интересна «История русско-японской войны» (СПб., 1907 — 1909) (ил. 6); желание полистать страницы вызывает подарочный «Фауст» Гете, «История русской словесности» Н. Полевого (СПб., 1900) с великолепными иллюстрациями литературных памятников. Такие экскурсии способствуют повышению интереса к чтению.

Ил. 6. «История русско-японской войны».

Ил. 7. Книги из фонда Коломенской общественной библиотеки им. И.И. Лажечникова.

Организируются выездные музейные экспозиции. В селах Коломенского района проводятся презентации выставок музея. Мультимедийное оборудование позволяет создавать интересные выставки на любую актуальную тему, т. к. редкий фонд библиотеки носит универсальный характер. В Коломенской духовной семинарии прошла электронная выставка книг дореволюционного фонда «Семью сплотить сумеет мудрость книги». Для педагогов была проведена выставка редкого фонда «История русской литературы. Взгляд из прошлого столетия».

Уникальный краеведческий фонд привлекает в библиотеку ученых и краеведов. Здесь проходят конференции, посвященные творчеству Ивана Лажечникова, Бориса Пильняка, Никиты Гилярова-Платонова.

В фильме «Тайна старинной усадьбы» Лажечников говорит современным подросткам, забравшимся в усадьбу для поиска клада: «Вы не все взяли из того клада, которое накопило мое время, но это можно сделать в любой момент».

Библиотека имени Лажечникова, которой исполнилось 110 лет, открывает богатство наследия прошлого своему читателю – тот клад, который накопила русская культура.

В.Р. Крогиус

Задача сохранения феноменальных составляющих культурного наследия Коломны как крупного исторического градостроительного комплекса России¹

Исторические города, по нашему убеждению, вообще, во всей своей совокупности, являются ярким феноменом культурного наследия России. И, конечно, каждый такой город по-своему феноменален – как говорят: «Что ни город, то новов». Но при всем том, прав, наверное, итальянский профессор Джорджо Пиччинато, утверждавший: «Все города исторические, но некоторые – более, чем другие». Нам представляется, что Коломна явно среди тех, которые «более равны», и причем, в очень значительной степени.

Поэтому важнейшей задачей исследования, фиксации, охраны и использования культурного наследия Коломны должно быть целенаправленное выявление и сохранение именно феноменальных составляющих наследия, обуславливающих индивидуальность и, как любят сейчас говорить, идентичность этого замечательного исторического города России.

Собственно, в этой констатации нет ничего принципиально нового. Безусловно, множество выдающихся специалистов, занимавшихся коломенским наследием, относились к нему как к феномену, может быть, и не называя его таковым. Ярким доказательством этого служит хотя бы данная конференция.

Но феноменальность – это такое качество, о котором можно говорить вновь и вновь, выявляя, может быть, какие-то новые его стороны, указывая на старые, достаточно общеизвестные (но не всем!), и постоянно привлекая к нему внимание власти и общества. Это позволит избежать «замыливания» проблемы, утраты целенаправленности памятникоохранных действий на выявление и поддержание главного, основных характеристик, вокруг которых должны выстраиваться, по нашему мнению, и все другие исследования и сберегающие наследие действия.

Нам представляется – причем подчеркнем, что это всего лишь наша личная оценка, с которой кто-то может согласиться, а кто-то нет, – что культурное наследие Коломны обладает тремя феноменальными качествами, выделяющими его в общей совокупности наследия исторических городов России. Каждое из них не является абсолютным уникалом, но представлено у нас в стране в очень ограниченном количестве немногих еди-

¹ Публикуется текст выступления на конференции. – *Прим. сост.*

ниц подобных объектов, что требует уделять им повышенное внимание, проводить сравнительные исследования, прилагать особые охранные усилия на основе постоянного мониторинга, сочетая действия на всех уровнях: местном, региональном и общегосударственном.

Два первых из этих трех феноменальных качеств хорошо известны, устойчиво исследуются, чему свидетельствует и данная конференция. Но, придерживаясь выше заявленного, все же назовем их именно как феномены.

Первый – это, разумеется, Коломенский кремль как один из не более чем дюжины сохранившихся каменных цитаделей древней Руси и один из самых первых примеров каменного крепостного строительства в стране, возобновившегося с большим трудом после татаро-монгольского разорения. Именно этому аспекту посвящен на данной конференции доклад М.И. Мильчика². И это практически самый первый объект попыток государства сохранить свое архитектурное наследие. Вспомним 1848 г., императорское повеление и весьма сложную череду событий по сбережению-разрушению этого выдающегося ансамбля русского архитектурно-градостроительного искусства.

Второй феноменальный объект – это планировка, застройка и, главное, сохранность архитектурного облика и всей городской среды Коломенского посада – Старой Коломны. При всех сложностях истории его формирования, развития и выживания в прошедшие десятилетия он является выдающимся, уникальным по богатству и сохранности (увы, все же уже относительной) примером российского градостроительного наследия, требующим постоянного внимания и практических действий по его сбережению в максимальной целостности при одновременном органичном включении, интеграции в современную жизнь. Этим аспектом коломенского наследия занимались многие. Упомянем хотя бы основополагающую работу М.В. Фехнер или недавнюю публикацию А.А. Колмовским и М.Б. Морозовым фотопутеводителя по памятникам города (но только старым – в Кремле, Старом городе и пригородах, вошедших в черту города, т. е., вероятно, строго по списку объектов культурного наследия).

Но здесь мы хотим уделить основное внимание третьему феномену культурного наследия Коломны – ее превращением и современным существованием как промышленного центра общероссийского значения. Это сделало город (должно было сделать!) местом концентрации объектов промышленной архитектуры и градостроительства.

В этой связи мы были несколько удивлены предложением, сделанным в предварительной программе конференции, ориентировать наш доклад на принципы реконструкции малых исто-

² См. с. 128.

рических городов. Это, разумеется, важное направление консервационных действий, и ему следует уделять большое внимание. Мы и уделяли, но не здесь – не в Коломне! Ведь Коломна совсем не малый город, а по всем параметрам – большой или даже крупный (хотя сейчас численность его населения и спустилась чуть ниже 150 тыс. человек).

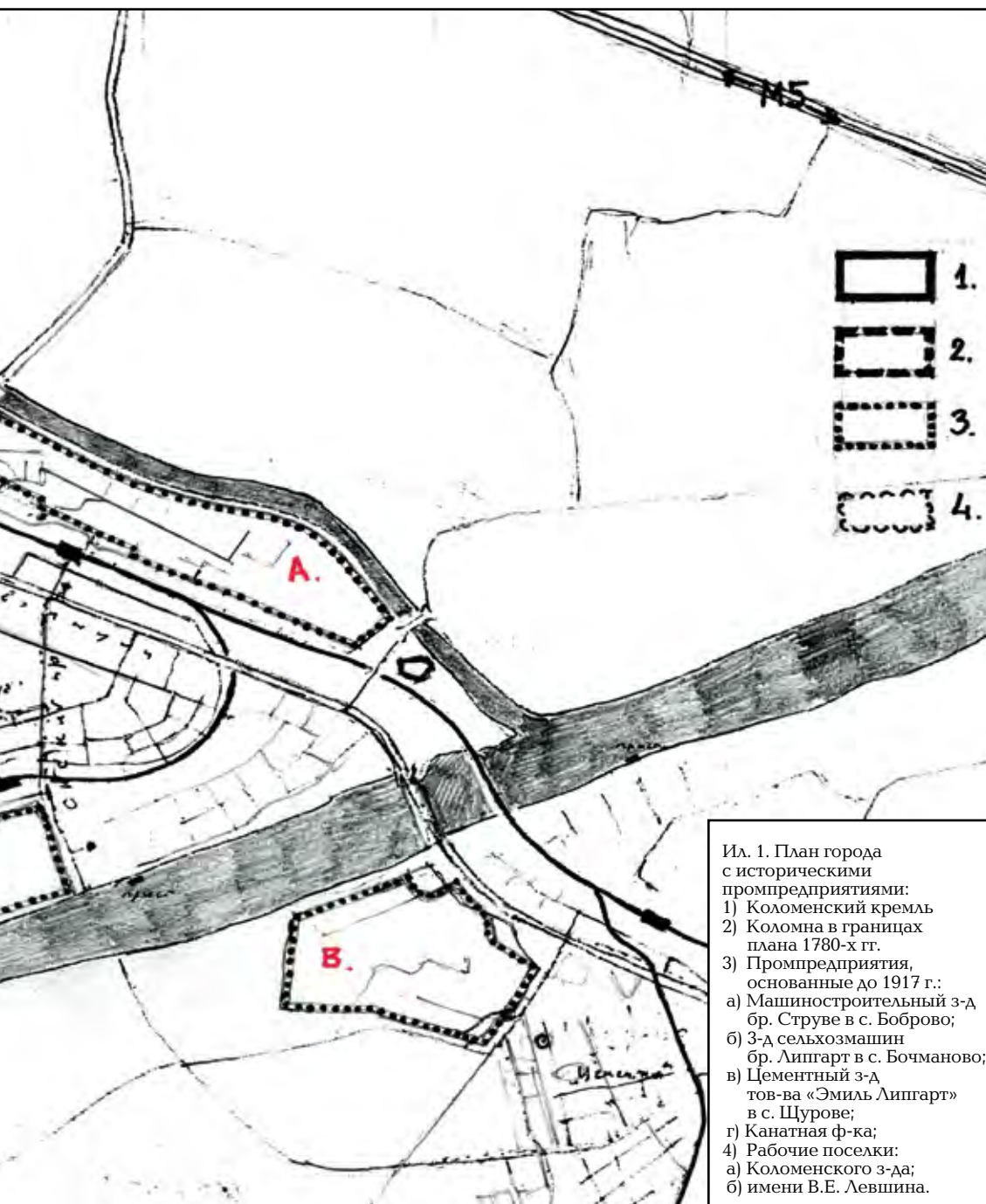
И, главное, в своем историческом развитии Коломна уже в конце XIX века стала выдающимся промышленным центром страны, выделившись из множества обычных уездных городов – центров местного значения. При этом Коломна стала центром машиностроения – одним из очень немногих в дореволюционной России, помимо ее двух столиц – Санкт-Петербурга и Москвы. Мы можем назвать из негубернских центров, наряду с Коломной, лишь Подольск, Таганрог, Сестрорецк, Балаково, Златоуст, Ижевск, а также Сормово, Бежицу (вошедшую в Брянск) и Мотовилиху (вошедшую в Пермь). Вот, пожалуй, и все, хотя один-два мы, может, и упустили. В любом случае их очень немного.

И сейчас в нашей классификации исторических городов страны по численности населения и функциональному профилю мы относим Коломну к группе из почти 30 городов, которые являются достаточно крупными (население свыше 150 тыс. человек), но не столицами или центрами субъектов Российской Федерации – республик, краев и областей, т. е. развиваются без опоры на свой административный ресурс и поэтому заслуживают, по нашему мнению, особого внимания и поддержки в деле изучения и сохранения их культурного наследия, включая такие его составные части, как промышленная архитектура, наследие XX века и исторические городские ландшафты.

И вот тут мы были удивлены и даже шокированы, узнав, что в списке объектов культурного наследия Коломны, охраняемых государством, нет ни одного памятника промышленной архитектуры! История заводов изучается, на некоторых из них есть музеи, а памятников нет. И ведь Коломна не оккупировалась в войну и не разрушалась подобно, скажем, Сталинграду; а там определены и как-то сохраняются фрагменты тотально разрушенных в 1942 г. старых заводов «Красный Октябрь» (быв. т. н. «Французский») и «Баррикада» (быв. т. н. «Английский»). Вызывает сожаление, что и в программе данной конференции этот феномен наследия Коломны обойден молчанием.

Поэтому, не претендуя на большое знание о городе, наследие которого нам не приходилось, к сожалению, специально заниматься, мы осмеливаемся продемонстрировать упрощенную схему плана всей Коломны в ее современных границах, вместе с присоединенным в 1959 г. бывшим городом Щуровом (до конца 1920-х гг. это еще была Рязанская губерния), на которой мы обозначили все три ее феноменальных составляющих (ил.1).

Ил. 1. План города с историческими промпредприятиями:
 1) Коломенский кремль
 2) Коломна в границах плана 1780-х гг.
 3) Промпредприятия, основанные до 1917 г.:
 а) Машиностроительный з-д бр. Струве в с. Боброво;
 б) З-д сельхозмашин бр. Липгарт в с. Бочманово;
 в) Цементный з-д тов-ва «Эмиль Липгарт» в с. Шурове;
 г) Канатная ф-ка;
 4) Рабочие поселки:
 а) Коломенского з-да;
 б) имени В.Е. Левшина.

Конечно, в части, относящейся к «третьему феномену» это только намек, некая указка на места необходимого поиска, что-то схожее с обозначением зон, где нужны археологические наблюдения. Вот и в так называемой Новой (или современной) Коломне необходимы архитектурно-градостроительные «наблюдения» в поиске ценных составляющих наследия, как сейчас говорят, «имеющих признаки объектов культурного наследия».

При этом на территории показанных четырех старых предприятий (а может, и еще какие-то есть?) надо выявить их первоначальные ядра и то, что в них сохранилось. А вокруг них хорошо бы определить зоны поэтапного освоения территорий жилой застройкой, выделив эти этапы, например: дореволюционный, 1920 – 1930-е гг., послевоенный, до конца 1950-х гг. и, может быть, даже 1960-е – начало 1970-х гг. (ведь временной предел выявления объектов культурного наследия установлен действующим законом 2002 г. всего в 40 лет).

Подобную периодизацию можно попытаться применить и для комплексов планировки и застройки самих промышленных предприятий, хотя опыт изучения подобных объектов в ряде других городов порождает определенный пессимизм: выходит, как будто промышленное строительство у нас с течением времени становилось (по крайней мере, на старых площадках) все менее и менее интересным по своей архитектуре. Но ценные старые ядра сохранились в той или иной мере почти везде.

Было бы очень хорошо, если затронутый нами аспект историко-культурного наследия Коломны и Коломенской земли нашел какое-то отражение в решении настоящей конференции, вероятно, как постановка задачи. Хочется надеяться, что сравнительно скоро нам в Экспертном Совете Росохранкультуры придется рассматривать и оценивать новый проект зон охраны объектов культурного наследия города Коломны, охватывающий всю городскую территорию и основанный на историко-культурным опорном плане, в котором будут определены и достойно отражены все составляющие феноменального культурного наследия этого выдающегося исторического города России.

Проведенные нами в Коломне дни непосредственно перед и во время самой конференции (это наше посещение состоялось после очень большого перерыва), наполненные, кроме заседаний, посещениями возможного максимума мест по всему городу, позволяют нам дополнить вышеприведенный, заранее подготовленный текст парой констатаций.

Во-первых, краткие осмотры мест ожидаемого наличия объектов, имеющих признаки объектов культурного наследия промышленной архитектуры и связанного с развитием промышленности города жилищного строительства старше 40 лет,

подтвердили их наличие, конечно, с той или иной мерой полноты. Так что задача полноценного выявления и сохранения этой составляющей культурного наследия Коломны, обозначенная в нашем сообщении, остается актуальной.

А во-вторых, мы были чрезвычайно рады и даже приятно поражены тем, что город сумел сделать за последние 2 – 3 года на территории Коломенского кремля. В нашей российской практике действий по градостроительной реставрации и реконструкции (или назовем это регенерацией), столь бедной успехами и почти не дающей примеров комплексного решения их вопросов на значительной территории, в последние годы коломенский опыт (как бы ни относиться к отдельным его деталям и частностям!) заслуживает признания и высокой оценки. Более того, нам представляется очень важным независимое изучение, описание и пропаганда этого положительного опыта, чтобы сделать его доступным для использования в других исторических городах страны, остро нуждающихся в регенерации своего культурного наследия, архитектурного облика и всей исторической среды. Хотелось бы надеяться, что инициативу в организации изучения, обобщения и распространения этого опыта проявят как администрация городского округа, так и коломенские специалисты – патриоты города.

Коломенский краеведческий музей. Прошлое, настоящее, будущее

Понятие «музей» (от греч. «муза» – место, посвященное музам, храм муз) – научное учреждение, осуществляющее комплектование, хранение, изучение, экспонирование и популяризацию памятников материальной и духовной культуры и, естественно, исторических коллекций, являющихся первоисточниками знаний о развитии природы и человеческого общества. Не во всех городах нашей страны есть такие «храмы муз». Нашему городу в этом отношении повезло. У него есть свой краеведческий музей. Вот уже 75 лет музей делит с коломенцами радости и печали, показывает в своих экспозициях их жизнь и быт, достижения и мрачные страницы истории; представляет шедевры русского искусства и выставки коломенских художников.

Древность города и его памятников отмечали еще иноземные путешественники, побывавшие в Коломне в XVII в. В XIX в. наш город стал своеобразным музеем под открытым небом, где причудливо переплелись архитектурные памятники XIV – XIX вв. Музейными по своей сути были и интерьеры коломенских храмов, многие из которых ведут свою историю с XIV в. Несмотря на частые перестройки, коломенские церкви сохранили древние иконы, старинную церковную утварь, деревянную скульптуру. Первые книги по краеведению XIX в. посвящены именно этой церковной старине, отражающей многовековую историю нашего города. Неслучайно в 30 – 40-е гг. прошлого века, когда закрывались храмы, в Коломне побывали работники Третьяковской галереи и вывезли из нашего города десять больших храмовых икон XIV – XVI вв. Сейчас эти коломенские иконы составляют основу собрания ранней московской живописи и являются гордостью Третьяковки.

Многие другие коломенские исторические предметы хранятся в ведущих музеях страны. Еще первые раскопки второй половины XIX в. в Коломенском уезде дали интересные вещи, попавшие в экспозицию ГИМ. Отмечены в городе и окрестностях находки средневековых монетных кладов. В городе и уезде были коллекционеры старины – священники, инженеры Коломзавода. Во время прокладки городского водопровода в начале XX в. в исторической части Коломны найденные черепки стояли на письменных столах любителей местной истории – «отцов города» – городского головы и чиновников.

На рубеже XIX – XX вв. в Коломне происходит своеобразный всплеск краеведческого движения. В связи с интересом к судьбе Марины Мнишек в Коломенской наугольной (Маринкиной) башне (ил. 1) в 1902 г. проводятся первые в городе археологические раскопки, вызвавшие большой интерес у коломенцев. Местный краевед, учитель коломенской гимназии И.К. Линдеман выпустил книгу, посвященную загадке Маринкиной башни.

Ил. 1. Коломенская наугольная (Маринкина) башня.

В 1903 г. в городе открылся первый музей. Появление его связано с деятельностью коломенской земской управы, находившейся на Мещаниновской улице (ныне проезд Артиллеристов). В начале XX в. земство активно внедряло в среде коломенского крестьянства передовые методы сельского хозяйства, в частности, пчеловодства. Интересно, что первым по списку экспонатом музея была икона с изображением святых Зосимы и Савватия – небесных покровителей пчеловодства. Экспонатами музея стали также различной конструкции ульи, передовое оборудование для разведения пчел, книги по пчеловодству.

После Октябрьского переворота 1917 г. и окончания гражданской войны уцелевшая интеллигенция города продолжила изучение родного края. Работа коломенских краеведов подготовила почву для создания Коломенского краеведческого музея (ККМ).

История ККМ начинается с первых лет советской власти. Инициатором его создания выступил Коломенский Союз кооперативов. Конкретно к созданию местного музея краеведения приступили в 1918 г. Очередное общее собрание уполномоченных Коломенского Союза кооперативов признало учреждение местного музея краеведения делом неотложным и представило для этого достаточные на предварительные работы средства. Соорганизовалась музейная комиссия. Музей взял в свое ведение имеющиеся в городе архивы (например, архив бывшего Коломенского Духовного правления). Комиссия подыскала помещение и пригласила ряд лиц для собирания необходимых материалов. Также были намечены отделы будущего музея: естественно-исторический, культурно-исторический и экономический¹. Подготовительная работа по организации нового музея продолжалась более десяти лет.

Одновременно в городе существовали еще четыре ведомственных музея: школьный, санитарного просвещения, сельскохозяйственный и постоянная выставка при Коломенском заводе. Музей сельского хозяйства Коломенского уезда размещался на Красноармейской улице, в доме УЗУ (Уездное земельное управление). Музей отражал сельское хозяйство уезда и природные условия его развития. Открыт он был по воскресеньям с 11 до 3 часов дня. Производственный музей Коломзавода находился в Голутвине, в клубе им. Воровского. Музей отражал историю завода, его производительность и экономику².

Формально ККМ организован постановлением исполкома Коломенского горсовета от 25 августа 1932 г. Он находился в подчинении Коломенского Райгороно. Первоначально музей размещался в восьмиэтажной Коломенской (Маринкиной) башне Коломенского кремля. В следующие два года был осуществлен ремонт башни, восстановлены перекрытия, проведены освещение и телефон.

1 сентября 1934 г. официально открыта первая экспозиция ККМ³.

¹ Настольный календарь Московского края на 1920 г. Московский кредитный союз кооперативов. М., 1920. С. 103.

² Петропавлов Н.И. Коломенский уезд. 1924; По Московскому краю. Сб. М.; Л., 1929. С. 231.

³ Дорогутин Н. К открытию Коломенского краеведческого музея // Газ. «Коломенский рабочий». 1934, 3 сентября.

Ввиду малочисленности и бедности экспонатов экспозиция музея носила выставочный характер. В одном из залов экспонаты рассказывали об истории прошлого Коломенского края и героической борьбе Коломны против иноземных захватчиков. В других залах музея были организованы выставки, посвященные местным достижениям за годы советской власти.

Первые годы жизни нового музея благодаря энергичным руководителям Коломенского Райгороно и ККМ стали этапом активного становления, расширения и пополнения экспозиции.

В 1935 г. по инициативе ККМ московскими археологами были проведены раскопки и наблюдения в древней части Коломны. В переписке музея с московскими археологами отмечено; «Предпринимаемые в 1935 г. исследования имеют целью:

- 1) систематическое маршрутное обследование части территории края с выявлением сохранившихся археологических памятников;

- 2) обогащение коломенского музея полноценной коллекцией из раскопок одного из ценнейших памятников края (Коломенского кремля. — С.С.);

- 3) подготовку местных кадров полевых обследователей-археологов».

Постепенно увеличивается идеологическая составляющая нового учреждения культуры. Собственно краеведческий аспект музея отходил на второй план, дальнейшее расширение ККМ связано с идеологическими установками, пропагандой достижений советской власти и истории революций. Досоветский период показывался с точки зрения классовой борьбы.

Были приняты меры по концентрации наиболее ценных экспонатов всех ведомственных музейных учреждений в новом музее. Например, в письме, отправленном в Московский отдел народного образования, отмечено следующее: «По инициативе и под руководством Коломенского Райгороно и коломенского краеведческого музея в Коломне к Районному съезду Советов была организована большая выставка на тему: «Наши достижения в Коломенском районе». Выставка, размещена в трех самостоятельных помещениях (в здании краеведческого музея, в Гортеатре и Дворце культуры Коломзавода) на площади в 1200 кв. м. За месяц работы выставки через нее прошло 77717 человек (при 50 тыс. населения г. Коломны). Значительная часть материалов выставки поступила в местный краеведческий музей. Однако Коломзавод свои коллекции отказался передать музею. В результате длительных переговоров с Коломзаводом и личного вмешательства в это дело тов. Феликса Кона удалось получить согласие ди-

рекции завода о передаче материалов в местный музей. Однако дирекция завода обуславливает это согласие условием, чтобы бюджет музея (утвержденный МООНО на 1935 г. в сумме 18 тыс. р.) был увеличен на 50 тыс. р. В связи с огромным значением собранных материалов, позволяющими создать в Коломне крупный краеведно-политехнический музей – коломенский Райгороно и краеведческий музей просят предоставить музею указанную сумму 50 тыс. р. От Коломенского горсовета получено согласие предоставить под музей достаточно обширное помещение одной из местных церквей (добавочно к имеющемуся зданию кремлевской башни), в котором в настоящее время помещается коломенское отделение госбанка. Просимая дотация будет использована для музейной монтировки собранных коллекций, их пополнения, приспособления передаваемого помещения под музей и для расширения деятельности коломенского краеведно-политехнического музея». Письмо подписали зав. Райгороно Леликов и директор музея Мурин⁴. Так в фонды ККМ попала значительная коллекция материалов по истории Коломзавода.

Важный идеологический праздник – 30-летие революции 1905 г. – стал поводом для дальнейшего увеличения идеологической составляющей деятельности музея и превращения его в историко-революционный. Под идеологию музею выделяли деньги и помещения. В местной печати того времени указывалось: «...История Коломенской большевистской организации, история революции 1905 года. в Коломне еще не написаны. Нет у нас и музея революции. В связи с исполняющейся в этом году 30-летней годовщиной 1905 года бюро Коломенского райкома партии организовало специальную комиссию по 1905 году, на которую возложена разработка и проведение мероприятий, связанных с предстоящим юбилеем. (...) Особенно большое значение приобретает постановление комиссии о создании в Коломне постоянного музея революции. По плану, разработанному комиссией, началом организации этого музея должна явиться выставка по истории 1905 года, приурочиваемая к моменту празднования годовщины 1905 года. (...) На выставке значительное место займут художественные произведения событий 1905 года, которые будут написаны квалифицированными московскими и коломенскими художниками. (...) Музей революции предполагается развернуть в постоянном, специально приспособленном для него здании. (...) Выделенное горсоветом для музея революции здание нуждается в капитальном ремонте»⁵.

⁴ Архив ККМ. Без номера.

⁵ Напишем историю 1905 года. Как мы отметим 30-ю годовщину 1905 г. в Коломне // Газ. «Коломенский рабочий». 1935 г.

27 июня 1936 г. в помещении бывшей церкви Архангела Михаила (ул. Гражданская, д. 71) (ил. 2) был открыт историко-революционный отдел музея. Для осмотра открываемого музея революции и участия в торжественном заседании, посвященном событиям 1905 года, в Коломну приезжает Феликс Кон. (Кон Феликс Яковлевич (1864 – 1941) – деятель польского, российского и международного революционного движения. В 1922 – 1923 гг. секретарь Исполкома Коминтерна. В 1924 – 1935 гг. – член Интернациональной контрольной комиссии. В 1927 – 1935 гг. – зам. ее председателя. В 1931 – 1933 гг. – председатель Всесоюзного комитета радиовещания. Был членом ВЦИК и ЦИК СССР).

Ил. 2. Храм Архангела Михаила в Коломне, где до 2007 г. размещался Коломенский краеведческий музей.

Присутствующие при открытии нового отдела музея, или, как его тогда торжественно называли, Коломенского музея Революции, так описывали новую экспозицию: «Светлый просторный зал. Стенды красные, голубые, зеленые, черные – на фоне серого холста прекрасно гармонируют со строгими архитектурными линиями помещения». Было представлено свыше 50 стендов и витрин. Экспозицию украшали картины московских художников и коломенского художника А. Солодкова, выполненные по заказу музея. Новая экспозиция состояла из

нескольких отделов. В первом отделе показаны предпосылки революции 1905 года. Далее можно было увидеть материалы о зарождении Коломенской большевистской организации и революционных событиях 1905 года. Заканчивалась экспозиция темой «Через тридцать лет», показывающей достижения современного социалистического строительства в Коломенском районе через тридцать лет после революции 1905 года.⁶

Директором музея революции стал Василий Семенович Аксенов, бывший рабочий-слесарь Коломзавода, активный участник революционного движения 1905 – 1917 гг. в Коломне.

Постановлением Исполкома Коломенского горсовета от 15 октября 1937 г. ККМ был реорганизован. Часть музея, находившегося в кремлевской башне, была перенесена в помещение, занимаемое музеем революции.

К 1937 г. относится начало образования отдела природы ККМ, который сначала планировался как сельскохозяйственный. Местными властями было принято постановление по организации в Коломне к XIX годовщине Октября пятидневной районной сельскохозяйственной выставки для показа достижений. Потом с этой выставки планировалось отобрать экспонаты для Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. В основу организации выставки был положен план, разработанный ККМ. В постановлении также отмечено, что «в связи с необходимостью изготовления экспонатуры, из расчета постоянного экспонирования ее, предложить краеведческому музею срочно организовать в музее препараторскую мастерскую, в которой из подготовленных для показа на выставке районными организациями, а также совхозами и колхозами района живых экспонатов (петухов, кур, гусей, кроликов, рыб, вредителей полей – млекопитающих и птиц, дичи и т. д.) сделать чучела».

Выставку планировалось открыть в начале 1937 г. Чучела делал Павел Трофимович Удоев (ил. 3) – страстный энтузиаст своего дела. Это помогло ему из простого любителя сделаться прекрасным научным работником⁷.

В 1938 г. ККМ получил штатную единицу на отдел природы. Новый работник, З.В. Пугачева, (ил. 3) окончив специальные краткосрочные курсы музейных работников по отделу природы при московском областном краеведческом музее в г. Истра, возвратилась на работу в ККМ. Летом 1938 г. ККМ организовал научно-исследовательскую экспедицию по изучению природы Коломенского края. Коллекции и гербарии, образцы полезных ископаемых нашли отражение в экспозиции отдела природы.

⁶ Коломенский музей Революции // Газ. «Коломенский рабочий». 1936, 27 июня.

⁷ Васильев Г. В мастерской зоолога // Газ. «Коломенский рабочий». 1937, 8 января.

Ил. 3. Таксидермист П.Т. Удоев и научный сотрудник отдела Природы З.В. Пугачева. 1938 г. Эта и последующие иллюстрации предоставлены главным хранителем Коломенского краеведческого музея А.М. Дымовой.

Необходимо отметить, что большой вклад в дело организации и развития ККМ внесли его первые руководители: А.И. Мурин, В.С. Аксенов и И.А. Дорогутин.

К сожалению, сталинские репрессии коснулись и работников музея. Отсидел в лагерях В.С. Аксенов. Погиб И.А. Дорогутин. В Книге памяти жертв политических репрессий города Коломны и Коломенского района о нем сообщено: «Родился в 1897 году в г. Кашин Калининской обл. Образование высшее. Работал сотрудником ККМ. Жил в Коломне, ул. Рязанская, д. 13. Арестован 5.05.1937 г. Назначена высшая мера наказания — расстрел. Приговор приведен в исполнение 2.07.1937 г.»⁸.

В архиве ККМ сохранился Протокол совещания при президиуме Коломенского горсовета от 29.09.1938 г. по вопросу охраны памятников старины и архитектуры и о выполнении решения Президиума Горсовета от 7.06.1938 г. № 16 по вопросу о приведении в порядок закрытых церковных зданий. Докладчики тов. Карпачева (краеведческий музей) и тов. Кожевников (городской архитектор). В вынесенном постановлении совещания отмечена удивительная «вина» репрессированных музейных работников. «Отметить, что со стороны гороно и дирекции краеведческого музея к охране памятников старины и архитектуры г. Коломны до сих пор была проявлена преступная халатность и беспечность, благодаря чему и под покровительством врагов народа, орудовавших как в музее, так и в президиуме Горсовета бывшего состава, памятники в г. Коломне приведены в полную запущенность, некоторые угрожают обрушениями (башни кремлевских стен, шатровая церковь и т. д.), а часть кремлевских стен совершенно разобрана. (...) В 1937 году имеющиеся специальные средства на ремонт и реставрацию памятников по причине бездеятельности и беспечности дирекции музея были списаны»⁹.

⁸ Книга памяти жертв политических репрессий города Коломны и Коломенского района. Коломна, 2002. С. 39.

⁹ Архив ККМ. Д, 53. Л. 12.

Общегосударственную политику по борьбе с религией, приведшую к закрытию и разрушению церквей, органы НКВД в Коломне поставили в вину сотрудникам местного музея!

Последний предвоенный 1940 год музей продолжал активно работать. В городском отчете отмечено, что «за 11 месяцев пропущено через музей 9057 человек посетителей, из которых рабочих и служащих 2778 чел., колхозников 250 чел., и школьников 6029 чел. Из общего числа посетителей было обслужено экскурсиями 5865 чел., что составляет 64,7% от общего числа посетителей музея. За это же время в музее было организовано 4 выставки (к Ленинским дням, ширпотреб и др.) и вне музея было организовано 3 выставки-передвижки (антирелигиозная, с/хозяйственная к посевной и уборочной кампаниям и ко дню призыва в РККА), которые обслужили 7 колхозов и районный Дом культуры, охватив общее кол-во 3450 чел. Силами сотрудников музея на предприятиях, учреждениях и колхозах было прочитано 26 лекций и докладов по истории г. Коломны с охватом 4600 чел. Проведено 4 экскурсии по местам исторических памятников г. Коломны с охватом 200 чел. экскурсантов. Охвачено 100 человек педагогов, агитаторов, школьников и других трудящихся города консультацией по истории г. Коломны и др. краеведческим вопросам за 11 мес. текущего года. Совместно с педагогами-историками организованы три краеведческих кружка (в шк. № 10, 22, 24) при школах по изучению истории г. Коломны. За это же время была освещена работа музея по радио 10 раз и в местной печати 5 раз. Заканчивается перестройка и планируется открытие к 1 янв. 1941 г. отдела социалистического строительства, в котором будут открыты новые три раздела по периодизации краткого курса истории ВКП(б)»¹⁰.

Коломенцы с удовольствием пополняли фонды музея, передавая туда необычные находки. В местной печати тогда можно было прочитать: «На днях колхозник с. Леонтьева Н.А. Самеонов удил на р. Коломенка рыбу. Неожиданно он увидел под берегом большой дугообразный изогнутый предмет. Это оказался бивень мамонта длиной 2 м 10 см, диаметр 14 см. Бивень передан музею»; «На днях рабочий завода им. Куйбышева А.И. Чиркин нашел в окрестностях с. Сергиевские Выселки зуб мамонта. Эту находку он подарил Коломенскому музею»; «Колхознику дер. Борисово А. Баутину во время вспашки попала кубышка, в которой было 0,5 кг серебряных копеек времен Ивана Грозного, Петра Великого и Иоанна Алексеевича. Находка передана в музей»¹¹.

¹⁰ О культурном обслуживании трудящихся гор. Коломны. Докл. к пленуму Коломенского горкома ВКП(б) 18 декабря 1940 г. Фонды ККМ. Служебный архив. Машинопись. С. 13 – 14.

¹¹ Удоев П. Найден бивень мамонта // Газ. «Коломенский рабочий». 1939, 24 июня; Удоев Н. Найден зуб мамонта // Газ. «Коломенский рабочий». 1939; Интересная находка // Газ. «Коломенский рабочий». 1941, 11 июня.

Во время Великой Отечественной войны музей продолжал работать, несмотря на то, что большинство работников были призваны в армию. На фронте погибли сотрудники ККМ – поллитрук И.Г. Мишин и младший лейтенант В.Г. Кононов.

Из Отчета ККМ за 1942 г. следует, что на содержание музея тогда было ассигновано по бюджету 45 тыс. р.; входной платы получено 850 р.; всего поступило 24450 р. Музейный штат состоял из 7 человек, из них 2 научных сотрудника: «Кукин И.П. Директор. Образование незак. высш. историч. факультет. Стаж раб. – 8 мес.; Седелева А.Н. научн. сотр. отд. соц. строительства. Образование незаконч. высшее. Стаж раб. 4 мес.».

В 1944 г. работники музея принимали участие в обследовании сохранности городских памятников архитектуры.

После окончания войны в ККМ вернулся опытный сотрудник А.И. Гужов. Он был назначен директором музея 1 сентября 1946 г. в связи с уходом бывшего руководителя И.П. Кукина на учебу.

О состоянии ККМ и условиях труда работников музея в послевоенное время дают яркое представление отчеты его руководителя А.И. Гужова за 1947 – 1948 гг.¹² «Первоначально музей находился в системе народного образования Горно Коломны, где были организованы выставки по истории и соц. строительству г. Коломны и района. Формальное основание музея было в 1932 году. Музей находился вначале в башне Марины Мнишек. В 1935 году музей получил второе помещение, только что закрытую церковь Михаила Архангела, состоящей из 2-х больших зал. Здание каменное и холодное. С 1936 – 1937 годов вся экспозиция музея размещалась в этом церковном здании. Из надворных построек имелся один сарай. Это церковное здание состояло из двух церквей: зимней и летней. В первом зале отопительная система состояла из большого калорифера, который требует много топлива и сейчас в негодном состоянии. Этот зал с 1941 г. по настоящее время не отапливается. В другом зале три голландские печи, построенные в 1937 г. С 1941 г. этот зал не отапливается за неимением топлива. Имеются два рабочих кабинета, но они не отапливаются, и работать зимой там невозможно. Весь коллектив музея работает в прихожем небольшом вестибюле, в котором имеется голландская печь. Площадь музея 630 кв. м., комнат 5, занято под экспозицию 3 зала 600 кв. м. Из оборудования в музее: витрин – 10 штук, шкафов – 5 штук, подставок – 15 штук, столов – 4 штуки, стеллажей нет, стульев – 10 штук, штор на 25 окон, дорожек нет. Количество предметов в экспозиции 3 тыс. Стационарных и временных выставок – 8. Помеще-

¹² КГА. Ф. № 103. Д. 20. Л. 3. Д. 34. Л. 4.

ние фондохранилища 2 комнаты – 40 кв. м, требуют ремонта. Оборудование: стеллажей – 5 штук, шкафов – 3 шт., сундуков нет, полок нет, кол-во предметов, находящихся в фондах 6 тыс. Собрано за 1947 год – 500. Средн. посещаемость в день – 30 чел.».

Неудивительно, что вскоре музей был закрыт на ремонт, так как из-за аварийного состояния не мог выполнять идеологические и просветительные функции.

На протяжении следующих 20 лет ККМ еще два раза капитально ремонтировался. В сводах здания появился второй этаж, сделаны угольная котельная и паровое отопление. Подведены канализация и водопровод.

Экспозиции музея обновлялись к круглым юбилеям Советского государства согласно постановлениям местных партийных властей – таким, как, например, Постановление бюро ГК КПСС от 28 июня 1961 г. «Об обновлении экспозиций отдела Советского периода ККМ».

Последняя постоянная музейная экспозиция в бывшей церкви Михаила Архангела появилась в 1971 г.

В эти годы не прекращалась выставочная деятельность музея. В местной печати постоянно появлялись сообщения о новых выставках. Например: «Осенью прошлого года сотрудники ККМ провели несколько краеведческих походов по долине реки Смедвы и деревни Дулебино, где в XIX в. жил известный русский писатель и художник Дмитрий Васильевич Григорович. На основании собранных материалов музей открыл в отделе истории интересную выставку»¹³. Была открыта выставка «Наш друг Чехословакия» во время городского месячника советско-чехословацкой дружбы (с 5 мая по 5 июня 1966 г.). Местные коллекционеры, сотрудничая с ККМ, организовывали в музее выставки – такие, как, например, «Денежные знаки Страны Советов» в 1974 г.¹⁴

В 1971 г. ККМ вернули Маринкину башню. Местная пресса отметила: «В этом году Маринкина башня полностью отреставрирована и передана ККМ. Сейчас музей вместе с художниками города готовит экспозицию «История строительства Коломенского кремля», чтобы в июле развернуть ее в башне. Коломенская (Маринкина) башня открыта для осмотра. Часы и дни работы: понедельник, суббота и воскресенье с 14 до 17 часов. Цена за вход 5 копеек. Вход в башню с улицы Лажечникова по Советскому переулку»¹⁵. К сожалению, план музеефикации не был доведен до конца.

¹³ Гужов А. Выставка, посвященная Д.В. Григоровичу // Газ. «Коломенская правда». 1961, 12 февраля.

¹⁴ Королев Г. Денежные знаки Страны Советов. Выставка в краеведческом музее // Газ. «Коломенская правда». 1974, 7 февраля.

¹⁵ Ахшарумова Н. Директор ККМ. Маринкина башня открыта // Газ. «Коломенская правда». 1971, 6 июля.

Ил. 4. Заседание Совета музея. В центре — Алексей Иванович Гужов, заведующий отделом Истории. 1963 г.

Ил. 5. Обсуждение проектов экспозиции музея. Слева — Наталья Александровна Ахшарумова, справа — Сергей Семенович Аксенов, председатель Совета музея. 1969 г.

Ил. 6. «Современная Коломна» — раздел первой музейной экспозиции 1956 — 1969 гг. (круглый зал).

Ил. 7. Первая экспозиция музея. 1956 — 1969 гг.

Ил. 8. Экспозиция «Коломна в годы Великой Отечественной войны», посвященная юбилею Победы. 1965 г.

Ил. 9. Персональная выставка Н.С. Ниловой. 1960-е гг.

Ил. 10. Первая экспозиция музея. 1956 – 1969 гг.

Более удачный проект в те годы – это организация филиала ККМ – Музея боевой славы. Он был открыт 26 августа 1977 г. в бывшей церкви Петра и Павла. За двадцать лет дважды проводился капитальный ремонт здания и трижды основательно менялась экспозиция. В третий раз музей был открыт для посетителей 8 мая 1995 г.¹⁶

В 1980-х гг. стратегическим направлением развития музея городскими властями определена реставрация и музеефикация пришедших в аварийное состояние зданий коломенских храмов и на этой основе создание в городе Историко-архитектурного музея-заповедника. Благодаря большой инициативной работе директора ККМ В.В. Сергеевой, в 1989 г. в Успенской церкви Брусенского монастыря был открыт филиал музея – «Шатровое зодчество Коломенского края». В отреставрированной Крестовоздвиженской церкви у Пятницких ворот практически открывался выставочный зал музея. Значительно продвинулась реставрация Дома Лажечниковых – филиала ККМ.

¹⁶ Кузовкин А.И. Коломенский музей боевой славы. Коломна, 1997.

В целом развитие музея шло по восходящей линии. Многочисленные выставки обеспечивали хорошую посещаемость музея. Результатом стало первое место по итогам работы в 1989 г. среди музеев области.

Но распад Советского союза и изменение идеологии в новой России поставили крест на планах развития КKM. Практически с 1993 г. встал вопрос о выводе экспозиций музея из церковных зданий. Экспозиция КKM оказалась фактически чуждой новой идеологии страны.

Была разрушена экспозиция «Шатровое зодчество Коломенского края», а Успенский и Крестовоздвиженский храмы переданы Русской Православной Церкви. При Петропавловской и Архангела Михаила церквях были созданы общины верующих.

В новых, тяжелых экономических условиях музей продолжал работать. Инициатива создания новых выставок шла от работников музея. За 1991 г. в залах КKM открыто 5 выставок. Среди них, например, такие яркие, познавательные и актуальные, как «Быль и сказка о медведе», привезенная из Государственного Дарвиновского музея; «Коломна исто-

Ил. 11. Научные сотрудники музея. Слева направо: А.М. Дымова, Л.А. Павлова, С.И. Самошин, И.В. Маевский, Л.Б. Рябкова. 1989(90?) г.

Ил. 12. Слева направо:
А.М. Дымов, И.И. Дрыга,
С.И. Самошин, С.Н. Козина.
Выставка в ДК «Коломна».

рическая» (по материалам пленера художников); «Хроника остановленного времени (Коломна в годы Великого эксперимента)». В 1992 г. открыты выставки: «Искусство, рожденное огнем (керамика, фарфор из фондов КKM)»; вызвавшая большой интерес у коломенцев выставка «Японские куклы», предоставленная посольством Японии; выставка работ учащихся Коломенской художественной школы. В 1993 г. работала выставка «Недаром помнит вся Россия», предоставленная Бородинским военно-историческим музеем-заповедником. В 1994 г. в КKM открыта выставка «Археология Коломны», приуроченная к 90-летию начала археологического изучения Коломны. В 1996 г. работала необычная выставка «Старинная русская метрология». В 2000 г. работала выставка «Русское общество, или сословные черты в русском живописном портрете XVIII – XIX веков», открытая совместно КKM и Историко-архитектурным и художественным музеем «Новый Иерусалим».

Активизировалась научная работа сотрудников музея. Были изданы два выпуска научных трудов музея¹⁷, несколько буклетов и путеводителей¹⁸.

¹⁷ Краеведческие записки. Сб. науч. тр. КKM. Коломна, 2001; Краеведческие записки. Сб. науч. тр. КKM. Лажечников и Коломна. Коломна, 2005. Вып. 2.

¹⁸ Маевский И. Архитектурные памятники Коломны. Коломна, 1993; Маевский И., Рябкова Л. Короткое путешествие по Коломне пешком и на трамвае. Коломна, 1993; Мазуров А. Археология Коломны. М., 1994.

Ил. 13. Экспозицию Коломенского краеведческого музея в помещении церкви Архангела Михаила посещает митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий. Слева направо: Н.В. Маркелова, А.А. Мешканцов, Л.А. Павлова, А.М. Дымова, И.И. Дрыга, В.И. Шувалов, Н.И. Шепелев, митрополит Ювеналий, С.И. Самошин.

Ил. 14. Экскурсию по выставке «Дары коломенцев музею» в новом здании краеведческого музея проводит для митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия сотрудник краеведческого музея Л.Б. Рябкова. 2008 г.

Ил. 15. Передача главному хранителю краеведческого музея А.М. Дымовой ученицами и преподавателями школы № 3 найденной енды. 2008 г.

В 2006 г. руководством города принято решение о передаче храма Архангела Михаила верующим и переводе ККМ в комплекс зданий по ул. Лажечникова, д. 15. На средства города была проведена большая реставрация обветшавших зданий, переданных музею. В 2007 г. в готовом зале нового экспозиционного корпуса стали работать музейные выставки. Первая из них – выставка «Коломенское ремесленное производство. Продукция и традиции». В январе 2008 г. открылись для посетителей все пять залов.

* К моменту выхода последней прижизненной публикации в Доме Лажечникова закончены.

Заканчивается реставрация Дома Лажечникова*. По всей видимости, городскими властями музею передаются гражданские памятники архитектуры: «Дом Луковникова» и «Дом воеводы».

Можно надеяться, что возрождается линия на реорганизацию ККМ в историко-художественный музей-заповедник.

Биографическая справка об авторе**

** Настоящая статья стала последней прижизненной публикацией С.И. Самошина. Издатели сборника сочли уместным привести после настоящей статьи биографическую справку об авторе, а также библиографию газетных и научных статей С.И. Самошина. Указанные материалы предоставлены Коломенским краеведческим музеем.

САМОШИН Сергей Иванович (1958 – 2009).

В 1988 г. начал работать в ККМ экскурсоводом, а в 1990 г. стал заведующим филиалом «Памятники архитектуры шатрового зодчества Коломны» на территории Коломенского кремля.

В 1990-х гг. самостоятельно проводил раскопки на территории Старо-Голутвина и Брусенского монастырей.

В 1995 г. стал научным сотрудником отдела истории дореволюционного прошлого Коломны.

С 2006 г. – заведующий отделом Истории ККМ.

С 2008 г. работал над концепцией экспозиции по истории Коломны с древнейших времен по XVIII в., над концепцией музея истории Коломенского кремля, над концепцией музея «Дом Лажечникова», концептуально подготовил выездную выставку музея «Из церкви в усадьбу» в рамках областной выставки «Культурная реальность Подмосковья» в ВЦ «Крокус-Экспо» (Москва) и выступил ее ведущим экспозиционером.

В 2000-х гг. заочно обучался в аспирантуре при кафедре истории КГПИ. Работал над темой кандидатской диссертации «Денежное обращение Московского края в XIV – XVII вв.». Опубликовал на эту тему несколько статей. Регулярно выступал на международных, всероссийских, региональных конференциях.

Сергей Иванович Самошин – автор нескольких изданий и научных публикаций по истории Коломны в сборниках краеведческого музея, КГПИ, Института археологии.

Библиография газетных и научных статей**С.И. Самошина**

Самошин С.И. Клад русских монет середины XVI века из Коломны // Материалы для энциклопедии «Коломенский край» / Сост. Н.С. Ватник. Коломна, 1997. Вып. 2. С. 20 – 22.

Самошин С.И. Археологические исследования в Брусенском монастыре г. Коломны // Материалы для энциклопедии «Коломенский край». Коломна, 1997. Вып. 3. Ч. 1.

Галузин Л.Н., Кокорин Ю.Л., Самошин С.И. Открытки с видами Коломны (1899 – 1916) // Материалы для энциклопедии «Коломенский край» / Сост. Н.С. Ватник. Коломна, 1998. Вып. 5. С. 25 – 31.

Самошин С.И. Древнерусский грунтовый могильник первой половины XIII века в селении Маливо Коломенского района // Материалы для энциклопедии «Коломенский край» / Сост. Н.С. Ватник. Коломна, 1998. Вып. 4.

Самошин С.И. Из истории сел и деревень Коломенского края: Молитвино // Вопрос-ответ. Пятый специальный краеведческий выпуск. 10 мая, 2001. № 39 (227). С. 19 – 20.

Самошин С.И. Археологические наблюдения в Старо-Голутвине монастыре г. Коломны // Краеведческие записки. Сб. науч. тр. ККМ. 2001.

Денисов А.Е., Самошин С.И. История коломенских фотозаведений. 1874 – 1917 гг. // Вопрос-ответ. Пятый специальный краеведческий выпуск. 10 мая, 2001. № 39 (227). С. 3 – 8

Самошин С.И. «День рождения» Коломны // Краеведческий альманах «Край родной Коломенский». 2002. Вып. 1.

Самошин С.И. Молитвино // Краеведческий альманах «Край родной Коломенский». 2002. Вып. 1.

Самошин С.И. Кольчево Большое и Малое // Краеведческий альманах «Край родной Коломенский». 2002. Вып. 1.

Ломако Е.Л., Самошин С.И. История Коломны в датах / Управление образования города Коломны. Муниципальный методический центр. Справочное пособие. Коломна, 2002.

Самошин С.И. Клад русских монет конца XIV – начала XV века из окрестностей Коломны // История и культура Подмосковья: проблемы изучения и преподавания. Тез. докл. областной науч.-прак. конф. КГПИ, 2003.

Самошин С.И., Сыроватко А.С. Нумизматические находки из раскопок 2003 года в Коломне // Археология Подмосковья. Материалы науч. семинара. М., 2004.

Дымова А.М., Самошин С.И. Документы семьи И.И. Лажечникова из фондов ККМ // Краеведческие записки. Лажечников и Коломна. Сб. науч. тр. Коломна. 2005. Вып. 2. С. 16 – 21.

Мазуров А.Б., Самошин С.И., Сыроватко А.С. Средневековые монетные гирьки и веса из раскопок в Коломне // Археология Подмосковья. Материалы науч. семинара. М., 2005. Вып. 2.

Самошин С.И. Собрание средневековых русских монетных кладов в фондах ККМ (история комплектования) // История и культура Подмосковья: проблемы изучения и преподавания. Сб. материалов II областной науч.-прак. конф. (Коломна. 19 мая 2005 г.). Коломна, 2005. С. 188 – 191.

Самошин С.И. Монеты Владимира Андреевича Серпуховского из коломенского клада // Вестник КГПИ. Коломна, 2006. № 1.

Самошин С.И. Коломна в старых фотографиях // Историко-краеведческий альманах «Подмосковный летописец». М., 2007. № 2 (12).

Самошин С.И. Путешествие в старую Коломну. Коломна, 2007.

Коломна. Прошлое и настоящее: комплект двухсторонних открыток / Текст, подбор открыток и фотографий С.И. Самошина. Коломна, 2008.

Коломна в старых открытках (1898 – 1916). Набор открыток. Репринтное издание / Ред.-сост. С.И. Самошин. Коломна, 2007.

Сведения об авторах и составителях

Аверьянов Константин Александрович – доктор исторических наук, руководитель Группы исторической географии Института российской истории РАН.

Барсукова Анжелика Владимировна – аспирант кафедры истории ГОУ ВПО МО «Коломенский государственный педагогический институт».

Викторович Владимир Александрович – доктор филологических наук, профессор ГОУ ВПО МО «Коломенский государственный педагогический институт», заведующий кафедрой литературы.

Глазунова Ольга Николаевна – старший научный сотрудник ИА РАН.

Григорьева Светлана Алексеевна – заведующая методическим отделом Межпоселенческой центральной библиотеки им. И.И. Лажечникова.

Козлова Анна Юрьевна – кандидат филологических наук, ГОУ ВПО МО «Коломенский государственный педагогический институт».

Крогиус Владимир Ренэвич – кандидат архитектуры, ЗАО «ИНРЕКОН» (Научный и проектный институт реконструкции исторических городов, разработки и внедрения прогрессивных строительных систем).

Лаврентьев Александр Владимирович – кандидат исторических наук, Государственный Исторический музей.

Лобакова Ирина Анатольевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН.

Ломако Евгений Львович – кандидат исторических наук, Коломенский краеведческий музей.

Мазуров Алексей Борисович – доктор исторических наук, профессор, ректор ГОУ ВПО МО «Коломенский государственный педагогический институт».

Мазурова Наталья Борисовна – сотрудник Коломенского краеведческого музея.

Маханько Мария Александровна – кандидат искусствоведения, старший редактор редакции церковной археологии и искусства церковно-научного центра РПЦ «Православная энциклопедия».

Мельник Александр Гаврилович – кандидат исторических наук, Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль».

Мильчик Михаил Исаевич – кандидат исторических наук, НИИ «Спецпроектреставрация».

Морозов Дмитрий Александрович – переводчик, ФГУ Российская государственная радиовещательная компания «Голос России».

Орловский Станислав Петрович – член Союза архитекторов России, академик Академии архитектурного наследия, руководитель творческой реставрационно-проектной мастерской.

Павлович Марина Кировна – кандидат исторических наук, Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль».

Полознев Дмитрий Федорович – кандидат исторических наук, доцент кафедры краеведения и музеологии Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова.

Сазонов Сергей Вячеславович – Группа PRO-НАСЛЕДИЕ.

Самошин Сергей Иванович – заведующий отделом истории Коломенского краеведческого музея.

Сыроватко Александр Сергеевич – кандидат исторических наук, руководитель МУ «Коломенский археологический центр».

Чернов Сергей Заремович – доктор исторических наук, Институт археологии РАН.

Ярхо Валерий Альбертович – писатель-историк.

Список сокращений

- АИ** – Археологические исследования
АН – Академия наук
АО – Археологические открытия
АН СССР – Академия наук Союза Советских Социалистических Республик
БАН – Библиотека Российской академии наук
ВИ – Вопросы истории
ВНИИР – Всесоюзный научно-исследовательский институт реставрации.
ВООПИК – Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры
ВЦИК – Всероссийский центральный исполнительный комитет
ГИМ – Государственный Исторический музей
ГММК – Государственный музей Московского Кремля
ГПИБ – Государственная публичная историческая библиотека
ГРМ – Государственный русский музей
ГТГ – Государственная Третьяковская галерея
ГУГК – Главное управление геодезии и картографии
ГУЛАГ – Главное управление исправительно-трудовых лагерей, трудовых поселений и мест заключения
ДДГ – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV – XVI вв.
ИА РАН – Институт археологии Российской Академии наук
ИМАО – Императорское Московское археологическое общество
ИОРЯС – Известия Отделения русского языка и словесности
КГА – Коломенский городской архив
КГПИ (ГОУ ВПО МО «КГПИ») – государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования Московской области «Коломенский государственный педагогический институт»
ККМ – Коломенский краеведческий музей
КСИА – Краткие сообщения Института археологии
МАМЮ – Московский архив Министерства юстиции
МАО – Московское археологическое общество
МППИ – Московский государственный педагогический институт
МООНО – Московский облоно
Музеи Московского Кремля – Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль»
Обком – областной комитет Коммунистической партии Советского Союза
ОдИБ МАМЮ – Опись документов и бумаг Московского архива Министерства юстиции
ОГПУ – Объединенное государственное политическое управление

- ОЛДП** – Общество любителей древней письменности
- ОРПГФ** – Отдел рукописных, печатных и графических фондов
- ПДА** – Петербургская духовная академия
- ПКНО** – Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник
- ПСЗРИ** – Полное собрание законов Российской империи
- ПСРЛ** – Полное собрание русских летописей
- РА** – Российская археология
- РАН** – Российская Академия наук
- РГАДА** – Российский государственный архив древних актов
- РГБ** – Российская государственная библиотека
- РГВИА** – Российский государственный военно-исторический архив
- РГИА** – Российский государственный исторический архив
- РГНФ** – Российский гуманитарный научный фонд
- РЖВ** – ранний железный век
- РНБ** – Российская национальная библиотека
- РО МГАМИД** – Русский отдел Московского главного архива Министерства иностранных дел
- РФФИ** – Российский фонд фундаментальных исследований
- СА** – Советская археология
- СПбФ ИВ РАН** – Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН
- ОР** – Отдел рукописей
- ОРЯС ИАН** – Отделение русского языка и словесности Императорской Академии наук
- ТАС** – Тверской археологический сборник
- ТОДРЛ** – Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы РАН (Пушкинский дом)
- Тр. ГИМ** – Труды Государственного Исторического музея
- ФГУ ГИКМЗ «Московский Кремль»** – Федеральное государственное учреждение «Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль»»
- ЦГИАМ** – Центральный государственный исторический архив Москвы
- ЦИАМ** – Центральный исторический архив Москвы
- ЦИК СССР** – Центральный исполнительный комитет Союза Советских Социалистических республик
- ЦК КПСС** – Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза
- ЦНРМ** – Центральные научно-реставрационные мастерские
- ЦМиАР** – Центральный музей древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева
- ЧОИДР** – Чтения в Обществе истории и древностей российских
- ЧОЛДП** – Чтения Общества любителей древней письменности

Коломна и Коломенская земля История и культура

Научное издание

Составители *А.Г. Мельник, С.В. Сазонов*

Технический редактор *Е. Перевезенцева*

Дизайн, верстка *И. Зайцев*

В сборнике использованы иллюстрации,
предоставленные авторами публикуемых материалов
(за исключением случаев, указанных особо).

Ни одна часть издания не может быть воспроизведена
без предварительного письменного разрешения издателя.

Благотворительный фонд поддержки культуры
и сохранения исторического наследия «Коломенский кремль»

Тел.: 8 (495) 767-51-23

web: www.kolomna-kreml.ru e-mail: fond@kolomna-kreml.ru

Издательский дом «Лига»

140400, Московская обл., Коломна, ул. Лажечникова, 5

Тел.: (496) 616-11-32

web: www.liga.org.ru e-mail: ligaprint@gmail.com

Отпечатано в ЗАО «ПРИЗ»

390010, Рязань, проезд Шабулина, 4

Подписано в печать 01.12.2009

Бум. офсетная. Гарнитура «Ньютон»

Формат 70x100 1/16. Печать офсетная

Усл. печ. л. 26,5. Тираж 500 экз. Заказ 1241

В основу сборника легли материалы научной конференции «Коломна и Коломенская земля. Историко-культурное наследие и современность» (Коломна, 3 – 5 октября 2008 г.). В издании отражены основные периоды истории Коломны и окружающего ее региона, от раннего средневековья до наших дней.